

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Лев Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский

Глава 1 Во главе революции

1. Превращение в образцового большевика

В руководстве большевистской партии освобожденный Временным правительством из тюрьмы Троцкий оказался самым главным, самым умным, самым опытным и самым радикальным лидером. Дело в том, что в этот период Ленин и Зиновьев все еще скрывались, а Каменев и Сталин продолжали занимать умеренные (по большевистским параметрам) позиции, сдерживая наиболее нетерпеливых большевиков, готовых следовать призывам Ленина о немедленном взятии власти. Бухарин оставался сугубым, хотя и крайне поверхностным, теоретиком и никакого отношения к практической или военной работе не имел.

Между тем военная работа становилась основной. Уже в марте 1917 г. [1] при Петербургском комитете РСДРП была образована Военная организация. Петербургский комитет, несмотря на переименование столицы после начала мировой войны, оставался Петербургским, а не Петроградским, так как революционеры отказались поддержать переименование города, вызванное патриотическими и антигерманскими чувствами правительства и народа. Поддерживать новое «русское» название было то же самое, что солидаризироваться с правительством в вопросе о войне с Германией. В апреле 1917 г. Военная организация была преобразована в Военную организацию при ЦК РСДРП(б). Тогда же стало повсеместно употребляться сокращенное наименование Военка. В июне состоялась Всероссийская конференция военных организаций РСДРП(б), которая избрала Всероссийское бюро военных организаций под председательством Н.И. Подвойского [2]. Эта организация должна была стать основным инструментом большевиков для захвата в столице. Она же играла не последнюю роль во время первой неудавшейся июльской попытки военного мятежа. После выхода из тюрьмы Троцкий с семьей переселился из гостиницы в квартиру, которую сдавала «вдова буржуазного журналиста». Он позволял себе вести вполне «буржуазную» жизнь, пользуясь даже «трудовым наймом», например, имел кухарку Анну Осиповну, которая ходила по поручению семьи Троцкого «в домовую комитет за хлебом» [3]. Быт был не из легких. Дворник ненавидящими глазами смотрел на Наталью Ивановну, которая по вечерам возвращалась домой с работы (она устроилась на канцелярскую должность в профсоюзе деревообделочников). Младшего Льва буквально травили в школе, придумав для него презрительно звучащую кличку «председатель». Так что, когда дело переходило от митинговых речей и шумных возгласов одобрения толпы к прозе жизни, большевики отнюдь не пользовались поддержкой населения.

Однако внезапно у семьи появился энергичный и сильный покровитель. Им был матрос Балтфлота Н.Г. Маркин [4]. Этот не очень грамотный большевик проникся к Троцкому и особенно к его детям симпатией и стал буквально их опекуном. Седова вспоминала, что Маркин обратил внимание на детей, которым исполнилось соответственно 12 и 10 лет, в Смольном институте, куда они часто приходили. Маркин – крупный, довольно неуклюжий парень, с нависшими бровями, внимательными глазами и постоянной улыбкой – очень полюбил детей. Он рассказывал им о своей личной жизни, которая была разрушена «неверностью женщины» [5], угощал детей бутербродами в столовой Смольного и учил их стрелять из револьвера, видимо считая, что это единственное, что в революционной России должны уметь дети. И дети действительно привязались к Маркину, тем более что у родителей не было времени ими заниматься. (Когда Лева вырастет и станет последователем отца, он возьмет себе псевдоним Н. Маркин – в честь матроса Николая Маркина.)

Используя в полном смысле слова методы устрашения по отношению к соседям и всем тем, кто окружал Троцких, Маркин превратил семью Троцкого из гонимых в господ. Троцкий описывал происходившее вполне невинно: «Маркин заглянул к старшему дворнику и в домовую комитет, притом, кажется, не один, а с группой матросов. Он, должно быть, нашел какие то очень убедительные слова, потому что все вокруг нас сразу изменилось. Еще до октябрьского переворота в нашем буржуазном доме установилась, так сказать, диктатура пролетариата. Только позже мы узнали, что это сделал приятель наших детей, матрос балтиец» [6]. Не нужно обладать большим воображением, чтобы представить себе, какие такие «убедительные слова» нашел полуматрос полубандит Маркин, приехавший в домовый комитет с группой вооруженных балтийских моряков.

Еще одним человеком из непосредственного окружения Троцкого стал 19 летний студент И. Познанский, который вначале тайно охранял Троцкого, следуя за ним

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.o
тенью, а затем превратился в его доверенное лицо, личного секретаря, буквально влюбленного в своего начальника и лично глубоко преданного. Познанский был секретарем Троцкого до 1927 г., затем подвергся арестам и ссылкам, а в 1938 г. был расстрелян в Воркутинском концлагере [7] .

В Петроградском Совете, куда Троцкий снова стал ходить на заседания, освобождаясь из Крестов, ситуация теперь резко изменилась. После провала Корнилова часть колеблющихся членов Совета, ранее поддерживавшая меньшевиков и эсеров, стала склоняться к большевикам, а 1 сентября Совет большинством голосов принял резолюцию о текущем положении, предложенную большевиками и содержавшую их политические требования. Дальнейшему «полевению» Совета способствовала возобновившаяся в нем бурная деятельность Троцкого. 9 сентября Троцкий произнес речь на общем собрании Совета, где присутствовало до тысячи человек. Собрание впервые состоялось в актовом зале Смольного института благородных девиц, куда Совет временно переехал в связи с тем, что в Таврическом дворце начался ремонт из за предстоявшего созыва там Учредительного собрания. Вот как описывала заседание питерская газета: «Белый двухцветный актовый зал Смольного института с нежно белыми колоннами, конечно, никогда не видел в своих стенах такого огромного количества народа. Длиннейшая очередь у входа, непроходимая толча в зале. Воинский караул, не пускающий гостей, и строжайший контроль, и угроза провала пола под тяжестью тысячной толпы» [8] .

Встреченный бурной овацией, Троцкий посвятил свое выступление событиям 3 – 5 июля [9] . Он утверждал, что выступление солдат и матросов носило стихийный характер, что остановили его именно большевики, что «активное выступление рабочих и солдат было бы в настоящее время ударом для нас», но в случае удара Временного правительства последнему будет дан отпор. Троцкий взял под защиту Ленина, по поводу которого с места кто то выкрикнул: «А Ленин держит себя достойно, укрываясь от суда?» – «Ленин был прав, отказавшись сесть в тюрьму», – заявил Троцкий под неодобрительные возгласы части аудитории.

После выступления Троцкого была принята подготовленная им резолюция, носившая чисто большевистский характер, в которой осуждались аресты, произведенные после июльских событий, выдвигалось требование освобождения революционеров, все еще находившихся в тюремном заключении, полностью оправдывалось поведение Ленина и Зиновьева [10] . В этот же день на заседании Совета был поставлен вопрос о его президиуме. Это было связано с тем, что после принятия большевистской резолюции председатель Совета меньшевик Церетели заявил о своей отставке, а большевистская фракция, воспользовавшись этим, потребовала перевыборов всего президиума [11] . Умеренный Каменев предложил избрать коалиционный президиум на основе пропорционального представительства [12] . Большевики и эсеры составили совместный список. Но Троцкий предложил выбирать руководство не на пропорциональной основе, а по настроению собрания (настроение было в тот день приподнятое, иными словами радикальное, то есть в пользу большевиков). О настроениях Совета свидетельствует рассказ газеты о том, как встречали выходящего на трибуну Троцкого: «Почти весь зал встречает его бурными, продолжительными аплодисментами» [13] . В результате был утвержден предложенный большевиками состав Исполкома в количестве 22 человек, а 25 сентября Троцкий был утвержден председателем президиума – важного административного органа, реальное политическое влияние которого теперь намного превосходило его официальные функции [14] .

В этот момент Петроградский Совет под руководством Троцкого превратился в важнейшее звено в подготовке большевиков к захвату государственной власти. Седова вспоминала, что Церетели, передавая Троцкому полномочия председателя Совета, бросил фразу: «Может быть, вам и удастся продержаться три месяца» [15] , имея в виду, разумеется, не лично Троцкого, а большевистское руководство Совета. Так «возникло советское двоецентрие – меньшевистско эсеровский ВЦИК Советов и Петроградский Совет большевистской ориентации» [16] .

Еще в то время, когда Троцкий находился в тюрьме, его имя стало появляться в протоколах заседаний ЦК большевистской партии в качестве члена этого органа. Весьма любопытно, однако, что поначалу партийные «ветераны» относились к нему весьма настороженно. На заседании ЦК 4 августа было внесено предложение о том, чтобы после освобождения Троцкого из заключения включить его в состав редакции «Правды», куда входили уже И.В. Сталин, Г.Я. Сокольников и В.П. Милютин [17] . Предложение было, однако, отвергнуто 11 голосами против 10. До этого на заседании «узкого состава» ЦК было с явным недовольством воспринято сообщение, что Троцкий высказался против проведения голодовки политзаключенных, объявленной в тех самых Крестах, куда он был заключен. Однако после освобождения из тюрьмы Троцкий смог произвести столь благоприятное впечатление на большевистское руководство, что ему стали доверять во все возрастающей степени. Впервые он участвовал в заседании ЦК 6 сентября. На этом заседании вновь обсуждался вопрос

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.o

о составе редколлегии «Правды», называвшейся теперь «Рабочий путь», так как под своим изначальным названием газета была запрещена. На этот раз Троцкий был уже безоговорочно введен в состав редколлегии. Он стал также членом редакции партийного журнала «Просвещение» [18].

Важной проблемой, обсуждавшейся на этом заседании и ставшей весьма острой перед всем большевистским руководством, перед Петроградским Советом и всей левой общественностью, стала подготовка к созыву Демократического совещания (ДС). Решение о проведении ДС было принято ВЦИКом в связи с тем, что правительство Керенского находилось в состоянии перманентного кризиса и стремительно теряло влияние и власть. ВЦИК рассчитывал добиться на совещании левых партий, Советов, профсоюзов, кооперативов и других общественных организаций санкции на образование «ответственного министерства». Предполагалось впредь до созыва Учредительного собрания избрать временный полузаконодательный орган, который официально именовался бы Временным советом Российской республики (обычно его называли Предпарламентом) с подчинением ему правительства.

Открытие ДС было назначено на 12 сентября, затем отложено на два дня. Большевистский ЦК утвердил своими представителями Ленина, Зиновьева, Каменева, Троцкого и др. [19] На заседании Петросовета 11 сентября Троцкий произнес страстную речь, провозглашая необходимость создания ДС созданием новой власти «из своей среды». И именно Троцкий добился того, чтобы ДС фактически продублировал решение большевистского ЦК, избрав в члены ДС Ленина и Зиновьева, привлеченных к судебной ответственности и находившихся в подполье [20]. Это был прямой вызов существовавшей государственной власти, свидетельствующий о ее все более усиливавшейся недееспособности в условиях нарастающего кризиса.

14 сентября, в день открытия ДС, с большой речью на Совещании выступил премьер министр Керенский, дававший неопределенные обещания всем слоям населения касательно решения жизненных проблем, стоящих перед страной. Затем речь произнес военный министр А.И. Верховский [21], обрисовавший в целом крайне неутешительное положение на фронтах, фактически начавшееся разложение армии, неспособность военного командования обеспечить в войсках порядок и дисциплину. На следующий день большевистская фракция провела свое заседание, на котором Троцкий, по существу дела оказавшийся во главе, наметил линию поведения фракции. Необходимо добиваться, заявил он, чтобы ДС решительно отвергло коалицию с «цензовыми», то есть буржуазными, элементами. «Если это удастся провести, то это будет первым этапом перехода власти в руки Советов». Здесь же Троцкий зачитал декларацию, которую он намеревался огласить от имени партии на ДС, и получил полную поддержку [22].

Троцкий произнес большую речь на ДС 18 сентября, сразу же после оглашения декларации меньшевистско эсеровского большинства [23]. Оратор в свойственной ему манере издевался и над самой декларацией, и над предшествовавшими ей выступлениями министров и других небольшевистских деятелей. «Даже Пошехонов, вместо отчета, прочел нечто вроде стихотворения в прозе о преимуществах коалиции». Что же касается министра Зарудного, то, по словам Троцкого, смысл его выступления состоял в следующем: «Я тогда не понимал и сейчас не понимаю», что в правительстве «происходит».

Троцкий объявил утопией высказывавшиеся надежды на то, что в России будет установлен режим буржуазной демократии. Понимал ли он, что, провозглашая русский пролетариат «классом высшей формы концентрации революционной энергии», именно он, а не его оппоненты, в действительности проповедовал утопию? Определенный ответ на этот вопрос дать невозможно, но тот факт, что высказанная догма логически вписывалась в концепцию перманентной революции, позволяет предположить, что Троцкий воспринимал все сказанное им вполне серьезно. Говоря банально, Троцкий был фанатик.

Выступление Троцкого вызвало на ДС бурную реакцию. Если верить ремаркам большевистской газеты, после его окончания все поднялись и раздалась выкрики «Да здравствует революционер Троцкий!». Этому, правда, противоречат другие приводимые реплики, когда оратора неодобрительно прерывали, кричали ему «ложь!», «Демагогия!», «Довольно!»... Когда же Троцкий брезгливо произнес: «У вас есть Керенский, и этого с вас за глаза довольно», раздался такой взрыв протеста, что Троцкий вынужден был заявить: «Я буду молчать, пока в зале не установится тишина!» В репортаже следовала ремарка: «С большим трудом председателю удается восстановить тишину» [24].

В конце речи Троцкий огласил написанную им и утвержденную фракцией большевиков декларацию [25]. Документ по объему не уступал речи. В нем утверждалось, что перед движущими силами революции ребром поставлен вопрос о власти, что требование передачи всей власти Советам стало «голосом всей революционной страны». Декларация отвергала коалиционную власть, утверждая, что она неизбежно приведет к насилиям и репрессиям над низами, продолжению империалистической

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo. войны, отказу в передаче земли местным крестьянским комитетам еще до начала работы Учредительного собрания.

Выдвигались требования отмены частной собственности на помещичью землю, введения рабочего контроля над производством и распределением, объявления недействительными тайных договоров и немедленного предложения демократического мира, обеспечения прав наций на самоопределение и прежде всего отмены репрессивных мер против Финляндии и Украины.

Позиция большинства участников ДС в отношении речи Троцкого и озвученной им декларации была в тот же день спокойно и авторитетно суммирована Церетели, который даже несколько приукрасил их содержание, правда явно с иронической интонацией: «Здесь перед вами Троцкий прочитал красноречивую программу. Она сводится и к улучшению материального положения, и к шагам, которые пробуждают надежду на близость мира, и к целому ряду шагов, вплоть до быстрого урегулирования промышленности, транспорта и т. д. Но вы, товарищи, слышали также торжественное заявление, что это большевистская программа, но что они не стремятся сами захватить власть для осуществления этой программы. Это было торжественно заявлено. Товарищи, я знаю, это было с самого начала революции, так излагали эту программу, имеющую все совершенства, кроме возможности осуществления. И когда здесь Троцкий говорил в терминах, которые чрезвычайно характерны, говорил, что пролетариат делает свою историческую карьеру на том, что он оттягивает от буржуазной демократии некоторые слои и так далее, я скажу: нет, российский пролетариат делал великое дело служения освободительным идеалам, идеалам всего человечества, иными методами и иным путем, чем люди, допускающие характерную обмолвку об исторической карьере пролетариата. (Апл[одисменты] [26])».

Троцкий же, кажется впервые, под негодующий шум меньшинства аудитории и под рукоплескания большинства был назван «неудавшимся претендентом на бонапартизм» [27].

20 и 21 сентября Троцкий докладывал о работе ДС сначала на заседаниях рабочей секции и большевистской фракции, а затем и на пленарном заседании Петроградского Совета. Касаясь главного вопроса, вызвавшего разногласия, принимать ли участие в работе Предпарламента, Троцкий предложил по крайней мере временно воздержаться от этого, отложив окончательное решение вопроса до II съезда Советов, который, как он полагал, необходимо было созвать в кратчайший срок [28]. 22 сентября Совет принял предложенную Троцким резолюцию о ДС, называвшую его «искусственно сколоченным» образованием. По существу дела, резолюция являлась объявлением войны всем демократическим властным органам, ибо призывала сохранять всю полноту власти там, где она уже захвачена Советами, укреплять советские позиции там, где этого еще нет, немедленно созвать Всероссийский съезд Советов [29]. Милюков называл документ «боевой резолюцией», ориентацией на «организацию революционной власти» [30].

Троцкий проявлял явный скептицизм в отношении всей работы ДС. Он считал, что сам его созыв явился результатом стремления противопоставить соглашательскую коалицию предстоявшему съезду Советов, провал же ДС, по его мнению, должен был расчистить дорогу для передачи власти Советам, в которых частично, не везде и не всегда, преобладала партия большевиков. Не совсем точно цитируя Троцкого, Милюков писал, что на него особое впечатление произвели «остроумно и довольно верно» произнесенные Троцким слова о том режиме, «в котором наиболее ответственные лица, независимо от собственной воли, становятся механической точкой будущего русского бонапартизма» [31]. Трудно сказать, насколько верны были эти слова в сентябре 1917 г., но то, что при непосредственном участии Троцкого очень скоро началось создание режима, ставшего «точкой отсчета» для возникновения личной диктатуры (Сталина), названной самим Троцким «бонапартизмом», несомненно соответствовало действительности.

Демократическим совещанием, против которого выступал Троцкий, был образован Временный совет Российской республики, или Предпарламент [32]. Хотя Троцкий вместе с Каменевым был избран в состав президиума Предпарламента, он, в отличие от умеренных большевиков во главе с Каменевым, высказался за то, чтобы «хлопнуть дверью», объявить о бойкоте Временного совета Российской республики и не принимать участие в его работе. Это предложение было отвергнуто, и большевистская фракция стала участвовать в Предпарламенте. Но Троцкий настаивал на своем. Сохранился лишь обрывок (начало) резолюции, предложенной им, видимо, на заседании ЦК или на совещании руководящей группы большевиков: «Считая, что Предпарламент превратился в прикрытия подготовки имущих классов к разгрому пролетариата и срыву Учредительного собрания; считая, что дальнейшее участие нашей партии в Предпарламенте способно только прикрыть подлинную роль Предпарламента от масс, ЦК предлагает фракции Предпарламента выступить из его состава и направить все свои усилия...» [33]

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.

Трудно сказать, каково было бы решение, но Троцкий получил мощную поддержку от Ленина, который в это время, находясь вне Петрограда, в существенной мере утратил контроль над деятельностью ЦК, но с прямыми требованиями которого совершенно не считаться умеренные члены партийного руководства – Каменев, Рыков и другие – не решались. Между тем Ленин буквально бомбардировал ЦК своими письмами, основной смысл которых почти полностью совпадал с позицией Троцкого. «Большевики должны взять власть» – так называлось одно из ленинских писем. «Марксизм и восстание» – так было озаглавлено следующее. «Тактика участия в Предпарламенте не верна, она не соответствует объективному взаимоотношению классов, объективным условиям момента... – говорилось в письме от 23 сентября. – Троцкий был за бойкот. Bravo, товарищ Троцкий!» [34] в устах непримиримого Ленина, имея в виду весь его прошлый опыт враждебных взаимоотношений с Троцким, «bravo» Троцкому стоило многого.

На заседании ЦК к письмам Ленина большинство присутствовавших отнеслось отрицательно. Умеренно настроенные члены ЦК полагали, что оторванный от реальной ситуации Ленин не имеет возможности правильно судить о положении в столице и о соотношении сил, что условия для непосредственного проведения вооруженного восстания не созрели. В связи с этим на заседании ЦК 15 сентября было решено сохранить только по одному экземпляру названных писем, а остальные уничтожить. За это предложение голосовало шесть человек, против четыре, шесть воздержалось [35]. Как голосовал Троцкий – неизвестно.

На заседании высшего партийного руководящего органа 20 сентября Троцкому было поручено выступить с докладом о текущем моменте перед членами партии, прибывшими на ДС. Сообразуясь с мнением большинства членов ЦК, Троцкий на его заседании 21 сентября и на совещании столичных и прибывших на ДС большевиков в конечном счете поддержал решение принять участие в работе Предпарламента, по крайней мере на ее начальном этапе (за это предложение голосовало 77 против 50 человек) [36].

23 сентября Троцкий вновь находился в центре дискуссии о ДС и Предпарламенте, которая происходила на заседании ЦК. В результате жарких дебатов была принята внесенная Троцким резолюция, которая осуждала ДС в принципе. В ней говорилось, что «проведение демократического совещания, которое не отвергло союза с империалистами и не осудило политики наступления... [37] представляло собой лицемерную демонстрацию в духе столь частых деклараций французского, английского и американского парламентов». Троцкий предлагал внести поправки к проекту официальной (не большевистской) декларации ДС, а в случае их отклонения (что было неизбежно, имея в виду соотношение сил) «заклеймить декларацию как лицемерие политических групп, прислуживающих империализму». Тем не менее было решено не только участвовать в работе Предпарламента, но и войти в состав его президиума, направив туда Рыкова, Троцкого и Каменева [38].

Однако на закулисных переговорах, ссылаясь на авторитет Ленина, на его категорические требования, используя силу собственного убеждения, Троцкий в конечном итоге добился своего. Не фиксируя этого в решениях, члены ЦК согласились на разрыв с ДС и на отказ от участия в Предпарламенте. После нескольких выступлений на ДС с требованиями, чтобы оно приступило «к созданию истинно революционной власти» [39], констатировав, что эти требования оцениваются подавляющим большинством участников как безответственные и по существу дела провокационные, Троцкий смог убедить многих влиятельных большевистских лидеров в правильности своего настоятельного требования бойкотировать Предпарламент. Но добиться этого ему было нелегко.

7 октября состоялось длительное и бурное заседание большевистской фракции ДС. За участие в Предпарламенте на начальном этапе его работы вновь высказались Каменев и перешедший к этому времени в большевистскую партию Рязанов. Они выражали мнение, что с Предпарламентом можно будет порвать только в том случае, если он отклонит какое либо из большевистских предложений, популярное в массах. Иначе последние не поймут, мол, мотивов ухода из этого считавшегося весьма важным государственного органа. Троцкий и на этот раз решительно настаивал на немедленном разрыве. Незначительным большинством голосов его мнение в конце концов победило. Вслед за этим, в тот же день, Троцкий огласил на ДС написанную им декларацию большевистской фракции [40], в которой утверждалось, что в лице Предпарламента создается власть, в которой «явные и тайные корниловцы играют руководящую роль». Весь тон, все словесное оформление этого документа носило открыто конфронтационный и провокационный характер, означало прямой силовой вызов существовавшей власти: «Мы, фракция социал демократов большевиков, заявляем: с этим правительством народной измены и с этим Советом контрреволюционного попустительства мы не имеем ничего общего». «Петроград в опасности! Революция в опасности! Народ в опасности!» – все более нагнетала напряжение декларация. Выдвигались требования передачи всей власти Советам, всей земли народу, заключения «немедленного, честного и демократического мира»,

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.o
созыва Учредительного собрания. Вслед за оглашением этого документа большевики покинули ДС. Известный кадет И.В. Гессен вспоминал, что атмосфера на ДС была настолько тяжелой, что «если бы большевики во главе с Троцким, прочитавшим вызывающую декларацию, не ушли сами из заседания, вряд ли оно закончилось бы без рукопашной» [41]. Вслед уходящим во главе с Троцким большевикам неслись выкрики: «Мерзавцы!», «Идите в свои опломбированные немецкие вагоны!» и другие, не менее выразительные [42], отражающие отношение остающихся к уходящим. В Петрограде обстановка достигла высшего накала. Позиция Ленина – Троцкого внутри большевистской фракции в конечном счете возобладала. Буквально за две три недели Троцкий совершил головокружительный взлет в высшей большевистской иерархии, став вторым человеком в партии. Следует учитывать, однако, что Ленин находился вне Петрограда и не имел возможности лично навязывать свою волю окружающим. Троцкий в этих условиях, по существу, выполнял функции Ленина, стал главным выразителем его идей и взглядов и примерно на месяц превратился в фактического вождя большевистской партии.

2. Организатор Октябрьского переворота

Полностью соглашаясь с позицией Ленина о том, что большевики должны приступить к захвату государственной власти, Троцкий незначительно расходился с ним относительно формы, в которую наиболее целесообразно было бы облечь государственный переворот. Если Ленин требовал, чтобы большевики взяли власть от своего собственного имени, то Троцкий предлагал поступить несколько хитрее, дипломатичнее, формально представив дело таким образом, что речь идет не о партийном перевороте, а о реализации широко распространенного и популярного лозунга «Вся власть Советам!». Выступая инициатором такого поворота, Троцкий проявил себя весьма умным демагогом.

Дело в том, что еще на сентябрь ВЦИК назначил II Всероссийский съезд Советов, который затем был отложен на месяц, но так или иначе должен был состояться в ближайшее время. Полагая, что на этом съезде большевики смогут получить поддержку основной массы делегатов, Троцкий предлагал приурочить взятие власти именно к созыву этого съезда. Иначе говоря, он пытался обеспечить какое то подобие легальности, точнее, псевдолегальности, ибо сами Советы и их съезд с юридической точки зрения государственной властью не обладали в связи с тем, что само «двоевластие» было понятием сугубо политическим, а не правовым. С формально юридической точки зрения Советы являлись общественной организацией, а не государственным, тем более законодательным органом.

Подготовка восстания 25 октября проходила по существу дела публично, на глазах всего города. «Троцкий правильно заявлял при праздновании второй годовщины октябрьского переворота, что в истории не было другого случая, когда восстание было бы назначено на определенное число, – писал Милюков. – Определенное число было предуказано созывом второго всероссийского съезда советов. Всякий риск был устранен тем «невесомым» фактором, который Троцкий называет «советской легальностью». Другими словами, для советской среды существовало свое понятие «легальности», особое от правительственного. Постоянные фактические нарушения закона советами – даже и при старом большинстве, поддерживавшем коалицию, – не считались «нелегальными» [43].

Из предложения Троцкого приурочить захват власти большевиками ко II съезду Советов, который следовало поставить перед свершившимся фактом, вытекала и его позиция о том главном инструменте, который следовало использовать для практической реализации этой акции. Инструментом должен был стать Петроградский Совет, председателем которого он сам являлся. Тотчас же после разрыва с Демократическим совещанием Троцкий вместе со своими помощниками в Совете приступил к практическим действиям по подготовке государственного переворота. При Совете было начато формирование Военно революционного комитета (ВРК). формально его возглавил представитель другой партии – левый эсер Павел Евгеньевич Лазимир [44], что должно было продемонстрировать нежелание большевиков устанавливать однопартийную диктатуру.

Со стороны большевиков, и прежде всего Троцкого, это был тактический ход, связанный с тем, что в Партии социалистов революционеров (ПСР) происходило глубокое размежевание. Со второй половины 1917 г. течение левых эсеров действовало все более и более обособленно, постепенно приближаясь по своим установкам к большевикам. Назначение левого эсера председателем ВРК должно было символизировать единство действий с левыми эсерами и стимулировать их превращение в ближайшее время в совершенно самостоятельную партию с возможной перспективой организационного присоединения к большевикам.

Правда, Лазимир не проявил тех организаторских качеств, на которые рассчитывал Троцкий, и через несколько дней был заменен большевиком Подвойским, тем самым,

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.о
который по совместительству возглавлял и чисто большевистскую Военку. Так что тактический ход с левыми эсерами поначалу не дал результата. В документах нет прямых указаний на то, что после отстранения Лазимира от руководства ВРК левые эсеры прекратили участие в этом органе, но через некоторое время в газете «Голос солдата» появилось вдруг сообщение о том, что ведутся переговоры о вхождении левых эсеров в ВРК, что свидетельствует об их неучастии в Комитете в течение какого то времени. Переговоры возглавлял Троцкий.
Итак, Петросовет был в руках Троцкого; Военка и ВРК под единым началом Подвойского; секретарем ВРК стал близкий Троцкому по парижской эмиграции В.А. Антонов Овсеенко. Во время переговоров с левыми эсерами о вхождении в ВРК Троцкий внес в общее соглашение пункт о защите Военно революционным комитетом интересов Петроградского гарнизона и демократии «от контрреволюционных и погромных посягательств» [45]. В этом пункте важным было упоминание о Петроградском гарнизоне. Это означало, что в задачу Троцкого входит теперь достижение договоренности с последним необходимым для успешного восстания компонентом – военным гарнизоном столицы.
Уже 21 сентября Петросовет принял решение о создании штабов подготовки восстания не только в столице, но и других городах. 9 октября Совет выпустил постановление о необходимости разработки проекта создания «боевого органа», а уже 12 октября было утверждено положение о ВРК. Формально образование этого учреждения мотивировалось опасностью германского наступления на столицу. ВРК образовывался якобы для руководства боевыми силами и вспомогательными средствами с целью «обороны» Петрограда. Он обязан был разработать план обороны, принять меры к укреплению дисциплины. Но главная задача ВРК заключалась в том, чтобы не допустить вывода из города воинских частей.
В этой не слишком понятной формуле скрылась загадка успеха военного переворота, организованного Троцким. Петроградский гарнизон, несущий службу в революционном городе, давно уже был распропагандирован революционерами. О дисциплине, подчинении приказам офицеров или Временного правительства не могло быть и речи. Осознав, что гарнизон является не столько защитником правительства, сколько угрозой ему, Временное правительство планировало вывести из города и отправить на фронт распропагандированные части Петроградского гарнизона и заменить их верными правительству войсками, отозванными с фронта. Чтобы этого не произошло, Петросовет во главе с Троцким выступил против вывода гарнизона из города. Этим достигались две цели: Временное правительство не в состоянии было ввести в город верные войска (не выведя из города разложившиеся части); распропагандированный Петроградский гарнизон, понятным образом не желающий отправляться воевать на фронт, знал, что он находится под защитой Петросовета во главе с Троцким и обязан своим оставлением в столице большевикам. В переводе на язык соглашений это означало, что Петросовет заключил с Петроградским гарнизоном военный союз. Временное правительство было оставлено без своей последней защиты.
Политически и практически всей деятельностью ВРК руководил Троцкий. На заседании 12 сентября он воспользовался обсуждением вопроса о ВРК для более общих заявлений, в частности о том, что необходимо не «музейное», а практическое правительство, то есть власть тех, кто имеет за собой организованную силу. В связи с этим он предложил образовать правительство трех фракций: большевиков, меньшевиков и третьей фракции, название которой в протоколе было заклеено [46]. Очевидно, были названы эсеры, но в связи с тем, что в это время от ПСР откалывался левый сектор – будущая партия левых эсеров, председатель Петросовета решил эсеров в протоколах не упоминать.
Необходимо отметить, что принятие всех решений Совета, особенно связанных с созданием и функционированием ВРК, происходило в острой борьбе. Большевики имели в Совете большинство, их в основном поддерживали левые эсеры, однако меньшевики и эсеры сдавались только после решительных протестов, отлично понимая цели Троцкого. Вот что писал по этому поводу сам Троцкий в 1918 г.: «Создание второго штаба означает восстание, – отвечали нам справа. – Ваш Военно революционный комитет будет иметь своей задачей не столько проверку оперативных намерений и распоряжений военных властей, сколько подготовку и проведение восстания против нынешнего правительства. – Это возражение было справедливо» [47].
В высшем руководстве большевистской партии в октябрьские дни возникли серьезные разногласия по вопросу о вооруженном восстании. На заседаниях 10 и 16 октября возвратившийся перед этим в столицу Ленин настаивал на проведении восстания в ближайшее время, Зиновьев и Каменев возражали, ряд членов ЦК, включая Сталина, занимали колеблющиеся позиции. Подавляющим большинством голосов ЦК пришел к выводу, что вооруженное восстание стоит на повестке дня, и предложил всем организациям партии «руководствоваться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы» (10 октября), что необходима всесторонняя и ускоренная подготовка вооруженного восстания, для которого ЦК «укажет

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.o
благоприятный момент и целесообразные способы наступления» (16 октября) [48] .

Однако были только расплывчатые слова.
Тем временем Петроградский Совет и ВРК действительно принимали самые разнообразные практические меры по захвату власти в столице, приурочивая эту акцию ко времени открытия II Всероссийского съезда Советов. Придавая особо большое внимание подготовке съезда Советов, Троцкий, несмотря на предельную занятость делами Петроградского Совета и ВРК, участвовал в заседаниях бюро ВЦИКа, рассматривавших вопросы, связанные со съездом. Когда 6 октября во ВЦИКе обсуждался вопрос о борьбе с анархией, Троцкий высказал мнение, что полуанархией является уже тот факт, что во главе государства стоит лицо «полуизобличенное в корниловщине», имея в виду Керенского. А вслед за этим, в очередной раз попытавшись скомпрометировать меньшевистско эсеровский ВЦИК, он предложил вынести порицание редакции газеты «Известия», являвшейся советским органом, которая, по его мнению, не участвовала в подготовке съезда и даже не помещала объявлений о его созыве [49] . Этот съезд был, наконец, назначен ВЦИКом на 25 октября.

Фактически наступательные, агрессивные меры большевистское руководство Совета и прежде всего сам Троцкий маскировали, хотя без какого бы то ни было успеха, «нуждами обороны» города и мерами, направленными на предотвращение действий контрреволюции. Особенно широко в этом смысле был использован предшествовавший Всероссийскому съезду Советов съезд Советов Северной области, проходивший в Петрограде 11 – 13 октября. Троцкий выступил здесь с докладом о деятельности Петросовета. Начав с того, что обновленный Совет пользуется общим признанием и популярностью, он сосредоточил внимание именно на «защитительных» мерах последнего, главным образом в связи с распоряжением командующего Северным фронтом генерала В.А. Черемисова [50] , которому Керенский подчинил гарнизон Петрограда, о направлении на фронт некоторых частей, размещенных в столице и распропагандированных большевиками [51] . На второй день заседаний Троцкий опять взял слово, на этот раз остановившись на «текущем моменте» [52] . Теперь уже напрямую шел разговор о взятии власти, причем Троцкий призвал принятием его резолюции перейти от слов к делу. Эта резолюция завершалась словами: «Время слов прошло. Наступил час, когда только решительным и единодушным выступлением всех Советов может быть спасена страна и революция и решен вопрос о центральной власти», имея в виду переход всей власти к Советам [53] . Резолюция была принята единогласно при трех воздержавшихся эсерах.

На экстренном заседании Совета 18 октября Троцкий выступил с заявлением «по поводу ожидающегося выступления», имея в виду упорно циркулировавшие в столице слухи о предстоявшем в ближайшие дни государственном перевороте. Он утверждал, что вооруженное выступление «нами» не было назначено, что подписанный им ордер на получение 5 тысяч винтовок от Сестрорецкого завода (тревожное сообщение об этом было накануне помещено в ряде столичных газет) стал реализацией решения, принятого еще в корниловские дни, о вооружении рабочей милиции, что Совет будет и впредь вооружать «рабочую гвардию» в целях обороны. Вслед за этой сравнительно миролюбивой, во всяком случае не резкой риторикой Троцкий стал играть мускулами. Он заявил, что при первой попытке со стороны контрреволюции сорвать съезд Советов «мы ответим контр наступлением, которое будет беспощадным и которое мы доведем до конца» [54] . В тот же день Троцкий произнес доклад о текущем моменте на Всероссийской конференции фабрично заводских комитетов, где уже прямо указал на неизбежность гражданской войны, «предпосылки которой заложены в экономической и социальной структуре нашего общества» [55] .

Накануне Троцкий встретился с американским журналистом, членом Социалистической партии США Джоном Ридом [56] , который в августе 1917 г. прибыл вместе со своей возлюбленной, журналисткой Луизой Брайант в Россию в качестве военного корреспондента ряда американских газет. Уже к этому времени Рид был настроен пробольшевистски, но встреча с Троцким сыграла огромную роль в закреплении его позиции. Троцкий заявил Риду, что соглашатели потеряли всякое влияние, что только объединенное выступление масс, только создание пролетарской диктатуры может завершить революцию и спасти народ. «Наступает последний и решительный бой. Буржуазная контрреволюция организует все свои силы и выжидает момента для того, чтобы напасть на нас. Наш ответ будет твердым. Мы закончим работу, едва начатую в марте и подвинутую вперед в ходе корниловского дела». Троцкий проповедовал Риду свои идеи перманентной революции, заявив, что после окончания войны Европа будет воссоздана пролетариатом путем уничтожения национальных границ в виде федеративной республики, Соединенных Штатов Европы [57] . Естественно, идеи «вождя» большевизма, каковым не без основания представлялся перед Ридом Троцкий, были немедленно переданы в американскую левую прессу и способствовали тому, что газеты всего западного мира стали твердить о предстоявшем приходе к власти большевиков во главе с Троцким. Сам Рид стал

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.o
восторженным поклонником Троцкого оратора, об одном из выступлений которого в эти дни он писал: «На трибуну поднялся уверенный и владеющий собой Троцкий. На его губах блуждала саркастическая улыбка, почти насмешка. Он говорил звенящим голосом, и огромная толпа подалась вперед, прислушиваясь к его словам» [58]. В то же время Троцкий вынужден был объясняться перед ЦК большевистской партии по поводу своего заявления 18 октября. Дело в том, что это заявление кое кто из партийного руководства счел капитулянтским, пораженческим, сходным с позицией Зиновьева и Каменева. Выступая на заседании ЦК 20 октября, Троцкий утверждал, что его «оборонительное» заявление было тактическим ходом и было спровоцировано Каменевым. Переходя от обороны, теперь уже перед своим ЦК, к наступлению, на этот раз опять таки против собственных однопартийцев, он заявлял, что «создавшееся положение совершенно невыносимо» и что Каменев должен уйти в отставку [59].

С этой позицией Троцкого полностью согласился Ленин, который в это время, казалось бы, завершил свое кардинальное изменение отношения к Троцкому. Еще 18 октября он направил в ЦК письмо по поводу ранее появившегося заявления Каменева и Зиновьева в газете «Новая жизнь» о том, что они не разделяют решения ЦК о восстании. Ленин буквально истерически рвал и метал, называл Зиновьева и Каменева штрейкбрехерами, требовал их исключения из партии. Переходя к злосчастному заявлению Троцкого, с которым, извратив – по мнению Ленина – его смысл, солидаризовался Каменев, Ленин писал: «Но неужели трудно понять, что Троцкий не мог, не имел права, не должен перед врагами говорить больше, чем он сказал. Неужели трудно понять, что долг партии, скрывшей от врага свое решение ([о] необходимости вооруженного восстания, о том, что оно вполне назрело, о всесторонней подготовке и т. д.), что это решение обязывает при публичных выступлениях не только «вину», но и почин сваливать на противника. Только дети могли бы не понять этого» [60].

Тем временем Троцкий прилагал все силы, чтобы с помощью своего красноречия привлечь к подготовке государственного переворота все большие и большие воинские части или, по крайней мере, добиться благожелательного нейтралитета тех частей, которые не желали поддерживать переворот. Меньшевистско эсеровский ВЦИК, стремившийся не допустить гибельного вовлечения Петроградского гарнизона в подрывную деятельность большевиков, 19 сентября провел собрание его представителей. Однако участники собрания заявляли, что они пойдут туда, куда их поведет Петроградский Совет (гарантировавший оставление войск в столице). 21 октября состоялось очередное собрание представителей полковых комитетов гарнизона. Троцкий выступил с речью о текущем моменте, в которой связал образование ВРК с передачей политической власти в руки Советов. Он предложил три резолюции, которые были приняты «пакетом» без единого голоса против, но при 57 воздержавшихся. Собрание приветствовало образование ВРК и обещало ему полную поддержку. Оно заявило, что Всероссийский съезд Советов должен взять власть в свои руки и обеспечить народу мир, землю и хлеб. «Петроградский гарнизон торжественно обещает Всероссийскому Съезду в борьбе за эти требования» – власть Советам, немедленное перемирие, передача земли крестьянам, созыв Учредительного собрания в назначенный срок – «отдать в его распоряжение все свои силы до последнего человека» [61], – говорилось от имени солдат в резолюции, написанной Троцким.

В тот же день ВРК издал обращение, тоже написанное Троцким и адресованное гарнизону Петрограда и окрестностей, о том, что штаб Петроградского военного округа не признал ВРК, отказался вести с ним совместную работу и таким образом стал открытым оружием контрреволюционных сил. В связи с этим ВРК вынес следующее распоряжение:

«1. Охрана революционного порядка от контрреволюционных покушений ложится на вас под руководством Военно Революционного Комитета.

2. Никакие распоряжения по гарнизону, не подписанные Военно Революционным Комитетом, не действительны.

3. Все распоряжения на сегодняшний день... остаются в полной своей силе.

4. Всякому солдату гарнизона вменяется в обязанность бдительность, выдержка и неуклонная дисциплина».

«Революция в опасности! Да здравствует революционный гарнизон!» [62]

О влиянии в те дни на солдатские массы Троцкого писал Милюков: «Троцкий появлялся на митингах в разных частях Петроградского гарнизона. Созданное им настроение характеризуется тем, что, например, в Семеновском полку выступавшим после него членам ЦИК Скобелеву и Гоцу [63] не давали говорить» [64]. В то же время авторитет и влияние Троцкого в эти дни не следует переоценивать. Его знала только наиболее активная, политически озабоченная радикальная часть населения Петрограда и других крупных городов. Даже среди солдат, охранявших Смольный – штаб квартиру столичного Совета, его имя и тем более его внешность не были

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.o
хорошо известны. Любопытный в этом смысле эпизод привел в своей книге Джон Рид:
«Однажды, придя в Смольный, я увидел впереди себя у внешних ворот Троцкого с
женой. Их задержал часовой. Троцкий рылся по всем карманам, но никак не мог
найти пропуска».

«Не важно, – сказал он наконец, – вы меня знаете. Моя фамилия Троцкий».

«Где пропуск? – упрямо отвечал солдат. – Прохода нет, никаких фамилий я не
знаю».

«Да я председатель Петроградского Совета».

«Ну, – отвечал солдат, – уж если вы такое важное лицо, так должна же у вас быть
хотя бы маленькая бумажка».

Троцкий был очень терпелив. «Пропустите меня к коменданту», – говорил он. Солдат
колебался и ворчал о том, что нечего беспокоить коменданта ради всякого
приходящего. Но наконец он кивком головы позвал разводящего. Троцкий изложил
ему свое дело. «Моя фамилия Троцкий», – повторил он.

«Троцкий, – разводящий почесал в затылке. – Слышал я где то это имя, – медленно
проговорил он. – Ну ладно, проходите, товарищ» [65] .

Троцкий вел дело к тому, чтобы антиправительственное вооруженное выступление
совпало с открытием съезда Советов. Открытая борьба за власть, однако,
развернулась чуть раньше. Большевики воспользовались попыткой Керенского перейти
в контрнаступление. Объявив действия правительства провокацией, они под видом
оборонительной операции начали восстание.

3. II съезд Советов и захват государственной власти

22 октября, выступая на митинге в Народном доме, Троцкий утверждал, что
Петроград находится на грани сдачи немцам, что рабочие и солдаты должны взять на
себя ответственность за защиту подступов к столице. Речь крайне возбудила
аудиторию. Корреспондент газеты «Речь», присутствовавший на митинге, отмечал,
что в ответ на призыв поддержать Петроградский Совет присутствовавшая толпа
воздела руки вверх с криком «Клянемся!» [66] . Трудно сказать, насколько этот
митинг повлиял на позицию и действия правительства непосредственно, но в том,
что общая провокационная линия Троцкого была для решений Керенского фактором по
крайней мере немаловажным, можно не сомневаться. 23 октября распоряжением
правительства были запрещены «Рабочая правда» и «Известия» Петроградского
Совета, и к помещениям редакций и типографии «Труд» на Кавалергардской улице
направились исполнители во главе с комиссаром милиции местного подрайона в
сопровождении отряда юнкеров. Они конфисковали готовые тиражи и опечатали
типографию. Вот как описывает это событие Троцкий: «Рано утром я столкнулся на
лестнице с рабочим и работницей, которые запыхавшись прибежали из партийной
типографии. Правительство закрыло центральный орган партии и газету
Петроградского Совета. Типография опечатана какими то агентами правительства... В
первый момент эта весть производит впечатление: такова власть формального над
умами! – А нельзя разве содрать печатать? – спрашивает работница. – Сдирайте,
отвечаю я, а чтоб чего не вышло, мы вам дадим надежную охрану. – У нас саперный
батальон рядом, солдаты поддержат, – уверенно говорит печатница» [67] .

Наверное, в этом диалоге Троцкий перераспределил роли. Можно предположить, что и
печати сдирать, и солдат саперного батальона прислать предложил сам Троцкий, а
не работница типографии. Власть формального может быть и владела в те дни умами,
но уж точно не мозгами Троцкого. Троцкий тут же отдал приказ направить к
типографии отряды 6 го саперного батальона и Литовского полка, шедших за
большевиками [68] . Кроме этого председатель Петросовета отправил к типографии
дополнительно полуроту Волынского полка и вызвал пулеметные команды для охраны
Смольного. Вслед за этим он написал текст приказа ВРК, под которым подписались
председатель ВРК Подвойский и секретарь Антонов Овсеенко. Документ требовал
немедленно открыть типографии революционных газет и предложить редакциям и
наборщикам продолжать их выпуск. «Почетная обязанность охранения революционных
типографий от контрреволюционных покушений возлагается на доблестных солдат
Литовского полка и 6го запасного саперного батальона» [69] .

Вслед за этими новыми распоряжениями верные ВРК отряды солдат и матросов, а
также рабочие красногвардейские дружины, которые к этому времени сформировала
большевистская Военка, начали занимать жизненно важные пункты города –
Таврический дворец, Государственный банк, электростанции, телеграф и телефонную
станцию, Главный почтамт, железнодорожные вокзалы. По распоряжению ВРК в
Петроград прибыли отряды матросов из Кронштадта. Фактически город перешел в руки
ВРК почти без сопротивления. Правда, в руках Временного правительства оставался
Зимний дворец, но к нему были подтянуты вооруженные отряды, которые ожидали
распоряжения ВРК для занятия почти не охранявшегося здания, хотя их командиры
опасались, как бы группы, участвовавшие в перевороте, попросту не заблудились в

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.о

коридорах лабиринтах огромного помещения. Непосредственно подготовкой захвата Зимнего дворца руководил Антонов Овсеенко.

Здание Смольного, где заседал Петроградский Совет, превратилось в штаб государственного переворота. В последний момент премьер Керенский попытался предпринять запоздалые действия. Выступая в Предпарламенте, он заявил, что отдал приказ об аресте Троцкого и других большевистских руководителей, выпущенных ранее под залог, и что Военно революционному комитету предъявлены обвинения в антигосударственной деятельности. Ответом на это было заявление Троцкого 24 октября на экстренном заседании Петросовета, открывшемся в два часа дня: «У нас есть полувласть, которая не верит в народ и которая сама в себя не верит, ибо она внутренне мертва. Эта полувласть ждет размаха исторической метлы, чтобы очистить место подлинной власти революционного народа» [70].

Троцкий был напряжен до предела. Он не отходил от телефона, получая все новые и новые подтверждения, что отряды, посланные в определенные пункты, заняли их, не встречая никакого сопротивления. Благоприятные сообщения позволили ему немного расслабиться. Он попросил у Каменева папиросу (Троцкий тогда курил, хотя и немного), но, едва затянувшись, потерял сознание. Произошел в очередной раз один из необъяснимых приступов. Троцкий быстро пришел в себя и тут же сообразил, что давно ничего не ел, по крайней мере с позавчерашнего дня [71]. Так что, скорее всего, причиной приступа на этот раз был голод, а не загадочная болезнь.

На заседании ЦК большевиков 24 октября Троцкий попросил «отпустить в распоряжение Военно революционного комитета двух членов ЦК для налаживания связи с почтово телеграфистами и железнодорожниками» и еще одного члена ЦК «для наблюдения за Временным правительством» [72]. Он предложил также устроить запасной повстанческий штаб в Петропавловской крепости и отправить туда одного члена ЦК, а постоянную связь с крепостью поручить все более выдвигаемому члену партийного руководства Я.М. Свердлову [73]. Протокол не фиксирует, какое решение было принято, но учитывая, что влияние Троцкого к этому моменту стало весьма значительным, можно предположить, что его требования были удовлетворены.

Вечером 24 октября в Смольном появился тщательно загримированный Ленин, который, только придя в штаб переворота, узнал, что таковой фактически уже совершен без его участия, но в полном согласии с его волей. На следующее утро Троцкий выступил на новом экстренном заседании Петроградского Совета с докладом о свержении Временного правительства. Он сообщил, что отдельные министры арестованы, другие будут взяты в ближайшие часы или дни, что Предпарламент распущен, что заняты важнейшие стратегические пункты города. Троцкий сообщил, что вслед за его докладом последует доклад о задачах власти Советов.

«Докладчиком по второму вопросу выступит тов. Ленин», – неожиданно и весьма театрально заявил он. В ответ раздалась естественные «несмолкаемые аплодисменты».

Троцкий завершил свой доклад, еще раз подчеркнув: «В нашей среде находится Владимир Ильич Ленин, который в силу целого ряда условий не мог до сего времени появиться в нашей среде», а затем в восторженных тонах охарактеризовал роль Ленина в истории революционного движения России и всего мира и провозгласил: «Да здравствует возвратившийся к нам тов. Ленин!» [74] Выступивший вслед за этим Ленин завершил свою речь лозунгом «Да здравствует всемирная социалистическая революция!», дословно повторявшим установку Троцкого.

По существу дела, произошла сдача Троцким передовой позиции вождю большевистской партии Ленину, признание его первенства, отход на второй, хотя и весьма важный план. Троцкий трезво понимал, что он не мог рассчитывать на сохранение лидерства в своих руках, по крайней мере против воли Ленина. Для этого ему не хватало навыков фракционно аппаратной игры и интриг, в чем в тот период непревзойденным мастером был Ленин. Троцкий был неприемлем в качестве постоянного первого лица в силу того, что был новичком в большевистской партии, против лидеров которой вел длительную и весьма острую борьбу. Он осознал, наконец, что из за своего национального происхождения не имеет возможности в переломный момент возглавить правительство страны, значительная часть населения которой испытывала предубеждения против евреев.

Так уже в день государственного переворота между Лениным и Троцким установился своего рода *modus operandi* (способ действий).

25 октября по инициативе Троцкого Петросоветом была принята написанная им резолюция о свержении Временного правительства [75], которая указывала на переход власти именно в руки Советов, а не партии (о большевиках в резолюции вообще не было упоминаний) и перспективу образования рабочего и крестьянского правительства, как советского правительства – единственного средства «спасения страны от неслыханных бедствий и ужасов войны». В этот же день ВРК направил телеграмму «во все города и местности» России, в которой сообщал о победе в Петрограде и призывал «поддержать Петроградский Совет и новую революционную

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo. власть, которая немедленно предложит справедливый мир, передаст землю крестьянам, созовет Учредительное собрание» [76] . Тем самым еще раз фиксировалось, что реальная власть в столице оказалась в руках Совета и его председателя, а не партийных институций.

II Всероссийский съезд Советов происходил в резидентуре Троцкого Смольном, где теперь разместились также все центральные большевистские учреждения и руководимые ими организации. Он продолжался три дня – с 25 по 27 октября (7 – 9 ноября) 1917 г. Троцкий был избран в президиум съезда. Большевики и эсеры энергично протестовали против уже свершившегося захвата власти большевиками, однако подавляющее большинство делегатов, оказавшихся под влиянием момента и демагогических обещаний центральных и местных большевистских организаций и лидеров, поддержали переворот, для полного завершения которого еще оставалось овладеть Зимним дворцом и арестовать находившуюся там часть членов Временного правительства. Сообщение о занятии без сопротивления Зимнего дворца, бегстве Керенского и аресте нескольких других министров удачно пришло как раз во время работы съезда.

Все же меньшевики интернационалисты надеялись на компромисс. Мартов предполагал, что существовали возможности мирного преодоления кризиса. Он призвал большевиков начать переговоры с другими социалистическими партиями. Казалось, что эта идея может дать результат: даже многие видные большевики поддержали ее, не считая возможным образование однопартийного правительства. Но конфронтация, подогреваемая Лениным и Троцким, возобладала. Не получив поддержки, меньшевики оборонцы и эсеровские делегаты покинули зал заседания. Когда они уходили, Троцкий заявил: «Восстание народных масс не нуждается в оправдании. То, что произошло, это – не заговор, а восстание. Мы закаляли революционную энергию петроградских рабочих и солдат, мы открыто ковали волю масс на восстание, а не на заговор». Вслед за этими патетическими, не имевшими отношения к действительности словами, хотя бы потому, что сам Троцкий и другие большевики называли произошедшее в Петрограде не иначе как Октябрьский переворот (о «Великой Октябрьской социалистической революции» станут говорить только с конца 20 х гг. при диктатуре Сталина), Троцкий зачитал проект резолюции с осуждением ухода меньшевиков и эсеров, которая была принята под возгласы шумного одобрения [77] .

Мартов и меньшевики интернационалисты восприняли резолюцию Троцкого как декларацию непримиримости, исключавшую дальнейшие переговоры. Побеседовав со своими единомышленниками, еще остававшимися в зале, Мартов заявил, что и они покидают съезд. Большевик Борис Иванович Николаевский [78] позже рассказывал: «В переполненном зале было шумно и, несмотря на призыв к тишине, глухой голос больного Мартова (у него уже начался туберкулезный процесс в горле) был почти не слышен даже передним рядам. Неожиданно в зал ворвался гул далекого пушечного выстрела. Все поняли: начался решающий штурм. И в наступившей тишине донеслись срывающиеся слова Мартова: «Это позор для единства рабочего класса. Мы участвовать не будем». Выходя из зала, он бросил: «Когданибудь вы поймете, в каком преступлении соучаствуете» [79] .

Через несколько дней Мартов писал Аксельроду: «Самое страшное, чего можно было ожидать, совершилось, – захват власти Лениным и Троцким в такой момент, когда и менее их безумные люди, став у власти, могли бы наделать непоправимые ошибки» [80] .

Троцкий выступал на съезде многократно. В одной из речей он предложил сократить время работы съезда, иными словами – поскорее закрыть его. В другой раз сформулировал новые принципы соблюдения, точнее, несоблюдения прав человека. Вопрос этот был поднят в связи с заявлением представителей Исполнительного комитета крестьянских депутатов о необходимости немедленного освобождения заключенных министров социалистов (сами жалобщики не осмеливались или не хотели просить об освобождении «буржуазных» министров). Троцкий же объявил, что министры социалисты будут «временно» содержаться под арестом: «Мы переживаем новое время, когда обычные представления должны быть отвергнуты. Наша революция есть победа новых классов, которые пришли к власти, и они должны защитить себя от той организации контрреволюционных сил, в которой участвуют министры социалисты» [81] . Так, из фиктивно «оборонительной» позиции начинало выковываться идеологическое обоснование подлинного нового явления – красного террора, который зальет кровью огромную страну и унесет миллионы невинных жизней.

Одно из выступлений Троцкий посвятил критике идеи левого блока, который предлагали левые эсеры. Не так давно ушли в прошлое те времена, когда сам Троцкий отстаивал идеи единства социалистических сил. Теперь же он стоял вместе с Лениным на крайних позициях, соглашаясь лишь на единство действий (как

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.о
оказалось, кратковременное) только с левыми эсерами, резко отвергая сотрудничество с меньшевистской и эсеровской партиями и необходимость создания широкой правительственной коалиции для преодоления растущего в стране кризиса. Именно в этом выступлении было высказано убеждение, что российская революция может развиваться и добиться успеха только как перманентная революция, распространившись на западноевропейские страны. Откровенная авантюристичность и в то же время немалый пессимизм были в этих словах Троцкого: «Всю же надежду свою мы возлагаем на то, что наша революция развяжет европейскую революцию. Если восставшие народы Европы не раздавят империализм, мы будем раздавлены – это несомненно. Либо русская революция поднимет вихрь борьбы за Западе, либо капиталисты всех стран задушат нашу» [82] .

Именно Троцкий переломил недолгие, но опасные для большевистского руководства колебания съезда, когда его покидал Мартов, и добился в этом успеха. Поспешив на трибуну, председатель Петросвета стал бросать «вслед уходящему Мартову фразы, мало чем отличающиеся от тех, которые позднее клеветы Сталина швыряли по адресу Троцкого: «Мощный поток революции... мчится вперед... отбрасывает, как негодную ветошь... щепки и мутную пену» [83] .

На съезде, однако, всем ходом управлял не столько Троцкий, сколько Ленин. Он мигом освободился от того чувства оторванности, изолированности от партийного руководства, от невозможности доминировать над ним, которое вынужденно переживал в течение трех месяцев пребывания вне Петрограда. Именно Ленин выступал с докладами о мире и о земле и вносил резолюции по этим вопросам. Первая из этих резолюций способствовала развязыванию анархии на селе, нарушению экономических связей между городом и деревней, а затем привела к установлению жестокой и кровавой «продовольственной диктатуры» большевиков. Вторая содержала предложение немедленного заключения мира без аннексий и контрибуций всеми воюющими странами, а на деле обернулась заключением кабального мира с Германией и другими Центральными державами.

Но важнейшим на съезде был вопрос об образовании нового правительства, которое должно было реально осуществлять то, что большевики именовали «диктатурой пролетариата» и что на деле неизбежно выливалось в господство в огромной стране одной партии, точнее – ее высшего руководства. Ленин был озабочен тем, как назвать новое правительство. «Только не министрами: гнусное, истрепанное название», – вспоминал Троцкий слова Ленина. Тогда Троцкий придумал: «комиссары». Обсудили, решили, что даже лучше: «народные комиссары», а правительство в целом – «Совет народных комиссаров». Ленину все это очень понравилось, и новая терминология появилась на свет [84] .

Ленин предложил, чтобы Совнарком возглавил Троцкий, как председатель Петросвета. Со стороны Ленина это было явное лукавство, рассчитанное на то, что Троцкий откажется по многим причинам, в том числе и потому, что Ленин был русским, а он, Троцкий, еврей. И Троцкий действительно отказался: «Стоит ли... давать в руки врагам такое дополнительное оружие, как мое еврейство?» Ленин, по словам Троцкого, «был почти возмущен» таким ответом: «У нас великая международная революция, – какое значение могут иметь такие пустяки?» Троцкий отвечал: «Революция то великая, но и дураков осталось еще не мало». Троцкого поддержал Свердлов, и Ленин дал себя уговорить [85] . Обсуждался для Троцкого и пост наркома внутренних дел, которому предстояла «борьба против контрреволюции». Троцкий отклонил и это предложение из за национального момента (позже вместо еврея Троцкого на этот пост назначили поляка Ф.Э. Дзержинского). С третьей попытки Троцкому нашли должность: наркома по иностранным делам [86] , что, конечно, в тот период в наибольшей степени соответствовало его опыту и ментальности.

Начинался новый, очень краткий, но полный драматичности период в его деятельности. Нефракционный социал демократ, публицист и «объединитель» фракций РСДРП превращался в руководящего государственного деятеля высшего ранга в том новом фантастическом образовании, которое не могло стать ничем иным, кроме как террористической диктатурой, авторитарной властью, инструментом создания первой в мире современной тоталитарной системы.

Роль Троцкого как главного организатора Октябрьского переворота в Петрограде признавалась в кругах большевистской иерархии на протяжении первых шести лет революции, вплоть до того времени, когда он вступил в открытый конфликт с набиравшей силу сталинской группой. Сам Сталин в первую годовщину переворота писал в статье «Роль наиболее выдающихся деятелей партии»: «Вся работа по практической организации восстания происходила под непосредственным руководством председателя Петроградского совета Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой подготовкой работы Военно революционного комитета партия обязана прежде всего и главным образом тов. Троцкому» [87] .

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.o

Так, при активнейшем участии Троцкого большевики пришли к власти в огромной стране с преимущественно крестьянским населением, с неразвитым гражданским обществом, невысоким образовательным и культурным уровнем населения. «Слой образованных большевистских руководителей» [88], включая проведших много лет в западноевропейской эмиграции Ленина и Троцкого, состоял не из умудренных жизненным и политическим опытом деятелей, а из догматических прожектеров, ставивших весьма рискованные и кровавые эксперименты. Они проводились на миллионах граждан, на целых классах и слоях населения. Их авторы легко переходили от одной крайности к другой, но всегда и при всех обстоятельствах придерживаясь «классового подхода». Октябрьский переворот 1917 г. в Петрограде положил начало новому этапу революции, на котором разрушительная, злобная стихия слилась воедино со столь же разрушительными и неконструктивными планами коренного социального переустройства России и мира.

4. Формирование советского правительства

Должность министра иностранных дел традиционно считалась второй позицией после премьерства. Именно так и было воспринято всеми получение Троцким портфеля наркома иностранных дел в Совнарком (СНК). Как человек, проведший много лет за границей, знакомый с нравами и обычаями многих стран, говорящий (пусть даже не в совершенстве) на каких то иностранных языках, Троцкий подходил на эту должность больше, чем сидевшие в российской ссылке, мало бывавшие или вообще не бывавшие за границей и не знавшие иностранных языков большевики типа Свердлова или Сталина. Склонности к дипломатической работе у Троцкого конечно же не было, если не считать того факта, что пребывание вне фракций социал демократического движения в течение долгого времени требовало известной дипломатической гибкости. Тем не менее М. Истмен утверждал, что «нехватка дипломатичности относилась к существу натуры Троцкого» [89]. Но центр тяжести большевистской политики лежал в тот момент не в дипломатии. В ведении Троцкого находились, собственно, два вопроса: о войне и мире и об организации мировой революции (здесь Троцкий по праву считался бесспорным экспертом).

Уверенность в скорой мировой революции не покидала Троцкого ни на минуту. Троцкий не был здесь в одиночестве. Почти все большевистские руководители лелеяли планы ускорения мировой революции. Только Ленин занимал в этом вопросе несколько более осторожную позицию [90]. Но и Ленин, и Троцкий изо дня в день заявляли, что русская революция является репетицией всемирной пролетарской революции, что, по словам Троцкого, в плане перспектив мировой революции «самые оптимистические предположения оправдались» [91]. Американский исследователь А. Рабинович справедливо отмечает, что Троцкий, «как и Ленин, если не больше, был поглощен идеей разжигания, с помощью революционного взрыва в России, пожара социалистических революций в развитых странах Европы, и, судя по его заявлениям, большая часть представлений о российской политике определялась этой, без преувеличения, всепоглощающей идеей» [92].

Тем не менее в первые недели после Октябрьского переворота Троцкий занимался не только делами своего ведомства. Примерно до марта 1918 г. он активно участвовал во всех делах Совнаркома. Его кабинет и кабинет Ленина находились в противоположных концах Смольного. Но между ними происходило непрерывное общение. Троцкий бывал у Ленина по несколько раз в день, матрос курьер мотался по коридору, обеспечивая обмен записками между двумя лидерами, текстами Ленина с исправлениями Троцкого; текстами Троцкого с поправками Ленина. Ленин даже в шутку предлагал установить сообщение в Смольном на велосипедах [93]. Самой неотложной задачей, которая стояла перед двумя узурпаторами, стало формирование под их руководством большевистского правительства.

Ленин и Троцкий не спешили делить власть с другими партиями. Вопрос о создании коалиционного «однородного социалистического правительства» был поставлен на II съезде Советов 26 октября не ими, а левым крылом социал демократов (интернационалистов) и левыми эсерами. Меньшевик интернационалист Б.В. Авиллов огласил резолюцию «о необходимости передачи всей власти в руки демократии», подчеркнув, что нужно создать правительство, которое поддержали бы не только рабочие, но и «все крестьянство, как состоятельное, так и беднейшее». В.А. Карелин [94], выступавший от левых эсеров, придерживался центристской позиции, протестуя против того, что вместо «временных комитетов, которые бы взяли на себя временное разрешение наболевших вопросов дня», создается «готовое правительство». Карелин, однако, добавил, что левые эсеры не собираются из за этого «идти по пути изоляции большевиков», поскольку понимают, что «с судьбой большевиков связана судьба всей революции: их гибель будет гибелью революции» [95].

В принятой левыми эсерами резолюции настаивалось на необходимости образовать

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.o

правительство совместно с другими революционными партиями, ушедшими со съезда, но при неудаче переговоров, оказывая большевикам «помощь в технической работе», в Совнарком не войти [96] , поскольку в этом случае левые эсеры должны будут рвать с ушедшими со съезда Советов партиями [97] . Карелин указал также, что список членов СНК, предложенный новым председателем ВЦИКа, избранным II съездом Советов, Каменевым, от имени большевистской фракции, левых эсеров не удовлетворяет, поскольку в нем не представлены интересы Советов крестьянских депутатов.

Имея на съезде Советов большинство, Ленин с Троцким могли бы не уступать давлению прочих социалистических партий. Но сами большевики в тот период не были едины. Уверенность Ленина и Троцкого в том, что большевики одни сумеют удержать власть, разделялась далеко не всеми. Бывший большевик и будущий нарком и посол Л.Б. Красин (в то время он, отойдя от политики, был генеральным представителем в России германской электротехнической компании «Сименс – Шуккерт») писал своей жене, благоразумно отправленной вместе с дочерьми в Швецию выжидать, чем кончится большевистская авантюра: «Все видные б[ольшевик]ки (Каменев, Зиновьев, Рыков /Алексей заика/ etc.) уже откололись от Ленина и Троцкого, но эти двое продолжают куролесить, и я очень боюсь, не избежать нам полосы всеобщего и полного паралича всей жизни Питера, анархии и погромов» [98] . Сходной была и информация, поступающая от наркома просвещения большевистского правительства Луначарского, чья жена переживала горячие революционные дни в Швейцарии. 27 октября Луначарский писал ей, что «выходом» из кризиса «была бы демократическая коалиция. Я, Зиновьев, Каменев, Рыков за нее. Ленин, Троцкий – против» [99] . А.А. Богданов тоже относился отрицательно к перевороту и идее формирования чисто большевистского правительства, считая, что во всех случаях Луначарскому не место в компании Ленина и Троцкого: «Я ничего не имею против того, что эту сдачу социализма солдатчине выполняют грубый шахматист Ленин, самовлюбленный актер Троцкий. Мне грустно, что в это дело ввязался ты» [100] , – писал он Луначарскому в середине ноября.

Предложение о создании однородного социалистического правительства при условии невключения в него Ленина и Троцкого было выдвинуто Викжелем [101] 29 октября. В этот же день ЦК большевистской партии рассмотрел это заявление. Ленин и Троцкий, которых собственный ЦК собирался лишить власти, променяв их на новое коалиционное социалистическое правительство, неожиданно для себя оказавшись в меньшинстве, не стали принимать участие в голосовании по вопросу о собственной отставке и в знак протеста ушли с заседания [102] . В их отсутствие ЦК принял решение признать возможным расширить политическую базу правительства и изменить его состав. Вести переговоры были уполномочены Каменев и Г.Я. Сокольников [103] .

Руководство Викжеля считало, что СНК, «как опирающийся только на одну партию, не может встретить признания и опоры во всей стране» [104] и что поэтому необходимо создание нового правительства. В случае отказа политических партий сформировать такое правительство и прекратить вооруженные столкновения в Москве и Петрограде Викжель грозил всеобщей железнодорожной забастовкой начиная с 12 ночи с 29 на 30 октября. Викжель предлагал всем социалистическим партиям немедленно послать своих делегатов на совместное заседание с ЦИКом железнодорожного союза [105] . От Викжеля зависело очень многое. Профсоюз железнодорожников, настроенный категорически против правительства Керенского, заявил о том, что не пропустит к Петрограду правительственные войска, а в случае проникновения в город войска Керенского или Краснова [106] – блокирует Петроград [107] . Два представителя Викжеля были посланы в Могилев. Во время их переговоров с Общеармейским комитетом они указали, что считают соглашение между Керенским и Лениным невозможным и единственное, что остается, – это убедить обе стороны в интересах предотвращения гражданской войны уступить власть третьей силе – однородному социалистическому правительству, опирающемуся на «революционную демократию» фронта и тыла. Самой подходящей кандидатурой в главы правительства Викжель считал эсеровского руководителя Чернова.

Средняя линия Викжеля в тот момент была выгодна большевикам. Когда в Петроград пришли сведения о намерениях Юго Западного фронта выслать войска для подавления большевиков, Викжель снова пригрозил всеобщей железнодорожной забастовкой. В дополнение к этому Викжель разрешил беспрепятственное передвижение по железным дорогам большевистских вооруженных отрядов и тех воинских частей, которые поддерживали большевиков, а на предложение преданных Временному правительству частей спустить под откос движущиеся в Петроград большевистские части отвечал категорическим запретом, так как считал, что с разгромом большевиков будет подавлена вся революция [108] .

В ответ на лояльную позицию Викжеля Каменев, как председатель ВЦИКа, дал согласие на переговоры о формировании однородного социалистического

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.

правительства. Обсуждение этого вопроса началось 29 октября в 7 часов вечера в помещении Викжеля. Переговоры продолжались несколько дней. Заседания открывались вечером и тянулись иногда до раннего утра. На первом заседании Каменев от имени ВЦИКа заявил, что «соглашение возможно и необходимо». Условия: платформа II съезда Советов; ответственность перед ВЦИКом; соглашение в пределах всех партий, от большевиков до народных социалистов включительно. «Для ВЦИКа на первом месте стоит программа правительства и его ответственность, а отнюдь не личный его состав», – закончил Каменев, дав понять, что готов отказаться от кандидатур Ленина и Троцкого. Это удовлетворило не всех. Некоторые высказались против участия большевиков в правительстве вообще. Дан, например, предложил еще и распустить ВРК, объявить II съезд Советов несостоявшимся и требовать прекращения террора. Прочие были менее жестки. Мартов в примирительной речи призвал к соглашению «обоих лагерей демократии». Сокольников заявил, что ЦК большевиков в основном поддерживает позицию Викжеля и предложил социалистическим партиям разделить власть с большевиками. Все конфликты, кажется, были разрешены, и для уточнения внесенных предложений избрали комиссию в составе Дана, Каменева, Рязанова, Соколова, представителей Викжеля, Петроградской думы и ЦК ПСР. Комиссия работала всю ночь с 29 по 30 октября. Всеобщая железнодорожная забастовка Викжелем объявлена так и не была [109].

Утром 30 го состоялось новое заседание. От большевиков были Рязанов, Каменев, Сокольников, Рыков. Но к соглашению не пришли. Вопрос о включении большевиков в состав однородного социалистического правительства не был решен совещанием ввиду разногласий. Заслушали доклад комиссии, избранной совещанием для переговоров с Керенским, и отложили совещание до вечера. Вечером опять заседали. Под угрозой вторжения войск Керенского и не желая разрывать отношений с Викжелем, большевики дали согласие на создание Временного народного Совета из 420 человек, должного заменить распускаемый, согласно плану, ВЦИК Советов. Начали обсуждать кандидатуры будущего правительства, причем все партии заявили, что не уполномочены выражать окончательное мнение. На пост министра председателя выдвинули Чернова и Авксентьева, но кандидатура последнего была снята, так как против высказались большевики. На кандидатуре Ленина никто из большевиков всерьез даже не настаивал. На пост министра иностранных дел предложили Авксентьева, Скобелева, Троцкого и М.Н. Покровского. Двух последних выдвинули большевики. После краткого обмена мнениями кандидатуры Троцкого и Скобелева сняли. Оговорили кандидатов на прочие министерские посты, с одобрения большевиков составили соответствующий проект соглашения. На этом заседании закрыли [110].

Настроение было подавленное. «Мы погибли!» – сказала при встрече меньшевику Д.А. Сагирашвили жена Каменева (и сестра Троцкого) Ольга Давидовна. Все боялись, что в город войдут войска 3 го казачьего корпуса генерала П.Н. Краснова, к которому отправился просить помощи Керенский. Но Керенский не смог уговорить Краснова двинуться в столицу, причем похоже, что самому Керенскому снова пришлось бежать, теперь уже от Краснова, чтобы не быть задержанным казаками. Адьютант Керенского, по крайней мере, арестован Красновым был.

На следующий день Троцкий лично прибыл в Царское Село, где размещался штаб казачьего корпуса. Узнав, что под арестом находится адъютант Керенского, он затребовал арестанта, чтобы получить от него информацию о местонахождении бежавшего премьер министра, которого подозревал в организации «контрреволюции». Вот как описывает с оттенком антисемитизма и снобизма приезд Троцкого в Царское Село ставший затем писателем генерал Краснов:

«Уже в сумерках ко мне вбежал какой то штатский с жидкой бородкой и типичным еврейским лицом. За ним неотступно следовал молодой казак 10 го Донского полка с винтовкой больше его роста в руках и один из адъютантов Керенского.

– Генерал, – сказал, останавливаясь против стола, за которым я сидел, штатский, – прикажите этому казаку отстать от нас.

– А вы кто такие? – спросил я.

Штатский стал в картинную позу и гордо кинул мне:

– Я – Троцкий.

Я внимательно посмотрел на него.

– Ну же, генерал! – крикнул он мне. – Я Троцкий!

– То есть Бронштейн, – сказал я. – В чем дело?

– Ваше превосходительство, – закричал маленький казак, – да как же это можно? Я поставлен стеречь господина офицера [адъютанта Керенского], чтобы он не ушел, вдруг приходит этот еврейчик и говорит ему: я Троцкий, идите за мной. Офицер пошел. Я часовой, я за ним... Я его не отпущу без разводящего.

– Ах, как это глупо, – морщась, сказал Троцкий и вышел, сопровождаемый адъютантом Керенского.

– Какая великолепная сцена для моего будущего романа, – сказал я толпящимся у

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.o

дверей офицерам!» [111]

И действительно написал роман, но позже. Потому что 1 ноября Троцкий отдал приказ об аресте Краснова, после чего телеграфировал в Смольный о победе: «Гатчина занята финляндским полком. Казаки бегут в беспорядке и занимаются мародерством. Приняты быстрые меры, чтобы положить конец мародерству. Керенский бежал в автомобиле» [112].

Конечно, Троцкий появился в Царском Селе, когда опасность захвата столицы Красновым фактически миновала – из факта бегства Керенского из частей Краснова и ареста адъютанта Керенского следовало, что Краснов не доверял Керенскому не меньше, чем большевикам. Тем не менее, не имея пока еще отношения к военному ведомству, Троцкий, приехав к Краснову, продемонстрировал свою готовность и умение заниматься еще и военными вопросами, а в глазах большевистского актива стал спасителем советского правительства от «налета Керенского и генерала Краснова на Петроград» [113].

Арестованный генерал Краснов, доставленный в Смольный, под обещание не выступать против большевиков был помещен под домашний арест, вскоре бежал на Дон по чужим документам и в центре казачьей вольницы стал одним из организаторов вооруженной борьбы против большевистского режима. Керенскому же после побега из Гатчины удалось эмигрировать.

В.С. Войтинский являвшийся комиссаром Северного фронта и в этом качестве принимавший участие в несостоявшемся выступлении Краснова – Керенского, после неудачного его завершения был доставлен в Петроградский Совет лично Троцким, где последний не без патетики заявил: «Гражданин Войтинский, вы являетесь пленником революционного народа, обвиняемым в конспирации и бунте» [114]. Просидев два с половиной месяца в Петропавловской крепости, Войтинский по ходатайству Горького был освобожден и тоже бежал, но на Кавказ, где он сыграл важную роль в становлении независимого Грузинского государства [115]. Время было сумбурное. Арестованных пока еще выпускали. Карательной политике большевистская власть и Троцкий, как ее представитель, только еще учились.

Состоявшееся в ночь на 1 ноября заседание специально созданной комиссии большевистского руководства (Каменев, Сокольников и Рязанов) приняло решение об исключении Ленина и Троцкого из числа возможных кандидатов на министерские посты и о существенном ограничении участия большевиков в проектируемом новом объединенном правительстве [116]. Секретом это решение не являлось. О нем был поставлен в известность актив социалистических партий [117]. Затем на заседании ЦК большевиков 1 ноября был заслушан доклад Каменева о переговорах с социалистическими партиями и Викжелем. Каменев доложил, что договоренность о формировании однородного социалистического правительства без Ленина и Троцкого достигнута и что структура, перед которой будет ответственно правительство – своего рода новый Предпарламент, – будет укомплектован на непартийной основе из представителей от ВЦИКа, крестьян, флота, Викжеля и ряда профсоюзов [118].

Однако к 1 ноября ситуация уже изменилась в пользу Ленина с Троцким. Большевистскими частями была взята Гатчина, угроза со стороны Керенского – Краснова отпала, Краснов был арестован. Керенский бежал. На заседании Петербургского комитета РСДРП(б) Ленин, не собиравшийся конечно же отдавать власть Чернову или Авксентьеву, обрушился на тех, кто за его спиной вел переговоры: «Зиновьев и Каменев говорят, что мы не захватим власти. Я не в состоянии спокойно выслушивать это. Рассматриваю как измену... Соглашение?... Я не могу даже говорить об этом серьезно. Троцкий давно сказал, что объединение невозможно... Нам бы еще стали предлагать соглашение... с Викжелем... Это торгашество... Согласиться с соглашателями, а потом они будут вставлять палки в колеса... Если будет раскол – пусть. Если будет их большинство – берите власть в Центральном исполнительном комитете и действуйте, а мы пойдем к матросам. Мы у власти... Они говорят, что мы одни не удержим власти... Но мы не одни. Перед нами целая Европа. Мы должны начать. Теперь возможна только социалистическая революция... Необходимо арестовывать – и мы будем. И пускай нам на это будут говорить ужасы о диктатуре пролетариата. Вот викжелевцев арестовать – это я понимаю. Пусть вопят об арестах... Наш лозунг теперь без соглашений, т. е. однородное большевистское правительство!» [119]

Именно в этот день на заседании Петербургского комитета партии Ленин заявил, что, после того как Троцкий убедился в невозможности союза с меньшевиками, «не было лучшего большевика», чем Троцкий. Ленин завершил свою речь лозунгом: «Без соглашений – за однородное большевистское правительство!» [120]

Ленина безоговорочно поддержал Троцкий: «Нельзя, говорят, сидеть на штыках. Но и без штыков нельзя... Ведь никто еще не знает, какие жесткие меры мы вынуждены будем проводить... Почему, на каком основании эту партию, которая захватила власть с бою... они хотят обезглавить, отстранив Ленина?... Всякая власть есть насилие, а не соглашение» [121].

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo. Ленин считал, что переговоры, которые вел Каменев, «должны были быть как дипломатическое прикрытие военных действий», что во что бы то ни стало «нужно отправить солдат в Москву» для захвата власти еще и там, что «политика Каменева» должна быть немедленно прекращена. Троцкий, выслушав Каменева, выступил с негодующей, хотя и не очень связной речью. Было заметно, что из за возмущения он плохо контролирует произносимые им слова и плохо склеивает их в фразы: «Партии, в восстании участия не принимавшие, хотят вырвать власть у тех, кто их сверг. Незачем было устраивать восстания, если мы не получим большинства... мы не можем уступить председательству Ленина... Рвать с ними мы должны на программе, мы должны выяснить массам, что мы хотим провести в жизнь и что для этого нам нужен министерский аппарат».

Пытаясь полемизировать с теми, кто обвинял большевиков в разжигании гражданской войны, Троцкий демагогически восклицал, что гражданская война фактически идет уже давно – она началась еще в феврале 1917 г., в первые дни революции. Он призывал действовать с позиции силы: «Вся эта мешанская сволочь», говорил Троцкий, имея в виду социалистические партии и Викжель, «когда узнает, что за нами власть силы, то будет с нами, и Викжель» в том числе. В новом правительстве Троцкий соглашался отдать другим партиям не больше 25% мест, причем указал, что во главе такого правительства должен стоять Ленин [122].

Ленина и Троцкого поддержал Дзержинский: «Мы не допускаем отвода Ленина и Троцкого». Ленин потребовал идти на прямой разрыв с Викжелем. Троцкий присоединился к его заявлению и еще более усилил позицию, утверждая, что «нашим укрывательством и попустительским отношением к Викжелю мы придаем духу им и ослабляем себя». В итоге по инициативе Ленина и Троцкого было проведено новое голосование и приняты решения о прекращении переговоров с Викжелем и о том, чтобы принять участие лишь в еще одном заседании «с целью последнего разоблачения несостоятельности... попытки» создания однородного социалистического правительства «и окончательного прекращения дальнейших переговоров о коалиционной власти» [123].

Одновременно большевистская фракция во ВЦИКе 1 ноября по решению ЦК потребовала, чтобы не менее половины наркомовских портфелей остались за большевиками и чтобы участие Ленина и Троцкого в правительстве обсуждению не подлежало, правда не уточняя, какие именно посты должны были занять в таком новом правительстве Ленин с Троцким. Меньшевики, не согласные с идеей включения Ленина с Троцким в обсуждаемое новое правительство, покинули заседание, и большевистская резолюция была принята единогласно при одном воздержавшемся [124]. Похоже, что этим воздержавшимся был Д.Б. Рязанов, который заявил, что «ультимативность кандидатур Ленина и Троцкого компрометирует партию пролетариата» [125].

На заседании ЦК, тянувшимся весь вечер 1 ноября и большую часть ночи 2 го, мнения снова разделились. Ленина и Троцкого поддержали Урицкий и Дзержинский. Зиновьев считал, что нужно добиваться соглашения с другими социалистическими партиями на условиях принятия большевистской программы и «ответственности власти перед Советом как источником власти» (пункта о включении в правительство Ленина и Троцкого Зиновьев не оговаривал). Рязанов указал, что «соглашение неизбежно», так как даже в Петрограде власть не у большевиков, а у Советов. Не идти на соглашение, утверждал Рязанов, – значит остаться в одиночестве. «Мы уже сделали ошибку, – продолжал Рязанов, – когда возглавили правительство и заострили [внимание] на именах», т. е. требовали включения в правительство Ленина и Троцкого. «Если бы мы этого не сделали, за нас были бы средние бюрократические круги». Рязанов далее сообщил, что через два три дня большевики будут стоять перед необходимостью выдавать по четверти фунта хлеба в день, а если не согласятся на блок с другими социалистическими партиями, то останутся еще и без левых эсеров, что неизбежно приведет к расколу в самой партии большевиков [126].

За соглашение высказался также В.П. Милютин, сказавший, что большевики все равно не смогут удержать власть в руках одной партии и выдержать длительной гражданской войны. «Объективно мы уже провели нашу программу», – заявил Милютин, имея в виду захват власти Советами. Милютина поддержал А.И. Рыков, относившийся к переговорам об однородном социалистическом правительстве «серьезно» и считавший, что, если переговоры закончатся неудачей, от большевиков отшатнутся те группы населения, которые их поддерживают, и СНК власти все равно не удержит [127].

Параллельно с заседанием ЦК РСДРП(б) в ночь с 1 на 2 ноября проходило заседание ВЦИКа, в повестке дня которого также стоял вопрос о ходе переговоров. Представитель Викжеля М.Ф. Крушинский подтвердил позицию профсоюза железнодоржников. За создание однородного социалистического правительства вновь высказались левые эсеры [128]. На это большевистская фракция ВЦИКа ответила

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.o

отказом. М.М. Володарский прочитал только что заготовленный на заседании ЦК РСДРП(б) проект резолюции ВЦИКа, существенно изменявший предварительное соглашение, достигнутое Каменевым на совещании у Викжеля.

Тем временем Ленин попытался упрочить партийную дисциплину. 2 ноября на заседании большевистского ЦК он предложил к рассмотрению написанную им резолюцию «По вопросу об оппозиции внутри ЦК», требующую создания однопартийного большевистского правительства. Коалицию с другими социалистическими партиями Ленин готов был признать только в Советах (и ВЦИКе), но не в правительстве [129].

Резолюция предназначалась прежде всего для очередного заседания ВЦИКа, начавшего свою работу вечером 2 ноября и продолжавшегося до раннего утра 3 го. Заседание было малочисленным. Присутствовало (судя по результатам голосований) 39 человек. Но на этом заседании, которому ни Ленин, ни Троцкий не уделили должного внимания, они потерпели одно из самых тяжелых своих поражений. Началось с того, что Б.Ф. Малкин [130] от фракции левых эсеров огласил ультиматум о необходимости пересмотра резолюции ВЦИКа от 1 ноября по вопросу о платформе соглашения социалистических партий. Зиновьев в ответ зачитал ленинскую резолюцию (как постановление ЦК), но добавил, что резолюция эта в большевистской фракции ВЦИКа еще не обсуждалась [131]. В связи с этим фракция большевиков попросила сделать перерыв на час, провела голосование во фракции и отвергла ленинскую резолюцию. Вместо нее фракция приняла новую, оглашенную Каменевым во ВЦИКе в форме проекта в 3 часа 15 минут утра 3 ноября: ВЦИК «считает желательным, чтобы в правительство вошли представители тех социалистических партий... которые признают завоевания революции 24/25 октября... [ВЦИК] постановляет поэтому продолжать переговоры о власти со всеми советскими партиями и настаивает на следующих условиях соглашения. Центральный исполнительный комитет расширяется до 150 человек... В правительстве не менее половины мест должно быть предоставлено большевикам. Министерство труда, внутренних дел и иностранных дел должны быть предоставлены большевистской партии во всяком случае... Постановляется настаивать на кандидатурах товарищей Ленина и Троцкого» [132].

Ленина происшедшее привело в бешенство. 3 ноября он предъявил «ультиматум большинству ЦК РСДРП(б) меньшинству». Ультиматум был оглашен на заседании ЦК 4 ноября [133]. ЦК предложил меньшинству «подчиниться партийной дисциплине и проводить ту политику, которая сформулирована в принятой ЦК резолюции» от 2 ноября [134]. Ультиматум подписали Ленин, Троцкий, Сталин, Свердлов, Урицкий, Дзержинский, Иоффе, А.С. Бубнов [135], Сокольников и М.К. Муранов [136]. Тогда в ответ на ультиматум меньшинство в составе Каменева, А.И. Рыкова, В.П. Милютина, Зиновьева и В.П. Ногина опубликовало заявление о выходе из состава ЦК РСДРП(б) [137]. Решающее сражение между сторонниками и противниками однородного социалистического правительства было назначено на 4 ноября, и Ленин с Троцким эту битву выиграли. Во ВЦИКе за Лениным и Троцким шло теперь большинство. Против соглашения с социалистическими партиями выступил наиболее радикально настроенный Петроградский Совет.

Итоги непродолжительного, но довольно острого кризиса в большевистском руководстве, приведшего в конце концов к срыву переговоров об образовании коалиционного социалистического правительства и поражению умеренных левых сил, подвел Троцкий на Петроградской городской партконференции 4 ноября. Он свел дело к воле рабочих, которую выражали большевики, отвергшие компромисс в вопросе о правительстве. На этот раз Троцкий в смысле сроков реализации своей программы увлекся больше, чем обычно, исчисляя их днями: «Происходит революция социалистическая, революция рабочего класса, когда осуществление нашей программы... максимум – дело ближайших дней» [138]. В таком же духе звучала и принятая петроградцами резолюция.

Иначе обстояло дело в Москве, где во главе большевиков стоял правый Рыков. 7 ноября на заседании Исполкома Моссовета он предложил от имени фракции большевиков ту самую резолюцию, которую в ночь на 3 ноября принял ВЦИК и которая так возмутила Ленина. Рыков указал, что он – «враг репрессий и террора и потому вышел из состава ЦК партии» и СНК. От имени партии большевиков Рыков обещал членам Исполкома, что власть в России будет передана Учредительному собранию сразу же после его созыва [139].

Если Рыков и был искренен, позиция его не многое определяла. В то время как Рыков делал уступки в Москве, Ленин в Петрограде предъявил Каменеву, Зиновьеву, Рязанову и Ларину новый ультиматум: либо немедленно дать письменное обязательство подчиниться решениям ЦК и во всех выступлениях проводить его политику, либо отстраниться от всякой публичной партийной деятельности и покинуть ответственные посты до очередного партийного съезда. В противном случае Ленин грозил оппозиционерам немедленным исключением из партии [140]. В ответ Каменев обвинил Ленина и его сторонников в ЦК в срыве партийных решений. Каменева поддержали Рязанов, Милютин, Ларин и Н.И. Дербышев [141]. И только

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.

Зиновьев «капитулировал» и принял сторону Ленина [142] .

Тогда, пользуясь стоящим за ними в ЦК большинством, Ленин с Троцким на заседании ЦК в первой половине дня 8 ноября сняли Каменева с должности председателя ВЦИКа в связи с несоответствием «между линией ЦК и большинства фракции [во ВЦИКе] с линией Каменева» [143] . Однако большинство большевистской фракции придерживалось точки зрения Каменева. И чтобы навязать фракции резолюцию ЦК, к ней были посланы для разъяснительной беседы три члена ЦК: Троцкий, Сталин и Иоффе. Под их давлением фракция согласилась Каменева с поста снять. Его место занял Свердлов [144] .

Современный исследователь В. Бушуев полагает, что «главная, принципиальная и трагическая ошибка большевиков» состояла именно в отказе от создания коалиционного правительства всех социалистических партий и что эта возможность была сведена на нет «такими максималистами, как Л. Троцкий» [145] . Конечно, то была не «ошибка», а хладнокровно продуманный и согласованный Лениным и Троцким курс на однопартийную диктатуру. И этот курс вызвал молчаливую или активную оппозицию большей части населения России. Горький, еще недавно безапелляционно поддерживавший Ленина, после Октябрьского переворота из за узурпации власти большевиками занял однозначно антибольшевистскую позицию. В статье «К демократии», опубликованной в продолжавшей пока еще выходить его собственной газете, он писал, что «Ленин, Троцкий и сопутствующие им отравились уже гнилым ядом власти, о чем свидетельствует их позорное отношение к свободе слова, личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия» [146] . Мартов, почти принявший большевистскую линию в дооктябрьские дни, осознав свое бессилие в деле склонения большевиков хоть к какому то компромиссу, решил просто уйти с политической арены. 19 ноября он писал Аксельроду: «После мучительных колебаний и сомнений я решил, что отойти в сторону – более правильный исход, чем остаться в оппозиции в том лагере, где Ленин и Троцкий вершат судьбы революции» [147] .

Для ослабления оппозиции широких кругов населения России большевики развернули кампанию агитации и пропаганды своих идей, мыслей и целей, активизируя для этого все имевшиеся у них печатные органы и одновременно вводя цензуру или запрещающую меньшевистские издания. Уже 26 октября Ф.И. Дан на заседании ВЦИКа сообщил, что большевики предпринимают попытки установить цензуру печатного органа ВЦИКа «Известий», для чего направляют туда своих представителей, которые изымают статьи [148] . 27 октября был издан ограничительный декрет о печати, против которого выступала оппозиция [149] . СНК фактически предоставил себе право закрывать любые газеты. Декрет задним числом легализовал действия ВРК и отрядов Красной гвардии по закрытию и конфискации газет, в том числе «Речи», «Дня» и «Вестника городского управления».

4 ноября вопрос этот обсуждался на заседании ВЦИКа и вылился в горячие споры. Выступавший от имени оппозиции большевик Ю. Ларин заявил, что «вопрос о печати нельзя выделить из всех остальных стеснений, применяемых революционной властью, – арестов, обысков и тому подобное» и приведших к «общей необеспеченности граждан». Декрет о печати Ларин предложил отменить. Ему возразил большевик ленинец В.А. Аванесов [150] : «Я должен заявить, что право на закрытие буржуазных газет в период боевых действий в момент восстания как будто никем не оспаривалось... Отстаивая свободу печати, мы полагаем, что в это понятие нельзя вкладывать старые понятия мелкобуржуазных и буржуазных свобод... Было бы смешно полагать, что советская власть может под свою защиту взять старое понятие о свободе печати».

Аванесов ни в чем не убедил оппозицию. Выступивший от имени левых эсеров А.Л. Колегаев [151] сказал, что ПЛСР не смотрит на вопрос о свободе печати «как на мелкобуржуазные предрассудки», а про резолюцию большевиков заметил, что в ней «бросаются демагогические слова и замазывается суть вопроса» [152] . Тогда на трибуну вышел Троцкий: «Здесь два вопроса связывают между собой: 1) вообще о репрессиях и 2) о печати. Требования устранения всех репрессий во время гражданской войны означают требования прекращения гражданской войны... В условиях гражданской войны запрещение других газет есть мера законная... Вы говорите, что мы [до революции] требовали свободы печати для «Правды». Но тогда мы были в таких условиях, что требовали минимальной программы. Теперь мы требуем максимальной» [153] .

Троцкого поддержал Ленин: «Троцкий был прав... Мы и раньше заявляли, что закроем буржуазные газеты, если возьмем власть в руки. Терпеть существование этих газет – значит перестать быть социалистом... Закрывали же ведь царские газеты после того, как был свергнут царизм. Теперь мы свергли иго буржуазии. Социальную революцию выдумали не мы – ее провозгласили члены Съезда Советов – никто не протестовал» [154] .

Было очевидно, что никакого недоразумения в декрете о печати нет. Резолюции

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.o

оппозиции были отклонены [155]. В знак протеста против резолюции в отставку подала группа большевистских наркомов, от имени которых декларацию зачитал Ногин [156]. Но в результате ВЦИК большинством голосов принял постановление, текст которого был написан Троцким [157].

На заседании ЦК 29 ноября Троцкий высказался за установление тесной связи Наркомата просвещения, возглавляемого Луначарским, с редакциями «наших» (большевистских) газет, для чего предложил ежедневно по вечерам собирать в Смольном редакторов «для информирования». Это был первый шаг к созданию системы централизованного партийного контроля над советской прессой. Большевистскому издательству «Прибой», согласно Троцкому, следовало организовать бюро стенографов, записывающих «все нужные речи», которые становились бы затем «самым животрепещущим материалом по текущему моменту» [158] и публиковались в прессе. При решении на том же заседании вопроса о составе редакции газеты «Правда» было предложено включить в состав редколлегии Бухарина, Сталина и Сокольников. Но вмешался Ленин и предложил другую тройку: Сокольников, Сталин, Троцкий [159]. В результате было принято компромиссное решение о включении в редакцию всех четверых. В резолюции по поводу «Правды» было записано, что «все редактора газет» (естественно, партийных, большевистских) «к 3 – 4 часам сходятся в Смольный, где их информирует тов. Троцкий» [160] о произошедших событиях и том, что должно быть опубликовано газетами.

Троцкий принял самое активное участие в разгоне городской и районных дум Петрограда, возглавив комиссию по их роспуску и 16 ноября представил на заседание Совнаркома проект декрета об их упразднении [161]. Будучи избранным от партии большевиков в состав Учредительного собрания [162], вместе с Лениным он стал инициатором его роспуска. В этом вопросе между Лениным и Троцким тоже было полное согласие. Когда 28 ноября, в день первоначально предполагавшегося открытия Учредительного собрания, демонстранты, выступавшие в его поддержку, смогли прорваться в Таврический дворец и провести там «собрание», названное I частным совещанием депутатов Учредительного собрания, это событие было сочтено большевистской властью опасным прецедентом, ставившим под угрозу ее легитимное существование. Партийное руководство всполошилось. Вечером того же дня на заседании Совнаркома Троцкий объявил происшедшее «вооруженным восстанием» против Советов во главе с кадетским ЦК, являющимся координационным центром контрреволюции во всероссийском масштабе, после чего был принят написанный Лениным декрет об аресте кадетских лидеров и предании их суду ревтрибунала. Партия кадетов была объявлена большевиками запрещенной, как партия врагов народа, а вся кадетская пресса подлежала закрытию и конфискации [163].

1 декабря на заседании ВЦИКа левый эсер И.З. Штейнберг выступил против антикадетского декрета, и Ленин ответил ему, но, как показалось Троцкому, недостаточно внятно. Троцкий взял слово и, поднявшись на трибуну, стуча ладонью по кафедре, произнес слова, которые затем легли в основу красного террора: «В том, что пролетариат добивает господствующий класс, нет ничего безнравственного... Вы возмущаетесь тем нашим террором, который мы направляем против своих классовых противников – но знайте, что не далее, как через месяц, этот террор примет более грозные формы, по образцу террора великих революционеров Франции. Не крепость, а гильотина будет для наших врагов» [164]. Троцкий перешагнул Рубикон. Если полтора десятилетия назад он ссылался на опыт террора французской революции XVIII в. исключительно для критики «Максимилиана» Ленина, сегодня его устраивали и «Максимилиан» Ленин, и сама гильотина, и большевистский революционный террор по типу французского.

Кадеты, когда то – с точки зрения российского правительства – входившие в левый революционный сектор, после октября 1917 г. оказались в крайне правом. Из влиятельных политических партий правее уже никого не оставалось. В запланированном Учредительном собрании кадетский правый сектор (туда входили незначительные количественно депутаты партий, правее кадетов) имел 17% голосов. С объявлением конституционно демократической партии вне закона большевики, разумеется, изгоняли из депутатов собрания всех представителей кадетской партии. И Учредительное собрание по составу больше походило тогда на ВЦИК, куда входили только левые социалистические партии (большевики, эсеры, меньшевики и анархисты). Именно поэтому большевики пытались получить теперь формальное согласие ВЦИКа и Петросовета на арест кадетов и исключение их из членов Учредительного собрания.

По вопросу о кадетях и Учредительном собрании – высшем органе государственной власти, «хозяине земли Русской», как тогда его называли, – Троцкий, как председатель Петросовета, выступал на его заседаниях несколько раз [165]. 2 декабря Совет по его докладу принял постановление с требованием изгнать кадетов из Петроградского Совета, как деятелей партии врагов народа [166]. Это было провокационное требование, в значительной степени предвещавшее и предпринявшее

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.

разгон Учредительного собрания в ночь с 5 на 6 января 1918 г.

Спор по поводу возможности образования однородного социалистического правительства, решительная победа в этом споре твердокаменных большевистских лидеров Ленина и Троцкого, их единство в отношении Учредительного собрания, их совместные усилия по установлению большевистской монополии на прессу означали выбор в пользу жесткой однопартийной диктатуры, становления тоталитарной социальной системы, которой, правда, предстояло пройти еще немалый путь, чтобы достичь своих «зияющих высот» [167] при режиме Сталина. Вместе с тем события первых недель после Октябрьского переворота воочию свидетельствовали о принципиальном единстве позиций Ленина и Троцкого, о том, что бывшие политические разногласия между ними ушли в недавнее, но забытое прошлое, что Троцкий превратился в наиболее верного последователя курса Ленина [168]. Позже между ними возникали разногласия, подчас весьма серьезные, но до разрыва дело никогда не доходило, и тесное сотрудничество в полной мере восстанавливалось, хотя с обеих сторон сохранялись остатки настороженности, отчасти связанные именно с конфликтами прошлых лет. Не случайно противники большевистской власти были убеждены, что исчезновение одного из них, а тем более их обоих серьезно подорвет существовавшую власть. В том, что именно Троцкий с Лениным стоят во главе новой власти, были убеждены и беспристрастные наблюдатели, включая зарубежных. Любопытно в этом смысле предисловие издательства «Товарищество И.П. Ладыжникова» в Берлине к новому изданию брошюры Троцкого, выпущенной в декабре 1917 г.: «Настоящее произведение Льва Троцкого, одного из вдохновителей ноябрьской революции [1917 г.] и члена правительства народных комиссаров в России, написано автором лет десять тому назад и опубликовано им в виде заключения к его истории революции 1905/06 гг. Переиздавая теперь это издание, мы задались целью ознакомить читателей с основными взглядами автора на характер и задачи русской революции. Взгляды эти, насколько можно судить по выступлениям Троцкого, в своих существенных чертах не изменились. Их связное, цельное изложение поможет читателю разобраться в положительных и отрицательных сторонах ноябрьской революции, в которой Троцкий, рядом с Лениным, занял руководящее положение» [169].

Сам Ленин теперь отлично осознавал первостепенную роль своего бывшего заклятого врага иудушки Троцкого в становлении новой власти. Он как то неожиданно спросил Троцкого: «А что, если нас с вами белогвардейцы убьют, смогут Свердлов с Бухариным справиться?» – «Авось не убьют», – ответил Троцкий. «А черт их знает», – сказал Ленин [170].

5. Нарком иностранных дел

Лишь ощупью Троцкий пытался найти наиболее целесообразные подходы к налаживанию внешнеполитической деятельности большевистского правительства. В литературе часто можно встретить утверждение, что он поначалу совершенно пренебрежительно смотрел на работу своего ведомства и даже заявил: «Вот издам несколько революционных прокламаций к народам и закрою лавочку». Действительно, эти слова приводятся в воспоминаниях персонажа этой книги. Троцкий тут же оговаривался, что если он действительно и произнес эту фразу, то «утрировал свою точку зрения, желая подчеркнуть, что центр тяжести сейчас совсем не в дипломатии». И все же Троцкий создал внешнеполитическое ведомство, хотя и утверждал, что наркомат отнимал у него совсем немного времени [171].

Наркоминдел являлся первым народным комиссариатом, сформированным в качестве самостоятельного органа непосредственно после II съезда Советов [172]. Свое крохотное «министерство» Троцкий разместил поначалу в Смольном, где оно заняло две маленькие комнатки под самой крышей. Иначе говоря, наркомат по занимаемой им площади был значительно меньше квартиры Троцкого. Засиживаясь в нем до глубокой ночи, Троцкий часто проводил здесь и время до утра на узкой кровати.

Почти все чиновники бывшего Министерства иностранных дел приняли участие в общепетроградской забастовке, направленной против большевистской диктатуры. Забастовка была организована профессиональной организацией чиновников – Союзом союзов. 9 ноября Троцкий отдал приказ по Министерству иностранных дел о том, что служащие, не явившиеся на работу на следующий день, будут уволены с полным лишением права на пенсию, а офицеры, занятые в министерстве, будут отправлены в свои части. Приказ этот очень любопытен своим переходным характером. В нем фигурировало министерство, а не наркомат, содержалось традиционное обращение к «господам служащим», о военных говорилось так, будто реально все еще существовала боеспособная российская армия, а о пенсиях чиновникам Российской империи – будто кто то собирался их платить.

В этот же день Троцкий вызвал к себе руководящих сотрудников МИДа и потребовал немедленного перевода на все главные иностранные языки Декрета о мире.

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.o

Дипломаты, явившиеся, видимо, в основном из любопытства, покинули Смольный, отказавшись выполнить это предписание [173] . И все же подписанный Троцким документ с угрозой увольнения оказал воздействие на некоторых мидовских чиновников. Кое кто из них заявил о готовности сотрудничать с большевистской властью. В их числе были ответственные и опытные работники IV политического отдела Ф.Е. Петров, А.В. Сабанин, А.Н. Воскресенский, руководствовавшиеся не только личными мотивами, но и соображениями патриотизма, тем более оправданного, что Россия находилась в состоянии войны с Германией. Все они впоследствии стали руководителями подразделений наркоминдела [174] .

Троцкий, к немалому своему удивлению, начинал понимать, что существует некий государственный аппарат, коллектив чиновников различного уровня, знаний и сферы деятельности, бюрократический слой, который можно как угодно ругать, в том числе самыми последними словами, но без которого не в состоянии обойтись ни одно высшее государственное руководство; что без него государственная машина попросту не способна функционировать; что его необходимо привлекать на свою сторону по возможности пряником, но во многих случаях и при помощи кнута. Троцкий был одним из первых большевистских деятелей, который на собственной шкуре или, скорее, на судьбах собственного, только еще зарождавшегося ведомства, требовавшего особо квалифицированных работников, способных общаться с иностранными дипломатами, ощутил эту не очень для него приятную, но реально сложившуюся ситуацию. Подавляющее большинство чиновников центрального аппарата МИДа во главе с товарищами министра А.А. Нератовым и А.М. Петряевым отказались от сотрудничества с новой властью. Все они были уволены приказом наркома от 13 ноября [175] . Более того, назначенный Троцким «уполномоченный Наркоминдела в МИДе» И.А. Залкинд [176] , живший в эмиграции, окончивший Сорбонну и знавший несколько языков, получил беспрецедентное право подвергать аресту сотрудников министерства, виновных в «активной контрреволюционной деятельности», для чего ему были даже выданы бланки соответствующих ордеров [177] .

Вслед за этим начались увольнения российских дипломатических представителей за рубежом. Им предшествовала циркулярная телеграмма Троцкого от 22 ноября в зарубежные посольства России: их руководителям предлагалось немедленно сообщить о согласии проводить внешнюю политику, ориентированную на немедленное прекращение войны, которая была определена II съездом Советов, с угрозой, что те, кто откажется от этого, будут немедленно отстранены от работы. Положительные ответы дали только поверенный в делах в Португалии П.Л. фон Унгерн Штернберг и временный поверенный в Испании опытный дипломат Ю.Я. Соловьев (вскоре он отказался выполнять распоряжения Наркоминдела и объявил себя эмигрантом, но в 1922 г. возвратился в Россию). Оба они подверглись бойкоту со стороны дипломатических представительств стран Антанты и властей Испании и Португалии, а местные власти этих стран не пропускали их телеграммы в Россию [178] . Остальные послы и их сотрудники были уволены приказом Троцкого от 26 ноября. В приказе говорилось: «Ввиду неполучения ответа на посланные телеграммы и радиотелеграммы послам, посланникам, членам посольств и пр. Российской Республики с предложением немедленного ответа о согласии работать под руководством Советской власти... увольняются со своих постов без права на пенсию и поступления на какие либо государственные должности, а равным образом лишаются прав производить какие бы то ни было выдачи из государственных средств» [179] .

Далее шел перечень около 30 дипломатов, в числе которых были такие известные политические деятели, как посол в Великобритании К.Д. Набоков, посол в США Г.П. Бахметьев, посол в Италии М.Н. Гирс, посол в Испании А.В. Неклюдов. Так в результате большевистского переворота Россия лишилась большой группы опытных и преданных стране дипломатов, ставших первой группой послеоктябрьских политических эмигрантов.

Одновременно Троцкий предпринимал первые меры по налаживанию большевистской дипломатической службы, опираясь вначале на «старого знакомого» матроса Н.Г. Маркина, которого он назначил своим секретарем вместе с Залкиндом. 27 октября Троцкий сам, без охраны, в чем проявилось определенное мужество, совершил своего рода пробный шаг: он нанес визит в здание МИДа на Дворцовой набережной, 6 (возле Певческого моста), однако был встречен случайно находившимися в здании сотрудниками с внешне вежливым, но холодным презрением. Затем товарищ министра Нератов не очень деликатно попросил Троцкого удалиться [180] .

После этого инцидента по распоряжению наркома отряд вооруженных матросов под командой Маркина явился в МИД 4 ноября. У начальников отделов и департаментов были отобраны ключи от всех служебных помещений, и прежде всего хранилищ текущих деловых и архивных бумаг. Бывший начальник канцелярии Б.А. Татищев вынужден был отдать ключи от сейфов, где хранились шифры. Помещение было взято под охрану все тем же отрядом [181] . Ранее, 2 ноября, Троцкий по поручению ВЦИКа стал разрабатывать проект организации за границей «революционной дипломатической

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.o
комиссии» с целью информирования зарубежных стран о событиях в России и ведения дипломатических переговоров [182].

Сама по себе эта инициатива свидетельствовала о том, что нарком пытался найти новые способы внешнеполитической деятельности. Но инициатива с созданием «революционной дипломатической комиссии» повисла в воздухе. Даже положение о ней создано не было.

8 следующие дни Троцкий стал подбирать штат ответственных сотрудников наркомата и дипломатического корпуса. Первый опыт с использованием людей подобных Маркину и Залкинду оказался крайне неудачным, так как они не обладали знаниями, необходимыми для работы в дипломатическом ведомстве, напротив, норовили оказывать на людей исключительно силовое воздействие и подчинять их себе при помощи угроз и давления. Для дипломатического же поприща необходимы были совершенно иные качества. Троцкий полностью убедился в этом, когда поручил Маркину публикацию секретных дипломатических документов, обнаруженных в архивных фондах царского и Временного правительств.

9 ноября Троцкий приказал распространить заявление Наркоминдела о том, что «народы Европы и всего мира должны узнать документальную правду о тех планах, которые втайне ковали финансисты и промышленники совместно со своими парламентскими и дипломатическими агентами» [183]. Открыв сейфы, Маркин увидел там массу бумаг с грифом «Секретно». Нимало не задумываясь, он стал собирать воедино все, что ему попадалось под руку, лишь бы на бумагах была заветная пометка о ее секретности. Правда, к этой работе были привлечены чуть более компетентный Залкинд и молодой востоковед Евгений Дмитриевич Поливанов [184], который до этого служил в МИДе – вначале в отделе печати, а затем в Азиатском департаменте (Поливанов предложил свои услуги большевикам сразу после Октябрьского переворота). Поливанов был человек огромного исследовательского таланта, в политике был малокомпетентен, но всячески стремился помочь новым властям. Вместе они чуть ли не мигом укомплектовали семь выпусков «Сборника документов из архива бывшего министерства иностранных дел», в которые вошли около 100 совершенно случайно подобранных текстов, немедленно изданные [185]. Последний выпуск, опубликованный в феврале 1918 г., завершался торжественным лозунгом, набранным на всю страницу: «Да здравствует международная конференция действительных представителей революционного пролетариата во главе с...», и далее следовал перечень ряда большевистских лидеров, включая, естественно, Ленина и Троцкого [186].

Скольконибудь существенного значения для истории, для характеристики внешней политики России перед мировой войной и в годы войны эти документы не имели [187], однако в огромной степени усилили враждебные чувства и раздражение правительств стран Антанты и ряда других государств по отношению к новой российской власти. Сами публикаторы конечно же абсолютно не понимали, что, собственно, они издают. Убедившись в полной бессмысленности дальнейшего издания такого рода документов без какой либо системы, как и в том, что подобные издания только причиняют вред его деятельности на посту наркома, Троцкий распорядился прекратить совершенно бессмысленную затею. Маркин же, фактически провалившийся на дипломатическом поприще, был уволен из наркомата и отправлен в формирующийся Красный флот, вскоре стал помощником командира Волжской военной флотилии и в 1918 г. погиб в бою.

Можно полагать, что печальный опыт безграмотной публикации дипломатических документов, осуществленной Маркиным вместе с его ассистентами, способствовал тому, что Троцкий постепенно приобретал опыт более эффективной государственной деятельности, осознавал, что одного «революционного инстинкта», а точнее, злобной разрушительной энергии для решения правительственных задач крайне недостаточно. Необходимо было, как все более понимал нарком, привлечение к дипломатической работе квалифицированных сил, по возможности специалистов данной области или, по крайней мере, людей, более или менее хорошо знакомых с западной и восточной культурой, владевших языками, умевших быстро схватывать мысль собеседника и участника переговоров и аргументированно отвечать как в письменном, так и в устном виде. У Троцкого вырабатывалось уважительное отношение к «спецам», которое в еще более яркой форме вскоре проявится в руководстве им военными делами.

Пока же Лев Давидович не испытывал особых затруднений в комплектовании штата руководящих сотрудников своего ведомства и его представителей за рубежом. Достаточно квалифицированных людей среди бывших российских политических эмигрантов было не так уж мало. Троцкий сделал ряд шагов, чтобы «заполучить» именно их в свой наркомат [188]. В штат Наркоминдела вошли известные большевистские деятели В.В. Боровский [189], Литвинов, Карахан, Иоффе. Однако наиболее ценным приобретением был Георгий Васильевич Чичерин.

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.o

Родившийся в 1872 г. Г.В. Чичерин был племянником известного юриста и историка Б.Н. Чичерина. Получив образование на историко-филологическом факультете Петербургского университета, младший Чичерин служил в архиве Министерства иностранных дел, получил чин титулярного советника, затем работал в российском посольстве в Берлине. В 1905 г. он вступил в РСДРП, примкнув к меньшевикам. В связи с этим Чичерин был вначале изгнан из посольства, но остался «причисленным к архивам Министерства иностранных дел России», а в 1908 г. был полностью уволен со службы и остался в Германии, затем он жил во Франции и в Великобритании. Являлся секретарем Заграничной организации РСДРП, а в 1912 г. поддержал Августовский блок как путь к восстановлению единства РСДРП. В годы мировой войны Чичерин был сотрудником газеты «Наше слово», что закрепило его близость к Троцкому. В 1917 г. Георгий Васильевич стал секретарем «делегатской комиссии» по делам возвращения политических эмигрантов в Россию. В августе 1917 г. за антивоенную деятельность он был арестован британскими властями и заключен в Брикстонскую тюрьму.

Став наркомом, Троцкий в течение двух месяцев вел интенсивную переписку с британскими чиновниками по поводу освобождения Чичерина. В письме послу Великобритании Бьюкенену, требуя освобождения Чичерина (а также другого российского гражданина Петрова, также арестованного в Англии), Троцкий откровенно угрожал ответными репрессиями. Он обращал внимание посла, что в России «проживает много англичан, которые отнюдь не скрывают своего контрреволюционного образа мыслей и открыто вступают в явно политические отношения с контрреволюционными элементами буржуазных классов России. Общественное мнение революционной демократии нашей страны не захочет мириться с тем фактом, что русские заслуженные революционные борцы томятся в концентрационных лагерях Англии, в то время как контрреволюционные великобританские граждане не испытывают никаких стеснений на территории Российской Республики» [190]. По воспоминаниям британского посла Бьюкенена, Троцкий передал ему через «французского офицера, социалиста» (видимо, речь шла о Жаке Садуле [191], бывшем сотруднике французской военной миссии в России, который перешел на большевистские позиции [192]), что намерен его арестовать как заложника, а если это приведет к разрыву дипломатических отношений, то арестует в качестве заложников еще «некоторое количество британских подданных» [193].

В конце концов посол решил как то реагировать [194]. К наркому явился британский консул Вудхауз, которому Троцкий заявил, что «Чичерин – его личный друг и ему особенно важно добиться его освобождения, так как он предполагает назначить его своим дипломатическим представителем в одну из союзных столиц». В случае отказа освободить Чичерина Троцкий вновь угрожал подвергнуть аресту некоторое количество британских подданных, которых «он знает как контрреволюционеров». Троцкий также сказал, что за пределы Советской России не будет выпущен ни один британский подданный, «пока не будет улажен вопрос об этих русских» [195].

Бьюкенен счел целесообразным пойти на уступки. 22 ноября представитель посла Великобритании явился к Троцкому в наркомат «для урегулирования вопроса об освобождении... Чичерина, Петрова и др. и об отмене запрещения выезда великобританским гражданам из России». В официальном сообщении об этом визите указывалось, что предполагается урегулирование этого вопроса в самом скором времени» [196]. Фактически же такого рода сообщение означало, что вопрос об освобождении Чичерина уже урегулирован.

И действительно, через несколько дней в прессе было опубликовано интервью британского посла, в котором тот «выразил любовь к России». Троцкий прореагировал немедленно: эти чувства доставили ему большую радость, но он предпочел бы дела словам [197]. Дела тоже последовали – в прессе появилось «официальное извещение» «К освобождению тов. Чичерина и др.» [198]. В нем говорилось, что Бьюкенен довел до сведения российской стороны готовность «заново пересмотреть вопрос относительно задержания вышеозначенных лиц с целью их водворения на родину». В ответ на это Троцкий распорядился о «свободном пропуске великобританских граждан из России с соблюдением тех общих гарантий, которые требуются сейчас от всех граждан союзных и нейтральных стран». Задержанные англичане смогли, таким образом, покинуть Россию [199]. Договорено было также о пропуске дипломатических курьеров в Великобританию и из нее. 3 января освобожденный Чичерин покинул Лондон, через несколько дней прибыл в Петроград и тотчас же был назначен заместителем наркома иностранных дел, став, по существу, в наркомате главной опорой Троцкого, занятого массой всего остального [200].

Вслед за этим Троцкий внезапно предложил назначить советского представителя в Лондон, причем Бьюкенен занял в этом вопросе неопределенную, скорее позитивно выжидательную позицию и запросил инструкции у своего МИДа, которые так и не

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.o получил. Он записал в дневник: «Нам очень трудно согласиться на это, но вместе с тем, если мы откажем ему в этом, он может отплатить нам тем же, лишив союзные посольства их дипломатического иммунитета. Я уже указал Министерству иностранных дел, что нам придется сделать выбор между согласием с большевиками и полнейшим с ними разрывом» [201].

Несравненно менее удачной находкой для наркомата был М.М. Литвинов, которого Троцкий в январе 1918 г. назначил полпредом РСФСР в Великобритании. Правда, эта дипломатическая миссия была фиктивной. В Лондоне Литвинова не признавали. Здесь продолжало функционировать старое русское посольство во главе с В.Д. Набоковым, отцом будущего выдающегося писателя Владимира Набокова. В свою очередь Троцкий, отстранивший В.Д. Набокова от дел, не признавал старое русское посольство и его посла. Осенью 1918 г. Литвинова в Англии арестовали, а затем обменяли на арестованного в России заложника – британского дипломата Роберта Брюса Локкарта, генерального консула посольства Великобритании, обвиненного советским правительством в шпионаже. Включенный в состав коллегии Наркоминдела, Литвинов ездил с различными миссиями в зарубежные страны, занимаясь не столько дипломатической деятельностью, сколько установлением нелегальных связей с компартиями и передавая им указания Москвы. Так Литвинов сразу же включился в тот лицемерный и двойственный замкнутый круг советской внешней политики, когда, с одной стороны, проводился курс на поддержание нормальных отношений с правительствами зарубежных стран, а с другой – предпринимались все возможные усилия для их свержения [202].

Тем временем Троцкий привлекал в свое ведомство все новых и новых сотрудников, которым доверял. К январю 1918 г. штат наркомата составлял уже около 200 человек. Были образованы отделы сношений со странами Запада, Востока, экономический и правовой отделы, отдел виз, отдел военнопленных, отдел денежных ссуд и переводов (для помощи российским гражданам в возвращении на родину), отдел печати (вначале он назывался информационным бюро), хозяйственный отдел, а затем и отдел дипломатических курьеров [203]. Возникло, таким образом, разветвленное дипломатическое ведомство.

Штат дипкурьеров Троцкий начал формировать уже в первый месяц большевистской власти. Правда, сразу же возникли серьезные трудности с возможностью их отправки за рубеж. На заседании Совнаркома 20 ноября 1917 г. Троцкий поднял этот вопрос в связи с отказом британского посла визировать дипломатические паспорта курьерам – им было предложено выезжать на общих основаниях. В связи с этим было постановлено: «Отказывать в этом случае визировать паспорта английских дипломатических курьеров» [204].

По согласованию с Лениным Троцкий попытался взять под свой полный контроль всю информацию, которая шла из России за рубеж. 1 февраля 1918 г. они дали совместное указание Петроградскому телеграфному агентству, что «ни одна депеша за границу, касающаяся внешней политики России, не должна быть разрешена без контроля Комиссариата ин[остранных] дел (Троцкого или Чичерина)» и что копии всех таких депеш должны доставляться Троцкому и Ленину [205]. Сам нарком по своей воле и по просьбе иностранных дипломатов время от времени принимал зарубежных представителей, в большинстве случаев производя на них благоприятное личное впечатление.

Первым из посетивших Троцкого иностранных официальных лиц был, по видимому, начальник американской военной миссии и военный атташе посольства США генерал Уильям Джэдсон. Он побывал у Троцкого в Смольном 18 ноября 1917 г. Беседа в целом носила взаимно толерантный характер. Генерал предупредил, что он еще не имеет возможности официально говорить от имени правительства США, так как признание советской власти еще не произошло, однако он явился с той целью, чтобы завязать отношения и рассеять возможные недоразумения. Троцкий разъяснил генералу политику правительства Ленина «в деле борьбы за общий мир» и потребовал полной гласности на переговорах. Джэдсон в свою очередь указал, что «время протестов и угроз по адресу Советской власти прошло, если вообще это время существовало», но усомнился, что союзники примут участие в намечавшихся переговорах о мире в Германии, хотя он и предпочел бы, чтобы эти переговоры проводились не на сепаратной, а на коллективной основе [206].

Беседу с Джэдсоном Троцкий комментировал в воспоминаниях словами: «Но известно, что одна ласточка, даже в чине генерала, не делает весны» [207]. Он имел в виду, что вскоре именно по инициативе правительств государств Антанты отношения Советской России с зарубежными странами резко ухудшились, а сами европейские страны и США начали активную, хотя и ограниченную, помощь врагам Советов в ходе Гражданской войны. Нельзя забывать, однако, что именно правительство Ленина и лично Троцкий были главными инициаторами резкого ухудшения отношений со странами Антанты, вначале обращаясь к народам этих стран через головы их правительств с призывами начать революцию, а затем заключив сепаратный мир с Центральными

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.о державами.

Такое ухудшение отношений проявилось уже в декабре 1917 г. 5 декабря состоялось свидание Троцкого с французским послом Жозефом Нулансом [208]. Троцкий потребовал прекращения офицерами французской военной миссии, находившимися на Украине, поддержки созданного здесь национального государственного органа – Центральной рады. Нуланс парировал, заявив, что французские офицеры не желают вмешиваться во внутреннюю борьбу между Россией и Украиной, дав этим понять, что он считает Украину независимым государством, а не частью России [209]. Вскоре состоялось «отнюдь не дружественное объяснение» с начальником французской военной миссии генералом Анри Альбером Нисселем, которому Троцкий совершенно не в духе дипломатического протокола весьма невежливо предложил покинуть Смольный. Затем с французами произошел конфликт в связи с тем, что их информационное бюро стало публиковать данные, негодные большевистской власти. Троцкий потребовал закрытия этого бюро, что и было сделано [210].

В положении атакующей стороны советское правительство в первые революционные месяцы оказывалось далеко не всегда. В январе 1918 года войска Румынии заняли входившую до этого в состав Российской империи Бессарабию, которая была сначала объявлена румынами независимой республикой во главе со Сфатул Церием (Народным советом), а в конце 1918 г. стала провинцией Румынского королевства. В ответ в Петрограде по указанию Троцкого был арестован посол Румынии К. Диаманди и наложен арест на золотой фонд Румынии, хранившийся в Государственном банке России. Диаманди вскоре освободили и выдворили из страны. Золотой фонд Румынии советское правительство обещало отдать в обмен на возвращение Бессарабии, оккупацию которой СССР не признавал никогда. Однако и после того, как Красная армия оккупировала Бессарабию и вернула ее в СССР, румынский золотой запас отдан не был. Он был конфискован советским правительством как плата за временную оккупацию и эксплуатацию Румынией Бессарабии.

Наряду с конкретными и частными внешнеполитическими делами с самых первых недель пребывания на должности наркома иностранных дел Троцкий основное внимание уделял жгучей проблеме войны и мира, необходимости, как считали большевики, немедленного выхода России из мировой войны и реализации лозунга, ставшего одним из главных пунктов их политической программы. Однако бурное и непредвиденное развитие событий в этом направлении привело к первому серьезнейшему кризису большевистской власти, причем Троцкий оказался в самом его центре.

Глава 2 Брестский мир

1. Переговоры в Брест Литовске

Ленин, умевший влюбляться в нужных ему людей, даже тех, которых когда то называл «иудушкой», ценил Троцкого за его преданность революции и готовность пожертвовать личной властью ради интересов дела. Про себя Ленин слишком хорошо знал, что добровольно никогда не уступил бы руководства правительством. Он просто терял интерес к делу, если руководящая роль не принадлежала ему. В этом заключалась необыкновенная сила его личности. Но в этом была и очевидная слабость Ленина как революционера. На переговорах в Брест Литовске Ленин не был для немцев соперником: ради сохранения собственной власти он заключил бы с немцами сепаратный мир на любых условиях (что он и сделал в марте). Переговоры должны были вести те, кто ничем не был обязан германскому правительству (например, не брал немецкие деньги на организацию революции в России). Более правильной – с точки зрения интересов революции – кандидатуры, чем бывший меньшевик Троцкий, трудно было сыскать: наркоминдел отправился на переговоры, зная, что лично его немцам шантажировать нечем.

Еще 8 (21) ноября 1917 г. нарком разослал послам «союзных держав» (то есть стран Антанты) ноту с текстом обращения к народам и правительствам воюющих стран с предложением о перемирии и мире без аннексий и контрибуций, принятого II съездом Советов (так называемым Декретом о мире). Троцкий просил их рассматривать этот документ как формальное предложение немедленного перемирия и демократического мира. Заключительные слова письма были далеки от общепринятых международным сообществом дипломатических норм: «Примите уверение, господин посол, в глубоком уважении Советского правительства к народу Вашей страны, который не может не стремиться к миру, как и все остальные народы, истощенные и обескровленные этой беспримерной бойней» [211].

Реакция послов стран Антанты была вполне естественной – они приняли коллективное решение вообще не отвечать на эту ноту самопровозглашенного наркома иностранных дел Советской России. Комментируя получение названной ноты, британский посол в России записал в свой дневник, что Троцкий заявил о намерении опубликовать все

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.o

тайные договоры и что он, Бьюкенен, советовал английскому МИДУ «не отвечать на ноту Троцкого, но рекомендовать правительству Его Величества сделать заявление в Палате Общин в том духе, что оно «готово обсуждать условия мира с законно установленным русским правительством, но не может сделать этого с правительством, нарушившим обязательства, принятые одним из его предшественников» [212] .

Воспользовавшись этой задержкой и формально не отказываясь от возможности участия в переговорах и с представителями союзных с Россией стран, советское правительство вступило на путь сепаратных переговоров с Германией и другими государствами Четверного союза (Австро Венгрией, Болгарией и Турцией). Ленин, Троцкий и нарком по военным делам Н.В. Крыленко потребовали от временно исполнявшего обязанности Верховного главнокомандующего генерал лейтенанта Н.Н. Духонина предложить командованию неприятельских армий немедленно прекратить военные действия и начать мирные переговоры [213] . Последний отказался выполнить это распоряжение, был отстранен от руководства армией и в результате большевистских подстрекательств убит солдатами, после чего в армии появилось крылатое выражение – «отправить в штаб к Духонину», то есть прикончить на месте. Верховным главнокомандующим был назначен Крыленко, который начал переговоры с представителями германского, а затем и австро венгерского командования. С опозданием союзные военные миссии обратились к теперь уже покойному Духонину (о его гибели им, разумеется, еще не было известно), протестуя против нарушения Россией заключенных ею договоров. В 6 часов утра 11 (24) ноября Троцкий разослал радиogramму «Всем, всем» по поводу этого обращения, которое он рассматривал как вмешательство во внутренние дела России с целью вызвать гражданскую войну, а солдат российской армии призывал оказывать всяческое содействие новому главнокомандующему Крыленко [214] . Правда, Ленин и Троцкий все еще пытались продемонстрировать мировой общественности свое стремление ко всеобщему миру. По их просьбе начало официальных переговоров с Германией и ее союзниками было отложено на пять дней, чтобы дать возможность правительствам стран Антанты определить свои позиции [215] . Еще перед этим Троцкий разослал послам ряда нейтральных стран (Норвегии, Испании, Швейцарии и др.) ноты с просьбой немедленно довести советские предложения по скорейшему заключению мира до сведения правительств воюющих с Россией государств и населения собственных стран [216] .

Бьюкенен сообщал о получении новой ноты Троцкого несколько более отстраненно, нежели о первой, излагая только, что правительство Ленина не желает сепаратного мира, стремится к общему миру, но, если Россия будет вынуждена заключить сепаратный мир, ответственность за это ляжет на союзные правительства [217] . В официальном заявлении для печати, являвшемся, по существу дела, ответом на предложения Троцкого, британский посол информировал: «Письмо господина Троцкого послу с предложением всеобщего перемирия поступило в посольство через девятнадцать часов после получения Русским Главнокомандующим приказа об открытии немедленных переговоров о перемирии с неприятелем. Союзники, таким образом, были поставлены перед уже совершившимся фактом, в предварительное обсуждение которого с ними не вступали. Хотя все сообщения господина Троцкого были немедленно переданы в Лондон, великобританский посол не имел возможности ответить на ноты, адресованные ему Правительством, не признанным его Правительством. Кроме того, правительства, власть которых, подобно Великобританскому, исходит непосредственно от народа, не имеет права разрешать вопросы такой важности до окончательного выяснения того, встретит ли намеченное им решение полное одобрение и поддержку их избирателей» [218] .

На дипломатическом языке такой ответ означал отклонение предложения о вступлении в переговоры о мире.

Источенные войной Германия и ее союзники сочли момент весьма благоприятным для того, чтобы попытаться вывести Россию из состояния войны на максимально благоприятных для себя условиях и создать тем самым значительно более надежные перспективы для достижения победы на Западе. По существу, это было продолжением политики использования в своих интересах русских революционеров, прежде всего большевиков, как своих агентов влияния, начатой правительством и военными Германии еще в 1915 г.

Уверенность в том, что силы покидают страны Четверного союза и что единственным спасением является заключение сепаратного мира с Россией, раньше других вселилась в министра иностранных дел Австро Венгерской империи графа О. Чернина [219] – еще в апреле 1917 г. В записке, поданной императору Карлу и предназначавшейся для вручения германскому кайзеру, Чернин утверждал, что «сырье для изготовления военных материалов на исходе», «человеческий материал совершенно истощен», а населением, вследствие недоедания, овладело отчаяние. Возможность еще одной зимней кампании Чернин совершенно исключал, считая, что в

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.o

этом случае империи наступит конец [220] (Чернин не ошибся – конец империи действительно очень скоро наступил).

Что же стояло за планами Центральных держав касательно сепаратного мира с Россией? Прежде всего переброска войск с Восточного фронта на Западный, прорыв Западного фронта, взятие Парижа и Кале, непосредственная угроза высадки германских войск на территории Англии. «Мы не можем получить мира, – писал Чернин в своем дневнике, – если германцы не придут в Париж». Но занять Париж немцы могли лишь после ликвидации Восточного фронта. Значит, перемирие с Россией есть «чисто военное мероприятие», конечная цель которого – ликвидация Восточного фронта для переброски войск на Западный [221].

Разумеется, против таких перебросок категорически возражали социалисты Европы, поскольку перемирие на Востоке приводило к усилению германской армии на Западе. Публичные протесты советского правительства против подобных перебросок немецких войск, если и были искренни, ни к чему не приводили, поскольку контролировать немцев не представлялось возможным и на любое заявление советской стороны германская неизменно отвечала, что проводимые переброски планировались еще до начала переговоров. Именно так и было записано в договоре о перемирии: «Во время заключаемого перемирия никакие перевозки германских войск не имели бы места, кроме тех, которые были решены и начаты до этого времени» [222].

Открыв переговоры о перемирии с советским правительством, германское военное командование в спешном порядке перебросило с Востока на Запад большую часть боеспособных войск. «Впервые за все время войны, – писал впоследствии командующий войсками Восточного фронта генерал М. Гофман [223], – Западный фронт имел численный перевес над противником». Сепаратный мир с Россией становился ключом к победе Четверного союза в мировой войне. Правда, мир предполагалось заключать с правительством, которое сами же немцы провозили через Германию и которое, кроме них, никто не признавал. Впрочем, это не смущало германских и австро-венгерских дипломатов, тем более что, по их мнению, Ленин с Троцким не могли продержаться долго. Но именно поэтому они торопились с подписанием сепаратного мира с большевиками. «Чем меньше времени Ленин останется у власти, – писал Чернин, – тем скорее надо вести переговоры, ибо никакое русское правительство, которое будет после него, не начнет войны вновь». В этом была своя логика. Однако с подписанием нужно было торопить.

Германские и австрийские дипломатические деятели хорошо понимали, с кем они собираются вести переговоры и какие цели ставят перед собой русские революционеры. «Несомненно, что этот русский большевизм представляет европейскую опасность», – писал Чернин, считавший, что было бы правильнее «вовсе не разговаривать с этими людьми», а «идти на Петербург и восстановить порядок». Но сил для этого у Центральных держав не было [224]. Приходилось вести переговоры. 19 ноября (2 декабря) русская делегация, насчитывающая 28 человек, прибыла на немецкую линию фронта, а на следующий день – в Брест Литовск, где помещалась ставка главнокомандующего германским Восточным фронтом. Как место для ведения переговоров Брест Литовск был выбран Германией. Очевидно, что ведение переговоров на оккупированной немцами территории устраивало прежде всего германское и австрийское правительства, поскольку перенесение переговоров в какую-нибудь нейтральную страну вылилось бы в межсоциалистическую конференцию. В этом случае конечно же конференция обратилась бы к народам «через головы правительств» и призвала бы ко всеобщей стачке или гражданской войне. Тогда инициатива из рук германских и австро-венгерских дипломатов перешла бы к русским и европейским социалистам.

Мнение руководителей русской революции по вопросу о месте ведения переговоров в общем сводилось к тому, что переговоры выгоднее вести в нейтральной стране, например в Швеции. Однако было очевидно, что этот путь не даст быстрых результатов, а скорее всего приведет к срыву переговоров. К тому же в Бресте Ленин с Троцким были застрахованы от вмешательства в переговоры социалистов стран Антанты. В Стокгольме же им пришлось бы на виду у мирового общественного мнения настаивать на всеобщем демократическом мире (без аннексий и контрибуций), хотя бы уже потому, что социалисты Англии, Франции и Бельгии не могли согласиться на русско-германское сепаратное соглашение. В Бресте решал Ленин. В Стокгольме Ленин становился сторонним наблюдателем. И какой-нибудь Парвус или Троцкий со связями в международном социалистическом движении могли оказаться важнее Ленина и всего русского ЦК.

По всем этим причинам на Стокгольме как месте проведения переговоров настаивал Парвус и близкие ему люди: Радек, Ганецкий, Боровский. Парвус хотел превратить советско-германский диалог в разговор между германским правительством и социалистическими партиями Европы. По существу, тем самым ставился вопрос о всеобщей европейской революции, для которой заключение мира могло оказаться «самым революционным актом» [225]. Иными словами, если бы конференция

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.o

увенчалась успехом, социалисты, несомненно, пришли бы к власти на нажитом капитале. Если бы конференция, подавшая надежды на всеобщий мир, окончилась бы провалом, это, как казалось европейским социалистам, могло бы привести ко всеобщей стачке и революции. Но и в том и в другом случае вспыхивала европейская революция, а революция в России отходила на второй план, что устраивало Троцкого, но категорически не устраивало Ленина.

21 ноября (4 декабря) переговоры в Брест Литовске начались. С советской стороны делегацию возглавили три большевика (Иоффе, Каменев и Сокольников) и два левых эсера (А.А. Биценко и С.Д. Масловский Мстиславский). Троцкий пока оставался в резерве. По поручению главнокомандующего Восточным фронтом Леопольда принца Баварского с германской стороны переговоры должна была вести группа военных во главе с генералом Гофманом. На состоявшемся 3 декабря по н. ст. первом совместном заседании делегатов многие из этих вопросов вообще не поднимались. Русская делегация настаивала на заключении мира без аннексий и контрибуций. Гофман как бы соглашался, но при условии присоединения к этому требованию еще и Антанты, а поскольку, как всем было ясно, советская делегация не уполномочена была Англией, Францией и США вести переговоры с Четверным союзом, вопрос о всеобщем демократическом мире повис в воздухе. К тому же делегация Центральных держав настаивала на том, что уполномочена подписывать лишь военное перемирие, а не политическое соглашение. И при внешней вежливости обеих сторон общий язык найден не был.

Иоффе, ведший переговоры от имени советского правительства, пытался выиграть время. Немцы предлагали начать тотчас хотя бы неофициальное обсуждение перемирия. Иоффе предлагал перенести обсуждение на 4 декабря по н. ст. Делать было нечего, все согласилось. 4 декабря в 9.30 утра переговоры возобновились. От имени советской делегации контр адмирал В.М. Альфатер зачитал проект перемирия. Подразумевалось, что перемирие будет всеобщим, сроком на шесть месяцев. Возобновление военных действий могло последовать только с объявлением о том противной стороне за 72 часа. Переброска войск во время перемирия не допускалась. Определялась четкая демаркационная линия. После заключения всеобщего перемирия все местные перемирия теряли силу. Гофман на это заметил, что о всеобщем перемирии говорить бессмысленно, так как Антанта не побеждена, не присоединилась к переговорам, не пойдет на перемирие и в одностороннем порядке объявлять о прекращении огня на Западном фронте Германия не может. Перемирие поэтому может быть заключено только на Восточном и русско турецком фронтах. На пункт о запрете перебросок войск Гофман возразил, что Германия оказывается здесь в невыгодном положении, так как только она воюет на два фронта и этот пункт, следовательно, направлен только против нее. К тому же общий запрет на перемещение войск подразумевает и запрет отвода войск в тыл, и замену уставших частей свежими, а это неразумно и в конечном счете не выгодно ни одной из сторон. Гофман предложил поэтому договориться о том, что армии Центральных держав, выставленные против России, не могут усиливаться, как и русские армии, выставленные против стран Четверного союза. Кроме того, немцев не устраивали сроки – шесть месяцев немцы считали слишком большим сроком, так как перемирие для них было первым шагом к мирному соглашению, которого они не могли ждать шесть месяцев. Советская сторона надеялась через шестимесячное перемирие затянуть переговоры на полгода и за это время – кто знает? – организовать европейскую революцию. По той же причине большевиков не устраивал пункт о разрыве перемирия с предупреждением в 72 часа. Компромисс был найден в том, что перемирие заключалось с 10 декабря 1917 г. по 7 января 1918 г. по н. ст., а предупреждение о разрыве перемирия должно было последовать за семь дней. Подписать договор предполагалось на следующем заседании, утром 5 декабря. В течение ночи советская делегация вела оживленные переговоры с Петроградом. Но так как подписывать мирный договор с Центральными державами революционеры на самом деле не планировали, Центр дал указание советской делегации «немедленно после утренних переговоров [22 ноября (5 декабря)] выехать в Петроград, условившись о новой встрече с противниками на русской территории через неделю» [226]. Заседания планировалось возобновить 29 ноября (12 декабря). «Здесь не торопятся, – записал Чернин в дневнике. – То турки не готовы, то опять болгары, затем канителетя русские, и в результате заседание снова откладывается или закрывается тотчас после начала» [227].

Как и предусматривала директива Петрограда, советская делегация предложила перенести переговоры в Псков. Согласившись на перерыв, германская делегация отклонила требование о переносе места заседаний, сославшись на то, что в Бресте созданы лучшие условия. Иоффе не стал возражать. В неофициальном порядке договорились о том, что на Восточном и русско турецком фронтах с 24 ноября (7 декабря) до 4 (17) декабря объявляется перемирие [228], продленное затем до 1 (14) января 1918 г. В первый день перемирия, 24 ноября (7 декабря), советская

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo. делегация, уже вернувшись домой, докладывала ВЦИКУ о мирных переговорах. В прениях Троцкий был циничен, хладнокровен и подготавливал к возможному возобновлению войны: «Мы говорим с [германской] делегацией, как стачечники с капиталистами... И у нас, как у стачечников, это будет не последний договор. Мы верим, что окончательно будем договариваться с Карлом Либкнехтом, и тогда мы вместе с народами мира перекроим карту Европы... Если бы мы ошиблись, если бы мертвое молчание продолжало сохраняться в Европе, если бы это молчание давало бы Вильгельму возможность наступать и диктовать условия, оскорбительные для революционного достоинства нашей страны, то я не знаю, смогли бы мы при расстроенном хозяйстве и общей разрухе... смогли бы мы воевать. Я думаю: да, смогли бы. (Бурные аплодисменты.) За нашу жизнь, за смерть, за революционную честь мы боролись бы до последней капли крови. (Новый взрыв аплодисментов.)» [229] .

12 (25) декабря, в день возобновления работы Брест Литовской мирной конференции, граф Чернин объявил от имени стран Четверного союза, что они согласны немедленно заключить общий мир без насильственных присоединений и контрибуций и солидаризируются с советской делегацией, осуждающей продолжение войны ради чисто завоевательных целей [230] . Аналогичное заявление сделал Р. Кюльман [231] : «Делегации союзников полагают, что основные положения русской делегации могут быть положены в основу переговоров о мире» [232] . Как записал Троцкий, «дипломаты Четверного союза присоединились к демократической формуле мира – без аннексий и контрибуций, на началах самоопределения народов» [233] . Правда, и Чернин, и Кюльман сделали одну существенную оговорку: к предложению советской делегации присоединяются все воюющие страны, причем в определенный, короткий срок. Таким образом, Антанта и Четверной союз должны были сесть за стол мирных переговоров и заключить мир на условиях, выдвинутых российской советской делегацией. Было очевидно, что такое предложение нереалистично. Когда 6 (19) декабря посол Франции в России Ж. Нуланс сообщил в МИД о беседе с Троцким, предложившим Франции подключиться к переговорам, министр иностранных дел С. Пишон ответил, что не склонен присоединяться к мирным переговорам между германским правительством и «максималистами». 8 (21) декабря он телеграфировал Нулансу, что французское правительство «ни в коем случае не согласно вмешаться – официально или нет – в мирные переговоры максималистов и беседовать об интересах Франции с псевдоправительством» [234] . По существу, попытка привлечения Антанты к переговорам была банальным пропагандистским шагом, используемым советским правительством ради очередной затяжки переговоров. На заседании 12 (25) декабря Иоффе предложил сделать теперь уже «десятидневный перерыв» с 25 декабря по 4 января по н. ст. «с тем, чтобы народы, правительства которых еще не присоединились к теперешним переговорам о всеобщем мире, получили возможность ознакомиться» с мирной программой, выдвинутой большевиками [235] . Пятью днями позже перерыв был объявлен. Тот факт, что заявления Чернина и Кюльмана об их согласии вести переговоры на условиях, выдвинутых советской делегацией («мир без аннексий и контрибуций»), совпадали, не должен вводить в заблуждение: у Германии и Австро Венгрии по этому вопросу имелись серьезные расхождения. Германское правительство давно относилось с подозрением к готовности Чернина подписать мир с Советами. Еще 20 ноября (3 декабря) статс секретарь Германии по иностранным делам Кюльман высказал мнение, что Австро Венгрия хочет опередить Германию в деле будущего сближения с Россией. Похоже, однако, что Чернин думал не столько о далеком будущем, сколько о близком настоящем. Когда Кюльман уже во время заседания делегаций, имея в виду большевиков, сказал Чернину по французски: «Они могут только выбирать, под каким соусом им придется быть съеденными», Чернин скептически заметил: «Совсем как мы...» [236] Для нашего спасения необходимо возможно скорее достигнуть мира» [237] . Русская революция, по замечанию начальника германского Генерального штаба П. Гинденбурга [238] , действовала «скорее разлагающе, чем укрепляюще». Противостоять требованию «мира во что бы то ни стало» было практически невозможно [239] . К тому же внутри Четверного блока не было единства. Кроме расхождений между Германией и Австро Венгрией были еще и конфликты внутригерманские: у статс секретаря по иностранным делам Кюльмана, с одной стороны, и высшего военного командования – с другой. Последнее стояло за более жесткую линию в переговорах с советским правительством, в то время как Кюльман считал, что мирный договор на Востоке должен быть составлен таким образом, чтобы он не препятствовал заключению в будущем мира на Западном фронте. Кюльман небезосновательно предполагал, что Антанта никогда не согласится на признание Брестского мира в том виде, в каком его собирались продиктовать России Гофман и Людendorff [240] , а если так, то Брестский мир, пусть и самый выгодный для Германии, станет в будущем главным препятствием к заключению перемирия на

Западе. Но поскольку высшее военное руководство Германии рассчитывало не столько на перемирие с Антантой, сколько на победу над ней, установка Кюльмана казалась военным ошибочной, и конфликт между Кюльманом и командованием германской армии зашел так далеко, что уже в ходе Брестских переговоров Кюльману неоднократно грозили отставкой (которая произошла 9 июля 1918 г.).

Гинденбург вообще резко возражал против политики германских дипломатов в Бресте, согласившихся на «мир без аннексий и контрибуций». 13 (26) декабря, на следующий день после принятия в Бресте совместной декларации об отказе от насильственного мира, Гинденбург с раздражением телеграфировал рейхсканцлеру: «Я должен выразить свой решительный протест против того, что мы отказались от насильственного присоединения территорий и репараций... До сих пор исправления границ входили в постоянную практику. Я дам своему представителю указание отстаивать эту точку зрения после встречи комиссии по истечении десятидневного перерыва. В интересах германского правительства было бы, чтобы Антанта не последовала призыву, обращенному к ней; в противном случае такой мир был бы для нас роковым. Я также полагаю, что все соглашения с Россией будут беспредметными, если Антанта не присоединится к переговорам. Я еще раз подчеркиваю, что наше военное положение не требует поспешного заключения мира с Россией. Не мы, а Россия нуждается в мире. Из переговоров создается впечатление, что не мы, а Россия является диктующей стороной. Это никак не соответствует военному положению» [241].

Позиция Кюльмана в глазах военного руководства Германии не выглядела обоснованной. Так, вместе с кайзером и высшим военным руководством Кюльман считал, что Прибалтика должна быть отделена от России, поскольку в противном случае в будущей войне Германия окажется в невыгодном положении. Но согласие России на отделение Прибалтики требовало, по мнению Кюльмана, компромиссного решения всех остальных русско-германских вопросов, а не одного лишь военного давления на Россию, как то собирался делать Людендорф. Кюльман как политик понимал, что не все занятые военными территории можно будет удержать за собою и лучше отдать часть захваченного, но заключить прочный и реальный мир с советским правительством, чем рисковать свержением этого правительства и потерей, в результате, всех завоеваний в Бресте.

Между тем вопрос об окраинных государствах чуть было не привел к разрыву переговоров. После телеграммы Гинденбурга германская делегация дала понять советской стороне, что та неправильно истолковала первоначальное германское австрийское заявление об отказе от аннексий и ошибочно посчитала, что «мир без аннексий отдаст им польские, литовские и курляндские губернии». Немецкая сторона указала, что «даже при условии заключения мира с нынешним русским правительством силы Четверного союза и дальше будут оставаться в состоянии войны» на Западном фронте «и поэтому немецкая сторона не может взять на себя обязательств» вывести войска из оккупированных русских территорий в определенный срок.

Немцы указали также, что Польша, Литва, Курляндия, Лифляндия и Эстляндия наверняка «выскажутся за политическую самостоятельность и отделение» от России (и так дали понять, что вопрос об отделении и оккупации германскими войсками этих территорий, собственно, уже предрешен) [242].

По мнению германского Верховного главнокомандования, присутствие немецких войск в оккупированных провинциях должно было продолжаться несколько лет. Это крайне возмутило Иоффе, и под конец вечернего заседания 13 (26) декабря стало ясно, что стороны на грани разрыва. Кюльман, правда, дал понять, что не поддерживает требования германских военных и скорее уйдет в отставку, чем разорвет переговоры из за разногласий по вопросу об аннексиях. Австро-венгерская делегация также намерена была подписать мир любой ценой. Вечером этого дня Чернин информировал германскую делегацию, что в случае разрыва немцами переговоров с большевиками Австро-Венгрия подпишет сепаратный мир [243]. Чернин уведомил об этом Кюльмана в личном письме: «В дополнение к нашей вчерашней беседе я считаю своим долгом сообщить Вам, что имею четкий приказ от своего императора о том, что переговоры с Россией не должны потерпеть неудачу из за наших требований. По этой причине, в случае неудачи Ваших усилий, я вступлю в сепаратные переговоры с русской стороной» [244].

Утром 14 (27) декабря на совещании, где присутствовали Иоффе, Каменев и Покровский, с одной стороны, и Кюльман, Чернин и Гофман – с другой, М.Н. Покровский указал, что нельзя «говорить о мире без аннексий, когда у России отнимают чуть ли не 18 губерний». Гофман вновь возразил на это, что, пока война на Западе продолжается, немцы не могут очистить Курляндию и Литву, поскольку эти территории являются частью их военных ресурсов. После же окончания войны «судьба оккупированных областей должна быть решена на основании принципа самоопределения народов» [245].

На дневном заседании, открывшемся в 17 часов, Иоффе потребовал поставить пункт об отказе от аннексий первым пунктом договора. Согласно советскому проекту

Россия должна была вывести «свои войска из оккупированных ею областей Австро Венгрии, Турции и Персии, а силы Четверного союза – из Польши, Литвы, Курляндии и других областей России». Населению этих областей в течение короткого, точно оговоренного времени должна была быть предоставлена «возможность принять полностью независимое решение о присоединении к тому или иному государству или об образовании самостоятельного государства», причем все иностранные войска должны были быть выведены. Германский проект однозначно предполагал признание Россией независимости Польши, Литвы, Курляндии, Эстляндии и Лифляндии; не требовал проведения референдума по вопросу об отделении этих территорий от России; оставлял открытым вопрос о выводе с этих территорий германских войск, настаивая, однако, на выводе русских. Все вышесказанное относилось и к Финляндии [246] .

На следующий день советская делегация заявила, что покидает Брест Литовск, поскольку ранее предполагала, что «германцы просто откажутся от всей занятой ими территории или выдадут ее большевикам». 15 (28) декабря, на последнем перед новым (по н. ст.) годом заседании, стороны договорились, правда, что в Бресте будет образована комиссия для разработки подробного плана оставления оккупированных областей и организации голосования. Это было временное решение проблемы, позволявшее обеим сторонам считать, что в переговорах наблюдается некоторый прогресс. После этого делегации разъехались по домам, чтобы доложить своим правительствам о ходе переговоров. Но не успели они уехать, как пришли тревожные для немцев (и радостные для советской стороны) сообщения сначала о беспорядках в Крейцнахе, где тогда находилась ставка германского главнокомандования, а затем в Берлине. А в первых числах января по н. ст. антигерманские демонстрации начались в Будапеште, и в германском консульстве демонстрантами были выбиты стекла.

Чернин был в панике, так как понимал, что в случае возникновения серьезных беспорядков большевики расценят их как начало революции и оборвут переговоры. Действительно, именно в эти дни Петроградское телеграфное агентство призвало германских солдат «не подчиняться приказам и сложить оружие». Немецкое правительство усмотрело в этих воззваниях большевиков «грубое и нетерпимое вмешательство» Советов в германские внутренние дела [247] , не исключая, что большевики уже не вернуться в Брест. В этом случае Центральные державы собирались объявить «перемирие прекращенным и стали бы выжидать», не заявляя об окончании переговоров .

3 января по н. ст. возникло новое осложнение. Теперь революционеры настаивали на перенесении переговоров в Стокгольм. Германский план скрытых аннексий под предлогом самоопределения народов советским правительством был также отвергнут, как противоречащий «принципу национального самоопределения даже в той ограниченной формулировке, которая дана» в самом германском проекте соглашения [248] .

Против перенесения переговоров в Стокгольм весьма энергично возражал кайзер. 4 января по н. ст. об этом на заседании главной комиссии рейхстага сообщил рейхсканцлер Г. Гертлинг [249] , поручивший Кюльману ответить на советское предложение решительным отказом. Немцы не исключали, что переговоры будут разорваны 7 января по н. ст. Однако 4 января по н. ст. советское правительство пошло на попятную и согласилось отправить в Брест делегацию, теперь уже во главе с Троцким. В делегацию также вошли большевики Иоффе, Каменев, Карахан, историк М.Н. Покровский, левые эсеры Биценко и Карелин, военные консультанты генерал А. Самойло [250] , контр адмирал В. Альтфатер, полковник Д. Фокке, капитан В. Липский; консультантами по национальным вопросам считались К. Радек, П. Стучка [251] , С. Бобинский [252] , В. Мицкявичюс Капсукас [253] . Через несколько дней на короткое время в качестве эксперта в Брест также выехал Красин. Троцкий предлагал привлечь к переговорам своего друга Х.Г. Раковского (последний эмигрировал из Румынии в Россию и проявлял определенные дипломатические способности, ведя переговоры с Румынией), но вопрос этот так и не был решен [254] .

Судя по воспоминаниям Троцкого, Ленин, все еще надеясь уклониться от подписания неравноправного договора, определил его главную миссию словами: «Для затягивания переговоров нужен затягиватель» [255] . Сущность своей и Ленина позиции Троцкий передавал так: «Мы кратко обменялись в Смольном мнениями относительно общей линии переговоров. Вопрос о том, будем ли подписывать или нет, пока отодвинули: нельзя было знать: как пойдут переговоры, как отразятся в Европе, какая создастся обстановка. А мы не отказывались, разумеется, от надежд на быстрое революционное развитие» [256] .

Перед отъездом на переговоры Троцкий провел совещание, о котором вспоминал позже оказавшийся в эмиграции военный эксперт Д.Г. Фокке, проявивший наблюдательность и аналитические способности: «Здесь, у себя в кабинете и в присутствии очень

немногих лиц, Троцкий держится спокойно, неразговорчив и деловит. Спокойствие и выдержка этого комиссара с громкой репутацией «огненного» вождя могли, впрочем, иметь особое объяснение: герой большевизма не только заседал, но и позировал. В его кабинете, за занавеской помещался скульптор (как мне говорили, Гинзбург [257]), спешивший по заказу правительства увековечить Льва Давидовича». В отличие от Иоффе, который демонстрировал на совещании оптимизм, Троцкий не был оптимистичен, предполагал, что германские представители не будут идти на уступки [258] .

Привлечение к участию в переговорах армейских чинов, ранее имевших высокие ранги, было первым и весьма плодотворным опытом сотрудничества Троцкого со старыми военными специалистами. В прямом противоречии со своими интернационалистскими установками и той подрывной агитацией, которую под его покровительством проводили среди немцев во время переговоров Радек [259] и некоторые другие большевики, входившие в состав делегации то ли как члены, то ли как эксперты, Троцкий вменил в обязанность военным «отстаивать интересы русской армии», причем «с чисто военно-технической точки зрения». Такой подход был очень важным идеологическим багажом, который уже вскоре Троцкий сможет с высокой степенью эффективности использовать при строительстве Красной армии и ведении военных действий.

По дороге в Брест в Двинске (Даугавпилсе) 24 декабря (6 января) состоялся митинг, на котором Троцкий выступил с «напыщенной речью». Он заявил: «Наша воля закалена в борьбе, и пусть знают все, что русский народ хочет мира, но он может принять только истинно демократический мир». На другом участке не существовавшего уже фронта Троцкий опять выступил с «трескучей» речью, о том, что русская революция не склонит головы перед германским империализмом; не для того сбросили русские крестьяне, солдаты и рабочие иго царя, чтобы подчиниться другому игу, игу немецких капиталистов и буржуазии; в полной уверенности в вашей поддержке, товарищи, мы подпишем только почетный мир. «Окопники угрюмо молчали», – комментировал Фокке [260] .

Иначе говоря, с самого начала своего участия в переговорах Троцкий не исключал их разрыва, чего он отнюдь не скрывал, правда только от членов делегации, но более осторожно относился к экспертам. Сам же Троцкий, однако, через много лет вспоминал: «Когда я в первый раз проезжал через линию фронта на пути в Брест Литовск, наши единомышленники в окопах не могли уже подготовить сколько нибудь значительной манифестации протеста против чудовищных требований Германии: окопы были почти пусты... Мир, мир во что бы то ни стало... Невозможность продолжения войны была очевидна. На этот счет у меня не было и тени разногласий с Лениным» [261] .

После того как в Брест сообщили, что советская делегация прибывает во главе с Троцким, радости Кюльмана и Чернина не было предела, и это показывало, до какой степени они были удручены возможностью срыва переговоров [262] . 27 декабря (9 января) конференция возобновила работу. Относительно замены Иоффе Троцким ходили разные слухи. Согласно одной версии, Иоффе был заменен, так как не сразу разгадал «дипломатическое коварство» Центральных держав в вопросе о самоопределении наций. По другой – будущий левый коммунист и противник Брестского мира Иоффе сам отказался возглавлять делегацию на переговорах. К тому же Иоффе изначально не хотел ехать в Брест и отправился по настоянию Троцкого, дабы у Троцкого оставалось поле для маневров: оставить Иоффе во главе в случае провала переговоров и сменить Иоффе в случае необходимости, а то и успеха. Впрочем, Иоффе во всех случаях остался в составе советской делегации как заместитель Троцкого.

Непосредственно возглавив советскую делегацию в Бресте, Троцкий, по существу дела, почти отстранил от переговоров всех остальных членов делегации. Это не ускользнуло от внимания Чернина, который записал в дневнике, что члены советской делегации «все трепещут перед Троцким и на заседаниях в присутствии Троцкого никто не смеет рта открыть» [263] . Это было не совсем так. Нарком очень тщательно готовился к заседаниям, работал весьма усидчиво. До поздней ночи в его комнате горел огонь, и туда то и дело вызывались отдельные члены делегации и консультанты, «с которыми происходила принципиальная разборка затронутых на заседаниях принципиальных вопросов», причем члены делегации откровенно высказывали свое мнение. Троцкий действительно запретил выступления членов делегации на пленарных заседаниях без его согласия и без предоставления ему текста намечаемой речи [264] , но это общепринятая практика во время дипломатических переговоров того времени.

С приездом Троцкого произошли и другие изменения. Если раньше члены советской делегации часто проводили свободное время с делегатами других стран и вместе с ними обедали в офицерской столовой, то после прибытия наркома делегаты стали вести замкнутый образ жизни, не общались с делегатами стран Четверного союза и

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.o

их окружением из немецких офицеров. Еду советским делегатам подавали отдельно [265]. Члены советской делегации теперь были также лишены небольшого удовольствия, которым они пользовались до приезда Троцкого: прогулок на немецком автомобиле по окрестным местам. Воспользовавшись тем, что Радек как то в резкой форме сделал выговор немецкому шоферу, опоздавшему подать машину, Троцкий запретил эти прогулки вообще [266].

На самого себя эти ограничения Троцкий не распространял. Он встречался с руководителями делегаций в неофициальной обстановке. Чернин вспоминал, например, что в разговоре упомянул венскую библиотеку Троцкого, которая, по его сведениям, была сохранена австрийским социал демократом Отто Бауэром. Чернин предложил наркому организовать доставку этой библиотеки, и тот ответил согласием [267]. Свою венскую библиотеку Троцкий действительно получил и передал ее «одному из научных учреждений Москвы» [268].

Отвлекаясь от нудных переговоров и подготовки демагогической аргументации, Троцкий в своей крохотной резиденции глубокими ночами писал произведение несколько другого рода – он решил создать первый краткий очерк истории большевистской революции. В результате появилась брошюра, которая во многом создавала образец использования исторической тематики для сугубо политических целей [269]. Автор утверждал, что взятие власти большевиками было исключительно оборонительным актом с целью защитить стремление большинства населения сохранить советское управление. Большевики, по его словам, не хотели управлять сами, но их принудили к этому меньшевики и эсеры своей непримиримостью в переговорах о совместной власти в составе межпартийного социалистического правительства. Брошюра была позже переведена на ряд языков. Она представляла собой первый опыт создания Троцким историко политического сочинения, являлась предшественницей его объемистого труда по истории революции, написанного уже после изгнания из СССР, в котором концепция захвата власти будет существенно изменена: от позиции, что большевики инициировали события, к утверждениям, что их вынуждали совершать те или иные шаги.

Однако, работая в свободные от дискуссий часы над своей брошюрой, Троцкий не забывал, что основная его задача в Бресте – затягивать переговоры в надежде на скорую революцию в Германии и Австро Венгрии. Ленин считал, что лучше Троцкого сделать это никто не сможет [270]. При этом Ленин, по словам Троцкого, знал, что факт участия в переговорах является для Троцкого «пыткой». В конце 1930 х гг. в черновых записях недописанной и неопубликованной им книги «Ленин» он сделал следующую запись: «Во время Брест Литовских переговоров Ленин лучше, чем кто бы то ни было, понимал, какой пыткой для меня является общение с чуждым и враждебным миром. Он был очень доволен ведением переговоров – агитационным и «затягиванием» их – и обнаруживал это в свойственной ему скупой, я бы сказал застенчивой, но тем более выразительной форме» [271].

Чернин вынужден был отдать должное своему оппоненту: «Троцкий, несомненно, интересный и ловкий человек и очень опасный противник. У него совершенно исключительный ораторский талант, быстрота и находчивость реплик, которые мне редко приходилось наблюдать, и при этом редкая наглость, соответствующая его расе» [272].

По свидетельству военного консультанта советской делегации генерала А.А. Самойло, «на заседаниях Троцкий выступал всегда с большой горячностью, Гофман не оставался в долгу, и полемика между ними часто принимала острый характер», а переговоры «выливались, главным образом, в ораторские поединки между Троцким и Гофманом, в которых время от времени участвовали Чернин и Кюльман» [273].

Троцкий вел длительные и крайне утомительные дискуссии по поводу статуса российских территорий, находившихся под германской оккупацией, при формальном признании их суверенитета. В различных формах и многократно он заявлял, что российское правительство не может считать выражением воли населения заявления, сделанные «привилегированными группами населения» в условиях военной оккупации. «Этот опасный энтузиаст, – вспоминал Фокке, – с горящими злым блеском темными глазами и профилем Мефистофеля [274], говорил как бы перед открытым окошком, бросая даже из обложенного германскими штыками и осадными строгостями Бреста опасный посев доноса народам на преступную и своекорыстную опеку их правительство» [275].

Троцкий брал слово по каждому обсуждавшемуся вопросу, произносил огромные, пламенно звучащие речи, останавливался на мелочах, вступал в ожесточенный спор с Кюльманом и Черниным по любому поводу, часто ставя их в тупик. И это несмотря на то, что Кюльман был блестящим дипломатом и полемистом, великолепным знатоком истории и правовых норм. Когда Кюльман неосторожно пообещал, что, если англичане уйдут из Персии, там не останется ни одного турецкого солдата, Троцкий тотчас же ухватился за эти слова. «Если возникает вопрос в такой широкой постановке, – воскликнул он, – то пришлось бы возбудить вопрос о некоторых других нейтральных

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.o
странах, например о Бельгии». Все свои заявления Троцкий делал нарочито резким, вызывающим тоном, с высоко поднятой головой и язвительной усмешкой, что, естественно, не способствовало бы ходу переговоров, если бы на их успех серьезно рассчитывал советский нарком [276]. Кюльман же охотно вступал в абстрактные дискуссии с Троцким, которые не вели к практическим результатам, и таким образом играл на руку большевикам, сам того не понимая.

Уже в день своего прибытия в Брест Троцкий потребовал допуска на переговоры представителей прессы. «Российская делегация полагает, – заявил он, – что, если в цели делегаций Четверного Союза не входит стремление искусственно изолировать» переговоры «от общественного мнения Европы, представители правительств четырех союзных держав согласятся с предложением допустить в Брест Литовск указанных представителей печати, без различия направлений» [277]. Хотя это требование выполнено не было, на протяжении всего периода своего участия в переговорах Троцкий продолжал на нем настаивать, используя и этот предлог для оттяжки переговоров.

Еще одним приемом, который применял Троцкий с первых дней своего пребывания в Бресте, были дискуссии по поводу того, как передаются заявления российской делегации в официальных отчетах, публиковавшихся в германских газетах. Он требовал, например, чтобы его заявления публиковались если не полностью, то в весьма подробном изложении, причем при публикации особо выделялись заявления, что его правительство может подписать только честный демократический мир [278]. Нарком иностранных дел таким образом выражал пожелание, чтобы немецкая пресса способствовала его пропагандистским усилиям.

Троцкий тянул время, бесконечно настаивая на перенесении переговоров в Стокгольм, и немцам вскоре стало ясно, что самим переговорам Троцкий не придавал «никакого значения», что его интересовала пропаганда большевистской программы мира, причем тон его «с каждым днем становился все агрессивнее» [279]. Этому было, разумеется, свое объяснение: усиливающаяся (как, по крайней мере, казалось революционерам) волна беспорядков в Германии и особенно в Австрии, где катастрофически обстоит дело с продовольствием. Забастовочное движение, вызванное сокращением рациона муки и медленным темпом мирных переговоров, охватило Вену и окрестности. Австрийские власти в полном отчаянии обратились за помощью к Германии, прося немцев «присылкой хлеба предотвратить революцию, которая иначе неизбежна». Но Германия сама была уже на грани голода, и 4 (17) января австрийская просьба о поддержке хлебом была отклонена. Катастрофа казалась теперь неизбежной уже не только Чернину, но и Кюльману [280].

В этот день в Бресте была получена следующая депеша от генерала А. фон Арца: «Близ Вены крупные промышленные округа начали забастовку. Движение распространилось вплоть до окрестностей Мюрццушлаг. В качестве предложения этого движения называется сокращение мучного пайка, однако, как мне кажется, причина кроется в политических обстоятельствах, так как рабочие непременно хотят заключения мира... Поводом для всего движения служит беспокойный и медленный ход Брестских переговоров... Последствия этого движения для полевой армии и для всего хода войны могут быть самыми неблагоприятными. Находясь под впечатлением развивающегося здесь рабочего движения, я прошу... оказать максимальное влияние на редактирование отчетов о Брестских переговорах с учетом этих отношений» [281].

Обычно сдержанный Кюльман по получении телеграммы Арца отметил: «Граф Чернин выглядит весьма озабоченным из за внутреннего положения в Австрии. Он повторно со всей серьезностью и настойчивостью указал на то, что внутренние австрийские дела не перенесут разрыва Брестских переговоров. В этом случае он, сражаясь до последней минуты на нашей стороне, будет вынужден в самое последнее мгновение перед отъездом русских вступить с ними в сепаратные переговоры и подписать даже самое ничтожное соглашение. Позиция [германского] верховного главнокомандования и последние предложения относительно урегулирования польских границ... а также наше поведение в вопросе о хлебе, создали в Австрии впечатление, что в Германии решено совершенно не обращать внимания на ее [Австрии] желания и потребности. В связи с тем, что местные большевики должны быть точно осведомлены окольным путем через «Интернационал» о внутреннем положении Австрии, такое положение создает почти непреодолимые препятствия для переговоров» [282].

В то же время Чернин утверждал, что, хотя дебют Троцкого на брест литовских переговорах 29 декабря 1917 г. (11 января 1918 г.) был «в большой, рассчитанной на всю Европу и в своем роде действительно красивой» речью, по существу Троцкий «уступил по всем пунктам» [283]. Так ли это было на самом деле? Текст речи не дает никаких оснований для такого вывода. По всей видимости, поводом для суждения Чернина было заявление Троцкого о том, что российская делегация, до перерыва заседаний требовавшая переноса переговоров в Стокгольм, приняла предъявленный ей ультиматум о продолжении переговоров в Брест Литовске. Однако это согласие было сделано в такой форме, которая лишь подчеркивала прежнюю

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.o ориентацию на «революционное» затягивание переговоров. В таком же, в основе своей конфронтационном, духе были выдержаны и эта первая речь Троцкого, и все следующие выступления [284].

Троцкий заявил, в частности, что он не принимает протеста генерала Гофмана по поводу большевистской агитации среди германских солдат, так как условия переговоров «не ограничивают свободы печати и свободы слова ни одной из договаривающихся сторон», что он не видит повода для протеста против того, что власти Четверного союза распространяют среди русских солдат и военнопленных германские издания, «проникнутые духом крайней тенденциозности и капиталистическими воззрениями». Троцкий заявил: «Мы остаемся здесь, в Брест Литовске, чтобы не оставить не исчерпанной ни одной возможности в борьбе за мир народов. Как ни необычно поведение делегаций Четверного союза в вопросе о месте переговоров, мы, делегаты русской революции, считаем своим долгом перед народами и армиями всех стран сделать новое усилие, чтобы здесь, в главной квартире Восточного фронта, узнать ясно и точно, возможен ли сейчас мир с четырьмя объединенными державами без насилий над поляками, литовцами, латышами, эстонцами, армянами и др[угими] народами, которым русская революция, с своей стороны, обеспечивает полное право на самоопределение, без всяких ограничений и без всяких задних мыслей».

Однако в игре стран Четверного союза неожиданно появилась крупная козырная карта: выдвинув лозунг самоопределения народов, большевики создали препятствие, о которое споткнулась столь блистательно начатая брестская политика. Этим камнем преткновения стала независимая Украина, «единственное спасение», как назвал ее Чернин.

30 декабря (12 января) Троцкий выступил с несколькими речами на заседании образованной на переговорах политической комиссии по вопросам, связанным с национальным самоопределением ряда территорий, которые вызвали крайне неоднозначное отношение вначале непосредственно на переговорах, а затем и в исторических произведениях. Дело в том, что, стремясь продемонстрировать последовательность политики советского правительства в национально-территориальном вопросе, он предложил пригласить на переговоры представителей Польши, Курляндии и Литвы, чтобы они смогли высказать свое отношение как к самим переговорам, так и к намечаемому отделению их от России под германским покровительством. Глава советской делегации согласился даже на официальное участие в переговорах еще представителей Украины [285]. Граф Чернин счел эту «доходящую до резкости» речь Троцкого тактической ошибкой. У Чернина сложилось впечатление, что Троцкий охотно «взял бы обратно то, что он сказал», но вместо этого он «попросил прервать заседание на 24 часа», так как должен был обсудить с другими членами советской делегации «вновь создавшееся положение». После перерыва Троцкий сообщил, что советская делегация согласна на приглашение представителей окраинных областей, если ей будет предоставлено право отбора лиц. Это, в свою очередь, было отвергнуто немцами и австрийцами, как требование, не соответствовавшее дипломатической практике [286].

Хотя большевики и провозгласили лозунг самоопределения наций вплоть до образования самостоятельных государств, отделение Украины явно не входило в их планы. Как автор концепции перманентной революции, Троцкий выступал не за отделение от России национальных территорий, а за объединение их под лозунгом создания социалистических Соединенных Штатов Европы. Однако на Украине к осени 1917 г. созрело мощное национально-освободительное движение, во главе которого стояли национальные партии, в основном тяготевшие к умеренно социалистическим установкам. Украинская Центральная рада была образована в Киеве еще в марте 1917 г. и в первый период своей деятельности рассматривалась как общественная организация и координационный орган, но затем превратилась в фактический парламент, провозгласивший создание Украинской народной республики (УНР). Это не устраивало Ленина с Троцким не только потому, что Украина отделилась от России, но и вследствие того, что во главе УНР встали «реформисты», причем «националистической ориентации».

Для перехвата инициативы и власти в Украине в декабре 1917 г. в Харькове большевики создали Всеукраинский съезд Советов, провозгласивший Советскую республику. Большевистски настроенные части начали наступление на Киев (который был взят накануне Нового года по ст. ст.). Центральная рада эвакуировалась в Житомир. На протяжении двух месяцев, когда развивался конфликт с Центральной радой, Троцкий, как нарком иностранных дел, прилагал все усилия, чтобы под видом признания права на самоопределение Украины подготовить ее аннексию. 4 декабря Раде было направлено послание Совнаркома, написанное Троцким и Лениным [287]. Формально признавая УНР независимым государством, они в то же время обвиняли Раду в проведении «двусмысленной буржуазной политики», выразившейся, в

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.o частности, в непризнании советской власти на Украине! Это поистине анекдотическое обвинение, означавшее сочетание формального признания с требованием капитуляции перед украинскими большевиками, дополнялось другими, столь же нелепыми: украинским властям предъявлялись претензии, что они разоружают советские войска, поддерживают белогвардейские заговоры, отзывают с фронтов украинские части в пределы республики. В конце концов советское правительство предъявило Раде ультиматум, невыполнение которого оно считало равносильным «состоянию открытой войны против Советской власти в России и на Украине» [288] .

Рада дала немедленный ответ, обещая уладить конфликт миром при условии невмешательства Совнаркома в дела УНР; согласия России на украинизацию ряда воинских частей и вывода их с других фронтов в пределы Украины; участия правительства Украинской республики в переговорах, связанных с заключением мира [289] . Учитывая слабость и нестабильность собственного правительства, Троцкий с согласия Ленина пошел на уступки, ответив, что «действительным предметом конфликта является только поддержка Радой буржуазной кадетско калединской контрреволюции» [290] . Отказ от таковой означал бы возможность достижения соглашения с Радой [291] . В результате в Брест на переговоры прибыла украинская делегация. Но уступки Троцкого были лишь маскировкой подготавливавшегося большевиками наступления на Киев.

Немцы не сразу оценили те громадные преимущества, которые дала им самостоятельная украинская делегация. Первые германские дипломатические сообщения об украинцах в Бресте были сдержанными. МИД предостерегал германскую делегацию от «коклетничанья» с украинцами, так как это могло негативно сказаться на германской политике в отношении Польши, где антиукраинские настроения были достаточно сильны и где Германия должна была исходить прежде всего из интересов своего союзника, Австро Венгрии. Гофман вообще считал, что «выяснение отношений с украинцами является внутренним делом русских» [292] . «Что касается роли украинцев в мирных переговорах, – сообщалось в германской телеграмме от 8 (21) декабря, – то, если это не вызовет раздражения у русских, с нашей стороны не будет возражений против того, чтобы рассматривать их как представителей равной русским самостоятельной власти». Когда же «украинцы нашли общий язык с калединым и другими противниками большевиков», германские дипломаты с тревогой указали им, что «из за этого в опасность попадают не только теперешние переговоры и заключение мира, но и дело будущей реализации украинской самостоятельности», поскольку сомнительно, что кто либо кроме большевиков «признает самостоятельность Украины» (сами немцы готовы были пойти на это лишь с согласия советского правительства) [293] .

Изменение германской позиции в отношении независимой Украины было вызвано прежде всего угрозой Чернина подписать с Россией сепаратный мир без Германии. «Австрийский сепаратный мир был бы, по моему, началом конца для нас, – писал Кюльман. – Надежда победить оставленную в изоляции Германию побудит Антанту драться до последней капли крови» [294] . Военные придерживались иного мнения: с военной точки зрения, комментировал Людендорф сообщение о намерениях Чернина, такой сепаратный мир не имел бы для Германии никакого значения. Но поскольку Австро Венгрия исходила теперь из собственных, а не союзнических интересов, Германия снимала с себя обязанность исходить из интересов Австро Венгрии. Людендорф поэтому предложил начать сепаратные переговоры с Украиной, чтобы «в скором времени заключить с нею мир», даже если за этот мир, в ущерб интересам Австро Венгрии и Польши, Украине придется передать ряд территорий, в том числе Холмскую область (принадлежащую Польше) и Восточную Галицию (принадлежащую Австро Венгрии).

Ознакомившись с предложением Людендорфа, германское правительство пришло к выводу, что для Германии «более важным с точки зрения военных интересов является скорейшее заключение договора с Украиной, а не удовлетворение австро польских желаний», поскольку «вопрос о Восточной Галиции касается только Австрии и Украины» и в нем немцам «не надо поддерживать ни одну из партий» [295] . 1 января по н. ст. Людендорф телеграфировал Гофману в Брест исходные условия для переговоров с украинцами: независимость Румынии; согласие «идти навстречу желаниям украинцев, если они касаются Австро Венгрии и Польши»; согласие украинцев признать действующее уже соглашение о перемирии с Россией и присоединение к этому соглашению. В заключение Людендорф рекомендовал Гофману «провести предварительные обсуждения с украинской делегацией и идти ей навстречу по любому поводу» [296] .

Идею сепаратных переговоров с украинцами энергично поддержал германский император [297] , и, хотя 3 января по н. ст. выяснилось, что прибывшая в Брест украинская делегация [298] не имеет полномочий на подписание соглашений, на следующий день неофициальные переговоры начались [299] . Украинская делегация

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.0

указала, что относится безразлично к месту ведения переговоров; что уполномочена вести сепаратные переговоры от имени независимой Украинской республики; претендует на северную часть Бессарабии и южную половину Холмской губернии; не настаивает на открытости переговоров и принимает принцип обоюдного невмешательства во внутренние дела [300] . «Украинцы сильно отличаются от русских делегатов, – записал Чернин в дневнике. – Они гораздо меньше революционны, обнаруживают гораздо больше интереса к собственной стране и меньше интереса к социализму. Они, собственно, не заботятся о России, а исключительно об Украине» [301] .

Перед украинской делегацией стояли конкретные задачи. Она хотела использовать признание самостоятельности Украины немцами и австрийцами, заручиться согласием советской делегации на участие украинцев в переговорах как представителей независимого государства и после этого начать предъявлять к обеим сторонам территориальные претензии. Германии же и Австро Венгрии важно было вбить клин между украинской и советской делегациями и, используя противоречия двух сторон, подписать сепаратный мир хотя бы с одной Украиной [302] . 6 января по н. ст. на формальном заседании представителей Украины и Четверного союза украинцы объявили о провозглашении Радой независимости Украины и о том, что Украина не признает над собою власти СНК. Вместе с тем украинская делегация указала, что Украина согласится лишь на такой мирный договор, под которым будет стоять подпись ее полномочных представителей (а не членов советского правительства), причем готова подписать с Четверным союзом сепаратный мир даже в том случае, если от подписания мира откажется Россия [303] .

9 января по н. ст. состоялось первое после перерыва пленарное заседание. Констатировав, что установленный десятидневный срок для присоединения держав Антанты к мирным переговорам давно прошел, Кюльман предложил советской делегации подписать сепаратный мир, а Чернин, от имени Четверного союза, согласился в принципе с тем, чтобы акт подписания договора проходил не в Брест Литовске, а в каком то другом месте, определенном позже. На пленарном заседании 10 января по н. ст. Германия и Австро Венгрия признали самостоятельность прибывшей в Брест украинской делегации и поставили в повестку дня заседаний делегаций вопрос о независимости Украины. Троцкий в этом вопросе согласился с немцами и австрийцами, указав, что «при полном соблюдении принципиального признания права каждой нации на самоопределение, вплоть до полного отделения», советская делегация «не видит никаких препятствий для участия украинской делегации в мирных переговорах» и признает представительство украинцев [304] .

Считается, что Троцкий допустил ошибку, так как это признание автоматически поставило вне закона прибывшую в Брест Литовск делегацию украинский большевиков [305] . Однако не следует думать, что решение Троцкого было скоропалительным. Троцкий пробовал «столковаться» с представителями Украины «об их вхождении в общую делегацию» России [306] , дабы потом заменить одних украинских делегатов – сторонников Рады, на других – сторонников большевиков. Переговоры между Троцким и украинской делегацией продолжались весь день 26 декабря (8 января) [307] . Не ясно, о чем именно стороны договорились, но 28 декабря (10 января) Троцкий от имени советской делегации выступил с заявлением, которое нельзя было трактовать иначе, как признание независимой Украины во главе с правительством Рады. Позже советская историография (от сталинских до брежневских времен) квалифицировала согласие Троцкого на участие в переговорах украинской делегации во главе с членом Партии украинских социалистов революционеров Всеволодом Александровичем Голубовичем как предательство [308] . При этом, как отмечает историк А.В. Панцов, авторы соответствующих работ никогда не ставили вопроса, почему это «предательское поведение» не вызвало возражений ни со стороны других членов советской делегации, ни со стороны ЦК большевистской партии и советского правительства [309] . На деле же отношение Троцкого к участию делегации Центральной рады в переговорах было явным тактическим маневром, а в более широкой исторической перспективе – лицемерием, вообще свойственным национальной политике большевиков на всем протяжении их деятельности. С одной стороны, Троцкий зачитал следующую декларацию: «Заслушав оглашенную украинской делегацией ноту Генерального секретариата Украинской Народной Республики, российская делегация в полном соответствии с признанием за каждой нацией права на самоопределение вплоть до полного отделения заявляет, что, с своей стороны, не имеет никаких возражений против участия украинской делегации в мирных переговорах». С другой стороны, глава советской делегации тут же подчеркивал, что процесс национального самоопределения Украины не завершен, намекая тем самым, что полномочия украинской делегации признаются временно, лишь до победы большевиков на Украине, ибо только тогда, мол, завершится национально государственное становление Украины [310] .

Делегация Голубовича занимала на переговорах более или менее самостоятельную

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.o

позицию, прибывшие же в Брест представители Всеукраинского ЦИКа В.М. Шахрай и Е.Г. Медведев послушно выполняли волю Москвы в лице наркома Иностранных дел [311]. Конфликт по украинскому вопросу все более разрастался и нагнетался. В конце концов Троцкий объявил правительство Центральной рады контрреволюционным, буржуазным правительством, а делегация Рады, в свою очередь, и не без основания, называла харьковских представителей марионетками, находившимися на службе Москвы. В дневнике О. Чернина запечатлена сцена, которую он наблюдал во время одного из наиболее острых выступлений Голубовича против советского правительства: «Троцкий был в столь подавленном состоянии, что вызывал сожаление. Совершенно бледный, с широко раскрытыми глазами, он нервно что то рисовал на... бумаге. Крупные капли пота текли с его лица. Он, по видимому, глубоко ощущал унижение от оскорблений, наносимых ему его согражданами в присутствии врагов» [312].

На утреннем заседании 12 января по н. ст. советская сторона и страны Четверного союза еще раз, теперь уже официально, подтвердили признание полномочий украинской делегации вести переговоры и заключать соглашения [313]. Однако в тот же день ЦИК Советов Украины, спешно образованный большевиками Украины в Харькове, послал председателя ЦИКа Е.Г. Медведева [314], народного секретаря по военным делам В.М. Шахрая [315] и народного секретаря по просвещению В.П. Затонского [316] на конференцию в Брест как полномочную делегацию Украины [317]. Но когда новые делегаты попытались получить право голоса на переговорах, Кюльман указал Троцкому, что тот не сообщил ранее о наличии еще одной делегации, претендующей на роль представителей украинского народа [318]. Тогда 2(15) января нарком направил украинской делегации ноту, в которой говорилось, что «дело идет о жизненных интересах трудящихся масс России и Украины» и «мы не только публично снимаем с себя всякую ответственность за ваши переговоры, но и непосредственно обращаемся к Украинскому Центральному Исполнительному Комитету в Харькове с приглашением принять все меры к тому, чтобы интересы Украинской Народной Республики были достаточно ограждены от беспринципной и предательской закулисной игры делегации Генерального Секретариата» [319].

Троцкому пришлось уступить, причем не только в украинском вопросе. Он соглашался на образование комиссии для рассмотрения территориальных и политических вопросов, то есть на обсуждение аннексий под прикрытием самоопределения народов; признал право на самоопределение Финляндии, Армении, Украины, Польши и прибалтийских провинций; обязался как можно скорее вывести русские войска из Персии [320]. Но это были словесные уступки, на которые Троцкий шел в рамках общей тактики затягивания переговоров. Одновременно преследовался и политический момент: Троцкий демонстративно подчинялся диктату. Не случайно вывод, который сделал Кюльман, заключался в том, что Троцкий не хочет заключать мир, а «стремится вынести из дискуссий материал для агитации», чтобы «прервать переговоры и обеспечить себе эффектный отход» [321].

Взгляды Троцкого не были для Кюльмана тайной. «Ему и его друзьям, – писал Кюльман, – самой важной целью кажется мировая революция, по сравнению с которой интересы России вторичны. Он усердно читает и штудирует германские социал демократические газеты» и надеется, что германские «социал демократия и массы совместно выступят против войны», если она будет вестись из за территорий. 12 января по н. ст. на заседании комиссии по урегулированию территориальных и политических вопросов Троцкий, а затем Каменев фактически отказались признать право отделившихся от бывшей Российской империи территорий провозгласить свою независимость, вновь стали настаивать на выводе германских войск из оккупированных районов и отказались признать за немцами право требовать невмешательства советского правительства во внутренние дела Германии. 16 января по н. ст. Кюльман отправил телеграфом канцлеру Гертлингу личное письмо, в котором указал, что не верит более в «желание Троцкого вообще прийти к приемлемому миру». Необходимо признать, продолжал Кюльман, что положение Германии «из за этого становится все менее благоприятным, так как со стороны военных категорически отрицается принятие на себя обязательств по выводу войск даже после заключения всеобщего мира. Это, конечно же, дает в руки Троцкому весьма сильное оружие» [322].

В целом немцы оценивали ситуацию адекватно, считая, что «для подверженных сильному влиянию Радека большевиков пропаганда революции стоит выше даже по сравнению с интересами господства своей собственной партии» и они «больше хотят желательного для революционной пропаганды разрыва переговоров, чем мира». На переговорах они «в меньшей степени представляют Россию, а в большей – революцию», «охотно идут на затягивание переговоров для того, чтобы иметь возможность пропагандировать по всему миру свои идеи и методы», причем все это «попадает на плодородную почву». В ожидании срыва переговоров Кюльман был теперь больше всего обеспокоен тем, как создать впечатление, что переговоры были

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.

разорваны не из за германских территориальных претензий, в частности не из за отказа немцев очистить территории, отделявшиеся от России. Без больших надежд он собирался обсуждать этот вопрос с Гофманом, который в тот момент как раз готовил советской делегации ультиматум о немедленном заключении аннексионистского мира на немецких условиях. Этот ультиматум немцы планировали вручить Троцкому, как только будет подписано сепаратное соглашение с Украиной, а до тех пор хотели «отказаться от любого более жесткого тона в разговоре с большевиками» [323]. В возможный сепаратный мир с Украинской радой сам Кюльман не слишком верил. «Как с украинцами, так и с большевиками неприменимы методы переговоров, пригодные для обычных политических противников», – записал он. Со стороны украинцев, по его мнению, «желание прийти к соглашению выражено намного сильнее». Украинцы «хитры и коварны», но «совершенно необузданны в своих требованиях», что «практически исключает шансы на мир», причем «главным препятствием здесь является почти неприкрытое желание того, чтобы населенная украинцами Восточная Галиция была в какой нибудь форме отделена от Австро Венгрии и присоединена к Украине», а это «конечно же неприемлемо для Австро Венгрии», которая рассматривала вопрос о «самоопределении восточногалицийских братьев как вмешательство во внутренние дела монархии» [324].

Представители Украины умело использовали, с одной стороны, противоречия между советской и германской австрийской делегациями, а с другой – продовольственные затруднения в Германии и Австро Венгрии. Именно в эти дни был создан миф об украинском хлебе, который, дескать, мог спасти Германию и Австро Венгрию от наступающего голода и привести к победе в мировой войне. За это украинская делегация, опираясь на лозунг самоопределения народов, так опрометчиво поддержанный Германией, Австро Венгрией и советским правительством как средство для расчленения Российской империи, сначала потребовала передачи ей Восточной Галиции (о чем Австро Венгрия даже говорить отказалась), а затем – выделения Восточной Галиции в автономную область.

Но поскольку именно Австро Венгрии мирный договор важно было подписать как можно скорее, Чернин пошел на уступки украинцам. «Украинцы больше не ведут переговоров, они диктуют свои требования», – записал Чернин в дневнике, и, видимо, не преувеличил. Украинская делегация была осведомлена о начале беспорядков в Австро Венгрии и «как по барометру» устанавливала по демонстрациям в Вене степень недоедания в Австрии. Было ясно, что австрийцы должны заключить мир, чтобы получить хлеб, запасы которого в Австрии почти иссякли. Сам Чернин считал, что без заграничных поставок хлеба «через несколько недель» в стране «начнется массовое вымирание». Решено было вести с украинцами переговоры «на началах разделения Галиции на Западную и Восточную, согласно требованиям украинцев».

3 (16) января австрийцы и немцы согласились с тем, что территории восточнее Буга и южнее линии Пинск – Брест Литовск отойдут, в случае подписания сепаратного мирного договора, к Украине, в Холмской губернии будет проведен референдум, а Восточная Галиция получит некий вид автономии. Украинцы победили. Они «практичные люди, – сообщал в МИД Германии посланник Ф. Розенберг, – и рассматривают теории, признанные осчастливить народы, как средство, а не как самоцель. Если при заключении соглашения с нами они получают то, что хотят, то мало будут заботиться о праве наций на самоопределение и о других прекрасных принципах. Их хитрость и упорная крестьянская изворотливость делает нашу игру не слишком легкой» [325].

Даже Гофман теперь уже понимал, что ради хлеба австрийцам придется уступить Украине. «Положение графа Чернина стало в это время особенно затруднительным, – писал он, – из за внезапной продовольственной катастрофы в Вене, случившейся благодаря непредусмотрительности австро венгерского правительства... С другой стороны, украинский мир, на который я смотрел как на средство произвести давление на Троцкого, стал в качестве «хлебного мира» настоящей необходимостью для графа Чернина. Особенно плохо для Австрии было то, что его тяжелого положения нельзя было, конечно, скрыть от украинцев» [326].

Мирная конференция все более погружалась в затяжные и совершенно бесплодные споры, на которые и рассчитывал Троцкий. Долго вся эта трагикомедия продолжаться не могла, и Троцкий это отлично понимал. Составители 17 го тома сочинений Троцкого обнаружили в его личном архиве записи разговоров «по прямому проводу» [327]. Троцкий информировал Ленина, что переговоры в Бресте подходят к критическому моменту, грозящему разрывом. В ответ поступили два ответа: «Сейчас приехал Сталин; обсудим с ним и сейчас дадим вам совместный ответ» и вскоре после этого «Передайте Троцкому: просьба назначить перерыв и выехать в Питер. Ленин, Сталин» [328].

Эта документация свидетельствует о том, что Сталин, постепенно выходящий из тени, в которой он находился фактически на протяжении почти всего 1917 г.,

начинал оказывать определенное влияние на позицию и решения Ленина. Во всяком случае, Ленин стремился теперь продемонстрировать близость к нему наркома по делам национальностей (Сталина). Можно полагать, что эти записки являются первым свидетельством начала той опасной игры, которую повел Ленин, используя противоречия и конфликты Сталина с Троцким для того, чтобы держать обоих не просто в узде, а на равноудаленном (и в равной степени близком) от себя расстоянии. Время, когда Ленин считал Троцкого наиболее приближенным к себе большевистским деятелем, подходило к концу.

Одной из причин такого поворота следует считать тот факт, что Троцкий слишком уж последовательно выполнял ленинское требование о затягивании переговоров, ставя их на опаснейшую грань провала. Именно для того, чтобы уточнить линию, определить грань, за которую не следовало переходить, Ленин – совместно со Сталиным – пригласил Троцкого приехать в Петроград. Скорее всего, названные памятные записки «по прямому проводу» (они не датированы) относились к 3 или 4 (16 или 17) января [329]. Но 5 (18) января произошло событие, которое неизбежно вызвало перерыв в переговорах и отъезд Троцкого в Питер.

5 (18) января на утреннем заседании мирной конференции по инициативе Гофмана германская делегация предъявила жесткий ультиматум. Ультиматум состоял в требовании проведения демаркационной линии, по существу дела границы, которая отрезала бы от России значительную часть ее территорий, общей площадью 150 – 160 тысяч квадратных километров, в которые входили Польша, Литва, часть Латвии и острова Балтийского моря, принадлежащие Эстонии. На отторгнутых территориях предусматривалась дислокация германских оккупационных войск. Троцкий увертывался от конкретных ответов, пробовал снова оспаривать права украинской делегации (при определении новой украинской границы) и затем попросил прервать заседание, чтобы «более подробно исследовать примечательный чертеж» – развернутую на столе карту Гофмана, которую тот оставил со словами: «Я оставляю карту на столе и прошу господ присутствующих с ней ознакомиться». Линия Гофмана отрезала от владений бывшей Российской империи Польшу, Литву, острова Балтийского моря, значительные части Украины и Белоруссии и почти не имела естественных рубежей. Комментируя характер этой границы, военный эксперт советской делегации Липский делал вывод, что «в стратегическом значении проектируемая Германией граница обрекает Россию в случае [очередной] войны с Германией на потерю новых территорий в самом начале войны и вместе с тем указывает на агрессивные намерения противной стороны» [330].

После перерыва Троцкий выступал уже более резко и в длинной речи назвал германские предложения скрытой формой аннексии [331]. Германские предложения были переданы в Петроград, и ЦК приказал Троцкому немедленно возвращаться [332], чтобы обсудить создавшееся положение с членами ЦК и Совнаркома. Председателем советской делегации в отсутствие Троцкого оставался Иоффе [333]. По дороге Троцкий на день заехал в Варшаву, видимо, для того, чтобы «собственной кожей» ощутить ситуацию в Польше, на революционное движение в которой возлагались почти такие же надежды, как на революцию в Центральных державах. В его честь был устроен совместный митинг коммунистов, социалистов и националистических центристов, а коммунисты преподносили ему многочисленные букеты цветов со спрятанными в них записками, содержащими просьбы о помощи. Не забывая о собственной семье, Лев Давидович попросил у представителей германских оккупационных властей в Польше комплект немецких оккупационных марок (то есть знаков почтовой оплаты с надпечатками, относящимися к определенной области) для сына филателиста. Соответствующий презент был сделан любезными хозяевами, отлично знавшими о конфликтах в Бресте, но не распространявшими личные симпатии на отношения с оказавшимся на подведомственной им территории иностранным государственным деятелем [334].

Сам Троцкий несколько иначе описывал свой визит в Варшаву: «Город жил под немецким штыком. Интерес населения к советской дипломатии был очень велик, но выражался осторожно: никто не знал, чем все это кончится» [335]. Такая сухая ремарка в значительно большей степени соответствовала тому, что происходило на переговорах в Бресте: никто не знал, чем все это закончится.

Немцы были в напряжении. «Необходимо настроить прессу и парламент на то, – писал Кюльман Гертлингу, – что отъезд Троцкого нельзя рассматривать как разрыв переговоров и предупредить возможную нервность». Австрийцы теперь были готовы к еще большим уступкам украинцам, лишь бы подписать мир хотя бы с ними.

«Забастовка ширится, – сообщал председатель Совета министров Австро Венгрии Э. фон Зейдлер, – почти все магазины закрыты. Выход всех газет, за исключением рабочих, приостановлен на несколько дней... Из Будапешта сообщают о всеобщей забастовке. Во все центры беспокойства перемещаются войска... Будущее зависит от Брест Литовска. Если соглашение удастся, то любая опасность будет устранена. Если переговоры окончатся безрезультатно, то... удержать контроль над событиями не

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo. удастся. Австрия теперь не перенесет того, чтобы мирные переговоры окончились неудачно» [336] – такова была обстановка в Австро Венгрии. Германские условия от 5 (18) января не следует считать слишком жесткими. Западногерманский историк В. Баумгарт справедливо указывает на то, что от большинства перечисленных в германском ультиматуме территорий большевики отказались сами еще до брестского диктата. Так, 31 декабря по н. ст. 1917 г. советское правительство признало независимость Финляндии. Вопрос о независимости Польши фактически был предрешен еще и тем, что с января 1918 г. за независимость Польши выступала Антанта, а президент США Т.В. Вильсон [337] тринадцатым пунктом своей программы оговорил суверенитет этой страны. Отделение Прибалтики также казалось всем неизбежным, тем более что немцы – и здесь главная заслуга принадлежала Людендорфу – ревностно следили за созданием своеобразного «санитарного кордона», дабы застраховать себя от распространения большевизма через Прибалтику в Германию. Позже, когда рухнул Брестский мир и когда Германию продиктован был Версальский договор, Антанта санкционировала отделение от России Прибалтики, Финляндии и Польши, сделав из этих государств тот самый «санитарный кордон» против коммунизма [338], о котором мечтал Людендорф. По существу, немцы не шли дальше требований, реализованных самим ходом событий. И они вполне могли ожидать, что советское правительство согласится на выдвинутые ими условия [339]. Разногласия между Троцким и делегациями Четверного союза возникли не из за того, что Гофман предложил отторгнуть вышеперечисленные территории от Российского государства, а по совсем иной причине: большинство советского правительства категорически выступало против самого факта подписания мирного договора с империалистической Германией.

На германские условия готов был согласиться Ленин – вечный союзник Германии в Брест Литовске. Но здесь вопрос о ленинской власти вступал в конфликт с проблемами мировой революции. И Ленин потерпел поражение там, где мог ожидать его меньше всего – внутри собственной партии, отказавшейся считать, что интересы советской власти (во главе с Лениным) превыше революционного принципа несогласательства с капиталистическими странами.

2. Проблема революционной войны

В вопросе о переговорах с Германией большевистская партия не была едина даже тогда, когда под переговорами подразумевались подписание мира без аннексий и контрибуций, ведение революционной пропаганды или оттяжка времени при одновременной подготовке к революционной войне. Сторонники немедленной революционной войны (со временем их стали называть левыми коммунистами) первоначально доминировали в двух столичных партийных организациях. Левым коммунистам принадлежало большинство на II Московском областном съезде Советов, проходившем в Москве с 10 по 16 декабря по н. ст. 1917 г. Из 400 членов большевистской фракции Моссовета только 13 поддержали предложение Ленина подписать сепаратный мирный договор с Германией. Остальные 387 голосовали за революционную войну [340].

28 декабря пленум Московского областного бюро принял резолюцию с требованием прекратить мирные переговоры с Германией и разорвать дипломатические отношения со всеми капиталистическими государствами. В тот же день против германских условий мира высказалось большинство Петербургского комитета партии [341]. Обе столичные организации потребовали созыва партийной конференции для обсуждения линии ЦК в вопросе о мирных переговорах [342]. Поскольку делегации на такую конференцию формировали сами комитеты, а не местные организации РСДРП(б), левым коммунистам было бы обеспечено большинство. И Ленин, во избежание поражения, стал оттягивать созыв конференции.

Собравшийся в Петрограде 15 (28) декабря общеармейский съезд по демобилизации армии, работавший до 3 (16) января 1918 г., также выступил против ленинской политики. 17 (30) декабря Ленин составил для этого съезда специальную анкету. Делегаты должны были ответить на 10 вопросов о состоянии армии и ее способности вести революционную войну с Германией. Ленин спрашивал, возможно ли наступление германской армии в зимних условиях, способны ли немецкие войска занять Петроград, сможет ли русская армия удержать фронт, следует ли затягивать мирные переговоры или же нужно обрывать их и начинать революционную войну. Самым важным вопросом был последний: «Если бы армия могла голосовать, высказалась ли бы она за немедленный мир на аннексионических (потеря всех занятых [Германией] областей) и экономически крайне трудных для России условиях или за крайнее напряжение сил для революционной войны, т. е. за отпор немцам?» [343]. Ленин надеялся заручиться согласием съезда на ведение переговоров. Но делегаты высказались за революционную войну. В течение двух дней, 17 и 18 (30 и 31)

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.o

декабря, Совнарком обсуждал состояние армии и фронта. У советской делегации в Бресте 17 (30) декабря был запрошен «в спешном порядке» точный текст немецких условий, а на следующий день, после доклада Крыленко, основанного на собранных у делегатов съезда анкетах, Совнарком постановил «результаты анкеты признать исчерпывающими» в вопросе о состоянии армии и принять резолюцию, предложенную Лениным [344].

Совнарком действительно принял в тот день ленинскую резолюцию, только Ленин, не желая проигрывать сражение, высказался за революционную войну (на уровне агитации), а не за разрыв переговоров: резолюция СНК предлагала проводить усиленную пропаганду против аннексионистского мира, настаивать на перенесении переговоров в Стокгольм, «затягивать мирные переговоры, проводить все необходимые мероприятия для реорганизации армии и обороны Петрограда и вести пропаганду и агитацию за неизбежность революционной войны [345]. Резолюция не подлежала публикации [346]. Ленин отступил на бумаге, но отстоял ведение переговоров – в Бресте.

Против Ленина тем временем выступили возглавляемые левыми коммунистами Московский окружной и Московский городской комитеты партии, а также ряд крупнейших партийных комитетов – Урала, Украины и Сибири. Ленин терял над партией контроль. Его авторитет стремительно падал. Вопрос о мире постепенно перерастал в вопрос о власти Ленина в партии большевиков, о месте его в правительстве советской России. И Ленин развернул отчаянную кампанию против своих оппонентов за подписание мира, за руководство в партии, за власть.

Не приходится удивляться, что при общем революционном подъеме Ленин оказывался в меньшинстве. Большинство партийного актива выступило против германских требований, за разрыв переговоров и объявление германскому империализму революционной войны с целью установления коммунистического режима в Европе. К тому же докладывавший 7 (20) января в Совнарком Троцкий не оставил сомнений в том, что на мир без аннексий Германия не согласна. Но на аннексионистский мир, казалось, не должны были согласиться лидеры русской революции. Однако неожиданно для всей партии глава советского правительства Ленин снова выступил за – теперь уже за принятие германских аннексионистских условий. Свою точку зрения он изложил в написанных в тот же день «Тезисах по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира». Тезисы обсуждались на специальном партийном совещании 8 (21) января 1918 г., где присутствовало 63 человека, в основном делегаты III съезда Советов, который должен был открыться через два дня. Ленин пытался убедить слушателей в том, что без заключения немедленного мира большевистское правительство падет под нажимом крестьянской армии: «Крестьянская армия, невыносимо истомленная войной, после первых же поражений – вероятно, даже не через месяцы, а через недели – свергнет социалистическое рабочее правительство... Так рисковать мы не имеем права... Нет сомнения, что наша армия в данный момент... абсолютно не в состоянии успешно отразить немецкое наступление... Сильнейшие поражения заставят Россию включить еще более невыгодный сепаратный мир, причем мир этот будет заключен не социалистическим правительством, а каким либо другим» [347].

Этот отрывок из речи Ленина нуждается в анализе, поскольку в нем, очевидно, не сходятся концы. Если угроза большевикам исходила от крестьянской армии, то тогда ее нужно было поскорее распустить, а не оставлять под ружьем, как пытался сделать Ленин и до и после подписания мира. Если армия была никуда не годной, ее нужно было немедленно демобилизовать, как предлагал Троцкий. Если Ленин боялся свержения большевиков русской армией в январе 1918 г., когда армия была так слаба, что не могла, по словам того же Ленина, хоть как то сопротивляться Германии, почему Ленин отважился брать власть в октябре 1917 г., когда армия Временного правительства была намного сильнее нынешней, а большевистское правительство даже еще не сформировано? фраза Ленина о том, что в случае отказа большевиков подписать мирный договор немцы подпишут его с другим правительством, вряд ли была откровенной. Ленин должен был понимать, что никакое иное правительство не пойдет на подписание с Германией сепаратного аннексионистского соглашения, как не пойдет и на разрыв с Антантой (а потому у Германии не может быть лучшего, чем Ленин, союзника).

В первый период Брестских переговоров поддержку Ленину в этом вопросе оказывал Троцкий. Британский дипломат Джордж Бьюкенен склонен был объяснять это слабостью русской армии. «Троцкий знает очень хорошо, что русская армия воевать не в состоянии», – записал он в своем дневнике [348]. Но день ото дня русская армия становилась только слабее. Между тем позиция Троцкого стала иной. Троцкий был за мир до тех пор, пока речь шла о «мире без аннексий и контрибуций». И стал против него, когда выяснилось, что придется подписывать аннексионистское соглашение. Для Троцкого с первого до последнего дня переговоров было очевидно, что советская власть не в состоянии вести революционную войну. В этом у него с

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.o

Лениным не было разногласий. Троцкий, однако, считал, что немцы не смогут «наступить на революцию, которая заявит о прекращении войны» [349]. И здесь он с Лениным расходился. Ленин делал ставку на соглашение с Германией и готов был капитулировать перед немцами при одном условии: если немцы не будут требовать ухода ленинского правительства. Троцкий делал ставку на революции в Германии и Австро Венгрии.

В начале 1918 г. казалось, что расчеты Троцкого правильны. Под влиянием затягивающихся переговоров о мире и из-за ухудшения продовольственной ситуации в Германии и Австро Венгрии резко возросло забастовочное движение, переросшее в Австро Венгрии во всеобщую забастовку. По русской модели в ряде районов были образованы Советы. 9 (22) января, после того, как правительство дало обещания подписать мир с Россией и улучшить продовольственную ситуацию, стачечники возобновили работу. Через неделю, 15 (28) января, забастовки парализовали берлинскую оборонную промышленность, быстро охватили другие отрасли производства и распространились по всей стране. Центром стачечного движения был Берлин, где, согласно официальным сообщениям, бастовало около полумиллиона рабочих. Как и в Австро Венгрии, в Германии были образованы Советы, требовавшие в первую очередь заключения мира и установления республики [350]. В контексте этих событий Троцкий и ставил вопрос о том, «не нужно ли попытаться поставить немецкий рабочий класс и немецкую армию перед испытанием: с одной стороны – рабочая революция, объявляющая войну прекращенной; с другой стороны – гогенцоллернское правительство, приказывающее на эту революцию наступать» [351].

Ленин считал, что план Троцкого «заманчив», но рискован, так как немцы могут перейти в наступление. Рисковать же, по мнению Ленина, было нельзя, поскольку не было «ничего важнее» русской революции [352]. Здесь Ленин снова расходился и с Троцким, и с левыми коммунистами, и с левыми эсерами, которые считали, что только победа революции в Германии гарантирует удержание власти Советами в отсталой сельскохозяйственной России. Ленин же верил в успех только тех дел, во главе которых стоял сам, и поэтому революция в России была для него куда важнее шанса на победу революции в Германии. Риск в формуле Троцкого состоял не в том, что немцы начнут наступать, а в том, что при формальном подписании мира с Германией Ленин оставался у власти, в то время как без формального соглашения немцев Ленин мог эту власть потерять. Судьба мировой революции волновала Ленина постольку, поскольку у власти в России оставался он.

К этому времени уже было разогнано Учредительное собрание, что рассматривалось немцами как «очевидная готовность» большевиков «к прекращению войны какой угодно ценой» (Германия опасалась, что советское правительство пойдет на соглашение с большинством Собрания и по воле этого большинства прервет мирные переговоры). Тон Кюльмана в Бресте после разгона Собрания «сразу же стал наглее» [353]. Тем не менее на партийном совещании 21 января, посвященном проблеме мира с Германией, Ленин потерпел поражение. Его тезисы, написанные 7 января, одобрены не были, несмотря на то что в день совещания Ленин дополнил их еще одним пунктом, призывавшим затягивать подписание мира. Протокольная запись совещания оказалась «несохранившейся». Сами тезисы, видимо, запретили печатать [354]. При итоговом голосовании за предложение Ленина подписать сепаратный мирный договор голосовало только 15 человек, в то время как 32 поддержали левых коммунистов, а 16 – Троцкого, впервые предложившего в тот день не заключать формального мира и во всеуслышание заявить, что Россия не будет вести войну и демобилизует армию. Формула Троцкого «ни мира, ни войны» вызвала с тех пор много споров и нареканий. Чаще всего она преподносится как что-то неумеренное или демагогическое. Между тем формула Троцкого имела вполне конкретный практический смысл. Она, с одной стороны, исходила из того, что Германия не в состоянии вести крупные наступательные действия на русском фронте (иначе бы немцы не сели за стол переговоров), а с другой – имела то преимущество, что большевики «в моральном смысле» оставались «чисты перед рабочим классом всех стран» [355]. Кроме того, просто пойти на подписание крайне неравноправного сепаратного мирного договора России, по его мнению, не следовало, тем более в условиях, когда по всему миру, включая Германию, «ходили настойчивые слухи, что большевики подкуплены германским правительством и что в Брест Литовске происходит сейчас комедия с заранее распределенными ролями». Имея в виду эти соображения, нарком полагал, что до подписания мирного договора необходимо представить миру, прежде всего «рабочим Европы», доказательство смертельной враждебности между Советской Россией и кайзеровской Германией. Отсюда у него вызревала формула: «войну прекращаем, но мира не подписываем». Троцкий предлагал теперь прибегнуть к политической демонстрации – прекратить военные действия за невозможностью далее вести их, но мира с Четвертым союзом не подписывать [356].

Позиция Троцкого в полной мере выписывалась в его концепцию перманентной революции, как в ее оптимистическом варианте (развязывание европейской

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.о
революции), так и в пессимистическом (временное поражение революции в России и восстановление в ней буржуазного режима). Позиция «ни мира, ни войны» в то же время лишала правительство стран Антанты формальных оснований для вмешательства в российские дела под предлогом измены советского правительства делу союзников или, по крайней мере, делала эти основания уязвимыми. Наконец, эта позиция сглаживала противоречия в социалистическом лагере, включающем и большевиков, и левых эсеров. Так что позиция Троцкого не была «предательской» или «авантюристичной». В ней имелась безусловная логика.

Очевидным плюсом для революционеров являлось то, что формула Троцкого не связывала их в вопросе об объявлении революционной войны. Вот что писал об этом сам Троцкий по прошествии многих лет, уже в эмиграции: «Многие умники по каждому подходящему поводу изощряются насчет лозунга «ни мира, ни войны». Он кажется им, по видимому, противоречащим самой природе вещей. Между тем... несколько месяцев спустя после Бреста, когда революционная ситуация в Германии определилась полностью, мы объявили Брестский мир расторгнутым, отнюдь не открывая войны с Германией» [357]. Но, расторгнув Брестский мир и не объявив войны, Красная армия повела в те дни (и притом успешно) наступление на Запад. Если именно это – ведение войны без ее объявления – и называлось «средней линией Троцкого» – «ни мира, ни войны», понятно, что за нее со временем стало голосовать большинство партийного актива. Левые коммунисты предлагали вести войну по джентльменски, заблаговременно объявив о ней. Троцкий предлагал объявить о мире, выжидать до тех пор, пока появятся силы (то есть проводить на этом отрезке ленинскую политику «передышки»), а затем перейти к войне, никому о том не говоря. Традиционно война рассматривалась человечеством с точки зрения потери или приобретения территорий. Поражение в войне означало потерю их. Победа – приобретение. Этот старинный подход конечно же был отвергнут революционерами. Ни Ленин, ни Троцкий, ни Бухарин не смотрели на потерю или приобретение земель как на ценность в себе, тем более что большевики всегда выступали за раскол Российской империи и самоопределение народов. Левым коммунистам было важнее сохранить чистоту коммунистического принципа бескомпромиссности с империалистами, даже если за это нужно было заплатить поражением революции в России. Троцкий нашел более спокойный выход, не поступаясь принципами, но и не рисковал с провозглашением революционной войны, не оставляющим Германии иного выхода, как свалить советское правительство.

Только Ленин упрямо настаивал на сепаратном соглашении с немцами на условиях, продиктованных Германией. На заседании ЦК 11 (24) января он выступил с тезисами о заключении мира, но потерпел поражение. Бухарин, подвергнув речь Ленина острой критике, заявил, что «самая правильная» позиция – это позиция Троцкого. «Корнилова мы одолели разложением его армии, т. е. именно политической демонстрацией, – сказал Бухарин. – Тот же метод мы хотим применить и к немецкой армии. Пусть немцы нас побьют, пусть продвинутся еще на сто верст, мы заинтересованы в том, как это отразится на международном движении... Подписывая мир, мы срываем эту борьбу. Сохраняя свою социалистическую республику, мы проигрываем шансы международного движения».

Бухарина поддержал Урицкий, указавший, что Ленин «смотрит на дело с точки зрения России, а не с точки зрения международной... Вся политика народного комиссариата иностранных дел была не чем иным, как политической демонстрацией». От имени Петербургского комитета партии против предложения Ленина подписать мир протестовал С.В. Косиор [358]. А Дзержинский указал, что Ленин «делает в скрытом виде то, что в октябре делали Зиновьев и Каменев» (когда выступили против переворота).

При такой оппозиции – и Ленин это понимал – его не спасала поддержка Сталина, Ф.А. Артема [359] и, с оговорками, Зиновьева, подчеркнувшего, что заключение мира ослабит пролетарское движение на Западе. Формула Троцкого «войну прекращаем, мира не заключаем, армию мобилизуем» была принята 9 голосами против 7. Вместе с тем 12 голосами против одного было принято внесенное Лениным (для спасения своего лица) предложение «всячески затягивать подписание мира»: Ленин предлагал проголосовать за очевидную для всех истину, чтобы формально именно его, Ленина, резолюция получила большинство голосов. Вопрос о заключении мира в тот день Ленин не осмелился поставить на голосование. С другой стороны, одиннадцатью голосами против двух при одном воздержавшемся была отклонена резолюция левых коммунистов, призывавшая к революционной войне [360].

Собравшееся на следующий день объединенное заседание Центральные комитетов РСДРП(б) и ПЛСР также высказалось в своем большинстве за формулу Троцкого [361]. Резолюция многих расширенных или обычных совещаний ЦК «не сохранились» или числятся в «неразысканных». Тем не менее очевидно, что большинство ЦК придерживалось точки зрения, считавшейся «средней», – Троцкого. Вот что указывалось в письме секретариата ЦК Николаевскому комитету РСДРП(б):

«Относительно вопроса о войне и мире в Питере и в ЦК наметились три точки зрения. Две из них, крайние, таковы: 1) революционная война, 2) мир. ЦК в своем большинстве принял третью, среднюю точку зрения: войну мы прекращаем, мира не заключаем и армию демобилизуем... Третья точка зрения доказывалась тем, что воевать мы сейчас не можем, но, заключая мир, мы отнимаем оружие борьбы у австрийцев и немцев, так как забастовочное движение в Австро Венгрии и Германии поднято именно по вопросу о мире. Отказываясь от войны и демобилизуя армию, мы лишаем германцев возможности наступать, так как Гинденбург не сможет заставить немецких солдат идти в наступление против пустых окопов. Такая позиция тоже даст выгоду во времени, а если будет необходимость, то для нас никогда не поздно будет заключить явно аннексионистский мир. Все это было до последних событий в Германии, а теперь и Кюльман склонен тянуть с вопросом о мире. Протоколов этих заседаний нет, а потому ничего более подробного пока сообщить не можем» [362]. Большевик шло за Троцким. Вторично за короткую историю русской революции судьба Ленина находилась в руках этого счастливого, которому все очень легко давалось и который поэтому так никогда и не научился ценить власти. Троцкий был слишком увлеченным революционером и столь же негодным тактиком. Не чувствуя ситуации, не подозревая, что распоряжается еще и личной властью Ленина, без труда отстояв в партии проведение своей политической линии – «ни мира, ни войны», он выехал в Брест – чтобы разорвать мирные переговоры. Общепринято мнение, что, возвратившись в Брест для возобновления переговоров в конце января по н. ст., Троцкий имел директиву советского правительства подписать мирный договор. Эта легенда основывается на заявлении Ленина, сделанном на VII партийном съезде: «Было условлено, что мы держимся до ультиматума немцев, после ультиматума мы сдаем» [363]. Поскольку никаких официальных партийных документов о договоренности с Троцким не существовало, оставалось предполагать, что Ленин и Троцкий сговорились о чем то за спиной ЦК в личном порядке, и Троцкий, не подписав германский ультиматум, нарушил данное Ленину слово.

Есть, однако, все основания полагать, что Ленин оклеветал Троцкого, пытаясь свалить на него вину за срыв мира и начало германского наступления. За это говорит и отсутствие документов, подтверждающих слова Ленина, и наличие материалов, их опровергающих. Так, в воспоминаниях Троцкого о Ленине, опубликованных в 1924 году сначала в «Правде», а затем отдельной книгой, имеется отрывок, который трудно трактовать иначе, как описание того самого разговора сговора, на который намекал Ленин с трибуны съезда. Вот как пересказывал состоявшийся диалог Троцкий:

«Ленин: – Допустим, что принят ваш план. Мы отказались подписать мир, а немцы после этого переходят в наступление. Что вы тогда делаете?

Троцкий: – Подписываем мир под штыками. Тогда картина ясна рабочему классу всего мира.

– А вы не поддержите тогда лозунг революционной войны?

– Ни в коем случае.

– При такой постановке опыт может оказаться не столь уж опасным. Мы рискуем потерять Эстонию или Латвию... Очень будет жаль пожертвовать социалистической Эстонией, – шутил Ленин, – но уж придется, пожалуй, для доброго мира пойти на этот компромисс [364].

– А в случае немедленного подписания мира разве исключена возможность немецкой военной интервенции в Эстонии или Латвии?

– Положим, что так, но там только возможность, а здесь почти наверняка» [365]. Таким образом Троцкий и Ленин действительно договорились о том, что мир будет заключен, но не после предъявления ультиматума, а после начала наступления германских войск.

Сам Троцкий лишь однажды коснулся этого вопроса, причем в статье, оставшейся неопубликованной. В ноябре 1924 года, отвечая на критику по поводу издания им «Уроков Октября», Троцкий написал статью «Наши разногласия», где касательно Брест Литовских переговоров указал: «Не могу, однако, здесь не отметить совершенно безобразных извращений Брест Литовской истории, допущенных Куусиненом [366]. У него выходит так: уехав в Брест Литовск с партийной инструкцией в случае ультиматума – подписать договор, я самовольно нарушил эту инструкцию и отказался дать свою подпись. Эта ложь переходит уже всякие пределы. Я уехал в Брест Литовск с единственной инструкцией: затягивать переговоры как можно дольше, а в случае ультиматума выторговать отсрочку и приехать в Москву для участия в решении ЦК. Один лишь тов. Зиновьев предлагал дать мне инструкцию о немедленном подписании договора [367]. Но это было отвергнуто всеми остальными голосами, в том числе и голосом Ленина. Все соглашались, разумеется, что дальнейшая затяжка переговоров будет ухудшать условия договора, но считали, что этот минус перевешивается агитационным плюсом. Как я поступил в Брест Литовске?

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.o

Когда дело дошло до ультиматума, я сторговался насчет перерыва, вернулся в Москву и вопрос решался в ЦК. Не я самодично, а большинство ЦК, по моему предложению решило мира не подписывать. Таково же было решение большинства всероссийского партийного совещания. В Брест Литовск я уехал в последний раз с совершенно определенным решением партии: договора не подписывать. Все это можно без труда проверить по протоколам ЦК» [368] .

То же самое следует из текста директив, переданных в Брест по поручению ЦК Лениным и предусматривающих разрыв переговоров в случае, если немцы к уже известным пунктам соглашения прибавят еще один – признание независимости Украины под управлением «буржуазной» Рады.

15 (28) января Чернин вернулся в Брест. Днем позже туда прибыл Троцкий. 17 (30) января состоялось первое в этой сессии пленарное заседание. Под влиянием событий на Западе советские делегаты намерены были тянуть время в надежде на то, что «в ближайшие недели» разразится мировая революция [369] . Это не осталось незамеченным для делегаций Четверного союза, и 19 января (1 февраля) они сделали пробный шаг на пути к сепаратному соглашению с Украиной: подтвердили Троцкому, что считают Украину под управлением Украинской народной рады независимым государством [370] .

Советско украинские отношения к этому времени вполне определились. «С тех пор как большевистское правительство в Петербурге узнало, что между Центральными державами, с одной стороны, и финнами и украинцами, с другой, может состояться заключение мира, оно сконцентрировало все свои усилия на том, чтобы хитростью и силой свергнуть самостоятельные правительства обеих стран», – телеграфировал канцлеру Гертлингу статс секретарь по иностранным делам Кюльман. Большевики открыли военные действия против правительства в Киеве, пытались сформировать в Харькове украинское советское правительство и в Брест привезли представителей Харьковской рады, должных выражать интересы украинской советской власти и придерживаться общей политики с советской делегацией из Петербурга. Троцкий отказывался теперь признавать право украинцев самостоятельно вести переговоры с Четверным союзом, утверждая, что киевская Рада падет со дня на день. Немцы и австрийцы в Бресте были в некотором замешательстве, понимая, что положение Рады действительно сложное. Тем не менее, во избежание разрыва переговоров, они решили пойти на заключение сепаратного мира с Украиной, практически во всем уступив украинцам, хотя и считали, что «о реальной ценности такого договора не стоит питать больших иллюзий» [371] .

Согласно проекту договора, представленному на обсуждение 1 февраля по н. ст., страны Четверного союза признавали Украинскую народную республику, определяли ее границы, причем в спорном вопросе о Холмской губернии предпочтению получала Украина; соглашались на создание автономной Украинской области Галиции и договаривались о поставках Украиной до июня месяца около 100 000 вагонов зерна [372] . О распределении украинского продовольствия между немцами и австрийцами было договорено несколькими днями позже [373] .

Большевики в вопросе о Киевской раде не склонны были уступать и, в случае отказа германской и австро венгерской делегации признать новое украинское руководство в Харькове правомочным вести переговоры, предполагали разорвать переговоры в Бресте. Так, 5 февраля по н. ст. 1918 г. посол Франции в России Ж. Нуланс телеграфировал в Париж о разговоре Ленина с капитаном Садулем, служившим посредником между советским и французским правительствами. Ленин, по словам Ж. Садуля, сказал, что «сторонников мира любой ценой среди большевиков весьма мало» и мир будет подписан лишь в том случае, если «будут соблюдены принципы демократического мира» [374] . Аналогичное мнение высказал осведомленный о состоянии дел в Бресте Красин. Под «демократическими принципами» мог пониматься мир без аннексий и контрибуций или же принцип самоопределения народов. Но в рамках «самоопределения народов» уступить немцам Украину большинство ЦК отказалось (поскольку было ясно, что сепаратный украинский мир германский мир фактически отдаст Украину под германскую оккупацию).

5 февраля по н. ст. Троцкий встретился с Черниным. Глава советской делегации в Бресте был готов к разрыву и в общем провоцировал немцев и австрийцев на предъявление требований, которые позволили бы Советам разорвать переговоры. «Пусть германцы заявят коротко и ясно, каковы границы, которых они требуют», – сказал Троцкий, и советское правительство объявит всей Европе, что «совершается грубая аннексия, но что Россия слишком слаба для того, чтобы защищаться» и уступает силе. Поскольку Троцкий вместе с этим заявлял, что «никогда не согласится», чтобы страны Четверного союза заключили «отдельный мирный договор с Украиной», разрыв был неизбежен.

Немцы начали платить большевикам тем же. 5 февраля по н. ст. на совещании в Берлине под председательством канцлера Гертлинга и с участием Людендорфа было принято решение «достичь мира с Украиной, а затем свести к концу переговоры с

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.о
Троцким независимо от того, положительным или отрицательным будет результат». Форма разрыва (ультимативная или нет) оставлялась на усмотрение делегации в Бресте.

Было очевидно, что на таком решении вопроса настаивали германские военные. Совещание потребовало «ясности» в Бресте именно «по военным соображениям», причем Людендорф указал, что на случай разрыва с Троцким у него имеется план «быстрой военной акции» [375]. В тот же день состоявший при советской делегации представителем русского командования генерал А.А. Самойло телеграфировал по поручению Троцкого в штаб Западного фронта о том, что в ближайшие дни перемирие может быть прервано, а германское наступление возобновлено. Троцкий в связи с этим требовал «провести самым ускоренным образом меры по вывозу в тыл» материальной части армий. Через два дня штаб Западного фронта ответил, что «все меры к ускорению вывоза в тыл артиллерии и материальной части» приняты [376]. Кюльман и Чернин, очевидно, не разделяли воинственности Людендорфа. Но им трудно было отрицать тот факт, что прогресса в переговорах с большевиками нет. Позиция их поэтому была слабой. И на очередном заседании, 7 февраля по н. ст., они решили «взять более ясный и угрожающий тон по отношению к Троцкому» [377], который пытался не допустить германо-австрийского соглашения с Украиной. Предварительно Чернин добился согласия императора на то, чтобы еще раз попробовать убедить Троцкого в необходимости подписать мир. А Кюльман в письме канцлеру составил свой проект соглашения, по которому Германия отказывалась от оккупации Эстляндии и Лифляндии и военной поддержки Финляндии, и грозил отставкой в случае отклонения этого плана. Кюльман указывал, что в случае возобновления военных действий, как то предлагали Людендорф и Гофман, для Германии война «примет характер интервенции в пользу консервативных интересов России против радикальных тенденций левых партий», что «придется по душе очень многим людям» в Германии и в Австрии, но возбудит в этих странах «левую оппозицию», а это «весьма опасно». К тому же оккупация Эстляндии и Курляндии навсегда сделает будущую Россию врагом Германии [378]. 27 января (9 февраля), открывая утреннее заседание, Кюльман, а затем и Чернин предложили советской делегации заключить мир. Тогда же на заседании политической комиссии представители Четверного союза объявили о подписании ими сепаратного договора с Украинской республикой [379]. Согласно договору Рада признавалась единственным законным правительством Украины, причем Германия обязалась оказать Украине военную и политическую помощь для стабилизации режима страны. Правительство Рады, со своей стороны, обязалось продать Германии и Австро-Венгрии до 31 июля 1918 года 1 миллион тонн хлеба, до 500 тысяч тонн мяса, 400 миллионов штук яиц и другие виды продовольствия и сырья [380]. Договор о поставках 1 миллиона тонн зерна считался секретным. Предусматривалось также, что договор не будет ратифицирован германским правительством, если Украина нарушит соглашение о поставках [381].

Вечером 27 января (9 февраля) Троцкий доносил из Брест Литовска в Смольный, что Кюльман и Чернин «предложили завтра окончательно решить основной вопрос». Историк А.О. Чубарьян расшифровывает, что в этой телеграмме Троцкого речь шла о подписании мирного договора между Германией и Австро-Венгрией, с одной стороны, и Украиной – с другой. «Таким образом, повторяю, – продолжал Троцкий, – окончательное решение будет вынесено завтра вечером». Тем временем в Киеве большевиками предпринимались судорожные попытки захватить власть. «Если мы до пяти часов вечера получим от вас точное и проверенное сообщение, что Киев в руках советского народа, – телеграфировал в Петроград Троцкий, – это может иметь крупное значение для переговоров» [382]. Через несколько часов просьба Троцкого была уважена и ему телеграфировали из Петрограда о победе в Киеве советской власти. В посланной Троцкому телеграмме из Петрограда, в частности, говорилось: «Официально до 8 февраля [по н. ст.] весь Киев, за исключением Печорского района, находился в руках Совета. Вчера 8 февраля в 10 часов ночи [вечера] получили из Киева от главнокомандующего Муравьева [383] официальное сообщение о взятии Печорского района и бегстве остатков Рады... Все это было вчера в 20 часов 8 февраля; от Рады не осталось ничего... Делегация Киевской рады в Бресте представляет пустое место. В Киев, как и в Харьков, будет передано немедленно Ваше требование о регулярном информировании Бреста» [384]. Троцкий уведомил об этом делегацию Четверного союза. Но очевидно, что даже в том случае, если Троцкий говорил правду, немцы и австрийцы не собирались следовать его совету и отказываться от соглашения, которое было нужно еще и как средство давления на большевиков. Окончательный обмен мнениями по украинскому вопросу был назначен на 18 часов вечера 28 января (10 февраля). «Сегодня около 6 часов нами будет дан окончательный ответ, – телеграфировал в этот день в Петроград Троцкий. –

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.o

Необходимо, чтобы он в существе своем стал известен всему миру. Примите необходимые к тому меры» [385]. Историк С.М. Майоров комментирует: «Однако ни в первом, ни во втором донесении Троцкий не сообщал, в чем же будет состоять существо того ответа, который он собирался дать на ультиматум германской делегации... Ему даны были совершенно точные инструкции, как поступить в случае предъявления ультиматума с немецкой стороны... Троцкий должен был, руководствуясь этими инструкциями, принять предложенные немецкими империалистами условия мира» [386].

Такой вывод безоснователен. Майоров ошибочно считает, что «28 января (10 февраля) В.И. Ленин и И.В. Сталин [387] от имени ЦК партии, еще раз подтверждая неизменность указаний партии и правительства о необходимости заключения мира, телеграфировали в Брест Литовск Троцкому... Но Троцкий... нарушил директиву партии и правительства и совершил акт величайшего предательства» [388].

В телеграмме, посланной Троцкому в 6.30 утра в ответ на запрос Троцкого, Ленин писал: «Наша точка зрения Вам известна; она только укрепилась за последнее время [389] и особенно после письма Иоффе. Повторяем еще раз, что от киевской Рады ничего не осталось и что немцы вынуждены будут признать факт, если они еще не признали его. Информировать нас почаще» [390].

Текст курсивом советский историк не процитировал. О мире Ленин в телеграмме ничего не писал. Между тем, если бы известной Троцкому «точкой зрения» было согласие на германский ультиматум и подписание мирного договора, Ленину не нужно было бы выражаться эзоповым языком. Можно было дать открытым текстом директиву заключить мир. Разгадка конечно же находится там, где оборвал цитирование ленинской телеграммы Майоров: в письме Иоффе. Касалось оно не мира, а попытки советского правительства добиться от Германии признания в качестве полноправной участницы переговоров советской украинской делегации. Именно по этому вопросу известна была Троцкому точка зрения ЦК: никаких уступок, отказ от признания киевской «буржуазной» Рады, в случае упорства немцев – разрыв мирных переговоров. В этот решающий для судеб украинской коммунистической революции момент советское правительство не могло признать Украинскую раду даже ради сепаратного мира с Германией, даже если на этом настаивал Ленин.

Однако разногласия по вопросу о мире в те дни захватили не только большевиков, но и немцев. 9 февраля по н. ст. в Берлине было перехвачено воззвание, призывающее германских солдат «убить императора и генералов и побрататься с советскими войсками» [391]. В ответ император Вильгельм послал в Брест Кюльману телеграмму с директивой завершить переговоры в 24 часа на очевидно неприемлемых для большевиков условиях. Вильгельм писал: «Сегодня большевистское правительство напрямую обратилось к моим войскам с открытым радиообращением, призывающим к восстанию и неповиновению своим высшим командирам. Ни я, ни фельдмаршал фон Гинденбург больше не можем терпеть такое положение вещей... Троцкий должен к завтрашнему вечеру... подписать мир с отдачей Прибалтики до линии Нарва – Плескау – Дюнабург включительно, без самоопределения и с признанием компенсации всем затронутым сторонам. В случае отказа или при попытках затягивания переговоров и увертках переговоры будут разорваны в 8 часов вечера завтрашнего дня, а перемирие расторгнуто. При этом верховное главнокомандование армий Восточного фронта должно вывести войска на указанную линию». Гинденбург в собственноручной телеграмме добавил, что Германия не может допускать такого рода вмешательства в свои внутренние дела и даже в случае заключения мира с Россией ответит на подобного рода акции «повторным объявлением войны» [392].

Кюльман торговался. В телеграмме канцлеру он указал, что положение должно полностью разъясниться 10 февраля по н. ст., на воскресном заседании, где советская делегация должна будет принять или отвергнуть германские условия. Если случится второе – переговоры будут разорваны в 24 часа; затем будет разорвано и перемирие. Если же Троцкий примет германские условия, срывать достижение мира из за вопроса об освобождении Советами Эстляндии и Лифляндии будет крайне неразумно, так как это приведет к конфликту с Австро Венгрией и к беспорядкам в Германии. «Я готов потребовать освобождения этих областей, – писал Кюльман, – но не готов включить этот пункт в ультиматум или, в связи с отказом русских, провалить мир в том случае, если все наши прочие требования будут удовлетворены». Требования Вильгельма Кюльман назвал «неприемлемыми ни с точки зрения политики, ни с позиции прав народов», указав к тому же, что будет абсолютно невозможно привлечь союзников Германии к защите этих требований. «К сожалению, я по политическим причинам не в состоянии выполнить августейшего указания... – продолжал Кюльман. – Я не могу отделаться от впечатления, что со стороны верховного главнокомандования в последние дни делается все, чтобы склонить Его величество решить в пользу войны против большевиков, которая, по моему, перед лицом теперешнего политического положения невозможна» [393].

10 февраля Кюльман обсуждал возникшие сложности с Черниным, который полностью

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.o

поддержал германского министра иностранных дел и указал, что в случае изменения Германией курса на достижение мира с большевиками Австро Венгрия не сможет поддержать своего союзника и пойдет своей дорогой. Кюльман, со своей стороны, добавил, что проведение им нового жесткого курса «совершенно невозможно» [394] и если Берлин намерен настаивать на ультиматуме Троцкому, то Кюльману остается только уйти в отставку. Для ответа он предоставил императору и канцлеру четыре часа: если ответа не последует, Кюльман останется на своем посту и ультиматума Троцкому предъявлять не будет. Прошло четыре часа. Ответа от императора не последовало. Кюльман остался в должности. Переговоры были продолжены [395].

Перед тем как объявить свое окончательное решение, Троцкий еще раз провел разговор с Петроградом «по прямому проводу». Из столицы отвечал Сталин. От имени партийного руководства он заявил, что Троцкому предоставляется право объявить решение «ни мира, ни войны» делегациям Четверного союза [396]. Вечером 28 января (10 февраля), как только Кюльман сообщил о начале очередной встречи (в 17 часов 58 минут), в ответ на требование Германии «обсуждать только пункты, дающие возможность прийти к определенным результатам», в соответствии с директивами ЦК РСДРП(б), ЦК ПЛСР и телеграммами Ленина и Сталина, Троцкий от имени советской делегации заявил о разрыве переговоров: «Мы выходим из войны, но вынуждены отказаться от подписания мирного договора» [397]. После вступительных слов о надежде из войны, о нежелании принимать участия в империалистической бойне, о надежде, что трудящиеся классы всех стран возьмут власть в свои руки, он зачитал декларацию: «Именем Совета Народных Комиссаров, Правительство Российской Федеративной Республики настоящим доводит до сведения правительств и народов, воюющих с нами, союзных и нейтральных стран, что, отказываясь от подписания аннексионистского договора, Россия, с своей стороны, объявляет состояние войны с Германией, Австро Венгрией, Турцией и Болгарией прекращенным. Российским войскам одновременно отдается приказ о полной демобилизации по всему фронту» [398]. Под переданной в руки Кюльмана декларацией стояли подписи Троцкого, всех членов делегации и делегата Советской Украины – представителя украинского ЦИКа Е.Г. Медведева [399]. Последняя подпись означала, что формально независимая Советская Украина отвергает соглашение Германии с Центральной радой и разделяет официальную позицию наркома Троцкого.

Д.Г. Фокке вспоминал, что декларация Троцкого произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Она «грязнула, как гром из ясного неба. Ничего подобного немцы никогда не ждали. Безмолвно сидело все собрание, выслушав эти странные и столь дико звучащие слова» [400]. Формула «ни мира, ни войны» очень нечетко определяет сущность декларации, оглашенной Троцким. По существу дела, это было заявление об одностороннем мире и демобилизации армии. Несколькими приходами в себя, Кюльман спросил, намерено ли правительство РСФСР объявить, где в точности проходит его граница и согласно ли оно возобновить торговые и правовые отношения, которые соответствовали бы состоянию мира. Иначе говоря, будучи традиционным дипломатом, он просто не мог представить себе, что означает формула, объявленная теперь уже в качестве официальной, и пытался найти некий международно правовой выход из создавшегося положения. Троцкий же воспринял слова Кюльмана как подтверждение неготовности возобновлять войну с Советской Россией и еще больше усилил натиск. Не отвечая прямо на вопрос германского делегата, он извратил его смысл, заявив, что тот, мол, и впредь собирается опираться на помощь пушек и штыков. «Я глубоко уверен, что германский народ и народы Австро Венгрии этого не допустят, и если наши основные положения станут для всех очевидными, то практические затруднения разрешатся тем или иным путем» [401]. На очередное предложение Кюльмана созвать на следующий день пленарное заседание, то есть как то спасти переговоры, Троцкий ответил, что российская делегация исчерпала свои полномочия и немедленно возвращается в Петроград. В 6 часов 50 минут вечера глава советской делегации прервал переговоры и покинул зал заседаний. Из Бреста делегация выехала в Петроград «под тем впечатлением, что немцы наступать не будут. Ленин был очень доволен достигнутым результатом» [402], – вспоминал Троцкий.

Иначе описывал происходившее генерал Гофман. Он писал, что после заявления Троцкого в зале заседаний воцарилось молчание. «Смущение было всеобщее». В тот же вечер между австро венгерскими и германскими дипломатами состоялось совещание с участием Гофмана. Кюльман считал, что предложение генерала Гофмана о разрыве переговоров и объявлении войны «совершенно неприемлемо» и намного разумнее, как и предложил Троцкий, «сохранять состояние войны, не прерывая перемирия»: «Мы можем при удачном стечении обстоятельств... – указал Кюльман, – в течение нескольких месяцев продвинуться до окрестностей Петербурга. Однако я думаю, что это ничего не даст. Ничто не помешает тому, чтобы [новое] революционное правительство, которое, может быть, сменит к тому времени большевиков, переместилось в другой город или даже за Урал. ...При столь огромных размерах

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.

России мы можем очень долго вести кампанию против нее... но при этом не добьемся своей цели, т. е. не усадим людей за стол переговоров и не заставим их подписать договор. Степень военного давления, которая воздействует на людей, т. е. максимальная степень... уже достигнута. Дальнейшая война не имеет более какой либо высокой цели, чем простое уничтожение военных сил противника. Мы знаем на примере малых стран, в частности Сербии, что даже после оккупации всей территории государства находящееся в эмиграции правительство... продолжает являться правительством страны. При этом никакая степень военного давления (увеличение этой степени уже невозможно, так как все, что можно было оккупировать, уже оккупировано) не в состоянии заставить людей подписать мир... Война не может быть признана пригодным средством для того, чтобы достичь желаемого нами подписания мирного договора» [403] . Кюльман и Чернин склонны были отказаться от каких либо ответных мер, сохранить создавшееся положение, имея в виду, что российская делегация своим заявлением фактически согласилась на сохранение оккупированных областей в руках немцев и австрийцев. «Здесь почти все считают, что для нас не могло произойти ничего более благоприятного, чем решение Троцкого... Территориальный вопрос будет полностью решен по нашему желанию» [404] , – доносил сотрудник МИДа Германии К. Лерснер. Действительно, после речи Кюльмана дипломаты Германии и Австро Венгрии, Турции и Болгарии единогласно заявили, что принимают предложение Троцкого: «Хотя декларацией мир и не заключен, но все же восстановлено состояние мира между обеими сторонами». Гофман остался в полном одиночестве: «Мне не удалось убедить дипломатов в правильности моего мнения», – пишет он. Формула Троцкого «ни мира, ни войны» была принята конференцией, констатирует Чернин [405] . И австрийская делегация первой поспешила телеграфировать в Вену, что «мир с Россией уже заключен» [406] .

3. Средняя линия Троцкого: ни мира, ни войны

Заседание политической комиссии в Брест Литовске закончилось 28 января (10 февраля) в 18.50 вечера. Вскоре после этого, еще до формального ответа Четверного союза на заявление советской делегации, то есть не зная, принята ли формула «ни мира, ни войны», Троцкий телеграфировал Ленину: «Переговоры закончились. Сегодня, после окончательного выяснения неприемлемости австро германских условий, наша делегация заявила, что выходим из империалистической войны, демобилизуем свою армию и отказываемся подписать аннексионистский договор. Согласно сделанному заявлению, издайте немедленно приказ о прекращении состояния войны с Германией, Австро Венгрией, Турцией и Болгарией и о демобилизации на всех фронтах. Нарком Троцкий» [407] . Разумеется, телеграмма Троцкого была той самой декларацией, которая «в существе своем» должна была «стать известна всему миру». Но Ленин, вопреки решению ЦК, телеграмму Троцкого проигнорировал. Тогда около 9 вечера Троцкий дал аналогичную телеграмму Крыленко и велел издать «немедленно этой ночью приказ о прекращении состояния войны... и о демобилизации на всех фронтах». В 4 часа утра 29 января (11 февраля) приказ был утвержден наркомом по военным делам Подвойским, а в 8 утра – передан радиogramмой от имени Крыленко: «Мир. Война окончена. Россия больше не воюет... Демобилизация армии настоящим объявляется» [408] . Потерпев обычное для него в те дни поражение, Ленин и не думал сдаваться. Через своего секретаря (почему то не лично) он передал в ставку Верховного главнокомандующего приказ: «Сегодняшнюю телеграмму о мире и всеобщей демобилизации армии на всех фронтах отменить всеми имеющимися у вас способами по приказанию Ленина». Но Ленина не послушали. В 17 часов во все штабы фронтов была переслана пространная телеграмма за подписью Крыленко о прекращении войны, демобилизации и «увводе войск с передовой линии» [409] . Троцкий возвратился в Петроград в 5 часов утра 31 января (13 февраля). Он сразу направился в Смольный, где доложил Ленину о том, что произошло, и в этот же день выступил на совместном заседании большевистской и левоэсеровской фракций ВЦИКа. На заседании в Петросовете, где Троцкий тоже выступил, он указал, что Германия, скорее всего, не сумеет «выслать войска против социалистической республики. 90 шансов из 100 за то, что наступление не удастся, и только 10 шансов за наступление. Но я уверен, что наступления не будет» [410] . «Это был единственно правильный выход... – комментировал Зиновьев. – Мы, несмотря на все... крики отчаяния «правых», глубоко убеждены, что наступления со стороны немецких империалистов быть в данный момент не может» [411] . Позицию Троцкого в тот день большинством голосов поддержали все: и Петросовет, и ВЦИК, и Центральные комитеты большевиков и левых эсеров [412] . Днем раньше Исполком Петербургского комитета партии также высказался за разрыв переговоров с немцами, против политики «похабного мира» [413] . 30 января (по ст. ст.) за разрыв переговоров

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.o

выступил также Моссовет [414]. Позиция Троцкого была поддержана левыми эсерами [415] и одобрена немецкими коммунистами. Последние, как и Троцкий, считали, что «при крушении переговоров Центральные империи вряд ли будут в состоянии причинить России новый крупный военный ущерб, несмотря на нынешнее состояние русских армий. Война на русской границе все больше должна была бы сходиться на нет» [416]. Такого же мнения придерживался считавшийся экспертом по Германии Радек [417].

Германские военачальники стояли, однако, на совершенно иной позиции. Давно искавшее повод для новых конфликтов с МИДом командование поддержало Гофмана, высказавшись против Кюльмана. Гофман настаивал на том, чтобы в ответ на заявление Троцкого перемирие было прекращено; военные действия возобновлены [418], войскам была бы поставлена задача взять Петроград и открыто поддержать Украину против России. Тем не менее 10 – 11 февраля (по н. ст.) требование Гофмана было проигнорировано. И в торжественном заключительном заседании 11 февраля (по н. ст.) Кюльман «встал полностью на точку зрения, выраженную большинством мирных делегаций, и поддержал ее в очень внушительной речи» [419]. Троцкий победил. Его расчет оказался верен. Состояние «ни мира, ни войны» стало фактом.

В это время в Берлине проходили события судьбоносные для германской истории. Канцлер Гертлинг, в целом поддерживавший Верховное главнокомандование, обратился к Вильгельму, настаивая на том, что заявление Троцкого – это «фактический разрыв перемирия». Правда, Гертлинг, в отличие от Гофмана, не предполагал объявлять о возобновлении войны, но он намеревался сделать заявление о прекращении 10 февраля действия перемирия (по условиям соглашения о перемирии это дало бы Германии с 18 февраля свободу рук) [420]. И хотя Гертлинг еще не объявлял о начале военных действий против России, было очевидно, что он клонит именно к этому.

МИД, как и прежде, выступал против, выдвигая теперь на первый план соображения внутривосточного характера. Германских «социал демократов до сих пор удавалось удерживать в руках только благодаря тому, что они в некоторой степени убедились в том, что политика правительства направлена на достижение не завоевательного, а братского и равноправного мира, – писал 12 февраля по н. ст. в официальной записке Г. Бусше, один из заместителей Р. Кюльмана. – Последние недели показали, сколь большая опасность возникнет в том случае, если в массах рабочих укрепится мысль, что правительство хоть сколько нибудь пытается затормозить продвижение к миру или ставит препятствия на его пути. Последняя забастовка... была вызвана... все возрастающей потребностью в мире среди широких слоев народа, а также недоверием к мирной политике правительства... Говорить о спокойствии рабочих масс никак нельзя. Состояние, как и прежде, весьма неустойчивое. При любом внешнем поводе, который даст агитаторам материал для новых предположений о недостаточном стремлении правительства к миру, следует ожидать возобновления забастовки, причем во много большем масштабе... Троцкий своим заявлением о том, что война закончена де факто, дает нам практическую возможность ликвидировать состояние войны на Востоке, а также практическую свободу рук в проведении на занятых нами территориях тех предупредительных мероприятий, которые необходимы для нашего будущего» [421].

Тем не менее 13 февраля на состоявшемся рано утром в Гамбурге Коронном совете под председательством кайзера было окончательно решено продолжать военные действия против России [422] и считать заявление Троцкого фактическим разрывом перемирия с 17 февраля (поскольку Троцкий делал заявление 10 го).

Предполагалось, что официальное заявление о разрыве будет сделано германским правительством сразу же после того, как пределы Советской России покинет находившаяся в Петрограде германская дипломатическая миссия во главе с графом В. Мирбахом [423].

Политические деятели Австро Венгрии, уведомленные о намерениях немцев объявить перемирие прекращенным с 17 февраля, были сражены этим решением. «Наше мнение о том, что 17 февраля истекает срок перемирия, в большинстве случаев не разделяется здесь даже правительственными кругами», – сообщил из Вены в МИД Германии 15 февраля германский посол в Австро Венгрии Б. Ведель. Австрийский посол в Берлине К. Мерей был буквально «ошеломлен» и считал, что без формального ответа на заявление Троцкого, чего сделано пока еще не было, разрывать перемирие, исчисляя от 10 февраля, невозможно [424]. Тогда 16 февраля в телеграфное бюро Вольфа было передано для публикации официальное сообщение германского правительства о том, что заявление Троцкого рассматривается Германией как разрыв переговоров и перемирия. «Датой разрыва перемирия, – указывалось в сообщении, – следует рассматривать 10 февраля», и «по истечении предусмотренного договором семидневного срока германское правительство считает себя свободным действовать в любом направлении» [425].

Копия сообщения в агентство Вольфа была переслана командованию германского Восточного фронта. Последнее 16 февраля в 7.30 вечера известило генерала Самойло, что «с 12 часов дня 18 февраля между Германией и Россией возобновляется состояние войны». По крайней мере, именно так 17 февраля передал по прямому проводу из Бреста в Петроград генерал Самойло. В 13.42 Троцкий послал спешный запрос в Берлин, где указал, что советское правительство считает телеграмму провокационной, поскольку даже в том случае, если Германия решила отказаться от перемирия, «оповещение об этом должно происходить по условиям перемирия за семь дней, а не за два, как это сделано». Советское правительство в связи с этим просило немедленно разъяснить недоразумение [426].

18 февраля германское главнокомандование в разъяснении за подписью Гофмана указало, что заявление Троцкого «основывается на неправильных предположениях, предполагающих, что для возобновления состояния войны с Россией с германской стороны требуется заблаговременное ясное оповещение о разрыве перемирия за семь дней. ...Предусмотренный в договоре о перемирии семидневный срок, – указывали немцы, – начался, таким образом, 10 февраля и истек вчера. В связи с тем, что русское правительство отказалось заключить мир с Германией, Германия считает себя свободной от любых обязательств и оставляет за собою право прибегнуть к тем мероприятиям, которые она сочтет нужными» [427].

Германский ультиматум не был поддержан союзником Германии Австро Венгрией, чье правительство высказалось против возобновления военных действий [428] и передало по этому поводу Германии официальный протест [429]. Немцы, впрочем, попросили австрийцев «подождать с провозглашением своей позиции» до тех пор, пока о германских условиях не будут формально уведомлены Советы [430]. Чернин, разумеется, ответил согласием, обещав «ничего не предпринимать», не связавшись предварительно с Берлином [431].

К этому моменту на столе Чернина уже лежала радиограмма Троцкого с вопросом, «считает ли австро венгерское правительство, что оно также находится в состоянии войны с Россией», и если нет, то находит ли оно «возможным вступить в практическую договоренность» [432]. Кроме того, было хорошо известно, что немцы провели передислокацию всех боеспособных частей с Восточного фронта на Западный. Наконец, в Петрограде все еще оставались германские посланники, прибывшие с дипломатическими поручениями 16 (29) декабря: граф Мирбах, возглавлявший германскую экономическую миссию, и вице адмирал Р. Кейзерлинг, начальник военно морской миссии (наступление Германии, как и планировали немцы, началось 18 февраля, немедленно после их отъезда). Таким образом, оставалась надежда, что самими немцами вопрос о наступлении окончательно не решен. Поэтому состоявшееся вечером 17 февраля заседание ЦК отвергло 6 голосами против 5 предложение Ленина о немедленном согласии подписать германские условия и поддержало формулу Троцкого, постановив обождать с возобновлением мирных переговоров до тех пор, пока не проявится германское наступление и не обнаружится его влияние на пролетарское движение Запада. Против немедленного возобновления переговоров даже под угрозой германского нашествия голосовали Троцкий, Бухарин, А. Ломов (Г.И. Оппоков) [433], Урицкий, Иоффе и Н.Н. Крестинский [434]. За предложение Ленина – Сталин, Свердлов, Сокольников, И.Т. Смилга [435] и сам Ленин [436].

На заседании ЦК РСДРП(б) утром 18 февраля резолюция Ленина снова была провалена перевесом в один голос: 7 против 6. Новое заседание назначили на вечер. Только вечером, после продолжительных споров и под воздействием германского наступления, 7 голосами против 5 предложение Ленина было принято. За него голосовали Ленин, Троцкий, Сталин, Свердлов, Зиновьев, Сокольников и Смилга. Против – Урицкий, Иоффе, Ломов, Бухарин, Крестинский. Е.Д. Стасова воздержалась. Подготовка текста обращения к правительству Германии поручалась Ленину и Троцкому. Пока же ЦК постановил немедленно послать немцам радиосообщение о согласии заключить мир. Свердлов между тем должен был отправиться к левым эсерам, известить их о решении большевистского ЦК и о том, что решением советского правительства будет считаться совместное постановление Центральных комитетов РСДРП(б) и ПЛСР [437].

На состоявшемся 18 февраля объединенном заседании Центральных комитетов РСДРП(б) и ПЛСР последняя проголосовала за принятие германских условий [438]. Ленин поэтому поспешил назначить на 19 февраля совместное заседание большевистской и левоэсеровской фракций ВЦИКа, согласившись считать вынесенное решение окончательным. Уверенный в своей победе, Ленин вместе с Троцким (согласно постановлению ЦК) в ночь на 19 февраля составил текст радиообращения к немцам. Совнарком выражал протест по поводу германского наступления, начатого против республики, «объявившей состояние войны прекращенным и начавшей демобилизацию армии на всех фронтах», но заявлял «о своем согласии подписать мир на тех условиях, которые были предложены делегациями Четверного союза в Брест Литовске» [439].

Радиотелеграмма за подписями Ленина и Троцкого была передана утром 19 февраля и уже в 9.12 получена немцами, о чем был немедленно информирован генерал Гофман [440]. Все это Ленин проделал еще до того, как было принято формальное совместное решение большевистской и левоэсеровской фракций ВЦИКа. Но там, где Ленин смог обойти формальную сторону с левыми эсерами, он не смог сделать того же с немцами. Последние, не заинтересованные в приостановке успешного наступления, потребовали официального письменного документа; и Ленин ответил, что курьер находится в пути [441]. Германия приняла заявление к сведению, но наступления не прекратила.

Немцами были заняты в те дни несколько городов: 18 февраля – Двинск; 19 го – Минск; 20 го – Полоцк; 21 го – Режица и Орша; 22 го – Вольмар, Венден, Валк и Гапсаль; в ночь на 24 е – Псков и Юрьев; 25 февраля – Борисов и Ревель. Но самым удивительным было то, как немцы наступали: они действовали небольшими разрозненными отрядами в 100 – 200 человек, причем даже не регулярными частями, а сборными, из добровольцев. Из за царившей у большевиков паники и слухов о приближении мифических германских войск города и станции оставались без боя еще до прибытия противника. Двинск, например, был взят немецким отрядом в 60 – 100 человек. Псков был занят небольшим отрядом немцев, приехавших на мотоциклах [442]. В Режице германский отряд был столь малочислен, что не смог занять телеграф, который работал еще целые сутки [443]. При слабости одной стороны и панике другой, русские все таки кое где оказывали сопротивление. Так, Нарва оборонялась до 4 марта [444].

Немцы не столько брали города, сколько объявляли занятыми оставленные в панике поспешно отступавшей русской армией местности. 22 февраля 1918 г. военный комиссар В.Н. Подбельский [445] сообщал с фронта по прямому проводу: «Проверенных новых сведений не имею, кроме того, что немцы, вообще говоря, продвигаются неукоснительно, ибо не встречают сопротивления» [446]. На Украине наступление шло в основном вдоль железнодорожных путей, принимая, по словам Гофмана, «темпы, впечатляющие даже военных» [447]. Кое где немцы встречали сопротивление. Его оказывали, во первых, войска советской Красной гвардии, наступавшие для занятия Украины, а во вторых – чехословацкие части, бои с которыми были наиболее упорными [448]. Тем не менее 21 февраля немцы вошли в Киев [449].

19 февраля Ленин выступил с защитой тезисов о подписании мира на объединенном заседании большевистской и левоэсеровской фракций ВЦИКа с двухчасовой речью. Вероятно, он рассчитывал на победу. Но неожиданно для Ленина, как и для многих членов ЦК ПЛСР, большинство членов ВЦИКа высказалось против принятия германских условий мира. Протокол заседания ВЦИКа от 19 февраля «не сохранился», но на следующий день орган московской большевистской организации газета «Социал демократ» поместила краткий отчет о заседании фракций. «Большинство стояло на той точке зрения, – писала газета, – что русская революция выдержит испытание; решено сопротивляться до последней возможности» [450].

Тогда Ленин 19 февраля собрал заседание Совнаркома, на котором были обсуждены «вопросы внешней политики в связи с наступлением, начатым Германией, и телеграммой», посланной Лениным в Берлин. Большинство голосов против двух Совнарком содержание ночной телеграммы Ленина, посланной преждевременно и вопреки воле ВЦИКа, одобрил [451]. А так как Ленин провел в свое время резолюцию, передающую в ведение СНК вопросы, связанные с заключением мира, все необходимые формальности были выполнены. На следующий день Троцкий подал в отставку. 20 февраля он писал Ленину: «Я считаю, что я «уплатил по векселю» – и притом без просрочки. Когда я отстаивал неподписание, я доказывал, что нужно, чтобы всем было ясно, что мы не можем не подписать: нужно немецкое наступление. Разумеется, сейчас положение острее, чем три нед[ели] тому назад. Но этот вопрос уже не исчерпывается формальной «уплатой по векселю», – и я его снова поднимать не буду. Я считаю, что мы вчера сделали ложный шаг. Но отстаивать дальше свою политику я не мог, имея против себя половину ЦК с Вами во главе. Я слагаю с себя звание ком[иссара] по иностр[анным] делам. Само собою разумеется, что с моей стороны исключена возможность каких бы то ни было шагов, которые могли бы нарушить единство наших действий» [452].

Вслед за этим Троцкий направил в Совнарком официальное прошение об отставке, которую мотивировал тем, что проводимая им политика «не дала тех результатов, которые многие из нас ожидали» [453].

Видимо, в связи с принятой ВЦИКом резолюцией не подписывать мирного договора и из за большой вероятности того, что война все таки начнется вновь, 19 февраля Совнарком поручил Военной комиссии в составе Крыленко, Подвойского, начальника Морского штаба Альфатера и комиссаров П.Е. Дыбенко [454] и Раскольникову изучить вопрос «о возможности организации обороны» и «ведения революционной войны, если

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.o

революция будет поставлена перед этой необходимостью». Доклады, сделанные Крыленко и Альфатером, Совнарком заслушал в 9 вечера 20 февраля. В этот же день Петроград был объявлен на военном положении [455], а как действующий орган Совнаркома был создан Временный исполнительный комитет СНК во главе с Лениным. Иными словами, Совнарком лишился власти, и она передавалась теперь узкому кругу лиц, членам Совнаркома, «для создания непрерывности работы» в промежутках между заседаниями СНК – в составе Троцкого, Сталина, Ленина и двух левых эсеров: Прошьяна [456] и Карелина. Решение о создании этого нового органа не подлежало обнародованию и было принято с пометкой «Не публиковать» [457]. Временный исполком должен был принимать срочные решения в условиях военно-политического кризиса. Он сразу же издал несколько воззваний-прокламаций, из которых наиболее важным было обращение «Социалистическое отечество в опасности!», написанное Троцким и слегка скорректированное Лениным, которое тотчас же было послано телеграфом на места и вслед за этим опубликовано в газетах [458]. Тогда же Петросовет рассмотрел вопрос о возможной эвакуации города. А Московский комитет партии, который в случае оставления Петрограда становился столичным, 20 февраля подтвердил прежнее решение выступить против подписания мира, за революционную войну [459].

21 февраля был создан Комитет революционной обороны Петрограда. Он был образован Петроградским Советом из 15 человек, в том числе всего состава Чрезвычайного штаба Петроградского военного округа, одного представителя от комиссариата по военным делам, пяти членов ВЦИК и двух пар представителей от партий большевиков и левых эсеров [460]. Из видных большевиков в комитет вошли Зиновьев, М.М. Лашевич [461], Володарский и С.И. Гусев [462], К.С. Еремеев [463], Подвойский и Урицкий [464]. Возглавил комитет Свердлов [465]. Чуть позже туда единогласно был кооптирован Радек [466]. Постановлением СНК было объявлено также об организации социалистической армии, поголовной мобилизации всех рабочих и об отправке всей буржуазии на рытье окопов под Петроградом [467]. На следующий день в «Правде» за подписью Крыленко было опубликовано воззвание о создании, в дополнение к мобилизованным, добровольческих частей Красной армии [468]. Из за состоявшегося только что решения заключить мир с Германией и отставки Троцкого на заседании ЦК 22 февраля произошел фактический раскол большевистской партии. Бухарин вышел из состава ЦК и сложил с себя обязанности редактора «Правды». Группа в составе Ломова, Урицкого, Бубнова, В.М. Смирнова [469], И.Н. Стукова [470], М.Г. Бронского [471], В.Н. Яковлевой [472], А.П. Спунде [473], М.Н. Покровского и Г.Л. Пятакова подала в ЦК заявление о своем несогласии с решением ЦК обсуждать саму идею подписания мирного договора и оставила за собой право вести в партийных кругах агитацию против политики ЦК. Иоффе, Дзержинский и Крестинский также заявили о своем несогласии с решением ЦК заключить мир, но воздержались от присоединения к группе Бухарина, так как это значило расколоть партию, на что они идти не решались.

23 февраля в 10.30 утра немцы предъявили ультиматум, срок которого истек через 48 часов. На заседании ЦК ультиматум огласил Свердлов. Советское правительство должно было согласиться на независимость Курляндии, Лифляндии и Эстляндии, Финляндии и Украины, с которой обязано было заключить мир; способствовать передаче Турции Анатолийских провинций, признать невыгодный для России русско-германский торговый договор 1904 г., дать Германии право наибольшего благоприятствования в торговле до 1925 г., предоставить право свободного и бесположенного вывоза в Германию руды и другого сырья; отказаться от всякой агитации и пропаганды против Центральных держав и на оккупированных ими территориях. Договор должен был быть ратифицирован в течение двух недель [474]. Гофман считал, что ультиматум содержал все требования, какие только можно было выставить [475].

Ленин потребовал немедленного согласия на германские условия и заявил, что в противном случае уйдет в отставку. Тогда слово взял Троцкий: «Вести революционную войну при расколе в партии мы не можем... При создавшихся условиях наша партия не в силах руководить войной... Доводы В.И. [Ленина] далеко не убедительны; если мы имели бы единодушие, могли бы взять на себя задачу организации обороны, мы могли бы справиться с этим... если бы даже принуждены были сдать Питер и Москву. Мы бы держали весь мир в напряжении. Если мы подпишем сегодня германский ультиматум, то мы завтра же можем иметь новый ультиматум. Все формулировки построены так, чтобы дать возможность дальнейших ультиматумов... С точки зрения международной, можно было бы многое выиграть. Но нужно было бы максимальное единодушие; раз его нет, я на себя не возьму ответственность голосовать за войну» [476].

Вслед за Троцким отказались голосовать против Ленина еще два левых коммуниста: Дзержинский и Иоффе. Но Урицкий, Бухарин и Ломов твердо высказались против. Сталин первоначально не высказался за мир: «Можно не подписывать, но начать

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo. мирные переговоры». Ленин победил: Троцкий, Дзержинский, Крестинский и Иоффе – противники Брестского мира – воздержались при голосовании. Урицкий, Бухарин, Ломов и Бубнов голосовали против. Однако Е.Д. Стасова, Зиновьев, Сталин, Свердлов, Сокольников и Смилга поддержали Ленина. Семью голосами против четырех при четырех воздержавшихся германский ультиматум был принят. Вместе с тем ЦК единогласно принял решение «готовить немедленно революционную войну» [477]. Это была очередная словесная уступка Ленина.

Однако победа ленинского меньшинства при голосовании по столь важному вопросу повергла ЦК в еще большее смятение. Урицкий от своего имени и от имени членов ЦК Бухарина, Ломова, Бубнова, кандидата в члены ЦК Яковлевой, а также Пятакова и В.М. Смирнова заявил, что не желает нести ответственности за принятое меньшинством ЦК решение, поскольку воздержавшиеся члены ЦК были против заключения мира, и пригрозил отставкой всех указанных большевистских работников. Началась паника. Сталин сказал, что оставление оппозицией «постов есть зарез для партии». Троцкий – что он «голосовал бы иначе, если бы знал, что его воздержание поведет к уходу товарищей». Ленин соглашался теперь на «немую или открытую агитацию против подписания» – только чтобы не уходили с постов и пока что подписали мир [478]. Но левые коммунисты ушли, оговорив за собой право свободной агитации и защиту лозунга революционной войны, который развернули впоследствии на страницах печати, посвятив этому передовицы в московской газете «Социал демократ», «Уральском рабочем» (статьи Е.А. Преображенского [479] и Г.И. Сафарова [480]), а несколько позже – в «Коммунисте», официальном органе левой оппозиции (статьи Бухарина, В.М. Смирнова, Радека и др.).

Объединенное заседание ЦК РСДРП(б) и ЦК ПЛСР было назначено на вечер 23 февраля. Протокол его числится в ненайденных, и о том, как проходило заседание, ничего не известно. Ряд сведений говорит за то, что большинство ПЛСР поддержало Троцкого [481]. Вопрос затем был передан на обсуждение фракций ВЦИКа, заседавших всю ночь с 23 на 24 февраля то порознь, то совместно. Заседание вел Свердлов. Большинство голосов фракция РСДРП(б) во ВЦИКе приняла резолюцию о согласии на германские условия мира. В 3 часа утра 24 февраля в большом зале Таврического дворца открылось заседание ВЦИКа. За ленинскую резолюцию в итоге голосует 116 человек, против – 85 (эсеры, меньшевики, анархисты, левые эсеры, левые коммунисты), 26 человек – левые эсеры, сторонники подписания мира [482] – воздерживаются [483]. В 5.25 утра заседание закрылось. Через полтора часа в Берлин, Вену, Софию и Константинополь передали сообщение Совнаркома о принятии германских условий и отправке в Брест Литовск полномочной делегации [484]. Для передачи советского согласия в письменной форме из Петрограда в Брест отправился курьер. К 10 часам вечера германское главнокомандование Восточного фронта в ответ на радиogramму о принятии германских условий потребовало подписания мирного договора в течение трех дней с момента прибытия советской делегации в Брест [485].

24 февраля ушло на обсуждение того, кто войдет в состав делегации по заключению мира. Ехать никто не хотел. Иоффе отказывался. Зиновьев предлагал кандидатуру Сокольников. Сокольников – Зиновьева. Все вместе – Иоффе. Иоффе оговаривал свою поездку сотнями «если», Сокольников грозил отставкой (если его пошлют). Ленин просил «товарищей не нервничать», указывая, что «может поехать товарищ Петровский [486] как народный комиссар». Ломов, В.М. Смирнов, Урицкий, Пятаков, Д.П. Боголепов [487] и Спунде подали заявление об уходе с занимаемых ими постов в Совнаркоме. Троцкий вспомнил, что еще пять дней назад подал заявление об уходе в отставку с поста наркома иностранных дел и теперь настаивал на ней. Зиновьев просил Троцкого «остаться до подписания мирного договора, ибо кризис еще не разрешился». Сталин иезуитски заявил, что он «ничего не предлагает, но говорит о той боли, которую он испытывает по отношению к товарищам. Его поражают быстрота и натиск их, когда они прекрасно знают, что их нечем заменить, и ставит вопрос, зачем они это делают» [488]. В ответ на недоумение Урицкого по поводу выступления Сталина последний вновь взял слово, чтобы разъяснить, что «не делает ни тени упрека Троцкому, но оценивает момент как кризис власти».

На заседании разгорелась дискуссия в связи с официальным заявлением Троцкого об отставке с поста наркома иностранных дел, представленным Совнаркому еще 20 февраля. В заявлении Троцкого говорилось: «Так как политика, которую я проводил в отношении центр[альных] империй, не дала тех результатов, каких многие из нас ожидали от этой политики, то я настоящим слагаю с себя звание нар[одного] ком[иссара] по иностр[анным] делам. Свою работу в качестве председателя чрезвычайной продовольственной комиссии я намерен продолжать до тех пор, пока Сов[ет] Нар[одных] ком[иссаров] не сочтет нужным сменить меня» [489]. Троцкий добавил, что «не хочет больше нести ответственности за мирную политику НКИДа, но, не желая раскалывать партию, готов сделать заявление о сложении полномочий «в самой недемонстративной форме»; «текущую работу может вести Г.В.

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.o
Чичерин, а политическое руководство должен взять Ленин». Зиновьев просил Троцкого «отложить уход на 2 – 3 дня». Сталин тоже просил «выждать пару дней». Ленин указал, что отставка Троцкого неприемлема. Споры возобновились, и Троцкий констатировал раскол: «В партии сейчас два очень резко отмежеванных друг от друга крыла. Если смотреть с точки зрения парламентской, то у нас есть две партии, и в смысле парламентском надо было бы меньшинству уступить, но у нас этого нет, так как у нас идет борьба групп. Мы не можем сдавать позиции левым эсерам» [490] .

24 февраля в «Правде» появилась краткая статья Ленина «Несчастный мир», начинавшаяся словами: «Троцкий был прав, когда сказал: мир может быть трижды несчастным миром, но не может быть похабным, позорным, несчастным миром мир, завершающий эту «похабную войну» [491] . Ссылка на мнение Троцкого, который вроде бы оказался в опале, тем более апелляция к Троцкому в столь неуклюжем даже для не блиставшего стилем Ленина контексте была очень любопытна: Ленин в несвойственной ему манере пытался задобрить Троцкого, даже заискивал перед ним, давая и ему, и всем окружающим ясно и недвусмысленно понять, что этот деятель прочно остается в высшем партийном аппарате. Сохранение этого места подчеркивалось и тем, что именно Троцкому было поручено руководство ответственными делами, связанными с переносом столицы из Петрограда в Москву. 24 февраля после долгих споров подпись под Брестским договором согласился поставить Сокольников. Делегация выехала в ночь с 24 на 25 февраля. С Сокольниковым поехали Петровский, Чичерин, Карахан и Иоффе. Последнего удалось уговорить поехать в качестве консультанта, не несущего ответственности за подписание договора. 28 февраля советская делегация прибыла в Брест, чтобы узнать, что германское правительство идет в своих требованиях еще дальше. Немцы требовали теперь передачи Турции Карса, Ардагана и Батума (хотя в течение войны эти территории ни разу не занимались турецкими войсками) [492] . Сокольников пробовал было возражать, но Гофман дал понять, что какие либо обсуждения ультиматума исключаются. Трехдневный срок, в течение которого должен был быть заключен мир, немцы определили с 11 часов утра 1 марта, когда должно было состояться первое официальное заседание в Бресте [493] .

1 марта конференция действительно возобновила работу [494] . С обеих сторон в переговорах участвовали второстепенные лица. Министры иностранных дел Кюльман и Чернин, Великий визирь Турции Таалат паша и премьер министр Болгарии В. Радославов в это время находились на мирных переговорах в Бухаресте и в Брест прислали своих заместителей. От Германии договор должен был подписать посланник Розенберг. На первом же заседании он предложил советской делегации обсудить мирный договор, проект которого привез с собой [495] . Сокольников попросил зачитать весь проект и после прочтения объявил, что отказывается «от всякого его обсуждения, как совершенно бесполезного при создавшихся условиях» [496] , тем более что уже грядет мировая пролетарская революция [497] .

4. Средняя линия Ленина: передышка

Оппозиция сепаратному миру в партии и советском аппарате заставила Ленина изменить тактику. Он постепенно переместил акцент с «мира» на «передышку». Вместо мирного соглашения с Четверным союзом Ленин ратовал теперь за подписание ни к чему не обязывающего бумажного договора ради короткой, пусть хоть в два дня, паузы, необходимой для подготовки к революционной войне. При такой постановке вопроса Ленин почти стирал грань между собой и левыми коммунистами. Расхождение было теперь в сроках. Бухарин выступал за немедленную войну. Ленин – за войну после короткой передышки. Словосочетание «сепаратный мир» исчезло из лексикона Ленина. Но, голосуя за передышку, сторонники Ленина голосовали именно за сепаратный мир, не всегда это понимая.

Как и формула Троцкого «ни мира, ни войны», ленинская «передышка» была средней линией. Она позволяла, не отказываясь в принципе от лозунга революционной войны, оттягивать ее начало сколь угодно долгое время. Оставляя левым коммунистам надежду на скорое объявление войны, передышка в целом удовлетворяла сторонников подписания мира, прежде всего Ленина, так как давала возможность ратифицировать подписанный с Германией договор и, связывая мирным соглашением страны Четверного союза, оставляла советской стороне свободными руки для начала военных действий против Германии в любой удобный момент.

С точки зрения внешнеполитических задач советской власти формула передышки также оказалась более удобной, чем сепаратный мир. Подписывая мирный договор, большевики компрометировали себя и перед германскими социалистами, и перед Антантой, провоцируя последнюю на вмешательство. Передышка давала и тем и другим надежду на скорое возобновление войны между Россией и Германией. Негативной, с точки зрения Ленина, стороной были возникшие у Германии опасения того, что

большевики не имеют серьезных намерений соблюдать мир. Но поскольку более выгодного мира не дало бы Германии никакое другое российское правительство, Ленин должен был справедливо рассудить, что Германия будет сохранять заинтересованность в Совнаркоме.

Что касается Антанты, то первоначальное намерение большевиков заключить сепаратный мир и разорвать таким образом союз с Англией и Францией казалось в 1918 г. актом беспрецедентного коварства. Не желая, с одной стороны, иметь дело с правительством «максималистов» в России, не веря в его способность удержаться у власти, Антанта, с другой стороны, пыталась поддерживать контакты с советской властью хотя бы на неофициальном уровне с целью убедить советское правительство сначала не подписывать, а после подписания – не ратифицировать мирного договора. В глазах Антанты Ленин, проехавший через Германию в запломбированном вагоне, получавший от немцев деньги (в чем, по крайней мере, были убеждены в Англии и Франции), был конечно же ставленником германского правительства, если не прямым его агентом. Именно так англичане с французами объясняли его прогерманскую политику сепаратного мира.

Очевидно, что формула Троцкого «ни мира, ни войны» не отделяла Россию от Антанты столь категорично, как ленинское мирное соглашение с Германией, поскольку Троцкий не заключал с Четверным союзом мира. В этом смысле позиция Троцкого была много мудрее ленинской. Ленин, подписывая мир, толкал Антанту на войну с Россией. Троцкий пытался сохранить баланс между двумя враждебными лагерями. После 3 марта, однако, удержаться на этой линии было крайне трудно. Ленинская передышка, не избавив Россию от германской оккупации, создавала реальную угрозу интервенции Англии, Франции, Японии и США. Можно понять причины, по которым Ленин, казалось бы, и здесь выбрал самый рискованный для революции (и наименее опасный для себя) вариант. Немцы требовали территорий. Но они не требовали ухода Ленина от власти, наоборот – были заинтересованы в Ленине, так как понимали, что лучшего союзника в деле сепаратного мира не получают. Антанту же не интересовали территории. Она должна была сохранить действующим Восточный фронт. В союзе с Германией Ленин удерживал власть. В союзе с Антантой он терял ее безусловно, как сторонник ориентации на Германию.

Брест Литовский договор мог войти в силу только после ратификации его тремя инстанциями: партийными съездами, съездом Советов и германским рейхстагом. В распоряжении сторонников и противников мира оставалось, таким образом, две недели (оговоренные немцами как предельный срок ратификации). Ленин ранее всего попробовал добиться отмены резолюции Московского областного бюро партии о недоверии ЦК. Случай для этого представился на Московской общегородской конференции РСДРП(б), созванной вскоре после заключения мира, в ночь с 4 на 5 марта [498]. В докладах участников конференции были представлены все три точки зрения: Ленина, Троцкого и Бухарина. Ленинскую позицию защищали Зиновьев и Свердлов. От имени левых коммунистов выступил В.В. Оболенский (Осинский) [499], предложивший конференции подтвердить резолюцию о недоверии ЦК. Левые коммунисты потерпели поражение: за резолюцию Осинского голосовало только 5 человек; 65 делегатов конференции одобрили резолюцию, выражавшую доверие ЦК, и высказались за сохранение во что бы то ни стало единства партии [500]. Однако в самом важном для Ленина вопросе победил Троцкий: большинство участников конференции, 46 человек, проголосовало против подписания мирного договора (резолюция Покровского).

Сам Троцкий в те дни не остановился на достигнутом и пробовал найти «лучшую, чем мир» альтернативу, так как боялся, что в конечном итоге Антанта договорится со странами Четверного союза и мир на Западном фронте «будет построен на костях русской революции» [501]. Чтобы такого сговора не произошло, нужно было балансировать между Германией и Антантой, шантажируя Германию победой сторонников войны (левых коммунистов) и оставляя Антанте надежду на переориентацию советской внешней политики с прогерманской на проантантовскую. Антанта готова была сделать первый шаг. 19 февраля, вскоре после начала германского наступления, французский посол в России Нуланс позвонил Троцкому в НКВД и сообщил, что Франция могла бы помочь советскому правительству деньгами и иными средствами, если последнее пожелает оказать сопротивление немцам [502]. Разумеется, это был не первый контакт французского дипломата с советским правительством. После возвращения Троцкого с переговоров в конце января, когда постановления о разрыве переговоров с Германией были приняты Петроградским и Московским Советами, Нуланс предложил советскому правительству поддержку союзников на тот случай, если сепаратный мир не будет заключен [503]. Теперь, в феврале, с аналогичным предложением обратились к советскому правительству еще и англичане. Переговоры с представителями Антанты повел Троцкий [504] и дал понять, что в случае оказания союзниками помощи сможет провести через Совнарком решение о возобновлении военных действий, рано или поздно все равно неизбежных

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.o [505] .

В ЦК РСДРП(б) предложения английского и французского представителей обсуждались на заседании 22 февраля. Троцкий заявил, что в случае революционной войны поддержку Антанты нужно использовать. Зачитанная им резолюция признавала возможной закупку у англичан и французов вооружения, обмундирования и продовольствия для революционной армии и была одобрена шестью голосами против пяти. За нее голосовали Свердлов, Дзержинский, Иоффе, Сокольников, Троцкий и Смилга. Бухарин, Ломов, Бубнов, Крестинский и Урицкий были против. Первых интересовало возобновление войны с Германией. Вторых – бескомпромиссность русской революции и отказ от каких бы то ни было соглашений с буржуазными правительствами. Ленин на заседании не присутствовал (видимо, не считая его важным), но прислал циничную записку: «Прошу присоединить мой голос за взятие картошки и оружия у разбойников англо-французского империализма». На следующий день решение ЦК было одобрено в Совнарком, постановившем оружие, обмундирование и продовольствие у англичан и французов в случае ведения революционной войны против Германии «приобретать» [506] .

В течение последующих дней Ленин, как председатель СНК, и Троцкий, как нарком иностранных дел (его отставка была отложена), неоднократно встречались с неофициальными представителями Антанты в Советской России. Так, 26 февраля Ленин беседовал с неофициальным представителем США, руководителем миссии американского Красного Креста в России, полковником Р. Робинсом, пришедшим к нему перед отъездом посольства в Вологду; 27 февраля – говорил с представителем французской военной миссии графом де Люберсаком о возможности использования французской военно-технической помощи в деле борьбы с Германией, а 29 февраля виделся с Локкартом и имел с ним продолжительную беседу [507] . В каком же случае соглашался Ленин воевать с Германией? Только в одном: если немцы откажутся от ставки на ленинское правительство и попытаются создать новое. В этом случае Ленин готов был разорвать мир и воевать до конца [508] .

Видимо, иными соображениями руководствовался Троцкий. Он понимал, что для ускорения революции в Германии выгоднее в блоке с Антантой воевать с немцами. 4 марта Троцкий встретился с Робинсом и предложил ему «помешать ратификации Брестского мира», воздействуя на правительство США в смысле оказания военной помощи Советам. На это Робинс нашел то возражение, что трудно помешать ратификации мирного договора, когда за нее стоит глава советского правительства Ленин. «Вы ошибаетесь, – ответил, по воспоминаниям Робинса, Троцкий, – Ленин понимает, что угроза германского наступления столь велика, что если бы он смог достигнуть экономического сотрудничества и получить военную помощь от союзников, то он отказался бы от Брестского мира, отдал бы в случае необходимости Москву и Петроград, отошел к Екатеринбургу, создал бы фронт на Урале и сражался бы с помощью союзников против Германии» [509] .

Очевидно, что Троцкий либо вводил в заблуждение Робинса, либо заблуждался сам. Немцы наступали, а Ленин отстаивал брестскую передышку. Антанта предлагала помощь, а Ленин и не думал сражаться с союзниками против Германии. Странно было бы предполагать, что Ленин и советское правительство разорвут договор в ответ на обещание американского правительства помогать большевикам. Помощь Антанты не могла бы проявиться быстро. При недоверии Советов ко всем «империалистическим» правительствам и невозможности для Антанты предоставить большевикам реальные гарантии долгосрочной помощи, сотрудничество двух сторон в деле борьбы с Германией наладить было трудно. При разности целей Ленина и Антанты и учитывая, что германская оккупация была фактом, менять ориентацию для Ленина было слишком рискованным. Он мог не получить реальной поддержки от Антанты, потеряв при этом расположение немцев. Переориентация советского правительства произошла бы по воле Ленина, если бы немцы попытались организовать антибольшевистский переворот, и против воли Ленина, если бы партийный и советский съезд отказались ратифицировать Брестский договор между Германией и Россией. Именно к этой возможности готовились Троцкий и Ленин, каждый по своему, прощупывая почву в переговорах с Антантой.

Утром 5 марта состоялась встреча Троцкого с Локкартом и Робинсом, последняя их встреча перед открытием VII съезда партии, на котором большевики должны были ратифицировать договор и передать его для окончательной ратификации съезду Советов. Локкарт, со слов Троцкого, указывал в своей депеше в Лондон, что на предстоящем съезде партии, вероятно, будет провозглашена война или будет принята такая декларация, которая сделает эту войну неизбежной. Локкарт считал, что в этом случае советское правительство само пригласит США и Англию в районы Владивостока и Архангельска [510] .

Результатом встречи стала нота советского правительства от 5 марта к державам Антанты [511] , написанная Троцким [512] без ведома Ленина и переданная вопреки его воле. Содержание ноты противоречило всему тому, к чему Ленин так страстно

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.o

стремился: нота санкционировала замену германской оккупации антантовской и давала план взаимодействия Советов и Антанты в случае отказа съездов ратифицировать мир.

На Локкарта нота произвела ошеломляющее впечатление. «Уполномочьте меня информировать Ленина, что вопрос о японской интервенции урегулирован... что мы готовы поддержать большевиков постольку, поскольку они будут противостоять Германии, что мы склоняемся к его условиям как к лучшему варианту, при котором эта помощь может быть оказана, – писал он в донесении в Лондон 5 марта. – Платой за это будет большая вероятность того, что [Германии] будет объявлена война» [513]. Но правительство Великобритании на донесение Локкарта реагировало сдержанно и не сочло возможным отвечать на советскую ноту. Французы тоже молчали [514].

Ленин всегда ясно видел взаимосвязь мелочей в революции и готов был драться за каждое ее мгновение. Видимо, это и отличало его от Троцкого, извечно стремившегося к недостижаемому горизонту и не ставившего перед собой задачи дня. Такой целью для Ленина в марте 1918 г. была ратификация Брестского договора на предстоящем VII партийном съезде. К этому времени большевистская партия фактически раскололась на две. Самым ярким проявлением этого раскола стало издание левыми коммунистами собственной газеты «Коммунист», начавшей выходить 5 марта под редакцией Бухарина, Радека и Урицкого как орган Петербургского комитета и Петербургского окружного комитета РСДРП(б). Ленин пробовал противостоять левым, в основном через «Правду». Так, перед открытием съезда, 6 марта, он опубликовал статью «Серьезный урок и серьезная ответственность», не казавшуюся убедительной. Основная ее мысль сводилась к тому, что «с 3 марта, когда в 1 час дня прекращены были германцами военные действия, и до 5 марта 7 час. вечера», когда Ленин писал статью, советская власть имеет передышку, которой она уже с успехом воспользовалась [515]. Такой аргумент мог вызвать только улыбку. Говорить о прекращении военных действий со стороны Германии было преждевременно. Кроме того, было очевидно, что за два дня никаких мероприятий по охране государства провести нельзя.

6 марта в 8.45 вечера, вскоре после объединенного заседания Президиума ВЦИК и СНК, на котором с отчетом мирной делегации выступил Сокольников, VII экстренный съезд партии, созванный специально для ратификации мирного договора с Германией, открылся в Таврическом дворце. Съезд не был представительным. В его выборах могли принять участие только члены партии, состоявшие в ней более трех месяцев, то есть вступившие в РСДРП (б) до октябрьского переворота. Кроме того, делегатов съехалось мало. Даже 5 марта не было ясно, откроется съезд или нет, будет ли он правомочным. Свердлов на предварительном совещании признал, что «это конференция, совещание, но не съезд» [516]. И поскольку такой съезд никак нельзя было назвать очередным, он получил титул экстренного. Собирался он в страшной спешке. Нет точных данных о числе делегатов, можно предположить, что в нем участвовало 47 делегатов с решающим голосом и 59 с совещательным, формально представлявшие 169 200 членов РКП(б). Всего же, по данным непроверенным и неточным, в партии большевиков насчитывалось в то время до 300 тысяч членов, не так много, если учесть, что к моменту созыва VI съезда в июле 1917 г., когда партия еще не была правящей, в ее рядах числилось около 240 тысяч, причем численность партии с апреля по июль 1917 г. возросла в три раза. Теперь же Ларин вынужден был указать, что «многие организации фактически за последнее время не выросли». А Свердлов, выступивший на VII съезде с отчетом ЦК, обратил внимание партийного актива еще на два прискорбных обстоятельства: «членские взносы поступали крайне неаккуратно», а тираж «Правды» упал с 220 тысяч в октябре 1917 г. до 85 тысяч, причем распространялась она фактически только в Петрограде и окрестностях [517].

7 марта в 12 часов дня с первым докладом съезда – о Брестском мире – выступил Ленин, попытавшийся убедить делегатов в необходимости ратифицировать соглашение. Поистине удивительным можно считать тот факт, что текст договора держался в тайне и делегатам съезда сообщен не был. Между тем за знакомым сегодня каждому Брестским мирным договором стояли условия более тяжкие, чем Версальские. В смысле территориальных изменений Брест Литовское соглашение предусматривало очищение Россией провинций Восточной Анатолии, Ардаганского, Карсского и Батумского округов «и их упорядоченное возвращение Турции»; заключение немедленного мира с Украинской народной республикой и признание мирного договора между Украиной и странами Четверного союза. Фактически это означало передачу Украины, из которой должны были быть выведены все русские и красногвардейские части, под контроль Германии. Эстляндия и Лифляндия также очищались от русских войск и Красной гвардии. Восточная граница Эстляндии проходила теперь примерно по реке Нарве. Восточная граница Лифляндии – через Чудское и Псковское озера. Финляндия и Аландские острова тоже освобождались от русских войск и Красной

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.о
гвардии, а финские порты – от русского флота и военно морских сил [518] .

На отторгнутых территориях общей площадью 780 тысяч квадратных километров с населением 56 миллионов человек (треть населения Российской империи) до революции находилось 27% обрабатываемой в стране земли, 26% всей железнодорожной сети, 33% текстильной промышленности, выплавлялось 73% железа и стали, добывалось 89% каменного угля, находилось 90% сахарной промышленности, 918 текстильных фабрик, 574 пивоваренных завода, 133 табачные фабрики, 1685 винокуренных заводов, 244 химических предприятия, 615 целлюлозных фабрик, 1073 машиностроительных завода и, главное, 40% промышленных рабочих, которые уходили теперь «под иго капитала». Очевидно, что без всего этого нельзя было «построить социалистического хозяйства» [519] (ради чего заключалась брестская передышка). Ленин сравнил этот мирный договор с Тильзитским: по Тильзитскому миру Пруссия лишилась примерно половины своей территории и 50% населения. Россия – лишь трети. Но в абсолютных цифрах территориальные и людские потери были несравнимы. Территория России была теперь меньше, чем в допетровскую эпоху.

Именно этот договор и стал защищать Ленин. Он зачитывал свой доклад, как классический сторонник мировой революции, говоря прежде всего о надежде на революцию в Германии и о принципиальной невозможности сосуществования социалистических и капиталистических государств. По существу, Ленин солидаризировался с левыми коммунистами по всем основным пунктам: приветствовал революционную войну, партизанскую борьбу, мировую революцию, признавал, что война с Германией неизбежна, что Петроград и Москву, скорее всего, придется отдать немцам, подготавливающимся для очередного прыжка, что передышка всего то может продлиться день. Но левые коммунисты из этого выводили, что следует объявлять революционную войну. Ленин же считал, что передышка, пусть и в один день, стоит трети России и, что более существенно, отхода от революционных догм. В этом левые коммунисты никак не могли сойтись с Лениным.

С ответной речью выступил Бухарин. Он сказал, что русская революция будет либо «спасена международной революцией, либо погибнет под ударами международного капитала». О мирном сосуществовании поэтому говорить не приходится. Выгоды от мирного договора с Германией иллюзорны. Прежде чем подписывать договор, нужно понимать, зачем нужна предлагаемая Лениным передышка. Ленин утверждает, что она «нужна для упорядочения железных дорог», для организации экономики и «налаживания того самого советского аппарата», который «не могли наладить в течение четырех месяцев».

Бухарин считал, что, «если бы была возможность такой передышки», левые коммунисты согласились бы заключить мир. Но если передышка берется только на несколько дней, то «овчинка выделки не стоит», потому что в несколько дней разрешить те задачи, которые перечислил Ленин, нельзя: на это требуется минимум несколько месяцев, а такого срока не предоставит ни Гофман, ни Либкнехт. «Чем дальше неприятель будет продвигаться вглубь России, тем в более невыгодные для него условия он будет попадать». «Возможна ли теперь вообще война? – спрашивал Бухарин. – Нужно решить, возможна ли она объективно или нет». Если возможна и если она все равно начнется «через два три дня», для чего покупать «такой ценой этот договор», наносящий неисчислимый вред и шельмующий советскую власть «в глазах всего мирового пролетариата»? [520]

В ответ Ленин признал, что «на девять десятых» согласен с Бухариным, что большевики маневрируют «в интересах революционной войны» и в этих пунктах имеется «согласие обеих частей партии», а спор только о том, «продолжать ли без всякой передышки войну или нет». Ленин указал также, что Бухарин напрасно пугается подписи под договором, который, мол, можно разорвать в любой момент: «Никогда в войне формальными соображениями связывать себя нельзя», «договор есть средство собирать силы». «Революционная война придет, тут у нас разногласий нет». Но пока что пригрозил отставкой в случае отказа съезда ратифицировать передышку [521] .

В прениях по докладам Ленина и Бухарина выступил Урицкий, сказавший, что Ленин «в правоте своей позиции» не убедил. Можно было бы добиваться продолжительной передышки. Но «успокоиться на передышке в два три дня», которая «ничего не даст, а угрожает разрушить оставшиеся железные дороги и ту небольшую армию», которую только что начали создавать, – это значит согласиться на «никому не нужную, бесполезную и вредную передышку с тем, чтобы на другой день, при гораздо более скверных условиях», возобновлять войну, отступая «до бесконечности», вплоть до Урала, эвакуируя «не только Петроград, но и Москву», поскольку, как всякому очевидно, «общее положение может значительно ухудшиться». Урицкий не согласился и с ленинским сравнением Брестского мира с Тильзитским. «Не немецкий рабочий класс заключал мир в Тильзите, – сказал он, – подписала его другая сторона. Немцам пришлось принять его как совершившийся факт». Урицкий предложил поэтому

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.o

«отказаться от ратификации договора», хотя и понимал, что разрыв с Германией «принесет вначале на поле брани целый ряд поражений», которые, впрочем, «могут гораздо больше содействовать развязке социалистической революции в Западной Европе», чем «похабный мир» Ленина [522] .

Бубнов указал, что в момент, когда «уже назрел революционный кризис в Западной Европе» и «международная революция готовится перейти в самую острую, самую развернутую форму гражданской войны, согласие заключить мир» наносит непоправимый «удар делу международного пролетариата», перед которым в настоящее время «встала задача развития гражданской войны в международном масштабе», задача «не фантастическая, а вполне реальная». В этом и заключается содержание лозунга «революционная война». Ленин же с левых позиций октября 1917 г. перешел на правые и ссылается теперь на то, что «массы воевать не хотят, крестьянство хочет мира». «С каких это пор мы ставим вопрос так, как ставит его сейчас тов. Ленин?» – спрашивал Бубнов, намекая на лицемерие Ленина [523] .

Точку зрения сторонников передышки подверг критике Радек. Он назвал политику Ленина невозможной и неприемлемой, указав, что большевики никогда не надеялись на то, что «немецкий империализм оставит нас в покое». Наоборот, все исходило из неизбежности войны с Германией и поэтому «стояли на точке зрения демонстративной политики мира, политики возбуждения масс в Европе». Такая политика советского правительства «вызвала всеобщую забастовку в Германии» и «стачки в Австрии». Даже сейчас, после совершившегося германского наступления, Радек считал, что противники подписания мира были правы, когда утверждали, будто «крупных сил у немцев нет» и немцы готовы пойти на соглашение «без заключения формального мира» (о чем писала германская пресса). Радек сказал, что планы объявления партизанской войны против германских оккупационных войск не были фразой и, если бы большевики оставили Петроград и отступили в глубь страны, они сумели бы «создать новые военные кадры» за три месяца, в течение которых немцы не смогли бы продвигаться в глубь России «ввиду международного положения, ввиду положения дел на Западе» [524] .

Выступивший против подписания мира и за революционную войну Рязанов фактически обвинил Ленина в измене. Эвакуация Петрограда возможна как эвакуация учреждений, сказал он. «Всякая попытка сдать этот Питер без сопротивления, подписав и ратифицировав этот мир», была бы «неизбежной изменой по отношению к русскому пролетариату», поскольку «провоцировала бы немцев на дальнейшее наступление». Ленин, – продолжал Рязанов, – готов отдать «Питер, Москву, Урал, он не боится пойти во Владивосток, если японцы его примут», готов отступить и отступить; «этому отступлению есть предел». Противник заключения мира А.М. Коллонтай указала, что никакого мира не будет, даже если договор ратифицируют; Брестское соглашение останется на бумаге. Доказательством этому служит тот факт, что после подписания перемирия война все равно продолжается. Коллонтай считала, что возможности для передышки нет, что мир с Германией невероятен, что создавшуюся ситуацию следует использовать для формирования «интернациональной революционной армии» и, если советская власть в России падет, знамя коммунизма «поднимут другие» [525] .

Троцкий изложил на съезде «третью позицию» – ни мира, ни войны. Он признал, что шансов победить больше «не на той стороне, на которой стоит» Ленин, и указал, что переговоры с Германией преследовали прежде всего цели пропаганды. Если бы действительно нужно было заключать мир, то не стоило оттягивать соглашения, а надо было подписывать договор в ноябре, когда немцы пошли на наиболее выгодные для советского правительства условия. Троцкий подтвердил, что не верил в способность Германии наступать, но при этом считал, что возможность «подписать мир, хотя бы и в худших условиях» всегда будет. Троцкий отвел довод о том, что немцы в случае отказа советского правительства ратифицировать мирный договор захватят Петроград, и сослался на свой разговор с Лениным. Даже Ленин считал, указывал Троцкий, что «факт взятия Петрограда подействовал бы слишком революционизирующим образом на германских рабочих». «Все зависит от скорости пробуждения европейской революции» [526] , – заключил Троцкий, но не высказался против ратификации мирного договора: «Я не буду предлагать вам не ратифицировать его», добавив, однако, что «есть известный предел», дальше которого большевики идти не могут, так как «это уже будет предательством в полном смысле слова». Этот предел – подпись советского правительства под мирным договором с Украинской радой [527] . И поскольку содержание Брестского договора делегатам съезда известно не было, никто не поправил Троцкого, что заключение мира с Украинской республикой предусматривается Брестским соглашением, под которым уже стоит подпись советского правительства и которое должен ратифицировать слушающий Троцкого съезд [528] .

Возвращаясь к итоговому голосованию в ЦК по вопросу о подписании мира, где победила точка зрения Ленина, Троцкий сказал, что воздержался тогда от

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.o

голосования и не выступил против, поскольку не считал «решающим для судеб революции то или другое отношение к этому вопросу». Если Троцкий был искренен, то сказанное лучше всего подтверждает его неспособность придавать значение мелочам в революции и бороться за них с упорством Ленина. По словам Иоффе, Троцкому всегда не хватало «ленинской непреклонности, неуступчивости», «готовности остаться хоть одному на признаваемом им правильном пути в предвидении будущего большинства». А именно в этом, считал Иоффе, был «секрет побед» Ленина. Троцкий слишком часто отказывался от собственной позиции ради компромисса [529].

В ответном слове Ленин уделил много внимания тактике Троцкого на переговорах в Бресте и пытался представить ситуацию так, что Троцкий не выполнил имевшуюся между ними договоренность. Собственно, именно эти слова Ленина и легли в основу мифа о «предательстве» Троцкого в Бресте. Ленин сказал: «В его деятельности нужно различать две стороны: когда он начал переговоры в Бресте, великолепно используя их для агитации, мы все были согласны с тов. Троцким. Он цитировал часть разговора со мной, но я добавлю, что между нами было условлено, что мы держимся до ультиматума немцев, после ультиматума мы сдаем... Тактика Троцкого, поскольку она шла на затягивание, была верна; неверной она стала, когда было объявлено состояние войны прекращенным и мир не был подписан. Я предложил совершенно определенно мир подписать» [530].

Однако Ленин очевидным образом лгал. Директивного указания подписать мирный договор он Троцкому не давал, и таких документов в распоряжение историков предоставлено никогда не было. Все официальные решения отражены в протоколах ЦК. Речь могла, таким образом, идти только о частных неформальных беседах между председателем Совнаркома и наркомом иностранных дел. Слова Ленина не остались незамеченными другими делегатами съезда, указавшими, что Троцкий действовал в Бресте в соответствии с решениями ЦК большевистской партии. Так, Зиновьев указал, что Троцкий «действовал по постановлению правомочного большинства ЦК. Никто [этого] не оспаривал». Ломов подтвердил, что линия Троцкого «была линия Центрального комитета» [531]. Даже Свердлов – сторонник ратификации мира – попытался реабилитировать Троцкого после выдвинутых Лениным обвинений в нарушении инструкций ЦК: «Все мы одинаково стояли за то, что нужно затягивать переговоры до последнего момента... Все мы отстаивали как раз ту позицию, которую вела вначале наша Брестская делегация во главе с тов. Троцким... Так что все упреки, что Центральный комитет вел неправильную политику, не соответствуют действительности. Мы и до сих пор говорим, что при известных условиях нам революционную войну придется неизбежно вести» [532].

При поименном голосовании за ленинскую резолюцию высказалось 30 человек, против – 12. Четверо воздержалось. За резолюцию левых коммунистов голосовало 9 человек, против – 28. Но резолюция Ленина, получившая большинство, о заключении мира не упоминала, а оговаривала передышку для подготовки к революционной войне. Опубликовать такую резолюцию было совершенно невозможно, поскольку немцами она была бы воспринята как расторжение мирного договора. Поэтому Ленин настоял на принятии съездом поправки: «Настоящая резолюция не публикуется в печати, а сообщается только о ратификации договора». Ленину важно было подписать мирный договор и добиться его ратификации. Во всем остальном он готов был уступить левым коммунистам.

Считая критику Ленина в отношении Троцкого несправедливой, Крестинский предложил съезду принять резолюцию с одобрением деятельности Троцкого на переговорах. Утверждена она не была. И Троцкий, сочтя себя оскорбленным, заявил, что отказывается от каких либо постов в правительстве. Ленину удалось тогда убедить Троцкого не делать ультимативных заявлений, а при выборах нового состава ЦК (на этом съезде партия была переименована из Социал демократической в Коммунистическую – РКП(б), Троцкий, как и Ленин, получил максимум голосов – 34 [533] и сохранил позицию если не первого, то по крайней мере второго по влиятельности в ЦК члена.

Уже 4 марта, то есть на следующий день после подписания мирного договора в Бресте, из за считавшегося неизбежным германского наступления на Петроград большевики приняли решение о переносе столицы в Москву и срочной эвакуации правительства. На эту тему на заседании Совнаркома Троцкий выступил с докладом «Об учреждении Центральной коллегии по эвакуации и разгрузке Петрограда» [534] – так весьма туманно формулировался вопрос о предстоящем переносе столицы. По соображениям безопасности правительство эвакуировалось тайно и не одновременно. 9 марта выехал в Москву Свердлов, прибывший туда 10 го. 11 марта с поездом Совнаркома в Москву прибыл Ленин, через неделю полторы – Троцкий. В пути правительственные поезда охраняли латышские стрелки. Первоначально в Москве правительство поселилось в гостинице «Националь», ставшей «1 м домом Советов». («Метрополь», в котором также расселились члены правительства, стал «2 м домом

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo. Советов».) 12 марта в «Правде» появилось следующее обращение: «Граждане Петрограда! Совет Народных Комиссаров, Центр[альный] Исп[олнительный] Комитет выехали в Москву на Всероссийский Съезд Советов. Уже сейчас можно почти с полной уверенностью сказать, что на этом съезде будет решено перенести временно столицу из Петрограда в Москву. Этому требуют интересы всей страны. Германские империалисты, навязав нам свой аннексионный мир, остаются смертельными врагами Советской власти. Сейчас они открывают поход против революционной Финляндии. При этих условиях Совету народных комиссаров невозможно больше оставаться и работать в Петрограде на расстоянии двухдневного перехода от расположения германских войск. Председатель Петр[оградского] револ[юционного] комиссариата Л. Троцкий» [535]

Троцкий уже не подписывался «нарком иностранных дел», и не случайно: на следующий день, 13 марта, за день до начала работы съезда Советов, СНК удовлетворил просьбу Троцкого об отставке с поста наркома иностранных дел: «Товарища Троцкого согласно его ходатайства освободить от должности народного комиссара по иностранным делам. Временным заместителем народного комиссара по иностранным делам назначить товарища Чичерина» [536]

14 марта открылся съезд Советов. Как и VII партийный съезд, он не был представительным и получил название чрезвычайного. Впервые специально для делегатов съезда был отпечатан текст Брест Литовского мирного договора в количестве 1000 экземпляров. Это давало в руки противников заключения мира, особенно из числа не большевиков, серьезное оружие: впервые делегаты могли узнать о том, какой именно договор они должны ратифицировать. На съезде Советов присутствовало 1172 делегата, в том числе 814 большевиков и 238 левых эсеров [537]. Последние поддержали формулу Троцкого. К ним присоединились эсеры и меньшевики, зачитавшие резолюцию с требованием отклонить германские условия, создать «всенародное ополчение», выразить недоверие Совнаркому и передать власть Учредительному собранию. Мартов потребовал также назначения «следственной комиссии для выяснения обстоятельств, при которых был отдан приказ о демобилизации армии в то время, как армия могла еще сопротивляться». «Где слова Троцкого о священной войне? – спрашивал Мартов. – Троцкий так недавно сказал: «Если Германия откажется от заключения демократического мира, то мы объявим ей священную войну». «Где эта война?» [538] Однако, несмотря на несогласие меньшевиков, эсеров, анархистов коммунистов и левых эсеров, Брест Литовский мирный договор был ратифицирован большинством в 784 голоса против 261 при 115 воздержавшихся. В конце концов Ленин добился своего. Оставалось только поверить Ленину и использовать обещанную им передышку для разжигания мировой революции. А для этого во всех случаях нужна была новая, сильная, революционная армия. Задачу ее создания возложили на плечи Троцкого.

Глава 3 Строительство новой армии

1. Наркомвоенмор

Изначально Троцкий занимал две должности. Одна из них была очень неопределенной – она именовалась: председатель Военно революционного комиссариата при Петроградском Совете или председатель Петроградского революционного комиссариата (в документах встречаются оба варианта). Именно в этом качестве Троцкий написал обращение к гражданам Петрограда о перенесении столицы в Москву. Свой питерский пост Троцкий занимал всего лишь несколько дней, но успел опубликовать жесткие заявления, выступая, в частности, против излишнего вмешательства политических комиссаров в дела военных [539], что явилось прелюдией, но весьма показательной, к тому курсу, который он будет последовательно проводить в следующие годы.

Когда Троцкий был питерским военным комиссаром, о нем рассказал Михаил Кольцов [540], в то время независимый киевский журналист, а много позже один из наиболее ярых и даже злобных проводников сталинистского курса, сам ставший одной из жертв сталинщины. В статье «Красный Китяж [541] . Троцкий» Кольцов описал свои впечатления от поездки в Петроград и посещения Смольного: «Он пришел извне, снаружи. Пришел к революции, а не вышел из нее. Не русский и не иностранец. Как будто еврей, но нет – кажется, не еврей. Со своего лица, резко семитического, он смел все национальное, все личное, свое. В умных, злых еврейских глазах посеял пустоту. От курчавой бородки остался только один мифистифельский клочок – старый знак международных авантюристов... Он космополит. Он играет в общечеловечность. В этом его выигрыш. Русским людям чужд интернационализм. Во всей русской литературе нет ни одного героя интернационалиста. И десятки космополитов – людей без отечества».

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.o

Кольцов писал, что солдаты любили Троцкого, его глаза. Его голос – «пронзительный, скрипучий, скребущий гвоздем по стеклу. Когда Троцкий говорит, это вулкан, изрыгающий ледяные глыбы» [542] .

Почти одновременно с занятием Троцким военного поста в Петрограде Совнарком принял постановление о назначении Троцкого председателем Высшего военного совета и наркомом по военным делам [543] . В день, когда Троцкий формально был снят с поста наркома иностранных дел, 13 марта 1918 г., Совнарком принял решение «Подвойского согласно его ходатайству от должности народного комиссара по военным делам освободить. Народным комиссаром по военным делам назначить тов. Троцкого. Должность главнокомандующего согласно предложению, сделанному товарищем Крыленко Совету Народных Комиссаров, упраздняется» [544] .

Приступив 17 марта к исполнению совершенно новых для него, до этого сугубо штатского человека, военных обязанностей, Троцкий столкнулся с катастрофическим положением в армии, для деморализации которой большевики вплоть до марта делали все, что могли. Благодаря главным образом именно большевистской пропаганде Вооруженные силы России существовали только на бумаге. Царские армия и флот полностью распались. Народный комиссариат по военным делам, образованный после Октябрьского переворота, практически не функционировал. Между тремя наркомом, вошедшими непосредственно после Октябрьского переворота в Комитет по военным и морским делам (Антоновым Овсенко, Дыбенко и Крыленко), шла острая борьба за первенство. Никто из них не обладал серьезным военным образованием; занимались они в основном политическими спорами и интригами; аппарат военного управления отсутствовал, так же как отсутствовало единство взглядов относительно того, как должна формироваться армия [545] . Когда началось немецкое наступление, дошло до того, что американские представители предложили Крыленко по 100 рублей за каждого солдата, которого можно было бы выставить против немцев [546] , но таковых не нашлось.

23 декабря 1917 г. была образована Всероссийская коллегия по организации Красной армии. В Петрограде началось формирование добровольческих военных отрядов из лиц, рекомендованных общественными организациями. 15 января 1918 г. Совнарком принял Декрет о приеме в армию на добровольных началах, хотя несоответствие добровольческого принципа формирования армии и задач, стоявших перед ней в условиях разгоравшейся Гражданской войны, было очевидно.

Еще в ноябре 1917 г. Троцкий стал вмешиваться в дела военного ведомства, выступив 19 ноября на заседании Совнаркома с требованием провести «самую энергичную чистку» Военного министерства, что и было сделано. Предполагалось даже ввести Троцкого в состав коллегии по управлению Военным министерством вместе с М.Т. Елизаровым (мужем сестры Ленина Марии Ильиничны) и В.Р. Менжинским [547] . Но это решение осталось только на бумаге [548] . В день подписания Брест Литовского мирного договора был учрежден новый орган военного руководства – Высший военный совет республики, руководителем которого первоначально стал бывший генерал М.Д. Бонч Бруевич [549] (родной брат одного из видных большевистских деятелей В.Д. Бонч Бруевича), после прихода к власти большевиков перешедший на их сторону [550] . Но и Бонч Бруевич не удовлетворял Ленина на должности высшего военного руководителя. Некоторое время в качестве народного комиссара по военным и морским делам фигурировал несколько более компетентный в военном деле Подвойский, но и он не смог предпринять сколько нибудь эффективных мер по организации Красной армии [551] . Исследователь становления руководства Красной армии в конце 1917 – начале 1918 г. С.С. Войтиков пишет: «Перед Красной армией стояла гигантская по своему масштабу задача – защита идеи мировой революции первоначально в рамках Советской России, в перспективе – ее воплощение во всем мире. Именно поэтому в марте 1918 г. организацию такой армии передоверили главному апологету идеи мировой революции. Новая боеспособная армия стала настолько необходимой, что Троцкому даже не понадобилось настаивать на новом назначении: он просто позволил уговорить себя в Петрограде, где у него были сотрудники еще со времен председательства в Петросовете, а затем принял предложение Ленина» [552] .

Свое «министерство» Троцкий первоначально устроил в Смольном, где получил два небольших кабинета. Троцкий вспоминает: «В одной из комнат того же Смольного заседал штаб. Это было самое беспорядочное из всех учреждений. Никогда нельзя было понять, кто распоряжается, кто командует и чем именно». Именно в эти дни в связи с невозможностью наладить работу штаба, не имея квалифицированных кадров, между Троцким и Лениным состоялся обмен мнениями по вопросу о военных специалистах. Первым на эту тему заговорил Троцкий:

« – Без серьезных и опытных военных нам из этого хаоса не выбраться, – говорил я Владимиру Ильичу каждый раз после посещения штаба.

– Это, по видимому, верно. Да как бы не предали.

– Приставим к каждому комиссара.

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.
– А то еще лучше двух, – воскликнул Ленин, – да рукастых. Не может же быть, чтобы у нас не было рукастых коммунистов».

«Так возникла конструкция Высшего Военного Совета» [553] , – заключает Троцкий, явно иронизируя над Лениным, но и демонстрируя готовность обоих к компромиссу в деле использования царских офицеров и комиссаров как политических надсмотрщиков над офицерами. Декретом Совнаркома от 4 марта 1918 г. Ставка и должность Верховного главнокомандующего упразднились и образовывался Высший военный совет во главе с М.Д. Бонч Бруевичем, как военным руководителем, на которого было возложено руководство военными операциями [554] . 18 марта председателем Высшего военного совета был назначен Троцкий, ставший таким образом высшим комиссаром в республике. На следующий день Троцкий включил в состав Высшего военного совета Э.М. Склянского (как заместителя председателя), Подвойского и К.А. Мехоношина [555] .

Эфраим Маркович Склянский в те дни стал наиболее близким к наркому человеком, пользовавшимся его полным доверием и взявшим на себя всю военно бюрократическую работу Троцкого, особенно в периоды, когда нарком был занят политическими делами. Родившийся в 1892 г. Склянский, будучи студентом Киевского университета, стал в 1913 г. социал демократом, во время мировой войны вел революционную агитацию в армии. Врач по специальности, в 1917 г. он был избран председателем армейского комитета 5 й армии Северного фронта. В октябре 1917 г. Склянским вошел в состав Военно революционного комитета при Петросовете; 25 октября руководил отрядом, захватившим штаб Петроградского военного округа и обезоружившим охранявших штаб юнкеров.

6 сентября 1918 г. по инициативе Троцкого Высший военный совет был преобразован в Революционный военный совет республики (Реввоенсовет, или РВС). Согласно утвержденному через три с лишним недели положению о Реввоенсовете он объявлялся высшим органом военной власти, которому предоставлялись все силы и средства для нужд обороны республики. Состав этого органа часто менялся. Неизменными оставались только сам Троцкий и Склянский, который был заместителем и фактическим руководителем Реввоенсовета [556] . «То, что мне бросалось каждый раз снова в глаза, несмотря на нашу повседневную работу бок о бок, – писал о нем Троцкий, – это неистощимый запас трудолюбия. С утра до вечера и затем с вечера до глубокой ночи он просиживал в своем рабочем кабинете за приемами, над докладами, и штатами, и сметами, и приказами. В годы гражданской войны можно было позвонить к Склянскому в любое время ночи: он всегда был на посту, с воспаленными глазами, но ясным и спокойным рассудком... Это была превосходная человеческая машина, работавшая без отказа и без перебоев» [557] .

Троцкий называл Склянского своим близким другом, одним из самых значительных людей, которых он встречал на своем жизненном пути [558] . В 1924 г., в рамках сталинской кампании против Троцкого, Склянский был снят со своего поста и переведен на унизительную для него должность в трест «Моссукно». 27 августа 1925 г., во время командировки в Соединенные Штаты, Склянский утонул в озере. Памяти Склянского, «строителя Красной армии, воина революции, солдата партии» Троцкий посвятил вторую часть 17 го тома собрания своих сочинений, выпущенную в 1926 г. и в основном содержащую документы и статьи периода Гражданской войны.

19 марта 1918 г. Троцкий изложил свою позицию по военному вопросу на заседании Московского Совета, в речи, опубликованной затем под заголовком «Нам нужна армия» [559] . Формально эти положения вытекали из концепции борьбы против «международного империализма». Перед армией ставились сугубо наступательные задачи. «Мы, которым история раньше других вручила победу и все вытекающие из нее возможности, при первом раскате мировой революции должны быть готовы принести военную помощь нашим восставшим иностранным братьям», – утверждал оратор. Однако, переходя к практическим вопросам, Троцкий указывал на целый «ряд препятствий» в создании новой армии. Главным было отсутствие дисциплины: «Старая дисциплина в недрах масс подорвалась в конец, а новая, революционная, еще не сложилась».

Уже в этом первом выступлении по военному вопросу Троцкий открыто высказался за привлечение в армию старого офицерства и предоставление бывшим царским офицерам ответственных постов, правда под контролем «надежных политических комиссаров». «Военные специалисты будут руководить техникой дела, чисто военными вопросами, оперативной работой, боевыми действиями, тогда как политическая сторона формирования, обучения и воспитания частей должна быть целиком подчинена полномочным представителям советского режима в лице его комиссаров», – успокаивал Троцкий. Сам он поначалу тоже не сильно верил в собственные слова и с крайней подозрительностью и враждебностью относился к генеральско офицерскому корпусу, как к классовому врагу пролетариата и большевистской партии. В то же время у Троцкого был уже позитивный опыт сотрудничества со старыми генералами и офицерами, которые плодотворно помогали ему в качестве специалистов во время

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.o
брестских переговоров. Этот опыт убеждал его в целесообразности использования
военспецов по их прямому назначению.
21 апреля 1918 г. Троцкий написал обращение «Наша задача» [560] , которое
фактически означало всеобщую милитаризацию страны: «В эти грозные дни каждый
честный гражданин обязан стать работником и воином», – писал Троцкий. Он назвал
три направления деятельности: введение всеобщего военного обучения, привлечение
военных специалистов «в качестве консультантов, инструкторов, инспекторов и
боевых руководителей» и, наконец, «насаждение военных комиссаров в качестве
блюстителей высших интересов революции и социализма».

22 марта 1918 г. был объявлен днем Красной армии. В этот день во всех районах
Москвы были проведены митинги под лозунгом «организации социалистической
обороны». На митинге в Алексеевском народном доме выступил Троцкий [561] .
Кратко остановившись на необходимости всеобщего военного обучения, он
сосредоточил внимание на дисциплине в армии и необходимости привлечения военных
специалистов, которые будут заниматься только техническими и оперативно
стратегическими делами, причем за ними будут пристально наблюдать Советы, то
есть большевистские руководители, комиссары.

Через месяц, 22 апреля, вопрос о создании регулярной армии был поднят Троцким на
заседании ВЦИКа, где Троцкий выступил с докладом о Красной армии [562] . Он
подчеркнул, что новая дисциплинированная и обученная армия необходима
«специально для возобновления мировой войны совместно с Францией и Англией
против Германии». Тогда же советским руководством было начато обсуждение с
представителями Антанты планов совместных военных действий [563] . Новая армия
стала называться Народной. К лету 1918 г. она составляла основное ядро войск
Московского гарнизона, была составлена на контрактных началах, считалась
аполитичной и находилась в ведении Высшего военного совета, причем Бонч Бруевич
«не терял надежды создать большую армию, были уже назначены командующие десяти
армий». Непосредственно войска подчинялись Н.И. Муралову [564] , командующему
Московским военным округом. В июне в состав Народной армии приказом Троцкого
должны были зачислить латышскую стрелковую дивизию под командованием бывшего
полковника Генерального штаба Юкумса (Иоакима Иоакимовича) Вацетиса [565] –
самую боеспособную дивизию Советской республики.

По докладу Троцкого ВЦИК утвердил декрет о всеобщем военном обучении, которое
распространялось на лиц разных возрастов – начиная со школьников и вплоть до 40
летних. Обучение должно было проводиться в течение восьми недель непрерывно, не
менее двенадцати часов в неделю. Вполне понятно, что в условиях хаоса,
продолжавшегося в стране, этот декрет мог реально осуществляться лишь в
минимальной степени, однако в данном случае важна была его направленность –
свойственная Троцкому линия на всеобщую милитаризацию, которая на протяжении
Гражданской войны постепенно все более усиливалась.

С целью развертывания систематического строительства вооруженных сил Троцкий
выступил инициатором создания территориальных военных комиссариатов.
Правительственный декрет по этому поводу был издан еще 8 апреля, но он почти не
выполнялся на местах. Троцкий усилил давление, направив по этому поводу 18 мая
распоряжение всем местным Советам [566] . Губернские, уездные и волостные
комиссариаты по военным делам действительно начали постепенно, хотя и с большой
натургой, создаваться – при обязательном участии военных специалистов.

7 июня вступительной речью Троцкого открылся Всероссийский съезд военных
комиссаров [567] . Это был съезд именно местных военных работников из тех
административных единиц, где соответствующие структуры были созданы, а не съезд
представителей большевистских организаций в армии. Троцкий рассматривал местные
военные комиссариаты как органы формирования и обслуживания армии, повсеместного
учета оружия, боеприпасов и снаряжения, но в первую очередь – учета, первичной
подготовки и распределения военнообязанных, призываемых в Красную армию. Следуя
армейской традиции, Троцкий задумывался над необходимостью единообразного
обмундирования. Полностью реализовать эту задачу за короткое время в условиях
хозяйственной разрухи было невозможно. Для начала приказом от 11 мая 1918 г. был
введен «значок красноармейца», на котором были изображены красная звезда, плуг и
молот. Значок носили на околыше фуражки. Приказом от 16 января 1919 г. было
объявлено первое описание «зимнего головного убора» для всех родов войск. Это
был шлем из сукна защитного цвета на ватной подкладке с козырьком и
застегивающимися «ушами». Над козырьком на шлем нашивалась суконная звезда со
значком кокардой, образец которой Троцкий утвердил еще 29 июля 1918 г. по тому
типу, который был введен в мае. Позже, в 1922 г., Троцкий ввел строго
регламентированную форму одежды. Вначале шлем не имел «собственного имени», и
только в 20 х гг., когда Сталин стал усиленно продвигать своих ставленников, он
получил полуофициальное наименование буденновка (на том основании, что первыми

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.о
эти шлемы стали носить всадники Первой конной армии, которой командовал С.М. Буденный) [568] .

Наряду с чисто военными задачами, ставившимися перед армией, в речи Троцкого на съезде военных комиссаров прозвучали требования о придании войскам карательных функций, в первую очередь на селе, имея в виду провозглашение продовольственной диктатуры, формирование рабочих продовольственных отрядов и комитетов бедноты. Троцкий считал, что и армии следует принять участие в ограблении деревни. «Необходимо лучшие, организованные отряды бросить в области, богатые хлебом, где нужно предпринять энергичные шаги для борьбы с кулачеством путем агитации или даже применения решительных мер», – заявил Троцкий. Сам Троцкий тоже принял участие в организации продотрядов, что видно, в частности, из июньской 1918 г. записки Ленина наркомупродовольствия А.Д. Цюрупе [569] , который еще в мае высказался за продовольственную диктатуру и непосредственно руководил создаваемой «продармией» [570] .

27 июня 1918 г. Троцкий представил Совнаркому доклад, из которого было видно, что введение всеобщей воинской повинности встречало серьезные трудности. Троцкий списывал их на сопротивление имущих классов, хотя на самом деле решающую роль играла общая хозяйственная и политическая ситуация, фактическое безвластие – в одних районах, произвол местных большевистских функционеров – в других. Троцкий предложил усилить репрессии, приступить к формированию тыловых частей из буржуазии и интеллигенции для чистки казарм и улиц, для рытья окопов. Из этого требования о фактическом возрождении рабского труда делалось изъятие: «лучшие» буржуазные элементы, проявившие верность власти, могли быть переведены в строевые части. Помимо этого, с каждого частного предприятия и с каждой буржуазной семьи, не участвовавших в военных мероприятиях, взыскивался штраф, причем глава семьи мог быть подвергнут аресту до момента внесения назначенной суммы. Намечалась «строгая регистрация паразитических элементов». На докладе Троцкого Ленин наложил резолюцию: «Утверждается» [571] .

2. Военные специалисты

6 июля сотрудниками Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) левыми эсерами Яковом Блюмкиным [572] и Николаем Андреевым [573] в Москве был убит германский посол граф Вильгельм фон Мирбах. Обстоятельства убийства весьма туманны. Похоже, что это была провокация, организованная противником Брестского мира председателем ВЧК левым коммунистом Дзержинским и кем-то из левых эсеров, рассчитывавших разорвать таким образом мирный договор с Германией и поставить Совнарком перед свершившимся фактом. Во всяком случае, Мирбах не был убит по постановлению ЦК левых эсеров, как об этом заявляли после теракта сначала большевистские руководители, а затем и советские историки.

Убийство произошло во время работы V съезда Советов. За два дня до убийства, 4 июля, Троцкий выступил на съезде с внеочередным заявлением о «преступной агитации» левых эсеров в войсках за возобновление войны с немцами. Троцкий требовал принятия постановления о расстреле на месте любого, кто будет призывать к вооруженной борьбе против германской оккупации Украины. Это была прямая угроза в адрес левых эсеров, и последние оценили выступление Троцкого именно таким образом [574] . 6 июля, вскоре после убийства Мирбаха, левые эсеры были обвинены большевиками в восстании против советской власти и объявлены вне закона. Фракция левых эсеров на съезде в полном составе была арестована [575] . В Советской России была установлена однопартийная диктатура.

После перерыва, вызванного организацией большевиками разгрома ПЛСР, 9 июля съезд возобновил свои заседания. 10 июля на заключительном заседании съезда Советов Троцкий выступил с докладом [576] . Лозунг вооружения народа он признавал теперь ошибкой и отстаивал строжайший централизм. Остановившись на использовании военных специалистов, Троцкий подчеркнул, что «не брать их на службу было бы жалким ребячеством». Он считал, что возможные случаи измены не будут менять общей картины. В связи с этим нарком напомнил об одном из «таких случаев» измены, который имел место в Балтийском флоте. Речь шла о судьбе начальника морских сил Балтийского флота капитана 1-го ранга Алексея Михайловича Щастного. «Преступление» Щастного состояло в том, что он не выполнил приказа наркома о подготовке флота и морских сооружений к уничтожению и сдаче их немцам, согласно договоренности, достигнутой в Бресте между советским правительством и немцами, и смог в крайне сложных условиях провести корабли из Ревеля (Таллина) и Гельсингфорса (Хельсинки) в Кронштадт. Вызванный на ковер к наркому, Щастной решительно отстаивал необходимость возрождения Балтийского флота и заявил, что политика наркомата ведет флот к гибели. В ответ Троцкий распорядился арестовать Щастного и предать его суду только что образованного при ВЦИКЕ Особого трибунала. Исследовавший «дело Щастного» американский историк пишет: «Троцкий не

понимал, что для Щастного взрыв Балтийского флота и соответственно существенное ослабление обороны Петрограда могли бы быть приемлемы только после поражения в сражении, которое бы поставило Россию перед выбором: уничтожение флота или его сдача врагу. Троцкий также не сумел понять недовольства Щастного тем, что его держали в неведении относительно политической договоренности с Германией, о чем Щастный должен был знать для принятия стратегических решений» [577] . Дело было конечно же не в том, что Троцкий не мог понять патриотического порыва российского офицера, предпочитавшего не топить флот, а вывести его из под удара то ли воюющей, то ли не воюющей против России Германии. Троцкий отлично все понимал. Он расстрелял Щастного как очень важного, опасного и ненужного свидетеля того, что большевики находились и находятся в сговоре с германским правительством в ущерб интересам России. Об этом было открыто указано в обвинительном заключении по делу Щастного, опубликованном 22 июня 1918 г.: «Именем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики Революционный трибунал при ВЦИК Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов, заслушав в открытых заседаниях своих от 20 и 21 июня 1918 г. и рассмотрев дело по обвинению бывшего начальника морских сил Балтийского флота гр. Алексея Михайловича Щастного, 37 лет, признал доказанным, что он, Щастный, сознательно и явно подготовлял условия для контрреволюционного государственного переворота, стремясь своею деятельностью восстановить матросов флота и их организации против постановлений и распоряжений, утвержденных Советом Народных Комиссаров и Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом. С этой целью, воспользовавшись тяжким и тревожным состоянием флота, в связи с возможной необходимостью, в интересах революции, уничтожения его и кронштадтских крепостей, вел контрреволюционную агитацию в Совете комиссаров флота и в Совете флагманов: то предъявлением в их среде провокационных документов, явно подложных, о якобы имеющемся у Советской власти секретном соглашении с немецким командованием об уничтожении флота или о сдаче его немцам, каковые подложные документы отобраны у него при обыске; то лживо внушал, что Советская власть безучастно относится к спасению флота и жертвам контрреволюционного террора; то разглашая секретные документы относительно подготовки на случай необходимости взрыва Кронштадта и флота; то ссылаясь на якобы антидемократичность утвержденного СНК и ЦИК Положения об управлении флотом, внося, вопреки этому Положению, в Совет комиссаров флота на разрешение вопросы военно оперативного характера, стремясь этим путем снять с себя ответственность за разрешение таких вопросов... замедлил установление демаркационной линии в Финском заливе... под различными предложениями на случай намеченного им, Щастным, переворота поддерживал минную дивизию в Петрограде; и всей этой деятельностью своей питал и поддерживал во флоте тревожное состояние и возможность противосоветских выступлений» [578] . Троцкий, выступивший в качестве единственного свидетеля на суде, не решился «обвинить» Щастного в спасении кораблей, что звучало бы нелепо и указывало на большевиков как на предателей интересов родины и германских пособников. Более того, он признал, что со стороны Щастного это были «искусные и энергичные» действия. Свидетель, он же обвинитель, однако, счел все эти действия средством для поднятия Щастным своего авторитета в связи с подготовляемым им контрреволюционным заговором. «Это была определенная политическая игра, большая игра с целью захвата власти. Когда гг. адмиралы и генералы начинают во время революции вести свою персональную политическую игру, они всегда должны быть готовы нести за эту игру ответственность, если она сорвется. Игра адмирала Щастного сорвалась» [579] , – закончил Троцкий, умышленно подняв Щастного в чине с капитана 1 го ранга до адмирала флота. Революционный трибунал приговорил Щастного к расстрелу, постановив привести приговор в исполнение в 24 часа. Ранним утром 22 июня Щастный был расстрелян. Материалам о деле Щастного, опубликованным в 17 м томе сочинений Троцкого, Троцкий дал заголовок «Первая измена». Правильнее было бы назвать их «Первая жертва», ибо это была первая разрекламированная показательная жертва, которая была необходима Троцкому для устрашения и засвидетельствования его «революционной непримиримости» к изменникам делу советской власти, в том числе и военным. Казнь Щастного Троцкий преследовал несколько целей. Он доказывал большевикам, что по прежнему готов защищать их от обвинений в пособничестве Германии. Он доказывал будущим военспецам, что не потерпит неисполнения приказов. Он доказывал себе, что теперь в состоянии не только арестовывать военачальников, как было с Красновым, но и расстреливать их, как подобает революционному комиссару республики, особенно если он является еще и наркомом обороны. Троцкому важно было публично измазать себя кровью «контрреволюционера», и он это сделал, чтобы не оставлять себе пути для отступления. Теперь никто не мог сказать Троцкому, что он либерален с бывшими царскими офицерами, нанимаемыми им в военспецы.

Понимая, в отличие от значительной части, если не большинства, коммунистов, необходимость использования старых военных специалистов именно на командных должностях, а не только в качестве консультантов, как предлагали некоторые [580], Троцкий в то же время видел в этом лишь временную меру. В апреле 1918 г., то есть почти сразу после своего назначения на новый пост, он выступил инициатором создания Военной академии Красной армии и утвердил Положение, согласно которому доступ в это учебное заведение открывался каждому военнослужащему, обладавшему боевым и командирским опытом. Естественно, речь шла о «командирском опыте» лишь низового армейского состава (включая младших офицеров), ибо старшие офицеры и тем более генералы в получении большевистского специального военного образования не нуждались.

Сразу открыть академию, однако, не удалось, хотя такая попытка была предпринята еще в апреле. Военное ведомство смогло частично осуществить первый набор слушателей, но при переводе столицы в Москву правительство почему то решило академию разместить не в новой столице, а в Екатеринбурге. Там она так и не начала функционировать, а в ноябре Военная академия была организована заново в Москве. В первом наборе слушателей было 22% рабочих и 33% крестьян. Остальные 45% слушателей были младшие воинские чины, «доказавшие свою преданность Советской республике». 80% слушателей были большевиками [581].

Троцкий выступил 8 ноября на торжественном открытии академии. Он напомнил, что в мировой войне Россия потерпела «ужасающее поражение», и пытался объяснить его не только технической отсталостью полуфеодальной страны, но и характером солдатской массы и командного состава армии, расколом между ними, принимавшим во время революции «драматические, кровавые, всем известные формы». Вопрос об армейских командирах рассматривался как самая большая проблема военного строительства. Соответственно, в той аудитории, перед которой он выступал, и с учетом задач, стоявших перед новым учебным заведением, Троцкий фиксировал основное внимание не на использовании старого офицерского состава, а на создании нового – «красных командиров с высшим образованием». Задача академии, считал он, – «заставить тот офицерский состав», который пройдет через курс ее обучения, «понять характер новых условий, природу новых классов и той новой армии, которая им служит», «учесть и применить все те выводы военной науки и техники, которые можно извлечь из современной войны» [582].

Балансируя на грани сочетания старых военных кадров и подготовки новых, вышедших из низших слоев населения, то есть из той среды, которая рассматривалась как социально близкая большевистскому руководству, Троцкий понимал, что преимущество в пользу последних может проявиться только через несколько лет. Пока же он твердо придерживался курса на привлечение опытных специалистов (офицеров и генералов под самым пристальным контролем со стороны созданной в его ведомстве Высшей военной инспекции). Троцкий подчеркивал, что доверия к спецам нет и быть не может, так как внутренне они чужды той идейно политической среде, власть которой они вынуждены были защищать. Но бывшие царские офицеры, поступающие на службу к большевикам, руководствуются своими соображениями: патриотизмом – спасая Россию от внешнего врага; карьерными и даже чисто материальными. Именно поэтому Троцкий предлагал подстраховаться и при зачислении бывших старых специалистов в Красную армию брать на учет членов их семей, которые таким образом становились заложниками на случай перехода офицеров на сторону белых. Исключительно важным был вопрос о непосредственном военном руководстве Красной армией. Троцкий придерживался той точки зрения, что пост главнокомандующего должен быть отделен от поста наркома. С середины марта 1918 г. должности главнокомандующего не существовало. Но очень скоро руководители Советской республики пришли к выводу, что решение об отмене этого поста было преждевременным. Согласно положению о Реввоенсовете главнокомандующему предоставлялась полная самостоятельность в оперативно стратегических вопросах; нарком же, являвшийся одновременно председателем РВС, осуществлял общее руководство вооруженной борьбой.

Вначале фактическим главнокомандующим (или, точнее, командующим войсками Восточного фронта, ибо других фронтов тогда не существовало) был бывший подполковник царской армии левый эсер М.А. Муравьев, перед этим сыгравший заметную роль в подавлении выступления Керенского – Краснова под Петроградом и в других военных операциях. Муравьев энергично и инициативно вел военные действия против Чехословацкого корпуса, оказавшего вооруженное сопротивление Красной армии после приказа Троцкого о разоружении чехов и словаков, направлявшихся в многочисленных эшелонах на восток для морской эвакуации за пределы России. Приказ же о разоружении Чехословацкого корпуса и приостановке его продвижения был издан Троцким по требованию Германии, не заинтересованной в том, чтобы свежесформированный корпус – его формирование началось еще до революции – пополнил войска союзников, воюющих с Четверным союзом, для чего союзники и

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.o

пытались эвакуировать корпус через Дальний Восток. 10 июля 1918 г., после разгрома ПЛСР, член левоэсеровской партии Муравьев заявил, что прекращает борьбу против чехословаков и объявляет войну Германии [583]. В ответ Троцкий объявил Муравьева вне закона [584]. При попытке ареста командующий войсками Восточного фронта оказал сопротивление и в завязавшейся потасовке был убит выстрелом. В тот момент советское правительство посчитало, что выгоднее заявить о самоубийстве Муравьева. И формально всегда считалось, что Муравьев застрелился, когда осознал, что арест неминуем. 12 июля распоряжением Троцкого новым командующим Восточным фронтом был назначен Вацетис. 1 сентября Вацетис был переназначен главнокомандующим Вооруженными силами РСФСР [585]. Надо сказать, что это назначение было для Троцкого в известной степени компромиссным, ибо другого достойного командующего он пока не видел. Вацетис отличался резкостью суждений, прямолинейностью и непримиримостью к вмешательству в его дела, которые он подчас понимал расширительно. Троцкому запомнилось, что перед военным парадом 2 мая 1918 г. Вацетис неожиданно потребовал, чтобы парад принимал Ленин, а когда стало известно, что главным действующим лицом будет Троцкий, латышские стрелки по приказу Вацетиса демонстративно покинули Ходынское поле, где проходил парад. На Восточном фронте Вацетис в первый период потерпел несколько неудач. При этом он жаловался на решения Бонч Бруевича, расплывшего войска без ведома главнокомандующего. Между двоими военными возник конфликт. Троцкий в этом конфликте поддержал Вацетиса. 2 августа он писал ему в не очень свойственном для Троцкого тоне: «Постигшая Вас частичная неудача несколько не уменьшает ни моего уважения к Вашей энергии, ни моей веры в Ваш близкий успех. Направляюсь к Вам, чтобы оказать всестороннее содействие в Вашей работе» [586]. Подчеркнуто теплый стиль записки был более чем уместен: бывший царский офицер Вацетис, памятуя о судьбе Щастного, не без оснований опасался, что Троцкий может его арестовать или расстрелять.

Вацетис так никогда и не узнал, насколько он действительно был близок к смерти в августе 1918 г. Из за поражений на Восточном фронте Ленин предложил Вацетиса расстрелять. 30 августа 1918 г. он ответил на письмо Троцкого следующей телеграммой: «Получил Ваше письмо. Если есть перевес и солдаты сражаются, то надо принять особые меры против высшего командного состава. Не объявить ли ему, что мы отныне применим образец французской революции, и отдать под суд и даже под расстрел как Вацетиса, так и командарм под Казанью и высших командиров в случае затягивания и неуспеха действий? Советую вызвать многих заведомо энергичных и боевых людей из Питера и других мест с фронта. Не подготовить ли сейчас Блохина [587] и других для занятия высших постов?» [588]. Неизвестно, чем бы кончилась эта затея, если бы не состоявшееся в тот же день покушение на Ленина. Свердлов срочно вызвал Троцкого в Москву. Стало не до расстрела Вацетиса, хотя Троцкий продолжал к нему относиться и снисходительно, и подозрительно. Много лет спустя он писал в своих воспоминаниях: «В противоположность другим военным академикам, он не терялся в революционном хаосе, а жизнерадостно барахтался в нем, пуская пузыри, призывал, поощрял и отдавал приказы, даже когда не было надежды на их выполнение. В то время как прочие «спецы» больше всего боялись переступить черту своих прав, Вацетис, наоборот, в минуты вдохновения издавал декреты, забывая о существовании Совнаркома и ВЦИКа... Возможно, что на сон грядущий он почитывал биографию Наполеона и делился нескромными мыслями с двумя тремя молодыми офицерами» [589].

Померещившиеся Троцкому наполеоновские планы Вацетиса явно нервировали наркомвоенмора. Неплохо зная историю французской революции, он, безусловно, помнил, что Бонапарт тоже когда то был революционным генералом и лишь много позже стал французским императором.

3. Поезд наркома

Приказ сформировать личный поезд Троцкий отдал сразу же после возвращения из Петрограда, где он вместе со Свердловым 1 – 2 августа участвовал во II съезде Советов Северной области [590]. В ночь с 7 на 8 августа поезд был сформирован. Именно в нем Троцкий отправился к Вацетису на Восточный фронт. Секретарь Троцкого М.С. Глазман [591] оставил неопубликованные воспоминания, свидетельствующие о том, в какой спешке и суматохе формировался этот железнодорожный состав: «Наконец, часов в 11 вечера выезжаем на Казанский вокзал. Там полная неразбериха. Поезд не составлен. Вагоны разбросаны по путям. Никто не знает, что нужно делать, куда грузить вещи, машины, куда садиться. Наконец, находим места, рассаживается. Около часу ночи приезжает тов. Троцкий. Ложимся спать. Рано утром просыпаемся... в Москве. Поезд все еще не готов. Только часов в 7 утра отправляемся [в Свяжск]... В самом поезде все в движении. Все

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.o находится в периоде организации. Петерсон со своей командой проводит телефоны и никак не может разрешить задачу: как в двух купе поместить семь телефонисток и одну стенографистку. На крышах вагонов ставят пулеметы» [592] .

Начальником поезда Троцкий назначил члена ВЦИКа Сергея Владимировича Чикколини (Шиколини). Он прослужил на этой должности недолго, вскоре был отправлен назад, затем стал председателем ревтрибунала Южного фронта. После Чикколини, уже в течение Гражданской войны, начальником поезда был Рудольф Августович Петерсон, который изначально являлся руководителем связи поезда. Это был человек с начальным образованием, но с организаторской и военной сметкой, служивший во время мировой войны телефонистом. В какой то момент он был переведен в Московский военный комиссариат и там попал в поле зрения Троцкого, когда тот стал давать Петерсону задания по сбору информации и уточнению данных о положении на фронтах [593] .

С 8 августа 1918 г., когда поезд впервые покинул Казанский вокзал Москвы, он совершил тридцать шесть рейсов, пройдя свыше 100 тысяч километров [594] , то есть два с половиной раза «опоясал» земной шар. Маршруты поезда держались в строжайшем секрете. Они составлялись таким образом, чтобы невозможно было понять, на какой конкретный участок фронта нарком собирается отправиться. В ночное время все вагоны тщательно запирались, за исключением вагона охраны. Железнодорожные станции очищались от людей чекистами, чтобы посторонние не могли туда пройти, но делалось это только при приближении поезда, чтобы не просачивалась информация о предстоящем его прибытии.

«Тогда я не думал, – вспоминал Троцкий, – что в этом поезде мне придется провести два с половиной года» [595] (по году на длину экватора).

Нарком был прав, когда он связывал почти всю свою военную деятельность с этим поездом: «Моя личная жизнь в течение самых напряженных годов революции была неразрывно связана с жизнью этого поезда. С другой стороны, поезд был неразрывно связан с жизнью Красной армии. Поезд связывал фронт и тыл, разрешал на месте неотложные вопросы, просвещал, призывал, снабжал, карал и награждал» [596] . Это был своего рода символ, свидетельство того, что Троцкий может появиться неожиданно с самыми непредсказуемыми последствиями, награждать или карать командиров, комиссаров и бойцов Красной армии.

Можно встретить и отрицательные и положительные оценки поездок Троцкого на фронт. Так, член Реввоенсовета и первый председатель Революционного военного трибунала К.Х. Данишевский [597] утверждал, что присутствие поезда Троцкого на фронте вызывало недовольство командиров, создавало ситуацию двоевластия, путало планы, так как Троцкий часто не информировал ни командующих, ни даже Реввоенсовет о своих приказах и действиях [598] . Имея в виду, что воспоминания Данишевского писались в то время, когда Троцкий был в СССР врагом номер 1, и автор явно подстраивался под требуемую тональность, можно полагать, что его утверждения не были объективными, а потому оставим их на совести автора.

Значительно более благожелательную оценку поезда наркома дал С.И. Либерман – эксперт в области лесной промышленности, который до 1926 г. входил в различные административные органы, а затем оказался в эмиграции. В своих воспоминаниях, опубликованных в США, Либерман, не раз выезжавший вместе с Троцким, писал, что это был «настоящий «красный ноев ковчег»: там были специалисты по всем отраслям хозяйства, набранные из самых разнообразных учреждений, несколько десятков крупных большевистских деятелей, военные инструктора». Троцкий, по словам Либермана, называл свой железнодорожный состав «поездом победы» [599] .

Первоначально в поезде было 15 вагонов, но постепенно его состав увеличивался и он обрастал вспомогательными, охранными и снабженческими поездами, а сам наркомовский состав был разделен на два. Встречаются воспоминания, что иногда Троцкий появлялся на том или ином участке фронта «с двумя поездами». Правда, во втором поезде располагались охрана и другой обслуживающий персонал, но оба состава воспринимались как единое целое [600] . В специальных вагонах размещались секретариат наркома, телеграф, радиостанция, типография, библиотека, гараж, электрическая станция и баня. Ни в одном из источников не упоминается столовая. Похоже, что таковой не было вообще, что Троцкий, его помощники и весь личный состав питались там же, где они работали. Часть вагонов имела броневую защиту. Один паровоз не мог справиться с таким тяжелым составом. Поэтому вели его два паровоза, причем один из них подчас, когда поезд не передвигался, использовался и в качестве «курьерского» для доставки экстренных сообщений, прессы и т. п. в близлежащие пункты [601] .

Наличие в поезде телеграфа обеспечивало постоянную связь Троцкого с Лениным и, в случае необходимости, другими членами Совнаркома, с его заместителем Склянским и другими чинами наркомата. Радиостанция давала возможность получать оперативные данные о международной и внутренней ситуации. По требованию наркома в поезде была создана библиотека, которая постоянно пополнялась разнообразной

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.o

литературой, в основном социально экономического, общеполитического и исторического характера. В библиотеке концентрировалась новейшая, в основном агитационная, литература и периодика, а также книги, которые заказывались специально по распоряжению Троцкого. В марте 1919 г., например, он затребовал даже книгу Д.М. Петрушевского «Восстание Уота Тайлера» (о восстании крестьян в средневековой Англии в 1389 г.) [602]. Библиотека непрерывно пополнялась самыми разнообразными изданиями [603]. После окончания Гражданской войны она была переведена в секретариат наркома по военным и морским делам [604].

В гараже, размещавшемся в специальном вагоне, находилось несколько грузовиков и легковых машин, которые обеспечивали передвижение Троцкого и членов его личного штаба по отдельным частям и гарнизонам в сопровождении хорошо вооруженной и экипированной, одетой в черные кожанки охраны, которую составляли латышские стрелки, отличавшиеся выдержкой, выносливостью, храбростью, преданностью советской власти и жестокостью по отношению местному населению. Сам Троцкий тоже предпочитал черное кожаное обмундирование. Он вспоминал: «Все носили кожаное обмундирование, которое придает тяжеловесную внушительность. На левом рукаве у всех, ниже плеча, выделялся крупный металлический знак, тщательно выделанный на монетном дворе и приобретший в армии большую популярность... Каждый раз появление кожаной сотни в опасном месте производило неотразимое действие» [605]. Иначе говоря, и здесь Троцкий прибегал к хорошо освоенным им театральным пропагандистским приемам воздействия на массу, на толпу, нисколько не задумываясь о том впечатлении, которое производила на население, да и на красноармейцев новоявленная «черная сотня».

В первые месяцы функционирования поезда в нем не было штатной структуры, штат часто менялся в зависимости от складывавшихся обстоятельств, а иногда просто по прихоти наркома. Постепенно, однако, была введена четкая служебная иерархия, причем команде, которая доходила до 250 человек, были установлены высокие оклады. Достаточно сказать, что жалование стенографистки составляло 1950 рублей, то есть равнялось зарплате начальника службы движения железной дороги [606]. Центральным звеном поезда был полевой штаб наркома, который располагался в бывшем вагоне ресторана. Штаб, как и все военные учреждения периода Гражданской войны, не был стабильным. В него входили лица, которых Троцкий отбирал специально для каждой поездки. Обычно это были сотрудники основных управлений армии, прежде всего всех видов снабжения. После объезда соединений и выявления их нужд в штабе собиралось совещание с участием представителей местных большевистских организаций и государственных органов. «Таким образом, я получал картину положения без фальши и прикрас. Совещания давали, сверх того, всегда непосредственные практические результаты. Как ни бедны были органы местной власти, они всегда оказывались способны потесниться и подтянуться, пожертвовав кое чем в пользу армии» [607], – писал Троцкий.

В поезде сформировался и личный штат помощников и стенографов Троцкого. Входившие в него инженер Г.В. Бутов (с 1919 г. он в основном находился в Москве и через него Троцкий поддерживал связь с Лениным и другими высшими деятелями), Н.М. Сермукс, Н.В. Нечаев, И.М. Познанский и стенограф по профессии М.С. Глазман остались верными своему шефу и тогда, когда руководимое им оппозиционное движение потерпело поражение, а сам он был вначале сослан в Алма Ату, а затем выслан из СССР. Правда, Глазман ушел из жизни еще раньше. В 1924 г. он подвергся политическому преследованию, был исключен из партии и покончил жизнь самоубийством. Сермукс, Нечаев и Познанский были изгнаны из ВКП(б) вслед за Троцким в 1927 г. и отправлены в ссылку. Бутова же не только исключили из партии, но арестовали и требовали от него признательных показаний, порочащих Троцкого. Бутов отказался их дать, в 1928 г. объявил голодовку и вскоре скончался. Все остальные секретари позже подверглись арестам и были расстреляны во время Большого террора, и понятно почему. Троцкий обратил внимание на то, что к его «секретариату Сталин относился почти с ужасом и невыразимой ненавистью». «Ему казалось, – писал Троцкий, – что если я пишу, полемизирую, возражаю, то благодаря содействию преданного секретариата, что если у меня отнять этот маленький аппарат, то я окажусь... совершенно бессилён» [608]. Именно поэтому Сталин целенаправленно истреблял секретариат Троцкого (Сталин хорошо знал, что сам он без секретариата бессилён).

Трудно сказать, насколько Сталин был прав в переоценке, а Троцкий в преуменьшении значимости своих технических сотрудников. По его собственным словам, «они работали днем и ночью, на ходу поезда, который, нарушая в горячке войны все правила осторожности, мчался по разбитым шпалам со скоростью в семьдесят и больше километров, так что свисавшая с потолка вагона карта раскачивалась, как качели. Я всегда с удивлением и благодарностью следил за движением руки, которая, несмотря на толчки и тряску, уверенно выводила тонкие письма. Когда мне приносили через полчаса готовый текст, он не нуждался в

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.o поправках. Это не была обычная работа, она переходила в подвиг» [609] .

Весьма интересны были приказы, которые Троцкий издавал по пути следования поезда. Наряду с приказами военно оперативного и организационного характера среди них встречались документы агитационно политические, которые лишь отчасти подтверждают мнение, что Троцкий не стал военным руководителем в строгом смысле этого слова, а оставался гражданским лицом [610] . Действительно, наркомвоенмор сохранял все качества политического деятеля, но в то же время, обладая высокими способностями и желанием учиться, за годы Гражданской войны в довольно высокой степени овладел военным искусством, помня знаменитую формулу Клаузевица [611] , что война является продолжением политики иными средствами.

Наиболее важные статьи, приказы и информативные материалы публиковались Троцким в издаваемой им прямо в поезде газете «В пути». Издание газеты началось 6 сентября 1918 г. Полные комплекты газеты не сохранились, но с сентября 1918 по сентябрь 1920 г. было опубликовано 233 номера газеты [612] . Иначе говоря, в месяц выходило примерно 10 номеров, что достаточно много, так как газету выпускали все те же сотрудники поезда, не отдельная редакция. Газета выходила тиражом 4 – 4,5 тысячи экземпляров и распространялась в воинских частях, агитационных пунктах, госпиталях и среди населения тех районов, где проходил или стоял поезд. Многие материалы, опубликованные газетой «В пути», затем перепечатывались местными печатными органами.

Главным, но не единственным автором публиковавшихся материалов являлся Троцкий. Его небольшие по объему статьи, как правило, были легковесным агитационным материалом, но исходили от высшего должностного военного лица, а потому приобретали характер своего рода политических инструкций и даже военных директив. 7 января 1919 г. на железнодорожной станции Курска Троцкий писал в статье под заголовком «Пора кончать!» о текущем состоянии фронтов и выражал надежду на скорейшее завершение операций на Южном фронте. Надежда эта оказалась, однако, фиктивной, ибо вскоре после появления статьи генерал А.И. Деникин [613] развернул наступление на Москву именно с Южного направления. 12 апреля того же года, находясь в Нижнем Новгороде, Троцкий написал для газеты статью «Борьба за Волгу», проникнутую не менее напыщенным казенным оптимизмом, но на этот раз в связи с военными действиями против армии А.В. Колчака. «В ближайшие недели пойдет ожесточенная борьба за Волгу. Из этой борьбы мы должны выйти победителями во что бы то ни стало! Волга должна остаться нашей, советской рекой» [614] .

В мемуарах Троцкого упомянуто, что коммунистическая ячейка поезда выпускала также свою собственную газету – «На страже», где «немало записано боевых эпизодов и приключений» [615] . Однако названную газету (Троцкий иногда путается и называет ее журналом) автор не сохранил. Нет этого издания и нигде больше [616] . Может быть, Троцкий ошибся и речь шла только о нереализованной попытке издания второго печатного органа поезда?

Помимо газеты «В пути» команда поезда Троцкого распространяла и другую политическую и агитационную литературу. Только на протяжении девяти дней сентября 1920 г. во время поездки на Западный фронт, где близилась к концу военные действия против польской армии, было распространено свыше 140 тысяч экземпляров печатной продукции, включая брошюру Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», брошюру Бухарина и Преображенского «Азбука коммунизма», книгу Троцкого «Терроризм и коммунизм» и т. д. [617]

В составе поезда Троцкого совершали вояжи на фронт некоторые другие партийные деятели и пропагандисты. Троцкий обращал особое внимание на то, чтобы в их числе были журналисты и писатели, которые, как он полагал, будут не только способствовать своим творчеством делу победы над врагами, но и должным образом осветят его личную роль в обеспечении побед Красной армии. Вместе с Троцким на фронт выезжали Иоффе, французский левый журналист, позже деятель коммунистической партии Жак Садуль, коммунистический поэт Демьян Бедный [618] , журналист Г. Устинов, вскоре выпустивший брошюру о Троцком [619] , художник П.Я. Киселис.

Приглашая в поездки левую творческую интеллигенцию, Троцкий при этом весьма строго соблюдал «пафос дистанции», считая, впрочем, что этим он подчеркивает не свое личное превосходство, а как бы свое «особое положение». Один из современников – С.И. Либерман – вспоминает: «Мне не раз приходилось замечать эту черту его характера на заседаниях Совета Труда и Оборона, на которых он появлялся, когда приезжал в Москву с фронта. У него было особое положение. Недавно еще противник большевизма, он заставил уважать себя и считаться с каждым своим словом, но оставался все же чуждым элементом на этом собрании старых большевиков. Другие народные комиссары, вероятно, ощущали, что ему можно простить старые грехи за нынешние заслуги, но окончательно забыть его прошлое они никогда не могли. Ленин, со своей стороны, уважал и подчеркивал не только военные, но, главным образом, организационные таланты Троцкого... Всем было

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.o
отлично известно, что Троцкий фактически создал Красную армию и, благодаря своей неутомимой энергии и пламенному темпераменту, обеспечил все победы над белым движением... Чувствуя за собой поддержку Ленина, Троцкий на заседаниях, где я его наблюдал, держал себя обособленно, говорил очень авторитетно, а по мере того, как развивались его успехи на фронте, в его поведении появилось даже нечто вызывающее» [620] .
Троцкий прочно закрепил свое положение в высшей большевистской партийно государственной иерархии. Правда, он утратил положение первого революционера, которым был в то недолгое время, когда большевики брали власть в свои руки, но, безусловно, сохранил влиятельную позицию в крохотном кругу соратников Ленина, определявших политику Советской России и перспективы мировой революции.

Глава 4 Курс на мировую революцию

1. Стратегия отчаяния

«Стратегия отчаяния» – это случайное выражение Троцкого правильнее всего определяло целый период советской истории, последовавший после заключения Брестского договора и завершившийся в ноябре 1918 г., после его расторжения. Сами большевики в те месяцы считали, что дни их власти сочтены. За исключением столиц, они не имели опоры в стране. К тому же предрешенным казался вопрос о падении советской власти в Петрограде. 22 мая в опубликованном в «Правде» циркулярном письме ЦК признавалось, что большевистская партия переживает «крайне острый критический период», острота которого усугубляется, помимо всего, тяжелым «внутрипартийным состоянием», поскольку из за ухода в знак протеста против Брестского мира «массы ответственных партийных работников» многие организации ослабли. Одной из основных причин кризиса в партии был откол левого крыла РКП(б), указывали авторы письма ЦК и заключали: «Никогда еще мы не переживали столь тяжелого момента» [621] . Двумя днями позже в статье «О голоде (Письмо питерским рабочим)» Ленин признал, что из за продовольственных трудностей и охватившего громадные районы страны голода советская власть близка к гибели [622] .

29 мая ЦК обратился к членам партии с еще более тревожным письмом, вновь указывая, что «кризис», переживаемый партией, «очень и очень силен», число членов уменьшается, одновременно идет упадок качественный, участились случаи внутривнутрипартийных столкновений, «нередки конфликты между партийными организациями и фракциями» партии в Советах и исполнительных комитетах. «Стройность и цельность партийного аппарата нарушены. Нет прежнего единства действий. Дисциплина, всегда столь крепкая» ослабла. «Общий упадок партийной работы, распад в организациях безусловны» [623] .

Предсмертное состояние советской власти стало причиной все более усиливающейся в рядах большевиков паники. «Как это ни странно, – вспоминает Вацетис, – настроение умов тогда было такое, «что центр советской России сделался театром междоусобной войны и что большевики едва ли удержатся у власти и сделаются жертвой голода и общего недовольства внутри страны». Была не исключена и «возможность движения на Москву германцев, донских казаков и белочехов. Эта последняя версия была в то время распространена особенно широко» [624] .

О царившей в рядах большевиков летом 1918 г. растерянности писал в своих воспоминаниях близко стоявший к большевикам Г.А. Соломон, доверенный Красина и хороший его знакомый. Соломон указывал, что примерно в эти месяцы один из видных советских дипломатов в Берлине (вероятно, Иоффе) признался в своей уверенности в крахе большевистской революции в России и предложил Соломону поскорее скрыться [625] . Опасения советских руководителей в целом разделялись германскими дипломатами. 4 июня советник миссии в Москве К. Рицлер [626] в пространном коммюнике сообщал следующее: «За последние две недели положение резко обострилось. На нас надвигается голод, его пытаются задушить террором.

Большевистский кулак громит всех подряд. Людей спокойно расстреливают сотнями. Все это само по себе еще не так плохо, но теперь уже не может быть никаких сомнений в том, что материальные ресурсы большевиков на исходе. Запасы горючего для машин иссякают, и даже на латышских солдат, сидящих в грузовиках, больше нельзя полагаться – не говоря уже о рабочих и крестьянах. Большевики страшно нервничают, вероятно, чувствуя приближение конца, и поэтому крысы начинают заблаговременно покидать тонущий корабль... Карахан засунул оригинал Брестского договора в свой письменный стол. Он собирается захватить его с собой в Америку и там продать, заработав огромные деньги на подписи императора... Прошу извинить меня за это лирическое отступление о состоянии хаоса, который, даже со здешней точки зрения, уже совершенно невыносим».

Примерно такое же впечатление вынес советник министерства иностранных дел Траутман, писавший днем позже, что «в ближайшие месяцы может вспыхнуть внутриаполитическая борьба. Она даже может привести к падению большевиков». Траутман добавил, что, по его сведениям, «один или даже два» большевистских руководителя «уже достигли определенной степени отчаяния относительно собственной судьбы».

Вопрос о катастрофическом состоянии дел обсуждался на заседании ВЦИКа 4 июня. С речами выступали многие видные большевики, в том числе Ленин и Троцкий. Ленин назвал происходящее одним из «самых трудных, из самых тяжелых и самых критических» периодов, не только «с точки зрения международной», но и внутренней: «Приходится испытывать величайшие трудности внутри страны... мучительный продовольственный кризис, мучительнейший голод». Троцкий вторил: «Мы входим в два три наиболее критических месяца русской революции» [627]. За стенами ВЦИКа он был даже более пессимистичен: «Мы уже фактически покойники; теперь дело за гробовщиком» [628].

15 июня на заседании Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов Зиновьев делал сообщение о положении в Западной Сибири, на Урале и на востоке Европейской России в связи с наступлением чехословаков. «Мы побеждены, – закончил он, – но не ползаем у ног. Если суждено быть войне, мы предпочитаем, чтобы в крови захлебнулись [и] наши классовые противники». Присутствовавший там же Лашевич после речей оппозиции – меньшевиков и эсеров – выступил с ответной речью, во время которой вынул браунинг и закончил выступление словами: «Помните только одно, чтобы ни случилось, может быть нам и суждено погибнуть, но 14 патронов вам, а пятнадцатый себе» [629]. Этих четырнадцати патронов хватило на то, чтобы месяц спустя по приказу Ленина и Свердлова уничтожить российскую императорскую династию. Одно из немногих свидетельств того, как принималось решение об убийстве царской семьи, пришло от Троцкого. Уже в эмиграции, 9 апреля 1935 г., он сделал в своем дневнике следующую запись, которая ценна прежде всего тем, что не предназначалась для публикации:

«Белая печать когда то очень горячо дебатировала вопрос, по чьему решению была предана казни царская семья. Либералы склонялись, как будто, к тому, что уральский исполком, отрезанный от Москвы, действовал самостоятельно. Это не верно. Постановление вынесено было в Москве. Дело происходило в критический период гражданской войны, когда я почти все время проводил на фронте, и мои воспоминания о деле царской семьи имеют отрывочный характер. Расскажу здесь, что помню.

В один из коротких наездов в Москву – думаю, что за несколько недель до казни Романовых, – я мимоходом заметил в Политбюро, что, ввиду плохого положения на Урале, следовало бы ускорить процесс царя. Я предлагал открытый судебный процесс, который должен был развернуть картину всего царствования (крестьянск[ая] политика, рабочая, национальная, культурная, две войны и пр.); по радио (?) ход процесса должен был передаваться по всей стране; в волостях отчеты о процессе должны были читаться и комментироваться каждый день. Ленин откликнулся в том смысле, что это было бы очень хорошо, если б было осуществимо. Но времени может не хватить. Прений никаких не вышло, так [как] я на своем предложении не настаивал, поглощенный другими делами. Да и в Политбюро нас, помнится, было трое четверо: Ленин, я, Свердлов. Каменева, как будто, не было. Ленин в тот период был настроен довольно сумрачно, не очень верил тому, что удастся построить армию... Следующий мой приезд в Москву выпал уже после падения Екатеринбургa. В разговоре со Свердловым я спросил мимоходом:

– Да, а где царь?

– Конечно, – ответил он, – расстрелян.

– А семья где?

– И семья с ним.

– Все? – спросил я, по видимому, с оттенком удивления.

– Все! – ответил Свердлов, – а что?

Он ждал моей реакции. Я ничего не ответил.

– А кто решал? – спросил я.

– Мы здесь решали. Ильич считал, что нельзя оставлять нам им живого знамени, особенно в нынешних трудных условиях.

Больше я никаких вопросов не задавал, поставив на деле крест. По существу, решение было не только целесообразным, но и необходимым. Суровость расправы показывала всем, что мы будем вести борьбу беспощадно, не останавливаясь ни перед чем. Казнь царской семьи нужна была не просто для того, чтоб запугать, ужаснуть, лишить надежды врага, но и для того, чтобы встряхнуть собственные ряды, показать, что отступления нет, что впереди полная победа или полная гибель. В интеллигентных кругах партии, вероятно, были сомнения и покачивания головами. Но массы рабочих и солдат не сомневались ни минуты: никакого другого

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.o

решения они не поняли бы и не приняли бы. Это Ленин хорошо чувствовал: способность думать и чувствовать за массу и с массой была ему в высшей мере свойственна, особенно на великих политических поворотах...

В «Последних новостях» я читал, уже будучи за границей, описание расстрела, сожжения тел и пр. Что во всем этом верно, что вымышленно, не имею ни малейшего представления, так как никогда не интересовался тем, как произведена была казнь, и, признаться, не понимаю этого интереса» [630].

Майско июньский кризис советской власти вверг в отчаяние весь советский актив. В большевистскую власть не верили теперь даже те, кто изначально имел иллюзии. В оппозиционной социалистической прессе особенно резко выступали меньшевики, бывшие когда то частью единой с большевиками социал демократической организации. Не отставали и правые. Резкой и чувствительной была критика в адрес большевиков, идущая от левых эсеров, имевших возможность, будучи советской и правящей партией, выступать против брестской политики легально. Ленинская политика не обеспечила разрекламированной «передышки»; скомпрометировала русскую революцию в глазах революционеров Запада; отдала под оккупацию Центральных держав огромнейшие пространства; лишила Россию украинского хлеба (подразумевалось, оттого Россия и голодала), бакинской нефти (подразумевалось, от этого и топливный кризис). Она спровоцировала Антанту на интервенцию, а чехословаков – на вооруженное восстание, ставшее первым и самым опасным фронтом Гражданской войны в России. Ради подписания мира Ленин расколол партию на два крыла, оттолкнув левых коммунистов; загнал в оппозицию левых эсеров. А поскольку при таком противостоянии Брестскому договору реализация ленинской политики стала практически невозможной, Брестским миром была теперь недовольна страна, ради которой шел на все это Ленин, – Брестским миром была не удовлетворена Германия. Неверие немцев в возможность сотрудничества с ленинским правительством было чертой, разграничивающей тупик и кризис. Подписывая договор, Германия надеялась иметь в своем тылу «мирно настроенную Россию, из которой изголодавшиеся Центральные державы могли бы извлекать продовольствие и сырье». Реальность оказалась прямо противоположной. «Слухи, шедшие из России, с каждым днем становились все печальнее» – ни спокойствия, ни продовольствия немцы не получили. «Настоящего мира на Восточном фронте не было». Германия, «хотя и со слабыми силами», сохраняла фронт [631]. Германское правительство нервничало не меньше большевистского, не понимая, как добиться выполнения тех или иных требований от в общем то беспомощного Совнаркома. Из за взаимного неведения в мир военные действия не прекращались [632]. И даже Чичерин, далекий от целей революционной войны, стремящийся наладить рабочие дипломатические отношения с немцами, считал, что Германия осталась главным врагом Советской России [633]. Путем постепенных захватов немцы «во многих местах передвинули демаркационную линию к востоку» [634]. 6 мая было созвано экстренное заседание ЦК РКП(б) для обсуждения вопроса о международном положении советской России «в связи с обострением отношений с Германией, а также высадкой английского десанта в Мурманске и японского десанта на Дальнем Востоке» [635]. Обсуждалось, кроме того, положение на Украине после произведенного там немцами переворота. Ленин, видимо, на этом заседании победил. По крайней мере, ЦК принял написанное им постановление: «Немецкому ультиматуму уступить. Английский ультиматум отклонить. (Ибо война против Германии грозит непосредственно большими потерями и бедствиями, чем против Японии... Направить все силы на защиту уральско кузнецкого района и территории как от Японии, так и от Германии. С Мирбахом вести переговоры в целях выяснения того, обязуются ли [немцы] заключить мир Финляндии и Украины с Россией и всячески ускорять этот мир, сознавая, что он несет новые аннексии... Начать тотчас эвакуацию на Урал всего вообще и Экспедиции заготовления государственных бумаг в частности» [636].

На самом деле «ультиматумов» предъявлено не было (Ленин называл «ультиматумом» любое требование иностранных держав). Немцы настаивали на передаче Финляндии форта Ино как условия для заключения советско финского мирного договора. Антанта, видимо, в первых числах мая пыталась снова предложить советскому правительству помощь в обмен на разрыв Брестского мира. Сами немцы в те недели считали, что с военной точки зрения формальное соблюдение Брестского соглашения или его аннулирование серьезно ничего не меняло. Тем не менее германское правительство решило, что пришло время объявить об окончании военных операций на Восточном фронте: 13 мая Кюльман, Людендорф и заместитель Кюльмана Бусше, принимая во внимание, что «большевики находятся под серьезной угрозой слева, то есть со стороны партии, исповедующей еще более радикальные взгляды, чем большевики» (левых эсеров), нашли нужным в интересах Германии «объявить раз и навсегда, что наши операции в России окончены», «демаркационная линия проведена» и «тем самым наступление завершено».

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.

Если это заявление и дошло до советского правительства, оно, очевидно, не могло быть воспринято всерьез, тем более что германское продвижение все таки продолжалось и после 13 мая. Радек даже в начале июня считал, что соотношение сил, созданное Брестским миром, «угрожает нам дальнейшими глубокими потрясениями и большими экономическими потерями», что «территориальные потери, являющиеся следствием Брестского мира, еще не кончены», что именно в смысле территорий советской власти предстоит «период тяжелой борьбы» [637] . (И действительно, через несколько дней началась эвакуация Курска [638] .) Понятно, что при таком развале Ленина могла согревать лишь мысль о дальнейшем отступлении в глубь России. Когда Троцкий спросил его, что тот думает делать, «если немцы будут все же наступать» и «двинутся на Москву», Ленин ответил: «Отступим дальше, на восток, на Урал... Кузнецкий бассейн богат углем. Создадим Урало Кузнецкую республику, опираясь на уральскую промышленность и на кузнецкий уголь, на уральский пролетариат и на ту часть московских и питерских рабочих, которых удастся увезти с собой... В случае нужды уйдем еще дальше на восток, за Урал. До Камчатки дойдем, но будем держаться. Международная обстановка будет меняться десятки раз, и мы из пределов Урало Кузнецкой республики снова расширимся и вернемся в Москву и Петербург».

Троцкий объяснял, что «концепция Урало Кузнецкой республики» Ленину была «органически необходима», чтобы «укрепить себя и других в убеждении, что ничто еще не потеряно и что для стратегии отчаяния нет и не может быть места» [639] . Да, Ленину было важнее стоять во главе правительства Камчатской республики, чем уступить власть. Но верил ли в Камчатскую советскую республику ктонибудь, кроме Ленина? Похоже, что нет. Во всяком случае, идея отступления до Камчатки (когда Дальний Восток был под угрозой японской оккупации) никого не вдохновляла. И 10 мая Сокольников на заседании ЦК предложил резолюцию о разрыве Брестского мира: «ЦК полагает, что государственный переворот на Украине означает создание нового политического положения, характеризующегося союзом русской буржуазии с германским империализмом. В этих условиях война с Германией является неизбежной, передышка – данная Брестским миром – оконченной. Задачей партии является приступить к немедленной открытой и массовой подготовке военных действий и организации сопротивления путем широких мобилизаций. В то же время необходимо заключить военное соглашение с англо французской коалицией на предмет военной кооперации на определенных условиях» [640] .

До апреля 1989 г. резолюция эта считалась «ненайденной» [641] . Зато никогда не терялись «Тезисы о современном политическом положении», проект которых написал Ленин для обсуждения в заседании 10 мая: «Внешняя политика советской власти никоим образом не должна быть изменяема. Нам по прежнему реальнейшим образом грозит – и в данный момент сильнее и ближе, чем вчера, – движение японских войск с целью отвлечь германские войска продвижением вглубь европейской России, а с другой стороны – движение германских войск против Петрограда и Москвы, в случае победы немецкой военной партии. Нам по прежнему надо отвечать на эти опасности тактикой отступления, выжидания и лавирования, продолжая самую усиленную военную подготовку» [642] .

Резолюция Сокольникова была провалена. За нее голосовал только сам Сокольников. Сталин воздержался, а Ленин, Свердлов, В.В. Шмидт [643] и М.Ф. Владимирский [644] выступили против [645] . Советская партийная история умалчивает о том, что на голосование была поставлена еще одна резолюция, содержание и авторство которой неизвестно. Тезисы Ленина в тот день даже не были поставлены на голосование. Сокольников проиграл. Но и Ленин не вышел победителем. Повторное обсуждение вопроса произошло на следующем заседании ЦК, 13 мая. Вторично обсуждалась резолюция Сокольникова, текст которой снова не сохранился и в бумагах этого заседания [646] . ЦК собрался в том же составе и пришел к мнению, что военная опасность со стороны Германии Лениным сильно преувеличена. Тем не менее тезисы Ленина с некоторыми поправками были приняты, так как отсутствовавшие на заседании Троцкий и Зиновьев, находившиеся в Петрограде, подали свои голоса за тезисы Ленина.

Однако резолюции спасти Совнарком и большевистский ЦК уже не могли. Заведенная Лениным в тупик, доведенная до кризиса, расколота и слабеющая большевистская партия могла хватиться теперь лишь за соломинку, которую в марте 1918 г. протягивал ей Троцкий: «Сколько бы мы ни мудрили, какую бы тактику ни изобрели, спасти нас в полном смысле слова может только европейская революция» [647] . А для ее возгорания нужно было прежде всего разорвать Брестский мир.

2. Разрыв Брестского мира

Убийство Мирбаха и разгром партии левых эсеров 6 – 10 июля 1918 г. коренным образом изменили соотношение сил и внутри большевистского ЦК, и на фронте

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.o

советско германских отношений. В первые дни после убийства большевики ожидали возобновления военных действий Германии против Советской России. 10 июля о возможном разрыве мира докладывал во ВЦИК Свердлов [648]. С большой вероятностью возобновления войны, видимо, смирился Ленин. 10 июля он вызвал к себе Вацетиса, чтобы в ходе общей беседы задать вопрос, «будут ли сражаться латышские стрелки с германскими войсками, если немцы будут наступать на Москву». Вацетис ответил утвердительно. 13 июля М.Д. Бонч Бруевич сообщил Вацетису, что Россия «вступает снова в мировую войну вместе с Францией и Англией» против Германии; «это дело уже налажено» [649].

Одновременно Ленин пытался добиться согласия немцев не объявлять России войну в ответ на убийство посла. 1 августа Чичерин по поручению Ленина предложил новому германскому послу в Москве Гельфериху [650] пойти на заключение неформального военного соглашения о параллельных советско германских действиях против Антанты и белых. Германия должна была помочь советскому правительству претворить в жизнь продвижение англичан из района Мурманска и Архангельска на Петроград, отказаться от поддержки на Дону Краснова и обещать не занимать Петроград. СНК в ответ обязался бы сконцентрировать все силы на борьбе с Антантой и поддерживаемым ею генералом В.М. Алексеевым [651], создающим добровольческую Белую армию. Видимо, немцы потребовали в качестве предварительного условия для переговоров полного разрыва с союзниками. В ночь на 5 августа советское правительство разослало по районным отделам Наркомата внутренних дел сообщение о разрыве отношений с Англией, Францией и Японией. Утром в Москве был произведен ряд обысков и арестов среди подданных союзных стран (именно в этот день и был арестован Локкарт). Поиски французской военной миссии, обвинявшейся в организации заговора с целью свержения Совнаркома, не увенчались успехом. Члены миссии вовремя успели скрыться [652].

Продemonстрировав готовность порвать с союзниками, вечером того же дня Чичерин подтвердил Германии свое предложение от 1 августа, указав, что советское правительство перебрасывает все имеющиеся в Петрозаводске войска в Вологду, где объявлено военное положение. Из-за этого, указывал Чичерин, дорога на Петроград открыта и, если Германия не вмешается, этим могут воспользоваться англичане. На юго востоке страны положение советской власти не лучше. СНК поэтому не настаивает более перед немцами на оставлении германскими войсками Ростова и Таганрога, но просит предоставить советскому правительству право пользования железнодорожными линиями на условии, что они будут «освобождены от Краснова и Алексеева». «Активное вмешательство против Алексеева, никакой больше помощи Краснову», – потребовал Чичерин [653].

Просьба Чичерина о военной помощи со стороны Германии для немцев была наилучшим доказательством того, что советское правительство находится в совершенно безвыходном положении. Общее мнение германских дипломатов сводилось, однако, к тому, что даже при самом искреннем желании жить в мире с Германией советское правительство вряд ли способно будет обеспечить хорошие отношения, поскольку на всех уровнях брестская политика Ленина саботируется. Германское правительство поэтому указало на невыгодное и угрожающее для Германии положение на внутреннем русском фронте и потребовало от СНК принятия самых решительных мер для подавления восстания чехословацкого корпуса и вытеснения англичан из Мурманска. В случае отказа советского правительства выполнить эти требования Германия грозила предъявить ультиматум о пропуске своих войск в глубь русской территории для борьбы против англичан и чехословаков. Чичерин ответил, что борьба с чехословаками и англичанами будет успешной лишь в том случае, если германское правительство со своей стороны пообещает сохранить в неприкосновенности демаркационную линию и не допустит перехода этой линии Красновым [654], в сотрудничестве с которым большевики подозревали немцев.

Политика Германии в тот период была на удивление непоследовательной. В Прибалтике, Финляндии, на Украине, на Дону и на Кавказе немецкие войска, по существу, противостояли советским, в то время как на территории России немцы поддерживали у власти большевистское правительство. При этом ожидалось, что, несмотря на поддержку немцев, Москва вот вот будет захвачена не одними, так другими. 5 августа из Москвы был отозван в Берлин для доклада и обсуждения сложившейся ситуации Гельферих [655]. 9 августа из столицы в Псков через Петроград выехала германская миссия в составе 178 человек. Вслед за германским послом Москву покинули также турецкий посол Кемали бей и болгарский посол Чапрашников [656]. Консулы союзных держав также покинули столицу (защита их интересов была передана консульствам нейтральных стран, и над зданием американского генерального консульства был поднят шведский флаг) [657]. В те же дни советский посол Иоффе отбыл из Берлина в Москву для консультаций (а когда отправился было обратно в Берлин, не был пропущен германскими военными властями в Орше; та же участь постигла Радека) [658].

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.

Положение в самой Германии не было легким. Под впечатлением длительных тяжелых боев лета 1918 г. в армию и тыл проникло разложение [659]. В июле была сломлена наступательная сила, а в августе – сила сопротивления германской западной армии. Попытки воссоздать ее путем сокращения фронта закончились неудачей [660]. Германская армия утратила те преимущества, которые получила в результате весенних наступлений, и начала неудержимо откатываться назад. И хотя на Востоке немцы вели еще военные действия и в августе оккупировали Донбасс [661], было ясно, что силы немцев на исходе.

Широкую практику в августе получил саботаж отправок в Германию продовольственных грузов. Советское правительство делало вид, что речь идет не более как об отсылке родственниками продуктовых посылок томящимся в германских лагерях русским военнопленным. Но в посылки пленным, отправляемые из голодной России в Германию, никто не верил. 11 августа Петросовет принял решение о задержании всех поездов «с посылками» и распределении их среди населения Петрограда. Справедливо или нет, советская пресса начала рисовать положение на фронте в более светлых тонах. Положение Красной армии на чехословацком фронте «вполне надежное», писала одна из газет, «успех безусловно на стороне Красной армии», «наши славные отряды теснят чехословацкие банды», «окончательное подавление мятежа – вопрос дней». Особое внимание уделялось прессой Украине: «Украинские рабочие и крестьяне напрягают все силы, чтобы свергнуть Скоропадского [662] и восстановить советскую власть», – писала другая газета [663]. Делались намеки на то, что из Украины, где уже разгорается восстание, революция через Польшу и Галицию перекинется в Австро Венгрию, войска которой уже переходят на сторону Советов. Положение в Германии тоже описывалось исключительно как предреволюционное. Впрочем, и во всех остальных европейских странах тоже ожидалась в скором времени революция. Наконец, 22 августа стало известно о том, что страны Антанты требуют от Германии аннулирования Брестского соглашения как предварительного условия для начала мирных переговоров [664].

В такой ситуации согласие советского правительства на новый раунд переговоров с Германией в августе 1918 г. могло бы показаться неразумным. Однако оно объяснимо. После убийства Мирбаха большевики перестали видеть в Германии основного своего врага, дни могущества которого были сочтены. Теперь уже всерьез обозначился другой грозный противник – Антанта, усиливающаяся по мере ослабления Германии и начавшая интервенцию в Россию. Ослабление Германии было теперь не в интересах большевиков, поскольку оно вело к заключению европейского мира. Война же увеличивала шансы на мировую революцию, в то время как мир на Западном фронте грозил открытием совместных военных действий европейских держав против советского правительства [665].

Переоценивая решимость своих противников уничтожить большевистский строй, Ленин считал, что Антанта потребует от Германии отстранения большевиков от власти. Если так, нужно было любыми средствами продлить мировую войну, сделавшись союзником Германии и оттягивая поражение немцев. 20 августа Ленин написал знаменитое «Письмо к американским рабочим», в котором призвал их оказать помощь «германскому пролетариату», иными словами, просил не воевать против Германии. В те же дни началось срочное минирование мостов по линии Северной железной дороги от Москвы до Вологды для взрыва их при приближении англо французских войск [666]. Только в этом свете объяснимо согласие советского правительства подписать 27 августа три дополнительных к Брест Литовскому мирному соглашению договора [667]. 2 сентября большевистский ВЦИК ратифицировал новые советско германские соглашения.

15 сентября войска Антанты прорвали Балканский фронт; стало ясно, что мировая война подходит к концу. 27 сентября капитулировала Болгария. На Западном фронте развернулось наступление на линию Гинденбурга – последнюю линию обороны немцев. В тот же день линия была прорвана, и Людендорф, действовавший до тех пор хладнокровно, заявил 29 сентября, что в течение суток Германия обязана запросить Антанту о перемирии, так как иначе произойдет катастрофа [668].

1 октября в неизбежность революции в Германии в ближайшее время поверил даже Ленин. В этот день он написал Свердлову и Троцкому письмо в духе концепции перманентной революции: «Международная революция приблизилась за неделю на такое расстояние, что с ней надо считаться как с событием дней ближайших» [669]. «Мы расцениваем события Германии как начало революции, – писал Свердлов 2 октября Сталину. – Дальнейшее быстрое развитие событий неизбежно» [670]. И действительно, 4 октября к власти в Германии пришло правительство Макса Баденского [671] с участием лидера правого крыла немецких социал демократов Шейдемана [672], заявившее о согласии подписать мир с Антантой на условиях «14 пунктов» президента США Вильсона. Худшего для большевиков и быть не могло: возникла реальная опасность англо американо франко германского блока против Советской республики. Радек назвал момент «неслыханно грандиозным», подчеркнув,

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.o

что «в великие моменты надо быть великим, надо уметь рисковать всем, чтобы достигнуть всего». Троцкий тоже готовил партию к аннулированию Брестского мира и началу революционной войны, для которой вот вот придет время: «Судьбы как народа германского, так и Украины, Польши и Прибалтики, Финляндии не могут оправдать документа, который был написан в определенный момент политического развития... близок тот час, когда Брест Литовский договор будет пересмотрен теми силами, которые стремятся к власти. Этой силой в Германии является рабочий класс... Разумеется, мы не возьмем на себя инициативу тех или других азартных авантюристических шагов объявления войны Германии в союзе с Англией и Францией... не нужно быть пророком и фантастом, чтобы сказать: на другой день после того, как станет ясным, что германский рабочий класс протянул руку к власти, – на улицах Парижа будут воздвигнуты пролетарские баррикады... падение для Франции, Америки и Японии наступит более катастрофическое, чем для Австрии и Германии. Если будет сделана попытка наступать пролетариатом Германии, то для советской России основным долгом будет не звать границ в революционной борьбе. Революционная судьба борьбы германского народа будет нашей собственной судьбой. Что советская Россия чувствует себя только аванпостом европейской и германской пролетарской революции – это для нас всех ясно» [673] .

В духе доклада Троцкого ВЦИК единогласно принял резолюцию и предписал Реввоенсовету республики, председателем которого был Троцкий, «немедленно разработать расширенную программу формирования Красной армии в соответствии с новыми условиями международных отношений; разработать план создания продовольственного фонда для трудящихся масс Германии и Австро Венгрии» [674] , дабы они разжигали революцию не на голодный желудок.

24 октября Чичерин направил пространное письмо президенту Вильсону, а 3 ноября официально обратился к правительствам США, Англии, Франции, Японии и Италии с предложением... начать мирные переговоры, чем поверг все эти страны в замешательство: они и не знали, что находятся в состоянии войны со своей союзницей по Антанте. Нота Чичерина выглядела настолько нелепо, что на нее, по видимому, просто не обратили внимания. К тому же надвигались новые грозные события: 4 ноября началась революция в Австро Венгрии.

В рамках концепции Троцкого «ни мира, ни войны», не разрывая Брестского мира, большевики пока начали тайно помогать немецким коммунистам. Через советское полпредство в Берлине они финансировали более десяти левых социал демократических газет; получаемая посольством из различных министерств и от германских официальных лиц информация немедленно передавалась немецким левым для использования во время выступлений в рейхстаге, на митингах или в печати. Антивоенная и антиправительственная литература, отпечатанная на немецком языке в РСФСР, рассылалась советским полпредством во все уголки Германии и на фронт. Советским правительством был основан фонд в 10 миллионов рублей, оставленный на попечение депутата рейхстага Оскара Кохна, а в самой Германии на 100 тысяч марок было закуплено оружие для организации восстания [675] .

5 ноября Австро Венгрия подписала перемирие. Из войны вышла Турция. Союзные войска заняли Константинополь. В Болгарии была провозглашена республика. Ходили слухи о предстоящем отречении вильгельма [676] . На пленарном заседании ливонского ландесрата была утверждена конституция нового государства (и 18 ноября латвийские политические партии, собравшиеся на всеобщий конгресс, провозгласили независимость Латвии) [677] . В скором времени после этого германские и австро венгерские войска, находившиеся на оккупированных территориях России и Украины, объявили о нейтралитете в русских делах. Сила, поддерживающая на Украине хоть какой то порядок, самоустранилась.

В советско германских отношениях в ноябре установилось состояние «ни мира, ни войны», которое не было изменено даже 8 ноября, после провозглашения в Германии республики и прихода к власти социал демократов. Но и они не восстановили отношений с Советской Россией. 11 ноября правительство Германской республики подписало в Компьене перемирие с Антантой. Теперь уже нечего было терять и большевикам. 13 ноября на заседании ВЦИКа, состоявшемся в гостинице «Метрополь», Свердлов зачитал постановление об аннулировании Брест Литовского договора «в целом и во всех пунктах». В тот же день советское правительство отдало Красной армии приказ перейти демаркационные линии и вступить в занятые немцами районы бывшей Российской империи. Так началось одно из решающих наступлений Красной армии, целью которого было установление в Европе коммунистического режима. 25 ноября немцы вынуждены были оставить Псков, а 28 го – Нарву. В тот же день Рижский Совет рабочих депутатов провозгласил себя единственной законной властью в Латвии [678] . 29 ноября было образовано советское правительство в Эстонии (не занятым Красной армией остался только Ревель), а 14 декабря – в Латвии. Ядро тех красных войск составляли стрелки Латвийской дивизии. К концу декабря глава советского правительства Латвии П. Стучка провозгласил независимость Латвийской

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo. советской республики. В Латвии же 17 декабря был опубликован большевистский манифест, указавший на Германию как на ближайшую цель наступления Красной армии. В те дни на повестке дня любого заседания или съезда стоял один вопрос – о мировой коммунистической революции. Казалось, все исчисляется днями. В феврале через Вильно Красная армия вышла к границам Пруссии. «Круг замкнулся, – произнес в начале февраля Радек, – только Германия, самое важное звено, все еще отсутствует». Но германская революция прорывалась со всей неизбежностью. В январе – феврале 1919 г. в ряде городов Северной и Центральной Германии были провозглашены республики. Наиболее серьезным положение было в Баварии, где при активном участии большевика Евгения Левине [679] в феврале была провозглашена советская власть и началось формирование Баварской Красной гвардии. Коммунистический мятеж вспыхнул в Руре, где была образована рабоче солдатская республика.

Окончательная победа коммунистической революции в Германии ожидалась большевиками самое позднее к середине марта 1919 г. [680] Но время было уже упущено. Социал демократическое правительство Германии, наученное горьким опытом российских социал демократов, начало принимать жесткие контрмеры. 12 февраля в Берлине был вторично арестован большевик Карл Радек. Правительственные войска, состоявшие из добровольцев и реорганизованных частей кайзеровской армии, вступили в Рур. Для защиты фланга Восточной Пруссии и оказания помощи антибольшевистскому добровольческому корпусу, сформированному в Прибалтике, генерал майор Р. фон дер Гольц выступил с дивизией в направлении на Любаву. В мае правительственные войска Германии заняли Мюнхен. Баварская республика пала. Коммунистическая революция в Германии была подавлена. Вместе с ней, как оказалось, потерпела крушение мировая революция. Ее единственной жертвой осталась Россия.

3. Коммунистический интернационал

Исключительно важным инструментом воздействия на социалистические силы за рубежом, привлечения на свою сторону радикальных групп в рабочем движении на Западе, а также в национально освободительном движении на Востоке должна была стать особая международная организация, задачу создания которой провозгласил Ленин еще в Апрельских тезисах 1917 г. Созданием такой организации преследовались две цели: ослабление или даже разрушение II и 2 го с половиной Интернационалов, контролируемых европейскими социал демократами, и замена их послушной международной коммунистической структурой, подчиненной ЦК российской компартии. Это новая бюрократическая организация стала называться 3 м или Коммунистическим интернационалом (Коминтерном).

Изначально государственное финансирование зарубежного революционного движения осуществлялось как бы стыдливо и прикрывалось лозунгами борьбы за мир. На заседании Совнаркома 9 декабря 1917 г. Троцкий предложил ассигновать 2 миллиона рублей именно «для образования фонда борьбы за мир» [681]. Используя имевшийся опыт Парвуса, Боровский создал такой фонд в Стокгольме. Боровский, считавшийся послом формально не признанной в Скандинавии Советской республики, был причастен к германским деньгам, получаемым до революции большевиками, и неплохо разбирался в вопросах тайного финансирования лиц и структур. Тот факт, что под «борьбой за мир» подразумевалась подрывная деятельность против властей европейских держав, был очевиден и вытекал из контекста всех тогдашних выступлений большевистских лидеров. Но название прижилось и осталось на все последующие десятилетия – «борьба за мир». Соответствующий декрет за подписями Ленина и Троцкого был опубликован 13 декабря: «Принимая во внимание, что советская власть стоит на почве принципов международной солидарности и братства трудящихся всех стран; что борьба против войны и империализма может только в международном масштабе привести к полной победе, Совет народных комиссаров считает необходимым прийти всеми возможными средствами на помощь левому интернационалистическому крылу рабочего движения всех стран, совершенно независимо от того, находятся ли эти страны с Россией в войне или в союзе, или же сохраняют нейтральное положение. В этих целях Совет народных комиссаров постановляет ассигновать на нужды интернационального движения в распоряжение заграничных представителей Комиссариата по иностранным делам 2 миллиона рублей» [682].

Это были первые 2 миллиона, выделенные к тому же открыто, на организацию революций за пределами Советской республики. Исходя из концепции перманентной революции, из опыта первых месяцев, а затем и лет власти большевиков в России, Троцкий приходил к выводу, что построить социализм в отсталой крестьянской стране, каковой являлась Россия, невозможно без поддержки извне. Он полагал, что необходимо во что бы то ни стало удерживать власть в России, в то же время всячески помогая зарубежному, прежде всего германскому, пролетариату в его

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.о
усилиях по свержению существующего строя. Только после этого создастся реальная
возможность приступить к строительству социализма в самой России. Через
несколько лет, в 1922 г., Троцкий признавал: «Да, действительно, в тот период мы
твердо рассчитывали, что революционное развитие в Западной Европе пойдет более
быстрым темпом», что европейский пролетариат, взяв власть, «поможет нам
технически и организационно и, таким образом, даст нам возможность путем
исправления и изменения методов нашего военного коммунизма прийти к
действительно социалистическому хозяйству» [683] . В таком подходе заключались
одновременно и неверие Троцкого в социалистические перспективы одинокой,
изолированной от остального мира отсталой России, и его упорное стремление к
утверждению «особой миссии» этой отсталой страны, где революция не имела
самостоятельного смысла, а должна была стать катализатором зарубежного
революционного движения.

Так как особые надежды возлагались прежде всего на Германию и Австро Венгрию, в
феврале 1918 г. по предложению Троцкого немецкий левый социал демократ Карл
Либкнехт и австрийский – Фриц Адлер, убивший в 1916 г. премьер министра Австро
Венгрии графа Штюргха [684] , были избраны почетными членами Петроградского
Совета. Вслед за этим, опять таки по предложению Троцкого, Ф. Адлер был избран
еще и почетным председателем ВЦИКа. Обосновывая это предложение, Троцкий, и это
звучало дико, поставил ему в заслугу именно убийство премьер министра своей
страны, то есть совершение террористического акта.

В Петрограде, а затем и в Москве были созваны предварительные совещания,
провозгласившие общие принципы нового Интернационала. Однако процесс реального
оформления международного объединения затягивался, ибо зарубежные левые
социалисты не спешили осуществлять требуемый от них московским руководством
организационный разрыв с своими социал демократическими партиями, а германские
спартаковцы во главе с Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург вообще не
планировали подпадать под контроль отсталой большевистской России, а
рассчитывали создать 3 й Интернационал после победы революции в Германии на
своей территории с центром в Берлине.

Тем не менее советское правительство пусть медленно, но двигалось в сторону
реализации своего плана. Троцкий, естественно, руководил всеми агитационными и
организационными усилиями в этом направлении, поскольку главным экспертом по
мировой революции бесспорно считался именно он. К 1 мая 1918 г. он написал
статью [685] , в которой назвал современную эпоху «эпохой непосредственной
борьбы пролетариата за власть в международном масштабе» и предложил во имя
мобилизации пролетарских сил для создания «всемирной советской республики»
организовать «Третий революционный Интернационал».

В январе 1919 г. в Москве удалось провести формальное собрание представителей
восьми уже провозглашенных коммунистических партий и левых социалистических
организаций, причем одна из них – Балканская социал демократическая федерация –
являлась объединением нескольких партий. Представлял ее не присланный ею в
Москву делегат, а друг Троцкого Раковский, который когда то был председателем
этой федерации, но теперь стал главой советского правительства Украины. Все
остальные участники (взятые на себя представительство поляков, венгров,
австрийцев, латышей, финнов, американцев) также не были официальными делегатами
своих партий, а оказались в Москве случайно по совсем другим делам.

Совещанием руководили Ленин и Троцкий, причем Лев Давидович написал текст
обращения [686] , которое было принято в качестве призыва к созыву первого
конгресса нового, революционного интернационала. Обращение содержало программные
моменты, причем основывалось, с одной стороны, на программе РКП(б), которая еще
не была принята и только готовилась к обсуждению на предстоявшем VIII партийном
съезде, намеченном на март, и с другой – на программе германского «Союза
Спартака» – предшественника компартии Германии. основополагающим положением
документа было определение текущей эпохи как эпохи «разложения и краха всей
мировой капиталистической системы, которые будут означать и крах европейской
культуры вообще, если не будет уничтожен капитализм с его неразрешимыми
противоречиями». Одновременно в документе формулировались задачи захвата
государственной власти, установления «диктатуры пролетариата», «поголовного
вооружения пролетариата» и «социализации» крупной промышленности, то есть все те
большевистские мероприятия, которые были осуществлены в Советской России и на
практике привели к установлению однопартийной системы, подавлению оппозиции и
гражданской войне, о чем не могли не знать члены национальных компартий.

4 марта собравшаяся в Москве конференция иностранных коммунистических партий,
выразивших желание примкнуть к новому объединению, провозгласила создание 3 го
Коммунистического интернационала, а себя объявила его I конгрессом. С главным
докладом «О буржуазной демократии и диктатуре пролетариата» на конгрессе
выступил Ленин. Троцкий написал текст основного документа конгресса: «Манифеста

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.o

Коммунистического Интернационала к пролетариям всего мира», содержание которого он обосновал в обширном и красочном выступлении [687]. Манифест был одобрен без обсуждения всеми участниками при одном воздержавшемся – немце Гуго Эберлайне [688], который имел указания своей партии не соглашаться на учреждение Интернационала без предварительного обсуждения этого вопроса компартией Германии [689].

Если учесть, что программа Коминтерна была принята только через девять лет – в 1928 г., на VI конгрессе Коминтерна, то становится понятным, насколько важным для новой организации оказался этот временный программный документ, написанный Троцким. В нем в весьма патетической и образной форме – крупными мазками – описывалась картина тех реальных ужасов, которые причинила человечеству мировая война, а затем делался весьма поспешный вывод о «крушении капиталистического государства», о том, что гражданские войны навязываются трудящимся правящими классами и что «рабочий класс не может не ответить на удар ударом». Объявляя о разрыве с «изжившими себя официальными социалистическими партиями», 3-й Интернационал устами Троцкого провозглашал себя наследником многих поколений революционных борцов. Манифест содержал призыв к рабочим всех стран объединяться под коммунистическим знаменем, «которое уже является знаменем первых великих побед».

Троцкий выступил на конгрессе еще и с докладом «Об РКП и Красной армии» [690], в котором, собственно, о партии не было ни слова, но довольно подробно говорилось о создании дисциплинированной армии, об утопичности лозунга народной милиции в условиях гражданской войны. И хотя Троцкий признавал, что сейчас Советской республике необходимо удержаться и выжить, он не оставлял агрессивного тона, завершив доклад словами о готовности прийти на помощь западным братьям. Словесный портрет Троцкого на I конгрессе Коминтерна запечатлел американский журналист А. Рэнсом: «Троцкий в кожаном пальто, военных бриджах и гетрах, в меховой шапке с эмблемой Красной армии на лобной части смотрелся очень хорошо, но это была странная фигура для тех, кто знал его как одного из крупнейших антимилитаристов в [предвоенной] Европе».

Внешнему виду и эффекту от своего внешнего вида Троцкий уделял большое внимание. Он считал это частью важной агитационной и пропагандистской работы. Закончив свою речь, он уже покинул было трибуну, но запротестовал фотограф, не успевший его снять. Троцкий вернулся и позировал на трибуне до тех пор, пока фотограф не сделал несколько снимков [691].

Конгресс Коминтерна собирался в Москве в месяцы, когда пахло дымом революционного пожара в Европе. Советские республики были провозглашены в Баварии (юго-западной части Германии) и в Венгрии. Троцкий был убежден, что по крайней мере граничащей с Украиной Венгрии Россия должна оказать прямую военную помощь. 18 апреля 1919 г. Ленин и Троцкий направили телеграмму украинским советским руководителям с требованием сосредоточить главные силы войск на юго-западном направлении в сторону Черновиц с целью «облегчения Венгрии», при одновременном ударе по Донбассу. Ту же задачу Ленин поставил перед главнокомандующим Вацетисом 22 апреля. 1 мая Троцкий в обширном письме в ЦК по поводу ситуации в Украине прямо говорил о возможности действий Красной армии на территории Венгрии, а 17 мая требовал от украинских властей выделения «особой армии венгерского направления» [692].

Однако надежды на революции в Германии и Венгрии не оправдались. Германская революция захлебнулась уже через несколько недель. Немецкие социал-демократы извлекли уроки из революции 1917 г. в России. Там, где Керенский объединился с большевиками, испугавшись Корнилова, германские социал-демократы объединились с немецкой армией для разгрома спартаковцев, возглавляемых Либкнехтом и Люксембург. И если Временное правительство не готово было во внесудебном порядке расправиться с Лениным и Троцким в июле 1917 г., допустив побег Ленина в Финляндию и держа в тюрьме Троцкого, германские социал-демократические политические деятели и военное руководство пошли на такую беспрецедентную акцию, как объявление вознаграждения за поимку и убийство лидеров германской революции. Спартаковское восстание было разгромлено. Либкнехт и Люксембург схвачены и убиты. Пока советское правительство решало вопрос об интервенции в венгерские дела, Венгерская советская республика пала под ударами внутренних антикоммунистических сил, поддержанных соседней Румынией и Антантой.

Такое развитие событий заставило Троцкого резко изменить стратегическое направление советской экспансии. 5 августа 1919 г., находясь в своем поезде на станции Лубны, он направил в ЦК РКП(б) обширное письмо доклад, уникальнейший документ о планируемой им советской внешней экспансии на Восток:

«Крушение Венгерской Республики, наши неудачи на Украине и возможная потеря нами Черноморского побережья, наряду с нашими успехами на Восточном фронте, меняют в значительной мере нашу международную ориентацию, выдвигая на первый план то, что

вчера еще стояло на втором. Разумеется, время теперь такое, что большие события на Западе могут нагрянуть, и скоро. Но неудача всеобщей демонстративной стачки, удушение Венгерской Республики, продолжение открытой поддержки похода на Россию, – все это такие симптомы, которые говорят, что инкубационный, подготовительный период революции на Западе может длиться еще весьма значительное время. Это значит, что англо французский милитаризм сохранит еще некоторую долю живучести и силы, и наша Красная армия на арене европейских путей мировой политики окажется довольно скромной величиной не только для наступления, но и для обороны. В этих условиях мелкие белогвардейские страны по западной окраине могут создать для нас до поры до времени «прикрытие».

Иначе представляется положение, если мы станем лицом к востоку. Правда, разведывательные и оперативные сводки восточного фронта так общи и по существу небрежны, что я до сих пор не составил себе вполне точного представления о том, разбились ли мы Колчака вконец или только побили его, дав ему все же возможность увести значительные силы на меридиан Омска. Во всяком случае здесь открыты довольно широкие ворота в Азию, где – предполагая даже худшее, т. е. что Колчак далеко еще не разбит – нам противостоят все же не крупные, изолированные силы с крайне протяженными и необеспеченными коммуникациями.

Остается, правда, еще вопрос об японских войсках в Сибири, в которых числится несколько десятков тысяч. Цифра эта сама по себе незначительна для сибирских пространных. Кроме того, имеющиеся сведения говорят, что японцы не продвигались на запад от Иркутска. Есть все основания предполагать, что Америка будет более чем когда либо противодействовать продвижению Японии в Сибирь. Колчак был непосредственно американским агентом. Высаживая свои дивизии во Владивостоке, Япония это мотивировала тем, что ей необходимы гарантии против той американизации, какую проводит Колчак. Теперь же дело повернулось другим концом. Колчак сходит на нет в Японии – в ожидании нашего дальнейшего продвижения на восток – придется или значительно увеличить свои оккупационные войска, или убраться прочь. Увеличение японских сил в Сибири при сведении на нет Колчака означало бы для Америки японизацию Сибири, и не может, конечно, быть ею принято без сопротивления. В этом случае мы могли бы даже рассчитывать, вероятно, на прямую поддержку Вашингтонских подлецов против Японии. Во всяком случае при нашем продвижении в Сибирь антагонизм Японии и Соединенных Штатов создал бы для нас благоприятную обстановку.

Нет никакого сомнения, что на азиатских полях мировой политики наша Красная Армия является несравненно более значительной силой, чем на полях европейской. Перед нами здесь открывается несомненная возможность не только длительного выжидания того, как развернутся события в Европе, но и активности по азиатским линиям. Дорога на Индию может оказаться для нас в данный момент более проходимой и более короткой, чем дорога в Советскую Венгрию. Нарушить неустойчивое равновесие азиатских отношений колониальной зависимости, дать прямой толчок восстанию угнетенных масс и обеспечить победы такого восстания в Азии может такая армия, которая на европейских весах сейчас еще не может иметь крупного значения.

Разумеется, операции на востоке предполагают создание и укрепление могущественной базы на Урале. Эта база нам необходима. Во всяком случае, независимо от того, в какую сторону нам придется в течение ближайших месяцев или, может быть, лет стоять лицом – в сторону Запада или Востока. Необходимо во что бы то ни стало возродить Урал. Вся ту рабочую силу, которую мы тратили или собирались тратить на рабочие поселения в Донской области, на продовольственные отряды и проч., необходимо теперь сосредоточить на Урале. Туда нужно направить лучшие наши научно технические силы, лучших организаторов и администраторов. Нужно возродить идею, которая была у нас весной прошлого года под влиянием немецкого наступления: сосредоточить промышленность на Урале и вокруг Урала. Равным образом нужно сейчас же придать серьезный характер нашей советской работе в очищенных областях Сибири. Нужно туда направить лучшие элементы Украинской Партии, освободившиеся ныне «по независящим причинам» от советской работы. Если они потеряли Украину, пусть завоевывают для Советской революции Сибирь. С завоеванием степных приуральских или зауральских пространств, мы получаем возможность широкого формирования конницы, для которой Златоуст будет давать необходимое вооружение. Конницы нам не хватало до настоящего времени. Но если конница в маневренной гражданской войне, как показал опыт, имеет огромное значение, то роль ее в азиатских операциях представляется бесспорно решающей. Один серьезный военный работник предложил еще несколько месяцев тому назад план создания конного корпуса (30 000 – 40 000 всадников) с расчетом бросить его на Индию.

Разумеется, такой план требует тщательной подготовки – как материальной, так и политической. Мы до сих пор слишком мало внимания уделяли азиатской агитации.

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.o

Между тем международная обстановка складывается, по видимому, так, что путь на Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии. Наши военные успехи на Урале и в Сибири должны чрезвычайно поднять престиж Советской революции во всей угнетенной Азии. Нужно использовать этот момент и сосредоточить где нибудь на Урале или Туркестане революционную академию, политический и военный штаб азиатской революции, который в ближайший период может оказаться гораздо дееспособнее исполкома 3 го Интернационала. Нужно уже сейчас приступить к более серьезной организации в этом направлении, к сосредоточению необходимых сил, лингвистов, переводчиков книг, привлечению туземных революционеров – всеми доступными нам средствами и способами. Разумеется, мы и ранее имели в виду необходимость содействия революции в Азии и никогда не отказывались от наступательных революционных войн. Но еще не так давно мы с значительной долей основания все внимание и все мысли обращали на запад. Прибалтийский край был у нас. В Польше, казалось, революция развертывается быстрым темпом. В Венгрии была Советская власть. Советская Украина объявила войну Румынии и собиралась продвигаться на запад, на соединение с Советской Венгрией. Обладание Одессой открывало нам более или менее прямую и надежную связь не только с очагами балканской революции, но и с французскими и английскими портами, куда мы направляли значительное количество коммунистической литературы. Сейчас, повторяю, положение резко изменилось и нужно отдать себе в этом ясный отчет. Прибалтика не у нас. В Германии коммунистическое движение после первого периода бури и натиска загнано внутрь и, может быть, – на долгий ряд месяцев. Поражение Советской Венгрии задержит, по всей вероятности, рабочую революцию в мелких странах: в Болгарии, Польше, Галиции, Румынии, на Балканах. Сколько времени протянется этот период? – Этого, конечно, предсказать нельзя, но он может протянуться и год, и два, и пять лет. Сохранение нынешнего живодерского капитализма хотя бы на несколько лет означает неизбежные попытки усугубления колониальной эксплуатации, а с другой стороны, – столь же неизбежные попытки восстаний. Ареной близких восстаний может стать Азия. Наша задача состоит в том, чтобы своевременно совершить необходимое перенесение центра тяжести нашей международной ориентации.

Разумеется, сейчас не может быть и речи об ослаблении нашей борьбы на Южном фронте. Но не исключена возможность того, что в течение ближайшего года восстания украинских крестьян будут подавляться не нами, а Деникиным, подобно тому, как в течение прошлого года с крестьянскими восстаниями в Сибири бороться приходилось не Советской власти, а Колчаку. Во всяком случае, европейская революция как будто отодвинулась. И что уж совершенно вне сомнения – мы сами отодвинулись с запада на восток. Мы потеряли Ригу, Вильну, рискуем потерять Одессу, Петроград – под ударом. Мы вернули Пермь, Екатеринбург, Златоуст и Челябинск. Из этой перемены обстановки вытекает необходимость перемены ориентации. В ближайший период подготовка «элементов» азиатской ориентации и, в частности, подготовка военного удара на Индию, на помощь индусской революции, может иметь только предварительный, подготовительный характер. Прежде всего – детальная разработка плана, изучение его осуществления, привлечение необходимых подготовленных лиц, создание вполне компетентной организации.

Настоящий доклад имеет своей задачей привлечь внимание ЦК к поднятому здесь вопросу» [693] .

Однако намеченные Троцким планы похода в Индию и другие страны Востока не получили прямого одобрения Ленина и ЦК. 20 сентября Троцкий послал в ЦК новое письмо с предложением «перейти к политике решительности и стремительности на Востоке», поручить Реввоенсовету сосредоточить в Туркестане материальные и людские резервы для броска на юг. Сдержанно относясь к восточным планам Троцкого, Ленин все же согласился с планами создать в Туркестане базу вооружений и подготовить преданных людей для установления связей со странами Юго Восточной Азии [694] . «Идеи Троцкого нашли поддержку и получили известное практическое развитие, однако не привели в то время к существенному изменению ориентиров», – с полным основанием пишет историк Я.С. Драбкин [695] .

К восточным планам Троцкий возвращался и позже. 20 января 1920 г. он издал приказ, согласно которому при Академии РККА с 1 февраля 1920 г. учреждалось Восточное отделение. В положении о нем отмечалась необходимость подготовки специалистов востоковедов для службы на восточных окраинах и в сопредельных странах Среднего, Ближнего и Дальнего Востока, в том числе и по военно дипломатическому профилю. На отделении изучались английский, турецкий, персидский, хиндустани, арабский, китайский, японский, корейский и монгольский языки. Кроме того, слушателям преподавались такие разнородные, но практически важные предметы, как краткий курс мусульманского права, страноведение, военная география, история и практика дипломатических отношений, торговое право.

Изучение этих дисциплин не освобождало от штудирования военного дела. Срок обучения вначале устанавливался в два года, но вскоре был увеличен до трех лет. Ежегодно на отделение принималось по 20 человек, то есть обучение проводилось почти индивидуально [696].

В условиях, когда вначале была предпринята переориентация большевистской экспансии на Восток, а затем вновь в основном возвращено западное военно-политическое направление, летом 1920 г. был созван II конгресс Коминтерна, ставший учредительным конгрессом Коминтерна, ибо принял основополагающие документы: условия приема в Коминтерн; устав и подготовленные Лениным программно-политические тезисы по аграрно-крестьянскому и по национально-колониальному вопросам. К этому времени обозначились первые серьезные расхождения между российским руководством, стремящимся подчинить компартии Москве, и национальными компартиями, пытавшимися сохранить независимость на паритетных с Россией началах. Те, кто не готов был подчиниться, исключались из Коминтерна или исходно не включались в него. Так, Ф. Адлер, со временем осознавший, что Троцкий использует его имя, чтобы ввести Адлера в новообразованную австрийскую компартию, уже подчиненную Москве, отказался вступить в партию и был изгнан со своей почетной должности в Петросовете и ВЦИКе. Инициатором этих изгнаний в мае 1920 г. был тоже Троцкий. С характерным для него цинизмом Лев Давидович провозгласил на VII Всероссийском съезде Советов, что из двух почетных председателей ВЦИКе один – Либкнехт – «умер, но жив для нас», второй – Адлер – «жив, но умер для нас» [697].

Адлер не остался в долгу. В ответном письме Троцкому «по поводу отлучения» он выразил протест против того, что после Октябрьского переворота его «именем в России назывались казармы, дети, полки». «Ваши друзья решили воспользоваться мной для своей рекламы, – писал Адлер, – а Зиновьев просто приложил ко мне большевистский штампель... Вы прислали в Австрию деньги для переворота. К сожалению, Вы не смогли прислать с деньгами еще немного политического разума... никогда не имел вкуса к титулам и орденам. И я бы сам по себе ни слова не потратил бы на это дело. Но так как вы, по видимому, даже в это тяжелое время имеете досуг для подобного рода церемоний, я позволю себе на момент остановить ваше внимание, чтобы именно на этом примере напомнить вам, как мало мы знаем друг друга» [698].

Во II конгрессе Коминтерна Троцкий, занятый военными делами, участвовал только в части заседаний. Это было время Польской кампании, переговоров о перемирии со странами, «натравившими на нас Польшу и питавшими ее наступление» [699]. И до второй декады июля Троцкий в Москву прибыть не мог. Но именно Троцкому поручили написать обширный манифест конгресса [700], подписанный затем делегатами 32 партий и групп, вошедших к этому времени в Коминтерн. От имени российской делегации подписи поставили Ленин, Зиновьев, Бухарин и Троцкий. В документе давалась коммунистическая интерпретация международных отношений, сложившихся после мировой войны, в частности после подписания Версальского мирного договора, и делался вывод, что в мире осталось только две великих державы: Великобритания и США. Троцкий подчеркивал, однако, что, несмотря на то могущество, которого достигла Британия, особенно на морях, Соединенные Штаты все более выдвигаются вперед. «Под флагом Лиги Наций, – писал Троцкий, – Соединенные Штаты сделали попытку свой опыт объединения больших и разноплеменных масс населения» – жителей США – «распространить на другую сторону океана, прикрепить к своей золотой колеснице народы Европы и других частей света, обеспечив над ними управление из Вашингтона». При всей политической предвзятости этих суждений в них было определенное зерно истины. Троцкий одним из первых указал на то, что в послевоенном мире США начинают занимать доминирующую позицию.

В документе рассматривались также проблемы экономического и политического развития капиталистических стран, в частности Германии. По ее адресу звучали особенно резкие, оскорбительные эпитеты, которые, по всей видимости, представлялись тогда опытным аналитикам лишь фразеологией, но на проверку оказались весьма близкими к истине, может быть, в какой-то степени даже пророческими: «Запоздалый германский парламентаризм, выкидыш буржуазной революции, которая сама есть выкидыш истории, страдает в младенчестве всеми болезнями собачьей старости. «Самый демократический в мире» рейхстаг республики Эберта [701] бессилён не только перед маршалским жезлом Фоса [702], но и перед биржевыми махинациями своих Стиннесов [703], как и перед военными заговорами своей офицерской клики. Германская парламентская демократия есть пустое место между двумя диктатурами».

Это предсказание, однако, пока повисало в воздухе. Оно сменялось проклятиями по адресу германской социал-демократии, которая совершила «подлейшее предательство», не пойдя на союз с Советской Россией. «Советская Германия, объединенная с Советской Россией, оказалась бы сразу сильнее всех

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.о капиталистических государств, вместе взятых!» К этому, впрочем, следовало добавить, что и Советская Россия в период, предшествующий германской революции, не пошла на союз с немецкими левыми социал демократами, а вместо этого заключила сепаратное мирное соглашение – Брестский мир – с германским «империализмом» и так помогла последнему разгромить спартаковское движение. Так что если кто кого и должен был обвинять в «подлейшем предательстве», то немецкие левые большевиков, а не наоборот.

В завершение документа Троцкий прибегал к своей излюбленной аргументации, провозглашая, что «гражданская война во всем мире поставлена в порядок дня. Знаменем ее является Советская власть». Коммунистический интернационал рассматривался как международная партия, а не как объединение партий. Отдельные национальные партии представляли, в соответствии с уставом Коминтерна, только как секции, обязанные отвергнуть все «фетиши» буржуазной власти: легальность, демократию, национальную оборону и пр. Подготовленный Троцким и принятый конгрессом манифест был, таким образом, документом, во всеуслышание провозглашавшим распространение на весь мир большевистской диктатуры – под видом пролетарских революций и национально освободительных движений. Это был документ революционной экспансии, отнюдь не исключавший военную агрессию, совершенно несовместимый с многочисленными заявлениями советского правительства о намерении прекратить враждебные действия, направленные против капиталистических стран, и перейти к установлению с ними дипломатических и экономических отношений. На первом заседании избранного конгрессом Исполкома Коминтерна (ИККИ) был утвержден состав этого органа, в который от России вошли шесть человек, в том числе Троцкий [704]. Он участвовал в некоторых заседаниях ИККИ и выступал на них. Свою речь 21 ноября 1920 г. Троцкий посвятил политике Коммунистической рабочей партии Германии и отколовшейся от германской компартии левой группы, которая была им обвинена в недоверии пролетарским массам и в путчизме [705]. Троцкий конечно же не предполагал, что именно эти критикуемые им в 1920 г. левые радикалы после высылки Троцкого из СССР станут главной его опорой в Европе.

Взгляды на международное рабочее движение и пути завоевания власти Троцкий выразил в ряде статей, а затем в небольшой книге «Терроризм и коммунизм». И статьи, и книга были написаны в 1919 – 1920 гг., в основном в поезде наркома, поздними вечерами и ночью, когда он был в состоянии чуть отвлечься от текущих дел [706]. В основном эти публикации содержали язвительную критику центристских и «оппортунистических» тенденций в западноевропейском социалистическом движении. Среди них заслуживает быть отмеченной опубликованная в начале 1920 г. в журнале «Коммунистический Интернационал» статья «Жан Лонге» [707], проникнутая непримиримостью к этому французскому социал демократу – внуку К. Маркса, стоявшему на пацифистских позициях и с этой точки зрения выступавшему в поддержку Советской России. Ленину статья Троцкого настолько понравилась, что после ее публикации он счел излишним отвечать на полученное от Лонге письмо с «жалобами и нападка» на большевистский режим [708].

Что же касается работы Троцкого «Терроризм и коммунизм», то это был ответ на книгу под тем же названием – «Терроризм и коммунизм» – авторитетнейшего теоретика социализма, лидера германского и международного социалистического движения Карла Каутского [709], с которым Троцкий ранее не был близок, но к которому относился вплоть до 1917 г. с глубоким почтением. Каутский выступил решительным обвинителем большевистского режима, убедительно показал аморальные и антидемократические методы, внутренне свойственные новой российской власти, что с наибольшей яркостью проявилось, по мнению Каутского, в красном терроре. «Поводом к этой книге послужил ученый пасквиль Каутского того же наименования», – отвечал Троцкий, и далее буквально рекой лились разглагольствования по поводу «содействия мировым душителям социалистической России», «политического рутинерства» и «подлого тупоумия».

Пытаясь ответить на обвинения вполне справедливые, хотя подчас даже смягченные, то ли из за ограниченной информации, то ли из за характера Каутского – очень осторожного и непредвзятого в своих суждениях, Троцкий прибегал к псевдотеоретическим разглагольствованиям, которые можно свести к следующим положениям: цели и средства не связаны нераздельно друг с другом, вследствие чего различные классы могут использовать одни и те же средства (например, террор) для достижения совершенно разных целей; социализм не может быть достигнут без революционного насилия, а значит, тот, кто стремится к социализму, неизбежно будет использовать террор; все правительства прибегают к насилию для удержания власти, и любая революция использует насильственные средства для свержения предыдущих властителей; террор в России был развязан не большевиками, а контрреволюционерами, следовательно, красный террор был только ответом на белый террор [710].

Все эти аргументы, позже бесчисленное количество раз использованные большевистскими теоретиками и практиками для оправдания кровавых репрессий, включая и сталинский Большой террор, в конечном итоге, если отвлечься от словесной мишуры, сводились к главному – во имя туманного, а точнее говоря, утопического счастливого завтра допустимы любые, самые злодейские преступления сегодня. Террор из средства постепенно становился самоцелью. Этот коммунистический, классовый, а потому безнравственный подход к этике Троцкий сохранил в течение всей своей жизни и на закате ее вновь попытается выступить, в несомненно более мягкой форме, с псевдотеоретической защитой своих взглядов, полемизируя не со скончавшимся в 1938 г. Каутским, а с крупнейшим американским философом Джоном Дьюи [711].

Сталин прочитал книгу Троцкого очень внимательно и, несмотря на плохие отношения с Троцким, похвалил его работу. Это была единственная книга Троцкого, которая вызвала у Сталина чувство удовлетворения. Прочитанный Сталиным экземпляр был испещрен одобрительными пометками. На полях можно было встретить многочисленные подчеркивания и замечания: «так», «метко», «в этом вся суть». Жирной чертой Сталин обвел слова о том, что революционное государство пролетариата невозможно без партии с непререкаемой внутренней дисциплиной. Слова о безграничном господстве и непререкаемой дисциплине, заметил один из историков, «одинаково ласкали тогда слух как Троцкого, так и Сталина» [712]. Особенно Сталину понравился вывод о том, что партия может осуществить революционное господство пролетариата без блоков с другими социалистическими партиями [713]. Как и все большевистское руководство, Троцкий стоял за жесткую однопартийную диктатуру. Пока же Каутский достойно ответил Троцкому в работе «От демократии к государственному рабству» [714], знакомство с которой, безусловно, предостерегло некоторых западных левых от вступления в коммунистические партии своих стран. Оправдывая и превознося большевистский террор в России, Троцкий конечно же сослужил не лучшую службу делу международного коммунизма.

Глава 5 На фронтах гражданской войны

1. Свияжск и юг

Только что сформированный поезд Троцкого прибыл на станцию Свияжск в полусотне километров от Казани 10 августа 1918 г. Явно преувеличивая трагизм ситуации, собственную роль в этом эпизоде истории и стратегическое положение станции, Троцкий позже писал: «В течение месяца здесь решалась заново судьба революции. Для меня этот месяц был великой школой» [715]. Впрочем, последнее было верно. Троцкому действительно приходилось многому учиться. Он не мог не понимать, что был одним из виновников вооруженного выступления чехословацких легионеров, ибо по требованию Германии отдал приказ об их разоружении и об остановке эвакуации корпуса из России. По существу, приказ Троцкого от 24 мая был провокационный и ответом на него могло быть только восстание чехословаков, которым просто больше и делать ничего не оставалось. В приказе указывалось, что «каждый чехословак, который будет найден вооруженным на жел[езно]дор[ожной] линии, должен быть расстрелян на месте» [716].

Уже тогда максималистская политика Троцкого была подвергнута критике некоторыми здравомыслящими большевиками. Красин писал в августе 1918 г.: «Самое скверное – это война с чехословаками и разрыв с Антантой. Чичерин соперничал в глупости своей политики с глупостями Троцкого, который сперва разогнал, расстроил и оттолкнул от себя офицерство, а затем задумал вести на внутреннем фронте войну» [717]. Под «отталкиванием» офицерства Красин имел в виду весь комплекс советской политики, направленный на демобилизацию армии, уничтожение военной дисциплины, сговор с внешними врагами России...

Прибыв в Свияжск, нарком сразу же начал с крутых репрессивных мер. Он отстранил от должности командира бронепоезда А. Попова за оставление позиции без боя, объявив об этом специальным приказом. Вслед за пробным сравнительно умеренным жестом последовали новые, более суровые кары, в том числе активизация работы революционных трибуналов, которые к этому времени были созданы во всех армиях, как правило, выносили смертные приговоры. «Нельзя строить армию без репрессий, – писал Троцкий. – Нельзя вести массы людей на смерть, не имея в арсенале командования смертной казни. До тех пор, пока гордые своей техникой, злые бесхвостые обезьяны, именуемые людьми, будут строить армии и воевать, командование будет ставить солдат между возможной смертью впереди и неизбежной позой» [718].

Иными словами, Троцкий сформулировал идею заградительных отрядов. Решение о создании «крепких заградительных отрядов из коммунистов и вообще боевиков» было

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.o
принято еще до отъезда Троцкого в Свияжск. Но Троцкий опасался, что отряды эти будут недостаточно тверды. «Добер русский человек, на решительные меры революционного террора его не хватает», – говорил он тогда в беседе с Лениным [719]. Тем не менее заградительные отряды были образованы – сначала на Восточном фронте, а затем и на других новых фронтах, и Троцкий первым из большевистских руководителей стал заниматься именно тем, в чем цинично упрекал «бесхвостых обезьян» – строил Красную армию и воевал, предоставляя советским бойцам выбор между возможной смертью в бою с врагом и неизбежной казнью в случае бегства с поля боя.

За теорией последовала практика. Выдвинутый на фронт свежий полк из необученных и насильственно призванных в армию красноармейцев, не без основания полагавших, что их посылают на верную гибель в качестве пушечного мяса, вместе с командиром и комиссаром снялся с позиций, захватил стоявший на Волге пароход и уже готовился к отплытию, чтобы сдаться белым, когда красным с огромным трудом удалась пароход остановить и добиться капитуляции незадачливых дезертиров. Сформированный Троцким трибунал приговорил командира и комиссара полка к расстрелу. Вслед за этим была проведена «децимация» – полк построили, заставили рассчитаться и расстреляли каждого десятого [720].

30 августа последовал новый приказ о расстреле еще 20 дезертиров. «В первую голову расстреляны те командиры и комиссары, которые покинули вверенные им позиции. Затем расстреляны трусливые лжецы, прикидывавшиеся больными», – говорилось в этом весьма показательном документе [721]. Троцкий наводил порядок не убеждением в справедливости дела революции, как он пытался это сделать в своих статьях и докладах, а угрозами и смертной казнью. Бойцы шли в бой, опасаясь не только за свою жизнь, но и за жизнь своих близких, понимая, что террор, именуемый «красным», начинает разворачиваться и в тылу против тех, кого посчитают предателем.

Прибывший вместе с Троцким в Свияжск известный большевистский деятель член ВЦИК С.И. Гусев (Я.Д. Дабкин) вспоминал позже, что состояние Красной армии на Восточном фронте было ко времени приезда Троцкого до предела плачевным: «Неверие в свои силы, отсутствие инициативы, пассивность во всей работе и отсутствие дисциплины сверху донизу». По словам Гусева, приезд Троцкого способствовал решительному повороту в положении дел. «Прежде всего это сказалось в области дисциплины. Жесткие методы тов. Троцкого для этой эпохи партизанщины, недисциплинированности и кустарнической самовлюбленности были прежде всего и наиболее всего целесообразны и необходимы. Уговором ничего нельзя было сделать, да и времени для этого не было. И в течение тех 25 дней, которые тов. Троцкий провел в Свияжске, была проделана огромная работа, которая превратила расстроенные и разложившиеся части 5 й армии в боеспособные и подготовила их к взятию Казани» [722].

В то же время нарком не считал методы террора и устрашения единственно приемлемыми. Троцкий начал широко применять методы агитационно психологического воздействия на толпу малограмотных и запуганных красноармейцев, а также псевдоматериальные стимулы. При посещениях частей красноармейцев выстраивали шпалерами (шеренгами войск по пути следования ответственного лица), наркома встречали криками «ура» и исполнением «Марсельезы» («Интернационал» еще в моду не вошел). В обязательный ритуал входило фотографирование. Иногда местные воинские начальники ухитрялись даже найти киноаппараты и запечатлеть встречу Троцкого на пленку. При посещениях частей неизменно проводились митинги, на которых Троцкий выступал весьма эмоционально, неординарно, доходчиво. Это всегда была чистейшей воды демагогия, но она, как правило, бойцов впечатляла. При посещении одной из частей под Самарой Троцкий вывел из шеренги случайно попавшегося ему на глаза красноармейца и заявил во всеуслышание: «Брат! я такой же, как ты. Нам с тобой нужна свобода – тебе и мне. Ее дали нам большевики. А вот оттуда, – и он сделал неопределенный жест рукой в предполагаемую сторону, где находился противник, – сегодня могут прийти белые офицеры и помещики, чтобы нас с тобой превратить в рабов». Естественно, этот дешевый лицемерный прием, но он не мог не запомниться простым красноармейцам.

Троцкий возил с собой мешки с бумажными деньгами (точнее, даже не деньгами, а некими суррогатами денег – государственными кредитными билетами 1918 г., а затем расчетными знаками 1919 г., часто имевшими вид почтовых марок, украшенных гербом РСФСР) для награждения красноармейцев. На раздаваемые им «деньги» можно было в лучшем случае купить несколько пачек махорки, но и это как то ценилось, а главное, важен был сам факт раздачи неких денежных сумм от имени Троцкого [723].

Узнав о том, что Троцкий обещал денежные награды частям, которые первыми войдут в Казань и Симбирск, Ленин телеграфировал наркому в Свияжск, что согласен с этой инициативой. В другой телеграмме говорилось: «Не жалеете денег на премии» [724]. Не забудем – абсолютно обесцененных денег.

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.

Уже очень хорошо зная цену тем большевистским крикунам карьеристам, которые совершенно не умели и не желали совмещать слово и дело (сам он также был крикуном, но, в отличие от многих других, деловым), Троцкий в одном из писем Ленину из Свияжска требовал: «Коммунистов направлять сюда таких, которые умеют подчиняться, готовы переносить лишения и согласны умирать. Легковесных агитаторов тут не нужно». Любопытно, что в этом же письме был особый пункт: «Направьте в Свияжск один хороший оркестр музыки» [725]. Оркестр, видимо, действительно прислали, и он исполнял «Марсельезу» и другие торжественные гимны и марши, прежде всего при появлении и при проходах Троцкого. Проведя несколько дней в Москве в связи с произошедшим покушением на Ленина, Троцкий возвратился на Восточный фронт, руководство которым к этому времени по его распоряжению было существенно реорганизовано. Был образован штаб фронта с оперативным, разведывательным, контрразведывательным отделами, отделом перевозок и другими подразделениями и службами по образцу регулярных армейских формирований западноевропейских стран. Особое внимание уделялось пропаганде в рядах противника и агитации среди местного населения. «Нужно эту войну сделать популярной, – писал Троцкий в Москву. – Нужно, чтобы рабочие почувствовали, что это наша война. Пошлите сюда корреспондентов, Демьяна Бедного, рисовальщиков» [726].

Как то Троцкому принесли обращение видного эсеровского деятеля В. Лебедева, члена образованного в Самаре антисоветского Комитета членов Учредительного собрания (КОМУЧ). В обращении содержался призыв к красноармейцам переходить на сторону Комитета: «Ваши проклятые комиссары с Лениным и Троцким во главе ведут вас против всего народа, против ваших же братьев». В ответ Троцкий написал обращение «Из за чего идет борьба?», по содержанию своему и стилю очень напоминавшее процитированный документ Лебедева, но, естественно, с прямо противоположной направленностью. Троцкий уверял, что Казань скоро будет «вырвана из рук контрреволюции и чехословацких банд». Он клеймил «наемников иностранного капитала» и уверял население, что помещикам не будет позволено отнять землю у крестьян, а «выродкам романовской династии захватить в свои руки власть». Вместе с приказом «Казань должна быть взята» [727] обращение сравнительно широко распространялось в самом городе и его окрестностях, для чего был даже использован присланный в распоряжение Троцкого аэроплан – один из первых, оказавшихся на вооружении Красной армии.

9 сентября Казань была осаждена, но Троцкий медлил со штурмом города. Он понимал, что уличные бои приведут к большому числу жертв среди мирного населения и разрушению города. Троцкий не хотел рисковать и не хотел нести бессмысленные потери. Он выжидал, хотя со взятием Казани его неоднозначно торопил Ленин, причем намекал, что жаждет расправы и большой крови. 7 сентября он телеграфировал Троцкому в Свияжск: «Выздоровление идет превосходно. Уверен, что подавление казанских чехов и белогвардейцев, а равно поддерживающих их кулаков кровопийцев, будет образцово беспощадное» [728]. Но Троцкий выжидал. 10 сентября он получил новую шифрованную телеграмму от суетящегося председателя Совнаркома: «Удивлен и встревожен замедлением операции. По моему, нельзя жалеть города и откладывать дальше, ибо необходимо беспощадное истребление, раз только верно, что Казань в железном кольце» [729].

Пожелание «беспощадного истребления» взятых в кольцо жителей города и солдат противника – было очень по ленински. Ленин проявлял особую заинтересованность во взятии Казани и торопил со штурмом города еще и потому, что ошибочно считал, будто в городе находится золотой запас России, вывезенный в 1917 г. на восток по решению Временного правительства. Советские власти не знали тогда, что после занятия города белыми золото было перевезено из Казани в Омск, в распоряжение сибирского правительства адмирала А.В. Колчака (позже золото перевезут в Иркутск; часть его будет передана зарубежным банкам в обеспечение кредитов на закупку оружия для антибольшевистских армий; судьба остальной части золотого запаса останется неизвестной). Но вместо штурма Троцкий обратился к жителям Казани с требованием покинуть город на несколько дней и прежде вывести из города детей [730].

Правда, в телеграмме Ленину Троцкий писал, что предположение, будто он щадит Казань, действительности не соответствует: «Артиллеристы противника лучше наших. Отсюда затычка. Сейчас, благодаря значительному перевесу сил, надеюсь на скорую развязку» [731]. Лев Давидович хитрил, чтобы Ильич не заподозрил его в мягкотелости. Тем не менее 11 сентября Казань была занята частями Красной армии без сопротивления, и в тот же день Троцкий выступил в городском театре с большой речью [732], посвященной в основном жесткой полемике с защитниками идеи Учредительного собрания. Оратор обрушивался на правительство стран Антанты, поддерживавшие как выступление чехословаков, так и восстание в России демократической власти. Он весьма оптимистично описывал создание крепкой Красной

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.o
армии, «которая растет не по дням, а по часам», и выражал уверенность в скором занятии Симбирска, Самары и других приволжских городов. В тот же день Троцкий послал Ленину телеграмму, полную гордости, чувства правоты и удовлетворенного честолюбия по поводу успешных результатов операции под Казанью и того военно-политического курса, который он проводил в вооруженных силах: «Сейчас, когда Казань в наших руках и в городе царит безукоризненный порядок, считаю долгом с новой силой подтвердить то, о чем докладывал в начале операции под Казанью. Солдаты Красной армии в подавляющем своем большинстве представляют превосходный боевой материал. Неудачи прошлых месяцев происходили из-за отсутствия надлежащей организации. Сейчас, когда организация сложилась в бою, наши части дерутся с несравненным мужеством» [733] .

Троцкий осуществлял общее руководство боевыми операциями против А.В. Колчака на Восточном фронте в 1918 – 1919 гг., против А.И. Деникина на Южном фронте в 1919 г., против Н.Н. Юденича [734] в том же году, против польской армии маршала Ю. Пилсудского [735] в 1920 г. Подробно описывать деятельность Троцкого на фронтах Гражданской войны в эти годы – значит пересказать историю самой Гражданской войны, которой и в политическом и в военном отношении руководил Троцкий. На протяжении всей Гражданской войны он пытался самыми суровыми средствами вести борьбу против халатности, небрежности, неразберихи, продолжавшей, несмотря на объявление страны военным лагерем и вытекавшие отсюда репрессивные меры, проявляться как в центре, так и на местах. Нарком проявлял жестокость, которая могла бы считаться оправданной, если бы речь шла об обороне страны и ее выживании в условиях агрессии со стороны внешнего противника. Но в данном случае на весах истории взвешивалось совершенно другое – шла жестокая и в то же время неоправданная, нелепая из всех возможных гражданская война, в которой подчас родные братья, отцы и сыновья оказывались по разные стороны фронтовой линии. Жестокость Троцкого не была вызвана и по этой причине не могла быть оправдана жизненными потребностями народа и страны. Троцкий воевал за утопию, которую воздвиг себе сам и в которую фанатично верил. В то же время само положение Троцкого в качестве наркомвоенмора предопределяло тот факт, что его действия были значительно более заметны и замечаемы, нежели репрессивные действия других большевистских руководителей, хотя подчас и они не оставались незамеченными. Еще в октябре 1918 г. он направил в Тамбовскую губернию телеграмму о борьбе с такой специфической формой крестьянского протеста, как уклонение от призыва в Красную армию. На сельские Советы возлагалась обязанность не только задерживать дезертиров, но и доставлять их в штаб соседней дивизии или полка. Дезертир, оказывавший сопротивление, подлежал расстрелу на месте [736] . Согласно приказу от 24 ноября те, кто самовольно оставлял боевой пост, подговаривал других к отступлению, дезертирству, невыполнению боевого приказа, кто бросал винтовку или продавал оружие, обмундирование или оборудование, кто укрывал дезертиров, подлежали расстрелу. В тексте приказа не фигурировали даже революционные трибуналы. Речь шла о самосуде. По приказу Троцкого в прифронтовой полосе продолжали формироваться заградительные отряды, в основном из коммунистов. В их задачи входило «ловить» дезертиров, а также «убеждать» красноармейцев не покидать боевых позиций. Однако те, кто оказывал заградительным отрядам малейшее сопротивление, тоже подлежали расстрелу [737] .

Троцкий не только декларировал на уровне приказов, но и настаивал на практическом применении своих указаний об арестах членов семей офицеров в случае «измены» советской власти. 2 декабря 1918 г. он телеграфировал члену Реввоенсовета и члену Военно-революционного трибунала С.И. Аралову [738] : «Мною был отдан приказ установить семейное положение командного состава из бывших офицеров и сообщить каждому под личную расписку, что его измена или предательство повлечет арест его семьи... С того времени произошел ряд фактов измены со стороны бывших офицеров, но ни в одном из этих случаев, насколько мне известно, семья предателя не была арестована, так как, по видимому, регистрация бывших офицеров вовсе не была проведена. Такое небрежное отношение к важнейшей задаче совершенно недопустимо» [739] .

Нельзя сказать, что карательные санкции были для Троцкого самоцелью. В конце 1918 – начале 1919 г., когда части Красной армии добились серьезных успехов на юге в борьбе против казачьих сил генерала Краснова, в среде казачества наметилась серьезная тенденция прекратить боевые действия и разойтись по домам. Троцкий считал целесообразным воспользоваться этим. 10 декабря, находясь в Воронеже, он написал обращение «Слово о казаках и к казакам». Он призывал донское казачество порвать с Красновым и вернуться к мирному труду, для чего сдаваться в плен Красной армии. «Казак, который добровольно сдаст свою винтовку, получит в обмен обмундирование или 600 рублей денег», – говорилось в этом примечательном документе, в котором также содержалось обращение к патриотическим чувствам «обманутых офицеров» [740] .

Однако это, по видимому, искреннее стремление Троцкого добиться ликвидации «Донской Вандеи», как часто называли Область Войска Донского по аналогии с французской провинцией эпохи революции 1789 – 1799 гг., ставшей базой роялистских восстаний, было сорвано. Распоряжение Троцкого отпустить по домам сдавшихся в плен казаков вызвало недовольство в Москве. Председатель ВЦИКа Свердлов 15 декабря телеграфировал начальнику политотдела Южного фронта И.И. Ходорковскому: «Немедленно организуйте концентрационные лагеря. Приспособьте какие либо шахты, копи для работы в них пленных и содержания их в качестве таковых». Вслед за этим только что созданное Организационное бюро ЦК РКП(б) утвердило 24 января 1919 г. циркулярное письмо ЦК об отношении к казакам, которое предусматривало фактическое «рассказачивание»: «Необходимо, учитывая опыт гражданской войны с казачеством, признать единственно правильной беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления». Этот документ требовал не только «провести массовый террор против богатых казаков», но и «беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью». Предписывалось конфисковывать хлеб, переселять на казачьи земли пришлую бедноту, провести разоружение казаков и расстреливать каждого, у кого будет обнаружено оружие после указанного срока сдачи [741]. Неудивительно, что после этого казачьи восстания, чуть было притормозившиеся, возобновились с новой силой, а казачьи подразделения стали одной из опор армии генерала Деникина. Сам же Троцкий предстал в глазах казаков откровенным провокатором.

Для большевистской власти в годы Гражданской войны исключительно важным было обеспечение единого руководства и командования вооруженными силами тех территорий, которые были объявлены советскими республиками, но формально сохраняли независимость. В наибольшей степени это касалось Украины, но проблема распространялась также на Белоруссию, Прибалтику и Закавказье. Первоначально власти этих советских республик воспринимали независимость буквально. В Украине, например, началось формирование собственной Красной армии. Троцкий был решительным противником таких юридических тонкостей и формальностей. По его настоянию 4 мая 1919 г. было принято постановление ЦК РКП(б) «О едином командовании над армиями как России, так и дружественных социалистических республик» [742], которое устанавливало строжайшее единовластие и армейский централизм. Одновременно была разослана директива ЦК «О военном единстве» – о расформировании созданного ранее Украинского фронта, части которого были влиты в 12 ю и 14 ю армии РСФСР, и полном объединении вооруженных сил России, Украины, Латвии, Литвы и Белоруссии.

Троцкого серьезно беспокоило повстанческое анархо коммунистическое движение, которое развивалось в различных районах Украины, но прежде всего в юго восточной ее части, где действовали отряды под руководством Н.И. Махно [743], сосредоточившиеся вокруг местечка Гуляйполе. Махно сотрудничал с Красной армией, был даже назначен командиром бригады и за успехи в боях награжден орденом Красного Знамени. Но Махно стремился сохранять относительную самостоятельность и выполнять только те приказы и распоряжения, которые он и его штаб считали правильными и приемлемыми. Между Махно и командирами Красной армии то и дело происходили конфликты, разрывы и новые примирения. Троцкий вынужден был временами считаться с анархистским лидером, имея в виду немалую ударную силу его подвижных отрядов, которые впервые эффективно опробовали тачанки – конные повозки, оснащенные пулеметами. В то же время нарком пытался вначале приструнить махновцев более или менее мирными средствами. Однако в газете «В пути», которую посылали и в дивизию Нестора Ивановича, Троцкий подчас срывался. Махно и его соратники были глубоко возмущены статьей наркома «Махновщина: Против кого же восстанут махновские повстанцы?», появившейся в конце мая. В ней утверждалось, что Махно открывает новый фронт против советской власти (что не соответствовало действительности), а сам батька объявлялся заговорщиком и организатором мятежа. 3 июня 1919 г. Троцкий издал приказ, направленный Реввоенсовету 2 й Украинской армии, в котором потребовал «разрушения военной организации махновцев» не позднее 15 июня, запретил выдачу денег, боевых припасов и вообще какого бы то ни было военного имущества штабу Махно «под страхом строжайшей ответственности». Приказ завершался словами: «Ликвидация махновщины должна быть проведена со всей решительностью и твердостью и без проволочек и колебаний» [744]. В беседе с представителями харьковских газет, проведенной в поезде наркома 4 июня 1919 г., Троцкий говорил о своем намерении «оздоровить» правый фланг Донецкого фронта путем упразднения гуляйпольской «анархореспублики», установления единства власти, «единства армии, ее методов управления, аппарата командования». Заявляя, что командование не разрешит намечаемый в Гуляйполе съезд представителей пяти уездов, он не просто с раздражением, но в весьма угрожающем тоне утверждал, что «в борьбе с деникинцами мы не потерпим в ближайшем тылу, а тем более на самой

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.o

линии фронта, никаких элементов дезорганизации и распада» [745] , хотя со стороны Махно речь шла о скромной попытке реализации права местного самоуправления, не направленного против существующей советской власти. Рассматривая назначенный съезд как антисоветское собрание, Троцкий запретил его созыв. 8 июня последовал приказ наркома под названием «Конец махновщине». Чувствуя неблагоприятное для себя соотношение сил, Махно фактически пошел на капитуляцию. Он отказался от командования своей дивизией (по существу дела, предав верных ему командиров и помощников), о чем написал Троцкому и другим руководящим советским деятелям: «Настоятельно прошу освободить меня от занимаемого мною поста начдивизии Первой повстанческой украинской советской дивизии и прислать специалиста для принятия от меня всех отчетов» [746] . В ответ по приговору чрезвычайного военно-революционного трибунала Донецкого бассейна, которым руководил бывший председатель Временного революционного рабоче-крестьянского правительства Украины Г.Л. Пятаков, по совершенно неосновательному обвинению в измене были расстреляны заместитель начальника штаба Махно Михалев Павленко, помощник начальника штаба по оперативной части Бурлыга, командир особого полка имени батьки Махно Коровко и другие соратники гуляйпольского анархиста [747] .

Разумеется, репрессивные меры против повстанческих частей Махно Троцкий не без основания мотивировал неотложными задачами становления регулярной и дисциплинированной Красной армии, борьбой против партизанщины. Но в данном случае положение было особое – за Махно шли массы крестьян. Сам он был таким же догматиком революционером, что и Троцкий, только другой идеологической выделки и не с таким опытом руководства. Нарком рассматривал махновщину как пережиток партизанщины и отказа от подчинения воинской дисциплине, фактически ставя «гуляйпольскую республику» на один уровень с тем военно-политическим курсом, который проводили К.Е. Ворошилов [748] и некоторые другие военачальники из рабочих, не имевшие военного образования и подготовки, при прямом подстрекательстве Сталина. В докладе на собрании партийных работников Пензы 29 июля 1919 г. Троцкий почти открыто намекал на это: «Если на последнем партийном съезде» – имелся в виду VIII съезд РКП(б) – «было сравнительно большое количество противников нашей военной системы, то я не сомневаюсь, что на следующем съезде оно сведется к нулю, ибо опыт показал, что есть две военные системы: одна – наша, одобренная и проводимая Центральным комитетом, другая – Григорьева [749] и Махно, которая нас так подкузьмила на правом фланге. Никакой третьей системы нет, никто ее не выдумал и выдумать не мог» [750] .

Тем не менее в начале 1920 г. с Махно было достигнуто очередное перемирие. Он продолжал руководить своими конными частями, получившими теперь наименование Революционной повстанческой армии Украины. Однако летом 1920 г. по приказу, согласованному с Троцким, по этим отрядам внезапно и предательски Красной армией был нанесен удар. «Зарвавшиеся властители комиссары ставят интересы партии выше интересов революции» [751] , – написал на это Махно в своей последней телеграмме председателю Совнаркома Украины Раковскому – и бежал за границу. Нельзя не отметить, что, не будучи особо рьяным защитником нации, к которой он сам принадлежал, считая себя интернационалистом, Троцкий решительно боролся против антисемитских погромов, которые подчас учиняли части Красной армии, особенно конница Буденного, а также «красные казаки». И. Бабель [752] свидетельствовал, что после одного из погромов «300 казаков, наиболее активных участников погромов, были по распоряжению Троцкого расстреляны» [753] . Сама цифра расстрелянных – 300 казаков, – возможно, является преувеличением. Но факт расстрелов за участие в погромах очевиден.

В борьбе с пьяными дебошами, грабежами, насилиями и другими бесчинствами, творимыми частями Красной армии, нарком пытался предпринимать меры – от жестокого внушения до расстрелов. Характерна секретная телеграмма Троцкого от 29 сентября 1919 г., направленная в штабы армий: «Жалобы на бесчинства эшелонов и злоупотребления военных властей не прекращаются. Считаю безусловно необходимым положить конец бесчинствам и насилиям со стороны недисциплинированных частей. На станциях нередко не хватает силы для обуздания насильников. Необходимо наказывать виновных на месте их пребывания, т. е. в штабах собственных армий. Ни одно бесчинство не должно быть оставлено безнаказанным. Ответственность возлагается на реввоенсоветы армий» [754] .

Так в Гражданской войне во имя власти правившей партии и ее лидеров, во имя единоначалия с целью обеспечения победы в Гражданской войне и сохранения большевистского режима проливались все новые потоки крови. Человеческая жизнь полностью обесценилась. Во имя грядущего весьма сомнительного всемирного коммунистического рая гибли и страдали миллионы людей, которым этот рай был совершенно безразличен и которые в условиях революции и войны думали только о

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.
пропитании и выживании – своем и своих семей.

2. Царицынский конфликт

Из многочисленных событий и эпизодов Гражданской войны, в которых принимал участие Троцкий, заслуживает особого внимания «царицынский эпизод», в ходе которого возник и затем разросся и усилился конфликт со Сталиным, переросший в конце концов во взаимную смертельную ненависть. Вполне естественно, имея в виду особенности прихода Троцкого в стан большевиков из среды «полуоппортунистов», его характер, манеры поведения и общения, положение Троцкого как наркома иностранных дел и наркомвоенмора – вся его деятельность в годы Гражданской войны влекла за собой череду всевозможных конфликтов и столкновений с другими большевистскими лидерами. Конфликты были связаны с самыми разнообразными вопросами, но в центре их, как правило, стояла проблема использования старых военных специалистов, ставшая нарушением одного из основных догматов марксистской теории о классовой вражде и ненависти.

К концу Гражданской войны из вовлеченных в войну бывших царских офицеров в Красной армии служили около 43% старого офицерского состава, в Белой гвардии – 57%. Из наиболее подготовленной части офицерского корпуса – офицеров Генерального штаба – в Красную армию пошли 639 человек (в том числе 252 генерала), к белым – 750 [755]. Этот весьма значительный для большевиков положительный результат был достигнут, однако, через борьбу с теми, кто открыто или тайно хранил верность партизанской, полуанархистской линии, не доверял офицерскому корпусу, видел в нем опасных для себя соперников и «классовых врагов», готовых при первых благоприятных условиях перебежать в стан противника. Последнее, надо сказать, действительно происходило не так уж редко.

В вопросе об использовании военных специалистов Ленин первоначально занимал колеблющуюся позицию. В августе 1918 г. он сообщил Троцкому о том, что получил предложение «одного из видных членов партии» (речь шла о Ю. Ларине) о замене всех офицеров Генерального штаба, привлеченных в Красную армию, коммунистами. Со стороны председателя Совнаркома это, скорее всего, было лишь прощупыванием позиции Троцкого. Телеграммой из Свяжска от 23 августа наркомвоенмор ответил резко отрицательно. «Сжатие всей военной верхушки, удаление балласта необходимо – путем извлечения работоспособных и преданных нам генштаб[ист]ов, отнюдь не путем их замены партийными невеждами», – возражал нарком. Свою телеграмму он завершал так: «Больше всего вопят против применения офицеров либо люди панически настроенные, либо стоящие далеко от всей работы военного механизма, либо такие партийные военные деятели, которые сами хуже всякого саботажника: не умеют ни за чем присмотреть, сатрапствуют, бездельничают, а когда проваливаются, взваливают вину на генштабистов» [756].

Вряд ли Троцкий уже в этом документе имел в виду конкретно Сталина и его окружение, но дальнейшее развитие конфликта показало, что Троцкий, сам того не подозревая, описал наркома по делам национальностей, присвоившего себе военные функции.

Первый серьезный конфликт Троцкого со Сталиным возник как раз в связи с событиями в районе Царицына. Во второй половине 1918 г. это был второстепенный участок Южного фронта, хотя он был важен с точки зрения снабжения хлебом и другими видами пропитания центральных районов страны. Царицын, однако, приобрел несоразмерную важность в связи с тем, что сюда для решения продовольственного вопроса был направлен Сталин в качестве «общего руководителя продовольственным делом на юге России». Сталин, однако, расширил свои полномочия еще и на военную сферу, получив в этом поддержку Ленина.

Во второй половине июля, когда в Царицын прибыл Сталин, антибольшевистские казачьи части под командованием генерала Краснова, ставшего атаманом войска Донского, находились в 40 – 50 километрах от города и непосредственно ему угрожали. Для отражения казаков еще в мае 1918 г. был образован Северокавказский военный округ, военным руководителем которого был назначен бывший генерал лейтенант А.Е. Снесарев [757], перешедший на сторону большевиков и теперь привлекавший в войска опытных старых офицеров и, в соответствии с прямыми указаниями Троцкого, боровшийся с партизанщиной и создававший регулярные воинские части. Сталин упорно добивался (и в конце концов добился) отстранения Снесарева и отозвания его в Москву.

Не имевший военной подготовки и не знавший военного дела, Сталин начал вмешиваться в решение оперативно тактических вопросов и искать виновных отступления красноармейских частей. Он приписал нескольким офицерам сознательное вредительство и приказал арестовать всех сотрудников артиллерийского управления штаба округа, а сам штаб ликвидировать. Все арестованные были посажены на баржу, которую предполагалось затопить в назидание остальным офицерам. Правда,

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.o
начальник штаба А.Л. Носович [758] и новый военный руководитель А.Н. Ковалевский [759] вскоре были освобождены, но остальных оставили на барже, после чего баржа была затоплена. Высшая военная инспекция республики, проверявшая позже обвинение офицеров в заговоре, ничего преступного в их поведении и действиях не нашла [760]. Носович же, ранее добросовестно служивший в Красной армии, после истории с казнью офицеров бежал к белым, где рассказал о случившемся [761]. Троцкий знал, что Сталин пользуется известной поддержкой Ленина за свою «способность нажимать» [762], и вынужден был с этим считаться. По согласованию с Лениным он направил Сталину телеграмму, требуя «навести порядок, объединить отряды в регулярные части, установить правильное командование, изгнав всех неповинующихся». Но действия Сталина в Царицыне носили противоположный характер. Сталин поощрял самоуправство комиссаров и, что Троцкому было особенно ненавистно, партизанские настроения местных руководителей. Особенным доверием и покровительством Сталина пользовались Буденный и Ворошилов. Климент Ефремович Ворошилов руководил Луганским социалистическим отрядом, который смог пробиться к Царицыну. За это Ворошилова назначили командующим 5 й армией, а затем членом Военного совета Северо Кавказского военного округа. Он привлек внимание Сталина «чистотой» своих большевистских взглядов, которые сочетались с полным отсутствием военного опыта и полководческого таланта. Семен Михайлович Буденный, унтер офицер во время мировой войны, в феврале 1918 г. сформировал конный отряд, который начал военные действия против белых. Отряд вырос в полк, затем в дивизию. Хотя подразделение Буденного и обладало определенными боевыми качествами, в нем царили недисциплинированность, пьянство и мародерство. В отличие от Ворошилова Буденный был неплохим тактиком, но мыслить в масштабе сражений и тем более операций был не в состоянии. Зато он сблизился со Сталиным, который поощрял партизанщину в его частях. Нельзя сказать, что Сталиным не привлекались к сотрудничеству военные специалисты. Но там, где Троцкий был склонен приписывать использованию военспецов победы на фронте, Сталин списывал на спецов военные поражения. В этом плане показательна его телеграмма Ленину от 7 июля 1918 г.: «Спешу на фронт. Пишу только по делу. 1) Линия южнее Царицына еще не восстановлена. Гоню и ругаю всех, кого нужно, надеюсь, скоро восстановим. Если бы наши военные «специалисты» (сапожники!) не спали и не бездельничали, линия не была бы прервана, и если линия будет восстановлена, то не благодаря военным, а вопреки им» [763]. Через несколько дней Сталин, все более раздражаясь, жаловался председателю Совнаркома на наркомвоенмора уже в очень грубых и наглых тонах: «Если Троцкий будет, не задумываясь, раздавать направо и налево мандаты... то можно с уверенностью сказать, что через месяц у нас все развалится на Северном Кавказе... Вдолбите ему в голову... Для пользы дела мне необходимы военные полномочия. Я уже писал об этом, но ответа не получил. Очень хорошо. В таком случае я буду сам, без формальностей свергать тех командармов и комиссаров, которые губят дело... Отсутствие бумажки от Троцкого меня не остановит» [764]. Военным руководителем на Северном Кавказе и в районе Царицына стал Сталин. Видимо, он чувствовал себя в этой должности, в которую он сам себя произвел, достаточно уверенно. Виновником развала в Красной армии он считал исключительно политику Троцкого в отношении военных специалистов, о чем постоянно доносил Ленину. 4 августа Сталин писал: «Положение на юге не из легких. Военсовет получил совершенно расстроенное наследство, расстроенное отчасти инертностью бывшего военрука, отчасти заговором привлеченных военруком лиц в разные отделы Военного округа. Пришлось начинать все сызнова... Положительной стороной Царицынско гашунского фронта [765] надо признать полную ликвидацию отрядной неразберихи и своевременное удаление так называемых специалистов (бывших сторонников отчасти казаков, отчасти англо французов)» [766]. Преследование офицеров в Царицыне и использование только наиболее покорных из них показало Троцкому, что без четкого разграничения функций командиров и комиссаров их взаимоотношения не удастся нормализовать. 5 августа, то есть на следующий день после рапорта Сталина Ленину, последовал достаточно литературный по форме приказ Троцкого, в котором, в частности, говорилось: «1) Комиссар не командует, а наблюдает, но наблюдает зорко и твердо. 2) Комиссар относится с уважением к военным специалистам, добросовестно работающим, и всеми средствами советской власти ограждает их права и человеческое достоинство. 3) Комиссар не покоряется по пустякам, но когда бьет, то бьет наверняка. 4) Дальнейшее нарушение этих указаний повлечет за собой суровые кары. 5) За перелеты тушинских воров [767] на театре военных действий комиссары отвечают головой» [768]. Под «перелетами тушинских воров» Троцкий подразумевал переход на сторону противника солдат и офицеров Красной армии (прежде всего – военспецов, бывших царских офицеров).

Однако конфликт между Сталиным и Троцким в вопросе о военспецлах не утихал. 17

сентября Реввоенсовет образовал Южный фронт и назначил его командующим бывшего генерал-лейтенанта П.П. Сытина [769]. Однако Сталин и Ворошилов это решение опротестовали и заявили о своем намерении создать собственный военный центр, считая наиболее целесообразной «в настоящий момент коллегиальную форму правления фронтом и коллегиальное решение всех оперативных вопросов» [770]. Своей собственной волей Сталин отстранил от руководства войсками командующего Южным фронтом. Троцкий был возмущен. 2 октября он телеграфировал в Арзамас, где в это время происходило переформирование Реввоенсовета республики: «Завтра выезжаю на Южный фронт, где отношения ненормальны... Я приказал Сталину, Минину [771] немедленно прибыть в Козлов и конструировать Реввоенсовет Южного фронта». В свою очередь в телеграмме царицынцам Троцкий писал: «Неисполнение в течение 24 часов этого предписания заставит меня предпринять суровые меры» [772]. На свою сторону Троцкий смог на этот раз привлечь Ленина. В тот же день, 2 октября, конфликтную ситуацию рассмотрел ЦК РКП(б). Свердлову было поручено вызвать Сталина к «прямому проводу» и разъяснить ему, что подчинение Реввоенсовету республики абсолютно необходимо. Переговоры по прямому проводу состоялись [773], но Сталин не сдавался. Он затеял переписку, всячески тянул время. 3 октября он направил телеграммы в ЦК и отдельно Ленину (назвав его «председательствующим ЦК партии коммунистов»). Основным направлением атаки Сталина снова стал вопрос о военных специалистах. Первую телеграмму подпisał Сталин. Вторую – Сталин и Ворошилов: «Мы получили телеграфный приказ Троцкого... Считаем, что приказ этот, писанный человеком, не имеющим никакого представления о Южном фронте, грозит отдать все дело фронта и революции на Юге в руки генерала Сытина, человека не только не нужного на фронте, но и не заслуживающего доверия и потому вредного... Необходимо обсудить в ЦК партии вопрос о поведении Троцкого, третирующего виднейших членов партии в угоду предателям из военных специалистов и в ущерб интересам фронта и революции. Поставить вопрос о недопустимости издания Троцким единоличных приказов... Пересмотреть вопрос о военных специалистах из лагеря беспартийных контрреволюционеров... Троцкий может прикрываться фразой о дисциплине, но всякий поймет, что Троцкий не Военный революционный совет республики, а приказ Троцкого – не приказ Реввоенсовета республики. Приказы только в том случае имеют какой-нибудь смысл, если они опираются на учет сил и знакомство с делом... Выполнение приказов Троцкого считаем преступным, а угрозы Троцкого недостойными».

Сталин и Ворошилов настоятельно требовали пересмотра политики использования военных специалистов [774]. Любопытно, что, составляя свое собрание сочинений после Второй мировой войны, Сталин решил это письмо в него не включать, хотя оно уже было опубликовано в 1940 г., а «антигерой» письма генерал Сытин был расстрелян за два года до этого.

3 октября Сталин послал Ленину еще одно очень грубое письмо с кляузой на Троцкого: «В общем дело обстоит так, что Троцкий не может петь без фальцета, действовать без крикливых жестов, причем я бы ничего не имел против жестов, если бы при этом не страдали интересы общего всем нам дела. Поэтому прошу, пока не поздно, унять Троцкого и поставить его в рамки, ибо боюсь, что сумасбродные приказы Троцкого внесут разлад между армией и командным составом и погубят фронт окончательно» [775].

Сталин, таким образом, объявлял Троцкому войну. Оставалось принять вызов, что наркомвоенмор и сделал, обратившись к Ленину с письмом от 4 октября. «Категорически настаиваю на отзывании Сталина, – писал он, едва сдерживая одолевавшие его чувства. – На царицынском фронте неблагополучно, несмотря на избыток сил. Ворошилов может командовать полком, но не армией [в] пятьдесят тысяч солдат. Тем не менее я оставляю его командующим десятой Царицынской армией на основании подчинения командарму Южной [то есть командующему Южным фронтом] Сытину. Для дипломатических переговоров времени нет. Царицын должен либо подчиниться, либо убраться. У нас колоссальное превосходство сил, но полная анархия в верхах» [776].

Из этого текста отчетливо видно, в каком крайне раздраженном состоянии находился Троцкий. Он не выбирал слов, просто путался, полностью господствовали эмоции, приводившие к явным логическим нелепостям, вроде выражения «Царицын должен убраться». Аналогичную телеграмму Троцкий послал Свердлову. Последний 5 октября потребовал от Сталина, Ворошилова и Минина подчиниться наркомвоенмору и не осложнять положения внутренними конфликтами. В тот же день Сталин выехал в Москву, предварительно послав Свердлову ответ. Из ответа следовало, что Троцкий поставил Сталина на место: «Разговор с Троцким был очень краток, намеренно оскорбителен, по логическому содержанию непонятен, разговор оборван Троцким» [777].

Ленин, чей авторитет в партии был существенно подорван защитой Брестского мира, был крайне не заинтересован в усилении позиций и влияния наркомвоенмора и

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.o

председателя РВС республики Троцкого. Именно по этой причине в конфликте Троцкого и Сталина, вопреки тому, на что рассчитывал Троцкий, но на что в глубине души надеялся Сталин, Ленин поддержал наркомнаца. 8 октября Сталин был возведен в ранг члена Реввоенсовета республики [778], которым руководил конфликтующий со Сталиным Троцкий, что не могло не быть воспринято наркомвоенмором как личное оскорбление. В связи с приказом Троцкого отстранить Ворошилова и члена Царицынского РВС С.К. Минина Сталин 9 октября сообщил им, что «ездил к Ильичу», который «взбешен и требует перерешения в той или иной форме... По моему, можно решить вопрос без шума, в рамках сложившихся формальностей». Ворошилову и Минину Сталин советовал тем временем действовать «как вам подскажет ваша совесть и целесообразность» [779]. Ворошилов начал действовать «по совести». В ответ Троцкий 11 октября телеграфировал Свердлову, что тот инициативы не проявляет, мелочен и бездарен [780].

Свердлов стремился во что бы то ни стало и Сталина оставить на месте, и добрые отношения с Троцким сохранить. При этом Троцкий не знал о тех доносах, которые Сталин посылал председателю Совнаркома, а Сталин – о возмущенных телеграммах наркомвоенмора Ленину. Свердлов же пробовал усмирить одного и умиротворить другого. 23 октября он телеграфировал Троцкому о «новой» позиции Сталина, который будто бы готов к конструктивному сотрудничеству с Троцким: «Сегодня приехал Сталин, привез известия о трех крупных победах наших войск под Царицыном... Сталин очень хотел бы работать на Южном фронте; выражает большое опасение, что люди, мало знающие этот фронт, наделают ошибок, примеры чему он приводит многочисленные. Сталин надеется, что ему на работе удастся убедить в правильности его взглядов, и не ставит ультиматума об удалении Сытина и Мехоношина, соглашаясь работать вместе с ними в Ревсовете Южного фронта, выражая также желание быть членом Выс[шего] Военсовета Республики. Сообщая Вам, Лев Давидович, обо всех этих заявлениях Сталина, я прошу Вас обдумать их и ответить, во первых, согласны ли Вы объяснить лично со Сталиным, для чего он согласен приехать, а во вторых, считаете ли Вы возможным на известных конкретных условиях устранить прежние трения и наладить совместную работу, чего так желает Сталин. Что же меня касается, то я полагаю, что необходимо приложить все усилия для налаживания совместной работы со Сталиным» [781].

Конфликт с Троцким Свердлов объяснял не разногласиями по вопросу о партизанщине и военных специалистах, а существом дела, в частности перебоями в снабжении боеприпасами: «Сталин убедил Ворошилова и Минина, которых считает очень ценными и незаменимыми работниками, не уходить и оказать полное подчинение приказам центра; единственная причина их недовольства, по его словам, крайнее опоздание и неприсылка снарядов и патронов, от чего также гибнет двухсоттысячная и прекрасно настроенная Кавказская армия» [782].

Можно полагать, что в течение некоторого времени Сталин действительно стремился наладить с Троцким дружественные отношения и даже искал его покровительства, разумеется не оставляя планов переиграть ненавистного ему в глубине души наркомвоенмора [783]. Перемирие, однако, длилось недолго, ибо Троцкий смотрел на Сталина сверху вниз, хотя и старался не демонстрировать этого особенно откровенно, а Сталин вскоре прервал перемирие и перешел к новому раунду конфронтации. Он принадлежал к числу тех деятелей, которые обладали не только бесспорными организационными способностями, но и мастерством «жесточкого интригана», который, по словам одного из исследователей, мог функционировать лишь в «обстановке искусственного разжигания конфликтов, столкновений между собой различных группировок и отдельных лиц, в насаждавшейся им атмосфере всеобщей подозрительности, гонений и сведения счетов, то есть в условиях своего рода перманентного осадного положения» [784].

При прямом или косвенном покровительстве Сталина, отозванного в конце концов с Южного фронта, но полностью сохранившего свои партийные и правительственные позиции, вновь развернулись нападки на военных специалистов. 25 декабря 1918 г. в центральной партийной газете «Правда» появилась статья близкого к Сталину и Ворошилову члена ВЦИК А.З. Каменского [785] «давно пора» [786] (в 1920 г. Каменский станет заместителем наркома по делам национальностей). В статье осуждалось использование военных специалистов как «николаевских контрреволюционеров». Хотя фамилия Троцкого в статье не упоминалась, в ней содержались почти прямые выпады против него, причем главным обвинением были указания на расстрелы «лучших товарищей». В качестве примера, правда, приводился только один случай – расстрела комиссара Пантелеева.

Троцкий кипел негодованием. Он написал статью «Преступная демагогия», в которой ставил вопрос расширительно – о выступлениях в печати против использования военных специалистов. «Чистейшей ложью является утверждение, – говорилось в статье, – будто на Южном фронте командный состав «пачками» перебегает к неприятелю... Случаи измены и предательства командного состава исчисляются

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.о

единицами, в то время как случаи геройской гибели в бою лиц командного состава насчитываются сотнями» [787] . Это была достойная защита Троцкий офицеров от большевистских догматиков. Но в центральной печати статью наркомвоенмора и председателя РВС не поместили; он был вынужден довольствоваться публикацией в своей собственной малотиражной газете «В пути» и в виде отдельной листовки, которая тоже была отпечатана в поезде и распространялась на местах, хотя читатели на местах посвящены в тонкости спора между Сталиным и Троцким по вопросу об использовании военспецов не были.

Понимая, что статья Каменского явно инспирирована Сталиным [788] , Троцкий 25 декабря ответил еще и обширным, внешне сдержанным, но по существу дела гневным письмом в ЦК [789] . Опровергая утверждения Каменского, он просил, наряду с конкретным расследованием обстоятельств дел, о которых упоминалось в этой статье, «заявить во всеобщее сведение о том, является ли политика военного ведомства» и Троцкого его «личной политикой, политикой какой либо группы или же политикой нашей партии в целом». На этот раз, действуя по принципу разделяй и властвуй, Ленин поддержал Троцкого. Не откладывая дела в долгий ящик, председатель Совнаркома в тот же день созвал ЦК, который принял постановление «О политике военного ведомства» [790] , написанное, как видно по содержанию и стилю, самим Троцким. Здесь подчеркивалась ошибочность мнения, «будто политика военного ведомства есть продукт личных воззрений отдельных товарищей или отдельной группы», и указывалось, что она ведется «на точном основании директив, даваемых партией в лице его Центрального комитета и под его непосредственным контролем». Иначе говоря, постановление включало то положение письма Троцкого, на котором он настаивал. Более того, ЦК объявил выговор Каменскому за его газетную статью, но предусмотрительно не упомянул то лицо, которое было инициатором этого провокационного выступления в «Правде», – Сталина, хотя в постановлении содержался намек на его поведение: «наиболее ответственным и опытным» партийным работникам напоминалось, что политика военного ведомства ведется под непосредственным контролем ЦК.

Через две недели Троцкий написал еще одно письмо, на этот раз председателю ВЦИКа Свердлову и в редакции «Правды» и «Известий» – по поводу предъявленных ему Каменским обвинений в расстреле комиссара 2 го Петроградского полка Пантелеева. Это был тот самый комиссар полка, который действительно был расстрелян по приказу Троцкого под Свияжском вместе с командиром и каждым десятком красноармейцем. Обратим внимание на то, что в числе обвинений Каменского не было упоминаний о массовых казнях офицеров и рядовых красноармейцев. Упомянулся только свой классово близкий комиссар Пантелеев. Остальные расстрелы в вину Троцкому не ставились, как не ставились в вину Сталину и утопленные в баржах. Ленин снова поддержал Троцкого. Он ответил запиской, которая, по существу дела, давала наркомвоенмору всю полноту власти не только в решении военных вопросов, но и в расправе с неудобными ему лицами: «Зная твердый характер распоряжений тов. Троцкого, я настолько убежден, в абсолютной степени убежден, в правильности, целесообразности и необходимости для пользы дела даваемого тов. Троцким распоряжения, что поддерживаю это распоряжение целиком». Записка была написана на бланке председателя Совнаркома, причем в самой нижней части бланка, как бы давая тем самым Троцкому возможность использовать верхнюю часть листа для своих собственных распоряжений [791] . Позже Ленин неоднократно возвращался к мерам Троцкого по наведению порядка в Красной армии, каждый раз похвалюно о них отзываясь. В докладе на I съезде трудовых казаков 1 марта 1920 г. (этот съезд был создан после того, как казачество было отчасти «умиротворено» карательными кровавыми акциями) Ленин полностью поддержал деятельность Троцкого по введению «железной дисциплины, которая проводится беспощадными мерами» [792] .

Комментируя записку Ленина о своем «твердом характере» (в «Полное собрание сочинений» Ленина записку не включили), Троцкий в мемуарах писал: «Для применения репрессий мне не нужно было никаких дополнительных полномочий. Заявление Ленина не имело ни малейшего юридического значения. Это демонстративное выражение полного и безусловного доверия к мотивам моих действий предлагалось исключительно для партии и по существу было направлено против закулисной кампании Сталина. Прибавлю, что я ни разу не делал из этого документа никакого употребления» [793] .

Ленинский документ был свидетельством продолжавшейся политической игры Ленина на конфликтах Сталина с Троцким, только на этот раз чаша весов явно склонялась в пользу Троцкого. С другой стороны, и эта сторона дела была неразрывно связана с первой, Ленин начинал во все большей степени ощущать опасность для партийного руководства и лично для себя так называемой «военной оппозиции», которая складывалась в кругах средних и низших партийных кадров и действий которой могли привести к опасным для большевистской власти последствиям. Троцкий видел причины возникновения «военной оппозиции» в явном противоречии между классовым подходом,

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.o
который включал изгнание офицеров из армии и расправу с ними (что было одним из элементов большевистской политики), и приглашением военспецов в качестве инструкторов, а затем и командиров новой армии. «Еще не отзвучали проклятия по поводу старой дисциплины, как уже мы начинали вводить новую» [794], – писал Троцкий.

Ленин сначала терпимо относился к раздражению значительной части партийных кадров против военспецов, так как не представлял себе масштабов этой проблемы. Троцкий вспоминал, что в начале 1919 г. во время очередного приезда в Москву он встретился с Лениным на одном из заседаний. Последний буквально ошарашил Троцкого запиской, в которой содержался вопрос: «А не прогнать ли нам всех специалистов поголовно и не назначить ли Лашевича главнокомандующим?» Можно полагать, что Ленин своим вопросом провоцировал Троцкого, проверял его позицию. Но последний отнесся к вопросу вполне серьезно и раздраженно ответил: «Детские игрушки». После заседания беседа главы правительства и наркомвоенмора продолжилась. Троцкий, по его словам, укоризненно заявил Ленину: «Вы спрашиваете, не лучше ли прогнать всех бывших офицеров. А знаете ли вы, сколько их теперь у нас в армии?» Ленин ответил отрицательно. «Не менее тридцати тысяч», – заявил Троцкий. «К а ак?» – удивился Ленин. «Не менее тридцати тысяч, – повторил Троцкий. – На одного изменника приходится сотня надежных, на одного перебежчика два три убитых. Кем их заменить?» [795]

В появившейся почти сразу же после названного разговора брошюре «Успехи и трудности Советской власти» Ленин уже вполне определенно писал: «Когда мне недавно тов. Троцкий сообщил, что у нас в военном ведомстве число офицеров составляет несколько десятков тысяч, тогда я получил конкретное представление, в чем заключается секрет использования нашего врага: как заставить строить коммунизм тех, кто является его противниками, строить коммунизм из кирпичей, которые подобраны капиталистами против нас! Других кирпичей нам не дано!» [796] Разговоры о непростых взаимоотношениях между Лениным и Троцким просачивались в самую глубину общественного мнения, причем представители различных социальных слоев толковали сообщения со своих позиций. В феврале 1919 г., незадолго до очередного партийного съезда, Троцкий и Ленин решили опровергнуть слухи. Сначала Троцкий поместил 7 февраля в «Известиях» «Письмо к красноармейцам середнякам» о том, что эти слухи являются «самой чудовищной и бессовестной ложью, распространяемой помещиками и капиталистами или их вольными или невольными пособниками». 15 февраля одновременно в «Правде» и «Известиях» появился ленинский «Ответ на запрос крестьянина». Речь шла о распространявшихся слухах, будто Ленин и Троцкий не просто не ладят, а между ними есть крупные разногласия «как раз насчет середняка». Ленин полностью подтверждал заявление Троцкого: «Никаких разногласий у нас с ним не имеется, и относительно крестьян середняков нет разногласий не только у нас с Троцким, но и вообще в коммунистической партии, в которую мы оба входим» [797]. Эти тексты должны были послужить важным сигналом для делегатов созываемого VIII съезда партии, на котором предстояло обсуждение и отношения партии к среднему крестьянству, и военного вопроса.

VIII партийному съезду, открывшемуся 18 марта 1919 г., предшествовала неожиданная и загадочная смерть Свердлова, скончавшегося, как официально было сообщено, от испанки – свирепствовавшей в то время пандемии гриппа. Стал вопрос о новом руководителе ВЦИКа. Явная неувязка заключалась в том, что сам этот орган формально, согласно конституции РСФСР 1918 г., являлся «высшим законодательным, исполнительным и контролирующим органом» государства, но в действительности был фикцией, послушным инструментом в руках большевистских лидеров. В то же время сам Свердлов был весьма властным и влиятельным партийным и государственным деятелем, пытавшимся через ВЦИК сосредоточить в своих руках реальную власть. Временно исполняющим обязанности председателя ВЦИКа после смерти Свердлова стал М.Ф. Владимирский, врач по профессии. Он рассматривался как промежуточная кандидатура. Ленин собирался поставить во главе ВЦИКа Л.Б. Каменева, который уже возглавлял этот орган до Свердлова, что, впрочем, потенциально не исключало конфликта: Каменев, как и Свердлов, тоже мог захотеть через ВЦИК начать управлять государством. Троцкий, видя, как обеспокоен этим вопросом Ленин, цинично предложил на вакантный пост кандидатуру человека, которого можно было бы представить миру как «рабоче-крестьянского» председателя и который обладал бы еще одним, весьма полезным, качеством – не очень образованного и послушного исполнителя воли высших руководителей партии и правительства. Так среди кандидатов всплыло имя Михаила Ивановича Калинина [798], крестьянина по происхождению, рабочего по опыту работы, получившего лишь начальное образование в земском училище и занимавшего к этому времени невысокий пост комиссара городского хозяйства Северной области.

Ленин счел предложение Троцкого остроумным и, более того, согласился с тем,

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.о чтобы новому формальному главе государства, вступившему на этот пост 30 марта, был присвоен придуманный Львом Давидовичем неофициальный титул «всероссийского старосты» [799]. Так под этой кличкой (которая через несколько лет, после образования СССР, была переименована во «всесоюзного старосту») невзрачный и потому всем выгодный на своем государственном посту «Калиныч из папье маше» [800] прочно вошел в обиход советской истории, занимая фиктивную должность главы государства более четверти века, вплоть до своей смерти в 1946 г.

3. VIII партийный съезд и военная оппозиция

Такова была ситуация к тому времени, когда военный вопрос оказался одним из важнейших на VIII съезде РКП(б). Впрочем, как раз накануне открытия съезда поступило известие о том, что войска Колчака, наступавшие на Урал, нанесли красным тяжелейший удар под Уфой. В связи с этим Троцкий предложил, чтобы все военные делегаты съезда возвратились на фронт, и сам решил немедленно отправиться под Уфу, несмотря на важность предстоявших дебатов. Часть делегатов таким решением осталась недовольна: они приехали в Москву на несколько дней и, рассчитывая устроить себе небольшой отдых в столице, не хотели уезжать. Кто то даже пустил слух, что Троцкий решил всех послать на фронт, чтобы избежать дебатов о военной политике [801]. Тогда нарком предложил отменить отправку военных делегатов на фронт, но поручить доклад по военному вопросу Сокольникову (который фактически должен был зачитать текст, подготовленный Троцким [802]). Сам же наркомвоенмор немедленно отправился на Восточный фронт, в Симбирскую губернию, и в съезде участия не принимал [803]. «Я не сомневался в победе той линии, которую считал единственно правильной. Центральный комитет одобрил внесенные мною заранее тезисы и назначил официальным докладчиком Сокольникова» [804], – писал Троцкий.

На съезде почти не было выступлений, в которых не упоминалась бы деятельность военного ведомства и, естественно, позиция и работа его главы. Ленин в отчетном докладе в вопросе о военспецах открыто поддержал Троцкого: «Мы не сомневались, что нам придется, по выражению тов. Троцкого, экспериментировать, делать опыт» [805]. Сославшись на Троцкого, Ленин как бы одобрил позицию наркома, а она была общеизвестна – строительство регулярной дисциплинированной армии с привлечением старых военных специалистов. В этом, по мнению Ленина, и заключался «эксперимент». Касаясь проблемы о доверии старым офицерам, Ленин сказал: «Возьмем вопрос об управлении военным ведомством. Здесь без доверия к штабу, к крупным организаторам специалистам нельзя решить вопрос. В частности у нас были разногласия по этому поводу, но в основе сомнений быть не могло. Мы прибегали к помощи буржуазных специалистов, которые насквозь проникнуты буржуазной психологией и которые нас предавали и будут предавать еще годы. Тем не менее, если ставить вопрос в том смысле, что мы только руками чистых коммунистов, а не с помощью буржуазных специалистов построили коммунизм, то это – мысль ребяческая» [806].

Тема военного положения республики обсуждалась на заседании 20 марта. С докладом, как планировалось, должен был выступать Сокольников, представлявший позицию Троцкого. Предполагая, однако, бурные споры, могшие скомпрометировать ту или иную часть делегатов или же отдельных видных партийцев, слово «к порядку дня» взяла Р.С. Самойлова (Землячка) [807], дама весьма амбициозная, хотя и малокомпетентная, тем более в военных вопросах. Ее не раз направляли на тот или иной фронт для острастки и самоуверенного вмешательства, на которое она всегда была готова, а потому ее панически боялись военспецы, ибо Самойлова была склонна обвинить любого из них в контрреволюции. Самойлова предложила рассмотреть вопрос на закрытом заседании, так как «у многих делегатов есть мнения, которые могут быть высказаны только на закрытом заседании» [808]. Решено было все же заслушать сначала доклад и содоклад, а затем возвратиться к предложению Самойловой.

Сокольников в своем докладе [809] изложил тезисы уехавшего на фронт Троцкого. Были подчеркнуты успехи в строительстве армии, в частности почти полная ликвидация партизанщины, которая была базой авантюризма и склонялась «либо в сторону наглого бандитизма и мародерства, либо в сторону бонапартизма». Наибольшее внимание было уделено теме военных специалистов. Докладчик считал, что вопрос этот, по которому «было пролито немало чернил», устарел, так как даже бывшие противники применения военспецов теперь пересмотрели негативное к ним отношение. На опыте «выяснилось, что там, где военные специалисты были привлечены, где была проведена реорганизация партизанской армии в армию регулярную, там была достигнута устойчивость фронта, там был достигнут военный успех. И наоборот, там, где военные специалисты не нашли себе применения, где присланных из центра военных специалистов отсылали обратно или сажали на баржу,

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.o

как это было в Кавказской армии, там мы пришли к полному разложению и исчезновению своих армий, там их нет, они разложились на наших глазах, не вынеся первого серьезного напора со стороны врага».

Сокольников, таким образом, а через него Троцкий, бросал немалой тяжести камень в огород Сталина, ибо именно по его приказу в Царицыне была осуществлена расправа с военными специалистами, казненными на барже на Волге. Усиливая давление на сторонников Сталина, Сокольников утверждал, что заменить военных специалистов коммунистическими работниками невозможно, что строить новое можно было только в значительной степени из обломков старого. Вместе с тем он подчеркивал, что в армии есть тенденция «партийных синдикалистов», тенденция к расширению полномочий партийных организаций, которая являлась той же партизанщиной и с которой докладчик призвал вести борьбу. Он требовал и дальше решительно и твердо идти по пути создания регулярной дисциплинированной армии, которая «представляет собой государственную организацию военных сил пролетарского государства», обрушивался на военную оппозицию, подчеркивая, что ее выступления против использования бывших офицеров в Красной армии аналогичны требованиям «левых коммунистов» не привлекать инженеров на фабрики и заводы. Сокольников не преминул напомнить, что большевики выступали за выборность командного состава, когда требовалось восстановить солдат против царской армии офицеров, и на данном этапе отказывать пролетарской диктатуре в праве назначать командный состав Красной армии – значит выражать недоверие советской власти. От оппозиции с докладом выступил В.М. Смирнов – один из лидеров группы «демократического централизма», которая требовала демократизации в партии и в государственном аппарате и с которой в то время заигрывал Сталин [810]. С докладом утверждал, что буржуазным военным специалистам ни в коем случае нельзя доверять высоких командных постов, нельзя им давать право единолично решать оперативные вопросы, что их функции должны иметь лишь сугубо совещательный характер. Он резко выступил против требования недавно введенного Устава внутренней службы Красной армии к красноармейцам приветствовать военных начальников, видя в этом «пережитки самодержавно крепостнического порядка». В.М. Смирнов настоятельно требовал значительного расширения прав комиссаров, вплоть до предоставления им возможности отменять оперативные решения командного состава.

20 марта во второй половине дня начались заседания секций съезда, в том числе военной, которые продолжились и на следующий день. Заседания военной секции проводились в закрытом режиме, и протоколы их в те годы опубликованы не были. Их впервые обнародовали только в 1989 г. [811] Ситуация в Красной армии того времени в целом была описана объективно: бюрократизм и беззаконие, творимые командирами и комиссарами; нежелание крестьян, мобилизованных в армию, воевать; насилие и расправы, которые творили части Красной армии, прежде всего полупартизанские формирования, над мирным населением занятых территорий [812]. В военной секции съезда участвовало 85 человек. В выступлениях представителей военной оппозиции не было единства. Некоторые делегаты, прежде всего Сталин, выступая с критикой взглядов оппозиционеров, одновременно натравливали их на Троцкого. В его лице резко критиковались недостатки в работе центральных военных органов, пытавшихся, по мнению выступавших, свести на нет роль партийных организаций и военных комиссаров. Действительно, Троцкий своим курсом на широкое использование военспецов восстановил против себя многих коммунистов – военных работников, которые видели в политике наркомвоенмора покушение на партийную монополию и которые профессионально не могли конкурировать с бывшими царскими офицерами, получившими военное образование. Особое их возмущение вызвало неосторожное заявление Сокольникова, сравнившего претензии коммунистов на Красную армию с претензиями телеграфистов на телеграф, а железнодорожников – на железные дороги. Оно дало повод делегату от коммунистов 3 й армии Г.И. Сафарову заявить, что «это сравнение в высшей степени неудачное. Если кто имеет право на Красную армию, то это в первую очередь коммунистическая партия, ибо Красная армия является орудием советской власти, а... коммунистическая партия стоит во главе этой власти» [813].

Вынужденные согласиться с курсом Троцкого на использование старых специалистов, поддержанным Лениным, участники военной оппозиции сосредоточили пафос своей критики не на военспецов, а на требовании расширения прав комиссаров и партийных ячеек в воинских частях, ведя линию на подрыв принципа единоначалия. Эти мысли содержались в тезисах, представленных В.М. Смирновым. Но особенно усердствовал в этом отношении Ворошилов, которого все присутствовавшие воспринимали как креатуру Сталина. Не называя наркомвоенмора по имени, Ворошилов повторял анонимные обвинения, направленные, как всем было хорошо известно, против Троцкого. Утрированный вывод Ворошилова заключался в том, что «официальные руководители военного ведомства» считают, будто «коммунисты – это такой элемент,

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.o
который нужно особенно контролировать, инспектировать через посредство
военспецов, белогвардейцев» [814] .
Особого внимания заслуживают речи, с которыми в ответ выступили Ленин и Сталин.
На последовавшем после прений в военной секции закрытом заседании Ленин отвел
утверждение военной оппозиции, будто ЦК РКП(б) считает, что в военной области
все обстоит благополучно. Он заявил, однако, что за тезисами оппозиции
скрывается большая опасность, доказывал, что упреки оппозиционеров в том, что ЦК
партии не руководит военным ведомством, необоснованны. Большое внимание Ленин
уделил вопросу привлечения военспецов и необходимости использования их знаний.
«Вся ошибка оппозиции, – утверждал он, – в том то и состоит, что вы, будучи
связаны с этой партизанщиной своим опытом, будучи связаны с этой партизанщиной
теми традициями героизма, которые будут памятны, вы не хотите понять, что теперь
период другой. Теперь на первом плане должна быть регулярная армия, надо перейти
к регулярной армии с военными специалистами».
Ленин осудил действия Сталина в Царицыне, в частности казни офицеров, отверг его
утверждение, будто «политика ЦК не проводится в военном ведомстве», и выразил
особое возмущение Ворошиловым и в его лице всеми теми, кто если не на словах, то
по существу дела отказывался от использования на командных постах старых
офицеров и покровительствовал партизанщине: «Тов. Ворошилов говорит: у нас не
было никаких военных специалистов и у нас 60000 потерь. Это ужасно... Вы говорите
о том, что военные специалисты избегают, перебегают... Это все знают. Удивляюсь,
как вы смотрите на дело со своей приходской колокольни... Защищаете старую
партизанщину. Когда вы предлагаете тезисы, которые целиком направлены против
военспецов, вы нарушаете всю общепартийную тактику. В этом источник расхождения.
Но такие необоснованные обвинения, которые вы выдвигаете, говоря об установлении
самодержавно крепостнической дисциплины, никуда не годятся... Это такое отрицание
самой этой буржуазной культуры и техники, что я не знаю, что и сказать» [815] .
На закрытом вечернем заседании 21 марта Ленин делал записи, которые ярко
свидетельствуют о поддержке им курса Троцкого. Он особо выделил слова Ворошилова
о том, что Украина была якобы «занята без [воен]спецов, вопреки им, повстанцами»
и слова уральского партийного деятеля Ф.И. Голощекина [816] , что политика ЦК не
проводится, мол, военным ведомством. Впрочем, Ленин тут же сделал вывод: «Что
военспецы управляют, вот что страшно. Их надо использовать» [817] , а не
позволять управлять Красной армией. Эта ремарка Ленина была его ответом на
саркастический намек Ворошилова о том, что не комиссары в армии контролируют
офицеров, а «белогвардейцы» контролируют комиссаров в Красной армии.
Став по основному вопросу военного строительства на позицию Троцкого, Ленин, как
опытный политик, отдал дань и противоположному лагерю, но так, чтобы этот
формальный поклон был воспринят на пользу наркомвоенмора. Объявляя о значении
соблюдения воинских уставов, введения твердой и «сознательной» дисциплины, Ленин
утверждал, что борьба за ее укрепление является одной из главных задач
комиссаров, политработников и партийных организаций, подчеркивал значение
пролетарского ядра Красной армии, военных комиссаров, партийно политического
аппарата в военном обучении и политическом воспитании бойцов и командиров, явно
и умышленно не упомянув участия комиссаров и партийных работников в
непосредственном руководстве военными действиями.
Почувствовав, куда дует ветер, Сталин в речи по военному вопросу отказался от
поддержки партизанщины и высказался за строго дисциплинированную регулярную
армию. Как будто забыв тот курс, который он упорно проводил в Царицыне, Сталин
утверждал теперь прямо противоположное: «факты говорят, что добровольная армия
не выдерживает критики, что мы не сможем оборонять нашу Республику, если не
создадим другой армии, армии регулярной, проникнутой духом дисциплины, с хорошо
поставленным политическим отделом, умеющей и могущей по первому приказу встать
на ноги и идти на врага» [818] . Сталин вообще не упомянул о проблеме военных
специалистов и своим призывом строить регулярную армию как будто мирился с их
привлечением.
Троцкий так определял позицию Сталина: «По отношению к военной оппозиции Сталин
держал себя совершенно так же, как по отношению к оппозиции Зиновьева, Каменева
в предоктябрьский период или по отношению к примиренцам в 1912 – 13 году. Он не
солидаризовался с ними, но он поддерживал их против Ленина и стремился найти в
них опору» [819] .
21 марта состоялось пленарное заседание съезда, на котором за основу были
приняты «тезисы ЦК», то есть тезисы Троцкого. На следующий день были подведены
итоги обсуждения вопроса о военной политике. Для подготовки окончательного
текста резолюции, которая была принята «за основу», образовали комиссию, в
которую вошли Зиновьев, Сталин и питерский делегат Б.П. Позерн [820] «от
большинства», Е.М. Ярославский и Г.И. Сафаров – «от меньшинства». Этот факт, в
свою очередь, свидетельствует о тактической хитрости Сталина, сумевшего в нужное

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.о

время не только перекинуться на сторону большинства, в которое входил еще и не присутствовавший на съезде Троцкий, но представить себя в качестве одного из его рьяных сторонников и пробиться в комиссию по выработке окончательного текста резолюции как сторонник Троцкого. После согласования поправок за резолюцию Троцкого проголосовали 174 делегата. Против – 95. Такие итоги, однако, не удовлетворили руководство партии, и 22 марта была избрана согласительная комиссия. 23 марта Ярославский доложил съезду, что комиссия внесла новые поправки и дополнения в принятые съездом за основу тезисы. По существу, это означало капитуляцию меньшинства. Ярославский призвал «голосовать всех делегатов единодушно за те решения, которые наметили в согласительной комиссии». Резолюция по военному вопросу при вторичном голосовании была принята съездом единогласно при одном воздержавшемся [821].

Сам Троцкий прислал с фронта раздраженное письмо в ЦК по поводу уступок в согласительной комиссии, но очевидно, что раздражение было наигранным, ставившим цель закрепить успех. Троцкий буквально издевался над этими уступками, например о пункте, в котором требовалось «урегулирование работы Реввоенсовета Республики», Троцкий писал: «Товарищи, возбуждающие нарекания в этом смысле, не раз требовали, чтобы я лично, как председатель Реввоенсовета, не разъезжал по фронтам, а сидел в центре. Имела ли комиссия Съезда в виду этот способ урегулирования? Так ли понимает вопрос ЦК?» Еще более характерной была реплика Троцкого по поводу решения провести опрос работников фронта о знаках отличия командного состава. По всей видимости, согласительная комиссия, пояснил Троцкий, вообще не владела вопросом: «У нас вовсе нет знаков отличия командного состава. У нас есть знаки отличия вообще. Один и тот же знак для красноармейца, комиссара, командира» [822].

Съезд, таким образом, полностью одобрил курс Троцкого, который был объявлен «ленинской политикой в военном вопросе». После нескольких политических поражений, главным из которых было его устранение из международного ведомства в связи с подписанием Брестского мира, принятие VIII партсъездом резолюции Троцкого по военному вопросу [823] явилось в полном смысле слова торжеством наркомвоенмора и его триумфальным возвращением на политическую сцену большевизма. О победе Троцкого свидетельствовало и то, что с этого дня Ленин, весьма часто бросавшийся из стороны в сторону в других вопросах, продолжал энергично поддерживать курс Троцкого на использование старых военных специалистов (правда, сопровождая эту поддержку словами о необходимости подготовки новых, «большевистских» командных кадров, против чего, разумеется, не возражал и Троцкий) [824].

Свой конфликт с наркомвоенмором во время Гражданской войны, свою фактическую капитуляцию на VIII съезде партии злопамятный Сталин хорошо запомнил. Именно стычки 1918 – 1920 гг. создали тот фундамент враждебности, на который наслаивались последующие расхождения и столкновения. 7 ноября 1937 г. на обеде у Ворошилова Сталин стал философствовать о том, «почему мы победили над Троцким», который как «известно... после Ленина, был самый популярный в нашей стране». «Троцкий считал, – сказал Сталин, – что не середняк решает вопрос войны и победы, а отборные генштабисты. А фактически было так, что эти генштабисты ушли к Каледину, Деникину, Врангелю [825], Колчаку, а у нас остались унтер офицерские кадры и подпрапорщики, которые имеют громадный опыт военного и хозяйственного строительства». Через три года, принимая у себя дома высшую советскую номенклатуру, Сталин вновь заявил, что Троцкий держался за старых офицеров, специалистов, которые часто изменяли: «В[ладимир] И[льич] вначале был склонен думать, что я отношусь наплевательски к специалистам. Он вызвал меня в Москву. Троцкий и Пятаков старались доказать это и заступались за двух специалистов, снятых мною. Как раз в этот момент получилось сообщение с фронта, что один из них предал, а другой – дезертировал. Ильич, прочитав эту телеграмму, изобличил Т[роцкого] и Пятакова, признал правильность наших действий» [826].

В данном случае интересно не то, что Сталин лгал, извращая историю, а то, что эта ложь свидетельствовала об имеющемся у Сталина чувстве неполноценности по отношению к Троцкому, несмотря на то что Сталин находился в тот момент на самой вершине власти, а Троцкий в момент первого рассказа – в изгнании, а ко времени второго – в могиле.

После VIII съезда партии 25 марта 1919 г. ЦК выделил из своей среды постоянно действующий орган – Политбюро, которое фактически стало высшей государственной, партийной и правительственной инстанцией, управляющей страной. В состав Политбюро первого состава вошли Ленин, Троцкий, Каменев, Сталин и Крестинский. Когда Троцкий находился в Москве, он неизменно активно участвовал в заседаниях Политбюро, вносил свои предложения, запросы, кандидатуры на партийные и государственные посты. На заседании 18 апреля 1919 г. из семи вопросов пять рассматривались по его инициативе, в том числе и частный вопрос о члене

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.o
Реввоенсовета 2 й армии Штернберге, который «сильно харкает кровью и нуждается в отпуске на юг» [827] . На ряде заседаний Политбюро рассматривались его телеграммы с фронта. Так, 6 августа 1919 г. была заслушана телеграмма о необходимости «радикальной чистки тыла в Киеве, Одессе, Николаеве и Херсоне ввиду полной невозможности формирования и создания армии при том бандитизме, который идет на Украине» [828] .

Троцкий участвовал и в подготовке новой программы партии, ориентированной на всемирную социалистическую революцию. Эта программа была утверждена VIII съездом. Будущее показало всю нереальность, а значит – утопичность упований на мировую революцию. Но в то время многие большевики верили в скорую или конечную победу коммунистических сил за пределами Советской России. Коммунистические партии за рубежом призваны были всячески разжигать социальный взрыв в своих странах. В СССР партия была сориентирована на то, чтобы при помощи военных и карательных средств, экономического террора и политического пропанды и агитации внутри страны выстоять до прихода помощи абстрактно и умозрительно понимаемого европейского пролетариата. Это и была концепция перманентной революции в действии, нашедшая в этот период выражение в политике военного коммунизма, организации трудовых армий и милитаризации всей страны, проводимой Троцким и полностью поддержанной Лениным.

4. Восточный и Южный фронты

Военные действия 1919 г., по существу, были заключительным актом Гражданской войны. Антибольшевистским генералам и политикам не удалось объединить вокруг себя массы населения; в среде их руководящих организаций и органов шли непрекращающиеся дебаты, иногда сменявшиеся государственными переворотами (например, переворотом Колчака, установившим военную диктатуру в Сибири). Что касается стран Антанты, оказывавшей некоторую поддержку белым, то носила она спорадический и неорганизованный характер, принимая чаще всего форму ограниченных поставок средств ведения войны. Десанты английских и французских войск на севере, японских и американских войск на Дальнем Востоке не могли кардинально повлиять на ход военных действий и смену режима в стране, так как иностранные отряды не планировали свергать советскую власть, а решали местные тактические задачи. Пресловутая формула о «трех походах Антанты» на Советскую Россию, фигурировавшая в сталинском «Кратком курсе истории ВКП(б)», была сильным преувеличением.

Основными врагами, против которых вела войну большевистская Россия, были войска Чехословацкого корпуса и адмирала А.В. Колчака на Востоке, генерала А.И. Деникина на Юге и Н.Н. Юденича под Петроградом. В 1920 г., когда все эти вооруженные силы были уже разбиты, в течение нескольких месяцев шли военные действия против Польши, войсками которой командовал маршал Пилсудский. Затем из Крыма сравнительно легко была выбита армия генерала П.Н. Врангеля. Однако существенной опасности для власти большевиков ни Польша, ни Врангель не представляли, хотя поражение Красной армии под Варшавой летом 1920 г., вошедшее в военную историю как «чудо на Висле», не только сорвало планы экспорта революции в Европу, но и позорным пятном легло на репутацию Красной армии. На протяжении 1919 – 1920 гг. Троцкий продолжал осуществлять общее военно-политическое руководство боевыми операциями, неоднократно вступая в столкновения и противоречия как с высшими партийными иерархами, так и с военными руководителями на фронтах. Среди них были и военные специалисты, в том числе самого высокого ранга. Добившись признания их статуса со стороны самой высокой партийной инстанции, каковой являлся VIII партийный съезд, Троцкий теперь мог чувствовать себя значительно свободнее в конкретных фронтовых коллизиях и мог обращаться с генералами как их вышестоящий начальник. «Было четыре случая стратегических разногласий, которые захватили центральный комитет, – писал Троцкий через десять с лишним лет. – Иначе сказать, разногласий было столько, сколько было главных фронтов» [829] . Документы по истории Гражданской войны подтверждают правдивость этого заявления.

Первый крупный спор разгорелся по поводу того, какому фронту отдать предпочтение летом 1919 г. К этому времени войска Колчака были остановлены на Урале. Опасность прорыва сибирской армии в центральную часть России, которая возникла в марте 1919 г. и которая предопределила срочный отъезд Троцкого на фронт и его неучастие в VIII партсъезде, была ликвидирована. В этих условиях главком Вацетис считал целесообразным перебросить значительную часть войск с Восточного фронта на юг, где укреплялась и закрепляла свои позиции в контакте с командованием казачьих частей Добровольческая армия Деникина. Это намерение, однако, наткнулось на недовольство командующего Восточным фронтом С.С. Каменева. Сергей Сергеевич Каменев, родившийся в 1881 г., бывший полковник царской армии,

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.o
имел большой боевой опыт. Окончив Академию Генерального штаба в 1907 г., он занимал различные командные должности в войсках. Во время мировой войны Каменев сначала командовал полком, а затем стал начальником штаба стрелкового корпуса. После Октябрьского переворота он перешел на сторону большевиков и служил в Красной армии, занимая высокие посты. В сентябре 1918 г. был назначен командующим Восточным фронтом [830].
Каменев вступил с казавшимся почти всесильным главкомом Вацетисом в спор. Изначально Троцкий занял нейтральную позицию. Он подчеркивал важность Восточного фронта, просил прислать туда подкрепления. В телеграмме Раковскому, который в 1919 г. занял пост председателя Совнаркома Украины, заместитель Троцкого Склянский, заручившись также подписью Ленина, 20 апреля отмечал почти тройное превосходство артиллерии в армии Колчака и просил экстренно сформировать несколько батарей для Восточного фронта [831].
Иная ситуация сложилась к концу мая. Все еще соглашаясь с тем, что Колчак «является главой контрреволюции», как он писал Склянскому 1 июня, и что Восточный фронт продолжает сохранять решающее значение, нарком выражал согласие с выдвинутой Вацетисом идеей о необходимости наметить «стратегическую линию обороны», до которой следует вести наступление на этом фронте, ибо «ясно, что до Владивостока мы дойти сейчас не сможем» [832] (и действительно тогда не дошли). В мае – июне между Вацетисом и Каменевым борьба по вопросу о степени важности фронтов только усилилась. Перевес был не на стороне Вацетиса. В то время как партийные контролеры – члены Военного совета при главнокомандующем Вацетисе – часто менялись и даже не успевали сформировать свои взгляды на проблему, приставленные к С.С. Каменеву партийные представители Смилга и Лашевич (тот самый, которого Ленин однажды собирался сделать главкомом), обладая некоторыми военными знаниями, приобретя немалый боевой опыт, были полностью на стороне своего командующего фронтом Каменева. Последнего поддержал еще и Сталин, ранее посланный вместе с Дзержинским на Восточный фронт для расследования причин поражения Красной армии под Пермью.
Троцкий, который к этому времени сосредоточил основное внимание на Южном фронте, мог оказывать Вацетису только общую поддержку, не имея возможности следить за нюансами происходившего соперничества. Тот факт, что Сталин был на стороне С.С. Каменева, подталкивал Троцкого во всех случаях в сторону Вацетиса [833], и он стал склоняться к мнению, что Южный фронт становится несравненно важнее, нежели Восточный. Насколько сложным для самого Троцкого был выбор, засвидетельствовали мемуары, в которых даже много лет спустя Троцкий так и не смог ответить себе на вопрос, какой же из фронтов был самым важным: «Я считал уже тогда Южный фронт несравненно более серьезным и опасным, чем Восточный. Это подтвердилось впоследствии полностью. Но в оценке армии Колчака правота оказалась на стороне командования Восточного фронта» [834]. Кто же был прав в завязавшемся споре? Получалось, что и те и другие.
На чисто военный вопрос снова наложился партийно аппаратная интрига. 15 июня 1919 г. ЦК РКП(б) вынес решение «О Ставке», направленное против главного командования и Вацетиса, а тем самым, косвенно, против Троцкого. Троцкий со свойственным ему жаром возражал против этого решения на стадии разработок и обсуждения и даже в своем письме приклеил ему несколько литературных эпитетов: «причуды, озорство и т. п.». Тогда вскипел Ленин, вставший в споре на сторону С.С. Каменева и Сталина. Он обратился в ЦК с письмом: «Тов. Троцкий ошибается: ни причуды, ни озорства, ни каприза, ни растерянности, ни отчаяния, ни «элемента» сих приятных (Троцким с ужасной иронией бичуемых) качеств здесь нет. А есть то, что Троцкий обошел: большинство Цека пришло к убеждению, что ставка «вертеп», что в ставке неладно, и в поисках серьезного улучшения, в поисках средств коренного изменения сделан определенный шаг. Вот и все» [835].
Абсолютно неожиданно для Троцкого дело приняло серьезный оборот, и ему пришлось ретироваться и оправдываться. Решение ЦК он признал правильным. На смену Вацетиса С.С. Каменевым он был согласен [836]. Под давлением Ленина 3 июля 1919 г. было принято постановление ЦК по военным вопросам, которое по всем пунктам означало поражение Троцкого [837]. Оно предусматривало перенос полевого штаба Реввоенсовета из Серпухова, где чины РВС чувствовали себя независимыми, в Москву, под бдительный партийный контроль [838]. Главкомом назначался С.С. Каменев. Снятому с этой должности Вацетису предполагалось дать почетное военное назначение с приличным окладом. РВС был реорганизован. Из старого состава оставлены были Троцкий, как председатель, и Склянский, как его зам. Остальные шесть человек, набранные Троцким, были изгнаны. Новыми членами РВС стали главком С.С. Каменев, известный умеренный большевик А.И. Рыков, которого Троцкий считал полуменьшевиком и к которому относился враждебно (Рыков к тому же любил выпить [839], что Троцкий не терпел). В РВС были введены также связанные с Каменевым политработники Восточного фронта Гусев и Смилга. Зиновьеву, к которому Троцкий

относился с холодным презрением, считая его карьеристом и паникером, поручалось подготовить проект письма ЦК к военным комиссарам, правда предварительно обсудив текст с Троцким. А Троцкий совместно со Смилгой должен был составить проект инструкции о правах и обязанностях политических комиссаров в армии [840]. Голосование этой резолюции проводилось в отсутствие Троцкого, так как он, поняв, что вопрос о снятии Вацетиса и назначении Каменева предрешен, написав заявление об уходе в отставку с поста председателя Реввоенсовета, покинул заседание. Несколько дней после этого Троцкий находился в постели, чувствуя обычный приступ непонятного, но мучительного недомогания, которое неоднократно ранее у него случалось из-за сильных переживаний и сопровождалось резким повышением температуры. В этот момент Ленин понял, что пережил и может потерять Троцкого, который был столь необходим ему на занимаемом посту. В написанной им Склянскому подчеркнута теплой записке говорилось: «Болезнь Троцкого – прямо несчастье в данный момент. Надо 1) изо всех сил ускорить посылку 2-х дивизий из под Перми и 2) Вам следить за югом, два раза в день говоря с Гусевым» [841]. Записка свидетельствовала не только о желании Ленина сохранить добрые личные и деловые отношения с Троцким (было совершенно очевидно, что этот листок будет Склянским передан Троцкому, на что Ленин и рассчитывал [842]). Упоминание Ленина о переброске двух дивизий и «юге» было некой уступкой Троцкому по существу. Удивительно, но, став командующим и заняв должность Вацетиса, С.С. Каменев тоже согласился уделять Южному фронту большее внимание. Становилось очевидно, что весь спор о фронтах был затеян С.С. Каменевым исключительно для того, чтобы скинуть Вацетиса, изменить состав РВС и самому стать главнокомандующим.

Но теперь, ощутив поддержку Ленина пусть на уровне одной лишь записки, инициативу перехватил Троцкий. Совместное заседание Политбюро и Оргбюро ЦК единогласно отклонило отставку Троцкого. Более того, содержание и стиль этого документа можно считать прямо заискивающими в отношении наркомвоенмора: «Орг[анизационное] и Поли[тическое] Бюро ЦК сделают все от них зависящее, чтобы сделать наиболее удобной для тов. Троцкого и наиболее плодотворной для Республики ту работу на Южном фронте, самом трудном, самом опасном и самом важном в настоящее время, которую избрал сам тов. Троцкий. В своих званиях Наркомвоенна и Предреввоенсовета тов. Троцкий вполне может действовать и как член Реввоенсовета Южфронта... Орг[анизационное] и Поли[тическое] Бюро ЦК предоставляют тов. Троцкому полную возможность всеми средствами добиваться того, что он считает исправлением линии в военном вопросе и, если он пожелает, постарается ускорить съезд партии. Твердо уверенные, что отставка тов. Троцкого в настоящий момент абсолютно невозможна и была бы величайшим вредом для Республики, Орг[анизационное] и Поли[тическое] Бюро ЦК настоятельно предлагают тов. Троцкому не возбуждать более этого вопроса и исполнять далее свои функции, максимально, в случае его желания, сокращая их ввиду сосредоточения своей работы на Южфронте» [843].

Забрав отставку, Троцкий немедленно отбыл на Южный фронт. Уже 11 июля он провел в своей ставке в Воронеже совещание политработников 8-й армии, на котором устроил показательное демократическое голосование по вопросу о том, должна ли оставаться в силе нынешняя политика военного ведомства, или же ее следует подвергнуть изменениям. Так как собравшиеся очень хорошо знали точку зрения Троцкого и понимали, какой исход голосования нужен их начальнику, за сохранение курса проголосовал 41 участник совещания, против – 2. Окрыленный успехом, Троцкий повторил свой «демократический» ход на совещании в 13-й армии, и 14 июля прямо из поезда, двигавшегося в направлении Курска, проинформировал Склянского, что в 13-й армии из 60 участников совещания за его курс проголосовало 59 человек, воздержался – 1 [844].

Правда, в эти дни у Троцкого случилась мелкая неприятность. 8 июля, находясь в городе Козлове, он получил шифровку о том, что некий офицер, «изобличенный в предательстве» и организации заговора против советской власти, дал показания против... только что смещенного бывшего главкома Вацетиса, как посвященного в планы о мятеже. Сегодня, зная о том, с какой легкостью ЧК и политработники объявляли людей заговорщиками, можно с уверенностью сказать, что никакого заговора Вацетис в 1919 г. не планировал и планировать не мог. Но болезненная паранойя становилась уже постоянным фактором большевистского режима. Вацетиса арестовали. Самой большой неожиданностью были подписи под полученной Троцким шифротелеграммой: Дзержинский, Крестинский, Ленин, Склянский (именно в таком порядке шли имена подписавшихся) [845]. Вместо обещанного почетного назначения с хорошим окладом Вацетис получил арест.

Троцкий полагал, что за спиной Дзержинского, распорядившегося об аресте Вацетиса, стоял Сталин, который только ждал случая, чтобы таким образом нанести удар по Троцкому. Сталин, видимо, не понимал еще, что Троцкий, подобно ему

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.o
самому, да и подавляющему большинству коммунистических руководителей, исходил из принципа «политической целесообразности» и личной комфортности и легко отказывался от связей с теми людьми, с которыми был ранее близок, но которые по тем или иным причинам переставали быть ему необходимыми. Именно так произошло с Вацетисом. Троцкий просто вычеркнул Вацетиса из списка своих сотрудников и забыл о его существовании. Много позже бывший наркомвоенмор описывал этот случай с подчеркнутым безразличием к судьбе к тому времени расстрелянного Вацетиса: «Весьма вероятно, что, недовольный смещением с поста главнокомандующего, он вел беседы с близкими к нему офицерами. Я никогда не проверял этого эпизода. Вполне допускаю, однако, что в аресте Вацетиса играл роль Сталин, который таким образом мстил ему за некоторые старые обиды» [846] . В общем, Троцкий «никогда не проверял этого эпизода»...

В конце весны и летом 1919 г. личные столкновения Троцкого и Сталина отошли на задний план и в ходе фронтовых операций не проявлялись (хотя впоследствии и на эту тему в советских верхах было выдумано много историй). Суть позиции Троцкого, как он ее отстаивал на заседаниях руководящих партийных органов, а также в переписке с ЦК, была в том, что силы противника на юге состояли из двух совершенно разнородных частей: казачьих соединений (Донская и Кубанская армии) и Добровольческой армии, ставивших перед собой принципиально разные задачи. В то время как Добровольческая армия Деникина и образованное при ней правительство стремились организовать наступление на Москву, чтобы захватить столицу и свергнуть большевиков, казачество «хотело отстоять свои границы от натиска рабочих и крестьян» [847] .

Разумеется, в это суждение надо внести поправку: казаки защищались не от рабочих и крестьян, а от советской власти, большевистского и чекистского произвола. Но так или иначе, если отрешиться от социально политических определений и штампов, Троцкий был прав. Повести казачьи части на Москву, далеко от родных станиц, Деникин был не в состоянии. Именно поэтому нарком возражал против плана нанесения удара по тылам деникинской армии, в первую очередь по казачьим подразделениям. Троцкий требовал сосредоточить главные силы против Добровольческой армии, не нанося бокового удара в направлении на Кубань, как того требовал С.С. Каменев, а наступаю на Харьков и Донбасс. «Вопрос о казачестве оставался бы самостоятельной задачей, не столько военной, сколько политической» [848] .

Ленин настаивал на сосредоточении ударов по тылам деникинских и казачьих формирований. Когда в конце мая деникинцы соединились в районе Миллерово с казачьими сотнями из верхнедонских станиц, Ленин 30 мая послал Троцкому явную негодующую телеграмму: «Крайне поражен Вашим молчанием в такой момент, когда, по сведениям, хотя и не совсем проверенным, прорыв на миллеровском направлении разросся и приобрел размеры почти совершенно непоправимой катастрофы» [849] . Троцкий занял осторожную позицию. 3 июля он возвратился с Южного фронта в Москву и сделал в ЦК не слишком оптимистический доклад о положении дел на фронте, объяснив неудачу старой проблемой: регулярные войска перебрасываются на восток, против Колчака, а на юге господствует партизанщина. Правда, он сообщил о сокращении числа дезертиров и даже о возвращении части дезертиров в Красную армию [850] . И хотя помощь Южному фронту была оказана, главком Каменев считал его периферийным, и Троцкий вынужден был с таким подходом согласиться. В середине августа войска Южного фронта попытались перейти в контрнаступление с флангов с целью овладеть территориями по нижнему течению Дона и не допустить отхода отсюда основных сил противника в направлении на Северный Кавказ. Но контрнаступление провалилось. Заблаговременно узнав о подготовке контратаки, деникинское командование направило в рейд по тылам красных войск 4 й Донской казачий корпус генерал лейтенанта К.К. Мамонтова [851] . Прорвав фронт, казачий корпус ушел в глубокий тыл красных, беря города, уничтожая гарнизоны, разрушая коммуникации, раздавая оружие партизанам. Для борьбы с ним был образован Внутренний фронт под командованием Лашевича. Рейд конницы Мамонтова серьезно подорвал боеспособность красноармейских частей. Партруководство пыталось действовать методами террора. Лениным было проведено решение Политбюро о мерах борьбы с Мамонтовым, причем именно Троцкому, выступавшему против периферийной стратегии Каменева, было поручено составить проект телеграфного обращения в партийные органы с призывом к «большевистской энергии». Ему же совместно с Лашевичем давалось задание ввести «еще ряд мер драконовских по подтягиванию дисциплины», в том числе «расстреливать за невыход из вагонов» [852] (в спешке Ленин так сформулировал отказ красноармейцев вступить в бой с противником). В то время как Мамонтов громил тылы Красной армии, Деникин развернул успешное наступление на Москву. 6 сентября Троцкий совместно с Лашевичем и Л.П. Серебряковым [853] , находившимися на Южном фронте, связались по прямому проводу с Лениным, убеждая его в том, что положение становится критическим, что

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo. опасность «прорыва фронта на участке Курск – Воронеж становится очевидной», что необходимо перенести главный удар по войскам Деникина на Центральное направление [854] . К этому мнению прислушались, однако, далеко не сразу. В середине октября Деникину удалось занять Орел, его войска подошли к Туле и стали угрожать непосредственно советской столице. Только тогда Троцкий смог, наконец, добиться реализации своего плана, сосредоточив основные усилия на отпоре Деникину. Но к этому времени (осенью 1919 г.) и без каких либо уговоров было ясно, что «периферийная стратегия» себя не оправдала.

Через много лет в статьях, подготовленных для Ворошилова его помощниками [855] , а затем в сталинистской историографии и, наконец, в «Кратком курсе истории ВКП(б)» и всевозможных комментариях к нему появилась версия о «сталинском плане разгрома Деникина», приписывавшая идею нанесения удара непосредственно «в лоб» Добровольческой армии по направлению Орел – Курск – Харьков будущему «вождю народов» и «гениальному стратегу». На самом же деле Сталин занимал в этом вопросе нейтральную позицию, в споры не вмешивался и только позже, когда ситуация стала очевидной, поддержал вместе с Лениным и другими высшими партийными руководителями ту позицию, которую давно уже отстаивал Троцкий.

5. Петроград и Юденич

В 1919 г. в районе Северной столицы несколько раз возникало угрожающее для советской власти положение. Особенно опасным оно сложилось на Северо Западном фронте к началу октября: создалась непосредственная угроза занятия города армией генерала Юденича. 15 октября Троцкий участвовал в заседании Политбюро ЦК, на котором отмечалось наличие «самой грозной военной опасности» и были приняты решения о новой мобилизации коммунистов на фронт, об обороне Петрограда, о помощи кавалерией и т. д. [856] Троцкий сразу же выехал в Петроград. В дороге он написал две статьи весьма сомнительной оптимистичности: «Удар по Петрограду» и «Петроград обороняется изнутри», которые были помещены в газете «В пути» и затем перепечатаны в питерских газетах [857] . «Петроград не падет. Петроград устоит. Петрограда мы не сдадим», – как рефрен повторялось в первой статье. Однако во второй не исключалась возможность прорыва войск противника в город, что Троцкий не слишком убедительно объявлял наиболее выгодным в чисто военном отношении, ибо Петроград «не трудно превратить в великую западную для белогвардейских войск». Конечно, поверить в такую «военную хитрость» советской власти, как устройство из Петрограда «западни» для уничтожения войск Юденича, ни один здравомыслящий человек не мог.

Троцкий надеялся на отпор войскам Юденича за пределами города. 17 октября через своего секретаря Бутова, остававшегося в Москве, он послал телеграмму Ленину: «Если отстоим Петроград, на что надеюсь, то получим возможность ликвидировать Юденича целиком» [858] . Ленин в тот же день сообщил о принятии предложенного Троцким плана, хотя и не исключал необходимости эвакуации Петрограда [859] . В Петрограде власть была в полной растерянности. Главным паникером нарком считал Зиновьева, обладавшего кучей званий и титулов, ставшего местным диктатором. Своё отношение к Зиновьеву, безусловно субъективное, но далеко не неправильное, Троцкий выразил словами: «Зиновьев очень легко взбирался на седьмое небо. Когда же дела шли плохо, Зиновьев ложился обычно на диван, не в метафорическом, а в подлинном смысле, и вздыхал... На этот раз я застал его на диване» [860] . В первые дни после прибытия Троцкого положение в районе Петрограда продолжало ухудшаться. 20 октября Троцкий с Зиновьевым информировали Ленина о том, что противник наступает на Царское Село (он именно так называл эту бывшую резиденцию императоров, хотя она к этому времени была переименована в Детское Село), движется по направлению к Колпину, угрожая перерезать Николаевскую железную дорогу [861] . Белые заняли Гатчину, Красное Село и Павловск. Вскоре, однако, наметился перелом. 21 октября войска Юденича попытались овладеть Пулковскими высотами, но потерпели поражение. «Исход сегодняшнего дня можно оценить как вполне благоприятный», – констатировал Троцкий в тот вечер [862] . Опасность захвата Петрограда Северо Западной армией белых отодвинулась, хотя и не была ликвидирована полностью. В следующие дни части Красной армии смогли развить начатое ими наступление, пытаясь выполнить требование Ленина, содержавшееся в телеграмме Троцкому и Зиновьеву от 1 ноября, «раздавить Юденича до конца» [863] .

Троцкий, вспоминая о перманентной революции каждый раз, когда он смотрел в сторону границы Советской России, думал уже не о том, как «раздавить» Юденича, а о том, как бы под этим предлогом вторгнуться еще и в Эстонию с Финляндией. «Затруднением явится право убежища Юденича в Эстонии, – писал он Ленину. – Необходимо тем или другим путем разрешить вопрос. Нужно предложить эстонцам соглашение против Юденича с тем, чтобы Эстония оберегала свои границы от его

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.о

вторжения. В противном случае мы должны сохранить за собой право вторгнуться в Эстонию по пятам Юденича» [864]. 27 октября Ленин ответил: «По моему, нужноступить в Эстляндию, если они пустят Юденича, и, если это актуально, надо ускорить бешеными средствами» [865]. Что касается Финляндии, то уже 3 ноября Троцкий издал приказ командованию 7 й армии и потребовал развить линию карельских укреплений, придав ей вполне законченный характер, сосредоточить части 7 й армии на финской границе, разработать план «короткого и мощного удара» по территории Финляндии, причем этот удар «в случае явного вызова» со стороны Финляндии должен был носить превентивный характер [866].

Троцкий покинул Петроград в уверенности, что городу более не угрожает опасность. Угроза занятия Петрограда Юденичем и уличных боев была предотвращена. 7 ноября наркомвоенмор выступил на заседании ВЦИКа с докладом об обороне Петрограда [867], в котором сообщил об овладении городом Гдовом – единственным важным опорным пунктом Юденича. В этом выступлении и ряде документов Троцкий информировал о первых боях, в которых с обеих сторон впервые участвовали танковые подразделения. До возникновения войн моторов было еще далеко, но первые признаки, предвещавшие таковые, уже появлялись.

Разумеется, Троцкий не командовал непосредственно частями Красной армии, оборонявшими Петроград и перешедшими затем в контрнаступление. Но он действительно осуществлял общее руководство оборонительными и наступательными действиями, возглавлял выработку и принятие основных оперативных решений, фактически отстранил от руководства делами паникера Зиновьева и взял в свои руки партийно политическую власть в городе. В этом смысле Троцкий сыграл если не решающую, то во всяком случае весьма важную роль в том, что большевикам удалось удержать в своих руках Северную столицу.

Личная роль Троцкого в спасении Петрограда от войск Юденича признавалась не только в самом большевистском руководстве, но и врагами большевизма. Министр правительства Юденича Г. Кирдецов писал, что «еще 16 октября на петроградский фронт спешно приехал Троцкий, и растерянность красного штаба сменилась его кипучей энергией... Троцкому удалось организовать в самом Петрограде сильные духом рабочие коммунистические отряды и бросить их в гущу борьбы» [868]. Правда, требование Троцкого о вторжении в Эстонию с целью преследования армии Юденича по настоянию наркома иностранных дел Чичерина было отклонено [869]. Сам Троцкий в этом вопросе пошел на попятную, заверив Ленина и Чичерина, что он отнюдь не предлагал объявлять Эстонии войну, а только ставил вопрос, как поступить, если Юденич перейдет эстонскую границу [870]. Идея о превентивном ударе по Финляндии тоже была оставлена.

За руководство операциями против Юденича Троцкий был награжден орденом Красного Знамени. В грамоте ВЦИКа за подписью Калинина от 7 ноября 1919 г. (годовщина Октябрьской революции) говорилось: «Тов. Л.Д. Троцкий, взяв на себя по поручению ВЦИК задачу организации Красной армии, проявил в порученной ему работе неутомимость и несокрушимую энергию. Блестящие результаты увенчали его громадный труд. Тов. Троцкий руководил Красной армией рабочих и крестьян не только из центра, но неизменно переносил свою работу на те участки фронта, где задача была всего труднее» [871]. Этого же ордена был удостоен поезд наркомвоенмора, что, кажется, являлось первым в советской истории награждением не отдельного лица, а целого коллектива вне зависимости от того, кто в нем участвовал. Излагая эпизод с собственным награждением, Троцкий старался подчеркивать качество, которое ему обычно не было свойственно: личную скромность. «Мне ничего не оставалось, как подчиниться условности», – писал он, вспоминая заседание Политбюро, на котором было принято соответствующее решение [872]. Он рассказывал, что сам был инициатором введения этого ордена, вручаемого за непосредственные боевые заслуги под огнем. Орден первоначально рассматривался как «единственная награда, которой ВЦИК награждает солдата Революции» [873]. В дальнейшем, однако, было решено награждать этим орденом и целые части; введено повторное награждение (вскоре оно превратилось в многократное), да к тому же появились другие боевые награды. Отметим, впрочем, что, формально говоря, Троцкий, не находившийся в Петрограде под огнем, не подпадал под те условия (а не «условности»), которым должен был удовлетворять кавалер ордена Красного Знамени. Троцкий легко мог не допустить своего награждения, если действительно его не хотел.

Видимо, кроме естественного человеческого тщеславия была еще одна причина, по которой Троцкий не отказался от ордена. Дело в том, что тогда же орден Красного Знамени получил Сталин, тоже никогда не находившийся «под огнем». Троцкий рассказывал об этом отстраненно, но внутренне негодуя. Он очевидным образом использовал этот эпизод, чтобы принизить роль будущего генсека, а заодно продемонстрировать двуличность Ленина: «В конце заседания Политбюро [Л.Б.] Каменев, не без смущения, внес предложение о награждении орденом Сталина. «За что?» – спросил Калинин тоном искреннего возмущения. «За что Сталину, не могу

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.o
понять?» Его утихомирили шуткой и решили вопрос утвердительно. Бухарин в перерыве накинул на Калинина: «Как же ты не понимаешь? Это Ильич придумал: Сталин не может жить, если у него нет чего нибудь, что есть у другого. Он этого не простит». Я вполне понимал Ленина и мысленно одобрял его» [874]. Конечно, на этом примере Троцкий мог бы порадовать читателя и более глубокими выводами о чертах характера всех участников описанной истории, в том числе и самого Троцкого, и о нравах, царящих в Политбюро в 1919 г., тем более что к наградам вскоре прибавилось и увековечивание памяти еще живущих вождей – через переименование городов. В 1923 г. город Гатчина под Петроградом был переименован в Троцк, и этим, кажется, был создан прецедент по присвоению населенным пунктам имен живых и здоровых деятелей [875].

6. Польская кампания

Троцкий продолжал осуществлять военно стратегическое руководство во время кампаний 1920 г. против Польши и войск генерала Врангеля. Собственно говоря, состояние полувойны против Польши длилось на протяжении почти всего 1919 г. Временами ситуация для советского правительства улучшалась, временами обострялась вновь. Когда Деникин наступал на Москву, его войска одновременно двигались по направлению к Киеву с целью, по оценке Троцкого, «соединиться с Румынией и Польшей» [876], хотя польское правительство крайне осторожно подходило к вопросу о взаимоотношениях с Деникиным, как представителем великодержавной России, не желая идти с ним на прямой союз. Когда же по деникинским армиям был нанесен решающий удар, большевистское правительство попыталось вступить в переговоры о мирном урегулировании конфликта с Польшей, используя для этого контакты своего представителя поляка Юлиана Мархлевского [877]. Намечалось начать переговоры с сотрудничества с представителями польского Красного Креста по вопросу об обмене военнопленными и эти чисто гуманитарные переговоры превратить в политические.

На заседании Политбюро 14 ноября 1919 г. о переговорах с поляками докладывал Троцкий. Казалось, что они могут завершиться успешно. Польские представители согласились на переданные им условия, за исключением пункта о взаимоотношениях обеих сторон с главой Украинской директории С.В. Петлюрой [878]. Политбюро приняло по докладу Троцкого решение, что пункт о прекращении Красной армией вооруженной борьбы против войск Петлюры отклоняется под предлогом ведения Россией с Петлюрой самостоятельных переговоров. «Поэтому мы не считаем возможным ставить свои отношения» с украинцами в зависимость «от третьей стороны», – указывалось в советском ответе. По категорическому требованию польской стороны переговоры было решено продолжать, но проводить их в абсолютной тайне. Это было первое декларированное возвращение советского правительства к классической общемировой практике тайной дипломатии, от которой публично отреклись большевики, захватив власть в России. Троцкому и Чичерину поручалось разработать детальные условия перемирия, а затем и мира с поляками [879].

В следующие недели Мархлевский под наблюдением Троцкого вел переговоры с польскими представителями в поселке Микашевичи. В результате было достигнуто соглашение об обмене пленными и заложниками. Однако к началу 1920 г. переговоры застыли [880]. Ленин телеграфировал Троцкому 27 февраля: «Все признаки говорят, что Польша предъявит нам абсолютно невыполнимые, даже наглые условия. Надо все внимание направить на подготовку, усиление Запфронта... Надо дать лозунг подготовиться к войне с Польшей» [881].

Троцкий полностью согласился с мнением Ленина, предложив в свою очередь ряд мер по усилению боеспособности Западного фронта. Предсовнаркома был удовлетворен. Он телеграфировал в ответ, сыграв на вражде между своим адресатом и Сталиным: «Гомель считается под ударом, поэтому я, вопреки оптимизму Сталина, считаю все предложенные Вами экстренные меры необходимыми и срочно необходимыми» [882]. Действительно, в апреле 1920 г. между Красной армией и вооруженными силами Польши начались широкомасштабные военные действия, которые, собственно говоря, и считаются советско польской войной. К их началу Польша заручилась союзом с генералом Врангелем (армия которого находилась в Крыму) и с Петлюрой, подписав с ним договор о совместных военных действиях. Польским войскам удалось занять Киев.

Пытаясь проанализировать непосредственные причины Польской военной кампании, ее первоначальные успехи, Троцкий признавал, что в значительной степени они были обусловлены непрочностью советской власти в Украине: «Украинское крестьянство явно подтолкнуло польских панов на их кровавую авантюру своей неустойчивостью, своим метанием, махновщиной и восстаниями» [883], – писал Троцкий. Однако успехи польской стороны были кратковременными. Стратегическое положение Советской России к этому времени стало несравненно прочнее, чем в предыдущие два

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.o
года. Основные антибольшевистские военные формирования были разбиты. Красная
армия представляла теперь значительную военную силу, в то время как независимое
Польское государство было даже моложе Советской России. Оно получило
независимость в 1918 г.

26 и 28 апреля 1920 г. на заседаниях Политбюро ЦК РКП(б) было решено подготовить
тезисы о задачах партии в связи с создавшимся положением. 29 апреля ВЦИК и
Совнарком утвердили обращение «ко всем рабочим, крестьянам и честным гражданам
России», написанное Троцким [884]. В этом документе обращал на себя заголовок:
впервые в такого рода документе употреблялся сомнительно бесклассовый термин
«честные граждане». Троцкий, знакомый с настроениями бывшего царского
офицерства, безусловно, рассчитывал сыграть еще и на националистических
антипольских чувствах русских. Война должна была вестись не только под знаменами
мировой социалистической революции, но и под лозунгом защиты национальных
интересов народов России от внешнего врага – Польши. Хотя в тексте обращения
классовая риторика все же преобладала, эта новая интонация, тем более в
заголовке, была весьма показательной, особенно для Троцкого.

Троцкий писал о последовательно миролюбивой политике советского руководства, о
том, что на переговорах в Бресте именно советская делегация подняла голос в
защиту независимости польского народа. «Мы готовы были идти на соглашение с
польскими правителями, пока их еще терпит польский трудовой народ, дабы
избегнуть дальнейшего пролития крови русских и польских рабочих и крестьян». И
вновь после обращений к рабочим, крестьянам, красноармейцам звучали слова,
рассчитанные на поддержку националистично и антипольски настроенных русских
«честных граждан»: «Вы не допустите, чтобы волю русского народа определял штык
польских шляхтичей, которые со свойственным им бесстыдством неоднократно
заявляли, что им безразлично, кто господствует в России, только бы Россия была
беспомощна и слаба».

В том же духе Троцким были написаны тезисы «Польский фронт и наши задачи»,
которые он представил Политбюро 30 апреля [885]. Троцкий призывал рассматривать
войну с Польшей не как частную задачу Западного фронта, а как «центральную
задачу всей рабоче-крестьянской России». Но в то же время контекст документа
свидетельствовал, что новая война рассматривалась именно как частный случай, ибо
в нем содержался призыв продолжать в полной мере хозяйственные мероприятия, на
которых было сосредоточено внимание в течение последних месяцев: восстановление
транспорта, заготовка продовольствия, топлива и сырья. В этом же духе 4 мая
Совнарком принял постановление об организации всеми народными комиссариатами и
другими центральными учреждениями помощи Западному фронту. Иначе говоря,
наркомвоенмор приходил к выводу, что война против Польши не потребует
всепоглощающего напряжения хозяйственных, политических и чисто военных усилий
государства, что эта война не угрожает существованию большевистской власти, не
ставит под сомнение возможность сосредоточения внимания на решении хозяйственных
задач.

В конце обращения Троцкий все таки остался Троцким. Забыв про исключительно
антипольские чувства «честных граждан», он призывал: «Красноармейцы! Красные
моряки, красные казаки! Вам надо нанести такой удар польским помещикам и
капиталистам, чтобы эхо его прозвучало на улицах Варшавы и во всем мире» [886].
Начнем войну как национальную. В случае успеха продолжим – как
интернациональную. Понятно, что иначе Троцкий и не мог смотреть на Польскую
кампанию. И когда июньский номер журнала «Военное дело» переборщил, неправильно
прочитал мысли Троцкого и опубликовал явно шовинистическую антипольскую статью
«Первые шаги маршала Пилсудского», в которой говорилось о «природном иезуитстве
ляхов», по приказу наркома издание журнала было приостановлено [887].

3 июня Сталин передал телеграфом Ленину предложение нейтрализовать Врангеля,
либо заключив с ним перемирие, либо ударив и разгромив, чтобы высвободить войска
для переброски на Западный фронт. На этот раз Ленин отнесся к инициативе Сталина
отрицательно. «Это явная утопия», – писал он в тот же день Троцкому. Но, верный
себе и не желая обижать «чудесного грузина», продолжая играть на противоречиях
Сталина – Троцкого, он не ответил Сталину отказом, а предложил Троцкому послать
Сталину ответную радиogramму за двумя подписями: «Ваше предложение о наступлении
на Крым так серьезно, что мы должны осведомиться и обдумать архиосторожно.
Подождите нашего ответа. Ленин, Троцкий» [888].

Сталин настаивал на своем плане. 4 июня из Кременчуга, где он находился в
качестве члена Реввоенсовета Юго Западного фронта, которым командовал А.И.
Егоров [889], Сталин телеграфировал Ленину, что Врангель намечает наступление
на Херсон и Одессу. Ленин вновь затребовал мнение Троцкого. В состоянии
раздражения Троцкий ухватился за бюрократический нюанс и ответил, что Сталин
нарушает установленный порядок, так как подобные сообщения должен направлять не
политработник, а командующий фронтом. Ленин ответил Троцкому уклончиво, но

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.o

просил высказаться по существу: «Не без каприза здесь, пожалуй. Но обсудить нужно спешно» [890].

Окончательный ответ был отрицательным. Наступление на Крым было отложено. 4 июля Красная армия перешла в контрнаступление, заняла Киев, а затем продолжила военные действия в западной части Украины и на территории самой Польши. Троцкий, впрочем, как и все большевистское руководство, пребывал в убеждении, что «трудящиеся Польши» не будут воевать со «страной победившего пролетариата». Национальный дух кампании постепенно стал сменяться родной Троцкому схемой перманентной революции. По инициативе Троцкого реввоенсоветы армий подготовили на польском языке «Пропуск в Российскую Социалистическую Советскую Республику» и издали его массовым тиражом для распространения в польской армии. В «пропуске» говорилось: «Всякий командир, комиссар и красноармеец обязаны встретить по братски польского солдата, предъявившего сей пропуск, и препроводить его в штаб своей части для отправки в Реввоенсовет... Деньги и вещи не подлежат конфискации». Были выпущены также листовки на польском языке, распространявшиеся различными путями в частях противника. В Белостоке был образован Польский революционный комитет (Польревком) в качестве своего рода костяка польского советского правительства.

«Вопрос сводился к соотношению сил. Неизвестной величиной было настроение польских рабочих и крестьян» [891], – писал Троцкий. При благоприятных условиях он рассчитывал занять Варшаву и продолжить военные действия за пределами Польши. Над рядами наступавших полков развились знамена с надписями: «Даешь Варшаву!», «Даешь Берлин!». 10 августа Троцкий внес на рассмотрение Политбюро предложение направить на Западный фронт «некоторое количество» немцев коммунистов [892] для вероятного их использования при выходе к германской границе или при вторжении в Германию. После доклада Троцкого Политбюро приняло решение откомандировать в распоряжение командования Западного фронта «около 100 немецких коммунистов, годных к советской и пропагандистской работе» [893] во главе с немецким коммунистом бывшим деятелем Баварской советской республики Вилли Будихом. 12 августа войска М.Н. Тухачевского [894] начали наступление непосредственно на польскую столицу. Им удалось вплотную приблизиться к городу. Взятие Варшавы казалось неминуемым. Из Варшавы в Познань были переведены иностранные посольства, аккредитованные в польской столице. Казалось, что Варшава будет захвачена в ближайшие дни. Итальянец К. Малапарте, служивший в посольстве своей страны в польской столице, вспоминал: «Варшава в те дни выглядела, как город, приготовившийся к разгрому и грабежу. Августовская духота приглушала голоса и городской гум; над толпами, наполнявшими улицы, нависло гнетущее молчание. Время от времени бесконечные вереницы трамваев, нагруженных ранеными, медленно пересекали толпу» [895].

Ленин, опьяненный военными успехами, требовал продолжать решительное наступление. От главкома Каменева в середине августа он требовал «во что бы то ни стало взять Варшаву в 3 – 5 дней» [896]. 20 августа председатель Совнаркома писал в телеграмме члену Военного совета Западного фронта Смилге: «Необходимо налечь изо всех сил, чтобы белорусские рабочие и крестьяне, хотя бы в лаптях и купальных костюмах, но с немедленной революционной быстротой дали вам пополнение в тройном и четверном количестве. Затем удесятерить агитацию аэропланов для польских рабочих и крестьян, что их капиталисты срывают мир и осуждают их на бесцельное кровопролитие» [897].

Тем не менее Троцкий понимал иллюзорность расчетов на то, что трудящиеся Польши поднимутся против своего правительства и будут переходить на сторону Красной армии. Он объяснял это не чувствами патриотизма граждан страны, только что получившей независимость от Российской империи, а «разными масштабами», которыми измеряются войны и революции: «Если не учитывать правильно этой разницы темпов, то зубчатые колеса войны могут только обломать зубья на колесах революции, а не привести их в движение» [898]. Но так или иначе наркомвоенмор вынужден был признать и учитывать в практических действиях, что национальные особенности и свободолюбивые традиции польского народа, включая его низшие слои, пришли в коренное противоречие с намерениями большевиков, считавших себя освободителями польского народа от польского же капиталистического ига.

Трудно сказать, как развивались бы события, если бы не великий саморазрушающий фактор: амбиции самих большевистских деятелей. В то время как войска Западного фронта под командованием Тухачевского наступали на Варшаву, группа армий Юго Западного фронта под командованием Егорова вела наступление на Львов. Если «партийным контролером» Западного фронта в ранге члена Реввоенсовета был Смилга – деятель среднего ранга, то аналогичные функции у Егорова выполнял член Политбюро Сталин, и командующий фронтом находился под полным его влиянием. В то время как Тухачевский рвался к Варшаве, не имея достаточных сил, Егоров со Сталиным стремились во что бы то ни стало захватить Львов и игнорировали

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.о
многочисленные приказы Троцкого о нанесении удара во фланг польской армии под Варшавой. Когда же в конце концов это распоряжение было нехотя выполнено, было уже поздно [899] .

Безуспешно, а затем уже с опозданием требуя переброски войск Юго Западного фронта на помощь Западному, Троцкий в то же время с известной опаской относился к действиям Тухачевского, ведшего, казалось бы, весьма успешные наступательные действия. Отношения с Тухачевским были неровными. Троцкий высоко ценил его боевые успехи на Восточном и Южном фронтах, ставил в пример другим командирам, несколько раз называл Тухачевского «демоном Гражданской войны», причем вкладывал в это определение положительный смысл. Через много лет в одной из своих статей он назвал Тухачевского в числе «лучших полководцев и руководителей Красной армии». Тем не менее Троцкий упомянул, что у него произошло с Тухачевским «несколько столкновений, впрочем, дружественных по форме» [900] . Один из таких «дружеских» конфликтов описан: «Однажды во время Гражданской войны на фронт к Тухачевскому приехал Троцкий. Тухачевский наносил в это время на карту план предстоявшего сражения. Троцкий сделал несколько замечаний. Командарм встал, положил перед ним карандаш, которым отмечал на карте, и вышел. – Куда же вы? – крикнул в окно Троцкий. – В ваш вагон, – спокойно ответил Тухачевский. – Вы, Лев Давидович, видимо, решили поменяться со мной местами» [901] .

Троцкий критиковал идеи «революции извне», которые неоднократно выдвигались Тухачевским. По поводу предложения Тухачевского создать «международный генеральный штаб Красной армии» он писал: «Талантливый, но склонный к излишней стремительности полководец» обязан был бы знать, что «международный генеральный штаб мог бы возникнуть только на основе национальных генеральных штабов нескольких пролетарских государств» [902] , а этих нескольких пролетарских государств еще не существовало. Иными словами, там, где Троцкий перво наперво ожидал победы революции, на гребне которой можно было создавать «национальный генеральный штаб» местной советской армии, там Тухачевский предлагал создать «международный генеральный штаб» и на штыках российской Красной армии нести революцию за пределы Советской России.

Между Троцким и Тухачевским были существенные разногласия по принципиальным вопросам военной стратегии. В то время как Троцкий придерживался «стратегии измора» противника и его планирование оборонительной войны, сменяющейся решительным наступлением, поддерживали многие военные специалисты старой школы, Тухачевский настаивал на «стратегии сокрушения». Троцкий же считал, что в начальный период войны, скорее всего, придется не только обороняться, но и отступать, выигрывая время для сосредоточения сил и средств с целью нанесения решительных ударов. Будущий опыт Второй мировой войны показал, что военно-стратегические установки Троцкого применительно к действиям советской армии оправдались в значительно большей степени, нежели отчаянная, не взвешивающая на объективные факторы тактика стремительного наступления, больше похожая на гитлеровские блицкриги, приведшие в конце концов Гитлера к поражению, собственно – столь же сокрушительному, что и поражение Тухачевского под Варшавой в 1920 г. За год до этих событий – в августе – сентябре 1919 г. – шифровальщикам польского Генштаба удалось взломать шифры Красной армии. По приказу Пилсудского была создана сеть станций радиоперехвата. К работе отнеслись весьма серьезно, привлекли математиков, профессоров Варшавского и Львовского университетов. Расшифровка тайной переписки дала ясную картину всего происходящего на территории России. С августа 1919 до конца 1920 г. польские шифровальщики смогли прочитать несколько тысяч радиограмм, подписанных Лениным, Троцким и другими большевистскими деятелями. На их основании командование войска Польского смогло принять правильные стратегические решения.

16 августа 1920 г. польские войска под Варшавой перешли в контрнаступление, нанесли войскам Тухачевского сокрушительный удар, заставив их уже на следующий день начать поспешный отход. Части Красной армии в беспорядке отступили. Они были отброшены почти на 600 километров. Троцкий в это время находился на Южном фронте, где параллельно с наступлением на территорию Польши готовилась перспективная операция против войск Врангеля. Возвратившись в Москву, он увидел, что уязвленное поляками партийное и военное руководство планирует новую военную кампанию против Польши с целью ликвидации независимости Польского государства. Эти настроения поддерживал и Ленин, хотя уже «без той уверенности и настойчивости, что в первый раз» [903] . Сам же Троцкий, и ранее сдержанно выступавший против активных наступательных действий, теперь решительно высказался за скорейшее заключение мира, приняв за основу условия, которые в разгар наступления Красной армии на Варшаву высказал министр иностранных дел Великобритании Джордж Керзон [904] .

Ленин высказал желание отсрочить решение вопроса до поездки Троцкого на Западный фронт с тем, чтобы тот лично определил состояние Красной армии после

отступления. Фактически это означало признание правоты Троцкого в польском вопросе. «Чем ниже я спустился по военной лестнице – через армию к дивизии, полку и роте, – тем яснее становилась невозможность наступательной войны», – констатировал наркомвоенмор [905] .

Какое то время Ленин еще сопротивлялся. Это проявилось в его поведении на IX конференции РКП(б), состоявшейся в сентябре 1920 г. В плане политического отчета ЦК для этой конференции Ленин записал: «Помочь советизации» П[ольши] и Л[итвы], «пощупать штыком». Гораздо важнее: прощупали поглубже Германию и Англию». В самом докладе, сделанном 22 сентября, признавая, что Советская Россия потерпела тяжелое поражение, Ленин открыто говорил о новой войне с Польшей. Он требовал, чтобы делегаты поменьше записывали (в смысле сохранения сказанного в тайне), и долго и путано рассуждал о возможности заключения перемирия с Польшей, но только для того, чтобы избежать ведения зимней кампании, а с началом весны предлагал возобновить военные действия и добиться «советизации» Польши [906] .

Троцкий выступил на конференции с сообщением о положении на фронтах, в котором признал, что в Польше получилась «одна из величайших катастроф, которые когда либо мы переживали на наших военных фронтах». Доклад, однако, был очень уклончивым, в том смысле, что в причины поражения оратор не вдавался. Делегаты не были удовлетворены объяснениями Троцкого. В заключительном слове Троцкий вступил в дискуссию с выступавшим ранее Сталиным, который был тоже очень осторожен, прямо не упрекал Троцкого, но косвенно пытался его скомпрометировать, заявляя, что под Варшавой «командование подвело нас». Троцкий стал отвечать. Осторожные тона постепенно сменились резкими. Троцкий сказал, что Сталин рисовал положение на фронте в розовом цвете. Сталин вновь взял слово, теперь уже по «личному вопросу» и вступив с Троцким в перепалку [907] . Это было первое открытое столкновение Троцкого и Сталина.

Осознав нереальность планов нового наступления на Польшу, Ленин присоединился к позиции Троцкого о необходимости установления мирных отношений с этой страной, по крайней мере на данном этапе. Советскую делегацию возглавляли близкий к Троцкому Иоффе (от РСФСР) и старый знакомый Троцкого, сотрудничавший с ним за несколько лет до того в издании социал демократических газет в Париже Д.З. Мануильский (от Украины). Согласно подписанному перемирию, а затем Рижскому мирному договору от 12 октября 1921 г., граница между советскими республиками Украиной и Белоруссией, с одной стороны, и Польшей, с другой, прошла значительно восточнее линии Керзона. Планы победоносного похода на Германию рухнули. Не только в Германии, но и в Польше не произошли революционные восстания. Горизонт перманентной революции все более отдалялся. «Мир с Польшей подписан, – говорилось в приказе Троцкого от 13 октября 1920 г. по поводу подписания перемирия. – Дорогой ценой крови Красная армия получила этот мир... Нам нужны мир и труд. На пути стоят врангелевские банды» [908] .

В ноябре 1920 г. армия Врангеля была вытеснена из Крыма и эвакуировалась на британских и французских кораблях в Турцию. В следующие два года завершились военные действия на Дальнем Востоке. Гражданская война закончилась. Советская власть вышла из нее победительницей, но ряд территорий, ранее принадлежавших Российской империи, за годы войны провозгласили свою независимость и образовали самостоятельные государства. Это были новые геополитические реалии, с которыми Троцкому приходилось считаться. Перманентная революция на время была отложена на полку истории.

Глава 6 Большевистский диктатор

1. Военный коммунизм

После Октябрьского переворота, хотя сам переворот прошел относительно бескровно, Троцкий пришел к выводу, что народного восстания масс против старого режима в отсталой крестьянской России не произошло и «открытая Гражданская война», как форма сопротивления населения большевикам, – фактор, с которым придется считаться революционной власти. Эти слова – «открытая Гражданская война» – были впервые произнесены Троцким в докладе о текущем моменте, с которым он выступил на заседании Совнаркома 28 ноября 1917 г. Именно в этом духе Троцкий предложил Совнаркому принять текст воззвания, проникнутого классовой ненавистью и обращенного ко всем трудящимся [909] .

Гражданская война должна была, по мнению Троцкого, стать формой террора против населения с целью заставить его отказаться от каких бы то ни было попыток не только восстановления демократических учреждений, но и малейших посягательств на самостоятельные действия. Этой же цели служил проект декрета о революционных судах, который по поручению Совнаркома 16 ноября 1917 г. выработала комиссия с

участием Троцкого и о котором он доложил на заседании правительства уже 22 ноября. 3 декабря Троцкий предложил «следить за буржуазной печатью, за гнусными инсинуациями и клеветами против Советской власти и опровергать их». Решение о полном запрещении негодных печатных органов у Троцкого, еще совсем недавно (до октября 1917 г.) настаивавшего на полной свободе печати, пока не созрело, и принятое постановление было не просто половинчатым, а куцым: организовать в помещении Смольного стол вырезок из буржуазных газет [910]. Как во все времена и во всех странах, революции нужны были деньги. Большевики в них нуждались подобно старому режиму. 30 ноября 1917 г. Совнаркомом рассмотрел проект, представленный Троцким и В.Д. Бонч-Бруевичем, о всеобщей реквизиции золота и установлении премий за его обнаружение. За доносы и другие способы содействия властям в этом вопросе доносчикам выдавалась премия в размере 1% рыночной стоимости конфискованного богатства [911]. Тем временем в стране все более обострялась продовольственная ситуация. Новые руководители вынуждены были думать об обеспечении хлебом жителей городов, особенно Петрограда и Москвы, где большевики пользовались поддержкой сосредоточенных там солдат и рабочих. Если московские лидеры, в частности Рыков, смогли худо бедно наладить товарообмен с югом и избежать голода, то в Петрограде и других северных городах, а также в центральной части страны ситуация с хлебом оставалась крайне тяжелой. Несколько раз, начиная с 23 декабря 1917 г., на заседании Совнаркома намечалось заслушать доклад Троцкого о создании Продовольственного совета при Высшем совете народного хозяйства (ВСНХ). Неясность ситуации, полная неразработанность вопроса, непонимание, какие функции будет выполнять новый орган, и возникающие неувязки не давали возможности рассмотреть этот вопрос, который переносился с одного заседания на другое. И только в январе 1918 г. Продовольственный совет был, наконец, образован, а 31 января под председательством Троцкого учреждена в дополнение к нему Чрезвычайная комиссия по продовольствию, которой были предоставлены неограниченные полномочия «по принятию экстренных революционных мер в этих целях» [912].

Своего рода манифестом непримиримой политики советской власти стал доклад Троцкого на Московской городской конференции РКП(б) 27 марта 1918 г. [913] Троцкий признавал, что власть переживает период «великой заминки, больших затруднений», что не только крестьянство, но и рабочий класс проявили «известное тяготение к соглашательству», что преодолеть его можно только самыми суровыми средствами. Хотя аграрно-продовольственный вопрос Троцкий упоминал лишь мимоходом, он не преминул презрительно сказать о «мужицком быте», который в новых условиях превращал крестьянина в личность, полагающую, что она – центр мироздания. «Отсюда разлив дезорганизаторских настроений, индивидуалистических, анархистских, хищнических тенденций», – указал Троцкий, объявляя мужику жестокую войну. Крестьянин как личность для Троцкого становился классовым врагом. Экономически Советская республика жила в этот период в системе так называемого военного коммунизма – совокупности мер, целью которых была ликвидация старых капиталистических отношений, «предвосхищение будущего, прорыв этого будущего в настоящее» [914]. Важнейшим элементом военного коммунизма стала монополия хлебной торговли. Большевики запретили крестьянам продавать хлеб иначе как государству. Закупка же государством велась по крайне низким расценкам и за обесцененные деньги. Фактически у крестьян хлеб забирали бесплатно [915]. Крестьяне это поняли и перестали продавать хлеб. В городах начался голод. Можно было легко ликвидировать его, отменив монополию хлебной торговли и разрешив деревне свободно снабжать города продуктами. Рабочие к этому времени в основном получали зарплату уже не в ничего на стоящих деньгах, а в виде товаров, которые как раз и были так необходимы крестьянам. Рыночная торговля, таким образом, заменялась бы прямым товарообменом, что вполне соответствовало социалистическим идеалам. Но тогда возникала сложность совсем иного плана. Получалось, что «мелкобуржуазное» крестьянство, которое Ленин собирался уничтожить [916], кормило и себя и город. Но так коммунизм построить было нельзя. Население должно было сознавать, что его кормит пролетарское правительство и что только ему народ обязан сытым желудком. И потому монополию хлебной торговли оставили в силе [917].

14 апреля 1918 г. на одном из рабочих собраний Троцкий, отвечая на записку, почему не вводится свободная продажа хлеба, сказал, что в этом случае в городах через две недели возник бы страшный голод. Он объяснял это хищничеством крестьянской буржуазии, мародерством и спекуляциями, расстройством железнодорожного транспорта и другими причинами, но только не политикой советской власти, не насилиями нового режима, не разрушением, по инициативе большевистского правительства, рыночных отношений. Наоборот, он считал необходимым еще более усилить диктаторско-репрессивную политику, особенно на селе. «Нужно показать деревенским кулакам, что мы не собираемся шутки шутить,

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.o

что они обязаны по твердым ценам свои хлебные запасы отдать. Если не отдадут – забрать у них силой, вооруженной силой крестьянской бедноты и рабочих, ибо дело идет о жизни и смерти народа» [918] .

В этой краткой формуле уже заложены основы той продовольственной диктатуры, которая была установлена в мае 1918 г. и целью которой было «отбирание у держателей запасов хлеба», то есть грабеж крестьян. Крестьянам оставался «паек, рассчитанный более чем на месяц, а иногда на месяц». Предусматривались и «меры физического принуждения», чем должны были заниматься «продовольственные отряды», которые посылались «не только в целях взятия и реквизиции хлеба», но и для того, чтобы «показать населению, что хлеб будет взят силой». Иными словами, большевики не оставили себе «другого выхода, как объявить войну деревенской буржуазии» [919] .

За несдачу или «разбазаривание» хлеба крестьян предлагалось предавать «революционному суду, заключать в тюрьму на срок не менее 10 ти лет, подвергать все имущество конфискации и изгонять из общины». Поощрялась система доноительства за вознаграждение. Половину стоимости конфискованного с помощью доноса хлеба получал (в обесцененных деньгах) сам доносчик. Вторую половину – сельское общество [920] . «В случае оказания противодействия отобранию хлеба или иных продовольственных продуктов» продотрядам и «другим лицам и учреждениям на местах» разрешалось «применять вооруженную силу». Нарком продовольствия А. Цюрупа в этой связи говорил следующее: «Я желаю со всей откровенностью заявить, что речь идет о войне, только с оружием в руках можно получить хлеб... Мы предлагаем самую беспощадную войну, доходящую до последней точки... Нам нужно искать опоры у местных Советов... но... если эти Советы созывают съезды, которые отменяют хлебную монополию и твердые цены... – ясно, что с такими Советами мы будем бороться... мы будем вести борьбу вплоть до заключения в тюрьму, до отправки войска, до последних форм, крайних форм Гражданской войны» [921] .

Понятно, что создание новых и новых советов и комиссий – с любыми полномочиями – не могло дать положительных результатов в условиях все более и более усиливавшегося саботажа крестьянами советских декретов и замыкания сельского населения в полунатуральном хозяйстве. В какой то момент Ленин даже склонялся к тому, чтобы пойти на уступки крестьянам. В апрельской брошюре 1918 г. «Очередные задачи Советской власти» он предлагал приостановить наступление на капитал, пойти на компромисс с буржуазией, выработать и ввести в действие элементы «государственного капитализма». Но в систему госкапитализма Ленин включал осуществление хлебной монополии, меры далеко не капиталистической. Вскоре от нереализованной идеи экономических послаблений Ленина качнуло в совсем другую сторону. Декрет ВЦИК и СНК от 13 мая о чрезвычайных полномочиях народного комиссара по продовольствию вроде бы дублировал решение от 31 января (создание комиссии Троцкого), но на деле принципиально от него отличался, ибо вслед за этим последовало объявление настоящей войны «деревенской буржуазии», под которой понималась основная масса крестьянства, за исключением незначительной наиболее бедной ее части и сельских пролетариев батраков. Это было начало реальной Гражданской войны против непролетарских групп населения огромной страны, причем война эта не была спровоцирована, а инициативно объявлялась большевиками. Любопытна в этом смысле небольшая, чуть ли не поэтичная статья идиллия «Урожай и война», написанная Троцким в поезде наркома на перегоне Лохвица – Ромодан (Украина) и тотчас же помещенная в «Правде» [922] . Как бы забывая о только введенном военном коммунизме, предусматривавшем конфискацию у крестьянства всех излишков хлеба (то есть всей части урожая, превышающей нищенскую норму потребления и посева, установленную советской властью), а нередко и захват жизненно необходимого продовольствия, Троцкий живописал: «Дождь увлажняет землю, солнце согревает ее, росток превращается в стебель, стебель дает колос – и все это без помещиков, без исправников и без царя. Разница одна: прежде львиная доля урожая поступала в закрома капиталиста, теперь же все это составляет собственность крестьян и рабочих». Троцкий объявлял, что во всех невзгодах виноват сам народ: «Слишком медленно рабочие и крестьяне Украины, и всей России очищают свою землю, свои города, свои деревни от проклятых врагов, которые подрывают народное хозяйство и народное счастье».

Чтобы рабочие и крестьяне быстрее очищали свою землю от «проклятых врагов», вместо крестьянских Советов, отказавшихся поддерживать большевистскую политику в деревне, должны были возникнуть другие организации. На это указал во ВЦИКЕ Свердлов 20 мая 1918 г. Для разгона «волостных Советов», где «руководящая роль принадлежит кулачно буржуазному элементу», Свердлов предложил «расколоть деревню на два непримиримых враждебных лагеря» и «разжечь там ту же Гражданскую войну, которая шла не так давно в городах» [923] . 4 июня к Гражданской войне в деревне призвал Троцкий [924] . Для разжигания ее декретом ВЦИК от 11 июня были созданы «комитеты бедноты» [925] . Они немедленно вступили в вооруженные столкновения с

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.o
сельскими Советами [926] , упразднив их во многих уездах и взяв на себя их функции [927] . К октябрю 1918 г. распушено и подменено комбедами было до 50% общего числа сельских Советов [928] . Наконец, в ноябре, решением VI Всероссийского съезда Советов, везде, где этого еще не произошло, комбеды распустили Советы и забрали себе их функции и название [929] . Таким образом, за полгода в сельской России были уничтожены старые и созданы новые органы власти, которые должны были, с одной стороны, раздробить единое крестьянство, натравив «деревенский пролетариат» на крестьян хозяев; а с другой – обеспечить советской власти выполнение продразверстки, официально объявленной декретом СНК от 11 января 1919 г. [930]

С декабря 1919 г. Троцкий энергично ратовал за введение всеобщей трудовой повинности. Этому вопросу он посвятил свои тезисы, написанные 16 декабря, во время недолгого пребывания в Москве [931] . Можно со всей ответственностью утверждать, что это был поистине чудовищный документ о всеобщем (а потому абсолютно утопическом) распределении трудовых ресурсов по тем отраслям экономики, какие будут объявлены советской властью наиболее целесообразными, и об ожидаемом «приучении» или, точнее, «приручении» населения к такому распределению при помощи неприкрытого насилия. Центральным был, по всей видимости, пункт четвертый: «До тех пор пока всеобщая трудовая повинность не войдет в норму, не закрепится привычкой и не приобретет бесспороного и непреложного для всех характера (что будет достигнуто путем воспитания, социального и школьного, и найдет полное выражение лишь у нового поколения), до тех пор, в течение значительного еще периода, переход к режиму всеобщей трудовой повинности должен неизбежно поддерживаться мерами принудительного характера, т[о] е[сть], в последнем счете, вооруженной силой пролетарского государства». Тезисы предусматривали относительно длительный период хозяйственного развития, в течение которого усилия сверху должны были дополняться «попытками и усилиями возрождения местных очагов хозяйства»; поддержкой местной инициативы; созданием территориально административных военно хозяйственных округов, в которых аппарат военного ведомства – местные военные комиссариаты – стали бы одновременно аппаратом трудовой мобилизации; постепенным переходом к милиционной системе комплектования армии. Вместе с тем в тезисах звучали некоторые мысли, связанные с отказом от отдельных мер военного коммунизма, в частности от ее главного элемента – продовольственной разверстки. Но об этом было сказано настолько завуалированно, что даже сам термин «продразверстка» не упоминался, так как у Троцкого не было четкого понимания того, что именно должно быть сделано для обеспечения продовольствия пролетариата и где проходит граница между натуральным налогом, получаемым с крестьян, и продразверсткой, поскольку и то и другое автор документа предлагал добывать на принудительной основе. Пункт пятый звучал так: «Элементарным условием всякого дальнейшего хозяйственного развития является обеспечение рабочих обрабатывающей промышленности, транспорта и городского населения вообще необходимыми предметами питания. До соответствующего поднятия обрабатывающей промышленности и до установления этой последней и сельским хозяйством естественного и обоюдовыгодного продуктообмена, извлечение из деревни предметов продовольствия естественно останется для сознания наиболее зажиточных кругов крестьянства натуральным государственным налогом, правильность поступления которого может быть обеспечена только принудительной силой государства».

Иными словами, вместо продразверстки Троцкий предлагал ввести продналог, который предусматривал применение силы. Вслед за этим последовали многочисленные доклады и другие выступления Троцкого, а также печатные обращения с разного рода разъяснениями, обоснованиями и восхвалениями введения всеобщей трудовой повинности. Троцкому удалось опубликовать свои несколько модифицированные тезисы от имени ЦК РКП(б). Напечатаны они были в самом начале 1920 г. в виде брошюры, выпущенной типографией его поезда [932] . Милитаристские моменты в этих тезисах были еще более усилены, казавшиеся же послаблением соображения, прежде всего связанные с продовольственным налогом, были предусмотрительно опущены. Вскоре после появления на свет своих тезисов Троцкий подготовил заявление в ЦК, в котором подверг сомнению целесообразность ряда элементов военного коммунизма. Он назвал новый документ «Основные вопросы продовольственной и земельной политики». Документ был представлен высшим партийным кругам дважды. В первый раз Троцкий отправил его с Урала в феврале 1920 г. [933] В экземпляре, адресованном Ленину, документ именовался «соображениями». В телеграмме Ленину, посланной из поезда наркомвоенмора, говорилось: «При сем препровождается Вам черновой набросок соображений: 1) по продовольственной политике; 2) о договорных отношениях в рамках общегосударственного хозяйственного плана. Ни то, ни другое не есть проект тезисов для оглашения, а лишь черновой набросок для согласования в ЦК. Если таковое будет достигнуто, формулировка должна быть существенно иная,

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.o

особенно по продовольственному вопросу» [934] .

Сам Троцкий следующим образом комментировал свои тезисы: «С Урала я привез значительный запас хозяйственных наблюдений, которые резюмировались одним общим выводом: надо отказаться от военного коммунизма. Мне стало на практической работе совершенно ясно, что методы военного коммунизма, навязывавшиеся нам всей обстановкой Гражданской войны, исчерпали себя и что для подъема хозяйства необходимо во что бы то ни стало ввести элемент личной заинтересованности, т. е. восстановить в той или другой степени внутренний рынок. Я представил Центральному комитету проект замены продовольственной разверстки хлебным налогом и введения товарообмена» [935] .

В заявлении, посланном в ЦК, Троцкий констатировал, что государственная продовольственная политика построена на отобрании у крестьян излишков сверх потребительской нормы, которая советским правительством была определена настолько низко, что оставляла крестьянину минимум необходимых продуктов, достаточный для того, чтобы тот не умер с голоду. Это, в свою очередь, утверждал Троцкий, толкает крестьянина на обработку земли только в пределах потребности своей семьи. Более того, изданный декрет об изъятии третьей коровы «как излишней» приводит к тайному убою скота, к нелегальной распродаже мяса и разрушению молочного хозяйства. В результате промышленность теряет рабочую силу, «земледелие эволюционирует в сторону увеличения числа самодовлеющих продовольственных хозяйств», то есть в сторону натуральной экономики. «Нынешняя политика уравнилительной реквизиции по продовольственным нормам, круговой поруки при сыпке и уравнилительного распределения продуктов промышленности направлена на понижение земледелия, на распыление промышленного пролетариата и грозит окончательно подорвать хозяйственную жизнь страны». Троцкий предлагал поэтому «постепенное ослабление нажима на кулака», «более осторожное отношение к крестьянским верхам».

Автор документа предупреждал, что продовольственные ресурсы страны грозят иссякнуть, от чего не может спасти никакое усовершенствование реквизиционного аппарата и ужесточение карательных мер. Оставалось, правда, неясным, какова была связь между уравнилительной реквизицией и «распылением» рабочего класса. Скорее всего, Троцкий искусственно привязывал одну хозяйственную угрозу к другой. Однако об опасности сохранения реквизиционных порядков, и только о них, в заявлении говорилось вполне четко. Так что речь в документе шла не о пороках всей системы военного коммунизма, а только об одной его составной, правда важнейшей, части – об опасности сохранения продразверстки, полностью лишившей крестьянство материальной заинтересованности в повышении урожайности. Троцкий не предлагал ввести свободную рыночную торговлю зерновыми и другими сельскохозяйственными продуктами первой необходимости. Полагая целесообразным заменить изъятие «известным отчислением», или своего рода подходящим прогрессивным натуральным налогом, он выражал робкую надежду, что такая мера может быть выгодной для крестьян при проведении «более крупной запашки или лучшей обработки». Под «более крупной запашкой» явно подразумевался постепенный переход к коллективной обработке земли, ибо автор не мог иметь в виду концентрацию земельных владений в частных руках, то есть укрепление и расширение слоя богатых крестьян – столь ненавидимых им «кулаков». Весьма неопределенно, в самых общих контурах, здесь вырисовывались будущие перспективы коллективизации сельского хозяйства.

Суммируя свои предложения, он утверждал, что между ослаблением нажима на кулака и расширением «советского хозяйства» нет какого бы то ни было противоречия: «Мы более осторожно относимся к крестьянским верхам до тех пор, пока не сможем центр тяжести продовольственной политики перенести на совхозы и общественную запашку», – писал Троцкий, вновь указывая на коллективную форму собственности в деревне, как образец будущего сельского хозяйства. На военно коммунистические основы распределения промышленных изделий в обмен на сдачу хлеба государству Троцкий не покушался; он только делал из них некоторое изъятие. Да и сам Троцкий признавал, что его предложения были крайне осторожными, оговариваясь, что и новая экономическая политика, провозглашенная советским правительством примерно через год, вначале тоже не шла дальше его «соображений» [936] , хотя уже в 1924 г., переоценивая значение своих тезисов, автор объявил их предвестником новой экономической политики государства: «Весь текст в целом представляет довольно законченное предложение перехода к Новой экономической политике в деревне... Предложения эти были тогда Центральным комитетом отклонены» [937] . Тем не менее о переходе к принципиально новой экономической политике в деревне в предложениях Троцкого речи не было, о полном отказе от военного коммунизма – тоже. Речь шла только о частичном изъятии из него некоторых, хотя и важных, элементов, связанных с конфискацией продовольственных излишков у крестьян.

В феврале 1920 г. на документ Троцкого просто не обратили внимания. Видимо,

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.о именно тогда на нем появилась собственноручная надпись Ленина: «В архив». Возвратившись в Москву, Троцкий вторично послал эти тезисы, теперь уже на имя Ленина, Крестинского, Бухарина и Каменева, которых в то время считали политическими и теоретическими авторитетами партии. В сопроводительной записке, датированной 20 марта, автор буквально повторил свою прежнюю сопроводительную записку [938]. Теперь уже «соображения» Троцкого рассмотрел ЦК, но скромная инициатива наркома была сочтена ересью. Троцкий был обвинен во «фритредерстве», то есть в стремлении ввести свободную торговлю, что считалось всеми правозверными большевиками, включая его самого, грубым отступлением от коммунистических канонов. Ленин резко и решительно выступил за сохранение военного коммунизма в полном объеме. Предложение Троцкого было провалено одиннадцатью голосами против четырех.

Троцкий пытался аргументировать свою точку зрения тем, что официальная продовольственная политика все равно развертывается на основе мелкобуржуазного хозяйства, что необходимо создать в этой области стимул к улучшению крестьянской производственной инициативы, что это может быть сделано при полном сохранении пролетарской диктатуры, путем уступок экономического характера. Но переубедить большинство ЦК он не смог. На тезисах Троцкого после их обсуждения Ленин снова собственноручно, во второй раз, написал: «В архив» [939]. Так и остался в архивном фонде ЦК партии этот удивительный документ с двумя одинаковыми ленинскими резолюциями: одной – вверху документа, другой – сбоку.

Что же произошло с Троцким? Почему он столь легко разрешил сдать в архив записи казавшихся ему важными мыслей, с которыми дважды он пробовал подступить к Ленину? По каким причинам он отказался от весьма ограниченной, но все же явно правильной, как показало будущее, инициативы? Неужели речь шла всего лишь о подчинении партийной дисциплине и авторитету Ленина? Можно предположить, что в данном случае Троцкий действительно оказался в идеологическом тупике.

Марксистские догмы, каноны концепции перманентной революции, требовали любой ценой направить все усилия на выживание советской власти в России – до наступления заветной мировой или хотя бы европейской революции. Наилучшим средством для этого могла быть, в представлении Троцкого, жесткая система государственного управления всеми сферами жизнедеятельности населения, суровая дисциплина в экономической и политической области, обеспечение городского населения продуктами сельского хозяйства по минимальным прожиточным, голодным нормам при столь же нищенском существовании крестьянства, непрерываемое проведение партийной линии в идеологической и пропагандистской области, безжалостное подавление любого недовольства и каких бы то ни было выступлений против существовавшей власти, даже если они происходили под советскими или партийно коммунистическими знаменами. Иначе говоря, Троцкий представлял себе всю Россию в качестве единого «военного лагеря», построенного по тем же принципам единоначалия и жесткого регулирования, которые он сумел насадить в Красной армии.

В то же время Троцкий стал воочию замечать, что эта система не просто дает сбои, но может внезапно начать рушиться и потерпит крах, не дожив до сильно запаздывавшей международной революции. Такого рода откровения возникали перед внимательным взором эмоционального наркома далеко не часто, но, когда все же возникали, они оказывали весомое воздействие на весь характер его мышления. Скорее всего, именно во время таких приступов разочарования и возникли «соображения», с которыми Троцкий поделился с членами ЦК. Троцкий не считал, что система военного коммунизма изжила себя. У Троцкого произошел непродолжительный еретический загиб, который им же был подавлен и преодолен. Убедительным свидетельством этого может служить тот факт, что уже 8 марта Политбюро рассмотрело новые тезисы Троцкого – «Об очередных задачах хозяйственного строительства», главной идеей которых было усиление военно коммунистических методов в народном хозяйстве, и постановило опубликовать их в «Известиях» как тезисы ЦК [940].

Наркомвоенмор перестроился очень быстро. весь 1920 и начало 1921 г. Троцкий провел, осуществляя на практике идею милитаризации труда, превращая значительную часть советских войск в «трудовую армию». А это означало не что иное, как попытку возвращения к полурабскому, военно феодальному труду миллионов людей, увод страны в средневековье.

2. Трудовые армии

С февраля – марта 1920 г. значительная часть усилий наркома была направлена на практическую реализацию трудовой повинности на началах милитаризации труда. Основным направлением в этой области Троцкий считал использование на «трудовом фронте» воинских частей, освобожденных от необходимости в данный момент воевать.

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.o

Схема, придуманная Троцким, была стара и банальна: если и когда армия не воюет, она работает.

Еще 27 декабря 1919 г. по предложению Троцкого Совнарком образовал комиссию из представителей ряда ведомств по вопросам всеобщей трудовой повинности. В задачу комиссии, председателем которой был утвержден Троцкий (она располагалась в помещении секретариата председателя Реввоенсовета по улице Знаменке, 12), входила выработка законодательных мер, которые должны были бы обеспечить рабочей силой хозяйственные потребности страны. Не желавший откладывать дело в долгий ящик, Лев Давидович уже 30 декабря провел первое заседание комиссии [941]. 1 января 1920 г. Троцкий сообщил находившемуся не у дел М.Д. Бонч Бруевичу (он подал в отставку с поста начальника полевого штаба Реввоенсовета еще в июле 1919 г.) о состоявшемся под руководством наркома заседании межведомственной комиссии по трудовой повинности, на котором было принято решение привлечь «военный аппарат учета и мобилизации» к проведению всеобщей трудовой повинности и поручить эту работу Бонч Бруевичу. Предполагалось включить в служебную книжку красноармейца вопрос о профессиональной квалификации, провести анализ того, какие воинские части могут быть использованы на тех или иных хозяйственных работах и какие транспортные и технические средства может выделить военное ведомство для проведения сельскохозяйственных и других работ.

Троцкий предлагал Бонч Бруевичу взять на себя непосредственное руководство всеми подготовительными работами, причем это «предложение» фактически было приказом, ибо Бонч Бруевичу предписывалось немедленно приступить к работе совместно с центральными штабными учреждениями Красной армии [942]. Впрочем, Бонч Бруевичу, видимо не без протекции своего брата, являвшегося управляющим делами Совнаркома, удалось отвертеться от этого «почетного» поручения, а затем перейти на педагогическую и научную работу [943]. Тогда Троцкий приказал Всеросглавштабу [944] привлечь местные гарнизоны к систематическому выполнению хозяйственных работ, причем командный и комиссарский состав должен был нести ответственность за своевременность выхода частей на работы и за «надлежащую» производительность труда [945]. Аналогичные указания были направлены на места.

Привлечение воинских частей к принудительному труду встречало, однако, противодействие со стороны как самих красноармейцев, так и значительной части командного состава. Свидетельством этого явился доклад командования Туркестанского фронта наркому, из которого следовало, что на работы в начале 1920 г. было выделено не более 10% личного состава. Это вызвало недовольство Троцкого, распорядившегося выработать совместно с местными хозяйственными органами план использования воинских частей, который являлся бы составной частью более широкого плана экономического развития [946]. Единственным районом, где удалось добиться значительных результатов, был Урал, но только благодаря тому, что на Урале Троцкий лично контролировал ситуацию и в течение нескольких недель, переезжая в своем поезде с места на место, угрожал тем, кто не выполнит приказ об отправке войск на работы.

Примерно в это же время Троцкий внес в Совет труда и обороны (СТО), которым руководил Ленин, проект постановления о 1 й армии труда. Проект с небольшими изменениями был утвержден 15 января [947]. 5 февраля 1920 г. постановлением Совнаркома был образован Главный комитет по трудовой повинности, в который входили представители ряда наркоматов, в том числе и Наркомата по военным и морским делам [948].

Это постановление дает довольно полное представление о тех надеждах и планах, которые возлагались на военизированный принудительный труд. Согласно документу, находившаяся на Урале 3 я армия, которая в предыдущем году сыграла важную роль в изгнании из этого региона войск колчака (ею были заняты Пермь, Екатеринбург и Тюмень), теперь реорганизовывалась в 1 ю армию труда, которую предусматривалось использовать как единое целое, без дробления ее аппарата.

Подчинение армии местным учреждениям исключалось. Было указано, что она подчинялась либо непосредственно Центру, либо «особому органу», который должен был иметь достаточные полномочия и фактически становился рангом выше всех местных организаций и властных структур. В качестве основных видов работ назывались заготовка хлеба (то есть осуществление продрозверстки), заготовка леса и подвоз его к железнодорожным станциям, организация для этого гужевого транспорта путем подводной повинности, а также учет и ремонт сельскохозяйственных орудий, сельскохозяйственные, а также строительные работы. Предусматривалось создать Совет трудовой армии с участием военных и представителей Наркоматов продовольствия, земледелия, путей сообщения и ВСНХ. Во главе Совета должен был стать особо уполномоченный СТО.

В развитие постановления Троцкий тотчас же опубликовал приказ памятку по реорганизуемой армии [949], представляя дело таким образом, будто инициатива в переводе воинских частей на принудительный труд исходила от личного состава.

Красноармейцы «3 й революционной армии» не помышляли, мол, о демобилизации и возвращении в родные места, а были настолько проникнуты «сознанием долга», что не хотели «терять времени даром». «В течение тех недель и месяцев передышки, – фантазировал Троцкий, – какие пришлось на ее долю», 3 я армия «применит свои силы и средства для хозяйственного поднятия страны. Оставаясь боевой силой, грозным врагом рабочего класса [950], она превращается в то же время в революционную армию труда». Иначе говоря, трудовая занятость 3 й армии считалась временной мерой, ибо не только не исключалась, но предусматривалась неизбежная новая крупная военная кампания против внешних врагов.

Троцкий обосновывал принудительное трудовое использование воинских частей необходимостью снабжения продовольствием голодающих рабочих Петрограда, Москвы «и всех других промышленных центров и районов». Основное предназначение «революционной армии труда» было как раз в том, чтобы в периоды отдыха между этапами перманентной революции интенсифицировать ограбление сельского населения, обеспечивая максимальный сбор продрозверстки, от которой всячески уклонялось крестьянство. Эта задача формулировалась открыто: «Планомерный сбор всех избытков хлеба, мяса, жиров, фуража в районе ее [армии] расположения, точный учет собираемых продовольственных запасов, энергичное и быстрое их сосредоточение к заводам и станциям железных дорог и погрузка в вагоны». Определялись и другие хозяйственные задачи, в том числе непосредственное участие в полевых работах. Не уточняя, какие именно поля должны будут обрабатывать красноармейцы, нарком фактически предусматривал создание неких сельскохозяйственных предприятий утопически коммунистического типа на земле, насильственно отобранной у крестьян, ибо другой пригодной для обработки свободной земли не существовало. Армии предназначалась роль инициатора в создании сельскохозяйственных коммун. Поразительно, но при этом в приказе памятке содержался призыв к установлению «дружных согласных отношений товарищества и сотрудничества» не только с уральскими и сибирскими пролетариями, но и с крестьянами. О какой дружбе с крестьянами можно было вести разговор при таких исходных установках?

Намечая агитационно пропагандистские акции, в том числе издание ежедневной газеты и печатных воззваний, нарком все же главное внимание в деле стимуляции труда уделял карательным мерам, насилию и террору. Он предписывал революционному трибуналу «карать лодырей, паразитов, саботажников, расхитителей народного достояния». Он торжественно провозглашал: «Дезертир в труде так же презрен и бесчестен, как и дезертир в бою. Обоим суровая кара». Так что карались не только крестьяне, отказывающиеся сдавать свой хлеб; карались и те солдаты, которые отказывались в этом грабеже участвовать. Наконец, отдельной телеграммой, посланной 5 февраля 1920 г. в Реввоенсовет 3 й армии, Троцкий приказывал объявить крестьян мобилизованными для несения трудовой повинности [951]. Труд должен был стать принудительным не только для военнослужащих, но и для гражданского населения, в том числе и для крестьян.

С середины февраля, разъезжая в течение нескольких недель в своем поезде по Уралу, Троцкий выступал на собраниях и митингах, отдавал все новые и новые приказы и распоряжения по трудовой своей армии, убеждал со свойственным ему красноречием, что милитаризация труда не имеет никакого отношения к принудительке. На собрании партийных и рабочих организаций Оренбурга 17 февраля [952] он уверял присутствующих, что демобилизация армии явилась бы непростительным легкомыслием. «Мы, правда, закончили нашу задачу на три четверти, но четверть еще осталась, а невырубленный лес быстро зарастает». Троцкий выражал недовольство отсутствием «боевой самоотверженности на хозяйственном фронте» и с особой злобой отметал все чаще встречавшиеся (и не лишённые оснований) сравнения милитаризации труда с аракчеевщиной в царской России или даже рабством в Древнем Египте.

Только косвенно, на основании жестких приказов Троцкого, можно судить о том, что принудительный труд, как это и следовало ожидать, не был эффективным. В приказе от 3 марта 1920 г. «на борьбу с трудовым дезертирством!» [953] нарком перечислил целых восемь форм «дезертирства»: неявка по трудовой мобилизации; неявка по трудовой повинности; уклонение от трудового учета; невыход на работу без уважительных причин; самовольный уход с работы; уклонение от труда путем занятия фиктивных должностей, командировок и т. п.; уклонение от труда путем симуляции болезни; намеренная невыработка нормы. За дезертирство, как и за его покрывательство или непринятие против него должных карательных мер, предусматривались наказания, начиная со сравнительно мягких, например выговора или занесения в вывешиваемый «черный список», и заканчивая весьма жесткими – переводом в штрафные части с увеличением объема работ без оплаты сверхурочных часов.

О том, насколько безграничной была фантазия Троцкого, ужесточавшего и

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.о расширявшего сферу деятельности трудовых армий и мобилизованного населения, говорит, например, жесткий приказ от 20 февраля о наведении чистоты на рабочем месте в свободное от работы время с привлечением местного населения [954] . Сталин, подражая Троцкому, такого рода указы стал издавать только в канун Великой Отечественной войны.

В начале марта по распоряжению и с предисловием Троцкого была опубликована сводка работ 1 й армии с 1 по 18 февраля [955] . Эта сводка охватывала заготовку топлива, работу на железнодорожном транспорте и некоторые другие виды хозяйственной деятельности, на которых было занято 239,5 тысячи военнослужащих и 7,3 тысячи мобилизованных для трудовой повинности гражданских лиц. Поразительно, но о предполагавшемся главном направлении функционирования трудовой армии – сборе продналога и участии в сельскохозяйственных работах – в сводке не было сказано ни слова. Ясно было, что этот «участок фронта» был то ли полностью провален, то ли за него не брались вообще. Упоминалось, что указанный период «был в высшей степени неблагоприятным», что в работах не участвовала «забронированная» (кем и почему, не отмечалось) кавалерийская дивизия, которая теперь только начинает применяться для продовольственных заготовок, причем «с большим успехом». Троцкий полагал, что «приобретены предварительные навыки, которые позволяют надеяться на крупные успехи в дальнейшем».

Впрочем, это то, что говорилось публично. В секретной телефонограмме командованию 1 й трудовой армии Троцкий писал совсем другое: «Трудовые сводки дают поразительнейшую картину позорнейшего провала трудовой армии. При колоссальном аппарате ничтожный результат. Существование Политотдела с большим аппаратом и ежедневной газетой и пр. является при таком положении вопиющим противоречием» [956] . Троцкий требовал поэтому ужесточить режим работы трудовой армии, в частности, лишать солдат еженедельного дневного отдыха, вводить субботники и воскресники.

В том, что ужесточение режима – мера целесообразная, Троцкий был един во мнении с Лениным. Но в оценке результатов советские лидеры расходились. Ленин считал, что происходит «великий почин». Троцкий, может быть потому, что руководил акцией, смотрел на вещи более трезво. В приказе по 1 й трудовой армии от 4 марта 1920 г. говорилось: «Многие факты свидетельствуют, что использование рабочей силы при субботниках и воскресниках проводится нередко с преступной небрежностью, заранее обработанного плана работ нет, число привлеченных рабочих рук не отвечает трудовой задаче, инструкторов не хватает; наконец, нередко наспех поставленная трудовая задача является совершенно бессмысленной» [957] . (Тем не менее бессмысленные работы в выходные дни продолжались все последующие годы, постепенно превращаясь в анекдотический абсурд.)

Будучи человеком весьма энергичным и упорным, пытаясь любой ценой осуществить поставленные им самим или поставленные перед ним задачи, Троцкий все более затягивал «военно коммунистическую петлю» на шею русского народа. В очередной раз Троцкий с его энергией, настойчивостью и решительностью в проведении поставленных задач оказался в нужное для большевиков время на нужной большевикам должности руководителя военным ведомством, к которому отошли и трудовые армии. Если добавить к этому исключительную плодовитость Троцкого в написании всевозможных статей, брошюр, тезисов, его постоянное внимание к тому, чтобы все эти материалы были срочно и как можно более широко растиражированы, если учесть, что в его личном распоряжении была неплохо оборудованная типография поезда наркомвоенмора, то становится ясным, почему именно Троцкий выдвинулся на первый план в пресловутой и безуспешной попытке создания всеобщей системы принудительного труда.

3. IX съезд партии

С 29 марта по 5 апреля 1920 г. проходил IX съезд РКП(б). Если в работе VIII съезда Троцкий не участвовал, то на IX он стал одной из ключевых фигур. Съезд прошел под знаком военного коммунизма при полном содействии и активнейшем участии Троцкого, выступления которого были нацелены на дальнейшее закручивание гаек. В частности, он обрушился на так называемую «рабочую оппозицию», робко выступившую против централизаторских и казенно бюрократических тенденций, все более распространявшихся в высших и средних партийно государственных слоях. Настроенный когда то против бюрократии, Троцкий разделял некоторые установки членов «рабочей оппозиции», порой даже поддерживал их инициативы. Но на съезде он выступил против них и за усиление контроля ЦК над ВЦИКом и профсоюзами. Два года, проведенные на высшей военной должности, превратили Троцкого в ярого защитника той самой административно командной системы в партии и государстве, которую через несколько лет начнет усердно развивать его соперник Сталин и против которой Троцкий развернет самую ожесточенную и непримиримую борьбу.

Даже в бюрократии как таковой Троцкий видел теперь две стороны: хорошую и плохую. В типографии поезда наркомвоенмора была напечатана его небольшая брошюра, в которой доказывалась необходимость перехода к единому хозяйственному плану развития страны [958]. Видно было, насколько противоречив был нарком, понимавший неэффективность советской экономики, но не находивший средств для излечения уже затянувшихся ее болезней. Он, с одной стороны, предлагал упростить аппарат управления, а с другой – создать некую новую надстройку, чтобы обеспечить единство управления всеми хозяйственными комиссариатами. Он предлагал бороться против бюрократизма с его «безжизненной формалистикой» и в то же время признавал необходимость бюрократии, без которой не может существовать ни одно государство. «Мы страдаем не столько от того, что усвоили дурные стороны бюрократии, сколько от того, что еще не усвоили ее хороших сторон», – сетовал он [959].

На IX съезде Троцкий выступил с обширным докладом о хозяйственном строительстве [960], что вновь свидетельствовало о том новом главном направлении деятельности, к которому он начинал привыкать. Основное внимание в докладе было уделено, вполне по Марксу, организации труда, которая определялась следующим образом: «Организация труда есть по существу организация нового общества, ибо каждое историческое общество есть организация труда. Мы организуем или приступаем к организации труда на новых социалистических основах».

Троцкий был весьма откровенен и в своей откровенности циничен: «Человек есть довольно ленивое животное, и на этом качестве в сущности основан человеческий прогресс, потому что если бы человек не стремился экономно расходовать свою силу, не стремился бы за малое количество энергии получить как можно больше продуктов, то не было бы развития техники и общественной культуры». Задача власти состояла, по его мнению, именно в том, чтобы ввести леность в определенные, ограниченные рамки путем милитаризации труда, то есть путем дальнейшего углубления и расширения военно коммунистических принудительных методов ведения всего народного хозяйства.

Намечая перспективы хозяйственного развития страны, Троцкий формулировал следующее распределение приоритетов: улучшение состояния транспорта; развитие машиностроения в интересах транспорта, добычи сырья и продовольствия; развитие машиностроения в интересах производства предметов массового потребления; производство предметов широкого потребления. Так определялся курс на преимущественное развитие «группы А», то есть средств производства, в ущерб, а во многих случаях и при полном пренебрежении к «группе Б», то есть к производству предметов потребления. Этот сформулированный в самом начале существования советской власти курс был характерен затем для всего исторического пути развития в СССР.

В докладе о хозяйственном строительстве Троцкий пытался обобщить опыт уральской 1-й трудовой армии и распространить его на всю экономическую жизнь страны. В основу доклада легли написанные Троцким тезисы «О мобилизации индустриального пролетариата, трудовой повинности, милитаризации хозяйства и применении воинских частей для хозяйственных нужд». Тезисам был придан статус официальных тезисов ЦК РКП(б), но опубликованы они полностью только в походной типографии поезда Троцкого и его брошюре «Очередные задачи хозяйственного строительства», отпечатанной там же [961].

Основной смысл выдвигаемых на съезде предложений, которые часто прерывались аплодисментами, состоял во введении единого хозяйственного плана, в соответствии с которым и осуществлялась бы дальнейшая милитаризация труда. Речь шла о прикреплении рабочих к заводам и фабрикам, о возможности «переброски» рабочей силы с одного предприятия на другое, о создании специального аппарата принуждения для всех трудящихся. Рабочая масса «должна быть перебрасываема, назначаемая, командуема точно так же, как солдаты», – говорил докладчик.

Милитаризация труда, по его мнению, была немыслима без милитаризации профсоюзов, которым предназначалось стать в свою очередь инструментом, карающим тех, кто не выполняет распоряжений. Таковых следовало, по примеру 1-й армии, объявлять дезертирами. «Сейчас наша задача, – продолжал нарком, – заключается в том, чтобы этот [армейский] опыт перенести на трудовую область. И здесь режим твердой, неукоснительной, железной дисциплины является не менее важным и необходимым, чем в области Красной армии» [962].

Троцкий считал метод организации трудовых армий, основанных на принуждении, не исключением, не чрезвычайной мерой, а главным инструментом хозяйственного развития. Более того, он объявлял предрассудком «заявления», что принуждение не только не благоприятствует производительности труда, но является для нее величайшим тормозом. Он связывал принуждение с самой сущностью советской экономической системы. «В переходную эпоху принуждение играет в организации труда огромную роль, и если принудительный труд непроизводителен, то, стало

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.0
быть, этим осуждается наше хозяйство» [963] .
Впрочем, Троцкий вступал в прямое противоречие с собственными общими заявлениями, когда признавал необходимость личной заинтересованности, премиальной системы и т. п., а вслед за этим даже проговаривался, что труд двух трудовых армий – на Урале и в западной части страны (эта трудовая армия только начала формироваться и так и не была создана полностью) [964] – непроизводителен. Явно не соответствовали действительности и прямо противоречили имевшимся в его распоряжении отчетам сведения о распределении трудовой армии по видам работы. В качестве таковых назывались «продовольствие» – 35%, промышленность – 20%, «остальные задачи» – 50% [965] . Совершенно очевидно, что докладчик произвольно называл проценты по весьма нечетко определяемым им отраслям, ибо «продовольствием», то есть собиранием продрозверстки, трудовая армия так и не успела заняться. Непонятно, в чем состояли «остальные задачи», которые вместе с двумя названными ранее составляли на 5% больше, чем целое (105%). Переходя от абстракций к конкретике, Троцкий оказывался в совершенно чуждом и непонятном ему мире. Он все более попадал в заколдованный круг неразрешимых противоречий военного коммунизма, который он теперь со всей своей энергией пытался подстегивать, но который был в состоянии двигаться только на холостом ходу. Еще один доклад Троцкого – о переходе к милиционной системе в построении Красной армии [966] – логически и организационно вытекал из его же концепции экономического развития страны. Оратор исходил из того, что вооруженные силы должны соответствовать новому периоду – переходу к мирному строительству. Трактую вопрос расширительно, ссылаясь на авторитеты Ж. Жореса, А. Бебеля и других социалистических экспертов милиционного построения армии и всеобщего военного обучения с периодическими призывами обучаемых на сборы, Троцкий ставил своей задачей вовлечь в процесс все население страны, способное носить оружие. Он пришел к весьма нетривиальному и спорному выводу, что во время «империалистической войны» все страны «перешли к милиции», так как была мобилизована масса людей, но это была плохая, наспех сколоченная милиция, «импровизированная, а не организационно подготовленная заранее». Теперь же Троцкий ставил значительно более широкую задачу: не только милитаризации труда, но милитаризации всей хозяйственной жизни, всего быта страны. «Раз страна хочет поднять на ноги все боеспособное население, то нужно иметь огромные запасы вооружения и снаряжения». Правда, Троцкий делал оговорку, что переход к милиционной системе должен происходить постепенно, чтобы страна не оказалась застигнутой врасплох какой-нибудь неожиданностью, например войной, но необходимость перехода к мобилизационной системе, предусматривающей всеобщую милитаризацию страны, был сформулирован Троцким достаточно четко. Троцкий признавал колоссальные расходы, которых требовала намечаемая им милиционная система. Но это его не останавливало. Он ставил задачу «индустриализации нашей армии». Похоже, это было первое употребление термина «индустриализация» применительно к задачам хозяйственного строительства, которые ставили коммунистические руководители перед Советской Россией. Он предложил создать новые военные округа на базе территориальных хозяйственных единиц, развил утопические представления о переходе к «производственно потребительской коммуне» в виде Красной армии, которая по своему типу «приблизится к вооруженному коммунистическому народу» [967] , настаивал, чтобы все население округа, способное носить оружие, включалось «в определенные соединения, начиная с роты и кончая дивизией», причем каждому гражданину, способному носить оружие, присваивался определенный порядковый номер. Он очевидным образом пытался скрестить перманентную революцию с хозяйственной прозой восстановления разрушенной экономики России: «Мы можем оказаться в необходимости оказать поддержку революционному рабочему классу в других странах. Но теперь нам необходимо иметь в руках молот, топор, пилу, хотя в то же время мы не можем спускать глаз и со своей винтовки, временно поставленной в угол. В условиях соединения труда и обороны, обороны и труда лежит основа того, что должно сделать Советскую республику самой могущественной в мире страной» [968] . В то же время милиционную систему Троцкий теснейшим образом увязывал с милитаризацией труда, ибо она «не расчленяет оборону и труд, не отделяет рабочего класса от армии».
При обсуждении доклада о милиционной системе дискуссии не было: затрагивались только второстепенные и конкретные вопросы осуществления выдвинутых идей, сама же резолюция по докладу Троцкого была принята единогласно [969] . Она должна была послужить еще одним указанием на то, что от идеи перманентной революции в международном масштабе никто не отказывался. Строительство армии, победы на фронтах, преодоление хозяйственной разрухи находились в прямой и непосредственной связи с мировым революционным взрывом, которому, по мысли Троцкого, еще только предстояло произойти.

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.o

В этих условиях даже в кругах партийных работников высокого ранга возникла группа деятелей, решительно выступивших против официального курса. Эта группа сложилась несколько ранее, она получила условное наименование группы «демократического централизма» и порой даже добивалась успеха на том или ином партийном форуме. В частности, в платформе и заявлениях группы демократических централистов (децистов), выступивших под руководством Тимофея Васильевича Сапронова [970] на VIII партконференции в декабре 1919 г., имелись предложения, в целом одобренные партконференцией, хотя принятые по инициативе децистов решения высшее руководство попросту проигнорировало.

На IX съезде партии взгляды этой группы выразил Осинский, выступивший с содокладом после Троцкого. Осинский возражал против излишней милитаризации труда, подверг осторожной критике игнорирование необходимости производства предметов широкого потребления и высказался против слепого копирования военных методов в экономике: «Мы не согласны с подчинением гражданских учреждений военным органам. Военизация нам не нужна, ибо внутри гражданского аппарата у нас есть органическая тяга к боевой работе... Не ломайте нашей сложившейся системы управления», – тщательно взывал Осинский [971].

Еще один содокладчик – Рыков – занял промежуточную позицию, считая, что переформированию воинских частей в трудовые армии не следует придавать решающего значения. «Я полагаю, что армия есть временное явление... – заявлял он. – Должен быть поставлен вопрос о частичной демобилизации, частичном сокращении [Красной армии], и было бы преступлением не сделать этого». Рыков предлагал в тезисы о хозяйственном строительстве внести поправку в том смысле, что трудовые армии создаются лишь постольку, поскольку та или иная армия не подлежит демобилизации [972].

Но и энергичные возражения Осинского, и весьма осторожные поправки Рыкова съездом не были приняты съездом во внимание. Подавляющее большинство участников съезда, в том числе наиболее авторитетные партийные лидеры, такие как Ленин и Бухарин, не только приняли, но развивали сформулированные Троцким пункты. Дальше всех пошел Бухарин, заявивший, что «милитаризация» – это «самоорганизация рабочего класса и организация рабочим классом других, близко к нему стоящих классов» [973].

В заключительном слове, столь же громоздком, как и сам доклад, Троцкий детально ответил на ряд замечаний. Но и по прениям, и по заключительному слову было видно, что против милитаризации труда никто на съезде серьезно не выступал. Более того, при обсуждении вопроса о профсоюзах, тесно связанного с вопросом о путях экономического развития, было очевидно единство взглядов Троцкого и Ленина. Резолюция по докладу Троцкого, подготовленная им самим, была принята с незначительными поправками [974].

4. Транспорт и Донбасс

В 1919 г. Ленин стал склоняться к мысли о том, чтобы в дополнение к военному ведомству поручить Троцкому также руководство железнодорожным транспортом, которое находилось в катастрофическом состоянии. Большевики считали восстановление железных дорог ключом к возрождению экономики всей страны (в рамках программы военного коммунизма). По данным Троцкого, осенью 1919 г. число «больных паровозов» достигло 60%. Это соотношение не изменилось и через полгода: на весну 1920 г. из 16 тысяч паровозов «здоровых» было лишь 40%, то есть менее 6,5 тысячи. Примерно через десятилетие Троцкий вспоминал: «Инженер Ломоносов [975], фактически управлявший в те месяцы транспортом, демонстрировал перед правительством диаграмму паровозной эпидемии. Указав математическую точку на протяжении 1920 года, он заявил: «Здесь наступает смерть». – Что же надо сделать? – спросил Ленин. – Чудес не бывает, ответил Ломоносов, – чудес не могут делать и большевики. Мы переглянулись... – А мы все таки попробуем сделать чудо, – сказал Ленин сухо сквозь зубы» [976].

С начала 1920 г. Ленин прибегал к помощи Троцкого для решения транспортных проблем неформально, как к нарккому по военным и морским делам. Так, 5 января Ленин рекомендовал Ломоносову «давать бумажки Троцкому» для передачи «по военным проводам» [977]. 9 марта 1920 г. Ленин телеграфировал Троцкому, что «Политбюро решило предложить» ему «сделаться нарккомом пути... Отвечайте немедленно» [978]. Троцкий не был в восторге от этой идеи. В его ответе из Екатеринбурга говорилось: «Политбюро знает, что я совершенно не знаком с административным аппаратом Нарккомпути. На первоначальное ознакомление уйдет несколько недель... Это создаст крайне трудное положение. Смысл предложения Политбюро очевидно тот, чтобы на время междуцарствия не ослабевал административный нажим. Я не возражаю, но считал бы целесообразным, чтобы в соответственном постановлении был отмечен временный характер назначения» [979].

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.o

Под «междущарствием» Троцкий имел в виду то, что бывший нарком Красин получил задание выехать за границу для установления торговых связей со странами Антанты. Должность наркома путей сообщения осталась поэтому вакантной.

Официально решение ВЦИКа о назначении Троцкого «временно исполняющим дела» наркома путей сообщения было принято 23 марта 1920 г. [980] «Год работы на транспорте, – вспоминал Троцкий, – был для меня лично годом большой школы. Все принципиальные вопросы социалистической организации хозяйства получали в области транспорта наиболее концентрированное выражение. Огромное количество паровозных и вагонных типов загромождало железные дороги и мастерские. Нормализация транспортного хозяйства, которое до революции было наполовину казенным, наполовину частным, стало предметом больших подготовительных работ» [981]. С мая в директивах Троцкого и переписке значится, однако, уже титул «наркомпуть» без вводного «исполняющий дела». Троцкий стал полноценным наркомом путей сообщения. Он перенес в новый наркомат и на транспорт весь свой властный опыт и нравы, сложившиеся в военном ведомстве. Ранее он выдвинул лозунг: «Пролетарий, на коня!», который теперь с легкостью видоизменил и дополнил новым кличем: «Пролетарий, на паровоз!» [982]

В области железнодорожного транспорта заметным документом стал приказ Троцкого от 22 мая 1920 г. за № 1042. Дело в том, что этот приказ был своего рода прообразом будущего отраслевого планирования развития советской экономики, в частности в рамках известных пятилетних планов. В приказе определялись основанные на расчетах специалистов перспективные задания по восстановлению паровозного парка с тем, чтобы к началу 1925 г. страна имела около 13 тысяч «здоровых» паровозов. При этом в план не включались паровозы, которые предполагалось закупить за границей.

Троцкий оценивал этот план как минимальный, заложив тем самым порочную традицию «перевыполнения планов», которая вела к нарушению хозяйственных пропорций. Он, однако, утверждал, что «превышение плана отдельными дорогами и отдельными мастерскими нисколько не нарушит его стройности, а только даст возможность сократить срок с 4 1/2 лет до 4 х или 3 х». «Социалистическое хозяйство может быть только плановым, – продолжал он в статье, разъяснявшей этот приказ. – Оно основано на строгом учете того, что есть, что необходимо, и того, что мы способны сделать. Приказ № 1042 дает нам такого рода учет. Он является поэтому краеугольным камнем социалистической программы возрождения транспорта» [983]. Ленин одобрил приказ Троцкого как важную меру по восстановлению экономики страны в целом. Любопытно, что свои предложения по хозяйственным делам Ленин в первом экземпляре в то время посылал именно Троцкому, а затем уже другим членам ЦК. На VIII съезде Советов в декабре 1920 г. Ленин дважды ставил приказ Троцкого в пример другим ведомствам, особенно то, что первоначально намеченный срок ремонта, рассчитанный на четыре с половиной года, был сокращен до трех с половиной лет. Он, впрочем, полагал, что и этот срок мог бы быть сокращен еще на один год [984], но не говорил, как именно он советует добиться дальнейшего сокращения сроков ремонта.

Естественно, работа по восстановлению железнодорожного транспорта, проводившаяся на началах трудовой повинности, продвигалась крайне медленно, и Троцкий издавал один за другим приказы о борьбе против «трудового дезертизма», вплоть до предания уклонявшихся от работы суду революционного трибунала, как о том гласил, например, его приказ от 8 мая [985].

Осенью 1920 г. Троцкий занялся еще одним сложным участком хозяйственной деятельности. По докладной записке Троцкого от 2 ноября была образована комиссия Совнаркома по Донецкому каменноугольному бассейну. Образование комиссии мотивировалось катастрофическим положением Донбасса как в смысле падения производства, так и в плане тяжелых условий жизни шахтеров. Созданная 11 ноября под фактическим председательством Троцкого комиссия (официально она не имела председателя, но Троцкий представлял в ней Совнарком, а остальные участники были делегированы центральными отраслевыми и украинскими ведомствами) На VIII съезде Советов Ленин называл Троцкого председателем комиссии по Донбассу (Ленин В.И. ПСС. Т. 42. С. 151). [986]) выехала в тогдашнюю столицу Украины Харьков, затем в центральный город Донбасса Юзовку, а оттуда на несколько шахт бассейна. Комиссия провела в Донбассе около двух недель и установила, что положение шахтеров поистине чудовищное. Они неделями не получали продовольственных пайков, ходили в тряпье; приближавшиеся холода могли вызвать полную остановку шахт. Отчитываясь о состоянии дел на шахтах, Троцкий писал, что «методами агитационного, организационного и репрессивного характера на месте можно достигнуть лишь временных улучшений, за которыми [по] следует реакция в виде стачек, усиленного невыхода [на работу], кратковременного пребывания под землей и пр.» [987].

Срочно улучшили снабжение Донбасса. Туда была доставлена крупная партия одежды,

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo. o
обуви, белья, производственной одежды и рукавиц. Однако превратить Донбасс в «сытую, одетую, хорошо организованную губернию», как этого требовал Троцкий в указанной записке, в условиях общей нищеты и развала экономики было невозможно. Не помогали, разумеется, и страстные, чуть ли не истеричные словесные призывы Троцкого, вроде того, который был опубликован в «Правде» под заголовком «Россия, на помощь донецкому шахтеру!». Здесь автор обещал от имени шахтеров, которые, разумеется, его на это не уполномочивали, что они «воздадут сторицею» стране углем в обмен на хлеб, одежду и обувь [988] .
Пока еще единичные забастовки в Донбассе грозили перерасти в массовое движение неповиновения. Троцкий не сразу понял, что донбасские стачки – это только начало великой волны неповиновения, которая уже захлестнула страну. Близился 1921 г. Становилось ясно, что без изменения экономического и внутрисполитического курса удержать власть в своих руках коммунисты не смогут.

5. Профсоюзная дискуссия

Осенью 1920 г. в партийно правительственных кругах возникла дискуссия, внешне выглядывшая достаточно невинно: о месте и роли профсоюзов в хозяйственной и политической жизни страны. Смысл этой дискуссии не ясен даже сегодня, поскольку два основных ее участника – Троцкий и Ленин, – по существу, придерживались одной точки зрения по всем основным пунктам спора. Однако именно эта теоретическая дискуссия фактически превратилась в острый диспут о том, как дальше руководить государством, и получила неточное название «профсоюзная дискуссия». Существование неточности состояло в том, что реально речь шла не только о профсоюзах, а о методах управления и руководства страной и народом.

Троцкий занял во время этой дискуссии комфортные для него позиции, сформировавшиеся в тот период, когда он руководил военным ведомством. Собственно, именно Троцкий был если не инициатором дискуссии, то тем лицом, речи которого вызвали появление различных «платформ». Профсоюзы, которые до революции защищали интересы своих членов, добивались улучшения условий труда на началах рыночных отношений, порой прибегая к массовым коллективным акциям сопротивления, в частности к стачкам. При советской власти профсоюзы в общем то пытались заниматься своим традиционным делом – представлять интересы рабочих и служащих. В силу этого они совершенно не вписывались в жесткие «военно коммунистические» догмы, лежавшие в основе планов Троцкого. В глубине души Троцкий, по всей видимости, считал профсоюзы вообще излишними объединениями в условиях партийной диктатуры, которая, как он полагал, и без вмешательства профсоюзов выражает и защищает «коренные интересы» трудящегося населения. Тем не менее с существованием профсоюзов он вынужден был считаться. Вопрос был переведен в другую плоскость: как сделать профсоюзы безопасными для советской власти и использовать их в военно коммунистической системе, отстраиваемой большевиками. Троцкий находил ответ в прямом, официальном и открытом включении профобъединений в государственный механизм в качестве одного из его инструментов «мобилизации» рабочих для выполнения экономических задач. Постепенно в его голове созрел лозунг «огосударствливания» профсоюзов, который он и выдвинул публично.

Первое столкновение с непокорными профсоюзами произошло на железнодорожном транспорте, когда Троцкий стал во главе Наркомата путей сообщения и перевел железнодорожников на военное положение. Объединение транспортников пыталось робко протестовать. Тогда нарком попросту разогнал Всероссийский исполнительный комитет рабочих железнодорожного транспорта (Викжедор) и своей волей назначил другой его состав руководства профсоюзом [989] . Попыток сопротивления, как и полагал нарком, не было. После жестких административных и карательных мер транспорт стал работать несколько лучше, и Троцкий решил, что этот опыт следует распространить на другие отрасли, на все народное хозяйство РСФСР.

9 апреля 1920 г., выступая на III Всероссийском съезде профсоюзов, Троцкий предложил полностью перестроить работу профсоюзов, включив их в государственный хозяйственный аппарат [990] . В работе съезда пока принимали участие единичные руководители еще не полностью запрещенной меньшевистской партии: Дан, Мартов и Р.А. Абрамович. Последний был особенно энергичен, резко критиковал милитаризацию труда и отстаивал право профсоюзов защищать экономические интересы трудящихся. Группа меньшевиков даже внесла на обсуждение съезда проект резолюции по общеполитическому докладу Ленина, в котором вполне обоснованно милитаризация труда оценивалась как антирабочая акция, неизбежно ведущая к низкой производительности труда и бессмысленной трате рабочей силы.

Отвергнув этот проект, съезд утвердил резолюцию, которая требовала ввести во всех профорганизациях «суровую дисциплину, сделав профсоюзы, их органы, завкомы и советы союзов образцом точного и быстрого выполнения ответственных заданий,

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.o

выдвинутых грозным экономическим положением страны и борьбой за сохранение и развитие рабочей диктатуры» [991]. Эта резолюция, освященная авторитетом Ленина, предопределяла главные положения доклада Троцкого, который в порядке дня съезда был назван «О хозяйственных задачах», но который сам докладчик озаглавил конкретнее: «Профсоюзы и милитаризация труда».

Свое выступление Троцкий начал именно с обоснования милитаризации труда, с противопоставления «коммунистической» милитаризации «буржуазной», с попытки убедить слушателей, что «новая форма коллективной принудительности» выдержит экзамен на производительность. Но эта весьма скользкая тема была лишь введением к следующей, еще более сомнительной. Обосновывая введение единоначалия на промышленных предприятиях, оратор подменял один вопрос другим, ловко тасуя их, как карты. Он заявлял, что было бы величайшим заблуждением рассматривать введение единоначалия как «ущерб самостоятельности рабочего класса». Профсоюзы, по мнению Троцкого, были полезны, если прилагали свои усилия для реализации государственных хозяйственных заданий, и, наоборот, вредны, если отстаивали интересы своих членов.

В заключительном слове Троцкий был еще более агрессивным. Обращаясь к находившимся в зале меньшевикам, он патетически воскликнул: «Да вы поглядите на этот зал: вот он, класс! Рабочий класс здесь, перед нами и с нами, а вы, ничтожная кучка меньшевиков, пытаетесь убедить его мешанскими аргументами! Вы хотите быть опекунами этого класса. А между тем у него есть своя высокая самостоятельность, и эту самостоятельность он проявил, между прочим, и в том, что вас скинул и пошел вперед своей дорогой!» [992]

Под руководством Троцкого, как наркома путей сообщения, в июле 1920 г. был проведен II съезд железнодорожников. 21 июля Троцкий выступил на съезде с докладом [993]. Старые союзы железнодорожников – Викжель, Викжедор – не были, по его утверждению, в полном смысле слова профсоюзами. Это были организации тред-юнионистского типа – объединения рабочих «с целью поднятия их материального и морального уровня, улучшения их положения в борьбе с капиталом и государством». В Советском же государстве, по утверждению докладчика, классовая борьба с государством являлась бессмыслицей. Союз железнодорожников должен поэтому стать организацией производства, организацией управления транспортом, то есть полностью включиться в производственную администрацию, стать исполнителем воли наркома и наркомата. Троцкий убеждал делегатов съезда, что необходимо провести «полное слияние профессионального союза с административным аппаратом», что должен быть создан единый орган, который «в равной мере охватывает как административно-технические потребности транспорта, так и все стороны и интересы его работников» [994]. Из профсоюза, по его мнению, следовало удалить негодные элементы – всех тех, кто «сеет хаос и деморализацию». По существу, Троцкий отвергал необходимость существования профсоюзов как организаций, представляющих группу наемных рабочих и служащих со своими специфическими, отличными от административных интересами.

Своего рода итоговым документом, формулировавшим позицию Троцкого, была его брошюра «О роли и задачах профсоюзов», напечатанная осенью 1920 г. в типографии его поезда. Существенно новых мыслей она не содержала. Речь шла о все том же – «милитаризации» и «огосударствлении» профсоюзов. Вслед за этим, 3 ноября, на собрании коммунистической фракции V конференции профсоюзов, Троцкий бросил лозунг о необходимости «перетряхивания» профсоюзов, то есть замены избранных руководителей – назначаемыми, и «завинчивания гаек военного коммунизма», не объяснив, впрочем, в чем именно такое «завинчивание» должно состоять.

Выступления Троцкого с предложениями «огосударствления» профсоюзов, их включения в административную систему и, таким образом, лишения их специфических функций вызвали резкие возражения со стороны членов партии, образовавших так называемую «рабочую оппозицию» (во главе со А.Г. Шляпниковым и А.М. Коллонтай). Эти деятели называли Троцкого, да и самого Ленина «военизаторами труда», пособниками неравенства. Они выдвигали лозунг созыва Всероссийского съезда производителей, который взял бы на себя или же перепоручил профсоюзам управление всем народным хозяйством. По ряду вопросов близкие к «рабочей оппозиции» позиции занимала и группа демократического централизма.

Появилась платформа Бухарина, пытавшегося примирить две крайние точки зрения: Троцкого и «рабочей оппозиции». В ходе страстных споров политические платформы Троцкого и Бухарина несколько сблизились – Бухарин практически перешел на позиции Троцкого. В декабре 1920 г. оба деятеля даже предложили совместный проект резолюции о роли и задачах профсоюзов на делегатском собрании Замоскворецкого района Москвы [995]. Проект был полностью выдержан в духе взглядов Троцкого.

Вне двух крайних течений находилась группа, которую возглавил Ленин. Анализ выступлений участников этой группы (Зиновьева, Каменева, Сталина) показывает,

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.o

что, по существу, ее позиция мало чем отличалась от точки зрения Троцкого. Тем не менее Ленин вступил с Троцким в жесткую перепалку именно по профсоюзному вопросу, передергивая его заявления и выхватывая слова из контекста. Похоже, что Ленин искал повода, чтобы пойти на теоретический и идеологический конфликт с Троцким, и не нашел ничего лучшего, как выискать противоречия между своим и Троцкого подходом к профсоюзной теме. Но именно потому, что разногласия эти были высосаны Лениным из пальца, постороннему наблюдателю определить их было совершенно невозможно.

Ленин выдвинул демагогический и ничего не говорящий лозунг «Профсоюзы – школа коммунизма». Что эта формула означала и что Ленин имел в виду, он сам, похоже, не знал и объяснить не мог. Ленин стремился превратить профсоюзы в совершенно безликий и безголосый придаток партии и государства. Но в этом смысле планы Ленина ничем не отличались от намерений Троцкого.

Собственно, именно Ленин формально начал дискуссию, безапелляционно обрушившись на Троцкого в выступлении на объединенном заседании коммунистов – делегатов VIII съезда Советов, членов ВЦСПС и Московского совета профсоюзов 10 декабря 1920 г. Поводом была упомянутая брошюра Троцкого «О роли и задачах профсоюзов», причем, будучи не в состоянии высказать ни одной конкретной претензии к платформе Троцкого, Ленин отделялся, как в старые дореволюционные годы, самыми общими фразами о том, «какое количество теоретических ошибок и вопиющих неграмотностей сосредоточено» в брошюре Троцкого и какая у автора в голове идейная путаница [996] .

Ленин обвинял Троцкого в неправильных методах подхода к массе, в принципиальной ошибочности идеи слияния профсоюзов с государственными органами, в неправильности отрицания роли профсоюзов в защите материальных и духовных интересов рабочего класса в буржуазном и в рабочем государстве, в том, что тот пытается перенести «вопреки его сознанию и воле» на область хозяйственного строительства «не лучшее, а худшее в военном опыте». Ленин делал вид и вывод, что «тезисы» (брошюра) Троцкого – «политически вредная вещь, что его политика – это бюрократическое дерганье профсоюзов» [997] .

Ленин еще более заострил свои нападки на Троцкого в выпущенной в самом начале 1921 г. брошюре «Кризис партии». Собственно говоря, вся эта брошюра была направлена против Троцкого в связи с тем, что тот не покаялся и повторил свои предложения о включении профсоюзов в госаппарат на V Всероссийской конференции профсоюзов 2 – 6 ноября 1920 г., а затем на пленуме ЦК РКП(б) 8 – 9 ноября. На этом пленуме упрямый Троцкий внес на рассмотрение свои тезисы «Профессиональные союзы и их дальнейшая роль», под давлением Ленина отвергнутые. Пленум принял постановление, в котором объявлялось нежелательным выносить на дальнейшее обсуждение разногласия, возникшие в ЦК. Была образована профсоюзная комиссия с участием Троцкого, однако он отказался в ней работать, отлично понимая, что всякий раз будет в комиссии оставаться в меньшинстве. Тогда Ленин обвинил Троцкого во фракционности [998] .

Атаки на Троцкого Ленин продолжил на II Всероссийском съезде горнорабочих 23 января 1921 г. и в брошюре «Еще раз о профсоюзах, о текущем положении и об ошибках тов. Троцкого и Бухарина» [999] . Ход дискуссии, которая продолжалась вплоть до X съезда партии, показал Ленину, что практиковавшаяся в первые годы большевистской власти свобода диспутов внутри большевистского руководства становится непозволительной роскошью и может привести к ослаблению руководящей роли Ленина. Весьма относительное харизматическое единовластие председателя Совнаркома должно было смениться формальным единовластием, закрепленным в нормативном порядке. Именно в этом был основной смысл атаки Ленина на Троцкого по вопросу, в котором никто никогда так и не смог разобраться. В результате в начале 1921 г. в ходе подготовки к X съезду были выдвинуты несколько платформ по вопросу о профсоюзах. Отлично сознавая, что его «платформа десяти» (кроме Ленина подписались Каменев, Зиновьев, Сталин, Рудзутак [1000] , Артем, Калинин, Лозовский, Петровский, Томский [1001]) будет поддержана основной частью партийных организаций просто потому, что за Лениным пошло все руководство, Ленин через подставных лиц предложил проводить выборы на съезд по платформам. Предложение было принято [1002] . Впервые в истории большевизма выборы на партийный съезд проходили на базе фракционных платформ.

На съезде «платформа десяти» была представлена Лениным и Зиновьевым. Платформу Троцкого «Роль и задачи профсоюзов» – представлял он сам. Были выдвинуты также платформа «рабочей оппозиции» (Шляпников, Коллонтай, С.П. Медведев [1003]), платформа децистов (Сапронов, Осинкий, Р.Б. Фарбман [1004]), платформа Бухарина, которую называли «буферной». Троцкий в своей платформе исходил из концепции перманентной революции, считал необходимым ради сохранения советской власти до начала мировой революции максимально милитаризовать государство, а профсоюзы «огосударствить», слив их с государственными хозяйственными органами

по отраслям промышленности и придав им функции административно хозяйственного управления. Профсоюзы должны были превратиться в органы «закручивания гаек» военного коммунизма, в органы принуждения, инструмент милитаризации труда. «Платформа десяти» по внутреннему своему содержанию была близка к платформе Троцкого, но прикрывала свою сущность демагогическими разглагольствованиями. Принуждению в работе профсоюзов отводилась подчиненная роль. Основным методом работы объявлялось убеждение. Но профсоюзы рассматривались в качестве «приводных ремней» партии, и это было главное. Защитные же функции профсоюзных организаций сводились только к ограждению интересов рабочих от ущемления со стороны бюрократии. Несмотря на общие, обычно несвойственные Ленину полулиберальные фразы, Ленин на практике планировал превратить профсоюзы в придаток партии и государства даже в гораздо большей степени, чем к этому стремился Троцкий. Из числа тех, кто подписал «платформу десяти», особенно рьяно против Троцкого выступал, как и следовало ожидать, Сталин. На одном из заседаний ЦК он обрушился на своего врага, заявляя, что Троцкий «ошибается в корне» и своей платформой породил ряд конфликтов с ВЦСПС и внутри ЦК партии [1005].

Постепенно Троцкий, который в начале дискуссии пытался твердо отстаивать свои взгляды, утратил свойственную ему в полемике остроту. Он понял замысел Ленина и пошел на попятную. Убедившись в том, что дело идет к фактическому принятию его предложений, только не от его имени, Лев Давидович, возможно, даже почувствовал некоторой моральное удовлетворение. Во всяком случае, острое столкновение с Лениным на этот раз оказалось весьма кратковременным. Статья Троцкого в «Правде», оценивавшая его разногласия как не имевшие принципиального значения [1006], была написана в явно примирительном тоне. Такой же характер носила и выпущенная Троцким дискуссионная брошюра [1007].

Любопытно, что ни платформа Троцкого, ни другие его оппозиционные выступления и документы по профсоюзной дискуссии не были им включены в собрание сочинений, в отношении которого он проводил весьма жесткую политическую селекцию. Троцкий, таким образом, постфактум признавал, что прав был Ленин, что сам он не распознал своевременно ленинской уловки, которая лишь маскировала взгляды, в действительности почти совпадавшие с позицией Троцкого. Вот что писал об этом в своих мемуарах Троцкий: «Ленин почуял наступление критического момента своим безошибочным политическим инстинктом. В то время как я, исходя из чисто хозяйственных соображений, на основах военного коммунизма добивался от профессиональных союзов дальнейшего напряжения сил, Ленин, руководясь политическими соображениями, шел в сторону ослабления военного нажима. Накануне 10 го съезда наши линии антагонистически пересеклись. Вспыхнула дискуссия в партии. Дискуссия была совершенно не на тему... Партия лихорадочно спорила о «школе коммунизма», тогда как по существу дело шло о надвинувшейся вплотную хозяйственной катастрофе».

Разумеется, он не забыл упомянуть, что первые очень осторожные тезисы Ленина о новой экономической политике были для Троцкого «только возобновлением тех предложений», которые сам Троцкий внес ранее. «Я немедленно к ним присоединился» [1008], – не без иронии вспоминал Троцкий.

Побочным результатом участия Троцкого в профсоюзной дискуссии было его освобождение от обязанностей наркома путей сообщения. И хотя он все еще оставался наркомом по военно морским делам, с 1921 г. позиции Троцкого в партии и государстве стали постепенно ослабевать. Троцкий оказался не в состоянии разворачивать политический руль в выгодную для себя сторону на поле внутрифракционной борьбы даже тогда, когда оппоненты, по существу, проводили в жизнь его собственные программы. В профсоюзной дискуссии он разрешил сделать с собой то же, что и во время споров о Брестском мире: ради иллюзорной дружбы с Лениным он позволил председателю Совнаркома перед лицом всей партии объявить Троцкого противником точки зрения ленинского большинства.

6. Провал политики военного коммунизма

После окончания Гражданской войны большевики смогли подвести первые итоги военного коммунизма – советской экономической и социальной политики. Вопреки всеобщим ожиданиям и собственным обещаниям, большевики, требовавшие до прихода к власти немедленного введения 8 часового рабочего дня, так и не ввели его. До всеобщей национализации предприятий в марте – июне 1918 г. Наркомат труда устанавливал иногда 8 часовой рабочий день на отдельных заводах, но не ради рабочих, а в виде наказания предпринимателей [1009]. Уровень жизни рабочих упал катастрофически. Для повышения дисциплины на производстве вводилась система жесточайших штрафов и увольнений, какой не видело ни одно капиталистическое общество.

Уравнительная система оплаты лишала рабочих стимула трудиться и приводила к

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.o

падению производительности. Заменявшая же уравнительную форму сдельщина была не чем иным, как «капиталистической формой интенсификации труда, часто основанной на системе Тейлора, которую сам Ленин до революции называл «научной» системой выжимания пота» и против которой до прихода к власти так протестовали большевики [1010]. Организовывались «промышленные суды», а за несоблюдение трудовой дисциплины Ленин предлагал карать «вплоть до тюремного заключения» [1011]. «В связи с общим истощением рабочего класса» [1012] установлены были «особые голодные, но твердые нормы выработки» [1013], но при этом за «нерадение» увольняли, как за саботаж, без уплаты денег при расчете. Времена «первоначального обсуждения самими трудящимися новых условий жизни и новых задач» [1014] прошли, или, выражаясь словами большевиков, оказались «преждевременными». «Митинги или собрания на заводе» допускались «лишь в самых крайних случаях» [1015]. Теперь Ленин говорил уже о крестовом походе за повышение дисциплины [1016]. Разгорялись профсоюзы, постоянно протестующие против рабочей политики большевиков. С 14 июня 1918 г. декретом СНК сократили отпуска до двух недель [1017], ввели сверхурочные работы, на бумаге ограничив их 50 днями в году (то есть почти всеми воскресными днями), разрешили использовать детский труд [1018].

Таким образом, говорить о каких то выгодах, полученных рабочими и крестьянами в результате революции, не приходилось. Национальный доход сократился с 11 миллиардов рублей в 1917 г. до 4 миллиардов рублей в 1920 [1019]. Потери населения достигли, вероятно, 18 миллионов человек [1020]. 4,4 миллиона человек в возрасте 16 – 49 лет стали инвалидами. Убыль мужчин рабочего возраста составила 29% [1021]. То, что Троцкий называл «завинчиванием гаек военного коммунизма», реально и все более жестко осуществлялось партийными и государственными органами на местах.

Последовавшие осенью 1920 г. предложения отдельных меньшевиков и эсеров, которым пока еще удавалось удерживаться на легальном или полуполюгальном положении, смягчить нажим на крестьянство не встречали первоначально положительных откликов советского руководства. Более того, зимой последовал ряд правительственных мер, направленных на дальнейшее уменьшение денежного обращения, которое и без этих мер было почти что фикцией и повсеместно было заменено натуральным обменом. Теперь же декретом была отменена плата городских жителей за жилье, топливо, медикаменты, что в условиях разрухи не улучшило, а ухудшило материальное положение населения, так как купить ничего уже было невозможно. Рыночные отношения были полностью разрушены. Национализированы были не только средние, но и мелкие промышленные и ремесленные предприятия.

Крестьяне отказывались сдавать государству хлеб и другие сельскохозяйственные продукты, саботировали подводную повинность [1022] и принудительную заготовку дров, шахтеры растаскивали уголь для обмена на продовольствие. Конец 1920 – начало 1921 г. ознаменовался, кроме того, целым рядом крестьянских восстаний. Они вспыхивали на Украине и юго востоке, в Сибири и в Поволжье, в центральных губерниях, на Дону и Северном Кавказе. Восстание в Западной Сибири охватило территорию почти всей Тюменской губернии, а также соседние уезды Челябинской, Екатеринбургской и Омской губерний. Численность восставших только в Ишимском округе доходила до 60 тысяч [1023]. Почти год длилось крестьянское восстание в Тамбовской губернии, опиравшееся к началу 1921 г. на 50 тысячную крестьянскую армию [1024] под политическим руководством независимого эсера Александра Степановича Антонова [1025]. Оно стало одной из составных частей всероссийской Жакерии и Вандеи и подавлялось по всем правилам военного искусства регулярными частями Красной армии.

Одновременно в основном в связи с резким ухудшением хлебного снабжения начались волнения и забастовки рабочих на промышленных предприятиях Петрограда, Москвы и других центральных городов, а вслед за ними на Урале и в Сибири. Однако особо опасным большевистское руководство не без основания сочло выступление против существовавшей власти, происшедшее в первой половине марта 1921 г. в военно морской крепости Кронштадт, которую еще в 1917 г. Троцкий называл «крепостью революции».

«Нездоровые», с точки зрения большевиков, настроения в Балтфлоте стали проявляться уже с конца 1920 г., причем в значительной степени они были связаны с профсоюзной дискуссией. фактически с подачи Ленина и других авторов «платформы десяти» имя Троцкого стало определенно связываться с мерами насилия и принуждения. В докладе в ЦК от 14 января 1921 г. командующий флотом Раскольников и начальник политуправления Э.И. Батис [1026] не без злорадства сообщали, что даже помощник командующего флотом по политической части Н.Н. Кузьмин [1027] заявил: «Троцкий и его сторонники хотят вести нас к тюрьме, каторге и железной решетке» [1028].

В середине января Троцкий побывал в Петрограде и принял участие в нескольких

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.

партийных собраниях, обсуждавших дискуссионные платформы. Вместе с Зиновьевым он присутствовал, например, на собрании представителей моряков, на котором отстаивал свою позицию, а Зиновьев – «платформу десяти». В результате за тезисы Ленина и его сторонников высказалось абсолютное большинство. Несколько больше голосов (примерно треть) было подано за платформу Троцкого в Шлиссельбурге, но и здесь основная масса коммунистов поддержала ленинскую платформу, наивно полагая, как и рассчитывал Ленин, что она является каким то предвестником предстоявшего политического смягчения [1029].

Вместе с тем обострение положения в Москве и Петрограде на почве забастовочных выступлений, назревание там взрывоопасной обстановки стало всерьез беспокоить высшее руководство. 28 февраля на заседании Политбюро обсуждалось положение в Москве и был даже образован комитет обороны столицы во главе с Троцким, что свидетельствовало о намерении в случае дальнейшего обострения ситуации прибегнуть к беспощадному вооруженному подавлению рабочего недовольства. Троцкому было поручено также составить письменное сообщение о событиях в Петрограде и Москве и проект директив для печати [1030].

В Москву поступали противоречивые сведения о характере и степени недовольства балтийских моряков. В ответ на запрос Троцкого начальник флотского политуправления Батис, беспокоясь за собственную судьбу и не желая выглядеть паникером, 28 февраля, явно приукрашивая положение, сообщил, что «особой остроты не наблюдалось и не наблюдается». Однако уже на следующий день председатель Петросовета Зиновьев телеграфом запросил Ленина и Троцкого прислать подкрепление на случай восстания в Кронштадте [1031].

События нарастали стремительно. В зарубежную прессу проникала информация о волнениях в Кронштадте и на Балтийском флоте. Троцкий 1 марта телеграфировал благодушному Батису, что необходимо принять срочные предупредительные меры [1032]. Вслед за этим Троцкий направил командованию Петроградского военного округа предписание направлять ему донесения каждые двенадцать часов о происшествиях в воинских частях [1033].

Именно в эти дни – 28 февраля и 1 марта – восстание в Кронштадте стало фактом. На собрании представителей моряков и жителей города крепости была принята резолюция с рядом экономических и политических требований, из которых весьма неопределенные лозунги «Советы без коммунистов!», «Власть трудящимся, а не партиям!» не были главными, но рассматривались большевистским руководством в качестве особенно опасных, хотя лидеры выступления (наиболее известным среди них был писарь линкора «Петропавловск» С.М. Петриченко) [1034] заверяли, что они выступают только за соблюдение свобод, провозглашенных в октябре 1917 г.

До предела перепуганные партийные руководители Петрограда во главе с Зиновьевым вновь потребовали, чтобы Центр оказал им срочную военную помощь, теперь уже именно в связи с начавшимся восстанием в Кронштадте. Начиная со 2 марта Троцкий получал регулярную информацию о развитии событий в городе крепости, о выдвижении участниками восстания новых политических требований, о присоединении к восстанию значительной части большевистской партийной организации крепости, о том, что его самого в Кронштадте не стеснясь называли «кровожадным тигром», а также о рабочих волнениях в Петрограде и разгоне войсками участников демонстраций [1035].

Ленину, Троцкому и другим высшим партийно государственным руководителям было исключительно важно представить в стране и за рубежом Кронштадтское восстание не как выражение народного недовольства, не как протест против всевластия партийных верхов и политики военного коммунизма, а как результат «заговора», организованного извне с участием «белогвардейцев». В прессе публиковались лживые сообщения о помощи кронштадтцам со стороны стран Антанты. В пропагандистских целях большевики сумели использовать тот факт, что к восстанию примкнул, хотя и не играл в нем не только руководящей, но какой либо существенной роли, бывший генерал майор русской армии Александр Николаевич Козловский, занимавший ко времени восстания должность начальника артиллерии крепости Кронштадт. Именно этот генерал был обвинен советским правительством в том, что возглавил подготовку восстания и само выступление.

2 марта было оглашено правительственное сообщение за подписью Ленина и Троцкого о «волнениях» в Кронштадте, якобы организованных «бывшим генералом Козловским». Генерал объявлялся вне закона. В Петрограде и губернии вводился режим осадного положения. Вся власть в Петроградском укрепленном районе передавалась комитету обороны Петрограда [1036]. Правительственному сообщению предшествовало заседание Политбюро, на котором Троцкий энергично выступил за быстрое военное подавление мятежников. Ленин его поддержал. Сталин занял более осторожную позицию, советуя оставить Кронштадт в покое, ибо голод заставит крепость сдаться [1037]. Основные нити подавления восстания были переданы Троцкому, как наркомвоенмору. 5 марта он издал приказ о восстановлении ранее расформированной

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.o

7 й армии, подчинив ее непосредственно главному командованию, с единственной задачей – немедленного подавления Кронштадтского восстания. Командование армией было возложено на Тухачевского, которому были подчинены все войска Петроградского военного округа и Балтийский флот. Приказ гласил: «Предупредить Кронштадт, что если в течение 24 часов возмущение не будет прекращено, то будут открыты военные действия» [1038] . В этот же день появилось обращение Реввоенсовета и командующего 7 й армией Тухачевского к гарнизону и населению Кронштадта с требованием немедленно сложить оружие. «Только безусловно сдавшиеся могут рассчитывать на милость Советской республики», – говорилось в грозном предупреждении [1039] .

фактически Троцкий взял на себя общее руководство подавлением восстания, выехав 5 марта на своем поезде в направлении Петрограда. В тот же день, с дороги, он послал телеграмму Склянскому: «Только овладение Кронштадтом покончит с политическим кризисом в Петрограде». Из поезда нарком также выразил свое недовольство командарму Тухачевскому тем, что без помех работает кронштадтская радиостанция, посредством которой местный революционный комитет пытался информировать страну и зарубежную общественность о событиях, происходящих в городе. Троцкий приказывал усилить радиопомехи [1040] .

Поезд наркома не прибыл в Петроград, а остановился неподалеку от города, откуда Троцкий следил за развитием событий и давал указания. Если только несколькими годами раньше Лев Давидович охотно общался с кронштадтцами, выступал подстрекателем их антиправительственных выступлений, а в 1919 г. непосредственно руководил обороной Петрограда против Юденича, то теперь он никак не решался не только на посещение мятежной крепости, но даже на встречи с жителями Северной столицы, не без основания полагая, что ничего хорошего ни лично ему, ни представляемой им власти такие контакты не принесут. Возможно, Троцкий остался вне Питера и его пребывание поблизости от города носило секретный характер еще и по той причине, что он не хотел открыто брать на себя «жандармские функции» непосредственного руководителя подавления восстания тех, кто совсем недавно был так ему близок.

Троцкий настаивал на скорейшем подавлении Кронштадтского восстания, так как оно могло стать факелом антисоветского пожара на значительной части страны, привести к новой гражданской войне. Нарком понимал, что восстание началось в крайне неудачный для кронштадтцев момент – через несколько недель, когда вскрылся бы Финский залив, большевикам гораздо труднее было бы овладеть крепостью. Пока же сохранялся прямой доступ к крепости по покрытому льдом заливу, льдами были также скованы и в значительной степени лишены боеспособности находившиеся в гавани Кронштадта могучие военные корабли – линкоры «Петропавловск» и «Севастополь», являвшиеся основной ударной силой, которой могли располагать повстанцы. Для наркома ясно было и то, что искусственно взломать лед кронштадтцы будут не в состоянии, так как единственный базировавшийся в Балтийском море в это время крупный ледокол «Ермак» пребывал в Петроградском порту.

10 марта Троцкий передал по прямому проводу уведомление в Политбюро, где настоятельно предупреждал, что после ожидаемой вскоре оттепели остров «станет недоступным для нас», что Кронштадтом можно овладеть только до того, как вскрыется Финский залив и сможет быть установлена связь крепости с заграницей. «Нужны экстренные меры, – продолжал Троцкий. – Опасаюсь, что ни партия, ни члены ЦК не отдадут себе достаточного отчета в чрезвычайной остроте кронштадтского вопроса» [1041] . Ситуация была настолько критической, что Троцкий не исключал необходимости использования против кронштадтских повстанцев отравляющих веществ [1042] . Даже в самые тяжкие моменты Гражданской войны в большевистском руководстве не было такой паники и такого уныния, каковые имели место во время Кронштадтского восстания.

Так и не дождавшись захвата крепости, Троцкий возвратился в Москву, на X партийный съезд, предварительно дав в поезде лживое от начала до конца интервью корреспондентам английских и американских газет, повторяя нелепости по поводу того, что «заговор» был организован за границей, что организаторами «бунта» являлись эсеры и контрреволюционные генералы...

Положение в районе Петрограда продолжало Троцкого весьма беспокоить. 15 марта он писал Ленину: «В виду того, что в городе [Москве] бродят самые чудовищные слухи о Кронштадте, необходимо дать в газеты какое либо сообщение по поводу положения дел. Может быть, наименее связывающей нас формой было бы напечатание в газетах того интервью, которое я дал третьего дня для английских и американских газет. Прошу немедленно сообщить, не встречается ли возражений» [1043] . Возражений явно не последовало, и на следующий день лживое интервью Троцкого появилось в центральных московских газетах, а затем и в провинции [1044] .

После опубликованных 3 и 8 марта кратких правительственных сообщений с угрозами гарнизону и жителям Кронштадта это была первая и единственная вплоть до

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo. подавления восстания информация о происходившем. Несмотря на всю фальшь и ложь, которыми были проникнуты строки заявления (именно заявления, ибо ни фамилий корреспондентов, ни их вопросов советская пресса не обнародовала), публика, умевшая читать между строк, могла убедиться в том, что большевистская власть столкнулась в районе Петрограда с серьезными трудностями. Это проявлялось, в частности, в признании Троцким того факта, что «ликвидация кронштадтского мятежа несколько затянулась». Правда, Троцкий лицемерно объяснял затяжку стремлением уберечь от излишних жертв части Красной армии и «всячески щадить мирное население» Кронштадта. Но в 1921 г. в это, наверное, не многие уже верили. О защите жизни бойцов Красной армии и тем более женщин и детей Кронштадта речь не шла. Первая попытка овладеть крепостью штурмом 8 марта, в день открытия X партийного съезда, потерпела крушение. Понесла большие потери, советские войска отступили. Только после того, как были переброшены значительные подкрепления, после доставки в Петроград в качестве «добровольцев» делегатов заседавшего в это время партийного съезда, которые должны были своим примером побуждать красноармейцев идти на новый штурм по начавшему подтаивать льду Финского залива, Кронштадт был, наконец, 18 марта захвачен войсками Тухачевского, после чего началась кровавая расправа с участниками восстания – бессудные убийства, расстрелы по приговору ревтрибуналов, отправка в тюрьмы. К лету 1921 г. к смертной казни были приговорены 2103 человека, к различным срокам заключения (обычно к 15 и 20 годам тюрьмы) – 6459 человек. Вслед за этим началась еще одна мера репрессии – массовое выселение жителей Кронштадта из города крепости. Троцкий считал, что над главными «организаторами» восстания в крепости следует устроить показательный суд. Однако уход Петриченко и других лидеров в Финляндию этот план сорвал. Так и не удалось провести показательный процесс, чтобы обосновать версию о «заговоре» белогвардейцев и международного империализма, хотя эта версия повторялась затем на протяжении десятилетий всеми советскими историками.

Пострадали и петроградские партийные и военные работники. Не считаясь с тем, что Кронштадтское восстание было в первую очередь вызвано не местными условиями, а политикой военного коммунизма, насаждаемой центральной советской властью, Троцкий потребовал от Политуправления Красной армии и флота безотлагательно заменить руководителей подразделений этого управления на Балтфлоте, так как они «совершенно скомпрометированы событиями» [1045]. Сам Троцкий вскоре одобрительно отмечал, что после Кронштадтского выступления среди командного состава Балтийского флота произведены массовые аресты [1046]. Был снят со своей должности и командующий флотом Раскольников, которого вскоре отправили в «дипломатическую ссылку» – полпредом в пустынный Афганистан.

3 апреля в Москве состоялся военный парад в честь участников взятия Кронштадта. Выступивший с необычно краткой, продолжавшейся всего несколько минут до предела демагогической речью Троцкий, обращаясь к знамени, которого при нем не было, воспел тех, кто залил кровью «крепость революции»: «Я верю, что никогда никаких пятнышек не падет на это знамя. И в часы трудные, когда мелькнет в душе усталое сомнение, вы вспомните Кронштадт и это знамя и бодро пойдете вперед к победе» [1047]. Впрочем, несколько иную, не столь возвышенную картину он обрисовал в записке членам Политбюро от 12 октября 1921 г., когда информировал (со слов возвратившихся в Россию из за границы лиц), что на немцев большое и явно отрицательное впечатление произвели массовые аресты балтийских моряков [1048]. Личная роль Троцкого в подавлении крестьянских восстаний была не столь отчетливо видна и заметна окружающим, как это было в Кронштадте. Но именно Троцкий в качестве наркома осуществлял общее руководство карательными экспедициями, особенно в Тамбовской, Самарской, Саратовской и соседних губерниях. Весной 1921 г. Ленину и Троцкому панические шифрованные телеграммы из Поволжья о том, что там происходило, поступали постоянно. Из Саратова 19 марта 1921 г. сообщали: «Бандитизм за последние дни начинает охватывать всю губернию целиком... Неимение сил, не только кавалерийских, но и пехотных в достаточном количестве дает бандам возможность разгуливать в любом направлении». На это письмо Ленин для сведения Троцкого наложил резолюцию: «Подтянуть местные организации необходимо. Но Саратову надо помочь из Москвы архи экстренно. Надо РВС Респ[ублики] заняться этим изо всех сил, иначе будет нам плохо» [1049].

Троцкий в тот же день препроводил саратовский документ в Комиссию по борьбе с бандитизмом (копии: Ленину и Сталину), дав соответствующие указания. Смысл указаний заключался в том, что обеспечить надежность и боеспособность частей, борющихся с «местным бандитизмом», то есть с крестьянскими восстаниями, могут в первую очередь только местные партийные и советские организации, которые должны относиться к делу ответственно, а не требовать помощи извне [1050]. Тем не менее помощь была срочно предоставлена. По распоряжению главкома Каменева и с согласия Троцкого в распоряжение командующего Заволжским военным округом во

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.o

второй половине марта были направлены 27 я стрелковая дивизия, только что участвовавшая во взятии Кронштадта, четыре бронепоезда и другие подразделения. Был произведен также серьезный пересмотр командного состава частей, «ведущих борьбу с бандитизмом», с точки зрения пригодности для проведения карательных операций. Летом 1921 г. Троцкий пришел к выводу, что военными действиями против крестьян должен руководить Тухачевский. «Я считал бы желательным послать Тухачевского на подавление Тамбовского восстания, – писал он Ленину. – В последнее время там нет улучшения и даже местами ухудшение. Получится несколько большой политический эффект от этого назначения. В особенности за границей. Ваше мнение?» Ленин ответил: «Внесите Молотову [1051] для П[олит]бюро на завтра. Предлагаю назначить его без огласки в центре, без публикации» [1052].

16 июля 1921 г. Тухачевский, назначенный командующим войсками Тамбовской губернии, доложил Ленину о подавлении крестьянского восстания, а Ленин переслал этот доклад Троцкому с предписанием сообщить о намечаемых далее мероприятиях по умиротворению губернии. Еще через несколько дней с обширным докладом о положении в губернии и проводимых там мероприятиях в ЦК выступил Антонов Овсеенко. Последний был направлен в губернию в качестве уполномоченного ВЦИКа и должен был попробовать умиротворить крестьян сочетанием террора и заложничества с экономическими послаблениями. Рапорт Антонова Овсеенко Ленин препроводил Троцкому с просьбой «дать приказ особо проверить выполнение мер» [1053]. В целом «меры» были жестокие. Так, приказом за подписью Антонова Овсеенко и Тухачевского от 11 июня 1921 г. предписывалось расстреливать на месте тех, кто откажется назвать свое имя, расстреливать укрывающих оружие и «бандитов», сжигать дома повстанцев и распределять их имущество между «верными советской власти» крестьянами, применять против повстанцев ядовитые газы [1054]. Любопытно, что в своих мемуарах Троцкий упоминает о Кронштадтском восстании вкрупне с крестьянскими выступлениями всего лишь одним предложением, и то только в смысле значения их для изменения партийной политики: «Восстания в Кронштадте и в Тамбовской губернии ворвались в дискуссию [о профсоюзах] последним предупреждением» [1055]. Очень уж было неприятно Троцкому вспоминать об этих выступлениях, в которых участвовали не «классовые враги», а рабочие, солдаты, моряки и крестьяне, причем первые три группы считались опорой большевистской революции.

Через много лет, в конце 30 х гг., вопрос о Кронштадтском восстании вновь выступил на поверхность, причем в острой форме, в связи с появлением в печати материалов, содержащих обвинения в том, что именно он, Троцкий, был душителем выступления моряков и жителей крепости. Вопросы о Кронштадте Троцкому задавались общественной комиссией Дьюи, заседавшей в доме Троцкого в Койоакане, пригороде мексиканской столицы. В связи с этим в американской, мексиканской и русской эмигрантской прессе появилось немало весьма недружественных комментариев. Троцкий вынужден был отвечать. В издававшемся им в Париже журнале «Бюллетень оппозиции (большевиков ленинцев)» появилась статья «Шумиха вокруг Кронштадта», в которой Троцкий пытался поставить выступление в крепости в контекст Гражданской войны [1056].

Троцкий теперь не повторял заявлений о «белогвардейском мятеже», но жестокое подавление кронштадтских повстанцев рассматривалось им как вполне оправданное и обоснованное действие советских властей, ибо восстание, по его словам, носило контрреволюционный характер. Иными словами, даже в эмиграции Троцкий не вышел за пределы ленинской мифологии, не признавал, что преступления Сталина имели своими источниками преступления Ленина и его самого – Троцкого.

Статья Троцкого вызвала новую волну полемики. Критики обращали внимание на то, что в автобиографии Троцкий умалчивал о собственном участии в подавлении восстания. «Есть подвиги, которыми не гордятся», – цитировались Троцким слова французского биографа Сталина Бориса Суварина. Критики утверждали, что Троцкий являлся «советским Кавеньяком», то есть в отношении Кронштадта играл роль, подобную роли французского генерала Кавеньяка по отношению к вооруженному рабочему бунту в Париже в июне 1848 г., подавленному этим генералом. Отвечая Суварину и другим сравнительно беспристрастным критикам [1057], Троцкий не просто смещал акценты, а допускал прямой обман, утверждая, что он вообще не принимал участия в усмирении повстанцев, что восстание застало его на Урале, откуда он прибыл в Москву на съезд партии и в Петроград не выезжал вообще. «Я совершенно и демонстративно отстранился от этого дела», – писал Троцкий, выделяя эти слова жирным шрифтом.

В то время советские партийные и государственные архивы, содержавшие такого рода документы, были закрыты, тем более для иностранных исследователей. В сборники своих сочинений компрометирующие себя документы Троцкий не включал, идя на намеренную фальсификацию.

На этом фоне в высших большевистских кругах задумались о целесообразности продолжения политики военного коммунизма. В конце 1920 – начале 1921 г. этот вопрос стал дебатироваться в ходе подготовки к X партийному съезду. Первоначально речь шла только о частном вопросе – о замене продовольственной разверстки фиксированным продовольственным налогом. Обсуждение этой проблемы было весьма напряженным, сопровождалось наклеиванием всевозможных ярлыков, в том числе для коммунистов – самых оскорбительных, ибо значительная часть партийцев среднего звена продолжала рассматривать военный коммунизм как прямой путь к скорейшему введению социалистического производства и распределения, а малейшее отступление от него – как граничившее с соглашательством, если не с предательством [1058].

Профсоюзная дискуссия несколько отодвинула принципиальные экономические проблемы на задний план. Однако эти вопросы продолжали оставаться тем фоном, на котором происходила подготовка к съезду партии. Съезд открылся 8 марта. Несмотря на крайнее недовольство Троцким в связи с его поведением во время дискуссии, Ленин продолжал считать его весьма полезным партийным деятелем, а в РКП (б) Троцкий пользовался огромной популярностью как организатор побед Красной армии в Гражданской войне. При выборах президиума съезда он был назван вторым после Ленина. Правда, жесткая позиция Троцкого по вопросу о милитаризации и в ходе профсоюзной дискуссии подпортила его репутацию, особенно в глазах тех, кто примыкал к «рабочей оппозиции» или децистам. «Кто выступает за диктатуру кнута, пусть голосует за Троцкого», – сказал один из делегатов съезда. Другой делегат – Рафаил (псевдоним Р.Б. Фарбмана) – заявил, что сторонники Троцкого захватили власть, а ленинцы ушли в подполье. Были на съезде и сторонники Троцкого. Едкий и остроумный Рязанов, наоборот, издевался и над членом Политбюро Зиновьевым (ближайшим в это время соратником Ленина), который, по словам Рязанова, «воспылал демократизмом и пустился в поход против тов. Троцкого» [1059].

Равнодушных к Троцкому было мало.

В повестку дня съезда был включен военный вопрос. С докладом по нему должен был выступать Троцкий. Однако делегатам сообщили, что наркома «сейчас нет в городе», предусмотрительно не сказав, что Троцкий находится в своем поезде под Петроградом, откуда тайно руководит подавлением Кронштадтского восстания. Может быть, именно потому, что от Троцкого во многом зависела судьба ленинского правительства, как тогда, в 1917 м, Ленин в отчетном докладе занял в отношении Троцкого примирительную позицию. Он напомнил слова Троцкого о том, что мы – люди партии, что, «конечно, мы соединимся», и выразил полную солидарность с этим заявлением [1060].

В отсутствие Троцкого в Кремле на квартире Л.П. Серебрякова состоялась фракционная встреча сторонников позиции Троцкого по вопросу о профсоюзах. Участвовали А.А. Андреев [1061], Дзержинский, Смилга, секретарь Московского комитета партии Яковлева, заместитель начальника политуправления Реввоенсовета В.И. Соловьев [1062], заместитель наркома финансов А.О. Альский [1063], заместитель командующего Кавказской трудовой армией по политчасти И.Я. Врачев [1064] и др. Совещание было созвано для обсуждения кандидатур в состав ЦК. Дзержинский выступил с просьбой не выдвигать его в ЦК, так как он не желал якобы возглавлять ВЧК, которая теперь «карала рабочих и крестьян». Его просьба была отклонена. (Со стороны Дзержинского это, по всей видимости, была хорошо продуманная игра, ибо не отмечено, чтобы на самом съезде прозвучали его самоотводы или критика расстрелов рабочих и крестьян).

Троцкий приехал в Москву 10 марта и выступил против дальнейших фракционных встреч, заявив, что считает необходимым в порядке дисциплины подчиняться решению большинства [1065]. На 11 марта был намечен его доклад о реорганизации армии. Однако нарком отказался в тот день выступать, объяснив это занятостью военными делами. Порядок дня съезда был скомкан. Вместо доклада Троцкого был поставлен вопрос о партийном строительстве. Очевидно, нарком действительно полностью был поглощен подавлением восстания в Кронштадте даже после своего возвращения в Москву. По поводу событий в морской крепости на съезде вынуждены были сообщить, что там «дело несколько более затяжное». Смилга передал весьма тревожные слова Троцкого, что 30% кронштадтских коммунистов «ведут борьбу против нас», а 40% занимают нейтральную позицию [1066]. 11 марта на съезде Троцкий принял участие только в обсуждении доклада Зиновьева о профсоюзах. Вел он себя значительно менее воинственно, чем в предыдущие месяцы. Чувствовалось, что события в Кронштадте оказали глубокое воздействие на его мысли и чувства.

Троцкий перестал употреблять термин «диктатура пролетариата» и стал говорить о «диктатуре партии», что больше соответствовало мыслям партийного руководства. Вспоминал ли в этот момент Троцкий о своем прогнозе начала века по поводу

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.o
«заместительства» класса партией? Если и вспоминал, то пытался отодвинуть этот кошмарный призрак в самую дальнюю нишу подспознания. Троцкий снова высказался против ленинской «платформы десяти» в профсоюзном вопросе. Он раскритиковал формулу Ленина «Профсоюзы – это школа коммунизма» за ее бессодержательность. «Я боюсь, что это не Владимир Ильич писал, что это не его рука», – заявил оратор под аплодисменты некоторой части делегатов. Наконец, вопрос об огосударствлении профсоюзов Троцкий повернул теперь так, что он мог быть приемлем и для ленинской платформы, ибо это огосударствление должно было выражаться только в повышении роли профсоюзов в производстве [1067]. В целом Троцкий, видимо, принял за чистую монету примирительные интонации в отчетном докладе Ленина, был весьма сдержан, готов к новым уступкам и полному примирению с Ильичом.

Однако взявший затем слово Ленин оттолкнул протянутую руку Троцкого. Пока Троцкий был под Кронштадтом, Ленин относился к нему лояльно. Когда же Троцкий вернулся и снова заспорил, Ленин вышел из себя. Он начал свое выступление саркастическими словами о том, что Троцкий «особенно вежливо полемизировал со мной и упрекал или называл меня архиосторожным. Я должен его поблагодарить за этот комплимент и выразить сожаление, что лишен возможности вернуть его обратно». Ленин признавал, что пора перейти к вопросам более актуальным, чем место профсоюзов (то же самое говорил и Троцкий). Но, как и Троцкий, сделать этого не смог. Он обвинял Троцкого в том, что тот валит с большой головы на здоровую, раскритиковал требование Троцкого «перетряхнуть» профсоюзы (хотя Троцкий – на свою голову – упомянул это выражение всего один раз, в 1920 г., и больше его никогда не повторял). Главным в этих ленинских обвинениях было не существо дела, а то, что Троцкий нарушил дисциплину ЦК, отказавшись подчиниться решению пленума от 8 – 9 ноября 1920 г. о выработке единой платформы по профсоюзному вопросу. Получился не спор, утверждал Ленин, а «трясение партии и озлобление» [1068]. Ленин выражал особое недовольство тем, что из за дискуссии о профсоюзах он, Ленин, потерял так много необходимого ему «лишнего времени», повторяя вновь и вновь, что пора перейти к более важным вопросам (и все равно не перешел к ним).

Сторонники «рабочей оппозиции» (от их имени выступал Шляпников) и децисты справедливо отмечали, что между «платформой десяти» и тезисами Троцкого нет существенной разницы, что Ленин, как и Троцкий, пользуется средствами «перетряски» [1069]. Троцкий и сам это понимал. Выступая повторно, он вел себя в отношении Ленина вполне лояльно. Он предрекал, что «платформа десяти» получит одобрение подавляющего большинства съезда, и не желал идти на конфронтацию, хотя и оставил место для мягкой критики Ленина и его группы [1070]. Ленинская платформа действительно получила поддержку 336 делегатов. За платформу Троцкого проголосовало 50 человек, за «рабочую оппозицию» – 18 [1071]. Дискуссия была закончена. Троцкий сложил оружие. Он признал поражение и намерен был теперь полностью включиться в проведение нового партийного курса: замену продвольственной разверстки натуральным налогом.

В то же время сторонники платформы «рабочей оппозиции» от своих взглядов не отказались. Поэтому по настоянию Ленина съезд принял две резолюции: «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии», в которой резко осуждался курс «рабочей оппозиции» на демократизацию партии и общества и на введение рабочего управления производством, и «О единстве партии». Вторая резолюция требовала немедленно распустить все внутрипартийные группировки. Невыполнение постановления каралось исключением из партии. Особый пункт, в то время секретный, предусматривал право ЦК двумя третями голосов переводить членов ЦК в кандидаты или исключать из партии тех из них, кто встанет на путь фракционности и этим нарушит единство партии. Троцкий полностью поддержал оба этих решения, не слишком отдавая себе отчет в том, кто и как будет пользоваться этим секретным пунктом. Между тем именно этот пункт, которой Сталин обнаруживает в самом начале 1924 г., на XIII партийной конференции, накануне смерти Ленина, позже станет важнейшим инструментом в борьбе со всей партийной оппозицией, в том числе и в первую очередь – в борьбе против оппозиционного движения, руководимого Троцким. Три закрытых заседания съезда были посвящены переходу к милиционной системе, на которой настаивал Троцкий. Прения, по существу дела, прошли впустую, так как при принципиальном согласии с этой идеей немедленный переход к милиционной системе на фоне отказа от продразверстки казался очевидным несоответствием и был отклонен. В резолюции говорилось: «По вопросу о милиционной системе у партии нет никаких оснований пересматривать свою программу. Формы, методы и темп перехода к милиции целиком зависят от международной и внутренней обстановки, от продолжительности передышки, взаимоотношений города и деревни и пр. Неправильной и практически опасной для настоящего момента является агитация некоторых товарищей за фактическую ликвидацию нынешней Красной армии и немедленный переход

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.o

к милиции» [1072] . Иначе говоря, создатель Красной армии и победитель в Гражданской войне Троцкий, не выступавший за ликвидацию Красной армии, а ратовавший за ее усиление, укрепление, увеличение и расширение функций армии, умудрился и здесь позволить Ленину представить себя в кривом зеркале – как большевистского руководителя, выступающего за ликвидацию Красной армии и замену ее милицией.

Избранный в состав ЦК, а затем и в Политбюро, Троцкий почти полностью сосредоточился на военных делах. Он, разумеется, занимался всем комплексом внутренней и внешней политики, но самостоятельных политических инициатив больше не проявлял. Ленин же сохранял по отношению к Троцкому весьма двойственное отношение. Однажды он разоткровенничался с Горьким, который в первые месяцы после Октябрьского переворота занимал антибольшевистские позиции, но затем вновь сблизился с большевиками и стал вхож к Ленину. Горький был удивлен высокой оценкой Лениным организаторских способностей Троцкого. Заметив его удивление, Ильич произнес: «Да, я знаю, ходят лживые слухи о моем отношении к нему. Но что есть, то есть, а чего нет, того нет. Это я также знаю. Он смог любой ценой организовать военных экспертов». И после паузы добавил «довольно печально»: «И все же он – не один из нас. С нами, но не наш. Он амбициозен. Есть в нем что то от Лассалья, что то нехорошее» [1073] .

С окончанием Гражданской войны будни Троцкого были заполнены разнообразными делами, которые сам он считал весьма ответственными и важными, но это были дела преимущественно рутинные, не связанные с решением серьезных вопросов, не ведшие к политическим конфронтациям и ежедневным передвижениям. Он многократно выступал на всевозможных совещаниях военных, посвященных призыву в Красную армию, боевой подготовке, политпросветработе, повышению культуры в быту, материальному обеспечению войск и прочее. Иногда он произносил еретические тирады, возвращавшие его к бесклассовым определениям «честных граждан» времен Польской кампании 1920 г.: «Командир, устраненный из партии в силу своего общего несоответствия ее духу, может оставаться на командном посту, если он честный воин и честный гражданин» [1074] . С точки зрения большевистской логики это было непримиримое противоречие, очевидное отклонение от всех догм и канонов. Троцкий превратился теперь в одного из обычных, хотя и высших, советских функционеров, что явно не соответствовало его натуре, удручало, мучило. Привыкший ставить и решать глобальные вопросы мировой революции, он тяготился тем, что ему приходится заниматься недостаточно масштабными делами, в основном относящимися к свертыванию перманентной революции не только на Западе, но и на Востоке. В апреле 1920 г., после высадки на Дальнем Востоке японских войск и в связи с практической невозможностью прогнать японцев со своей территории, советское правительство приняло решение согласиться на создание «буферного» псевдонезависимого и в этом смысле псевдодемократического государства – Дальневосточной республики (ДВР) со столицей сначала в Верхнеудинске (Удан Удэ), а затем в Чите. В правительстве ДВР преобладали большевики, но представлены были также меньшевики и эсеры. В мае РСФСР признала ДВР в качестве самостоятельного государства и обязалась оказывать этой республике военную и финансовую помощь. Троцкий был инициатором и горячим сторонником создания ДВР, но не был удовлетворен деятельностью первого главы правительства республики бывшего меньшевика А.М. Краснощекова [1075] , вступившего в большевистскую партию. Особое недовольство Троцкого вызывало то, что продовольствие, которое направлялось на Дальний Восток исключительно для армии, фактически подчинявшейся Троцкому, в значительной своей части распределялось среди населения республики. Председатель Сибирского ревкома большевик И.Н. Смирнов [1076] жаловался Ленину и Троцкому, что «ДВР превратилась в паразита, вытягивающего из Сибири хлеб и мясо», что посланный хлеб «попадает в общий котел» [1077] . 19 марта 1921 г. Троцкий телеграфировал Краснощекову, предупреждая его, что армия голодает и разлагается. «Принимая во внимание исключительно важную роль, лежащую на армии Дальвостреспублики, необходимо принять меры к тому, чтобы продовольствие для армии бронировалось и ни в коем случае не поступало по другому назначению» [1078] .

Крайние трудности со снабжением армии ДРВ были лишь одним из проявлений тяжелейшего положения, в котором вместе со всем населением страны оказались ее вооруженные силы на исходе Гражданской войны. Троцкий как мог отстаивал приоритетное снабжение Красной армии и пытался не поддаваться требованиям о ее существенном сокращении и даже ликвидации отдельных ее соединений и родов войск, на что подчас был готов пойти Ленин. Под влиянием экономических трудностей и Кронштадтского восстания Ленин даже предложил Троцкому на год «прикрыть» весь военный флот. Он писал в записке наркому: «К чему он [флот]? А уголь отдать ж[елезным] дор[огам] или текстильным фабрикам, чтобы дать мужикам ткань? По моему, надо бы здесь пойти на решительные меры. Пусть флот пострадает. А

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.о
соввласть выиграет» [1079] .
Судя по тому, что никакие практические меры по ликвидации флота приняты не были, Троцкому, видимо, удалось переубедить Ленина и флот не расформировывать. По предложению Троцкого была даже образована правительственная комиссия с задачей возвращения во флот тех военных моряков, которые в предыдущие годы были переведены на другие работы [1080] . Интересно, попал ли в поле зрения этой комиссии опальный Раскольников с женой Ларисой?
X съезд заложил первые, пока еще весьма приблизительные и не до конца понятные основы новой экономической политики (НЭПа), означавшей известное возрождение рыночных отношений, давшей возможность приступить к восстановлению экономики, допустившей либерализацию в хозяйственной области, отнюдь не дополняя ее политическими послаблениями. В условиях перехода от войны к миру, в связи с окончанием Гражданской войны, задержкой мировой революции, введением НЭПа проводились мероприятия по реорганизации, демобилизации и сокращению численности Красной армии. Комиссия по демобилизации армии под руководством Троцкого и Дзержинского была образована еще в декабре 1920 г., о чем Ленин сообщил на VIII съезде Советов, подчеркнув, что разработкой демобилизации занято именно военное ведомство [1081] . Нарком считал эту работу повседневной, не требующей какого то особого общепартийного внимания. Когда на XI партсъезде Троцкого обязали прочитать доклад о Красной армии, Троцкий поначалу возражал: «Тут явное недоразумение. Если на меня возложат доклад, то я не знаю, о чем должна быть информация. Принципиальные вопросы строительства у нас решены. Решение о том, как этому строительству помогать, принято в партийном и советском порядке. Так о чем же информация?» [1082] Доклад все таки пришлось прочитать [1083] .
Еще в мае 1922 г. Ленин выразил согласие с предложением Троцкого о сокращении армии на 200 тысяч человек к январю 1923 г. 13 ноября 1922 г. Троцкий внес это предложение на рассмотрение Политбюро, где оно было принято. К началу 1923 г. состав Красной армии был доведен до минимально допустимого, по мнению Троцкого, количества: 610 тысяч человек. «Это значит, – говорил Троцкий на XII съезде партии, – что мы имеем по существу кадровую армию». Такое сокращение Троцкий считал предельным. Он убеждал делегатов этого съезда: «Дальше, товарищи, армию сокращать нельзя, потому что ткань армии тогда станет слишком жидкой и будет расплзаться. Есть известный минимум при нашей территории, ниже которого мы спускаться не можем, по крайней мере, при данном экономическом и культурном уровне» [1084] . Временно были отодвинуты в самый дальний угол проекты замены постоянной армии милиционной системой.
Создается впечатление, что, положив в основу своей деятельности идеи и принципы НЭПа, Троцкий чистосердечно отказался не только от своих планов трудовых армий, милитаризации промышленности, но и от проектов всеобщего вооружения народа, отвергнутых, хотя и временно, X партсъездом. Прямо Троцкий об этом не говорил, но такое изменение взглядов вытекало из всего контекста деятельности и заявлений Троцкого в этот период. В частности, против тех, кто настаивал на продолжении политики военного коммунизма, Троцкий выступил с тезисами о НЭПе, внесенными в ЦК 8 августа 1921 г., подчеркивая, что осуществление намеченных директив в области хозяйственной деятельности, усвоение широкой массой партийных и советских работников новых экономических начал «совершается слишком медленно и не идет тем темпом, которого требует ужасающее положение народного хозяйства». Он высказывался также за восстановление крупной промышленности и принцип хозяйственной заинтересованности [1085] . Вполне возможно, что на позицию Троцкого оказала влияние критика милиционной системы со стороны кадровых военных. Против нее, в частности, выступил видный авторитет бывший генерал майор русской армии А.А. Свечин [1086] , работавший с октября 1918 г. в Академии Генштаба (с 1921 г. она называлась Военной академией РККА) [1087] .
Исключительно важным Троцкий считал вопрос о перевооружении армии. Намечались планы покупки оружия в Германии. Еще в августе 1920 г. наркомвоенмор телеграфировал заместителю наркома внешней торговли А.М. Лежаве [1088] , что Политбюро решило немедленно начать сделки с германскими фирмами о закупке оружия, выделив на это 27 миллионов марок. «Дело в высшей степени важное и срочное», – писал он [1089] . Троцкий буквально ухватился за сообщение дипломатического представителя России в Швеции П.М. Керженцева [1090] о возможности закупки на выгодных условиях винтовок и пулеметов «русской системы», но американского производства. По этому поводу была образована комиссия ЦК в составе Троцкого, Сталина, Орджоникидзе и Гусева, от имени которой Троцкий информировал Ленина о необходимости ассигновать на эту закупку 10 миллионов рублей золотом. Соответствующее решение было проведено через Политбюро, о чем 4 октября 1921 г. Троцкий проинформировал Керженцева, а наркома внешней торговли Красина просил обеспечить строгий технический контроль при приеме товара, гарантии от потерь при перевозке, максимальное снижение цены, максимальную

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.о

быстроту операции, особенно скорость доставки [1091] .

Троцкий стоял у истоков советской военной разведки, первые зачатки которой возникли под его непосредственным руководством еще в конце 1918 г., после появления его приказа от 18 октября о сосредоточении руководства всей разведывательной деятельностью в Полевом штабе Реввоенсовета. В соответствии с этим приказом был образован орган руководства разведкой, который получил конспиративное название Регистрационное управление (первым его начальником стал член РВС Аралов). Основная задача разведорганов заключалась в сборе военной, политической и экономической информации о белых формированиях и государствах, враждебных Советской России. К 1923 г. резидентуры удалось создать более чем в десяти государствах, включая Великобританию, Германию, Францию, Италию, страны Балтики и Балкан [1092] .

В апреле 1921 г. Троцкий решил назвать вещи своими именами и переименовал Регистрационное управление в Разведывательное. Вначале руководители разведки часто менялись, сохраняя свой пост лишь по несколько месяцев. Значительно дольше других работал Арвид Янович Зейбот [1093] , с 1921 по 1924 г., но и он ушел, сочтя себя недостаточно квалифицированным и порекомендовав на должность руководителя своего заместителя Яна Карловича Берзина [1094] . кандидатура оказалась удачной. Под руководством Берзина, проявившего природные качества руководителя шпионской и контрразведывательной службой, была создана обширная сеть зарубежных советских агентов, в том числе под «крышами» торговых фирм, издательств и других советских учреждений, находившихся за рубежом. Кроме того, велась успешная борьба против засылаемых в страну иностранных агентов.

В апреле 1921 г. под эгидой Троцкого начались негласные переговоры Радека и полуофициального дипломатического представителя в Германии В.Л. Коппа с высшими германскими военными чинами и промышленными группами – в частности, фирмами «Блом и Фосс» (подводные лодки), «Альбатросверке» (самолеты) и оружейным концерном Круппа – о военно-техническом сотрудничестве. Предполагалось извлечь обоюдную пользу. Немцы рассчитывали обойти условия Версальского мирного договора, запрещавшие Германии иметь военную технику, в частности крупные военные корабли и подводные лодки, танки и самолеты, путем создания предприятий по их строительству на территории России. Советское правительство рассчитывало привлечь германский капитал, инженерно-технический опыт и высококвалифицированные кадры Германии для восстановления российской военной и тяжелой промышленности. От имени немецких военных переговоров руководил генерал полковник Ганс фон Сект, являвшийся с 1920 г. начальником управления сухопутных сил рейхсвера (вооруженных сил Германии). Именно он отвечал за развертывание вооруженных сил Германии. Им же была образована «особая группа Р», которой поручалось начать и проводить переговоры с русскими об оказании им технической помощи в строительстве военной промышленности и использовании собственной промышленности для производства военной техники для Германии на строго конспиративных началах [1095] .

7 апреля 1921 г. Копп докладывает Троцкому по поводу переговоров с «особой группой Р»: «Группа эта считает, прежде всего, необходимой кооперацию с нами в деле восстановления нашей военной промышленности и именно в следующих трех направлениях: постройка воздушного флота, подводного флота, выделка оружия». Названные Коппом три фирмы согласились предоставить России свои технические силы, а также необходимое оборудование. Предполагался приезд в Москву германского представителя Неймана [1096] для решения технических вопросов. Троцкий был настолько воодушевлен этим делом, что ознакомил Ленина с перепиской по всему комплексу названных проблем, и председатель Совнаркома одобрил военное сотрудничество с Германией [1097] . Через много лет, 5 марта 1938 г., раскрывая очевидную государственную тайну, Троцкий рассказал о советско-германском сотрудничестве на страницах «Нью Йорк таймс» в статье «Тайный союз с Германией»: «С момента низвержения Гогенцоллернов [советское] правительство стремилось к оборонительному соглашению с Германией – против Антанты и Версальского мира. Однако социал-демократия, игравшая в тот период в Германии первую скрипку, боялась союза с Москвой, возлагая свои надежды на Лондон и особенно Вашингтон. Наоборот, офицерство Рейхсвера, несмотря на политическую ненависть к коммунизму, считало необходимым дипломатическое и военное сотрудничество с советской республикой. Так как страны Антанты не спешили навстречу надеждам социал-демократии, то «московская» ориентация Рейхсвера стала оказывать влияние и на правительственные сферы. Высшей точкой этого периода было заключение Раппальского договора об установлении дружественных отношений между советской Россией и Германией (17 апреля 1922 г.).

Военное ведомство, во главе которого я стоял, приступило в 1921 году к реорганизации и перевооружению Красной армии, которая с военного положения переходила на мирное. Крайне заинтересованные в усовершенствовании военной

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.о
техники, мы могли в тот период ждать содействия только со стороны Германии. С другой стороны, Рейхсвер, лишенный Версальским договором возможностей развития, особенно в области тяжелой артиллерии, авиации и химии, естественно, стремился использовать советскую военную промышленность как опытное поле для военной техники.

Полоса немецких концессий в советской России открылась еще в тот период, когда я был полностью поглощен Гражданской войной. Важнейшей из них по своим возможностям или, вернее, по надеждам являлась концессия авиационной компании «Юнкере». Вокруг этих концессий вращалось известное число офицеров. В свою очередь отдельные представители Красной армии посещали Германию, где знакомились с организацией Рейхсвера и с той частью немецких военных секретов, которые им показывали. Вся эта работа велась, разумеется, под покровом тайны, так как над головой Германии висел дамоклов меч версальских обязательств. Официально берлинское правительство не принимало в этом деле никакого участия и даже как бы не знало о нем: формальная ответственность лежала на Рейхсвере, с одной стороны, и Красной армии, с другой. Все переговоры и практические шаги совершались в строгой тайне. Но это была тайна главным образом от французского правительства как наиболее непосредственного противника.

Тайна, разумеется, долго не продержалась. Агентура Антанты, прежде всего Франции, без труда установила, что под Москвой имеются авиационный завод «Юнкере» и кое какие другие предприятия. ...Полудружественные связи с Рейхсвером сохранились и позже, после 1923 г., когда Крестинский стал послом в Берлине. Со стороны Москвы эта политика проводилась не мной единолично, а советским правительством в целом, вернее сказать, его руководящим центром, т. е. Политбюро. Сталин был все это время членом Политбюро, и, как показало все его дальнейшее поведение, вплоть до 1934 г., когда Гитлер отверг протянутую из Москвы руку, Сталин являлся наиболее упорным сторонником сотрудничества с Рейхсвером и с Германией вообще».

Имея в виду прежде всего необходимость модернизации советской экономики и армии в связи с тем, что помощь мирового пролетариата отсталой России откладывалась на непонятный срок, Троцкий был одним из тех, кто с самого начала приветствовал идею восстановления политических и экономических отношений с зарубежными странами, с их правительствами и частными фирмами, в первую очередь в военной области. Главный комитет по делам о концессиях и акционерных обществах при СТО был образован в апреле 1922 г. при активном содействии Троцкого. В 1923 г. он стал называться Главным концессионным комитетом при Совнаркоме СССР. Речь шла о предоставлении иностранным корпорациям концессий, то есть передаче зарубежным компаниям прав в течение определенного срока эксплуатировать природные богатства и другие хозяйственные объекты, принадлежавшие Советскому государству. Такой способ хозяйствования, разумеется, сильно расходился с идеализированными представлениями большевиков, самого Троцкого в первую очередь, о социалистической экономике, но, признав возможным ограниченное восстановление частной собственности в рамках НЭПа, они сочли целесообразным дать согласие на участие в экономическом восстановлении России еще и иностранного капитала. Ленин был единомышлен с Троцким в вопросе о сдаче в концессию и отдельных промышленных предприятий, и даже значительных производственных областей. 28 – 29 марта 1921 г. на заседании ЦК по поводу возражений Пятакова, высказавшегося против сдачи в концессию угольных шахт Донбасса, Ленин послал Троцкому записку: «А четверть Донбасса (+ Кривого Рога) отдать концессионером архижелательно. Ваше мнение?» Троцкий ответил: «Думаю, что для Донбасса нет оснований делать изъятия в отношении концессий» [1098]. Через полгода Ленин внес в Политбюро проект постановления о создании единой комиссии по концессиям в составе Троцкого, П.А. Богданова [1099] и сотрудника ВСНХ Г.В. Циперовича [1100]. Это предложение было утверждено, и группа, которой руководил Троцкий, внесла в Политбюро свои предложения [1101].

8. Конфискация церковных ценностей

В 1921 г. в России разразился страшный голод, вызванный жестокой засухой, последствиями Гражданской войны и политикой военного коммунизма, разрушившей систему хлебной торговли. Число жертв голода и сопутствующих голоду болезней оценивалось приблизительно в 5 миллионов человек. В июле 1921 г. ВЦИК создал Центральную комиссию помощи голодающим (ЦК Помгол). В ходе борьбы с голодом большевистское правительство впервые стало принимать иностранную гуманитарную помощь от капиталистических стран, в частности от Американской администрации помощи (АРА), которой руководил будущий президент США Герберт Гувер, и ее европейских отделений.

Помощь голодающим стала для большевиков удобным поводом для массового изъятия

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.о церковных ценностей у Русской православной церкви. В декабре 1921 г. был издан декрет ВЦИКА «О ценности, находящиеся в церквях и монастырях», 23 февраля 1922 г. ВЦИК издал декрет «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих». Декретом предписывалось местным органам власти изъять из храмов все изделия из золота, серебра и драгоценных камней и передать их в Центральный фонд помощи голодающим. В ходе изъятия ценностей происходили кровавые столкновения красноармейцев и чекистов с группами верующих, было немало убитых и раненых. Особенно драматическими явились события в городе Шуя, где во время вооруженного столкновения были убиты четверо прихожан и ранено десять. Жертв среди красноармейцев не было [1102].

В выработке и принятии всех антицерковных решений непосредственное участие принимал Троцкий, которого Политбюро утвердило «координатором» усилий «заинтересованных ведомств» в борьбе против влияния церковных институций. Вместе с Зиновьевым и Бухариным он предлагал принять против духовных пастырей самые решительные меры [1103]. В марте 1922 г. Троцкий сформулировал свои предложения для Политбюро. В частности, он рекомендовал выступить с интервью Калинину, русскому по национальности. Смысл интервью должен был быть в том, что изъятие ценностей не является борьбой с религией и церковью; что среди духовенства есть две группы – одна считает необходимым оказать помощь голодающим, а другая враждебна не только к голодающим, но и к советской власти; наконец, что декрет об изъятии ценностей возник якобы по инициативе самих голодающих [1104].

Когда же произошли события в Шуе, Троцкий предложил «коновонов расстрелять», «попов» «за расхищение церковных ценностей» предать суду, а затем пойти на еще более кардинальные меры – арестовать всех членов высшего органа Русской православной церкви – Синода, чтобы затем «приступить к изъятию по всей стране, совершенно не занимаясь церквями, не имеющими сколько нибудь значительных ценностей». Он требовал также «с момента опубликования о Шуе, печати взять бешеный тон, дав сводку мятежных поповских попыток в Смоленске, Питере» и других местах. С незначительными, в основном стилистическими, изменениями, внесенными В.М. Молотовым, предложения Троцкого были приняты Политбюро 22 марта 1922 г. [1105]

Именно на этом фоне, в ходе операции по разграблению церкви, Ленин 19 марта написал письмо Молотову, предназначенное для всех членов Политбюро с требованием «именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий». При этом Ленин выдвинул требование, чтобы официально выступал с какими либо инициативными мероприятиями только русский Калинин. «Никогда и ни в коем случае не должен выступать ни в печати, ни иным образом перед публикой тов. Троцкий» [1106], – заключал Ленин, хорошо помня о еврейском происхождении Льва Бронштейна.

Перед публикой на эту тему Троцкий действительно не выступал, но уже 20 марта представил на рассмотрение Политбюро проект директив об изъятии церковных ценностей – документ столь же циничный и жестокий, как и только что рассмотренное письмо Ленина. Троцкий предлагал создать местные секретные комиссии по изъятию ценностей с участием либо секретаря губкома, либо заведующего агитпропом, а также комиссара дивизии, бригады или начальника политотдела. Центральная комиссия образовывалась под председательством Калинина, но должна была собираться раз в неделю «при участии тов. Троцкого». Одновременно в каждой губернии следовало создать официальные комиссии или столы при комитетах помощи голодающим «для формальной приемки ценностей, переговоров с группами верующих и пр. Строго соблюдать, чтобы национальный состав этих официальных комиссий не давал повода для шовинистической агитации». Намечались также меры по внесению раскола в среду духовенства. Троцкий предлагал поощрять священников, выступавших в пользу изъятий, и использовать их в агитационной кампании против остального духовенства. Проект Троцкого был принят с незначительными поправками и немедленно разослан в губкомы как директива [1107].

Над «организаторами» волнений, связанных с изъятием церковных ценностей и носивших стихийный характер, в Москве состоялся судебный процесс. 11 человек были приговорены к расстрелу. На заседании Политбюро 11 мая рассматривался вопрос о судьбе осужденных и утверждении смертных приговоров. Троцкий предложил помиловать шестерых, обосновывая смягчение наказания «исключительно соображениями о возможности с наименьшим ущербом для существа приговора, справедливого по отношению ко всем 11 ти, пойти максимально навстречу ходатайству прогрессивного духовенства» [1108]. Предложение было принято. Троцкий начал заигрывать с «прогрессивным» духовенством, раскалывая церковь. 14 мая он обратился с телеграммой к членам Политбюро (с копиями в редакции «Правды» и «Известий» – для публикации), обращая их внимание на «сменовеховские» тенденции в русской православной церкви, проявившиеся, в частности, в воззвании

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.о группы церковных сановников во главе с епископом Антонином (А.А. Грановским) к «верующим сынам православной церкви России» [1109] . В воззвании осуждалась деятельность пастырей, препятствовавших помощи голодающим, и выражалась поддержка мероприятий советской власти. Троцкий призывал развернуть кампанию в прессе с тем, чтобы «поднять дух лояльного духовенства, внушить ему уверенность в том, что в пределах его бесспорных прав государство его в обиду не даст» [1110] . Иначе говоря, Троцкий призывал взять ориентацию на поддержку церковного раскола «между демократической сменовеховской частью церкви и ее монархическими контрреволюционными элементами», оказать государственное покровительство священнослужителям, которые то ли из практических и меркантильных соображений, то ли во имя выживания церкви шли на прямой союз с безбожным государством. Курс Троцкого был одобрен Политбюро [1111] . В итоге государство ограбило церковь на 2,5 миллиарда золотых рублей (на зерно из этих денег потрачено 1 миллион рублей, и то только на семена, а не на хлеб для голодающих) [1112] . Следует отметить, что об этой сфере в воспоминаниях Троцкого нет ни строчки.

9. Семья

В годы Гражданской войны Троцкий редко виделся с семьей и нормальной семейной жизни у него не было [1113] . Тем не менее Лев Давидович в быту не был заскорузлым сектантом. Он никогда не лишал себя привычных жизненных удовольствий. При малейшей возможности он отправлялся на охоту или рыбную ловлю и получал подлинное наслаждение, если попадалась хорошая добыча. Пристрастившись к охоте и рыбной ловле в первые годы пребывания у власти, Троцкий, несмотря на все невзгоды, сохранил эту страсть и в оппозиции, и в изгнании. При малейшей возможности он отправлялся в лес с ружьем или на рыбалку с удочкой, сетями и всевозможным снаряжением.

После переезда в Москву в середине марта 1918 г. Троцким в Кремле была предоставлена квартира, принадлежавшая ранее кому-то из высших царских чиновников. Судя по всему, квартира была достаточно просторной и удобной, если не роскошной. Она соответствовала стандартам, определенным постановлением Совнаркома от 1 декабря 1917 г. за подписью Ленина о предоставлении наркомам квартир из расчета по одной комнате на члена семьи [1114] . Кроме того, в квартире были гостиная и кабинет Троцкого. Всего Троцкие располагали шестью комнатами. Такая же квартира была у Ленина [1115] , хотя членов семьи у него было меньше. Стены домашнего кабинета Троцкого были выложены панелями из карельской березы с золотыми украшениями. В квартире стояла дорогая старинная мебель. Веселые комментарии обитателей вызывали статуи Купидона и Психеи, которые были соединены с часами, висевшими над роскошным камином в кабинете. Новую большевистскую номенклатуру обслуживала старая царская прислуга, среди которой попадались старики, работавшие при трех последних императорах. И новых властителей это не смущало, как, впрочем, и прислугу, которая быстро свыклась с тем, что сменились хозяева.

Троцкий переехал в Москву тайно вместе с какими-то членами правительства, без семьи. Когда через несколько дней в новой столице появилась Наталья с сыновьями и Лев привез своих близких в новую квартиру, он был даже несколько смущен, демонстрируя домашнее великолепие. «По крайней мере, это достойное место», – бросил он жене полушутя [1116] . Впрочем, Троцкий избрал в Кремле, в Кавалерском корпусе (ныне на месте этого корпуса и соседних корпусов стоит Дворец съездов), сравнительно скромное жилье по сравнению с другими высокопоставленными деятелями, например Карлом Радеком [1117] . Жена А.И. Микояна [1118] – Нами Микоян – так описывала Кавалерский корпус, где все они тогда жили: «Старинные мраморные лестницы были покрыты красной ковровой дорожкой с желтыми цветами по краям. Такие «кремлевские» дорожки можно было увидеть только в правительственных зданиях... Жизнь в Кремле казалась замкнутой от всего. Мы жили как на острове, но остров не был экзотически роскошным, а скорее комфортабельной молчаливой тюрьмой, отгороженной крепостной стеной из красного кирпича» [1119] .

Поначалу в соседней квартире жил Ленин, но он скоро перебрался в другое здание, так чтобы его квартира прямо примыкала к помещению Совнаркома. Другими соседями в течение нескольких лет были Сталин, Калинин, секретарь ВЦИКа А.С. Енукидзе [1120] , которого считали другом Сталина, скорее всего из-за того, что оба были грузины. Сталин был мало контактен. При встречах он либо сухо здоровался, либо молча проходил мимо. С Троцким у Сталина не было личных разговоров и тем более неформальных встреч, скажем за домашним обеденным столом. Редкие взаимные посещения носили исключительно деловой характер. В то же время у Натальи Седовой сохранились самые теплые воспоминания о жене Сталина Надежде Аллилуевой – как об «очаровательном создании, разумной и в то же время непосредственной» женщине.

Несмотря на роскошные апартаменты, в которых поселилась семья Троцких, быт был сначала достаточно скромным, причем Троцкий не раз демонстративно подчеркивал, что жить они должны «не лучше, чем в эмиграции». В те очень недолгие периоды, исчислявшиеся подчас всего несколькими днями, когда глава семьи находился в Москве, вся семья обычно обедала в совнаркомовской столовой, которая находилась в том же здании, что и квартира Троцких, по соседству. Подчас в этой столовой проводились полуофициальные заседания, которые супруга Троцкого явно идеализировала, не зная, хотя, вероятно, догадываясь о конфликтах и соперничестве, постоянно происходивших в руководстве. «Десять старых друзей собирались вместе без каких либо формальностей или церемоний. Однажды дети затеяли возню в одной из комнат и почти бездыханные вломились через дверь, которая не была хорошо закрыта, прямо на заседание Политбюро. Высшие партийные авторитеты встретили их с восторгом» [1121], – с умилением вспоминала Седова, хотя, кто знает, может быть, именно на этом заседании принимались решения, от которых всему остальному человечеству было бы не до «восторгов». Завтракал и ужинал Троцкий дома. Наталья Ивановна, занятая на работе в Наркомпросе, особенно не заботилась о приготовлении пищи. При всеобщем голоде высшие партийные и государственные руководители вскоре стали получать редкие в это время деликатесы. Вначале это делалось, так сказать, по «личным каналам». Так, секретарь ЦК Л.П. Серебряков, который, в частности, курировал быт высших руководителей и был особенно близок с Троцким, организовал доставку сливочного масла. Чуть позже снабжение не просто высококачественной пищей, а самыми дорогими продуктами было введено в норму. «Порции черной икры, предназначенной для экспорта, но не находившей возможности быть куда либо отправленной, заполняли серебряные сервизы», – писала Седова без тени смущения, не забыв упомянуть о «злоупотреблениях» привилегиями со стороны среднего звена руководителей.

Высшим партийно государственным руководителям, которые чувствовали себя хозяевами огромной страны, было в основном не до удовлетворения личных материальных потребностей. Все их время было занято решением глобальных проблем. «Развлечения и хороший отдых являлись невольной роскошью», – писала Седова. – Лев Давидович приходил домой из комиссариата на обед в Кремль, а затем растягивался на диване на три четверти часа». О том, что быт по крайней мере Троцкого и его семьи был в целом достаточно скромен, свидетельствует весьма показательный документ – заявление Н.И. Седовой в учетно распределительный отдел Главпродукта РСФСР: «Нуждаясь крайне в чулках, прошу выделить мне ордер на три пары» [1122].

Иногда Кремль навещали уже ставшие взрослыми дочери Троцкого от первого брака Зина и Нина, также ненадолго переехавшие в Москву вместе с матерью А.Л. Соколовской. Еще находясь в Питере, Нина выполняла поручения своего отца, подбирала для него материалы из периодики [1123]. Девушки, боготворившие отца, жаждали поговорить с ним о политике, получить достоверную информацию из первых рук. Троцкий, однако, категорически отказывался касаться в разговорах с дочками каких либо политических вопросов [1124]. Супруга Троцкого, как, впрочем, почти все дамы, являвшиеся членами семей большевистских лидеров, занималась не только домашними делами. Уже с 1918 г. Седова оказывала помощь мужу в технических делах, связанных с подготовкой к изданию сборников его работ. Интересна заметка от 20 апреля 1918 г. из дневника видного историка Ю.В. Готье, работавшего в то время библиотекарем в Румянцевском музее (будущая Библиотека имени Ленина). Готье записал, что в этот день к нему приходила Седова попросить для своего мужа комплекты газеты «Киевская мысль» за 1915 – 1916 гг. (когда Троцкий был корреспондентом этой газеты во Франции). Готье отказал, заявив, что необходимы «известные формальности». На следующий день Наталья появилась снова, предоставив официальную бумагу. Стоявший на монархических позициях историк явно недружелюбно встречал супругу второго человека в иерархии партии, а в дневнике назвал ее «особой низенького роста, с южным говором и курносым лицом», добавив, что «она явилась, разодетая богато, но безвкусно, на автомобиле с солдатом, который стоял перед ней навтыжку» [1125]. В отличие прочих от жен, сестер и любовниц Наталья Седова обладала серьезными специальными познаниями в области искусствоведения, особенно живописи, которые она получила в Сорбонне. В мае 1918 г. при Народном комиссариате просвещения, которым руководил Луначарский, по инициативе известного живописца и искусствоведа Игоря Эммануиловича Грабаря [1126] был образован отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины. Грабарь вполне сознательно отошел на задний план, предложив назначить заведующей отделом супругу Троцкого, что и произошло в июне того же года. Авторитет и влияние Седовой «в высших должностных кругах были неоспоримы», тем более что Седова значилась в документах Наркомпроса Троцкой. «Грабаря же там не знали или относились к нему как к

в Троицкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.о

бывшему буржуазному «спецу», а значит, человеку ненадежному». В итоге расчет Грабаря полностью оправдался, и «при новой власти... делу сохранения наследия... умное руководство Троицкой» принесло много пользы [1127]. К этому следует добавить, что, рекомендовав Седову на административный пост и став ее первым помощником и консультантом в качестве заведующего подотделом национального музейного фонда, Грабарь обеспечил себе на несколько критически важных лет личную безопасность, высокий оклад и влияние [1128].

Седова оставила на своих постах «ранее подобранную команду» специалистов, всячески защищала их от притеснений, обысков и арестов, стремилась облегчить их материальное положение. В марте 1920 г. она даже написала личное письмо Ленину с просьбой выдавать работникам отдела «вполне удовлетворительный паек». Благодаря усилиям Седовой была спасена жизнь выдающегося реставратора Александра Ивановича Анисимова, который работал в отделе, но в 1919 г. был арестован и содержался в Кронштадтской тюрьме, где расстреляны без суда входили в обычай. Седова, используя свое влияние, добилась освобождения этого незаурядного человека. Под руководством Седовой в начале декабря 1918 г. было разработано и 7 декабря подписано наркомом Луначарским постановление «Об образовании государственных подотделов по делам музеев и охране памятников искусства и старины» в губерниях, что позволило начать создание системы охраны памятников на местах. В результате до конца 1920 г. на учет было взято свыше 500 старинных дворцов и усадеб, из бывших дворянских усадеб вывезено в музеи более 100 тысяч произведений искусства, сотни библиотек и фамильных архивов. В числе спасенных благодаря деятельности отдела памятников были усадьба Галаховой в Орловской губернии, где был затем организован музей И.С. Тургенева, усадьба Марьино, принадлежавшая князьям Барятинским в Курской губернии. Находившаяся в катастрофическом положении кремлевская Оружейная палата после передачи ее в ведение отдела осенью 1918 г. начала постепенно оживать.

Можно полагать, что в значительной мере благодаря усилиям Седовой и не в последнюю очередь покровительству ее супруга значительная часть кремлевских сокровищ была спасена от разграбления и уничтожения и сохранена для потомства. Все началось с того, что в декабре 1918 г. появилось сообщение Отдела о том, что, «мечтая об акрополизации Кремля», то есть о превращении его в «городок музеев», подобно афинскому Акрополю, Отдел «готов бить челом перед Советом [народных] комиссаров о том, чтобы весь Кремль с его дворцами» был «передан музейным деятелям». Ленин согласился сделать в Большом Кремлевском дворце музей и запретил раздавать помещения дворца под жилые квартиры. К музейному комплексу были также присоединены Апартаменты великих князей, Оружейная палата и другие здания. В январе 1919 г. Седова обратилась к Ленину с весьма энергичным, если не сказать требовательным письмом: «Сегодня мы открыли Кремлевский Дворец, но самая интересная его часть – Оружейная палата – закрыта. Почему?.. Впрочем, для нашей Советской России это скорее «красочный факт»... несмотря на все комиссии, на все постановления... в «Апарт[аментах]» живут «дорогие товарищи», которые не хотят его покинуть... Еще забыла упомянуть о картинной Кремлевской галерее... Галерея также примыкает к Оруж[ейной] палате».

Ленин пошел навстречу требованиям Седовой. Прилегающие помещения были присоединены к Большому Кремлевскому дворцу для создания единого музейного комплекса. Прошло, однако, несколько лет, и в апреле 1925 г. здание Апартаментов было очищено от музейных экспонатов и вновь превращено в квартиры, которые и ныне являются правительственной резиденцией для приема высоких гостей. Весь же Кремль в 1925 г. по указанию Сталина был превращен в строжайшим образом закрытый для посторонних комплекс.

Работу отдела музеев Луначарский назвал «положительным чудом». Но главным приводным ремнем в деятельности огромной машины сохранения культурного наследия была Седова Троицкая [1129]. Почти через два десятилетия, летом 1937 г., в далекой Мексике, Седова в письме мужу вспоминала со многими подробностями и явной ностальгией свою работу в Наркомпросе. Видно было, что она относилась к этому делу весьма серьезно, отнюдь не считая свою должность чем то вроде синекеры, и даже упрекала супруга за недостаточное внимание к ее деятельности: «Я говорила тебе не раз, что для меня работа в м[узейном] о[тделе] была большим серьезным трудом, совсем для меня непривычным, совсем новым... У меня всегда было чувство, что я не все еще, не все то делаю, что должна была бы, что у меня есть пробелы, но, чтоб их заполнить, надо совсем оторваться от «дома», посвящать работе и вечера. Поездить по провинции, хотя бы выдающейся в отношении моей работы. Мне иногда хоть и ставили это на вид, особенно провинциалы, ты не давал себе отчета в моих трудностях, в моей неподготовленности и в моей ответственности... Моя работа походила на подготовку к экзамену, затянувшегося на годы. Я помню, когда я хотела тебе рассказать что нибудь из области моей работы, связанное и с отношениями людскими, о каком нибудь успехе или неудаче, ища

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.o

твоего сочувствия, или одобрения, или совета – ты уклонялся, иногда мягче, большей частью резко. Я помню, как ты один раз прочел составленную мной копию письма в ЦК по поводу специалистов и сказал мне: «очень хорошо написала». Для меня это было величайшей радостью» [1130] .

Впрочем, если иметь в виду работу Седовой, Троцкий приносил ей не только радости. Еще в феврале 1920 г. по распоряжению Ленина был образован Гохран республики, позже, в 1960 г., получивший длинное название – Государственное учреждение по формированию Государственного фонда драгоценных металлов и драгоценных камней, отпуску и использованию драгоценных металлов и камней при Министерстве финансов РФ. В первые годы существования Гохран никаким наркоматам не подчинялся, а находился под прямым контролем Политбюро и являлся заведением высочайшей степени секретности. В Гохран поступили драгоценности семьи Романовых, конфискованные ценности церкви и русской знати, а в 1921 г. и драгоценности со складов ВЧК, отображенные при арестах «контрреволюционеров» (та часть, которую не успели расхитить чекисты воры и партийные деятели).

Ленин не был в полной мере удовлетворен достигнутыми результатами и счел необходимым образовать специальную комиссию, которой под фиктивным патронажем ВЦИКа и правительства поручалось существенно расширить поступления в Гохран. Спецуполномоченным ВЦИКа и Совнаркома по учету и сосредоточению ценностей был назначен Троцкий, может быть, потому, что жена его уже работала в соответствующем отделе Наркомпроса.

Скольконибудь систематической деятельности в этом направлении Троцкий не развернул, ограничившись в основном ревизией Оружейной палаты, в которой лично побывал, чтобы дать указания и познакомиться с грандиозным музейным фондом, о котором, очевидно, слышал от своей супруги. По указанию Троцкого руководима им комиссия отбирала «менее важные» ценности, изымала их из Оружейной палаты и передавала в Гохран для дальнейшего использования в финансовых целях, то есть для продажи за границу или для финансирования международного революционного движения по линии Коминтерна. Директору Оружейной палаты Д.Д. Иванову в некоторых случаях удавалось отбить у конфискации предметы старины, которые ретивые администраторы собирались изъять в пользу Гохрана. Так, он отстоял известный серебряный сервиз Екатерины II, подаренный ей князем Г.Г. Орловым. В других случаях, однако, протесты Иванова оказывались бесполезными [1131] . Приводила ли к внутрисемейным конфликтам эта деятельность Троцкого, противоречащая работе его жены, направленной на сохранение музейных ценностей для народа, остается только догадываться.

Удивительно, но в неспокойных 20 х гг., не имея подчас нормальных дипломатических отношений с соседними государствами, большевистские лидеры позволяли себе такую роскошь, как выезд за границу по личным делам. В конце 1922 г. состоялась негласная поездка Троцкого с супругой в Берлин, скорее всего для консультаций с немецкими медиками. В германской столице по долгу службы Троцкого встречал сильно не любивший его Красин, на свое несчастье проболтавший Троцкому, что планирует поехать на отдых в сицилийский город курорт Таормина. Троцкий тут же сообщил, что тоже хотел бы там оказаться. Красин отправился в Италию и уже из Сицилии, 14 декабря, написал забавное письмо жене: «Единственная реальная опасность: как огня боюсь приезда сюда Herr\ 'a Lion\ 'a (он пужал меня в Берлине, что собирается с женой в Таормину), и, если он действительно тут появится, либо сбегу куданибудь, либо совершу какуюнибудь уголовщину, убийство, самоубийство или чтолибо подобное» [1132] .

10. Донжуан революции

Ко времени окончания Гражданской войны относится немаловажный эпизод в личной жизни Троцкого, который запомнился ему и его супруге на всю жизнь. О личной жизни Троцкого, если иметь в виду внебрачные любовные приключения, писать сложно – как в случае и любого другого человека. Можно предположить, учитывая пылкий характер персонажа этой книги и весьма свободное отношение революционеров к понятию супружеской верности, что такие связи у Троцкого были, тем более что Троцкий неделями и месяцами находился в удалении от своей супруги. Похоже, непродолжительная любовная связь возникла у Льва Давидовича в начале Гражданской войны, во время его пребывания в Свияжске, в 1918 г. Именно тогда в его распоряжение прибыл кронштадтский моряк Ф.Ф. Раскольников, назначенный командовать Волжской военной флотилией. Вместе с Раскольниковым приехала Лариса Михайловна Рейснер, которой только исполнилось 23 года и которая происходила из высокоинтеллигентной семьи ученого, перешедшего на сторону революции. Ее отец – Михаил Александрович – был профессором истории права Московского университета, еще до революции участвовал в социал-демократическом движении, а после октября 1917 г. стал большевиком. Лариса уже успела пройти немалую жизненную школу: она

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.o

побывала любовницей поэта Николая Гумилева, затем ринулась в революцию в качестве хранительницы сокровищ Зимнего дворца, потом – корреспондента газеты «Известия», причем теперь ездила обычно вместе со своим новым возлюбленным Раскольниковым, за которого вскоре вышла замуж.

В характере Ларисы были черты, которые после краткой привязанности к ней могли оттолкнуть Троцкого, ибо между ними было немало общего. Как и Льву Давидовичу, ей была свойственна игра на публику, стремление выделиться, абстрактная любовь к «человечеству» при пренебрежении жизнью отдельных, конкретных людей. Обладая немалым журналистским и значительно более скромным поэтическим талантом, личной отвагой, Лариса Рейснер не удовлетворялась только ролью очеркиста и жены военного моряка. Работая в штабе, она стала выполнять разведывательные задания Троцкого, в том числе под видом крестьянки несколько раз отправлялась во вражеский тыл [1133], а затем стала комиссаром разведывательного отдела. Однако во время отсутствия Раскольникова, который участвовал в военных операциях, «валькирия революции» [1134], как называли Ларису Рейснер, по видимому проводила ночи вместе с Троцким в купе его поезда. Не случайно необычайно нежно для Троцкого и почти с намеком на близость звучали слова о ней в книге воспоминаний: «Ослепив многих, эта прекрасная молодая женщина пронеслась горячим метеором на фоне революции. С внешностью олимпийской богини она сочетала тонкий иронический ум и мужество воина... Она все хотела видеть, обо всем знать, во всем участвовать» [1135].

Полная поглощенность Троцкого фронтовыми делами и стремление Ларисы к новым впечатлениям и ощущениям предопределили кратность их отношений. Вскоре Лариса сочинила поэму «Свияжск», посвятив ее Троцкому. Позже, в 1921 г., Рейснер вместе с Раскольниковым отправилась в Афганистан, куда ее супруг был назначен (а на самом деле отправлен в ссылку) полпредом. Из Кабула она писала Троцкому теплые трогательные письма, напоминая, что ее «лучшие годы уходят», и умоляя его вытащить «мятежную чету» из «концентрационного Кабула». И хотя матрос Раскольников был отправлен послом в пустыни Афганистана в опалу, не исключено, что Троцкий одновременно преследовал еще одну цель – избавиться от Ларисы, к которой он остыл также стремительно, как в свое время влюбился. Ведь наказать Раскольникова можно было и каким то другим способом, не удаляя от себя еще и Ларису.

Троцкий же Ларису все еще интересовал. В одном из кабульских писем Лариса рассказывала, что увидела советский документальный фильм с парадом Красной армии, который принимал Троцкий, «и гордость засмеялась где то внутри, встряхивая кудрями» [1136]. В книге об Афганистане она написала, что восточные женщины «ухитряются грешить, будучи затиснуты между двух страниц корана» [1137]. Писала она это скорее о себе самой, только была она «затиснута» между совсем другими страницами. В 1923 г. Рейснер возвратилась в Москву, рассталась с Раскольниковым и вместе с Радеком, ставшим ее новым любовником, отправилась «делать революцию» в Германии. Связь с невысоким, некрасивым Радеком знакомые считали необъяснимой; переиначили даже пушкинское слова из «Руслана и Людмилы»: «Лариса Карла чуть живого в котомку за седло кладет». Она скончалась в 1926 г. от брюшного тифа.

Встречи Троцкого с Рейснер происходили в 1918 г. Прошло два года, и осенью 1920 г. наркомвоенмор внезапно увлекся другой женщиной, происходившей из высшего аристократического круга той страны, которая считалась главным врагом советской власти. В дополнение ко всему это была двоюродная сестра известного консервативного антибольшевистски настроенного политика – Уинстона Черчилля – британского военного министра, которого во время Гражданской войны большевики именовали организатором «похода четырнадцати держав» против Советской республики [1138]. Звали эту женщину Клер Шеридан. Это была весьма вольнолюбивая, разносторонне образованная и одаренная натура, скульптор, обладавшая к тому же даром слова, с чувством недовольства и раздражения относившаяся к консервативным условиям своего окружения, верившая в свободную любовь и не раз реализовывавшая свои теоретические установки на практике [1139].

Клер родилась в 1885 г. в Лондоне в семье миллионера Джерома Фривена, получила великолепное художественное образование, стала скульптором. Среда, в которой происходило ее становление как личности и создателя эстетических ценностей, наложила глубокий отпечаток на интеллектуальный облик и манеры поведения. У нее не раз происходили стычки с кузеном, ставшим уже известным политическим деятелем, который резко осуждал ее образ мыслей, стиль жизни, привычки и богемное окружение. Клер в свою очередь высмеивала Уинстона за консервативные взгляды, за критику ее вольного поведения и веры в свободную любовь. Под нажимом семьи Клер в 25 лет вышла замуж за финансиста Уилфрида Шеридана, родила двух дочерей и сына. Одна из дочек скончалась в раннем возрасте в 1914 г., и мать сама создала памятник для ее могилы в виде ангела. Вслед за этим женщину

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.

постигла еще одна катастрофа. На фронте мировой войны погиб ее муж, после чего она полностью предалась художественному творчеству. Основным направлением творчества Шеридан стало создание скульптурных портретов. Ко времени окончания мировой войны она уже стала известным художником, создав бюсты изобретателя Гульельмо Маркони, премьер министра Великобритании Герберта Генри Асквита, писателя Герберта Уэллса, своего кузена Уинстона Черчилля и ряда других знаменитых лиц, а также своих близких. В октябре 1920 г. по предложению Красина, возглавлявшего советскую экономическую делегацию в Лондоне, Клер приехала в Москву. Цель поездки была двойной: она хотела своими глазами увидеть и оценить тот «новый мир», который пытались создать большевики, и в то же время, эмоционально проникнув в их образ мыслей и действий, воспроизвести скульптурные образы новых государственных руководителей, прежде всего Ленина и Троцкого. В Москве Клер познакомилась с Балабановой, и та посоветовала скульптору отказаться от создания бюстов вождей и вместо этого взять в качестве моделей «типичных представителей рабочих и крестьян, особенно работников, чьи страдания и героизм столь наглядно выражены на их лицах» [1140]. Но Клер не вняла советам и остановилась на Ленине с Троцким. Ленин сразу согласился позировать, и работа над бюстом была выполнена быстро, причем, как вспоминала Шеридан, доступ в кабинет Ленина был проще, чем в кабинет Троцкого [1141].

С Троцким все было сложно, так как он в это время не находился в Москве. Клер приехала в русскую столицу одетая налегке и страшно замерзала. Красин обещал, что ей выдадут пальто и что она сможет начать работу над бюстом Троцкого, как только тот вернется с фронта. Действительно, когда вскоре Троцкий появился в Москве, обещание было выполнено. За Клер была прислана легковая машина, которая прибыла вовремя, что ее удивило, имея в виду неразбериху, царившую в советской столице. На вопрос, почему водитель Троцкого приезжает без опозданий, кто то неудачно пошутил и ответил, что предыдущий шофер своей непунктуальностью довел Троцкого до бешенства и нарком в пылу гнева его пристрелил. «Этому верило большинство людей, – писала Клер. – То, что машина Троцкого была единственной машиной в Москве, которая прибывала пунктуально, казалось тому подтверждением» [1142].

Оказавшись в приемной Троцкого, она увидела целую группу «молодых солдат». Один из них позвонил своему начальнику с вопросом, может ли войти британская дама. Пройдя мимо часового с винтовкой, стоявшего у входа в кабинет, Клер впервые столкнулась с Троцким. «У него были очаровательные манеры, но он не улыбался» – таково было первое впечатление. Кабинет Троцкого был устроен в комнате, которая напомнила Шеридан обширное дворцовое помещение. Его глубина, высокие колонны создали у нее впечатление, что раньше здесь располагался балльный зал. После первых вступительных вежливых слов (Троцкий поинтересовался, не холодно ли ей, и, услышав, что холодно, приказал прислуге растопить камин) началась работа. Клер уже приступила к эскизам, когда Троцкий, глядя на нее в упор, сказал, что ему доставляет удовольствие смотреть на нее [1143].

Внешний вид советского наркома произвел на Шеридан неотразимое впечатление. По ее воспоминаниям, у Троцкого было несколько асимметричное лицо, как будто состоявшее из двух различных частей. «В анфас он был Мефистофилем, его брови подняты вверх, а нижняя часть лица тонула в острой и непокорной бороде. Наиболее выразительными были глаза; у них было удивительное свойство загораться и сверкать, как электрическая искра; он был живым, активным, впечатлительным, тоуег [1144], он обладал магнетизмом, которому он был очевидно обязан своим уникальным постом». Правда, Клер тут же оговаривалась, что не служба революционному делу делала его таким, каким он был, а он сам своими качествами придавал особый смысл своему делу.

Троцкий предстал перед искушенной в любовных делах Клер прежде всего не как политик или военный, а как неотразимый мужчина. Возникшее чувство влечения было взаимным. После нескольких первых встреч, когда Троцкий специально позировал ей по пять минут каждые полчаса, он однажды предложил Клер приехать к нему поздним вечером, чтобы поработать только при электрическом свете. Избранный для этого повод был смехотворно детским: целесообразность поработать на закате дня он обосновывал тем, что художница выглядела утомленной. Начались интимные вечера, и остается только догадываться, как именно они протекали. Шеридан в своих мемуарах рассказала, естественно, только часть из того, что происходило между ней и наркомом между чаепитиями, творческой работой и рассказами Троцкого о своей жизни в эмиграции и о Гражданской войне. Неудивительно, что Троцкий показался Клер более человечным, чем Ленин, которому в своих воспоминаниях она почти не уделила внимания. Владимир Ильич отнесся к Клер как к художнице, лепящей его бюст. А Лев Давидович, когда Клер появилась в его кабинете, целовал ее замерзшие руки и согревал их у камина.

Сама работа Шеридан была своего рода любовной утехой. Обещанные пятиминутные

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.

перерывы в работе через каждые полчаса для позирования растягивались во много раз, и только телефон, после многократных звонков, заставлял Льва оторваться от своей возлюбленной. Впрочем, вспоминая об этом, Клер тут же переводила изложение в более безопасное русло: «Его манеры были очаровательны. У него была легкость человека, рожденного для высоких постов» [1145]. Влюбленная англичанка наделяла своего партнера самыми возвышенными качествами, которые только могла изобрести. Ее совершенно не волновало, что Троцкий был одним из тех революционных деятелей, если не самым первым из них, кто планировал «разрушить до основания» мир, являвшийся естественной и жизненно необходимой средой существования художника. Почти все, что говорил Троцкий, писала она через годы, имело двойной смысл. «Кажется, я все время умственно отставала от него, была не в состоянии поспевать за его острыми замечаниями».

Из случайно брошенной Клер фразы о том, что Троцкий отлично говорил по-французски, можно заключить, что именно на этом языке они и разговаривали. Как то Троцкий сказал ей: «Даже когда твои зубы стиснуты и ты сражаешься со своей работой, ты остаешься настоящей женщиной». Клер проводила в кабинете Троцкого все вечера, а иногда и ночи. Интимная близость перерастала в настоящее любовное увлечение. Во время одной из встреч Лев произнес: «Ты должна сделать это место своей постоянной студией. Мне нравится ощущать, что ты здесь работаешь. Как только ты закончишь бюст, мы разобьем его и начнем сначала!» Клер ответила: «Я ожидала, что ты окажешься менее приветливым, и очень удивилась, увидев противоположное. Интересно, как я опишу тебя людям в Англии, которые думают, что ты монстр!» Лев тут же вспомнил, что он – Троцкий, и сообщил своей возлюбленной, что, хотя и очарован ею как женщиной, не колеблясь застрелил бы ее, если бы та угрожала делу революции. «Я нашла эту хвастливую безжалостность особенно привлекательной!» [1146] – комментировала Шеридан, наивно считая, что Троцкий шутит.

Обычно о революции и красном терроре разговоры не шли. Троцкий, как он умел еще с юношеских лет, демонстрировал своей возлюбленной начитанность и эрудицию, которые, как мы знаем, были довольно поверхностными. Но все же он обсуждал с Клер стихи британского поэта конца XVIII – начала XIX в. Перси Биши Шелли, цитировал на память писателя, критика и социального реформатора XIX в. Джона Рескина, интересовался ее мнением о творчестве значительно более близкого к XX в. писателя Эджертона Суинберна [1147]. Когда работа над бюстом была почти завершена и возникла опасность расставания, Троцкий предложил Клер поехать вместе с ним «на фронт», куда, дескать, на днях он собирался отправиться. Не очень разбиравшаяся в российских проблемах, англичанка предположила, что ей предстоит еще одна увлекательная авантюра, и с удовольствием согласилась. Троцкий преувеличивал: фронта в конце 1920 г. уже не существовало. Врангель был выбит из Крыма еще в середине ноября, и Гражданская война в основном завершилась – оставались лишь ее последние отзвуки на Дальнем Востоке. Речь шла всего лишь об инспекционной поездке по войскам, абсолютно безопасной для поезда наркомвоенмора. Вопрос о включении Шеридан в состав команды легендарного «комиссариата на колесах» Троцкий счел необходимым согласовать с заместителем наркома иностранных дел М.М. Литвиновым, который поездку Шеридан разрешил. Однако осуществить ее Клер не решилась, поскольку представители ее страны в России высказали опасение, что в случае ее совместной поездки с Троцким ее могут не впустить домой в Великобританию, где оставались ее дети. Благоразумие и естественные материнские чувства возобладали. Клер от поездки отказалась. Последний вечер с Троцким особенно запомнился Клер своей интимностью и ощущением тоски. Лев сказал, что он мечтал бы, чтобы она осталась в России, где ее ожидает блестящее творческое будущее. Она ответила, что очень хотела бы этого, но не может расстаться с детьми. Реплика Троцкого прозвучала совершенно неожиданно: «Если ты уедешь, и vous nous salomniez [1148], как остальные, я говорю тебе... [1149] я поеду за тобой в Англию». – «Я рада, что ты объяснил мне, как завлечь тебя в Англию!» – ответила Клер. Внезапно не только в кабинете, но и в соседних зданиях потух свет. Клер задумчиво спросила любовника, не началась ли контрреволюция, на что тот ответил: «Наверное, это то, чего ты желаешь». Свет вскоре включили. Троцкий сам отвез Шеридан в гостиницу. Больше они не встречались [1150].

Накануне отъезда Клер Троцкий попросил Литвинова посетить ее, чтобы узнать, не изменила ли она своего решения. Шеридан объяснила, что означала бы для нее поездка с Троцким «на фронт», что на разрыв со всем ей близким и родным она пойти не в состоянии. Когда на следующий день Клер попыталась позвонить Троцкому, его телефон уже не отвечал. Поезд наркома только что покинул Москву [1151].

Любовная афера Клер Шеридан и Льва Троцкого осталась в памяти многих современников. С совершенно прозрачным намеком видный американский журналист

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo. Луис Фишер, много лет проработавший в Москве, вспоминал Клер как «привлекательную аристократку, красота которой нашла тонких ценителей среди высокопоставленных коммунистов» [1152]. О том, как Клер была увлечена и очарована Троцким, свидетельствует ее весьма эмоциональное письмо двоюродной сестре Шейн Лесли, отправленное из Москвы как раз в разгар любовных отношений с Троцким: «Он очаровательная личность с очень чувственным лицом и особенно восхитительным голосом – мы обсуждали с ним все – от Шекспира, Шелли и [Ричарда] Шеридана [1153] до международной политики и до нас самих! У него тонкий ум латинянина, который способен передать что угодно, даже не высказывая это вслух. Его речь полна образов и воображения... Троцкий, наверное, самый прекрасный человек, с которым я когда либо встречалась» [1154]. Вряд ли это личное письмо давало объективную характеристику нашему герою, но чувства не юной девушки, а опытной женщины оно передавало весьма рельефно. Вскоре Клер Шеридан возвратилась на родину. В 1923 г. она вновь побывала в России, провела две недели в Москве, но Троцкий с ней не встретился. Былые чувства ушли в прошлое. Впечатления от Москвы были теперь самыми отвратительными – скорее всего, именно по той причине, что Клер чувствовала себя отвергнутой. Тогда она поехала в Севастополь и Одессу, где испытала глубокое разочарование от того, как жили в Советской России [1155]. В личном архиве Шеридан сохранилась фотография, сделанная, может быть, без ее ведома: Клер стоит на коленях перед созданным ею бюстом Троцкого, смотрит на него влюбленными глазами и обнимает постамент [1156].

Глава 7 В борьбе за ленинское наследие

1. Сталин

Ленин всегда хотел быть первым. Просто потому, что он лучше других знал (или считал, что знает), как именно следует поступать. Остальные полезные люди нужны были Ленину ровно настолько и ровно до тех пор, пока от них была польза. От Троцкого было много пользы. Но он не был своим. Сталин был своим, но от него было мало прока. По крайней мере, Ленину. От Сталина было много прока только самому Сталину. Но Ленин это не сразу понял. Троцкого очень раздражало, что его главный «внутренний» враг – Сталин – пользовался все большей поддержкой Ленина, который и раньше не раз пытался ослабить влияние Троцкого выдвижением Сталина на первый план. О том, чтобы полностью «уравновесить» этих деятелей, пока еще не было речи – Троцкий был более известен в партии и потому более авторитетен, да и Ленин пытался поддерживать определенный баланс сил двух конкурентов на власть. Когда впервые избранный в ЦК на X съезде партии ставленник Сталина Молотов на одном из первых заседаний выступил против Троцкого, Ленин упрекнул Молотова «в усердии не по разуму» и указал на лояльность Троцкого, которую он назвал «совершенно безупречной».

Троцкий считал, что при выборе между ним и Сталиным Ленин просто обязан остановиться на Троцком, тем более что весной 1922 г. Ленин неоднократно поручал Троцкому важные дела или тепло о нем отзывался. Так, выступая с докладом о международном и внутреннем положении на заседании коммунистической фракции съезда металлистов 6 марта 1922 г., касаясь предполагаемой поездки в Геную, Ленин сказал: «Правильнее всего... с точки зрения практических задач, а не с точки зрения дипломатической чехарды, определил положение тов. Троцкий...» и далее следовала большая выдержка из приказа наркомвоенмора о необходимости в связи с международной конференцией в Италии сохранять силу оружия [1157].

Предполагалось, что в Геную поедут Ленин, Троцкий и Зиновьев. Однако опасения покушения на жизнь главных большевистских лидеров заставили их отказаться от поездки, о чем Ленин проинформировал Политбюро 12 января 1922 г. [1158] Вслед за этим Ленин поручил Троцкому обеспечить надежную телеграфную связь с советской делегацией в Италии на время переговоров, что и было сделано через Склянского [1159]. Несколько дней спустя в статье «О задачах воинствующего материализма», написанной в связи с созданием нового журнала «Под знаменем марксизма», Ленин ссылаясь на статью Троцкого, уже опубликованную в первом номере этого журнала. Статья оценивалась несвойственно для Ленина высоко: Троцкий о задачах журнала сказал, мол, «уже все существенное и сказал прекрасно» [1160].

Если Троцкого раздражала поддержка Лениным Сталина, можно представить себе, в какое бешенство приводила Сталина поддержка Лениным Троцкого. Слегка завуалированно расхождение Троцкого со Сталиным в мирное время проявились в первой половине 1922 г. в вопросе о соотношении власти в руках партии и государственного аппарата. Троцкий считал, что в условиях НЭПа партию необходимо освободить от государственных функций и вся хозяйственная деятельность должна

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.

быть передана государственным структурам. Между тем в стране всегда существовало своеобразное двоевластие при отсутствии разделения функций партийными и государственными учреждениями, причем чаша весов перевешивала временами в большей, а временами в меньшей степени, но всегда в пользу партии. После окончания Гражданской войны власть реально и повсеместно стала переходить от государственных органов к парткомам всех уровней. Эту тенденцию поощрял руководимый Сталиным Секретариат ЦК. Позиция же Ленина, как председателя Совнаркома, была двойственной, ибо он исходил из презумпции партийной диктатуры, но опасался слияния партии с государственной бюрократией. 10 марта 1922 г. Троцкий сформулировал свои взгляды по этому вопросу в письме к членам Политбюро: «Одним из важнейших вопросов как для самой партии, так и для советской работы является взаимоотношение между партией и государственным аппаратом... Без освобождения партии как партии от функций непосредственного управления и заведования нельзя очистить партию от бюрократизма, а хозяйство от распухлости. Это основной вопрос. Такая «политика», когда на заседаниях губкома мимоходом решаются вопросы о посевной кампании губернии, о сдаче или несдаче в аренду завода, является пагубной. И она нисколько не становится лучше в уездном комитете или центральном» [1161].

Аргументация Троцкого была поддержана Лениным и на словах одобрена некоторыми высшими партийными и советскими бюрократами. В письме секретарю ЦК Молотову, а затем на XI съезде Ленин настолько проникся доводами наркомвоенмора, что даже потребовал реального восстановления конституции РСФСР [1162], согласно которой страной управлял ВЦИК Советов и правительство, а не партия. О повышении авторитета Совнаркома и других законодательных и исполнительных органов государственной власти говорили также те деятели, которым это полагалось по должности, в частности председатель ВЦИКа Калинин. Соответствующее решение было принято и самим съездом. В нем подчеркивалось, что «партийные организации ни в коем случае не должны вмешиваться в повседневную текущую работу хозорганов и обязаны воздерживаться от административных распоряжений в области советской работы вообще». За этим, правда, следовала тривиальная оговорка, что парторганизации должны направлять деятельность хозорганов, которая сводила на нет решение о невмешательстве партии в хозяйственные дела.

Сталин же в этот период вместе с двумя членами складывавшейся диктаторской «тройки» – Зиновьевым и Каменевым, отмалчиваясь и не заявляя о своих правах, сосредотачивал усилия на направлении прямо противоположном тому, за которое выступал Троцкий. Сталин готовил проведение партийно государственной реформы, которая и произошла без объявления о том в 1922 – 1923 гг., когда при помощи нескольких решений все крупные назначения были сосредоточены в руках Оргбюро и Секретариата ЦК. Одновременно были введены значительные материальные привилегии для партийных кадров в центре и на местах, был установлен особый порядок привлечения к судебной ответственности секретарей губкомов и обкомов (согласование с ЦК), было дано решающее преимущество парторганам перед Советами, введена строжайшая секретность принятия решений и их доведения до исполнителей, маскировавшая партийное единовластие, со строжайшими наказаниями, вплоть до расстрела, за разглашение секретных материалов. Так была создана партийная номенклатура, то есть утверждение партийными органами лиц на соответствующие административные, хозяйственные и прочие должности в соответствии с горизонтальным уровнем власти – номенклатура общесоюзная, республиканская, губернская (позже областная), районная – впервые утвержденная Оргбюро ЦК в октябре 1923 г. Партийный аппарат «проглотил» государство и сам стал реальной структурой власти.

Сталин отвечал Троцкому антипатией, которая, правда, учитывая скрытность будущего генсека, обычно таилась в глубине души и только очень редко выплескивалась наружу. От совместной работы с Троцким Сталин отказывался категорически. В его архивном фонде сохранилась записка от 30 августа 1921 г.: «Заявляю, что в проектируемом тов. Троцким совете снабжения работать не смогу и, следовательно, не буду» [1163]. Под Троцкого Сталин «копал» постоянно, иногда опираясь на поддержку Ленина, иногда обходя его. В начале 1922 г., в связи с подготовкой к созыву XI партийного съезда, Сталин стал подбирать делегатов таким образом, чтобы туда попало минимальное количество сторонников Троцкого. С этой целью в Сибирь, где Троцкий пользовался большим влиянием и имел много последователей, был отправлен А.И. Микоян, хитрый и гибкий политикан. Ему поручили воздействовать на местные партийные кадры, прежде всего на председателя Сибирского ревкома Лашевича, в том смысле, чтобы среди сибирских делегатов «оказалось поменьше троцкистов». Когда Сталин инструктировал Микояна, в комнату неожиданно вошел Ленин. Сталин сообщил ему, что Микоян «согласен во всем» и отправляется к Лашевичу [1164]. С чем именно «согласен» Микоян, Ленин не уточнил.

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.o

В некоторых случаях, однако, Сталин, спрятав когти, выражал формальное согласие с теми или иными инициативами Троцкого, но только когда они не имели отношения к вопросам реальной власти. 30 апреля 1922 г. Троцкий написал в Политбюро письмо, озаглавив его «О молодых писателях, художниках и пр.»: [1165] «Мы несомненно рискуем растерять молодых поэтов, художников и пр., тяготеющих к нам. Никакого или почти никакого внимания к ним нет, вернее сказать, внимание к отдельным лицам проявляется случайно отдельными советскими работниками или чисто кустарным путем. В материальном смысле мы даже наиболее даровитых и революционных толкаем к буржуазным или враждебным нам издательствам, где эти поэты вынуждены равняться по фронту, таким образом скрывать свои симпатии к нам».

Нарком предлагал ввести тщательный учет позиций писателей, поэтов, художников и других деятелей искусства, ориентировать цензуру, чтобы она имела «педагогический уклон» и была снисходительной в отношении тех произведений и авторов, которые «хотя и несут в себе бездну предрассудков, но явно развиваются в революционном направлении», оказывать им поддержку в форме гонораров и даже создать непартийный, чисто художественный журнал с «достаточным простором для индивидуальных уклонов». Речь, таким образом, шла о том, чтобы, сохраняя узду на шее деятелей литературы и искусства, сделать поводок несколько длиннее и путем материальной заинтересованности и цензурной селекции фактически подкупать творческую интеллигенцию, превращая ее в сторонников советской власти. 8 июля Сталин в письме Ленину поддержал инициативу наркомвоенмора о «завоевании близких к нам молодых поэтов путем материальной и моральной их поддержки» [1166]

. В 1922 г. эта любезность Сталина и положительные отзывы о Троцком Ленина усыпили бдительность Троцкого. Он был искренне убежден, что инициатива выдвижения Сталина на пост генсека принадлежала Зиновьеву еще на X съезде и была проведена в конце концов в жизнь на XI съезде вопреки воле Ленина: «Сталин как раз на Десятом съезде был намечен – по инициативе Зиновьева и против воли Ленина – в генеральные секретари. Съезд был уверен, что дело идет о кандидатуре, выдвинутой Центральным комитетом в целом. Никто, впрочем, не придавал этому избранию особого значения. Должность генерального секретаря, впервые на Десятом съезде установленная, могла при Ленине иметь технический, а не политический характер. И тем не менее Ленин опасался: «сей повар будет готовить только острые блюда», говорил он о Сталине. Именно поэтому Ленин на одном из первых заседаний ЦК после Съезда так настойчиво подчеркнул «лояльность Троцкого»: он давал отпор нетерпеливой интриге» [1167]

. Понятно, что против воли Ленина Сталин никак не мог быть избран на должность генерального секретаря. Можно не сомневаться, что на XI съезде Ленин был в состоянии противостать этому назначению, если бы счел это целесообразным. Бесспорно, Сталин занял свой пост не просто с санкции, а при полном одобрении Ленина, который еще со времени брест литовских переговоров играл на противостоянии и конфликтах между Троцким и Сталиным, явно преследуя цель держать их обоих на коротком поводке. Троцкий сознательно преподносил эпизод об обстоятельствах избрания Сталина в генсеки таким образом, что получалось, будто Сталин был избран на свой пост обманутыми делегатами, считавшими, будто они голосуют за кандидатуру ЦК. На самом же деле все внутренние органы и должностные лица, существовавшие к этому времени в рамках ЦК (Политбюро, Оргбюро, Секретариат), избирались не на самом съезде, а на I пленуме ЦК, происходившем непосредственно после закрытия партийного съезда и при непосредственном участии как Ленина, так и Троцкого.

Формальное назначение Сталина на пост генерального секретаря партии в апреле 1922 года было не началом восхождения Сталина к власти, а признанием того факта, что Сталин уже сосредоточил в своих руках «необъятную власть». Возможность восхождения Сталина к власти в самом начале 1920 х гг. предопределялась двумя факторами: болезненным состоянием Ленина, позволившим тонкому психологу внутрипартийной борьбы прозевать восхождение своего политического (и даже физического) врага; и личными качествами Сталина. До VIII съезда РКП(б) «генсеком» был Свердлов. Секретариат ЦК, как тогда говорили, «находился в его записной книжке». Ответственным секретарем ЦК была Стасова, затем Крестинский, затем Молотов. Из членов Политбюро, избранных после XI съезда партии (Ленин, Зиновьев, Каменев, Рыков, Сталин, Томский, Троцкий) выбор как на генсека пал на Сталина. Отметим, что до начала болезни Ленина никаких политических разногласий между Лениным и Сталиным не было. Разногласия носили исключительно мелкий, личный характер и являлись результатом грубости и жесткости Сталина, что Ленин в глубине души всегда считал мелочью, несоизмеримой с разногласиями политическими (возникающими время от времени с тем же Троцким), к которым Ленин относился очень серьезно.

Ленин неоднократно защищал не только Троцкого, но и Сталина. 28 марта 1922 г.

Ленин публично защитил его от Преображенского, показывая всем делегатам XI съезда, на чьей он стороне, причем защищал Ленин Сталина по тем пунктам, на которых буквально через несколько недель он начнет с ним настоящую войну: национальная политика страны и Рабоче-крестьянская инспекция (Рабкрин, РКИ), которую возглавлял Сталин: «Вот Преображенский здесь легко бросал, что Сталин в двух комиссариатах. А кто не грешен из нас? Кто не брал несколько обязанностей сразу? Да и как можно делать иначе? Что мы можем сейчас сделать, чтобы было обеспечено существующее положение в Наркомнаме, чтобы разбираться со всеми туркестанскими, кавказскими и прочими вопросами? Ведь это все политические вопросы! А разрешать эти вопросы необходимо, это – вопросы, которые сотни лет занимали европейские государства, которые в ничтожной доле разрешены в демократических республиках. Мы их разрешаем, и нам нужно, чтобы у нас был человек, к которому любой из представителей наций мог бы пойти и подробно рассказать, в чем дело. Где его разыскать? Я думаю, и Преображенский не мог бы назвать другой кандидатуры, кроме товарища Сталина. ...Относительно Рабкрин. Дело гигантское. Но для того чтобы уметь обращаться с проверкой, нужно, чтобы во главе стоял человек с авторитетом, иначе мы погрязнем, потонем в мелких интригах» [1168].

Только за собой Ленин оставлял право критиковать и Троцкого, и Сталина. В 1920 – 1922 гг. открытый конфликт между Троцким и Сталиным чуть отодвинулся на второй план, но сохранялся в латентном состоянии с тем, чтобы выйти на авансцену внутрипартийной борьбы в декабре 1922 г., как только Ленин будет отстранен от непосредственного управления партией и государством. С выдвижением Сталина на пост генсека относительно спокойная интерлюдия в жизни и деятельности Троцкого подходила к концу. Но для того чтобы понять, как именно и почему Сталин задумал расправиться с Троцким, нужно исследовать вопрос о борьбе Сталина с Лениным и о позиции Троцкого в этой поистине смертельной схватке.

2. Болезнь Ленина

О болезни Ленина, несмотря на то что информация эта до самого последнего времени держалась в глубокой тайне, мы знаем из многих источников. 3 марта 1921 г. Ленин пишет записку Каменеву, впервые опубликованную в 1989 г.: «Вижу, что на съезде, вероятно, не смогу читать доклада. Ухудшение в болезни после трех месяцев лечения явное... [1169] Я попробую подготовиться. Но готовьтесь и Вы. На съезде и пленуме Цека важен и мой доклад. Очень боюсь, что ни там, ни здесь не смогу... Имейте в виду, что обмен коротенькими записочками... нервы выносят лучше разговоров... Оч[ень] прошу поэтому... чаще посылать мне (перед Пол[ит]бюро) записки в 5 – 10 строк. Я подумаю час два и отвечу» [1170].

Думать час два над запиской в несколько строк – это уже не Ленин 1917 года! Троцкий писал, что «здоровье Ленина резко надломилось в конце 1921 года» [1171]. Но если верить записке, адресованной Каменеву, Ленин был болен с конца 1920 го. Наблюдательный Сталин не мог не знать, что Ленин заболевает. Отметим также, что 1921 г., когда писалась записка Ленина Каменеву, – год введения НЭПа, второго, после Брестского мира, оппортунистического шага Ленина. Ленин делал вид, что необходимость введения новой экономической политики была очевидна всей партии. Троцкий неоднократно указывал, что чуть ли не первым предложил заменить продразверстку продналогом. Но реальность заключалась в том, что по непопулярности в кругах партийно-коммунистической номенклатуры НЭП мог сравниться разве что с Брестским миром. Точнее – компромисс на внутреннем фронте (НЭП) явился следствием компромисса на фронте внешнем (Брестское соглашение и крушение планов по организации мировой революции). А поскольку именно об этом и предупреждали Ленина многочисленные противники Брестского мира, от Троцкого до левых коммунистов, провозглашение НЭПа было со стороны Ленина признанием поражения.

Правда, если при подписании Брестского мира его сторонники (в лице Ленина) и его противники (в лице всех остальных) с одинаковым рвением подчеркивали недолговечность Брестского соглашения, к НЭПу отношение было совсем иным. На сколько именно вводился НЭП и к каким последствиям он мог привести – в 1921 г. не знал никто. Трудно сказать, насколько буквально воспринимал Ленин собственную фразу о том, что НЭП вводился «всерьез и надолго». По крайней мере, этот лозунг ни у кого не должен был вызвать восторга. Решения партийного съезда о введении НЭПа означали разрыв «органического единства» экономической и политической диктатуры [1172]. И уже через год, когда НЭП только начал приносить первые положительные результаты, Ленин сам потребовал наступления на им же созданных нэпманов, то есть взял курс на постепенный отход от новой экономической политики. При хладнокровном анализе должно было стать очевидным, что мирного сосуществования между всевластным, вооруженным, но бедным и голодным

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.o коммунистом, с одной стороны, и безоружным, сытым и богатым нэпманом, с другой, быть не может. Либо коммунист убьет нэпмана, либо нэпман отнимет власть у коммуниста. Случилось первое.

Во внутрипартийной борьбе в этот период Ленин и его оппоненты учли уроки Брестского мира. Было ясно, что Ленина не возьмешь открытой критикой, как делалось это сплошь и рядом во время дискуссии о мире в 1918 г. Одновременно Ленин пытался избежать теперь открытой дискуссии, приведшей в 1918 г. к расколу партии и фактическому отстранению Ленина от власти. При внешней поддержке Политбюро (которой в вопросе НЭПа никогда не было и не могло быть) Ленин круто изменил внутривластный курс правительства, искренне считая, что в 1921 г. он преодолел оппозицию легче, чем в 1918 м. Но Ленин ошибся. Опорой Сталина в борьбе против Ленина, открыто начавшейся в 1921 г. (и еще незаметной широким слоям партии), служили безликие партийные функционеры, уступающие по вине Ленина власть нэпману. В списке поражений Ленина НЭП, являвшийся следствием предшествующей оппортунистической политики (Бреста), стоял на последнем месте. Во главе списка были: не состоявшаяся из за Брестского мира революция в Европе; поражение в войне с Польшей (открыто просаботированной Сталиным); Кронштадтское восстание 1921 г.; крестьянские восстания во многих губерниях страны. Кого же было винить в этих провалах, как не главу правительства? И вот теперь этот же руководитель единоличным решением бросал партию в новую крайность – НЭП.

Троцкий не выступил против НЭПа. Более того, он впоследствии утверждал, что первым предложил заменить продразверстку продналогом еще в феврале 1920 г.: «Я был уверен, что мы придем к этому. Но боюсь все же, что мы своим промедлением удвоили и утроили наши затруднения... Как раз год тому назад, перед IX съездом партии, после того как мне пришлось провести около полутора месяцев на Урале, где я ближе стал ко всем практическим вопросам советского хозяйственного строительства и многому научился от местных работников, – я внес в ЦК... письменное предложение, которое я могу всем членам съезда раздать, которое почти буква в букву совпадает с тем предложением о замене разверстки продовольственным налогом, которое вы теперь будете обсуждать и принимать» [1173].

Правда, он полностью поддерживал тех писателей и других деятелей искусства, которые стремились представить НЭП в самом негативном свете, не щадили самых бранных слов и негативных образов для изображения нэпманов. В результате, во многом благодаря Троцкому, родился тот образ нэпмана, который американский журналист Морис Хиндус, побывавший в Советской России, обрисовал так: «Они придумали новое слово «нэпман», и ни один человек, если он не побывал в России, не сможет понять, что означает это слово... Нэпман – символ вырождения, объект презрения и оскорбления. Это – пария, социальная свинья! Главный злодей на сцене, злодей в кино, злодей в обыденной жизни» [1174].

На самом съезде в конце марта – начале апреля 1922 г. Троцкий призывал относиться к НЭПу серьезно, но осторожно. 25 ноября 1922 г. Ленин передал Троцкому по телефону, что он прочитал его тезисы о НЭПе, что он находит их в общем очень хорошими, а отдельные формулировки чрезвычайно удачными, хотя часть пунктов ему показалась (именно «показалась» – писал Ленин в несвойственном для него мягком стиле) спорной. Поэтому он советовал опубликовать тезисы сначала в газетах, а затем, после обсуждений и исправлений, «непременно переиздать брошюрой» [1175]. Статья Троцкого «Хозяйственное состояние советской России с точки зрения социалистической революции» действительно была вскоре помещена в «Правде» [1176], а вслед за этим многократно переиздавалась [1177].

Сосредоточив внимание на хозяйственном строительстве в условиях НЭПа и на голоде, на неумении партии и государства справиться с экономическими проблемами, предупреждая, что бедственное положение страны создает опасность нового Кронштадта, Троцкий особое внимание сосредоточил на проблеме бюрократизма, который, по его словам, принимает во внимание не существо дела, а форму. «Партия правящая – не значит вовсе партия, непосредственно управляющая всеми деталями дела!» – восклицал Троцкий [1178].

В действительности Троцкий, видевший сущность проблемы в росте партбюрократии, ее безнаказанности и произволе, оказался в порочном кругу, в западне.

Действительное разделение партийной и государственной власти неизбежно привело бы к частичной утрате партией ее диктаторской функции, а в перспективе могло бы привести к реальному дополнению экономического НЭПа политическим, то есть восстановлению естественного для многих стран государственного механизма с элементами демократии. А этого Троцкий, как и остальные руководители страны, не желал ни в коем случае, ибо такой курс неизбежно привел бы к ослаблению диктатуры и, с течением времени, к падению советской власти. Для партийной номенклатуры было важно сохранение диктатуры партии как системы и удержание власти на личном уровне, чему, собственно, партийную бюрократию научил талантливый учитель Ленин, которого советская власть интересовала ровно

настолько, настолько во главе этой власти стоял он сам.

О борьбе за власть между Лениным и Сталиным в начальный период болезни Ленина можно судить лишь по намекам. 4 июня 1921 г. Ленин пишет письмо в Берлин Г.Л. Шкловскому. Это письмо М.И. Ульянова [1179] характеризует как сообщение Ленина Шкловскому о том, «что под В.И., так сказать, подкапываются. Кто и как – это остается тайной» [1180]. Впрочем, эту тайну легко разгадать, если посмотреть, кто же в партии именно в этот период поднимается выше всех по иерархической лестнице. Этот человек – Сталин. Историк В.П. Наумов пишет: «Со второй половины 1921 года Политбюро поручает ему вести организационную работу в Центральном комитете. Ему вменялась подготовка пленумов ЦК, сессий ЦИК и другое, то есть по существу он исполняет обязанности секретаря ЦК» [1181].

23 мая 1922 г. Ленин уезжает в Горки на отдых, и именно там в спокойной нерабочей обстановке у отдыхающего Ленина 25 – 27 мая случается первый серьезный приступ его болезни, больше всего похожий на инсульт, повлекший частичный паралич правой части тела (руки и ноги) и недолгое расстройство речи.

Распространявшиеся сведения, что Ленин был болен прогрессивным параличом на базе сифилиса, отвергались одними врачами, но подтверждались другими.

Троцкий упоминает в своих мемуарах, что ему сообщили о болезни Ленина лишь на третий день: «Гораздо позже, оглядываясь на прошлое, я опять вспомнил со свежим удивлением то обстоятельство, что мне о болезни Ленина сообщили только на третий день. Тогда я не останавливался на этом. Но это не могло быть случайно. Те, которые давно готовились стать моими противниками, в первую голову Сталин, стремились выиграть время. Болезнь Ленина была такого рода, что могла сразу принести трагическую развязку. Завтра же, даже сегодня, могли ребром встать все вопросы руководства. Противники считали важным выиграть на подготовку хоть день. Они шушукались между собою и нащупывали пути и приемы борьбы» [1182].

Наверное, Троцкий здесь не совсем откровенен. Думается, что он обратил внимание на запоздание сообщения о болезни Ленина сразу же, в конце мая. Другое дело, что, в отличие от Сталина и его сторонников, Троцкий вел себя высокомерно и отчужденно и не был в состоянии создать эффективно действовавшую группу единомышленников или фракцию в высшем партийном руководстве. Хотя порой Троцкий не был чужд обходных маневров и закулисных комбинаций, он предпочитал, как и в данном случае, прямую атаку, открытый бой, в чем, видимо, и была одна из главных причин его поражений. За ним стояли преданные ему партийные, хозяйственные и военные работники среднего звена и некоторые члены ЦК, но они не занимали главенствующих позиций и были в меньшинстве. Определить исход подковерной борьбы эта группа единомышленников Троцкого не была в состоянии. Что же касается армии, то использовать ее для фактического государственного переворота Троцкий и не помышлял. Сравнения его с Наполеоном Бонапартом, обвинения в бонапартизме были очень далеки от реальности. Он допускал возможность борьбы исключительно политическими средствами и оставался верен принципу неприменения военной силы для решения внутривнутрипартийных вопросов. В качестве военного диктатора он себя конечно же не мыслил.

Троцкий вспоминал, что известие о первом инсульте Ленина застало его в постели. Перед этим он ловил рыбу в Москве реке, поскользнулся на откосе из-за дождя и порвал сухожилие ноги. Ничего серьезного не произошло, но несколько дней наркомун предстояло провести в постели. К нему буквально ворвался Бухарин с сообщением: «С Ильичом плохо: удар, – не ходит, не говорит». Троцкий продолжил свой рассказ в несколько фельетонной манере, не слишком уместной, если считать, что Троцкого эта новость должна была огорчить: «Свой рассказ о болезни Ленина Бухарин кончил тем, что повалился ко мне на кровать и, обхватив меня через одеяло, стал причитать: «не болейте, умоляю вас, не болейте... есть два человека, о смерти которых я всегда думаю с ужасом... это Ильич и вы» [1183].

В июне Ленину разрешили вставать, постепенно он стал сам умываться, относительно поправился [1184]. Но в верхах партии болезнь Ленина стала сигналом для начала открытой борьбы за власть. 10 июня 1922 г. об этом, в частности, сообщил Серебряков в письме наркому социального обеспечения А.Н. Винокурову [1185]. Загадочным образом письмо это оказалось в редакции газеты «Таймс» и было перепубликовано (2 августа в обратном переводе с английского) русской эмигрантской газетой «Руль»: «Возвращайтесь, как можно скорее. Дела пришли в такую путаницу, что необходимо будет напряжение каждого нерва для группы, чтобы восстановить ее старое положение... С Ильичев дело так плохо, что даже мы не можем добиться к нему доступа. Дзержинский и Сидович [1186] охраняют его как два бульдога от всех чужих и никого не допускают к нему, или даже во флигель, в котором он живет. Я считаю эту тактику бессмысленной, так как она ведет только к распространению легенд и самых невероятных слухов. Еще не совсем ясно, кто эти трое, которые должны составить директорию. ЦИК снял кандидатуру Рыкова. Правда, что Каменев сильно за него борется, но мы хорошо понимаем, что Рыков ему нужен

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.o

только как ширма, как лояльная креатура. Что касается Сталина, то он решительно отказывается работать с Каменевым, поведения которого в Лондоне он еще до сих пор не забыл. В то же время среди нас закипают семейные ссоры, как раз в момент, когда они нам менее всего нужны. Более всего раздражает меня Радек, занявший таинственную позицию в одно и то же время по отношению к ЦИКУ и к нам, в особенности в отношении Троцкого. Он и Склянский всегда вместе... Были слухи, что эти люди создают новое трио, с Троцким во главе, но я думаю, что это все клевета, так как в настоящее время никто не может выступить открыто, кроме Дзержинского, а хваленая популярность Троцкого просто миф.... Все наши глубоко поглощены собственными ссорами и соперничеством и не обращают внимания на мои слова, за единственным исключением Сталина, который, кажется, единственный человек, видящий вещи так, как они есть».

Итак, уже 10 июня речь шла об изоляции Ленина Дзержинским, о том, что Дзержинский – единственный партийный руководитель, открыто претендующий на пост Ленина, о создании в противовес Ленину, с одной стороны, и притязаниям Дзержинского, с другой, «директории» (как мы знаем, туда вошли Сталин, Зиновьев и Каменев). Можно было бы считать, что «Таймс» опубликовала фальшивку. Однако 18 июня, всего через восемь дней после письма Серебрякова, газета «Руль» опубликовала один важный документ:

«Официальное сообщение о болезни Ленина.

Опубликованное советским правительством сообщение о болезни Ленина гласит: Бывший председатель Совета народных комиссаров Владимир Ильич Ленин Ульянов страдает тяжким переутомлением, последствия которого осложнились отравлением. Для восстановления своих сил товарищ Ленин должен на продолжительное время, во всяком случае до осени, удалиться от государственных дел и отказаться от всякой деятельности. Его возвращение к политической работе представляется вероятным после продолжительного отдыха, так как, по мнению медицинских авторитетов, восстановление его сил возможно».

Комментируя это сообщение в редакционной статье «Отставка Ленина», газета писала: «Когда же, однако, состоялась его отставка? Почему о ней не объявлено? Подал ли он сам в отставку, или его заставили уйти? Болезнь Ленина классифицируется как переутомление, осложненное отравлением... Но если так, если Ленин уже бывший председатель, если на его место не избрана тройка, то кто же его заместитель? Есть ли таковой? Почему об этом умалчивается в такой критический момент?»

Итак, газета «Руль» зарегистрировала два интересующих нас момента: первый – снятие Ленина с поста председателя СНК, и второй – ухудшение здоровья Ленина, осложненное отравлением. Понятно, что белоэмигрантская газета «Руль» не была и не могла быть самой информированной газетой. Тем не менее сообщение – с фактической стороны точное – в газете появилось. И поскольку официальное сообщение советского правительства появилось только в «Руле», следует предполагать, что кто то из руководящих партийных работников умышленно подкинул в «Руль» сенсационный документ об отставке Ленина, нигде больше не обнародованный.

Тремя днями позже, 21 июня, со ссылкой на ревельскую газету «Жизнь», редакция «Руля» сообщает: «На днях в Москве состоялось соединенное заседание Совнаркома и членов президиума ВЦИКа, на котором народный комиссар здравоохранения Семашко ознакомил представителей высшей советской власти с состоянием здоровья Ленина. По сообщению Семашко, консилиум русских и заграничных врачей нашел необходимым запретить Ленину на продолжительное время занятия какими бы то ни было делами, во избежание возможного трагического исхода болезни. Поэтому Совнаркому, президиуму ВЦИКа, вместе с членами ЦК РКП надлежит озаботиться о выборе достойного преемника. После речи Семашко обсуждались кандидатуры виднейших советских деятелей. Большинство участников заседания указывало на Троцкого как на виднейшего коммунистического вождя. Была выставлена еще кандидатура Калинина, нынешнего председателя ВЦИКа.. Заседание затянулось до поздней ночи, но окончательно не остановилось ни на одном из кандидатов. Некоторые из участников заседания выразили надежду, что здоровье «Ильича», возможно, после отдыха, в скором времени улучшится и тогда вопрос о преемнике сам собой отпадет: во всяком случае, с этим вопросом можно подождать с месяц два, во время которых Ленина могут замещать его обычные заместители в Совнаркоме и Совете Труда и Оборона. Необходимо, по мнению участников соединенного совещания, в деле замещения Ленина сохранять особую тайну и не давать повода возникновения среди народа темных слухов. Главнейший из этих слухов – что Ленин давно уже болен и невменяем».

Комментируя бюллетень о состоянии здоровья Ленина, опубликованный в «Роте фане», газета «Руль» подчеркивала, что «Ленин чувствует себя хорошо, но тяжело переносит предписанную ему врачами бездеятельность... Это последнее указание заставляет предполагать, что состояние здоровья таково, что с Лениным товарищам

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.o
трудно сладить, и здесь, вероятно, нужно искать объяснения, что, несмотря на полное выздоровление Ленина, он уже, оказывается, является бывшим председателем Совнаркома».

30 июня в статье «Болезнь Ленина» газета «Руль» писала:

«Проф. Клемперер, только что вернувшийся из Москвы, куда он был приглашен для лечения Ленина, в беседе с журналистом С.П. Левиным рассказал следующее: «Прежде всего теперешнее состояние Ленина не находится ни в какой связи с его ранениями. Затем все слухи о наличии у Ленина прогрессивного паралича не соответствуют действительности. Мы применили Вассермановскую реакцию, которая дала отрицательные результаты. Мозговая жидкость, будучи исследована, не дала никаких следов сифилиса, и, вообще говоря, прогрессивный паралич у Ленина исключается. У Ленина страшное переутомление. Надо учитывать, что этот человек, которому уже 50 с лишком лет, последние три четыре года работал около 16 часов в сутки... Желудочное отравление еще более осложнило его здоровье. В субботу вечером [24 июня] я вместе с Лениным гулял в саду и он чувствовал себя лучше. Поэтому я полагаю, что появившиеся в печати снова сведения об ухудшении его здоровья не совсем верны. Ленин не может заниматься умственной работой. Ленин не может даже долго читать, ибо это его настолько утомляет, что он начинает страдать головными болями. И согласно предписанию врачей ему не дают читать газет и не разрешают разговаривать по телефону. Он принимает только своих близких друзей, а также комиссара здравоохранения Семашко и родственников».

Тогда же «Морнинг пост» опубликовала следующую выдержку из полученного из Москвы письма: «Положение Ленина кажется безнадежным. Основная причина болезни состоит в запущенном сифилисе. Анализы крови, сделанные в последнее время, подтверждают анализ проф. Руднева в 1918 г. Проф. Берлинского университета Бурхард установил прогрессивный паралич, а также язвы в желудке, неизлечимые вследствие сифилического состояния».

19 июля редакция «Руля» сообщила о письме из Риги сотрудника «Манчестер гардиан» Артура Рэнсома, неоднократно посещавшего Россию: «Когда Рейсом в феврале текущего года был в России, Ленину уже было запрещено принимать посетителей, вследствие чего он не мог его тогда видеть, но получил от него записку, из которой видно, что, несмотря на свою болезнь, Ленин чрезвычайно живо интересовался приготовлениями к генуэзской конференции... Наконец, врачи приняли окончательное решение и предписали ему абсолютный покой. За все это время советское правительство продолжало функционировать по прежнему. Лишь 18 июня в телеграмме, отправленной из Москвы по поводу обсуждения вопроса о государственной монополии внешней торговли, в списке присутствовавших членов правительства после фамилии Рыкова был поставлен его новый титул предсовнаркома, из чего стало ясно, что Рыков заменил Ленина на посту председателя Совнаркома. Является ли это замещением окончательным или нет, сказать еще невозможно. Кроме него наиболее вероятными кандидатами на этот пост являются Бухарин, Сталин, Крестинский и Каменев. Каменев уже в 1918 году, во время болезни Ленина после произведенного на него покушения, временно в качестве председателя московского совета замещал Ленина. Каменев женат на сестре Троцкого, но он еврей, и весьма невероятно, чтобы коммунисты решились дать своим врагам такое оружие в руки, как назначение еврея преемником Ленина... О Троцком в качестве кандидата на пост Ленина говорить не приходится. Он – еврей, и, хотя ему и удалось приобрести большую популярность даже среди офицеров старой армии, все же его национальность стоит на его пути. Кроме того, он часто ошибался во время многих критических моментов в первый период революции и поэтому его до сих пор еще считают слишком поддающимся возбуждению. Один из его друзей про него сказал, что он «должен был быть авиатором, т. к. он легко летает по воздуху». Его далее считают честолюбивым, и поэтому большинство коммунистов предпочитают другого председателя правительства».

1 августа «Руль» пишет, что, «по сообщениям из Москвы, последний вызов иностранных врачей к Ленину объясняется тем, что с Лениным произошел второй легкий удар. Можно опасаться, что третий удар будет смертельным. Состояние пациента очень серьезное. Сообщение о перевозке его в один из крымских или кавказских курортов не подтверждается. Ленин в настоящее время находится в деревне и не принимает никакого участия в государственных делах. В качестве преемника Ленина левые коммунисты выдвигают Бухарина, правые – Семашко. Семашко, стоящий во главе комиссариата народного здоровья, – личный друг Ленина, он – сторонник НЭПа. Заместителем Ленина в настоящее время является Рыков. Как правые, так и левые коммунисты временно в виде компромисса согласились предоставить ему заместительство Ленина».

Таким образом, слухи о болезни и отставке Ленина следует назвать упорными. Поскольку отставка Ленина, объявленная одним лишь «Рулем», произошла негласно и сам Ленин об этом не знал, мы вправе назвать происшедшее государственным

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.o

переворотом, то есть актом незаконным с точки зрения существующего главы правительства (самого Ленина). Но это, в конце концов, формально юридическая тонкость. Что же на самом деле происходило в этот период с Лениным?

Обратимся к Троцкому. В 1939 г., после того, как в Москве состоялись открытые судебные процессы над руководителями коммунистической партии и государства, после того, как были расстреляны высшие чины армии, уничтожены соратники и друзья Троцкого, а также члены его семьи, наконец, после того, как Сталин пошел на союз с Гитлером, Троцкий написал сенсационную статью, в которой рассказал о возможном отравлении Ленина Сталиным. Не исключено, что это была первая осторожная попытка Троцкого поведать правду. Если бы его откровения, граничащие с разглашением государственной тайны, были приняты Западом и заинтересовали его, Троцкий, кто знает, мог оказаться более разговорчивым. Но общественные и политические круги свободного мира молчали. В разоблачениях Троцкого никто не был заинтересован. Сочувствовавшие Советскому Союзу левые не хотели компрометировать Сталина и социалистической строй. Антисоветские правые подозревали Троцкого во лжи точно так же, как и любого другого коммуниста. И абсолютно все не понимали глобальности и масштабности сталинского уголовного режима. Статья, законченная для журнала «Лайф» 13 октября 1939 года, так и не была там опубликована. 17 ноября Троцкий написал в этой связи письмо своему переводчику Ч. Маламуту: «Я опасаясь, что в «Лайф» сталинцы ведут какую то интригу... Я до сих пор не получил от редакции никакого ответа. Не знаете ли Вы, в чем дело?» [1187] 10 августа 1940 г., потеряв десять месяцев, отчаявшийся Троцкий издал статью в урезанном виде в журнале «Либерти». Через десять дней он был убит агентом НКВД. Что же стало последней каплей терпения Сталина? Почему сразу же после 10 августа советскому агенту Рамону Меркадеру, вхожему в окружение Троцкого уже какое то время, был отдан приказ убить Троцкого? Не потому ли, что Троцкий раскрыл самую важную тайну Сталина? Троцкий писал: «Я собираюсь говорить на этот раз на особенно острую тему... Какова была действительная роль Сталина в период болезни Ленина? Не принял ли ученик кое каких мер для ускорения смерти учителя? Лучше, чем кто либо, я понимаю чудовищность такого подозрения. Но что же делать, если оно вытекает из обстановки, из фактов и особенно из характера Сталина? Ленин с тревогой предупреждал в 1921 году: «Этот повар будет готовить только острые блюда». Оказалось – не только острые, но и отравленные, притом не в переносном, а в буквальном смысле. Два года тому назад я впервые записал факты, которые были в свое время (1923 – 1924 годы) известны не более как семи восьми лицам, да и то лишь отчасти. Из этого числа в живых сейчас остались, кроме меня, только Сталин и Молотов...

Поведение генерального секретаря становилось тем смелее, чем менее благоприятны были отзывы врачей о здоровье Ленина. Сталин ходил в те дни мрачный, с плотно зажатой в зубах трубкой, со злобной желтизной глаз; он не отвечал на вопросы, а огрызался. Дело шло о его судьбе. Он решил не останавливаться ни перед какими препятствиями. Так надвинулся окончательный разрыв между ним и Лениным... «Вы знаете ведь Владимира Ильича, – с торжеством говорила Крупская Каменеву, – он бы никогда не пошел на разрыв личных отношений, если бы не считал необходимым разгромить Сталина политически»... Со своей стороны Крупская рассказывала мне о том глубоком недоверии, с каким Ленин относился к Сталину в последний период своей жизни. «Володя говорил: «У него (Крупская не назвала имени, а кивнула головой в сторону квартиры Сталина) нет элементарной честности, самой простой человеческой честности»... Ленин стремился придать своей оценке Сталина как можно менее обидное выражение. Но речь шла тем не менее о смещении Сталина с того единственного поста, который мог дать ему власть...

Во время второго заболевания Ленина, видимо, в феврале 1923 года [1188], Сталин на собрании членов Политбюро (Зиновьева, Каменева и автора этих строк) после удаления секретаря сообщил, что Ильич вызвал его неожиданно к себе и потребовал доставить ему яду... Помню, насколько необычным, загадочным, не отвечающим обстоятельствам показалось мне лицо Сталина. Просьба, которую он передавал, имела трагический характер; на лице его застыла полуулыбка, точно на маске. Несоответствие между выражением лица и речью приходилось наблюдать у него и прежде. На этот раз оно имело совершенно невыносимый характер. Жуть усиливалась еще тем, что Сталин не высказал по поводу просьбы Ленина никакого мнения, как бы выжидая, что скажут другие: хотел ли он уловить оттенки чужих откликов, не связывая себя? Или же у него была своя затаенная мысль?... Вижу перед собой молчаливого и бледного Каменева... и растерянного, как во все острые моменты, Зиновьева. Знали ли они о просьбе Ленина еще до заседания? Или же Сталин подготовил неожиданность и для своих союзников по триумvirату?

– Не может быть, разумеется, и речи о выполнении этой просьбы! – воскликнул я. – Гетье не теряет надежды. Ленин может поправиться.

– Я говорил ему все это, – не без досады возразил Сталин, – но он только отмахивается. Мучается старик. Хочет, говорит, иметь яд при себе... прибежит к нему, если убедится в безнадежности своего положения.

– Все равно невозможно, – настаивал я, на этот раз, кажется, при поддержке Зиновьева. – Он может поддаться временному впечатлению и сделать безвозвратный шаг.

– Мучается старик, – повторял Сталин, глядя неопределенно мимо нас и не высказываясь по прежнему ни в ту, ни в другую сторону.

...Голосования не было, совещание не носило формального характера, но мы разошлись с само собой разумеющимся заключением, что о передаче яду не может быть и речи... Но я задаю себе ныне другой, более далеко идущий вопрос: действительно ли Ленин обращался к Сталину за ядом? Не выдумал ли Сталин целиком эту версию, чтобы подготовить свое алиби? Опасаться проверки с нашей стороны у него не могло быть ни малейших оснований: никто из нас троих не мог расспрашивать больного Ленина, действительно ли он требовал у Сталина яду...

Я представляю себе ход дела так. Ленин потребовал яду – если он вообще требовал его – в конце февраля 1923 года [1189]. В начале марта он оказался уже снова парализован. Медицинский прогноз был в этот период осторожно неблагоприятный. Почувствовав прилив неуверенности, Сталин действовал так, как если б Ленин уже был мертв. Но больной обманул его ожидания. Могучий организм, поддерживаемый непреклонной волей, взял свое. К зиме Ленин начал медленно поправляться, свободнее двигаться, слушал чтение и сам читал; начала восстанавливаться речь. Врачи давали все более обнадеживающие заключения. Выздоровление Ленина не могло бы, конечно, воспрепятствовать смене революции бюрократической реакцией. Недаром Крупская говорила в 1926 году: «Если б Володя был жив, он сидел бы сейчас в тюрьме»... Именно в этот момент Сталин должен был решить для себя, что надо действовать безотлагательно. У него везде были сообщники, судьба которых была полностью связана с его судьбой. Под рукой был фармацевт Ягода [1190]. Передал ли Сталин Ленину яд, намекнув, что врачи не оставляют надежды на выздоровление [1191], или же прибежал к более прямым мерам, этого я не знаю. Но я твердо знаю, что Сталин не мог пассивно выжидать, когда судьба его висела на волоске, а решение зависело от маленького, совсем маленького движения его руки... [После смерти Ленина] Сталин... мог бояться, что я свяжу смерть Ленина с прошлогодней беседой о яде, поставлю перед врачами вопрос, не было ли отравления, потребую специального анализа. Во всех отношениях было поэтому безопаснее удержать меня подальше до того дня, когда оболочка тела будет бальзамирована, внутренности сожжены, и никакая экспертиза не будет более возможна.

Когда я спрашивал врачей в Москве о непосредственных причинах смерти, которой они не ждали, они неопределенно разводили руками. Вскрытие тела, разумеется, было произведено с соблюдением всех необходимых обрядностей: об этом Сталин в качестве генерального секретаря позаботился прежде всего! Но яду врачи не искали, даже если более проницательные допускали возможность самоубийства. Чего либо другого они, наверное, не подозревали. Во всяком случае, у них не могло быть побуждений слишком утончать вопрос. Они понимали, что политика стоит над медициной. Крупская написала мне в Сухум очень горячее письмо; я не беспокоил расспросами на эту тему. С Зиновьевым и Каменевым я возобновил личные отношения только через два года, когда они порвали со Сталиным. Они явно избегали разговоров об обстоятельствах смерти Ленина, отвечали односложно, отводя глаза в сторону. Знали ли они что нибудь или только подозревали? Во всяком случае, они были слишком тесно связаны со Сталиным в предшествующие три года и не могли не опасаться, что тень подозрения ляжет и на них. Точно свинцовая туча окутывала историю смерти Ленина. Все избегали разговора об ней, как если б боялись прислушаться к собственной тревоге. Только экспансивный и разговорчивый Бухарин делал иногда с глазу на глаз неожиданные и странные намеки.

– О, вы не знаете Кобы, – говорил он со своей испуганной улыбкой. – Коба на все способен» [1192].

Итак, Троцкий сообщил о том, что Сталин отравил Ленина. Осталось только понять каким образом и когда. Похоже, что Ленина начали травить (в буквальном смысле этого слова) не позднее мая 1922 г. Можно даже предположить, что первый серьезный удар у Ленина 25 – 27 мая как раз и был вызван ядом. Здесь нам несколько помогает заявление чекиста провокатора Г.И. Семенова Васильева [1193] о планах убийства Ленина, приписываемых эсерам, но реализуемых теми, кто, в отличие от эсеров, действительно был способен на отравление Ленина, – Сталиным и Дзержинским: «Они, примерно, считали возможным отравить Ленина, вложив что нибудь соответствующее в кушанье, или подослать к нему врача, который привьет ему опасную болезнь» [1194].

В 1934 г., уже находясь в эмиграции, Троцкий записал в дневнике: «Ленин создал

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.o аппарат. Аппарат создал Сталина» [1195]. Именно Сталин стал человеком, заменившим Ленина в партии; причем было бы наивно считать, что в 1921 – 1923 гг. Сталин был партийным функционером среднего звена. «Вы не понимаете того времени. Не понимаете, какое значение имел Сталин. Большой Сталин, – говорила позже о 1922 – 1923 годах личный секретарь Ленина Л.А. Фотиева [1196] в интервью писателю Александру Беку. – ...Мария Ильинична [сестра Ленина] еще при жизни Владимира Ильича сказала мне: «После Ленина в партии самый умный человек Сталин». ...Сталин был для нас авторитет. Мы Сталина любили. Это большой человек. Он же не раз говорил: я только ученик Ленина» [1197]. Труднее определить, когда именно ученик переиграл своего учителя и стал «большим Сталиным». Похоже, самым поздним сроком следует считать месяц назначения Сталина на пост генсека: апрель 1922 г. Отметим сразу же, что день избрания Сталина на этот пост никем не был назван, что свидетельствует об отсутствии письменного формального постановления о назначении Сталина. Как в свое время Свердлов, Сталин стал генсеком фактически. Именно этот пост был облюбован Сталиным для восхождения к абсолютной власти. «Ролью только политического вождя, который на свою аудиторию воздействует лишь статьями и речами, он никогда не довольствовался, а всегда стремился держать в своих руках и нити организационных связей: он превосходно знал, что только таким путем можно держать в руках те руководящие кадры партийных работников, которые необходимы для функционирования всякой организации». Эти строки, превосходно характеризующие Сталина, принадлежат Крупской и относятся к Ленину. Дореволюционному Ленину 1901 г. [1198]

После смерти Свердлова Ленин заменил его «подходящим коллективом». Но порочная структура большевистской партии никогда не была коллегиальной. Надежды Ленина на то, что аппаратом партии будут управлять несколько равных секретарей, были утопией. Уже через три года после смерти Свердлова Сталин без видимого сопротивления своих коллег по секретариату ЦК сосредоточил в своих руках «необъятную власть». Так, XII партийная конференция, закончившая работу 7 августа, еще во время болезни Ленина, принимает новый устав партии, устанавливающий, что «для секретарей губернского комитета обязательен партийный стаж до Октябрьской революции 1917 г. и утверждение вышестоящей партийной инстанцией (лишь с ее санкции допускаются исключения в величине стажа)». Казалось бы, речь идет об усилении авторитета старых партийных работников. На самом деле этот невзрачный пункт становится главным орудием Сталина: он получает право личного утверждения всех губернских секретарей (через проверку их стажа) и, через созданную систему исключений из правил, полномочия утверждать тех секретарей, которые, по молодости стажа, не могли бы без согласия Сталина стать секретарями. Комиссию по пересмотру устава возглавлял Молотов. Устав был принят единогласно. За несколько месяцев новый генсек установил в партии свои порядки. В это время и начали происходить мистические истории, касающиеся Ленина: в игру открыто вступил Сталин – с ядом. Он сообщил, что Ленин под предлогом ухудшающегося здоровья попросил Сталина доставить ему цианистый калий. Сталин задумал отравить Ленина.

О том, что Ленин просил у Сталина яду, мы знаем еще и из воспоминаний работавшей уже в те годы на Сталина секретаря Ленина Л.А. Фотиевой: «Я два раза была в это время у Сталина. Первый раз насчет яда. Но об этом писать нельзя... Только не записывайте. И если вздумаете опубликовать, то отрекусь... Так вот. Сначала о яде. Еще летом (1922 г.) в Горках Ленин попросил у Сталина прислать ему яда – цианистого калия. Сказал так: «Если дело дойдет до того, что я потеряю речь, то прибегну к яду. Хочу его иметь у себя». Сталин согласился. Сказал: «Хорошо». Однако об этом разговоре узнала Мария Ильинична и категорически воспротивилась. Доказывала, что в этой болезни бывают всяческие повороты, даже потерянная речь может вернуться. В общем, яда Владимир Ильич не получил» [1199]. В своих воспоминаниях М.И. Ульянова действительно рассказывает, что Ленин просил Сталина доставить ему яд в мае 1922 г., но опирается этот рассказ на поздний рассказ все той же Фотиевой. Иными словами, Фотиева цитирует сама себя: «Зимой 20 – 21, 21 – 22 (гг.) В.И. чувствовал себя плохо. Головные боли, потеря работоспособности сильно беспокоили его. Не знаю, точно когда, но как то в тот период В.И. сказал Сталину, что он, вероятно, кончит параличом, и взял со Сталина слово, что в этом случае тот поможет ему достать и даст ему цианистого калия. Ст[алин] обещал. Почему В.И. обратился с этой просьбой к Ст[алину]? Потому, что он знал его за человека твердого, стального, чуждого всякой сентиментальности. Больше ему не к кому было обратиться с такого рода просьбой. С той же просьбой обратился В.И. к Сталину в мае 1922 г. после первого удара. В.И. Ленин решил тогда, что все кончено для него, и потребовал, чтобы к нему вызвали на самый короткий срок Ст[алина]. Эта просьба была настолько настойчива, что ему не решились отказать. Ст[алин] пробыл у В.И. действительно 5 минут, не

больше. И когда вышел от И[льи]ча, рассказал мне и Бухарину, что В.И. просил его доставить ему яд, т[ак] как, мол, время исполнить данное раньше обещание пришло. Сталин обещал. Они поцеловались с В.И., и Ст[алин] вышел. Но потом, обсудив совместно, мы решили, что надо ободрить В.И., и Ст[алин] вернулся снова к В.И. Он сказал ему, что, переговорив с врачами, он убедился, что еще не все потеряно и время исполнить его просьбу не пришло.. Они расстались и не виделись до тех пор, пока В.И. Ленин не стал поправляться» [1200] .

Даже в этом рассказе, исходящем от сестры Ленина, мы слышим только сталинский пересказ: Сталин вышел от Ленина и рассказал Ульяновой и Бухарину о том, что Ленин просит яду. Своими ушами никто, кроме Сталина, этой просьбы не слышал. Источником информации о яде начиная с декабря 1922 г. тоже является либо Сталин, либо подотчетная ему секретарь Ленина Фотиева, причем время, когда запрашивается яд, удивительным образом совпадает с очередным конфликтом между Лениным и Сталиным, с одной стороны, и ухудшением здоровья Ленина – с другой. Остается только определить, было ли вызвано ухудшение состояния здоровья Ленина очередной порцией яда, впрыскиваемого Ленину «гениальным дозировщиком» Сталиным, или же, действительно, каждый раз, когда ухудшалось здоровье Ленина, он непременно просил Сталина о яде, как больной просит о лекарстве врача. Фотиева вспоминает: «После нового удара он в декабре под строгим секретом опять послал меня к Сталину за ядом. Я позвонила по телефону, пришла к нему домой. Выслушав, Сталин сказал:

– Профессор Ферстер написал мне так: «У меня нет оснований полагать, что работоспособность не вернется к Владимиру Ильичу». И заявил, что дать яд после такого заключения не может.

Я вернулась к Владимиру Ильичу ни с чем. Рассказала о разговоре со Сталиным» [1201] .

3. Национальный вопрос

Чтобы понять, мог ли Ленин просить Сталина о яде, проследим хронологию конфликта Ленина в период его болезни со Сталиным и Дзержинским. 10 августа 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение создать комиссию для подготовки проекта усовершенствования федеративных отношений между РСФСР и другими братскими республиками. 11 августа Оргбюро ЦК РКП(б) утвердило следующий состав комиссии: В.В. Куйбышев [1202] (председатель), Сталин, Орджоникидзе, Сокольников, Раковский и представители республик – С.А. Агамали оглы [1203] (Азербайджан), А.Ф. Мясников [1204] (Армения), П.Г. (Буду) Мдивани [1205] (Грузия), Г.И. Петровский (Украина), А.Г. Червяков [1206] (Белоруссия), Я.Д. Янсон [1207] (ДВР) и Ходжаев [1208] (Хорезм). К началу сентября проект резолюции готов. Возможно, Ленин узнает об этом от посетившего его еще 25 августа Раковского, в целом относящегося к проекту Сталина негативно. Обратим внимание на то, что в комиссию не входит Троцкий.

11 сентября впервые после майского удара консилиум врачей, собравшихся в Горках, разрешает Ленину с начала октября приступить к работе. На следующий день – 12 сентября – Ленина посещает Сталин и беседует с ним более двух часов. Понятно, что и по национальному вопросу. 22 сентября Ленин просит Сталина ознакомить его с проектом резолюции и другими документами по национальному вопросу, так как уже на 23 сентября назначено заседание комиссии, которая должна утвердить окончательный текст резолюции. К этому времени известно, что попытка Раковского и Петровского (предпринятая ими либо самостоятельно, либо по уговору с Лениным) оттянуть заседание комиссии и перенести его на 15 октября провалилась: по поручению Сталина помощник генерального секретаря А.М. Назаретян [1209] ответил, что отсрочка заседания невозможна. 19 сентября это же подтвердил Куйбышев (Сталин хотел форсировать принятие решения до начала активного вмешательства Ленина).

Разработанный Сталиным проект резолюции «комиссии под председательством Куйбышева» предполагал вступление Украины, Белоруссии, Грузии, Армении и Азербайджана в Российскую Федерацию на правах автономных республик. Однако в республиках за этот план высказались только Центральные комитеты Армении и Азербайджана. ЦК компартии (КП) Грузии выступил против проекта Сталина, считая «объединение в форме автономизации независимых республик» преждевременным и настаивая на сохранении «всех атрибутов независимости». ЦК КП Белоруссии был за договорные отношения между независимыми республиками, ЦК КП Украины проект не обсуждал. Но Раковский, как член комиссии и один из партийных руководителей Украины, в письме от 28 сентября указал, что проект Сталина нуждается в переработке.

За несколько дней до этого, на заседаниях 23 – 24 сентября, состоявшихся под председательством не входившего в комиссию Молотова, заменявшего ушедшего в

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.

отпуск Куйбышева, комиссия при одном воздержавшемся (представителе Грузии Мдивани) приняла сталинский проект за основу [1210]. Сталин создавал новую империю: «Если мы теперь же не постараемся приспособить форму взаимоотношений между центрами и окраинами к фактическим взаимоотношениям, в силу которых окраины во всем безусловно должны подчиняться центру, т. е. если мы теперь же не заменим формальную (фактическую) независимость формальной же (и вместе с тем реальной) автономией, то через год будет несравненно труднее отстоять единство республик», – писал он в письме Ленину 22 сентября, перед заседанием комиссии. 25 сентября по просьбе Ленина Назаретян переслал Ленину в Горки первоначальный проект комиссии Оргбюро, материалы обсуждений в центральных комитетах компартий республик и материалы двух заседаний комиссии Оргбюро, состоявшихся 23 и 24 сентября. Одновременно, не дожидаясь ответа или комментариев Ленина, он разослал резолюцию комиссии членам и кандидатам в члены ЦК РКП(б). 26 сентября Сталин приехал к Ленину обсуждать ситуацию. После длившейся 2 часа 40 минут беседы Ленин написал письмо Каменеву (копии – всем членам Политбюро) с критикой резолюции Сталина о вхождении национальных республик в РСФСР: «Т. Каменев! Вы, наверное, получили уже от Сталина резолюцию его комиссии о вхождении независимых республик в РСФСР... я беседовал об этом вчера с Сокольниковым, сегодня со Сталиным. Завтра буду видеть Мдивани (грузинский коммунист, подозреваемый в «независимстве»). По моему, вопрос архиважный. Сталин немного имеет устремление торопиться. Надо Вам (Вы когда то имели намерение заняться этим и даже немного занимались) подумать хорошенько; Зиновьеву тоже. Одну уступку Сталин уже согласился сделать. В § 1 сказать вместо «вступления» в РСФСР – «формальное объединение вместе с РСФСР в союз советских республик Европы и Азии». Дух этой уступки, надеюсь, понятен: мы признаем себя равноправными с Украинской ССР и др. и вместе и наравне с ними входим в новый союз, новую федерацию, «Союз Советских Республик Европы и Азии»... Важно, чтобы мы не давали пищи «независимцам», не уничтожали их независимости, а создавали еще новый этаж, федерацию равноправных республик... Сталин согласился отложить внесение резолюции в Политбюро Цека до моего приезда. Я приезжаю в понедельник, 2/х. Это мой предварительный проект. На основании бесед с Мдивани и др. товарищами буду добавлять и изменять... Ваш Ленин» [1211].

Поразительно, но, вовлекая в дискуссию по национальному вопросу весь партийный актив: и Зиновьева, и Каменева, и Сталина, и более мелких партработников, Ленин не обращается за помощью к Троцкому. Возможно, Ленин не готов еще компрометировать Сталина в глазах Троцкого в таком серьезном политическом вопросе, как национальный, так как это усилит Троцкого и ослабит Сталина; или же Ленин считает, что Троцкий поддержит Сталина против Ленина. С частью поправок Ленина Сталин соглашается, но обманывает Ленина в главном: он обещает Ленину не обсуждать этот «архиважный» вопрос до возвращения Ленина в Кремль 2 октября и... ставит вопрос на обсуждение на заседании Политбюро уже 27 – 28 сентября. Обратим внимание на то, что письмо Ленина Каменеву было разослано всем членам Политбюро, что все они знали о соглашении Ленина со Сталиным и при этом не только собрались на заседание Политбюро, но и приняли новый сталинский проект. В Политбюро обозначилась новая расстановка сил. Большинство шло за Сталиным. О позиции Троцкого нам ничего не известно, но думается, что, если бы Троцкий в этом вопросе был против Сталина, он конечно же сообщил бы об этом в своих мемуарах.

О реакции самого Сталина на письмо Ленина от 26 сентября мы знаем из ответного письма Сталина с критикой Ленина, написанного для членов Политбюро 27 сентября. В этом письме Сталин обвиняет Ленина в «национальном либерализме» и сетует на его «торопливость». В тот же день он обменивается записками с Каменевым на заседании Политбюро. Каменев: «Ильич собрался на войну в защиту независимости. Предлагает мне повидаться с грузинами. Отказывается даже от вчерашних поправок». Сталин: «Нужна, по моему, твердость против Ильича. Если пара грузинских меньшевиков воздействует на грузинских коммунистов, а последние на Ильича, то, спрашивается, при чем тут «независимость»?»

28 сентября следует новый обмен записками. Каменев: «Думаю, раз Вл[адимир] Ил[ьич] настаивает, хуже будет сопротивляться». Сталин: «Не знаю. Пусть делает по своему усмотрению». Неужели Сталин уступил?

2 октября 1922 г. Ленин вернулся в свой кремлевский кабинет и проработал в Кремле 74 дня. Обсуждение вопроса об образовании СССР происходило 6 октября на пленуме ЦК. Но по случайному стечению обстоятельств (а может быть, по заранее разработанному плану) Ленин из-за зубной боли на заседании не присутствовал. Обсуждение длилось три часа. Как писал из Москвы в Тифлис лидер грузинских «уклонистов» Мдивани, «сначала (без Ленина) нас били по держимордовски, высмеивая нас, а затем, когда вмешался Ленин... дело повернулось в сторону коммунистического разума». Смысл ленинского вмешательства лучше всего

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.о

сформулирован в записке Ленина Каменеву: «т. Каменев! Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть» [1212].

Тем временем для наведения порядка в Грузии Сталин направил туда своего единомышленника Орджоникидзе. Грузины теперь уже отказывались вступать в Закавказскую федерацию (через которую Грузию хотели втянуть в автономный Союз). Споры были горячие. Орджоникидзе не лез в карман за словами, обозвал одного члена Грузинского ЦК «дураком и провокатором», другого – «спекулянтом, духанщиком». Но когда Кабахидзе [1213] назвал самого Орджоникидзе «сталинским ишаком», тот в присутствии Рыкова ударил Кабахидзе. В ночь с 20 на 21 октября группа членов ЦК грузинской компартии сообщила по прямому проводу в ЦК РКП(б), что совместная работа с Орджоникидзе, посланным в Грузию для ликвидации конфликта, невозможна, поскольку для Орджоникидзе «травля и интриги – главное орудие против товарищей, не лакействующих перед ним. Стало уже невозможно жить и работать при его держимордовском режиме». Той же ночью Сталин подтвердил получение записки «с жалобой и площадной руганью на Орджоникидзе».

Ленин первоначально встал на сторону Орджоникидзе. 21 октября он отправил в Тифлис на имя ЦК Грузии, Цинцадзе [1214], Кавтарадзе [1215], Орджоникидзе и секретарю Заккрайкома Орахелашвили [1216] зашифрованную телеграмму: «Удивлен неприличным тоном записки по прямому проводу за подписью Цинцадзе и других, переданной мне почему то Бухариным, а не одним из секретарей ЦЕКА. Я был убежден, что все разногласия исчерпаны резолюциями пленума ЦЕКА при моем косвенном участии и при прямом участии Мдивани. Поэтому я решительно осуждаю брань против Орджоникидзе и настаиваю на передаче вашего конфликта в приличном и лояльном тоне на разрешение Секретариата ЦК РКП, которому и передаю ваше сообщение по прямому проводу» [1217].

22 октября 1922 года ЦК КП Грузии подал в отставку, которую утвердил Заккрайком. Еще через два дня Сталин сообщил Орджоникидзе, что удовлетворяет «ходатайство нынешнего ЦК Компартии Грузии об его уходе в отставку». А через месяц, 24 ноября, Секретариат ЦК РКП(б) создал комиссию «для восстановления прочного мира в Компартии Грузии» и срочного рассмотрения конфликта под председательством Держинского и с участием в ней Мануильского и Мицквичюса Капсукаса.

«Приветствуя создание комиссии, – пишет один из авторов, – Ленин от голосования ее состава тем не менее отказался. Быть может, подозревал то, о чем со временем в беседе с Фотиевой прямо скажет Зиновьев: «Заключение комиссия имела еще до выезда из Москвы» [1218]. И понятно почему: она состояла из сторонников Сталина [1219].

День 12 декабря начался как обычно. Утром Ленин приехал из Горок в Москву и в 11.15 пришел в свой кабинет в Кремле; затем ушел домой, в свою квартиру. В полдень вернулся в кабинет и до двух часов беседовал со своими заместителями по СНК и СТО Рыковым, Каменевым и А.Д. Цюрупой. В 17.30 Ленин пришел в кабинет, говорил по телефону. С 18 до 18.45 беседовал с Держинским, вернувшимся из Тифлиса, о конфликте между Закавказским крайкомом партии и членами ЦК КП(б) Грузии. Остаток дня он посвятил вопросу о монополии внешней торговли, в частности, переслал Троцкому письмо Н.Н. Крестинского, с просьбой сообщить, согласен ли он с ним. «Я буду воевать на пленуме за монополию», – говорилось в письме Ленина Троцкому [1220]. В 20.15 Ленин ушел домой. «Никто не думал, что 12 декабря 1922 года станет последним днем работы В.И. Ленина в его кабинете в Кремле», – пишет историк В.П. Наумов [1221]. Что же произошло?

«Накануне моей болезни, – запишет позже секретарь Ленина Фотиева слова председателя Совнаркома, – Держинский говорил мне о работе комиссии и об «инциденте», и это на меня очень тяжело повлияло». Настолько тяжело, что в продиктованном вечером 13 декабря Фотиевой письме Троцкому, Фрумкину [1222] и Стомонякову Ленин сообщает о неспособности выступить по этому вопросу на пленуме в связи с болезнью, подчеркивает «максимальное согласие» с Троцким по всем вопросам и просит Троцкого «взять на себя на предстоящем пленуме защиту нашей общей точки зрения о безусловной необходимости сохранения и укрепления монополии внешней торговли».

Таким образом, 13 декабря Ленин предлагает Троцкому выступить вместе против Сталина. К этому времени – с конца сентября, когда между Лениным и Сталиным впервые возникли разногласия по национальному вопросу, – прошло уже почти три месяца. Ленин выяснил, что Троцкий разделяет его позицию (то есть он его политический союзник) и, что самое главное, готов открыто поддержать Ленина в столкновении с генсеком. 13 декабря, со ссылкой на ухудшающееся здоровье, Ленин официально сообщил о свертывании работы. «Все три следующих дня – 13, 14, 15 декабря», пишет Наумов, Ленин «спешил» [1223]. Видимо, понимал, что спешить нужно. Заметим, что Троцкий – единственный авторитетный союзник Ленина в борьбе со Сталиным. Все остальные – большинство Политбюро и ЦК – в этой схватке поддержат Сталина против Ленина и Троцкого.

Известно, что Фотиева уже 13 декабря обо всем информирует Сталина и что с этого дня Сталин знает о тактическом замысле Ленина: разгромить Сталина на очередном пленуме, опираясь на Троцкого. 14 декабря Сталин и Каменев пытаются снять вопрос о монополии внешней торговли с повестки дня пленума на том основании, что пункт этот следует обсуждать на следующем пленуме, с участием Ленина, который к следующему пленуму конечно же выздоровеет. Сталин делает это довольно иезуитским способом. 14 декабря, отвергая Троцкого в качестве выразителя позиции Ленина, он пишет письмо «всем членам ЦК и тов. Ленину»: «Письмо тов. Ленина не разубедило меня в правильности решения Пленума Цека от 6.X о внешней торговле... Тем не менее ввиду настоятельного предложения тов. Ленина об отсрочке решения Пленума Цека... я голосую за отсрочку с тем, чтобы вопрос был вновь поставлен на обсуждение следующего Пленума с участием тов. Ленина» [1224] .

Сталин делает вид, что на отсрочке и перенесении вопроса на следующий пленум настаивает Ленин. Между тем все, на чем настаивал Ленин, чтобы вместо него по этому вопросу заслушали Троцкого, причем не на следующем, а на текущем пленуме ЦК РКП(б). Письмо Сталина от 14 декабря на Ленина не производит впечатления (может быть, он о нем даже не знает), и 15 декабря Ленин пишет Троцкому очередное письмо, исходя из того, что на пленуме его позицию представляет Троцкий: «Считаю, что мы вполне сговорились. Прошу Вас заявить на пленуме о нашей солидарности. Надеюсь, пройдет наше решение». Чуть позже он получает письмо Фрумкина, сообщающего Ленину об интригах Сталина и Каменева и просящего «переговорить по этому вопросу с Сталиным и Каменевым», так как «дальнейшая неопределенность положения срывает всякую работу». Тогда Ленин диктует по телефону Фотиевой второе за 15 декабря письмо Троцкому: «Пересылаю Вам полученное мною сегодня письмо Фрумкина. Я тоже думаю, что покончить с этим вопросом раз навсегда абсолютно необходимо. Если существует опасение, что меня этот вопрос волнует и может даже отразиться на состоянии моего здоровья, то думаю, что это совершенно неправильно, ибо меня в десять тысяч раз больше волнует оттяжка, делающая совершенно неустойчивой нашу политику по одному из коренных вопросов. Поэтому я обращаю Ваше внимание на прилагаемое письмо и очень прошу поддержать немедленное обсуждение этого вопроса. Я убежден, что если нам грозит опасность провала, то гораздо выгоднее провалиться перед партсъездом и сейчас же обратиться к фракции съезда, чем провалиться после съезда. Может быть, приемлем такой компромисс, что мы сейчас выносим решение о подтверждении монополии, а на партсъезде вопрос, все таки, ставим и уславливаемся об этом сейчас же. Никакой другой компромисс, по моему мнению, принимать в наших интересах дела ни в коем случае не можем. Ленин» [1225] .

Последним документом публичной политической деятельности Ленина перед его отъездом «в отпуск», из которого он уже не вернулся (а реально – в отставку, в рамках соглашения с Дзержинским), было третье письмо от 15 декабря, письмо Сталину – для передачи всем членам ЦК, фактически отвергавшее предложение генсека о переносе вопроса на новый пленум и подтверждающее полномочия Троцкого на защиту позиции Ленина: «Я кончил теперь ликвидацию своих дел и могу уезжать спокойно. Кончил также соглашение с Троцким о защите моих взглядов на монополию внешней торговли... Уверен, что Троцкий защитит мои взгляды несколько не хуже, чем я» [1226] .

Вопрос о монополии внешней торговли был спорным с первых лет большевистской власти. Но особенно остро он встал во время НЭПа в 1922 г. Ряд хозяйственных и партийных работников, в том числе Бухарин, Сокольников и Пятаков, считали, что отмена монополии привела бы к значительному оживлению экономических связей с зарубежными странами и скорейшему восстановлению экономики России. Колеблущуюся позицию занимал Сталин, считавший возможным сделать из монополии некоторые изъятия. Ленин при полной поддержке Троцкого стоял за сохранение монополии внешней торговли в полном объеме. На пленуме ЦК 6 октября 1922 г. было принято решение в духе позиции Сталина, допускавшее право отдельных хозяйственных организаций вести прямые торговые операции с заграничной через своих представителей. Соответствующий декрет ВЦИК и Совнаркома «О внешней торговле» был принят 16 октября [1227] .

Объективности ради следует указать, что с точки зрения интересов населения, торговли, экономического благосостояния страны, с точки зрения углубления НЭПа, в конце концов, необходимо было конечно же отменить монополию и позволить советским нэпманам бизнесменам торговать с заграничной точно так же, как и на внутреннем рынке. На это готовы были пойти, по крайней мере в каких то пределах, правые Сталин и Бухарин, но левые Троцкий и Ленин не шли на уступки. Сталин вынужден был подчиниться воле Ленина. Новый пленум ЦК 18 декабря 1922 г. отменил решение октябрьского пленума и декрет ВЦИК и СНК, подтвердив безусловную необходимость сохранения и укрепления монополии внешней торговли. Это стало победой совместного курса Ленина и Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.o
это был самый смелый и принципиальный поступок Ленина в отношении Сталина. Можно также утверждать, что согласие Троцкого защищать позицию Ленина в этом вопросе было проявлением мужества и лояльности Троцкого по отношению к Ленину. Но очевидно и другое: 15 декабря 1922 г. Сталин подписал смертный приговор не только Ленину, но и Троцкому. Троцкий не только выступил в блоке с Лениным (Ленин и Троцкий против Зиновьева, Сталина, Каменева и Бухарина), но и одержал над Сталиным победу. А этого Сталин простить не мог не столько Ленину, сколько Троцкому.

Итак, 13 – 15 декабря Ленин не просто здоров, а работает самым активным образом: «разговаривал по телефону, принимал дома товарищей, готовился к выступлению на X съезде Советов, написал несколько писем и записок о монополии внешней торговли, распределении обязанностей между заместителями председателя СНК и СТО, интересовался заготовкой хлеба урожая 1922 года, социальным обеспечением, переписью населения и другими вопросами», – пишет Наумов [1228]. Иными словами, Ленин был абсолютно работоспособен. Когда же он снова заболел?

4. Завещание Ленина

Похоже, что 12 декабря Дзержинский приехал к Ленину не для отчета о грузинском деле, а для того, чтобы сообщить Ленину о принятом Сталиным, Дзержинским и другими членами Политбюро решении отстранить Ленина от власти. 12 декабря Дзержинскому это удастся сделать, и он получает согласие Ленина свернуть дела, покинуть Кремль и фактически уйти в отставку (о чем Ленин информирует руководителей партии вечером 13 декабря, официально сообщив об этом в Политбюро в письменном виде, на чем конечно же настаивает Дзержинский). На свертывание дел Ленину дают три дня. Утром 16 декабря Ленин успевает продиктовать Крупской еще одно письмо. Но в 11 часов утра приходят врачи В.В. Крамер и А.М. Кожевников и требуют от Ленина выезда в Горки (что, наверное, Лениным было обещано Дзержинскому еще 12 декабря).

Ленин категорически отказывается. Идя на компромисс, он просит передать Сталину, что согласен не выступать на съезде Советов, где, разумеется, в первую очередь будет обсуждаться национальная политика. Но Сталину подачки Ленина уже не нужны, и врачи, понятно, что по приказу Сталина, вообще запрещают Ленину «работать» [1229]. «Вынужденный отказ от выступления сильно опечалил Владимира Ильича», – заключает Наумов. И из этой фразы очевидно, что приступы у Ленина случаются каждый раз, когда его отстраняют, снимают, изолируют, лишают, а не наоборот. Ведь больше всего на свете Ленин боялся потерять власть!

18 декабря собирается новый пленум ЦК, где Сталин выступает с проектом Союзного договора между советскими республиками. Ленин в этом пленуме не участвует (очевидно, что участвовать в нем Сталин бы ему не разрешил), а сам Сталин, уставший от бесконечных ленинских попыток вернуться к власти, требует себе формальных полномочий определять дальнейшую судьбу Ленина: специальным постановлением он возлагает на себя «ответственность за соблюдение режима, установленного для Ленина врачами» [1230]. Этот новый, установленный Сталиным режим больше всего напоминает тюремный или домашний арест: «На т. Сталина возложить персональную ответственность за изоляцию Владимира Ильича, как в отношении личных сношений с работниками, так и переписки» [1231], – решает пленум.

С точки зрения медицинской – и это всем хорошо известно – изоляция идет больному во вред. Именно к такому выводу приходит еще и посетивший Ленина 20 декабря профессор О. Ферстер, известный немецкий врач невропатолог, который консультировал врачей, лечивших Ленина: «Если бы Ленина в октябре 1922 года и дальше оставляли бы в бездеятельном состоянии, он лишился бы последней большой радости, которую он получил в своей жизни. Дальнейшим полным устранением от всякой деятельности нельзя было бы задержать ход его болезни. Работа для Владимира Ильича была жизнью, бездеятельность означала смерть» [1232].

Но из всего описанного следует, что события 13 – 18 декабря к состоянию здоровья Ленина, скорее всего, никакого отношения не имели. Ленина выгнали из Кремля и назначили Сталина (точнее – Сталин назначил сам себя) начальником тюремного режима Ленина.

21 декабря Крупская записала под диктовку Ленина письмо Троцкому. Обратим внимание на то, как боязливо и формально оговаривает Крупская свое право записать для Троцкого письмо Ленина, то есть насколько Крупская, старый член партии и жена Ленина, боится послушаться Сталина и его группу:

«Лев Давидович,

проф. Ферстер разрешил сегодня Владимиру Ильичу продиктовать письмо, и он продиктовал мне следующее письмо к Вам.

«Тов. Троцкий, как будто удалось взять позицию без единого выстрела простым маневренным движением. Я предлагаю не останавливаться и продолжать наступление и для этого провести предложение поставить на партсъезд вопрос об укреплении монополии внешней торговли и о мерах к улучшению ее проведения. Огласить это на фракции съезда советов. Надеюсь, возражать не станете и не откажетесь сделать доклад на фракции. Н. Ленин».

В.И. просит также позвонить ему ответ. Н.К. Ульянова» [1233] .

Из этого письма, подписанного фамилией Ленина – «Ульянова», – чего Крупская обычно не делала, Троцкий должен был сделать вывод, что Ленин лишился рассудка. Его только что выгнали из Кремля и посадили под домашний арест, лишив возможности работать и встречаться с людьми, официально назначили Сталина надсмотрщиком (о чем Ленин, разумеется, не знал), а он пишет о взятии позиции без единого выстрела. Без единого выстрела в те дни позиции взяли Сталин и Дзержинский. Неудивительно, что Троцкий на письмо Ленина не ответил: дискутировать на эту тему с ослепшим Лениным он не собирался.

Ленин в отношении Сталина был наивен, но не без предела. Он не случайно диктовал письмо именно Крупской, а не секретарю. Он старался сговориться с Троцким конфиденциально. Похоже, однако, что утечка информации произошла. Уже на следующий день, 22 декабря, Сталин позвонил Крупской, отругал ее, пригрозил взысканием по партийной линии решением контрольной комиссии, находившейся целиком под контролем Сталина, и сказал, что, если подобное повторится, Сталин объявит вдовой Ленина другую женщину (большевичку Артюхину [1234]).

Считается, что Крупская сообщила Ленину о звонке Сталина только 5 марта 1923 г., так как именно в этот день Ленин написал Сталину эмоциональное письмо о разрыве отношений [1235] . Но очевидно, Крупская рассказала обо всем Ленину в тот же день, на что обязан был рассчитывать Сталин, и в ночь с 22 на 23 декабря у Ленина именно по этой причине наступает резкое ухудшение здоровья: по свидетельству М.И. Ульяновой, в ночь на 23 декабря болезнь Ленина «распространилась дальше, правая рука и правая нога поражены параличом. С этих пор Владимир Ильич больше не мог сам писать».

Есть несколько указаний на то, что Ленин узнал о звонке Сталина Крупской 22 декабря. Во первых, это подтверждает Троцкий: «Крупская немедленно, вся в слезах, побежала жаловаться Ленину». Во вторых, об этом свидетельствует факт нового приступа у Ленина в ночь с 22 на 23 декабря. Косвенно это подтверждается также интервью с Фотиевой: «Надежда Константиновна не всегда вела себя как надо. Она могла бы проговориться Владимиру Ильичу. Она привыкла всем делиться с ним. И даже в тех случаях, когда этого делать нельзя было... Например, зачем она рассказала Владимиру Ильичу, что Сталин выругал ее по телефону?» Секретарь Ленина Володичева также считала, что Ленин узнал о грубости Сталина ранее 5 марта: «Возможно, он знал это раньше. А письмо написал 5 марта» [1236] .

22 декабря Крупская написала письмо союзнику Сталина Каменеву, фактическому председателю Политбюро, чего она не стала бы делать, если бы уже не сообщила об инциденте Ленину: «Лев Борисыч, по поводу коротенького письма [Троцкому], написанного мною под диктовку Влад. Ильича с разрешения врачей, Сталин позволил вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину. Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичем, я знаю лучше всякого врача, т. к. знаю, что его волнует, что нет, и во всяком случае лучше Сталина. Я обращаюсь к вам и к Григорию [Зиновьеву], как более близким товарищам В.И., и прошу оградить меня от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз. В единогласном решении контрольной комиссии, которой позволяет себе грозить Сталин, я не сомневаюсь, но у меня нет ни сил, ни времени, которые я могла бы тратить на эту глупую склоку. Я тоже живая, и нервы напряжены у меня до крайности. Н. Крупская» [1237] .

Осторожный и хитрый Сталин не допустил бы разрыва с Лениным, если бы не считал его политическим трупом. 22 декабря Сталин позволил себе нахамить Крупской, потому что уже ничем не рисковал. Он позвонил Крупской, чтобы сообщить ей, что решил убить Ленина. Только так можно объяснить реакцию самой Крупской на звонок Сталина в тот день: «Она была совершенно не похожа на саму себя, рыдала, каталась по полу и пр. Об этом выговоре она рассказала В.И. через несколько дней». – свидетельствует М.И. Ульянова [1238] . Значит, и по мнению Ульяновой, Ленин узнал об этом звонке много раньше 5 марта, уже «через несколько дней». Но самое главное доказательство того, что Ленин узнал о звонке Сталина именно 22 декабря, нам предоставил сам Ленин: 23 декабря он начал писать свое «Завещание». Он понял, что звонок Сталина Крупской – это «черная метка», смертный приговор. В 1922 г. Ленин понимал, что такое Сталин: «Мария Акимовна, – спросил Бек

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.o секретаря Ленина Володичеву, – есть ли какие нибудь шансы найти просто устные отзывы Ленина о Сталине?» «Ничего я не слышала. Даже намека нет, – ответила Володичева. – Ленин все таки был тоже очень осторожный человек» [1239] . Тоже очень осторожный. Как и Сталин. Ленин не выдал своих намерений. Он не стал под влиянием разговора с Крупской звонить или писать Сталину. Ленин понял, что дни его сочтены и что нужно успеть отдать как можно больше указаний. В то же время Ленин не собирался пассивно ожидать смерти от руки Сталина, что следует из количества написанных им перед смертью статей и заметок. Документы, продиктованные Лениным начиная с 23 декабря, преследовали две цели: стать фактическим завещанием, с одной стороны, подорвать авторитет Сталина в партии – с другой. События показали, что не произошло ни первого, ни второго: завещанием они не стали в том смысле, что предсмертные пожелания вождя были партией проигнорированы; авторитет Сталина подорван тоже не был; можно даже утверждать, что на фоне общей беспомощности Ленина он только вырос.

23 декабря. Ленин попросил дежурившего у него врача А.М. Кожевникова разрешить ему диктовать стенографистке в течение пяти минут, так как его «волнует один вопрос» и он боится, что не заснет. Ничего не подозревающий Кожевников разрешил диктовку. В начале десятого вечера Ленин вызвал Володичеву, которая вспоминала: «23 декабря 1922 года мне сообщили, что меня вызывает к себе Ленин. Его беспокоит один важный вопрос, и он хочет продиктовать что то стенографистке. Мне и раньше приходилось стенографировать выступления и письма Владимира Ильича. Записывала я его доклад на апрельской конференции, принимала его телефонограммы из Горок, а теперь мне предстояло вести запись у постели больного Ильича. Можете себе представить, как я волновалась! Помню, что в квартире Владимира Ильича я увидела Марию Ильичичну, Надежду Константиновну и группу врачей. Меня предупредили, что Ленину разрешено диктовать не более 5 минут. Надежда Константиновна провела меня в комнату, где на кровати лежал Ильич. Вид у него был болезненный. Он неловко подал мне левую руку, правая была парализована. Это меня сильно поразило. Я не предполагала, что ему до такой степени плохо. Когда мы остались одни, я села за стол рядом с кроватью. Ленин сказал: «Я хочу продиктовать письмо к съезду. Запишите!» [1240]

Так была продиктована первая часть письма к предстоящему XII съезду. При диктовке никто, кроме Володичевой, не присутствовал.

«Надежда Константиновна не вводила меня в комнату. Они стояли (Мария Ильичична, Надежда Константиновна и врач) около той комнаты, в которой лежал Ильич. Меня никто не провожал. Они только расступились, пропуская меня. И я вошла. Ленин диктовал быстро. Видимо, все было продумано у него заранее. Чувствовалось его болезненное состояние. Диктовка давалась ему нелегко. Говорил он глухо, не жестикулируя как обычно. Закончил диктовку в отведенное время и немного повеселел. А я все еще не могла прийти в себя. Была как в тумане» [1241] . Ленин заметил растерянность Володичевой, спросил, «почему такая бледная» [1242] . «Да потому что Сталин вас за это убьет», «потому что я прямо сейчас обязана доложить обо всем Сталину», – должна была ответить Володичева, но, как нам достоверно известно, промолчала.

Сам Ленин называл эти записи «дневником», считая, что таким образом он обманет Политбюро и не привлечет к своей работе особого внимания. А внимание обращать было на что. Уже в первом тексте Ленин выразил согласие с высказанным ранее предложением Троцкого о придании законодательных функций Госплану [1243] , которое он совсем недавно жестко отклонил. Ленин считал необходимым пойти «в этом отношении навстречу тов. Троцкому».

Незамедлительно Володичева сообщила о ленинском тексте Сталину. 24 декабря Сталин, Каменев и Бухарин посетили Горки, после чего секретарь Ленина Володичева перепечатала продиктованный Лениным текст, дополнив его новыми вставками. После слов «навстречу тов. Троцкому» она приписала: «До известной степени и на известных условиях» и исключила из заголовка гриф «Строго секретно» [1244] .

24 декабря Ленин продиктовал вторую часть своего «завещания». Следует отметить, что этот текст включал характеристики нескольких видных партийных деятелей разного уровня – Бухарина, Каменева, Зиновьева, Пятакова. Ни для одного из этих людей вождь, по существу дела, не нашел подлинно доброго слова. У всех он выискивал и находил серьезные недостатки, препятствовавшие тому, чтобы они могли стать преемниками Ленина. Однако главное содержание записи 24 декабря касалось двух главных соперников – Сталина и Троцкого. В записях говорилось: «Я думаю, что основным в вопросе устойчивости с этой точки зрения [отсутствия раскола] являются такие члены ЦК, как Сталин и Троцкий. Отношения между ними, по моему, составляют большую половину опасности того раскола, который мог бы быть избегнут и избежанию которого, по моему мнению, должно служить, между прочим, увеличение числа членов ЦК до 50, до 100 человек... Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.o
достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, тов. Троцкий, как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом о НКПС [1245], отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хватаящий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела. Эти два качества двух выдающихся вождей современного ЦК способны ненароком привести к расколу, и если наша партия не примет мер к тому, чтобы этому помешать, то раскол может наступить неожиданно».

Напомнив затем о выступлении Зиновьева и Каменева против вооруженного восстания на заседаниях ЦК 10 и 16 октября 1917 г., Ленин указал, что этот эпизод не был для них «случайностью, но что он также мало может быть ставим им в вину лично, как небольшевизм Троцкого» [1246].

Начиная с 23 декабря Ленин продиктовал несколько важных документов. Но он так и не смог выдать из себя четких указаний о том, как именно должна измениться партия в связи с его отходом от власти и вероятной скорой смертью и кого именно он хотел бы видеть своим преемником. Вот перечень этих текстов:

23 декабря 1922 года – «Завещание», часть 1, записано Володичевой;

24 декабря – «Завещание», часть 2;

25 декабря – «Завещание», часть 3, записано Володичевой;

26 декабря – «Записка об увеличении членов ЦК до 50 или даже 100 человек», записано Фотиевой;

27 декабря – «О придании законодательных функций Госплану», часть 4, записано Володичевой;

28 декабря – «Продолжение письма о законодательном характере решений Госплана», часть 5, записано Фотиевой;

29 декабря – «Продолжение записок о Госплане», часть 6, записано Володичевой;

29 декабря – «Записка о Госплане», записано Володичевой;

29 декабря – «Об увеличении числа членов ЦК», записано Володичевой;

30 декабря – «К вопросу о национальностях или об «автономизации», часть 1, записано Володичевой;

31 декабря – «К вопросу о национальностях или об «автономизации», часть 2, записано Володичевой;

31 декабря – «К вопросу о национальностях или об «автономизации», часть 3, записано Володичевой;

2 января 1923 г. – «Страничка из дневника», опубликовано в «Правде» 4 января 1923 г.;

4 января – приписка к «Завещанию» с предложением снять Сталина, записано Фотиевой;

4 января – «О кооперации», часть 1, опубликовано в «Правде» 26 мая 1923 г.;

6 января – «О кооперации», часть 2, опубликовано в «Правде» 27 мая 1923 г.;

не позднее 9 января – план статьи «Что нам делать с Рабкрином?»;

9 января – «Что нам делать с Рабкрином?», часть 1, записано Володичевой;

13 января – «Что нам делать с Рабкрином?», часть 2, записано Фотиевой;

13 января – «Что нам делать с Рабкрином?», часть 3, записано Фотиевой;

16 января – «О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова)», часть 1, опубликовано в «Правде» 30 мая 1923 г.;

17 января – «О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова)», часть 2, опубликовано в «Правде» 30 мая 1923 г.;

23 января – «Как нам реорганизовать Рабкрин», опубликовано в «Правде» 25 января 1923 г.;

2 марта – «Лучше меньше, да лучше», опубликовано в «Правде» 4 марта 1923 г. [1247]

27 – 29 декабря Ленин продиктовал несколько фрагментов, которые в совокупности получили название «О придании законодательных функций Госплану». По существу дела, они представляли собой невиданное ранее для Ленина полное отступление от предыдущей позиции, когда он резко и грубо критиковал предложения, внесенные Троцким. Теперь же Ленин открыто признавал правоту Троцкого и собственную ошибку. Запись начиналась словами: «Эта мысль [придание законодательных функций Госплану, превращение его из «академического» в практически работающее учреждение] выдвигалась тов. Троцким, кажется, уже давно. Я выступил противником ее, потому что находил, что в таком случае будет основная неувязка в системе наших законодательных учреждений. Но по внимательном рассмотрении дела я нахожу, что в сущности тут есть здоровая мысль, именно: Госплан стоит несколько в стороне от наших законодательных учреждений, несмотря на то, что он как совокупность сведущих людей, экспертов, представителей науки и техники обладает, в сущности, наибольшими данными для правильного суждения о делах» [1248]. Таким образом, Ленин всецело поддержал своим авторитетом позицию Троцкого. Еще одним документом в этой полусознательной полуинстинктивной игре Ленина, все

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.о

более склонявшейся в пользу Троцкого, были заметки, получившие название «К вопросу о национальностях или об «автономизации». Продиктованы они были 30 – 31 декабря и касались, как говорил сам Ленин, «пресловутого вопроса» об «автономизации», «официально названной, кажется, СССР» [1249]. Диктовались они в тот самый момент, когда в торжественной обстановке 30 декабря 1922 г. I Всесоюзный съезд Советов утвердил документы об объединении четырех советских республик – РСФСР, Украины, Белоруссии и Закавказской Федерации – в единое государство – Союз Советских Социалистических Республик.

Объединению предшествовала дискуссия о характере предстоявшего объединения, в ходе которой Сталин и некоторые другие партийные деятели внесли план «автономизации», то есть вхождения других республик в состав РСФСР на правах автономных единиц, а Ленин, заняв несколько более осторожную и хитрую позицию, предложил создать формальный дополнительный «верхний этаж» – новую государственную структуру, в которую Российская Федерация официально вошла бы на равных правах с остальными республиками. Ленину удалось настоять на своем плане, и именно он был реализован в форме СССР, хотя в действительности мало что изменилось: РСФСР фактически сохранила ведущее положение.

4 января 1923 г. Ленин продиктовал текст, который нельзя было трактовать иначе, как указание о снятии Сталина с поста генсека, хотя Ленин и не назвал Сталина замену, возможно не желая подвергать этого человека риску ненависти и травли со стороны Сталина. Впрочем, Ленин уже настолько часто и неоднозначно упоминал в связи со Сталиным и вместе со Сталиным Троцкого, что у потенциального читателя, к которому были обращены эти строго секретные тексты, не могло не создаться впечатление, что именно Троцкий является логической заменой Сталину. Чаша оценочных весов была очевидным образом теперь смещена именно в пользу наркомвоенмора: «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и так далее. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношениях Сталина и Троцкого, это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение» [1250].

Уточним список секретарей Ленина, имеющих в первую очередь доступ к его документам. За период с 21 ноября 1922 г. по 6 марта 1923 г. ими были: Н.С. Аллилуева (до утра 18 декабря), Ш.М. Манучарьянц (формально – библиотекарь Ленина, до вечера 11 декабря), С.А. Флаксерман (3 декабря только), М.И. Гляссер (вечер 5 февраля только), М.А. Володичева (с вечера 27 ноября), Л.А. Фотиева (с 13 декабря).

Обратим внимание на то, что, за исключением жены Сталина Н.С. Аллилуевой, жизнь которой оборвалась трагически, никто из секретарей Ленина не был репрессирован Сталиным в период чисток. И это было лучшим подтверждением того, что в личной преданности секретарей Ленина Сталин не сомневался, что ни одного нелояльного в отношении Сталина поступка никто из них в то опасное для Сталина время не совершил. Чем же заслужили секретари Ленина пожизненную индульгенцию Сталина? Преданной службой и безупречным ведением «Дневника дежурных секретарей». Это был удивительный документ. Первые опубликованный в 1963 г., он находился под семью замками до июля 1956 г. Что же это был за «Дневник» и по каким причинам его так долго хранили в сейфе? По чьей инициативе он был начат? Перед кем отчитывались люди, делавшие в «Дневнике» записи? Кто знал, а кто не знал о его существовании? Кем этот «Дневник» читался?

Не на все эти вопросы ответ ясен. «Дневник» был начат 21 ноября 1922 г. Очевидно, что в этот день Политбюро по инициативе Сталина установило над Лениным надзор на уровне ведения «Дневника». До революции Ленин всегда назначал крупную секретарем тех политических центров, в курсе деятельности которых он хотел быть. Сталин и тут оказался достойным учеником. В первые после введения формального надзора дни особенно активным секретарем Ленина была жена Сталина Н.С. Аллилуева. Понятно, что обо всем, что ей было известно, она рассказывала Сталину.

Нет никаких указаний на то, что о «Дневнике» знали Ленин, Крупская или М.И. Ульянова. Если так, то справедливо утверждение, что «Дневник» велся тайком. Шесть секретарей Ленина могли вести тайный «Дневник» лишь по решению вышестоящих инстанций. Такими инстанциями, очевидно, были ЦК, Секретариат ЦК или Политбюро. Иными словами, приказ должен был исходить от Сталина. Из интервью Фотиевой и Володичевой мы знаем, что отчитывались секретари перед Сталиным и Каменевым, являвшимся в те месяцы председателем Политбюро. Неизвестно, читал ли этот

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.o

«Дневник» Сталин, или же он довольствовался устными отчетами. По крайней мере один секретарь – Володичева – вела «Дневник» стенографическими знаками и расшифровывала свою стенограмму позже. Из этого, видимо, следует сделать вывод, что Сталин довольствовался устными отчетами.

«Дневник» оборвался 6 марта 1923 г. на фразе «Надежда Константиновна просила». Весь дальнейший текст был записан стенограммой и расшифровывался Володичевой 14 июля 1956 г. После 6 марта 1923 г. «Дневник» не велся вообще. Создается впечатление, что в момент расшифровки записи от 6 марта в далеком 1923 г. Володичевой позвонил Сталин и приказал ведение «Дневника» и всякую работу над ним прекратить. Так и была оборвана работа на полуслове.

«Дневник» интересен не только тем, что в нем записано, но и тем, что из него исчезло. А исчезло из него очень много. В «Дневнике» пропущены следующие дни: 17 декабря 1922 г., 19 – 22 декабря, причем 18 декабря Сталин назначен тюремщиком Ленина, а 22 декабря состоялся тот самый звонок Сталина Крупской, и, если Крупская сообщила о нем Ленину, в записях секретарей от 22 декабря должны были бы иметься сведения о реакции Ленина; начиная с 25 декабря пропускается весь период деятельности Ленина, когда он диктовал третью часть «Завещания», записку об увеличении членов ЦК, записи о Госплане, статью «К вопросу о национальностях...» и, наконец, дополнение к «Завещанию» от 4 января 1923 г., где он предлагает сместить Сталина с поста генсека. За период с 25 декабря по 16 января сделаны всего две записи: 29 декабря и 5 января. Обратим внимание на то, как аккуратно они смонтированы:

«24 декабря... Владимиру Ильичу взяли Суханова «Записки о революции», тома III и IV.

29 декабря. Через Надежду Константиновну Владимир Ильич просил составить список новых книг. Врачи разрешили читать. Владимир Ильич читает Суханова «Записки о революции» (III и IV тома). ...Списки Владимир Ильич просил составить по отделам. 5 января 1923 г. Владимир Ильич затребовал списки новых книг с 3 января и книгу Титлинова «Новая церковь».

17 января (запись М.А. Володичевой). Владимир Ильич... читал и вносил поправки в заметки о книге Суханова о революции».

«Дневник» отцензурирован таким образом, чтобы создать у читателя впечатление, будто Ленин с 25 декабря по 16 января включительно читал и работал над статьей о Суханове. Между тем в этот период были написаны основные его предсмертные статьи. А вот после 17 января (когда «Дневник» ведется с относительной частотой) написано всего две статьи: «Как нам реорганизовать Рабкрин» и «Лучше меньше, да лучше». В «Дневнике» пропущены также 27 – 29 января, 11 и 13 февраля, 15 февраля – 4 марта. Между тем нам известно, что Ленин диктовал каждый день или почти каждый день, причем дни, когда он не диктовал, в «Дневнике» всегда отмечались, например:

«10 декабря, утро. Ничего от Владимира Ильича не было...

11 декабря, утро (запись Н.С. Аллилуевой). Никаких поручений не было. Владимир Ильич ни разу не звонил. Проверить, чтобы вечером в кабинете было не меньше 14 градусов тепла.

11 декабря, вечер (запись Ш.М. Манучарьянц). Никаких поручений не было. Владимир Ильич ни разу не звонил...

18 декабря, утро (запись Н.С. Аллилуевой). Заседает пленум Центрального комитета. Владимир Ильич не присутствует, болен – никаких поручений и распоряжений.

18 декабря, вечер. Заседает пленум. Владимир Ильич не присутствует, вечерним заседанием пленум закончен...

18 января (запись М.А. Володичевой). Владимир Ильич не вызывал...

21 января (запись М.А. Володичевой). Владимир Ильич не вызывал».

Таким образом, дни, когда Ленин не вызывал и не диктовал, отмечены. Значит, во все пропущенные «Дневником» или же его издателями дни Ленин что то диктовал? Кроме того, не ясно, велся ли «Дневник» после 6 марта 1923 г. Опубликовано, по крайней мере, ничего не было. Похоже также, что какие то записи в «Дневнике» делались задним числом.

Однако Ленин не предусмотрел того, что предусмотреть был обязан: все его секретари доносили о происходящем у Ленина Сталину. Заговор против Ленина в этот период имел столь широкий характер, что Сталин мог действовать открыто. Написанные против Сталина Лениным статьи и письма немедленно относились секретарями Ленина Сталину, и он сам решал, как с ними поступить. Когда «Завещание» Ленина, продиктованное Володичевой, было доставлено Сталину, тот в присутствии нескольких партийных руководителей приказал «Завещание» сжечь. Володичева вспоминает:

«Был уже поздний час, когда я вернулась в секретариат. Я долго сидела там подавленная, стараясь осмыслить все услышанное у Ленина. Его письмо показалось

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.o
мне очень тревожным. Я позвонила Лидии Александровне Фотиевой, сказала ей, что Ленин продиктовал мне чрезвычайно важное письмо очередному съезду партии, и спросила, что с ним делать, не показать ли комунибудь, может быть, Сталину. Упор нужно сделать не на то, что я была очень взволнована, просто я впервые видела его в таком состоянии. «Ну что же, покажите Сталину», – сказала Лидия Александровна. Так я и сделала.. [1251]

В квартире Сталина я увидела его самого, Надежду Сергеевну Аллилуеву, Орджоникидзе, Бухарина и Назаретяна. Сталин взял письмо и предложил Орджоникидзе и Бухарину пройти с ним в соседнюю комнату. Получилось так, что все произошло в молчании. ...Примерно через четверть часа вышел Сталин. Шаги его были на этот раз тяжелыми, лицо озабоченно. Он пригласил меня в другую комнату, и Орджоникидзе спросил, как себя чувствует Ильич. ...Повторяю: в квартире Сталина я увидела его самого, Аллилуеву, Орджоникидзе и Бухарина. Мне было важно довести до сведения Сталина, что хотя Владимир Ильич и прикован к постели, но бодр, речь его течет бодро и ясно. У меня создалось впечатление, что Сталин был склонен объяснить ленинское письмо съезду болезненным состоянием Ильича. «Сожгите письмо», – сказал он мне. Это распоряжение Сталина я выполнила. Сожгла копию письма, которую ему показывала, но не сказала, что 4 других экземпляра ленинского документа лежат в сейфе.

На следующий день я рассказала обо всем произошедшем Фотиевой и Гляссер. «Что ты наделала! – набросились они на меня. – Сейчас же возобнови копию!» Я тут же отпечатала пятую копию».

Троцкий считал, что «после всего того, что произошло в предшествовавшие месяцы, Завещание не могло явиться для Сталина неожиданностью. Тем не менее он воспринял его как жестокий удар. Когда он ознакомился впервые с текстом, который передала ему Крупская для будущего съезда партии, он в присутствии своего секретаря Мехлиса [1252], ныне политического шефа Красной армии, и видного советского деятеля Сырцова [1253], ныне исчезнувшего со сцены, разразился по адресу Ленина площадной бранью, которая выражала тогдашние его подлинные чувства по отношению к «учителю».

На заседании ЦК, где Каменев впервые оглашал завещание Ленина, по воспоминаниям секретаря Сталина Бажанова [1254] (на которые ссылается в воспоминаниях Троцкий), «тяжкое смущение парализовало всех присутствующих. Сталин, сидя на ступеньках трибуны президиума, чувствовал себя маленьким и жалким. Я глядел на него внимательно; несмотря на его самообладание и мнимое спокойствие, ясно можно было различить, что дело идет о его судьбе». Радек, сидевший на этом памятном заседании возле Троцкого, нагнулся к нему со словами: «Теперь они не посмеют идти против вас...» Троцкий ответил: «Наоборот, теперь им придется идти до конца, и притом как можно скорее». «Завещание не только не приостановило внутренней борьбы, чего хотел Ленин», пишет Троцкий, но «придало ей лихорадочные темпы. Сталин не мог более сомневаться, что возвращение Ленина к работе означало бы для генерального секретаря политическую смерть. И наоборот: только смерть Ленина могла расчистить перед Сталиным дорогу».

К утру 24 декабря Ленину не просто запрещают работать (разрешают диктовать всего пять минут), Ленину буквально пытаются заткнуть рот. Он него требуют, чтобы он прекратил разговаривать с секретарем и стенографисткой. Требование это исходит от врачей (по смыслу происходящего это слово нужно ставить в кавычки, хотя люди в белых халатах в доме Ленина действительно врачи). Тогда Ленин предъявил ультиматум, как объявляющий в тюрьме голодовку заключенный, причем понятно, что ультиматум этот он предъявил не врачам, а Сталину: если ему не будет разрешено ежедневно, хотя бы в течение короткого времени, диктовать его «Дневник», он «совсем откажется лечиться» [1255].

Эта угроза действует. Сталин знает, что, если Ленин откажется лечиться, он может выздороветь. А это в планы Сталина не входило. Ультиматум, разумеется, обсуждали не врачи, а сталинская фракция Политбюро в составе Сталина, Каменева и Бухарина (подчеркнем, что все трое действуют сообща против Ленина), принявшая следующее решение:

«1. Владимиру Ильичу предоставляется право диктовать ежедневно 5 – 10 минут, но это не должно носить характер переписки, и на эти записки Владимир Ильич не должен ждать ответа. Свидания запрещаются. 2. Ни друзья, ни домашние не должны сообщать Владимиру Ильичу ничего из политической жизни, чтобы этим не давать материала для размышлений и волнений» [1256].

Иными словами, заключенному Ленину на несколько минут в сутки выдают в камеру перо и бумагу (но, так как все записывают секретари, Сталин немедленно оказывается в курсе всего написанного), причем пишет Ленин в одностороннем порядке, не ожидая ответов. Встречаться он тоже ни с кем не встречается. Писем с воли он тоже не получает. От арестанта Ленин не сильно чем отличается. Свой

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.о

режим он воспринимал именно как тюремный: «Если бы я был на свободе (сначала оговорился, а потом повторил, смеясь: если бы я был на свободе), то я легко бы все это сделал сам», – сказал Ленин Фотиевой 1 февраля 1923 г. Но Ленин был уже не на свободе. «Он лежал и говорил мне с досадой: «Мысли мои вы не можете остановить. Все равно я лежу и думаю!» [1257]

Крупская вспоминала: «В этом же и беда была во время болезни. Когда врачи запретили чтение и вообще работу. Думаю, что это неправильно было. Ильич часто говорил мне: «Ведь они же... не могут запретить мне думать». Сама Крупская тоже понимала, что Ленин в заточении: «Во время болезни был случай, когда в присутствии медсестры я ему говорила, что вот, мол, речь, знаешь, восстанавливается, только медленно. Смотри на это, как на временное пребывание в тюрьме. Медсестра говорит: «Ну, какая же тюрьма, что вы говорите, Надежда Константиновна?» Ильич понял: после этого разговора он стал определенно больше себя держать в руках» [1258] , то есть не критиковал свой тюремный режим при посторонних.

Когда 24 декабря Ленин диктует Володичевой вторую часть письма, он настолько озабочен возможной утечкой информации, что многократно подчеркивает Володичевой необходимость сохранения написанного в тайне: «Продиктованное вчера, 23 декабря, и сегодня, 24 декабря, является абсолютно секретным»; «Дневник» (Ленин имеет в виду свой дневник) «абсолютно секретен. О нем пока никто не должен знать. Вплоть даже до членов ЦК»; «подчеркнул это не один раз. Потребовал все, что он диктует, хранить в особом месте, под особой ответственностью и считать категорически секретным» (все эти требования Ленина Володичева аккуратно записывает в «Дневнике дежурных секретарей» для Сталина и передает Сталину все Лениным сказанное – и тексты, и инструкции о секретности).

«Боясь волновать Ленина, я не сказала ему, что с первым отрывком письма Ленина к съезду Сталин уже ознакомился», – вспоминает Володичева. Здесь Володичева явно скромничает. Она должна была сказать: «боясь убить Ленина», «боясь сразить его наповал»... Трудно даже представить себе, как отреагировал бы Ленин на сообщение Володичевой о том, что обо всем происходящем сообщается Сталину и что по решению Политбюро ведется поминутное слежение за жизнью Ленина, оформленное как «Дневник дежурных секретарей».

Сообщение Володичевой о том, что она познакомила Сталина только с первой частью «письма», вряд ли соответствует действительности. Дисциплина была суровая. «Мы ничего не читали и ничего друг другу не говорили, – вспоминает Володичева. – Друг друга не спрашивали... Мы имели общий дневник... и каждая в свою дату записывала, но: «мы его не читали». Каждый секретарь докладывал Сталину только о своих собственных записях.

Секретари боялись Сталина безумно. Из интервью Бека с Володичевой:

« – Помните, вы рассказывали, что, когда Ленин начал характеризовать Сталина, вас потрясло одно слово, которым он характеризовал Сталина?

– Да, «держиморда».

– Это письмо по национальному вопросу?

– Где это было, в какой стенограмме, я не помню. Я просто сначала не разобралась, потом, когда разобралась, ужаснулась, ужаснувшись, перестала печатать.

– И так это слово и не вошло никуда?

– Не вошло» [1259] .

Очевидно, Володичева не точна. Слово «держиморда» «вошло» в статью Ленина «К вопросу о национальностях или об «автономизации»: «Тот грузин, который пренебрежительно относится к этой стороне дела... сам является грубым великодержавным держимордой» [1260] . Но психологию времени Володичева передает верно: послушаться Ленина и не записать продиктованное Лениным Володичева смогла, а вот напечатать в адрес Сталина ленинское слово «держиморда» не посмела. Сталин был уже больше Ленина.

После 24 декабря Сталин предпринимает какие то меры, благодаря которым в «Дневнике» в дальнейшем наступает обрыв всякий раз, когда диктуются слишком невыгодные Сталину тексты. После 24 декабря все записываемое носит пространный, но совершенно беззубый характер. Это приводит к естественному выводу, что ряд ленинских материалов был уничтожен или же что записи были сфальсифицированы задним числом. «Сожжение» ленинских текстов могло произойти только по указанию Сталина, как генсека партии. Предположить, что Сталин не интересовался содержанием заметок, диктуемых Лениным после 23 декабря, абсолютно невозможно. Другой секретарь Ленина – Фотиева – вела себя не мужественнее Володичевой:

« – Я сама передала письмо Ленина о национальностях, – сообщила она Беку.

– То есть сразу после того, как он продиктовал?

– Да. Могу вам рассказать. Только не записывайте... Второй раз (после разговора о яде) я обратилась к Сталину насчет письма о национальностях, которое продиктовал

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.o

Владимир Ильич. Но тут я уже у него не была, а позвонила по телефону: «Товарищ Сталин, Владимир Ильич только что закончил письмо политического характера, в котором обращается к съезду. Я считаю нужным передать его в ЦК». Сталин ответил: «Ну, передайте Каменеву». (Они тогда были вместе.) Я так и сделала...

- А Сталину вы, Лидия Александровна, звонили не по поручению Владимира Ильича?
- Нет, Владимир Ильич об этом не знал.
- Почему же вы его не спросили?
- Мы вообще не задавали ему вопросов. Нельзя было его волновать.
- Но потом информировали его?
- Нет. Это его взволновало бы...
- Тогда почему же все таки вы с ней [Крупской] не посоветовались?
- Я вообще не была в подчинении у Надежды Константиновны и не спрашивала ее разрешений.
- Но ведь письмо Ленина («К вопросу о национальностях или об «автономизации») было направлено против Сталина?
- Не только против него. Также и против Орджоникидзе и Дзержинского.
- Да, да, но главным был все таки Сталин. И вы передаете ему. То есть заблаговременно вооружаете его... Но хоть бы посоветовались с Марией Ильиничной.
- А Мария Ильинична вообще ничем не распоряжалась. Все предоставляла Надежде Константиновне... Если бы Владимир Ильич был здоров, то он обязательно бы пригласил Сталина и поговорил бы с ним. А тут письмо заменило разговор.
- Почему же об этом ничего не сказано в дневнике дежурных секретарей?..
- Туда мы писали вовсе не то...
- А почему, Лидия Александровна, в дневнике ничего не записано о том, что Владимир Ильич продиктовал последнюю часть «завещания», то есть ту часть, где говорил о Сталине?
- Это было секретно. Поэтому я и не занесла.
- Но и предыдущие части тоже были секретными... А Володичева рассказывает, что и «завещание» ему было известно. Она сама, кажется, передавала. И Сталин сказал: «Сожгите».
- Володичева – больной человек. Ничего этого не было, – и неожиданно нервно: – Уходите, уходите с вашими вопросами!» [1261]

Ленин диктовал активно в период с 23 декабря по 23 января, то есть ровно месяц. Затем в его работе наступил неожиданный и не случайный перерыв. 24 января он дал Фотиевой поручение «запросить у Дзержинского или Сталина материалы комиссии по грузинскому вопросу» и столкнулся с сильным противодействием Сталина и Дзержинского. Дзержинский кивал на Сталина, тот прятался за решение Политбюро. Ленин стал подозревать Фотиеву в двойной игре: «Прежде всего по нашему «конспиративному» делу: я знаю, что Вы меня обманываете». На ее заверения в противном он сказал: «Я имею об этом свое мнение».

В четверг, 25 января, Ленин спросил, получены ли материалы. Фотиева ответила, что Дзержинский придет лишь в субботу. В субботу Дзержинский сказал, что материалы у Сталина. Фотиева послала письмо Сталину, но того, дескать, не оказалось в Москве. 29 января Сталин позвонил и сообщил, что материалы без Политбюро дать не может. Теперь уже Сталин начал подозревать Фотиеву в двойной игре: спрашивал, не говорила ли она Ленину «чегонибудь лишнего, откуда он в курсе текущих дел?», потому что статья Ленина «Как нам реорганизовать Рабкрин» (законченная 23 января и уже прочитанная Сталиным), по мнению Сталина, «указывает, что ему известны некоторые обстоятельства». Фотиева заверила, что не говорила и не имеет «никаких оснований думать, что он [Ленин] в курсе дел». 30 января, узнав от Фотиевой об отказе Сталина выдать ему материалы комиссии Дзержинского, Ленин сказал, что будет настаивать на выдаче документов.

1 февраля Политбюро разрешило выдать материалы Фотиевой для Ленина, но при условии, что Фотиева оставляет их у себя для изучения (о чем просил ее Ленин) и доклад Ленину на эту тему без разрешения Политбюро делать не будет. Иными словами, материалы Политбюро выдало, но доступа к ним у Ленина нет, так как они находятся у сталинской шпионки Фотиевой. Фотиева, видимо по указанию Сталина, тянет время и заявляет Ленину, что для изучения материалов ей понадобится четыре недели [1262].

Ленин начинал бой. Но и Сталин не бездействовал. За несколько дней до начала трагикомедии с материалами по грузинскому вопросу, 27 января, Сталин от имени Политбюро и Оргбюро ЦК разослал во все губкомы РКП закрытое письмо по поводу последних ленинских статей, подписанное членами Политбюро и Оргбюро: А.А. Андреевым, Бухариным, Дзержинским, Калининным, Каменевым, Куйбышевым, Молотовым, Рыковым, Сталиным, Томским и Троцким. Смысл письма заключался в том, что Ленин болен, что ему из за переутомления не разрешено читать газеты и что он не принимает участия в заседаниях Политбюро и не читает протоколы; что ввиду невыносимости для Ленина состояния бездеятельности ему разрешено вести дневник,

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.o

части которого он время от времени пытается публиковать в партийной прессе. Таким образом, закрытый циркуляр Сталина недвусмысленно давал партийному активу понять, что на выступления в печати больного и не осведомленного о происходящих событиях Ленина больше не следует обращать внимания [1263]. Троцкий это сталинское письмо тоже подписал, подчиняясь партийной дисциплине, тем более что циркуляр Сталина как бы объективно констатировал факт болезни Ленина. Неизвестно, получил ли Ленин об этом письме информацию, или же изоляция его, с одной стороны, и нежелание близких волновать – с другой, достигли такой степени, что о происках Сталина ему не сообщили. Однако не позднее 3 февраля Ленин получает от Фотиевой подтверждение того, что с ним запрещено разговаривать: «Владимир Ильич вызывал в 7 ч. на несколько минут. Спросил, просмотрела ли материалы. Я ответила, что только с внешней стороны и что их оказалось не так много, как мы предполагали. Спросил, был ли этот вопрос в Политбюро. Я ответила, что не имею права об этом говорить. Спросил: «Вам запрещено говорить именно об этом?» – «Нет, вообще я не имею права говорить о текущих делах». – «Значит, это текущее дело?» Я поняла, что сделала оплошность. Повторила, что не имею права говорить. Сказал: «Я знаю об этом деле еще от Дзержинского, до моей болезни. Комиссия делала доклад в Политбюро?» – «Да, делала, Политбюро в общем утвердило ее решения, насколько я помню». Сказал: «Ну, я думаю, что Вы сделаете Вашу реляцию недели через три, и тогда я обращусь с письмом» [1264].

12 февраля против Ленина вводят очередные санкции по дальнейшей его изоляции и у него случается новый приступ. Фотиева делает в «Дневнике» запись: «Владимиру Ильичу хуже. Сильная головная боль. Вызвал меня на несколько минут. По словам Марии Ильиничны, его расстроили врачи до такой степени, что у него дрожали губы. Ферстер накануне сказал, что ему категорически запрещены газеты, свидания и политическая информация... У Владимира Ильича создалось впечатление, что не врачи дают указания Центральному комитету, а Центральный комитет дал инструкции врачам» [1265].

Так и было, раз Ферстер считал, что Ленину вредны не работа, а запреты. Именно по этой причине подозрительный Ленин все чаще и чаще «категорически отказывался принимать лекарства» и требовал «освободить его от присутствия врачей» [1266], понимая, что эти нанятые Сталиным люди укорачивают его жизнь. Ферстера Ленин не выносил уже до такой степени, что тот прятался в соседних комнатах, чтобы Ленин его не видел. 14 февраля (через две недели после получения материалов из Политбюро) Фотиева записывает: «Владимир Ильич вызвал меня в первом часу. Голова не болит. Сказал, что он совершенно здоров. Что болезнь его нервная и такова, что иногда он совершенно бывает здоров, т. е. голова совершенно ясна, иногда же ему бывает хуже. Поэтому с его поручениями мы должны торопиться, т. к. он хочет непременно провести кое что к съезду и надеется, что сможет. Если же мы затянем и тем загубим дело, то он будет очень и очень недоволен... Говорил опять по трем пунктам своих поручений. Особенно подробно по тому, который его всех больше волнует, т. е. по грузинскому вопросу. Просил торопиться. Дал некоторые указания».

Эти указания также касались грузинского дела: «Намекнуть Сольцу [1267], что он [Ленин] на стороне обиженного. Дать понять кому либо из обиженных, что он на их стороне... 1. Нельзя драться. 2. Нужны уступки. 3. Нельзя сравнивать большое государство с маленьким. Знал ли Сталин? Почему не реагировал? Название «уклонисты» за уклон к шовинизму и меньшевизму доказывает этот самый уклон у великодержавников. Обрать Владимиру Ильичу печатные материалы» [1268].

Понятно, что в тот же день вся эта информация была сообщена Сталину, и он предпринимает против Ленина новые шаги, о которых мы можем только догадываться. Очевидно, что в период с 15 февраля по 5 марта Ленин был трудоспособен, так как 2 марта закончил статью «Лучше меньше, да лучше». Но записей с 15 февраля по 4 марта в «Дневнике дежурных секретарей» нет. Правда, о событиях с 15 февраля мы кое что знаем из воспоминаний Фотиевой: «Сольц, будучи членом Президиума ЦКК, рассматривал заявление, поступившее от сторонников ЦК КП Грузии старого состава на чинимые против них притеснения. 16 февраля в связи с поручением Владимира Ильича я послала записку Сольцу с просьбой выдать мне все материалы, касающиеся грузинского конфликта. Сохранилась следующая моя запись: «Вчера т. Сольц сказал мне, что товарищ из ЦК КП Грузии привез ему материалы о всяческих притеснениях в отношении грузин (сторонников старого ЦК КПГ). Что касается «инцидента» (имеется в виду оскорбление, нанесенное товарищем Орджоникидзе Кабахидзе), то в ЦКК было заявление потерпевшего, но оно пропало. На мой вопрос «Как пропало?» – Сольц ответил: «Да так, пропало». Но это все равно, так как в ЦКК имеется объективное изложение инцидента Рыковым, который при этом присутствовал» [1269].

Так что намеки Ленина сталинскому ставленнику Сольцу положения Ленина не облегчили. Из лаконичной записи от 25 февраля мы узнаем, что Ленин работоспособен и чувствует себя хорошо: утром Ленин «читал и разговаривал о

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.о делах... Вечером читал и диктовал больше часа» [1270] . (Что же он диктовал? Сколько страниц текста?) Наконец, мы знаем, что 3 марта Сталин разрешил Фотиевой выдать Ленину заключение по материалам комиссии Дзержинского: «Ленин получает докладную записку и заключение Л.А. Фотиевой, М.И. Гляссер и Н.П. Горбунова [1271] о материалах комиссии Политбюро ЦК РКП(б) по «грузинскому вопросу» [1272] . Значит, Ленин был работоспособен и в период с 25 февраля по 3 марта. Что же случилось в эти дни и почему упрямо молчит «Дневник дежурных секретарей»? А случилось следующее. С 21 по 24 февраля в Москве работал пленум ЦК РКП(б). Видимо, это было одной из причин отсутствия записей: Ленин интересовался работой пленума, так как «пленум рассмотрел тезисы по национальному и организационному вопросам, постановил не публиковать их до предварительного ознакомления с ними (с разрешения врачей) В.И. Ленина и если Владимир Ильич потребует пересмотра тезисов, то созвать экстренный пленум. Пленум признал целесообразным создать на съезде секцию по национальному вопросу с привлечением всех делегатов из национальных республик и областей и с приглашением до 20 коммунистов не делегатов съезда» – так было записано в официальной хронике жизни Ленина, изданной в Советском Союзе [1273] .

Что произошло? Откуда вновь возникшее к Ленину уважение? Историк В. Дорошенко пишет: «А произошло то, что тезисы генерального секретаря пленуму признал политически сомнительными и направил их на ленинскую экспертизу. Как это произошло, остается догадываться... Здесь проявилось влияние мощной политической силы, более мощной, чем влияние большинства Политбюро вместе с генсеком, той силы, которую Сталин не учел, сбросив ее со счетов. А такой силой в тех условиях мог быть и был только Ленин» [1274] .

Добавим, что такой силой должен был быть очередной блок Ленина с Троцким. «Предложение «создать на съезде секцию по национальному вопросу с привлечением всех делегатов из национальных республик и областей и с приглашением до 20 коммунистов не делегатов съезда», принятое пленумом, – продолжает Дорошенко, – пожалуй, слишком кардинально для ординарного решения. Не является ли оно ленинским? Не является ли оно фразой или перифразой ленинского письма, высказывания? Очень вероятно, что было по меньшей мере одно письмо Ленина к пленуму. Возможно, было даже несколько ленинских писем, ведь пленум продолжался необычно долго – 4 дня. Что могло и должно было содержаться в этом письме или письмах?» [1275]

Здесь нам несколько помогает Троцкий, в архиве которого есть документ, датированный 22 февраля 1923 г. Из этого документа следует, что, во первых, Троцкий вступил в конфликт с большинством пленума (то есть со сталинцами), во вторых, что на пленуме 21 го и 22 го числа обсуждалась опубликованная статья Ленина, письмо Ленина и проект (предложение) Ленина. Похоже, что речь шла о статье Ленина «Как нам реорганизовать Рабкрин», так как это был единственный документ Ленина, опубликованный в те дни – в «Правде», 25 января 1923 г., причем изначально сталинцы предполагали напечатать этот номер «Правды» в одном экземпляре, специально для Ленина (утаив статью от всех остальных). Под «письмом» Троцкий, очевидно, имел в виду обсуждавшееся в Политбюро «Письмо к съезду». «Проектом» или «предложением» Ленина мог быть отдельный документ, но мог быть и сформулированный самим пленумом документ, основанный на статье Ленина «Как нам реорганизовать Рабкрин» [1276] . Троцкий писал:

...

«Членам пленума Цека. Совершенно секретно. К проекту реорганизации и улучшения работы центральных учреждений партии.

I. Необходимые предварительные фактические пояснения.

1. Значительная часть членов пленума фактически введена в заблуждение относительно моей позиции в вопросе о реорганизации центральных партучреждений (по инициативе тов. Ленина). Никакого предложения я ни в пленум, ни ранее в Политбюро не вносил. Никакого оформленного предложения я не имел. Более того: в Политбюро мы единогласно решили не выступать по этому острому вопросу с какими либо сепаратными предложениями, а попытаться сговориться путем обмена мнений на каждом заседании. Предложение было мое, и оно встретило полное сочувствие. Мы рассчитывали, что партия подаст свой отклик на письмо тов. Ленина, появятся статьи в «Дискуссионном листке», и Политбюро, а затем и пленум получат возможность более глубоко прощупать настроение партии в этом вопросе и в более точной форме и с полным единодушием пойти навстречу назревшим организационным преобразованиям. Повторяю, таково было мое предложение на Политбюро, и оно встретило полное сочувствие.

2. Внесение в пленум проекта тов. Зиновьева явилось для меня полной неожиданностью. В Политбюро эти тезисы не обсуждались. Самый порядок их внесения

шел вразрез с тем соглашением, которое было единодушно заключено членами Политбюро: принять все меры к устранению в этом вопросе сепаратных выступлений.

3. Получив за несколько часов до заседания текст тезисов тов. Зиновьева, я совершенно не понял, о какой идее «двоецентриа» идет речь, так как мне не известен был какой либо проект «двоецентриа», внесенный в Политбюро или в пленум ЦЕКА. Я не считал своей записки, явившейся простым эпизодом в условленном нами обмене мнений, за какой либо проект, и притом суть даже и этой моей записки совершенно не состояла в «двоецентрии». Смысл этого полуоформленного отражения идеи «двоецентриа» разъяснился мне только во время прений на пленуме, причем я убедился, что моя записка членам Политбюро, являвшаяся одним из моментов нашего внутреннего, еще не оформленного обсуждения в Политбюро, представлена некоторыми членами пленума как мое «предложение», суть которого состоит в «двоецентрии» и которое направлено против предложения тов. Ленина. Некоторые из членов пленума, кем то соответственно информированные и инструктированные, высказались в том смысле, что проект тов. Ленина имеет своей целью сохранение единства, а мой – раскол.

4. Я не стану здесь доискиваться ни персональных источников, ни целей этой кружковой инсинуации, соответственно подготовленной. Но заявляю: «Простое фактическое изложение письма тов. Ленина и моего отношения к этому письму, как и к предшествовавшему ему документу, не оставит ничего от этой недобросовестной картонной постройке. Дело обстоит как раз наоборот. В то время, как большинство членов Политбюро считало невозможным самое напечатание письма тов. Ленина, я, наоборот, не только настаивал и – при содействии тов. Каменева и в отсутствие тов. Зиновьева – настоял на напечатании письма, но и отстаивал основные его идеи или, чтобы быть более точным, те идеи его, которые казались мне основными. Я сохраняю за собой право изложить эту фактическую сторону дела перед лицом всей партии, если этого потребует отпор инсинуации, которая чувствовала и чувствует себя слишком безнаказанной, ввиду того, что я почти никогда не реагировал на нее.

II. Основные задачи реорганизации центральных партучреждений.

5. Цека должен сохранить свою строгую оформленность и способность к быстрым решениям. Поэтому дальнейшее расширение его не имеет смысла. Оно ввело бы в Цека лишь некоторое дополнительное количество центровиков (преимущественно «генерал губернаторов»), очень мало увеличивая таким образом связь с массами. Между тем расширение состава Цека и установление новых, более сложных отношений между Политбюро и пленумом грозит нанести чрезвычайный ущерб точности и правильности работ Цека.

6. С другой стороны, не менее важно для Цека находиться в постоянной, а не периодической только связи с «низами» и со всем советским аппаратом и иметь вокруг себя постоянное живое и активное партийное «окружение», которое, с одной стороны, придавало бы Цека живой опыт мест и «низов» и силой этого живого опыта оказывало бы на Цека необходимое давление (в случае необходимости – «объединительное» давление), а с другой стороны, само это «окружение» близкой связью с работой Цека и участием в этой работе поднималось бы на более высокую советскую и партийную ступень и подготовляло бы смену ЦК. Главными функциями этого «окружения» должны быть инспекционные, контрольные, инструкционно воспитательные и карательные – под углом зрения партии, проникающей собою советский аппарат и опускающей свои щупальца в глубину городских и деревенских низов.

7. Вопросы о том, должно ли это «окружение» иметь решающие или совещательные права по отношению к вопросам, составляющим предмет непосредственного ведения Цека, в каких случаях и в каком виде (вопрос о «двоецентрии»), представляется мне второстепенным по отношению к указанным основным задачам. В своей записке я высказал одно из предположений – о том, что этому «окружению» можно дать в известных вопросах решающий голос. Но я согласен, что это связано с известным риском, особенно на первых порах, когда не накопился еще необходимый опыт сотрудничества. Поэтому, может быть, более целесообразно ограничиться, по крайней мере, на первый год совещательными правами «окружения».

III. Мои организационные предложения.

8. Цека создается в составе Политбюро, Оргбюро и Секретариата с небольшим, может быть, дополнительным количеством членов или кандидатов. Таким образом, Цека как таковой несколько сокращается по сравнению с нынешним и, во всяком случае, не расширяется. Взаимоотношения Политбюро, Оргбюро и Секретариата Цека определяются более точно на основании уже имеющегося опыта.

9. Съезд выбирает до 75 ти членов ЦКК из рабочих и крестьян с серьезным партийным стажем и пригодных для партийной контрольной и советской контрольной работы под руководством Президиума ЦКК.

Президиум избирается в количестве 7 – 9 высокого во всех отношениях стажа, т. е.

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.

работников примерно цекистского типа.

Основной задачей работы Президиума ЦКК и 75 ти инспекторов (или членов ЦКК) является обеспечение во всех отношениях партийной линии как внутри самой партии, так и в советской работе.

Примечание: Поскольку в своей инспекционной работе указанного типа ЦКК перебивается с Рабкрином, необходимо согласование их работы. Оно может быть достигнуто вхождением части Президиума ЦКК в коллегия Рабкрин и части Каркомрабкрин в Президиум ЦКК, а также двойными мандатами инспекторов.

10. Цека имеет право (по соглашению с ЦКК) пользоваться членами ЦКК для инспекционных и других задач.

11. Каждые два месяца собирается центральное пленарное совещание в составе Цека, Президиума ЦКК и инспекторов. Это совещание имеет право требовать полного отчета от Цека и Президиума ЦКК во всех областях их работы.

Решения этой широкой коллегии имеют сами по себе совещательный характер и входят в законную силу только по утверждению их Центральным Комитетом.

Правильная подготовка пленарных совещаний лежит на ЦК по соглашению с Президиумом ЦКК.

12. Устанавливается правильное присутствие и совещательное участие в работах

Политбюро, Оргбюро и Секретариата членов ЦКК по назначению ее Президиума.

Эти предложения, представляющие лишь беглый набросок, сделанный между двумя заседаниями, касаются лишь вопросов, поставленных статьей тов. Ленина.

Дополнительные организационные вопросы, выдвинутые тов. Зиновьевым, я пока оставляю без рассмотрения».

На пленуме победила точка зрения Ленина. Тезисы Сталина пленум отклонил и послал на переработку (правда, снова в комиссию под председательством Сталина). Тезисы, которые пленум передал на просмотр и заключение Ленину, назывались «Национальные моменты в партийном и государственном строительстве»: «Объединение национальных республик в Союз Советских Социалистических Республик является заключительным этапом развития форм сотрудничества, принявшим на этот раз характер военно хозяйственного и политического объединения народов в единое многонациональное Советское государство».

Ленин вернул себе политический контроль над Сталиным, потребовал пересмотра тезисов и этим объявил о созыве нового экстренного пленума. Надсмотрщиком над Сталиным Ленин назначил Троцкого. Именно Троцкому пленум поручил внести поправки в тезисы Сталина и его доклад по национальному вопросу на XII партсъезде.

Сущность замечаний Троцкого состояла в необходимости подчеркнуть, что главной опасностью является не местный национализм, а великодержавный русский шовинизм, что национальный уклон – это реакция на действия шовинистов. «Вырвать почву из под ног национальных уклонов можно только внимательнейшим, дружественным, заботливым отношением к нуждам и потребностям малых и отсталых национальностей, еще не изживших своих исторических обид», – писал Троцкий и заключал: «По этой линии должна вестись настоящая борьба – и только тогда систематическая воспитательная работа, направляемая против национального уклона, даст положительные результаты» [1277] .

Насколько в те дни был подавлен Сталин, следует из того, что 7 марта он написал письмо, в котором выразил полное согласие с поправками Троцкого [1278] . Однако Сталин не был бы Сталиным, если бы параллельно не предпринял бы усилий, направленных в совсем другую сторону. 5 марта, примерно тогда, когда Троцкий победно отсылал Сталину свои поправки к тезисам по национальному вопросу, в жизни Ленина произошли поистине роковые события. В этот день, около двенадцати, он вызвал Володичеву и просил записать два письма. Обратим внимание на то, что Ленин, очевидно, работоспособен и указаний на плохое его самочувствие нет. Главное, однако, что нет указаний на какие либо ограничения, введенные против Ленина: он диктует что хочет, кому хочет и сколько хочет. Похоже, что на февральском пленуме Ленин победил Сталина не только политически, но и фактически: тюремный режим против Ленина, введенный Сталиным, был снят.

5 марта первое письмо было написано верному союзнику Троцкому: «Я просил бы вас очень взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии. Дело это сейчас находится под «преследованием» Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив. Если бы вы согласились взять на себя его защиту, то я бы мог быть спокойным. Если вы почему нибудь не согласитесь, то верните мне все дело. Я буду считать это признаком Вашего несогласия» [1279] .

Вместе с этим письмом Троцкому была передана еще и записка Володичевой:

«Товарищу Троцкому. К письму, переданному вам по телефону, Владимир Ильич просил добавить для вашего сведения, что тов. Каменев едет в Грузию в среду и Вл. Ил. просит узнать, не желаете ли вы послать туда что либо от себя» [1280] .

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.o

Само «дело» Ленин тоже передал Троцкому. И Троцкий его не вернул, чем продемонстрировал Ленину свою поддержку. Об этом становится известно 16 апреля из письма Троцкого «Всем членам ЦК РКП» с грифом «С. секретно»:

«Мною получена сегодня прилагаемая при сем копия письма личного секретаря тов. Ленина, тов. Л. Фотиевой, к тов. Каменеву по поводу статьи тов. Ленина по национальному вопросу.

Статья тов. Ленина была мною получена 5 го марта одновременно с тремя записками тов. Ленина, копии которых при сем также прилагаются.

Я тогда снял для себя копию статьи как имеющей исключительное принципиальное значение и положил ее в основу как своих поправок к тезисам тов. Сталина (принятых тов. Сталиным), так и своей статьи в «Правде» по национальному вопросу.

Статья, как сказано, имеет первостепенное принципиальное значение. С другой стороны, она заключает в себе резкое осуждение по адресу трех членов ЦК. Пока оставалась хоть тень надежды на то, что Владимир Ильич успел сделать относительно этой статьи какие либо распоряжения насчет партийного съезда, для которого она, как вытекает из условий и, в частности, из записки тов. Фотиевой, предназначалась, – до тех пор я не ставил вопроса о статье.

При создавшейся ныне обстановке, как она окончательно определяется запиской тов. Фотиевой, я не вижу другого исхода, как сообщить членам Центрального Комитета статью, которая, с моей точки зрения, имеет для партийной политики в национальном вопросе не меньшее значение, чем предшествующая статья по вопросу об отношении пролетариата и крестьянства.

Если никто из членов ЦК – по соображениям внутривнутрипартийного характера, значение которых понятно само собой, – не поднимет вопроса о доведении статьи в том или другом виде до сведения партии или партсъезда, то я с своей стороны буду рассматривать это как молчаливое решение, которое снимает с меня личную ответственность за настоящую статью в отношении партсъезда» [1281] .

Таким образом, примечание комментаторов «полного собрания сочинений» Ленина о том, что на предложение Ленина от 5 марта Троцкий ответил отказом, – намеренная фальсификация. Авторы комментариев пишут: «Троцкий, ссылаясь на болезнь, ответил, что он не может взять на себя такого обязательства» [1282] . Но это абсолютная ложь. Троцкий взял на себя защиту позиции Ленина, причем не отказался от поддержки Ленина и после 6 марта, когда не мог уже опираться на помощь нефункционирующего Ленина. 28 марта 1923 г. Троцкий отправляет в секретариат ЦК (копия Гляссер, то есть Ленину) следующее письмо: «В протоколе № 57 на второй странице по вопросу о Грузии записано только мое предложение об отзыве тов. Орджоникидзе. Я сделал три предложения, и поскольку упомянуто первое, нужно прибавить и два других, также отклоненных, 1) констатировать, что Закавказская Федерация в нынешнем своем виде представляет собою искажение советской идеи федерации в смысле чрезмерного централизма; 2) признать, что товарищи, представляющие меньшинство в грузинской компартии, не представляют собою «уклона» от партийной линии в национальном вопросе; их политика в этом вопросе имела оборонительный характер – против неправильной политики тов. Орджоникидзе» [1283] .

Это еще одно доказательство того, что Троцкий дал на записку Ленина положительный ответ.

В тот день борьба Ленина и Сталина достигла своей высшей точки. Ленин, теперь уже хорошо информированный, знает, что, несмотря на решение пленума, поддержавшего Ленина, грузинское дело, вопреки постановлениям ЦК, все еще находится под «преследованием» Сталина и Дзержинского, – то есть секретариат Сталина при поддержке ГПУ (Дзержинского) выступает против Ленина и ЦК партии. Ленин понимает, что на стороне Сталина еще и большинство Политбюро и в такой ситуации ему, Ленину, терять уже нечего. В этот день он решает использовать свой старый козырь: конфликт Сталина с Крупской. Ленин пишет Сталину ультимативное письмо: либо извиниться и признать поражение, либо пойти на открытую войну. Отметим, что Троцкого об этом письме Ленин в известность не ставит, хотя именно на помощь Троцкого собирается опираться в схватке со Сталиным. Из этого можно сделать вывод, что Ленин готов принять капитуляцию Сталина конфиденциально, не унижая его перед партийным активом и прежде всего перед Троцким, которого Сталин к этому моменту уже, безусловно, ненавидит и считает своим главным, после Ленина, врагом. Но Ленин верен себе и пытается оставить Сталину возможность отступления для последующей совместной работы, начиная письмо очень вежливо – «уважаемый...»:

«Уважаемый т. Сталин! Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.o

считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения. С уважением Ленин» [1284].

Володичева в «Дневнике дежурных секретарей» указывает, что второе письмо Ленин «пока просил отложить, сказав, что сегодня у него что то плохо выходит» [1285]. Что именно вышло «плохо», Володичева не указывает. Никаких исправлений в письмо на следующий день внесено не было. 6 марта Ленин запросил ответ Троцкого на написанное им 5 марта письмо. «Ответ по телефону застенографирован», – отметила в «Дневнике» Володичева 6 марта, но содержание ответа Троцкого в «Дневнике» не записала. Понятно, что этот ответ был невыгоден Сталину, иначе бы он, безусловно, оказался в «Дневнике» (как мы знаем, Троцкий Ленина поддержал). Ленин перечитал второе письмо Сталину «и просил передать лично из рук в руки [и] получить ответ». Таким образом, письмо, датированное 5 марта, оставалось неотправленным до 6 го.

В тот же день, 5 марта, Ленин продиктовал «письмо группе Мдивани» (копии: Троцкому и Каменеву), также направленное против Сталина. Это были последние строчки, зарегистрированные официальной лениниадой: «Всею душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского. Готовлю для вас записки и речь» [1286]. Это еще одно указание, что к этому времени Ленину точно было известно о поддержке Троцкого. Иначе зачем же было Ленину посылать копию письма Троцкому, если тот отклонил предложение о блоке против Сталина? Очевидно также, что об этом новом блоке узнает Сталин, что он немедленно предпринимает какие то действия, и «записки и речь» Ленина по этому вопросу, которые, как нам достоверно известно, Ленин «готовит», до нас уже не доходят.

Если «письмо группе Мдивани» было отправлено адресату, то письмо Сталину в течение 6 марта снова пролежало без движения, так как, по словам Володичевой, «Надежда Константиновна просила этого письма Сталину не посылать». Тогда Володичева «пошла к Крупской и напомнила ей, что Владимир Ильич ждет ответа от Сталина, беспокоится. И этот аргумент, по видимому, подействовал». 7 марта, после предварительных переговоров Крупской с Каменевым, письмо было передано Сталину, Каменеву, а затем и Зиновьеву [1287]. Володичева вспоминает: «Передавала письмо из рук в руки. Я просила Сталина написать письмо Владимиру Ильичу, так как тот ожидает ответа, беспокоится. Сталин прочел письмо стоя, тут же при мне, лицо его оставалось спокойным. Помолчал, подумал и произнес медленно, отчетливо выговаривая каждое слово, делая паузы между ними: «Это говорит не Ленин, это говорит его болезнь». И продолжал: «Я не медик, я – политик. Я Сталин. Если бы моя жена, член партии, поступила неправильно и ее наказали бы, я не счел бы себя вправе вмешиваться в это дело. А Крупская – член партии. Но раз Владимир Ильич настаивает, я готов извиниться перед Крупской за грубость» [1288].

Согласно Володичевой, письмо не было передано по настоянию Крупской. Согласно Фотиевой, его задержала Володичева, боявшаяся идти с таким резким письмом к Сталину. Фотиева вспоминала, что Ленин «ждал ответа. Ждал по минутам. А Володичева не решилась отнести письмо Сталину, такое оно было резкое. И только на следующее утро я узнала, что письмо еще лежит у нас. Велела Володичевой отнести». Кто из них говорит правду – понять трудно.

Отнеся письмо Ленина Сталину, Володичева «записала коротенький ответ Сталина Владимиру Ильичу, и так волновалась», что с ее почерком случилось что то неизвестное. Ответ Сталина, в свою очередь, Володичева не понесла Ленину, а отправилась на квартиру к Каменеву: «Мне посоветовали это мои товарищи, в частности Мария Игнатьевна Гляссер. [...] Она сказала, что обязательно нужно зайти и показать это письмо Каменеву, потому что Сталин может написать такое, что вызовет беспокойство Владимира Ильича. Каменев его прочитал и вернул мне со словами, что письмо можно передать. После посещения Каменева я вернулась к себе в секретариат. Но письмо не было передано, потому что уже было поздно: Владимиру Ильичу уже было плохо».

«Плохо» – не совсем точное определение. 5 – 7 марта произошли события, за кулисами которых стоял Сталин и его окружение, события, окутанные тайной. Похоже, что уже 6 – 7 марта Ленин был взят под арест: «Официально стало известно, – вспоминает Володичева, – что Владимир Ильич 6 марта или даже уже 5 го был не в состоянии ни читать, ни работать, ни кого то принимать, ни что то предпринимать. С ним нельзя было связаться». «Официально было известно...», «с ним нельзя было связаться...» – это и есть указание на арест Ленина. Значит, уже 5 – 6 марта Володичева сообщила Сталину о еще не отосланном, но написанном письме Ленина, равно как и о письме Троцкому. «И как было с Надеждой Константиновной – это тоже неизвестно», – продолжила Володичева. И из этого мы обязаны сделать вывод, что одновременно, 5 – 7 марта была арестована Крупская. М.И. Ульянова,

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.o очевидно тоже арестованная, получила разрешение на телефонный звонок Сталину. Содержание его неизвестно, но из обрывков раздававшегося в телефон крика можно было понять, что она требует немедленного освобождения и угрожает, что в противном случае обратится от имени Ленина с призывом о помощи к рабочим Москвы [1289] .

6 марта Володичева записала в «Дневнике»: «Письмо Владимиру Ильичу еще не передано, т. к. он заболел». Это была последняя фраза «Дневника дежурных секретарей Ленина». «Нельзя сказать, знал ли Ленин об ответе Сталина, с точной достоверностью. Да, впоследствии, когда мы были на даче, когда ему стало лучше, это было возможно. Но возможно, а не точно!» [1290] – так завершила Володичева свой рассказ о последней борьбе Ленина. Узнал ли после 6 марта бессильный Ленин об ответной записке Сталина, продиктованной или сказанной Володичевой и одобренной Каменевым, – не столь уж важно. В ночь на 10 марта 1923 г. произошло очередное «ухудшение» здоровья Ленина и он потерял речь. Через неделю Сталин, со ссылкой на Крупскую, подал в Политбюро рапорт о том, что Ленина пора отравить: «В субботу, 17/III Ульянова (Н.К.) сообщила мне в порядке архиконспиративном «просьбу Вл. Ильича Сталину» о том, чтобы я, Сталин, взял на себя обязанность достать и передать Вл. Ильичу порцию цианистого калия. В беседе со мною Н.К. говорила, между прочим, что «Вл. Ильич переживает невероятные страдания», что «дальше жить так невыносимо», упорно настаивала «не отказывать Ильичу в его просьбе». Ввиду особой настойчивости Н.К. и ввиду того, что В. Ильич требовал моего согласия... я не счел возможным ответить отказом, заявив: «прошу В. Ильича успокоиться и верить, что, когда нужно будет, я без колебаний исполню его требование». Вл. Ильич действительно успокоился. Должен, однако, заявить, что у меня не хватает сил выполнить просьбу В. Ильича и вынужден отказаться от этой миссии, как бы она не была гуманна и необходима, о том и довожу до сведения членов П. Бюро ЦК» [1291] .

Это первое и единственное указание на то, что к общему хору доброжелателей, предлагавших отравить Ленина, оказывается, присоединилась и его жена! Но узнаем мы об этом почему то снова из уст Сталина (а не из письма Крупской, что было бы естественнее). В связи с этой запиской и произошел, видимо, разговор о яде, впервые описанный Троцким в статье 1939 г.

В начале июня 1923 г. был проведен опрос высших партийных иерархов о том, как следует поступить с заметками Ленина о Госплане, продиктованными 27 – 29 декабря, следует ли их опубликовать или в какой либо иной форме предать гласности. Результаты опроса были совершенно катастрофическими для Троцкого. Из десяти опрошенных за публикацию высказался он один: «Я думаю, что эту статью нужно опубликовать, если нет каких либо формальных причин, препятствующих этому». Дух остальных ответов наиболее четко был сформулирован «тройкой» – Каменевым, Зиновьевым и Сталиным. Каменев: «Печатать нельзя: это несказанная речь на П[олит]Бюро. Не больше. Личная характеристика – основа и содержание статьи». Зиновьев: «Н[а]дежда К[онстантиновна] тоже держалась того мнения, что следует передать только в ЦК. О публикации я не спрашивал, ибо думал (и думаю), что это исключено. Можно этот вопрос задать. В условиях передачи разницы не было. Только эта запись (о Госплане) передана мне позже – несколько дней тому назад». Сталин: «Полагаю, что нет необходимости печатать, тем более, что санкции на печатание от Ильича не имеется» [1292] .

Если так поступили с ленинским текстом по организационно экономическому вопросу, можно себе представить, какое решение было бы принято Политбюро в отношении всех текстов Ленина, относившихся к циклу его «завещаний».

Долгий экскурс в события декабря 1922 – марта 1923 г. необходимо было предпринять для того, чтобы понять, мог ли Ленин, как утверждали Сталин и Фотиева, в разгар такой борьбы в декабре 1922 г. инкогнито просить Сталина о яде. Ответ на этот вопрос очевиден: не мог. Сведения о том, что Ленин просил у него яд в декабре 1922 г., фабриковались самим Сталиным в разное время и с поразительным упорством (будто кто то обвинял его в отравлении Ленина). Очевидно, что в период с 7 марта 1923 г. по 21 января 1924 г. как политический деятель Ленин не функционировал, а задача Крупской и Ульяновой состояла лишь в том, чтобы предотвратить в буквальном смысле убийство Ленина Сталиным.

5. XII съезд партии

С осени 1922 г. в стране, только начавшей понемногу оправляться от разрухи и голода, вызванных Гражданской войной и губительной политикой военного коммунизма, стали появляться признаки нового экономического кризиса. Возникли серьезные затруднения в сбыте промышленных товаров в сельской местности в результате резкого расхождения между ценами на сельскохозяйственные продукты и на промышленные товары. К апрелю 1923 г. цены на промышленные товары поднялись

по сравнению с концом предыдущего года почти в два раза, тогда как сельскохозяйственная продукция продолжала продаваться приблизительно по прежним ценам. Явление это получило название «ножницы цен».

Как в годы Гражданской войны, стал процветать натуральный обмен. Появились проблемы при сборе продовольственного налога. Крайне низкая покупательная способность крестьян привела к затовариванию складов сельхозмашинами, косами и другим инвентарем, не находившим спроса из-за высоких цен. Кризис сбыта привел к резкому падению поставок зерна. С начала 1923 г. в руководящих кругах все более активно обсуждался вопрос о путях реорганизации управления хозяйством и государством. Занимавшиеся экономикой страны наркоматы и государственные тресты были не способны конкурировать с нэпманами и не могли контролировать их.

Троцкий, вовлеченный в обсуждение этой проблемы, пытался найти золотую середину: сохранить нэповские послабления частному капиталу и в то же время обеспечить государственное регулирование экономической жизни путем реорганизации руководства промышленностью, расширения плановых начал и просто организационно персональных перестановок. Ему крайне не нравилось распределение обязанностей между заместителями председателя Совнаркома, функции которых не были четко разграничены и приводили к вмешательству в дела друг друга. Само «заместительство», введенное по инициативе готовившегося к отставке Ленина, Троцкий считал идеей неправильной. Это его недовольство особенно усилилось осенью 1922 г., когда Ленин предложил ему стать «одним из замов». Такое назначение Троцкий счел принижением его выдающейся роли в партии и государстве и, несмотря на соответствующее решение Политбюро, ответил однозначным отказом. В январе 1923 г. то же предложение о «заместительстве» повторил Сталин уже на правах генерального секретаря ЦК, занимавшегося, в частности, кадровыми делами. Если ленинское предложение носило общий характер, то есть могло подразумевать пост первого заместителя при больном или нефункционирующем Ленине, то теперь Сталин вполне конкретизировал суть новой должности Троцкого, заявив, что тот мог бы взять под опеку ВСНХ или Госплан. Троцкий снова отказался, ибо это предложение Сталина было воспринято им как оскорбительное: «Работа зама в нынешней ее постановке противоречит целиком всем моим навыкам и представлениям о целесообразно организованной работе. Назначение меня на такую работу означало бы в моих глазах ликвидацию меня как советского работника» [1293], – ответил Троцкий.

Голосование на заседании Политбюро, происходившее вслед за отказом Троцкого, дало следующие результаты: Сталин и Рыков были за, Каменев и Томский воздержались, Калинин «не возражал». После этого Политбюро на одном из заседаний с сожалением констатировало «категорический отказ тов. Троцкого» [1294] стать заместителем уже нефункционирующего Ленина.

Именно на фоне всех этих закулисных перипетий Троцкий в начале 1923 г. дал согласие выступить на очередном XII съезде партии с докладом о промышленности, хотя экономическая сфера не была сильной стороной его деятельности и не находилась в центре его внимания. Приступив к подготовке доклада, Троцкий написал несколько официальных писем – часть из них адресовывалась только членам Политбюро, часть – всем членам ЦК. В этих документах он предлагал упорядочить взаимоотношения между партийными и государственными органами, сократить число высших административных учреждений, значительно расширить права Госплана, придав ему, вопреки формальным правовым нормам, законодательные функции.

Троцкий считал необходимым ликвидировать «коллегию замов» председателя Совнаркома, оставив одного, максимум двух заместителей. Он предостерегал против намечавшейся ошибки – высказался против планируемого решения партии о существенном ограничении права государственных промышленных предприятий брать кредиты. По мнению Троцкого, предприятиям, наоборот, следовало разрешить брать кредиты не только под оборотный, но и под основной капитал [1295].

Вполне разделяя соображения Ленина о том, что Сталин, как генеральный секретарь ЦК, сосредоточил в своих руках огромную власть, Троцкий пытался наметить какие-то меры по сокращению этого всевластия путем распределения функций между партийными органами – пленумом ЦК, Политбюро, Оргбюро и Секретариатом. Имея в виду предстоявшее расширение состава ЦК, он предлагал включать в качестве новых его членов главным образом представителей республик и регионов. Относительно взаимоотношений между Политбюро и пленумом ЦК предлагалось сместить акценты таким образом, чтобы расширить функции пленума путем возможности созыва его экстренных заседаний, возложения на Политбюро обязанности передавать на рассмотрение пленума наиболее существенные политические вопросы. «Это изменение умаляет права Политбюро в пользу пленума ЦК, – писал он. – Оно необходимо, так как без такого изменения расширение состава ЦК теряет смысл».

Считая, что Секретариат должен заниматься только «текущей организационной и исполнительской работой», Троцкий вообще не упоминал должности генерального

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.o секретаря, как будто таковой и не существовало [1296] . Когда Зиновьев, действовавший скорее всего по поручению Сталина, предложил ввести для членов Политбюро своеобразную специализацию, Троцкий решительно высказался против, полагая, что введение специализации еще больше объединит партийную и хозяйственную сферы деятельности. «Главный недостаток работы Политбюро в том, по моему, – писал он, – что Политбюро слишком мало занимается чисто партийными вопросами» [1297] .

В феврале 1923 г., прямо не упоминая о том, что Ленин предлагал обратное, Троцкий выступил против увеличения числа членов ЦК. Он писал в Политбюро: «Очень опасаясь, что расширением практически руководящего центра партии до 50 человек мы рискуем лишиться этот центр необходимой оформленности и устойчивости». Он выдвинул другой план реформы ЦК, согласно которому этот орган должен был оставаться в прежнем количественном составе или даже несколько сокращен, но предложил создать еще одну надстройку – Совет партии, избираемый на съезде и формулирующий обязательные для ЦК директивы по принципиальным вопросам [1298] . Замысел Троцкого был очевиден – при помощи нового руководящего органа ослабить влияние генсека Сталина.

8 февраля 1923 г. Троцкий представил на рассмотрение Политбюро тезисы своего доклада о промышленности, предназначенного для XII съезда партии. Политбюро внесло несколько поправок и предложило вновь рассмотреть тезисы на следующем заседании, назначенном на 20 февраля. В тот день тезисы были приняты за основу, но более детальное их обсуждение переносилось на предстоящий пленум ЦК, собравшийся 22 – 24 февраля. На пленуме дело не ограничилось обсуждением тезисов о промышленности. Сначала был рассмотрен и отвергнут намеченный Троцким план реорганизации центральных органов партии. Раздраженный Троцкий бросил присутствовавшим вполне справедливую фразу о том, что их позиция продиктована «задними мыслями и политическими ходами». Иными словами, Троцкий дал понять, что пленум вовлечен не в обсуждение вопросов по существу, а занимается борьбой с Троцким. Это предопределило весь характер обсуждения тезисов о промышленности. Пленум ЦК в очередной раз взял их за основу, но предложил внести в их текст изменения и дополнения. Эти «поправки», разумеется подготовленные заранее, были предложены Каменевым «при поддержке нескольких других членов и кандидатов Политбюро», то есть сталинской фракцией.

Изменения касались двух вопросов: о роли сельского хозяйства и о взаимоотношениях партии и хозяйственников. Первое предложение требовало заменить абзац о значении сельского хозяйства и промышленности для подъема страны, в котором обращалось внимание на необходимость ускоренного развития промышленности на базе самокупаемости и хозяйственного расчета, абзацем о центральной роли сельского хозяйства для развития экономики – то есть прямо противоположным по смыслу текстом, указывающим на приоритет сельского хозяйства перед промышленностью. В частности, предлагалось исключить предложение: «Через государственную промышленность пролегает, таким образом, путь к социалистическому общественному строю» [1299] . Иначе говоря, члены Политбюро, в том числе и Сталин, отказывались от намерений осуществить в обозримом будущем индустриализацию страны, отходя от тех планов, которые разрабатывались в предыдущие годы с участием Ленина, в частности от плана электрификации страны, известного как план ГОЭЛРО. Сталин вновь позиционировал себя как правый большевик, ратующий за благосостояние народа и выступающий против левого большевика Троцкого, пытающегося форсировать индустриализацию страны в ущерб жизненному уровню населения для реализации утопических идей перманентной революции.

Вторая поправка была не менее существенной, причем касалась она вопроса особенно болезненного для партбюрократии. В тезисах Троцкого обращалось внимание на продвижение хозяйственных работников по службе, на накопление ими опыта по мере специализации. Он требовал отказаться от частого смещения и перемещения, так называемой «переброски» хозяйственников партийными органами. Взамен этого текста пленум предложил включить прямо противоположный по смыслу: фразу о необходимости усилить функции партийных органов и не допускать отрыва хозяйственников от партии [1300] . Партийная элита была более всего обеспокоена сохранением и укреплением своей власти, тогда как Троцкий, как казалось, начинал покушаться на партийное единство.

Всего тезисы Троцкого рассматривались на пяти заседаниях Политбюро (вплоть до апреля 1923 г.). Троцкий произнес в их защиту две большие речи. Он указал, что партия должна «править, а не управлять», то есть осуществлять общеполитическую власть, передав государственным органам исполнительно распорядительные функции; он не только стремился показать правильность тезисов по существу, но вновь повторил свое заявление, что предлагаемые поправки являются политическим ходом, а не решением, «вызванным готовностью внести некоторые перемены в управление

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.о хозяйством»; он требовал покончить с «губкомовской обломовщиной», то есть все более расширявшейся по воле Сталина партийной бюрократической системой насаждения и поощрения бездельников на местах [1301] .

В разгар всех этих обсуждений, 22 марта, состоялось расширенное заседание Политбюро, обсудившее и принявшее тезисы Сталина по национальному вопросу, отвергнутые февральским пленумом. 24 марта тезисы были опубликованы в «Правде». Поскольку по статусу тезисы к съезду мог принять только пленум ЦК (и именно такое решение было согласовано в отношении тезисов Троцкого о промышленности), Троцкий, написавший и отославший Сталину поправки к сталинским тезисам, сделанные по настоянию Ленина и по поручению февральского пленума еще в начале марта, 23 марта написал письмо с протестом.

Вот тут то и была коллективным руководством в лице сталинского большинства объявлена Троцкому открытая война, та самая, о неизбежности которой Троцкий в свое время говорил Радеку. 29 марта члены и кандидаты Политбюро – Зиновьев, Сталин, Каменев, Томский, Рыков, Бухарин, Калинин и Молотов разослали письмо участникам расширенного заседания Политбюро (экстренного пленума): «членам Политбюро и товарищам, присутствовавшим на заседании Политбюро 22 марта 1923 г.». Можно представить себе, как были ошеломлены участники пленума. Впервые в советской истории все руководство партии организовано выступило против одного партийного лидера. Это был документ, ставивший своей целью зафиксировать возникшие принципиальные разногласия с Троцким, попытаться изолировать его от партии, тем более что письмо было позже включено сталинским аппаратом как приложение в стенографический отчет XII съезда [1302] , хотя сами делегаты об этом проинформированы не были. Письмо официально сообщало партактиву, что разногласия с Троцким приняли необратимый характер, причем Ленин здесь даже не упоминался:

«Ввиду необходимости провести очередной съезд партии максимально дружно нижеподписавшиеся просят Пленум ликвидировать создавшееся в Политбюро положение в связи с разногласиями по вопросу о госпромышленности. Эти разногласия, обнаружившиеся в самое последнее время, грозят вызвать осложнения в ходе работы съезда и оказать, таким образом, чрезвычайно вредное влияние на состояние партии.

Мы считаем своим долгом поэтому дать, прежде всего, ответ на последнее письмо т. Троцкого, связанное с вышеупомянутыми разногласиями.

При настоящем положении вещей отсутствие письменного ответа могло бы привести только к печальным недоразумениям, и нам приходится с тяжелым сердцем братья за перо.

Члены Пленума помнят тяжелый инцидент, разыгравшийся на февральской сессии Пленума, когда Пленум ЦК подавляющим большинством голосов отверг выдвинутый т. Троцким ошибочный план построения центральных учреждений партии. Тов. Троцкий не остановился перед тем, чтобы в крайне острой форме бросить ряду членов ЦК и Политбюро обвинение в том, что позиция их в указанном вопросе продиктована якобы задними мыслями и политическими ходами.

Пленум ЦК достаточно единодушно реагировал на эту совершенно недопустимую постановку вопроса, и этот очередной кризис был как будто благополучно изжит. Ныне повторяется такая же история в не менее тяжелой форме...

В своем письме от 23 марта т. Троцкий попутно критикует всю работу Политбюро и изображает ее как совершенно неудовлетворительную. Еще недавно, в письме т. Троцкого, написанном на предложение т. Зиновьева: упорядочить работу Политбюро и внести в нее известное разделение труда, т. Троцкий заявлял, что главная беда в Политбюро заключается в том, что оно слишком мало занимается «чисто партийными» вопросами. Теперь т. Троцкий обвиняет Политбюро в том, что оно недостаточно руководит Совнаркомом и хозяйственными органами.

Уже не месяц и не два, а, пожалуй, года два продолжается такое отношение т. Троцкого к Политбюро. Не раз и не два мы заслушивали такие огульные отрицательные характеристики работы Политбюро и в те времена, когда эти работы происходили под председательством Владимира Ильича. Тов. Троцкий не раз заявлял нам, что он «воздерживается» при разрешении 9/10 текущих хозяйственных вопросов в Политбюро. Но что получилось бы, если бы примеру т. Троцкого последовали и остальные члены Политбюро? .

Намеки на то, будто в Политбюро имеется какое то предвзятое большинство, связанное с кружковщиной, мы отмечаем как простое извращение истины. Члены последнего Пленума припомнят достаточно категорическое заявление т. Рыкова, подтвержденное т. Томским, сообщивших Пленуму то, что есть: что в Политбюро ЦК каждый из нас голосует по убеждению, что при разрешении различных вопросов десятки раз складывались различные большинства и что для получения большинства Политбюро нужны только убедительные деловые и принципиальные аргументы.

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.

Тов. Троцкий обвиняет в том, что вопрос о СССР прошел за спиной членов Политбюро. Тов. Троцкий, очевидно, забыл, что решение об организации и Конституции СССР было принято двумя пленумами ЦК. Тов. Троцкий избирался во все решающие комиссии X съезда Советов по этому вопросу. Если он в них не работал, ответственность всецело падает на т. Троцкого.

По вопросу о Грузии мы констатируем, что т. Троцкий сам формировал постановление Политбюро о Грузии, в принятии которого он теперь обвиняет Политбюро. Когда на заседании Политбюро т. Бухарин просил об отсрочке решения до приезда находившегося в отпуску в Грузии т. Зиновьева (писавшего т. Бухарину о неправильности похода против «уклонистов»), т. Троцкий принадлежал к числу тех, кто голосовал против этого предложения. Таким образом, несмотря на то, что большинство нижеподписавшихся считает сейчас прежние решения ЦК не во всех частях правильными, т. Троцкий несет за эти ошибки полную ответственность. Само решение Политбюро об отзыве лидеров «уклонистов» было принято единогласно... Мы еще раз повторяем. Без полного единодушия и единства на съезде партия может очутиться в очень трудном положении... Поэтому все обязаны сейчас к величайшей уступчивости, в целях согласования работы и устранения всех и всяческих внутривнутрипартийных трений... Но при полной необходимости всяческих организационных и практических уступок, на которые мы вполне готовы, необходима ясная и отчетливая политическая линия партии, в особенности в основных вопросах текущего периода... Поэтому мы просим Пленум ЦК прежде и раньше всего дать оценку по существу двух наших поправок. Мы твердо надеемся, что Пленум громадным большинством присоединится к нам...

(В начале письма указано, что план построения центральных учреждений партии, выдвинутый т. Троцким, является ошибочным. Я считаю необходимым взять и на себя часть ответственности за этот план, так как основные моменты его были выдвинуты и мною на предварительной дискуссии в Политбюро. А.И. Рыков.)» [1303]

Троцкий был недвусмысленно объявлен основным препятствием к единству партии (то есть единственным голосом оппозиции, поддерживающим убиваемого Ленина).

Формально, разумеется, протест партийного руководства был написан из за разногласий с Троцким по вопросу о «промышленности» [1304], хотя в письме тезисы Троцкого о промышленности упоминались всего один раз, в самом начале.

В своем заявлении члены и кандидаты в члены Политбюро теперь уже открыто клеймили Троцкого, навешивая на него ярлыки. Его, правда, прямо еще не обвиняли ни в оппортунизме, ни в меньшевизме, но намеки на это явно слышались. Один раз даже появилось зловещее слово «ликвидаторство». По поводу «недооценки крестьянства» говорилось, что это – «ошибка, вопиющая ошибка, идущая вразрез с традициями большевизма», что было явным намеком на «небольшевизм» Троцкого до 1917 г. По второму пункту про Троцкого было сказано, что он «подает палец тем, кто добивается ликвидации руководителей партии», имея в виду не ликвидацию руководителей партии, а ликвидацию ее руководящей роли. «Если тов. Троцкий не исправит эту свою ошибку, то эти элементы возьмут у него уже не палец, а всю руку». Сравнивая Троцкого со сменеховцами, то есть теми белоэмигрантами, которые готовы были как раз в это время пойти на примирение с советской властью и возвратиться в страну для конструктивной работы в надежде на постепенное перерождение советской власти на базе НЭПа, авторы выражали надежду, что 99% делегатов съезда признают, что поправка пленума о роли партии правильна [1305]. 30 – 31 марта пленум ЦК утвердил поправку Политбюро к тезисам Троцкого и поручил ему сделать новую редакцию документа (Сталин мстил Троцкому за критику национального вопроса), но и новую редакцию не утвердил, а снова подверг Троцкого критике: «Троцкий принятую Пленумом ЦК поправку по крестьянскому вопросу так исказил в тезисах, что она обрела совершенно иной смысл и потребовалось новое постановление Политбюро, чтобы поправка о крестьянстве была внесена в тезисы целиком... Троцкий отошел от тезисов, утвержденных ЦК, не дал анализа основных принципиальных положений по вопросам о промышленности, а вопрос о руководящей роли партии свел к ошибочному антиленинскому тезису диктатуры партии» [1306].

В общем, в Политбюро неожиданно оказался двоечник, который был не в состоянии справиться с текущей работой, да еще и направляющийся по ошибочному антиленинскому пути. Скованный догмами партийной дисциплины и резолюцией X съезда «О единстве партии», не желая и не будучи готовым идти на прямой и полный разрыв со сталинским большинством, не имея для этого поддержки четко организованной группы сторонников, Троцкий формально подчинился пленуму и внес в тезисы некоторые незначительные исправления. И если по вопросу о роли партии в тезисы был включен желаемый текст, то по вопросу о взаимоотношениях города и деревни Троцкий попытался обвести критиков вокруг пальца, лишь слегка изменив формулировки.

Однако Сталина обмануть было совсем не просто. Троцкий в который раз недооценил

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.o
своего противника. Как только в начале апреля Троцкий по делам своего военного ведомства выехал в Харьков, его почти тотчас догнала телеграмма Сталина от 4 апреля – вежливая по форме и жесткая по существу: «Ввиду перегруженности работой я мог прочитать Вашу редакцию поправок к Вашим тезисам только сегодня вечером. Мне кажется, что Вы не выполнили постановления Пленума о поправке по крестьянскому вопросу. Принятая Пленумом поправка по крестьянскому вопросу не только не включена в тезисы текстуально, но получила в новом тексте тезисов совершенно иной смысл. Между тем Пленумом поправка проголосована и утверждена и Вам поручено лишь согласование текста поправки с основным текстом тезисов. Считая представленный Вами новый текст поправки о крестьянстве не соответствующим постановлению Пленума, я вынужден внести завтра в Политбюро предложение о том, чтобы с поправкой Пленума о крестьянстве было поступлено так же, как поступили Вы с поправкой о партии и хозорганах, т. е. чтобы она была включена в тезисы целиком. Прошу Вашего отзыва для доклада завтрашнему заседанию Политбюро ЦК» [1307].

Так унижить Троцкого мог только Сталин. Троцкий вынужден был возвратиться в Москву. На новом заседании Политбюро было проштамповано предложение Сталина. Тезисы о промышленности теперь звучали полностью в сталинистском духе. Еще раз формально подчинившись сталинской «тройке» и сталинской же «семерке», а по существу дела – возникшему новому партийному «тузу», Троцкий, пока еще не замечавший, что игра против него ведется краплеными картами, рассчитывал взять реванш в «открытом» поединке – на партийном съезде, намеченном на 17 – 25 апреля 1923 г.

Надо сказать, что в этот период у Троцкого обозначился один «почитатель»: «наглый, нахальный глупый... дурачок и мерзавец», как назвал этого человека Ленин [1308]. 14 марта в «Правде» был опубликован очерк о Троцком, который нельзя было квалифицировать иначе, как хорошо продуманную провокацию. Единственный вывод, который следовал из опубликованной в партийной газете статьи, заключался в том, что наследником престола уходящего Ленина является Троцкий [1309]. Он был описан не только как создатель Красной армии, но и как один из лучших писателей мирового социализма, гениальный военный теоретик, организационный гений Советской России. Автор не устал хвалить Троцкого: «Перо лучшего своего публициста революция перековала в меч...»; «Я не знаю, насколько перед войной тов. Троцкий занимался вопросами военной теории. Я думаю, что толчок для гениального понимания этих вопросов он получил не из книг, а тогда, когда во время балканской войны он как корреспондент присматривался к этой репетиции мировой войны...»; «Величие Троцкого как организатора Красной армии...»; «Только пламенная вера Троцкого в нашу социальную силу, вера в то, что мы сумеем взять у военных специалистов науку и не позволим им навязывать нам свою политику, вера в то, что революционная бдительность передовиков рабочих победит все контрреволюционные козни кадровых офицеров, могла переломить недоверие наших военных работников и научить использовать силы кадрового офицерства. Чтобы выйти практическим победителем в этом вопросе, нужно было, чтобы во главе армии стоял человек с железной волей, к которому бы имела полное доверие не только партия, но железной воле которого подчинился бы и враг, принужденный служить нашему делу». Автором этой «гениальной» публикации был Карл Радек [1310]. Он как бы подсказывал Сталину и его группе, что они обязаны мобилизовать все силы для предотвращения вступления Троцкого в права на ленинское наследство. В тон статье Радека в связи с созывом съезда в высших партийных кругах под управлением талантливого режиссера Сталина был разыгран еще один спектакль: по инициативе Сталина Троцкому предоставили возможность выступить на съезде с отчетным докладом ЦК. Но Троцкий решительно отказался от этого соблазнительного предложения, чтобы у партактива не создалось впечатления, что он претендует на роль ленинского наследника.

Впрочем, Троцкий высказал мысль вообще отказаться от отчетного доклада, но поддержан не был. Тогда он предложил, чтобы с докладом выступил Сталин, как генсек партии, но и Сталин отклонил инициативу Троцкого. В итоге доклад был поручен Зиновьеву, которого нельзя было заподозрить в узурпаторстве и бонапартизме [1311].

17 апреля, уже без Ленина, открылся XII съезд партии. «Владимир Ильич не мог знать и не знает ни порядка дня нашего съезда, ни резолюций, подготовленных ЦК», – сообщил делегатам Каменев. За день до открытия съезда, 16 апреля, Сталин разыграл еще один спектакль. В этот день секретарь Ленина Фотиева официально передала в Политбюро (президиум съезда) текст статьи Ленина «К вопросу о национальностях или об «автономизации»». Понятно, что сделано это было по указанию Сталина, так как Сталин и его единомышленники давно уже текст ленинского документа имели и содержание его было им хорошо известно. Теперь же по требованию Сталина Фотиева написала формальное письмо Каменеву (копия –

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.о
Троцкому): «Статью эту В[ладимир] И[льич] считал руководящей и придавал ей большое значение. По распоряжению Владимира Ильича она была сообщена тов. Троцкому, которому В[ладимир] И[льич] поручил защищать его точку зрения по данному вопросу на партсъезде ввиду их солидарности в данном вопросе. Единственный экземпляр статьи, находящейся у меня, хранится по распоряжению В[ладимира] И[льича] в его секретном архиве» [1312] . Конечно, всю эту информацию Сталин давно имел, ведь документ был отпечатан далеко не в единственном экземпляре. Однако Сталину было важно подстроить все так, чтобы можно было обвинить Троцкого в сокрытии от партии важного ленинского документа. 16 апреля в 10 часов вечера, что специально было обозначено на документе (обычно время написания документов не обозначалось), генсек обратился к членам ЦК с заявлением, в котором выразил удивление, что Троцкий в течение долгого времени скрывал столь важный документ от Политбюро. Сталин лицемерно сожалел, что статья Ленина не опубликована, хотя и выражал понимание, что на публикацию Ленин не дал согласия, так как статья не была им проверена [1313] . Троцкий стал оправдываться, и чем больше он оправдывался, тем понятнее становилось, что схватку с опасным интриганом Сталиным он проиграл. В день открытия съезда Троцкий распространил заявление, в котором разъяснял обстоятельства получения им ленинского документа. Мол, только вчера, 16 апреля, он узнал, что никаких распоряжений относительно статьи Ленин не сделал и что, оказывается, статья существовала в единственном экземпляре у него, Троцкого, о чем Троцкий не подозревал. Поэтому 16 апреля Троцкий передал этот вопрос для обсуждения в ЦК: «Я сделал это без единой минуты запоздания после того, как только узнал, что тов. Лениным никому не дано никаких прямых и формальных указаний по поводу дальнейшей судьбы его статьи, оригинал которой находится у его секретарей» [1314] . Троцкий поспешил затем встретиться со Сталиным и заверил его, что не планировал утаивать от партии столь важный текст, просто, мол, и заподозрить не мог, что Сталин не в курсе. Сталин любезно согласился признать, что никаких неправильных и злонамеренных шагов Троцкий не совершил и, благородно пообещав сделать в этом духе письменное заявление. И – обманул Троцкого: никакого заявления со стороны Сталина не последовало. Обманутый Троцкий вновь обратился в ЦК с разъяснением существа дела [1315] . 18 апреля на заседании президиума съезда было констатировано, что заметки Ленина не были предназначены для прессы и что по объективным причинам заметки стали известны ЦК только накануне съезда [1316] . Тем не менее слухи о том, что Троцкий сознательно держал в секрете заметки Ленина и что именно из за Троцкого (а не всех остальных членов Политбюро) материалы эти остались недоступны партийному активу, продолжали с легкой руки Сталина циркулировать среди делегатов. Одновременно был создан второй (после случая с текстом Брестского договора) прецедент, когда «документ был рассмотрен только привилегированной партийной элитой, а рядовые члены к этой информации допущены не были» [1317] . Внешне Троцкий пользовался на XII съезде той же популярностью, что и на предыдущих. Он был избран в президиум [1318] . В отчетном докладе ЦК Зиновьев дважды подчеркнуто уважительно упоминал его имя, ссылаясь на его выступление на IV конгрессе Коминтерна по вопросу о необходимости предоставления большего числа концессий иностранным инвесторам [1319] . Малосведущие делегаты называли Троцкого «народным вождем», ссылались на него, говоря о необходимости борьбы с бюрократизмом. Одна из участниц съезда воскликнула: «Да здравствует наш вождь красного фронта товарищ Троцкий!» Другой, представлявший «беспартийных крестьян» Ярославской губернии, выразил «искреннюю преданность главарям нашего освободительного движения: уважаемому всеми товарищу Владимиру Ильичу Ленину (аплодисменты), великому народному вождю Красной армии тов. Троцкому (аплодисменты) и всем другим соратникам нашей великой грозной армии». Рабочие Глуховской мануфактуры г. Богородска избрали Троцкого почетным рабочим прядильщиком и назначили ему тарифную ставку по седьмому разряду. Появились, правда, имена и других «вождей» – провозглашались здравицы в честь Бухарина, Зиновьева, один раз даже Сталина. Но в подавляющем большинстве всех этих приветствий имя Троцкого шло вслед за именем Ленина [1320] . Только Сталин позволил себе в отношении Троцкого ноту критики, причем с долей издевательского сарказма, когда комментировал отказ Троцкого от должности заместителя председателя СНК: «Мы еще раз получили категорический ответ с мотивировкой о том, что назначать его, Троцкого, замом, – это значит ликвидировать его как советского работника. Конечно, товарищи, это дело вкуса. Я не думаю, чтобы тт. Рыков, Цюрупа, Каменев, став замами, ликвидировали бы себя как советских работников, но т. Троцкий думает иначе, и уж, во всяком случае, тут ЦК, товарищи, ни при чем. Очевидно, у т. Троцкого есть какой то мотив, какое то соображение, какая то причина, которая не дает ему взять кроме военной еще

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.o другую, более сложную работу. Тут, повторяю, ЦК, конечно, не при чем» [1321]. Доклад Троцкого о промышленности [1322] представлял собой довольно глубокий и объективный анализ не только объявленного в заголовке вопроса, но всего комплекса хозяйственно политического развития РСФСР в условиях НЭПа и его ближайших перспектив. Троцкий пытался убедить слушателей, что период, подобный НЭПу, обязателен для всех стран при переходе к социализму (пока такой единственной страной была Советская Россия), что необходимо пользоваться старыми, рыночными методами, раз уж не созданы новые «централизованные, плановые, учетные». Рыночные отношения должны пронизывать прежде всего отношения между городом и деревней. Ставя вопрос, способствовал ли рынок за два года подъему производительных сил, докладчик отвечал на него положительно, хотя уже здесь указывал на серьезные расхождения в темпах: промышленное производство увеличилось на 43%, сельскохозяйственное – на 20%. Положительным признавался рост товарооборота между городом и деревней, но одновременно делался вывод, что государственная промышленность работает убыточно, легкая и средняя промышленность питается в основном за счет бюджета, а бюджет – за счет крестьянского хозяйства. «Дальше уже надо приноравливаться к тому, чтобы работать с прибылью», – призывал Троцкий. Главный тезис доклада состоял в том – и с этим вынуждены были согласиться остальные члены Политбюро и члены ЦК, – что «смычке города с деревней», то есть коммерческому обмену продуктов сельского хозяйства на промышленные товары, крайне мешали «ножницы цен». Троцкий приходил к заключению, что продукты национализированной промышленности становились все менее доступными различным группам и слоям крестьянства, что крестьянин вынужден был платить за них все больше и больше. Докладчик показал присутствовавшим диаграмму движения розничных цен. Графически, наглядно и доступно, были продемонстрированы эти самые «ножницы»: цены на промышленные товары неуклонно ползли вверх, а на сельскохозяйственную продукцию катились вниз. «Нужно твердо в этот образ вдуматься, – говорил Троцкий с изрядной долей сарказма, – две основные линии идут все более врозь, и эта раскоряка называется «смычкой». Основываясь на мнении экспертов (в качестве таковых Троцкий, следуя своему опыту в Гражданской войне, все активнее привлекал старых специалистов – экономистов, включая бывших меньшевиков), докладчик настаивал на необходимости устранить «ножницы» через сближение цен. Это не были кардинальные рекомендации, ибо экономика страны вращалась в порочном круге противоречий между государственной собственностью и рыночной стихией, но определенные меры Троцкий предлагал, в частности увеличение экспорта хлеба, что привело бы, по его мнению, к повышению закупочных цен государства на зерно. Это была бы «смычка между русским, украинским и иным крестьянином и европейским капиталом», на которую Троцкий предлагал пойти, ибо это одновременно стало бы условием «нашего самосохранения», или «смычкой между нашей госпромышленностью и нашим крестьянским рынком». Троцкий назвал и другие меры сближения цен: понижение себестоимости промышленных товаров; концентрацию промышленности; сосредоточение производства на наилучшим образом оборудованных, наиболее целесообразно расположенных в географическом и экономическом смысле предприятиях; разумное сокращение рабочей силы. Последний пункт был особенно болезненным, так как он затрагивал положение рабочего класса. Троцкий, однако, констатировал, что существует скрытая безработица, выражающаяся в том, что вяло работающие предприятия вынуждены содержать излишнюю рабочую силу. «Замаскированная безработица представляет собой худшую, наименее действенную, наиболее дорогостоящую форму социального обеспечения. И прежде всего эта фальшивая форма социального обеспечения развращает наш хозяйственный аппарат, который не может в этих условиях правильно считать, подводить итоги, калькулировать, предвидеть, который воспитывается в духе бессмысленной расточительности и безответственности», – указывал Троцкий. Значительно лучшей, более здоровой, он считал открытую безработицу: «Нельзя вести хозяйство с потушенным фонарем!» – восклицал он по поводу скрытой безработицы в присущей ему образной форме.

Наконец, в докладе вскрывалась опасность бюрократического перерождения не только экономики, но и всего государственного аппарата. При этом Троцкий под государственным аппаратом имел в виду и аппарат партийный, ибо на протяжении всего доклада он говорил не о «диктатуре пролетариата», а о «диктатуре партии». Этого положения не было и не могло быть в утвержденных Политбюро и пленумами ЦК тезисах доклада. Иначе их не пропустили бы на заседаниях Политбюро и ЦК. Троцкий фактически самовольно, нарушая партийную дисциплину, вторгался в святая святых основ большевистской власти, используя для этого тему накладных расходов, которые несет промышленность ради содержания «вавилонской башни бюрократического государственного аппарата». «Более правильная, более научная организация труда на фабрике и заводе; более правильное использование рабочей силы; упразднение

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.

всяких лишних пристроек и надстроек; беспощадное сокращение штатов; ликвидация лишних представительств, агентур, всяких вообще бездельников», опирающееся на «политическую власть партии, подкрепленную Красной армией», национализированные средства производства и монополию внешней торговли, – резюмировал Троцкий свой доклад, длившийся три с лишним часа.

После недолгих прений, в которых встречались критические суждения, но которые были в целом благоприятны по отношению к докладчику [1323], Троцкий выступил с заключительным словом, которое по объему можно было бы считать еще одним докладом, хотя существенных новых мыслей в нем почти не было [1324]. Новое появление Троцкого на трибуне казалось еще одним триумфом. Он был встречен «громкими продолжительными аплодисментами». Суетились кинооператоры, запечатлевавшие его облик для истории. Первыми словами Льва Давидовича были: «я не могу начать, пока не прекратятся эти бенгальские огни» – имея в виду сверкание прожекторов, освещавших его на трибуне для кино съемки.

Начало заключительного слова было использовано Троцким для косвенной полемики со Сталиным. Касаясь своего отказа стать заместителем председателя Совнаркома, Троцкий заявил, что съезд не является тем местом, где такие инциденты следует разбирать: «Если бы съезд потребовал, то я на вопрос съезда дал бы, разумеется, все необходимые разъяснения. И я не сомневаюсь в том, что съезд сделал бы тот вывод, что я действовал в интересах партии, как я их понимаю. Если бы съезд решил иначе, то я стал бы действовать так, как постановил бы съезд. Если же съезд не считает нужным вопрос развивать дальше, то я, со своей стороны, никакой инициативы не беру и считаю, что он в данной стадии для съезда исчерпан».

Слова эти были встречены аплодисментами. Несколько раз повторявшиеся им заявления о том, что «партия всегда права», не были, может быть, искренними. Но оказались весьма опасны, так как позже с успехом использовались сталинским аппаратом против самого Троцкого и его сторонников. Не критикуя в заключительном слове НЭП, Троцкий говорил об опасности «почвенного капитализма», то есть развития капитализма снизу. Он подчеркивал, что до победы международной революции, которая пока еще воспринималась как отдаленное будущее, необходимо всячески сохранять и развивать смешанную экономику.

Члены сталинской «тройки» вынуждены были примириться с внешним триумфом Троцкого на съезде. Даже Каменев в докладе о налоговой политике в деревне согласился, правда очень осторожно, с существованием «ножниц», о которых говорил Троцкий [1325]. В комиссию по подготовке окончательного текста тезисов (то есть резолюции по докладу) вошли как близкие Троцкому деятели (Смилга, Сокольников, Пятаков, Раковский), так и поддерживавшие Сталина Рыков, Ногин и Микоян [1326]. Успех Троцкого был тем более отчетливым, что после его разъяснений о сущности расхождений съезд по всем спорным вопросам поддержал докладчика [1327].

Может быть, именно поэтому вполне миролюбиво вел себя теперь и Сталин. «Да будет мне разрешено сказать несколько слов по этому надоевшему всем вопросу», – снисходительно начал он свой доклад по национальному вопросу. Сталин лишь один раз упомянул имя Троцкого, причем в нейтральном контексте [1328]. Более того, его доклад был подчеркнуто выдержан в духе тех самых ленинских заметок по национальному вопросу, в которых содержалось по крайней мере формальное осуждение практики великодержавного шовинизма, хотя каждый раз, когда упоминался таковой, следовало неизменное предостережение и против местного национализма.

Троцкий не выступал в прениях по докладу Сталина о национальных моментах в партийном и государственном строительстве. Он решил на этот раз взять тактический отгул, поскольку понимал, что абсолютное большинство делегатов, проникнутых идеями великорусского шовинизма, пусть и сдобренных разговорами об интернационализме, не поддержит грузинских «национал уклонистов», в защиту которых Ленин призывал выступить Троцкого накануне мартовского ухудшения здоровья. Троцкий не повторял на съезде своих предложений об отзыве Орджоникидзе с Кавказа и о поддержке группы «меньшинства» в грузинской компартии, с которыми он выступал ранее на заседаниях Политбюро в духе ленинских записок [1329]. При обсуждении национального вопроса Троцкий просто молчал.

Впрочем, записки Ленина по национальному вопросу уже пошли по рукам делегатов съезда. Они были размножены заинтересованной в этом вопросе грузинской делегацией. Поэтому Сталин счел более выгодным зачитать документ по секциям без права цитирования. При фактически нейтральной позиции, занятой Троцким, съезд полностью поддержал Сталина. Дзержинский обрушился на тех местных деятелей, в частности в руководстве компартии Грузии, которые пытались отстоять хотя бы малую степень национальной автономии. На стороне Сталина выступили еще и Зиновьев с Каменевым. Грузинские уклонисты – Махарадзе, Мдивани и др. – были осуждены, причем их обвинителем выступил Орджоникидзе, из за которого исходно возник весь конфликт. Бухарин призвал голосовать за «превосходные тезисы ЦК и т. Сталина». А Енукидзе выступил с заявлением, которое приходится квалифицировать

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.о как откровенную ложь и дезинформацию делегатов: «Теперь о письме т. Ленина. Тут т. Мдивани в своей речи ежесекундно склонял имя т. Ильича, и он хотел создать впечатление, что т. Ленин будто специально написал это письмо, чтобы поддержать товарищей уклонистов и оправдать всецело их политику. (Бухарин: «Конечно, с этой целью».) Не с этой целью, т. Бухарин. Я позволю тут сказать, что т. Ленина мы тоже немножко знаем, и нам также приходилось с ним встречаться по разным вопросам, и в частности по грузинскому вопросу. И я здесь утверждаю, товарищи, и я надеюсь, что, когда т. Ленин поправится, он согласится с тем, что много раз те вопросы, которые выдвигались здесь товарищами уклонистами, ему были известны, но при правильном их освещении и разъяснении он соглашался с политикой, проводимой там т. Орджоникидзе... т. Ленин сделался жертвой односторонней неправильной информации».

Эта реальная победа великорусского государственного курса была вполне сознательно вынесена за пределы съезда, когда в «Правде» была опубликована статья Орджоникидзе «Действительно надо разобраться» [1330], в которой содержались обвинения по адресу Махарадзе, Мдивани и других грузинских партийных деятелей в националистическом уклоне. В том же номере была помещена статья Махарадзе «Надо разобраться», ответом на которую и было выступление Орджоникидзе, но редакция, и затем съезд партии полностью поддержали Орджоникидзе против Ленина.

На XII партсъезде Троцкий был избран в ЦК [1331], а затем и в Политбюро. К этому времени он являлся в полном смысле слова харизматической личностью, качества которой оценивались как исключительные. О нем писали и в Советской России, и за ее пределами, как о главном организаторе Октябрьского переворота, как о лице, заложившем основы большевистской внешней политики и дипломатии, как о творце победы в Гражданской войне. На первый взгляд казалось, что разногласия и закулисная борьба за влияние и власть в высшем руководстве в ходе XII съезда РКП(б) несколько смягчились. Однако это впечатление было обманчивым. По абсолютно всем принципиальным и мелким вопросам сталинское большинство умышленно и умело конфликтовало с Троцким каждый раз, когда тот начинал говорить или брался за перо, и у партийного актива создавалось впечатление, что на партийный раскол, которым всех так залуживал главный и вечный раскольник социал-демократического движения Ленин, постоянно идет Троцкий. Даже Крупская, чей муж только что был отстранен от власти, абсолютно запуталась в том, кто виноват в расколе, и в споре с Троцким публично поддержала Сталина. Однако по крайней мере два раза Крупская выдала свои инстинктивные, истинные взгляды. 31 октября 1923 г. она написала письмо союзнику Сталина Зиновьеву; текст впервые опубликован в СССР в 1989 г.: «Дорогой Григорий... Во всем этом безобразии... приходится винить далеко не одного Троцкого. За все происшедшее приходится винить и нашу группу: Вас, Сталина и Каменева. Вы могли, конечно, но не захотели предотвратить это безобразие. Если бы Вы не могли этого сделать, это бы доказывало полное бессилие нашей группы, полную ее беспомощность. ...Наши сами взяли неверный, недопустимый тон. Нельзя создавать атмосферу такой склоки и личных счетов. Рабочие... резко осудили бы не только Троцкого, но и нас. Здоровый классовый инстинкт рабочих заставил бы их резко высказаться против обеих сторон, но еще резче против нашей группы, ответственной за общий тон. ...От рабочих приходится скрывать весь инцидент» [1332].

«Наша группа», «наши», «нас» – подчеркнуто пишет Крупская о мучителях своего мужа: Сталине, Зиновьеве и Каменеве. Но ее действительное отношение все таки выдает то же письмо: «Совершенно недопустимо также то злоупотребление именем Ильича, которое имело место на пленуме. Воображаю, как он был бы возмущен, если бы знал, как злоупотребляют его именем. Хорошо, что меня не было, когда [Г.И.] Петровский сказал, что Троцкий виноват в болезни Ильича, я бы крикнула: это ложь, больше всего В.И. заботил не Троцкий, а национальный вопрос и нравы, водворившиеся в наших верхах. Вы знаете, что В.И. видел опасность раскола не только в личных свойствах Троцкого, но и в личных свойствах Сталина и других. И потому, что Вы это знаете, ссылки на Ильича были недопустимы, неискренни. Их нельзя было допускать, они были лицемерны. Лично мне эти ссылки приносили невыносимую муку. Я думала: да стоит ли ему выздоравливать, когда самые близкие товарищи по работе так относятся к нему, так мало считаются с его мнением, так искажают его? ...Момент слишком серьезен, чтобы устраивать раскол и делать для Троцкого психологически невозможной работу. Надо пробовать с ним по товарищески столкнуться. Формально сейчас весь одиум за раскол свален на Троцкого, но именно свален, а по существу дела, – разве Троцкого не довели до этого? Деталей я не знаю, да и не в них дело... а суть дела: надо учитывать Троцкого как партийную силу, и суметь создать такую ситуацию, где бы эта сила была для партии максимально использована» [1333].

Из письма, кроме изложения взглядов Крупской, следует, что о событиях на Объединенном пленуме Ленина уже не информируют, что Ленин стоит на стороне Троцкого, а не Сталина, виновника нагнетения эмоций вокруг «национального вопроса», и что выздоравливать Ленину «не стоит», так как «товарищи по работе» Ленина уже в грош не ставят, что, впрочем, Крупская должна была понять не позднее 5 марта 1923 г.

Второе письмо Крупской, говорящее о том, что в конфликте со Сталиным она была на стороне Троцкого, было написано ею 29 января 1924 г., вскоре после смерти Ленина: «Дорогой Лев Давыдович... то отношение, которое сложилось у В.И. к Вам тогда, когда Вы приехали к нам в Лондон из Сибири, не изменилось у него до самой смерти. Я желаю Вам, Лев Давыдович, сил и здоровья и крепко обнимаю» [1334]. По своему эмоциональному заряду эту записку следует назвать прощальной. Во первых, Крупская могла опасаться за свою жизнь. Во вторых, она должна была предполагать, что после Ленина наступит очередь Троцкого. В январе 1924 г. Сталин действительно пробовал Троцкого устранить. Троцкий описывает произведенное на него покушение более чем скромно, одной фразой: «Во второй половине января 1924 года я выехал на Кавказ в Сухум, чтобы попытаться избавиться от преследовавшей меня таинственной инфекции, характер которой врачи не разгадали до сих пор. Весть о смерти Ленина застала меня в пути» [1335]. Это все, что сообщает нам Троцкий об организованном Сталиным и состоявшемся в январе 1924 г. государственном перевороте. Перед самым отъездом из Москвы, 18 января, Троцкого дважды посетил доктор Гетье. 21 января, через три дня после отъезда Троцкого из столицы, Ленина не стало, а оправившийся от болезни Троцкий так и не смог вернуть себе былого политического веса. Но поскольку таинственный характер болезни, не разгаданный врачами, самому Троцкому был отчетливо ясен, с тех пор он перестал покупать в кремлевской аптеке лекарства, выписанные на его имя [1336]. Эти меры предосторожности дали ему небольшую отсрочку: через три года Троцкий был сослан, еще через год выслан, а там и убит. Избежать участи Ленина он не смог.

Список аббревиатур

АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
 АПРФ – Архив Президента Российской Федерации
 ВКП(б) – Всероссийская коммунистическая партия (большевиков)
 ВРК – Военно революционный комитет
 ВСНХ – Вышний совет народного хозяйства
 ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет
 ВЦСПС – Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов
 ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия
 ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
 ГПУ – Государственное политическое управление
 ДВР – Дальневосточная республика
 ДС – Демократическое совещание
 ИККИ – Исполнительный комитет Коммунистического интернационала
 ИМЛ – Институт мировой литературы
 ИМЭ – Институт Маркса и Энгельса при ЦИК СССР
 ИНО – Иностраннный отдел ОГПУ
 КИМ – Коммунистический Интернационал молодежи
 КП(б)У – Коммунистическая партия (большевиков) Украины
 КПГ – Коммунистическая партия Германии
 МИД – Министерство иностранных дел
 НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
 НКИД – Народный комиссариат иностранных дел
 НЭП – Новая экономическая политика
 ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление
 ОК – Организационная комиссия
 ПЛСР – Партия левых социалистов революционеров
 ПСР – Партия социалистов революционеров
 ПСС – Полное собрание сочинений
 ПУР – Политическое управление Реввоенсовета
 РВС – Революционный военный совет
 РГАСПИ – Российский государственный архив социально политической истории
 РККА – Рабоче крестьянская Красная армия
 РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевиков)
 РСДРП – Российская социал демократическая рабочая партия
 РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
 СНК – Совет народных комиссаров

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.o

СТО – Совет труда и обороны
УНР – Украинская народная республика
ЦИК – Центральный исполнительный комитет
ЦК – Центральный комитет
ЦКК – Центральная контрольная комиссия
ЦО – Центральный (печатный) орган

фотоальбом

Л.Д.Троцкий б 1918 г.

Возвращение Троцкого в Россию 4 мая 1917 г.

Карл Радек

Второй состав советской делегации в Брест Литовске. Сидят, слева направо: Л. Каменев, А. Иоффе, А. Биценко. Стоят, слева направо: В. Липский, П. Стучка, Л. Троцкий, Л. Карахан

Троцкий в Кремле в годы Гражданской войны

Смотр Троцким 1 го Московско Саратовского полка. 1918 г.

Напутствие красноармейцам перед отправкой на фронт. 1918 г.

Ленин и Троцкий. 7 ноября 1919 г.

Троцкий, Ленин и Каменев

Выступление Троцкого на митинге в Екатеринодаре. 1920 г.

Троцкий в штабе Юго Западного фронта. 1920 г.

Заместитель председателя Реввоенсовета Эфраим Склянский, Лев Троцкий и главком Сергей Каменев

Ленин выступает с речью на площади перед Большим театром в Москве (5 мая 1920 г.). Солдаты с митинга отправляются на Польский фронт. Справа возле трибуны стоит на ступеньках Троцкий, за ним – Каменев

Снимок, сделанный тогда же, 5 мая 1920 г. Выступает Троцкий. Каменев и Ленин смотрят куда то в пространство

Из альбома «Октябрь», изданного по случаю II конгресса Коминтерна

Монтаж портретов большевистских лидеров из альбома «Октябрь». Сталина на этом плакате нет

Ю. Анненков. Троцкий. 1923 г.

Примечания

1

Для событий, происходивших до февраля 1918 г., все даты даются по старому стилю, а даты нового стиля указаны в скобках. Иные случаи оговорены. (Авт.)

2

Подвойский Николай Ильич (1880 – 1948) – социал демократ с 1901 г., с 1903 г. большевик. В 1915 – 1916 гг. редактор журнала «Вопросы страхования». В 1917 г. редактор большевистских военных газет, председатель Всероссийского бюро военных организаций при ЦК большевистской партии. В октябре 1917 г. являлся председателем Военно революционного комитета при Петроградском Совете. В ноябре 1917 – марте 1918 г. нарком по военным делам РСФСР. В 1919 г. нарком военных и морских дел Украины. В 1921 – 1927 гг. председатель Спортивного интернационала, затем работал в Истпарте.

3

Троцкий Л. Моя жизнь: Опыт автобиографии. Берлин: Гранит, 1930. Т. 2. С. 11.

4

Маркин Николай Григорьевич (1893 – 1918) – матрос, социал демократ с 1916 г.,

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo. большевик. Непосредственно после Октябрьского переворота 1917 г. являлся помощником Троцкого по Наркоминделу. В 1918 г. – помощник командира и комиссар Волжской военной флотилии. Погиб в бою.

5

Serge V., Sedova Trotsky N. The Life and Death of Leon Trotsky. New York: Basic Books Inc. Publishers, 1975. P. 387.

6

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 12.

7

Там же. С. 17.

8

Рабочая газета. 1917. 10 сентября.

9

Известия. 1917. 12 сентября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 3. Ч. 1. С. 276 – 277.

10

Рабочий путь. 1917. 12 сентября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 3. Ч. 1. С. 277 – 279.

11

П.Н. Милюков позже неточно утверждал, что Троцкий вместе с Каменевым «провел» в Петроградском Совете низложение Церетели (Милюков П. Россия на переломе. Большевицкий период революции. Париж, 1927. Т. 1. Происхождение и укрепление большевицкой диктатуры. С. 108).

12

Троцкий Л.Д. Сочинения. М.; Л.: Госиздат, 1924. Т. 3. Ч. 1. С. 435 – 436.

13

Рабочий путь. 1917. 12 сентября.

14

Новая жизнь. 1917. 26 сентября. При голосовании за состав Исполкома было подано 396 голосов, в том числе за большевиков 230, за эсеров 102, за меньшевиков 54, за меньшевиков интернационалистов 10. В состав Исполкома вошли 13 большевиков, 6 эсеров и 3 меньшевика, а в Президиум Исполкома 4 большевика, 2 эсера и 1 меньшевик (Известия. 1917. 26 сентября).

15

Serge V., Sedova Trotsky N. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 47.

16

Ненароков А. Упущенная возможность единения демократических сил при решении вопроса о власти // Большевики в 1917 году. М.: Прогресс – Академия, 1995. Т. 3. С. 38.

17

Милютин Владимир Павлович (1884 – 1937) – социал демократ с 1903 г., меньшевик. В 1910 г. перешел к большевикам. С апреля 1917 г. член ЦК большевицкой партии. В октябре 1917 г. член Петроградского военно революционного комитета. Во время Гражданской войны являлся заместителем председателя Высшего совета народного хозяйства, затем занимал различные хозяйственные должности на местах и выполнял тайные зарубежные поручения Коминтерна, главным образом в Австрии и на Балканах. В 1928 – 1930 гг. был управляющим Центрального статистического управления СССР и до 1934 г. заместителем председателя Госплана СССР. Затем работал председателем Комитета по заведованию учеными и учебными учреждениями при ЦИКЕ СССР. Арестован во время Большого террора и расстрелян.

18

Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). Август 1917 – февраль 1918. М.: Госполитиздат, 1958. С. 4, 16, 46. Перед этим журнал межрайонцев «Вперед» был признан большевицким органом, но объявлен как бы «новым журналом» (нумерация была начата заново). Вышел, однако, только один номер от 2 сентября, после чего издание было прекращено.

19

Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 46.

20

Известия. 1917. 13 сентября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 3. Ч. 1. С. 283 – 284.

21

Верховский Александр Иванович (1886 – 1938) – российский, а затем советский военный деятель. До Октябрьского переворота 1917 г. был генерал майором, в августе – октябре 1917 г. военный министр Временного правительства. С 1919 г. служил в Красной армии. С 1921 г. на преподавательской работе в военных учебных заведениях. В 1936 г. Верховскому было присвоено звание комбрига. Арестован во время Большого террора и расстрелян без суда.

22

Новая жизнь. 1917. 16 октября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 3. Ч. 1. С. 285.

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.
23
Рабочий путь. 1917. 20 сентября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 3. Ч. 1. С. 285 – 293.
24
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 3. Ч. 1. С. 288.
25
Рабочий путь. 1917. 20 сентября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 3. Ч. 1. С. 293 – 298. Для выработки текста декларации на заседании ЦК 13 сентября была образована комиссия, в которую вошли Троцкий, Каменев, Сталин, Милютин и Рыков. О том, что декларация была Троцким написана заранее, свидетельствует тот факт, что она была утверждена на этом же заседании (Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 49 – 54).
26
Здесь и далее квадратными скобками [ ] отмечены слова в цитатах, принадлежащие авторам книги. (Примеч. ред.)
27
Меньшевики в 1917 году. Т. 3. С. 245 – 246, 248 – 249.
28
Известия. 1917. 21 сентября; Новая жизнь. 1917. 22 сентября; Рабочий путь. 1917. 24 сентября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 3. Ч. 1. С. 300 – 305.
29
Рабочий путь. 1917. 24 октября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 3. Ч. 1. С. 305 – 307.
30
Миллюков П.Н. Россия на переломе. Большевистский период революции. Париж, 1927. Т. 1. С. 110.
31
Там же. С. 111; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 3. Ч. 1. С. 289.
32
В состав Предпарламента были избраны 550 человек, в том числе 242 представителя партий (кадеты получили 56 мест, эсеры 63 места, меньшевики обороны 62, большевики 53, несколько мест досталось мелким партиям). Остальные места были распределены между Советами крестьянских депутатов, земствами, представителями фронта, кооперативами, промышленниками и торговцами, казачеством и др. (Миллюков П.Н. История второй русской революции. София: Российско болгарское книгоиздательство, 1921. Т. 1. Вып. 1. Противоречия революции. С. 122 – 124).
33
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 3. Ч. 1. С. 362.
34
Ленин В.И. ПСС. М.: Политиздат, 1962. Т. 34. С. 239 – 247, 262.
35
Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 55.
36
Там же. С. 64 – 65.
37
Имелось в виду неудачное летнее контрнаступление русской армии в 1917 г., которое завершилось поражением и переходом войск Центральных держав в новое наступление.
38
Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 66 – 67.
39
Известия. 1917. 26 сентября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 3. Ч. 1. С. 313.
40
Рабочий путь. 1917. 8 октября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 3. Ч. 1. С. 321 – 323.
41
Гессен И.В. В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. Берлин: Слово, 1927. Т. XXII. С. 375.
42
Речь. 1917. 8 октября.
43
Миллюков П.Н. Россия на переломе. С. 116 – 117.
44
Лазимир Павел Евгеньевич (1891 – 1919 или 1920) – эсер, с 1917 г. левый эсер. В 1918 г. после разгрома большевиками Партии левых эсеров перешел в большевистскую партию. Участник Гражданской войны, член Реввоенсовета Южного фронта. Умер от тифа.
45
Голос солдата. 1917. 25 октября; Петроградский военно революционный комитет:

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo. Документы и материалы: В 3 т. М.: Наука, 1966. Т. 1. С. 99.

46

Петроградский военно революционный комитет. Т. 1. С. 41.

47

Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 3. Ч. 2. От Октября до Бреста. С. 292.

48

Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 86, 104.

49

Рябинский К. Революция 1917 года. (Хроника событий). Октябрь. М.: Госиздат, 1926. Т. 5. С. 36.

50

Черемисов Владимир Андреевич (1871 – после 1937) – российский военный деятель. Генерал от инфантерии (1917). Во время Первой мировой войны командир бригады, дивизии и корпуса. С сентября 1917 г. командующий Северным фронтом. Отказался участвовать в выступлении генерала Корнилова за установление более твердого государственного порядка и в то же время саботировал распоряжения А.Ф. Керенского о подавлении выступлений большевиков. После Октябрьского переворота эмигрировал. Жил в Дании, затем во Франции. Последние упоминания относятся к 1937 г. Далее следы теряются.

51

Рабочий путь. 1917. 13 октября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 3. Ч. 2. С. 5 – 6.

52

Рабочий путь. 1917. 17 октября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 3. Ч. 2. С. 8 – 10.

53

Рабочий путь. 1917. 13 октября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 3. Ч. 2. С. 13.

54

Известия. 1917. 19 октября; Рабочий путь. 1917. 19 октября; Новая жизнь. 1917. 19 октября; Петроградский военно революционный комитет. Т. 1. С. 99; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 3. Ч. 2. С. 31 – 33.

55

Рябинский К. Революция 1917 г. С. 123.

56

Рид Джон Сайлас (1887 – 1920) – левый американский журналист. Окончил Гарвардский университет. Совместно с У. Липпманом, М. Истменом и другими радикальными интеллектуалами входил в круг богемных обитателей нью-йоркского района Гринвич Виллидж, которые сразу же после начала революции в России превратились в энергичных ее пропагандистов. Сотрудничал в ведущих газетах США. Вскоре после прибытия в Россию в 1917 г. стал активно поддерживать большевиков и писал в этом духе свои репортажи. Одновременно присоединился к левому крылу Социалистической партии США. После Октябрьского переворота написал апологетический репортаж «Десять дней, которые потрясли мир», получивший высокую оценку Ленина, но изъятый из циркуляции уже в 1922 – 1923 гг. в связи с тем, что Рид высоко оценивал роль Троцкого и не упоминал о Сталине. Д. Рид был одним из основателей Коммунистической партии США и ее представителем в Коммунистическом интернационале. Умер в Москве от тифа. Стал единственным американцем, похороненным в Кремлевской стене.

57

Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 3. Ч. 2. С. 21 – 23.

58

Рид Д. 10 дней, которые потрясли мир // Рид Д. Избранное. М.: Политиздат, 1987. Т. 1. С. 163. Сходные картины можно встретить у Рида неоднократно. Об одном из выступлений Троцкого на II съезде Советов он писал: «На трибуну поднялся спокойный и ядовитый, уверенный в своей силе Троцкий. Собрание встретило его приветственным гулом» (Там же. С. 155). Или в другом месте: «И снова на трибуне Троцкий, легко загорающийся, отдающий приказы, отвечающий на вопросы» (Там же. С. 223). Наконец: «Потом выступил полный огня Троцкий» (Там же. С. 325).

59

Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 107.

60

Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 423. Незадолго перед этим, 7 октября, Ленин писал: «Само собой понятно, что из числа межрайонцев совсем мало испытанных на пролетарской работе в направлении нашей партии, никто не оспорил бы такой, например, кандидатуры [в состав Учредительного Собрания], как Троцкий, ибо, во первых, Троцкий сразу по приезде занял позицию интернационалиста; во вторых, боролся среди межрайонцев за слияние; в третьих, в тяжелые июльские дни оказался на высоте задачи и преданным сторонником партии революционного пролетариата» (Там же. С. 345).

61

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.o

Рабочий путь. 1917. 22 октября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 3. Ч. 2. С. 36 – 37.
62

Рабочий путь. 1917. 24 октября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 3. Ч. 2. С. 37 – 38.
63

Гоц Абрам Рафаилович (1882 – 1940) – деятель Партии социалистов революционеров. В 1906 г. был членом эсеровской боевой организации. В 1907 – 1917 гг. находился на каторге и в ссылке. Председатель Петроградского бюро эсеров в 1917 г. На I Всероссийском съезде Советов был избран заместителем председателя ВЦИКа. После Октябрьского переворота был членом антибольшевистского Комитета спасения родины и революции. Один из главных обвиняемых на судебном процессе над лидерами эсеров в 1922 г. Был приговорен к расстрелу, затем смертный приговор был заменен пятилетним заключением. Позже был освобожден по амнистии, занимал второстепенные хозяйственные посты. Неоднократно подвергался арестам. Скончался в концлагере в Красноярском крае.
64

Милюков П.Н. Россия на переломе. Т. 1. С. 195.
65

Рид Д. Избранное. Т. 1. С. 68.
66

Речь. 1917. 24 октября.
67

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 42.
68

Новая жизнь. 1917. 25 октября.
69

Рабочий путь. 1917. 25 октября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 3. Ч. 2. С. 51.
70

Рабочий путь. 1917. 26 октября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 3. Ч. 2. С. 53.
71

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 46.
72

Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 120 – 121.
73

Свердлов Яков Михайлович (в различных источниках указываются разные имена, данные ему при рождении) (1885 – 1919) – участник социал демократического движения с 1901 г., с 1903 г. большевик. Вел подпольную работу на Урале и в Сибири, неоднократно подвергался арестам и ссылке. С апреля 1917 г. возглавлял секретариат ЦК большевиков. В ноябре 1917 – марте 1919 г. председатель ВЦИКа. Неоднократно замещал Ленина во время его болезней. Руководил созданием органов большевистской государственной власти в центре и на местах. Один из главных инициаторов террористической политики, в частности расстрела царя Николая II, его семьи и близких. По официальной версии, заболел гриппом (испанкой) во время поездки в Харьков. Имеются, однако, версии, что он был жестоко избит рабочими то ли в Харькове, то ли по дороге в Москву на станции Орел, после чего скончался.
74

Рабочий путь. 1917. 8 ноября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 3. Ч. 2. С. 55 – 57.
75

Рабочий путь. 1917. 25 октября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 3. Ч. 2. С. 58 – 59.
76

Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (март – октябрь 1917 г.): Сборник документов. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1. С. 103.
77

Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов (25 – 26 октября 1917 г.): Сборник документов. М.: Археографический центр, 1997. С. 41 – 42.
78

Николаевский Борис Иванович (1887 – 1966) – активный участник социал демократического движения с 1905 г. (краткое время большевик, а затем меньшевик). Участвовал в революции 1905 г., неоднократно подвергался арестам и ссылкам и совершал побеги. После Октябрьского переворота 1917 г. вел политическую борьбу против большевистской власти и в то же время сотрудничал с ней, пытаясь спасти ценнейшее документальное богатство страны. С 1920 г. член ЦК РСДРП (объединенной). В 1921 г. был арестован, а в 1922 г. выслан из России. Находясь с 1922 г. в эмиграции (Германия, Франция, США), продолжал участвовать в политической борьбе и в то же время сосредоточил силы на собирании уникальных документов, главным образом по истории общественных движений в России. Николаевский дважды спасал не только русские, но и германские архивные документы от нацистов – вначале в 1933 г., после прихода Гитлера к власти, а затем в 1940

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo. g., когда Германия оккупировала Францию и историк переправлял в США документы из оккупированного Парижа. В 1963 г. он передал свой архив в Гуверовский институт войны, революции и мира и стал куратором собственной архивной коллекции. Автор многих трудов по истории революционного движения в России и публикаций документов.

79
См. подробнее: Чернявский Г. Социалист гуманист Юлий Мартов // Чернявский Г. Притчи о Правде и Лжи. Харьков: Око, 2003. С. 16 – 17.

80
Мартов Ю.О. Избранное. М., 2000. С. 557.

81
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 3. Ч. 2. С. 51, 60.

82
Там же. С. 62 – 66.

83
Николаевский Б. Страницы прошлого. К 80 летию Л.О. Цедербаум Дан. (Статья вторая) // Социалистический вестник. 1958. № 7 – 8. С. 150.

84
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 59 – 60.

85
Там же. С. 62 – 63.

86
Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 29.

87
Правда. 1918. 6 ноября. Сталин, разумеется, эту статью в свои сборники и в собрание сочинений не включал.

88
Бушуев В. Свет и тени. От Ленина до Путина. Заметки о развилках и персонах российской истории. М.: Культурная Революция, 2006. С. 39.

89
Eastman M. Since Lenin died. London: Labour Publishing Company, Ltd., [1925]. P. 16.

90
Фельштинский Ю. Крушение мировой революции. Брестский мир. Октябрь 1917 – ноябрь 1918. М.: Терра, 1992. С. 45.

91
Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов II созыва. М., 1918. С. 42.

92
Рабинович А. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. М.: Новый хронограф, 2008. С. 69.

93
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 64 – 65.

94
Карелин Владимир Александрович (1894 – 1938) – эсер с 1907 г. После февральской революции 1917 г. являлся одним из руководителей эсеров в Харькове. В ноябре 1917 г. – один из основателей Партии левых эсеров. С декабря 1918 г. – нарком имуществ РСФСР. Вышел из правительства в знак протеста против подписания Брестского мира. После разгрома партии левых эсеров в июле 1918 г. ушел в подполье. В 1919 г. был арестован, но вскоре освобожден. Заявил об отказе от борьбы против большевиков. Работал юристом в различных учреждениях Харькова. Арестован в 1937 г. и расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

95
Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. М.; Л., 1928. С. 25 – 26, 81 – 82.

96
Голос народа. 29 октября. 1917.

97
Второй Всероссийский съезд (1928). С. 83.

98
Красин Л.Б. Письма жене и детям 1917 – 1926 / Публ. Ю.Г. Фельштинского и Г.И. Чернявского // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 94. Отдадим должное Красину: он так и не привез свою семью в Россию, и в своих частых письмах жене и детям, уже будучи наркомом и послом, он объяснял, что в СССР жить невозможно и возвращаться туда не следует.

99

- в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.o
1917. Частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова. М.,
2005. С. 286.
100
- А.А. Богданов (Малиновский). Статьи, доклады, письма и воспоминания 1901 – 1928
гг. / Сост. Н.С. Антонова, Н.В. Дроздова. М.: Аиро ХХ, 1995. С. 192.
101
- Викжель – Всероссийский исполнительный комитет железнодорожного профсоюза –
профсоюзная организация железнодорожников, созданная на I Всероссийском
учредительном съезде железнодорожников, работавшем в Москве с 15 июля по 25
августа (с 28 июля по 7 сентября по н. ст.) 1917 г. В состав Викжеля входили 14
эсеров (из них 9 левых), 6 меньшевиков, 3 большевика, 6 членов других левых
революционных партий и 11 беспартийных. В целом Викжель стоял на
социалистических позициях и к организованному большевиками перевороту относился
отрицательно, считая, что власть должна принадлежать «однородному
социалистическому правительству», а не узурпировавшим власть большевикам. Однако
к активному противостоянию большевикам Викжель склонен не был, а отказываясь
пропускать в столицу верные Временному правительству войска, по существу
обеспечил победу большевиков в Петрограде. В начале 1918 г. Викжель был
большевиками упразднен, а его функции были переданы избранному на чрезвычайном
Всероссийском съезде железнодорожников, проходившем в Петрограде с 5 (18) января
по 30 января (12 февраля) 1918 г., Викжедору – большевистскому профсоюзу
железнодорожников.
102
- Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 59.
103
- Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 122 – 123.
104
- Съезд железнодорожных рабочих. Доклад Вомпе, представителя Викжеля // Новая
жизнь. 1917. 15 (28) декабря. № 202 (196).
105
- Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов
рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов II созыва. С. 9 – 10.
106
- Краснов Петр Николаевич (1869 – 1947) – российский военный деятель, генерал
лейтенант. Одновременно выступал с художественными произведениями, автор
нескольких романов. Во время Первой мировой войны командовал казачьей бригадой,
затем дивизией. В октябре 1917 г. возглавил вооруженное выступление против
большевистской власти под Петроградом. В 1918 г. был избран атаманом войска
Донского и продолжал участвовать в вооруженной борьбе против большевистского
режима. Сотрудничал с германским командованием. В 1920 г. эмигрировал в
Германию. Позже жил во Франции, затем вновь в Германии. После прихода нацистов к
власти сотрудничал с ними. Был захвачен в плен англичанами и передан советским
спецслужбам. После длительных допросов и пыток повешен.
107
- Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов
рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов II созыва. С. 10.
108
- Советы в Октябре: Сборник документов / Под ред. С.А. Пионтковского. М., 1928. С.
60 – 61.
109
- Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов
рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов II созыва. С. 10; Любимов
И.Н. Революция 1917 года. Хроника событий. М., 1924. Т. IV. С. 22; Вомпе П. Дни
Октябрьской революции и железнодорожники. М., 1924. С. 26 – 32.
110
- Любимов И.Н. Революция 1917 года. С. 39. О позиции Викжеля см. также: Shapiro L.
The Origin of the Communist Autocracy. Political Opposition in the Soviet State.
First Phase, 1917 – 1922. New York; Washington: Frederick A. Praeger, 1965. P.
70, 71, 73.
111
- Краснов П.Н. На внутреннем фронте // Архив русской революции. Берлин: Слово,
1921. Т. 1. С. 176.
112
- Рябинский К. Революция 1917 г. С. 49.
113
- Троцкий Л. Моя жизнь. С. 64.
114
- Woytinsky W.S. Stormy Passage. A Personal Story through Two Russian Revolutions

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский *filosoff.o*
to Democracy and Freedom. 1905 – 1960. New York: The Vanguard Press, 1961. P.
391; Войтинский В. 1917 й. Год побед и поражений. М.: Терра – Книжный клуб,
1999. С. 271.
115
См. подробнее: Чернявский Г. Повороты судьбы. Как большевик Владимир Войтинский
стал советником президента США // Чернявский Г. Притчи о Правде и Лжи. С. 46 –
48.
116
Рабинович А. Большевики у власти. С. 62 – 63.
117
Абрамович Р. Страницы истории // Социалистический вестник. 1960. № 6. С. 19.
118
Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 124.
119
Заседание Петербургского комитета РСДРП(б) 1/14 ноября 1917 г. // Бюллетень
оппозиции (большевиков ленинцев). 1929. № 7. С. 32 – 33.
120
Троцкий Л.Д. Сталинская школа фальсификаций. Поправки и дополнения к литературе
эпигонов. Берлин: Гранит, 1932. С. 29; Ленин В.И. Неизвестные документы, 1991 –
1999. М.: РОССПЭН, 1999. С. 216 – 217. В публикации «Неизвестных документов»
Ленина текст завершается словами: «Без соглашений!» Последних слов, цитируемых
Троцким, в этой публикации нет.
121
Заседание Петербургского комитета РСДРП(б) 1/14 ноября 1917 г. С. 35, 36, 37.
122
РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 25830. Л. 235 – 242; Протоколы Центрального
комитета РСДРП(б). С. 124 – 127.
123
Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 125 – 126, 130.
124
Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов
рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов II созыва. С. 13.
125
Рябинский К. Революция 1917 г. С. 94.
126
Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 125, 128.
127
Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 127. 128.
128
Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов
рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов II созыва. С. 11.
129
Ленин В.И. Сочинения. 4 е изд. Т. 26. С. 245 – 246.
130
Малкин Борис Федорович (1892 – 1938) – член Партии социалистов революционеров с
1908 г., один из руководителей ее левого крыла. Был в числе инициаторов
образования Партии левых эсеров в ноябре 1917 г., выступал с докладом о текущем
моменте на ее учредительном съезде. Затем перешел в РКП(б). Работал заведующим
Центропечатью, а затем киностудией «Межрабпом Русь» и Изогизом. Расстрелян во
время Большого террора.
131
Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов
рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов II созыва; Ленин В.И.
Сочинения. Т. 26. С. 244 – 246.
132
Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов
рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов II созыва. С. 21 – 22;
Зиновьев Т.Е. Сочинения. Л., 1925. Т. 7. Ч. 2. С. 207.
133
Там же. С. 275. Протокол этого заседания числится в необнаруженных.
134
Ленин В.И. Сочинения. 4 е изд. Т. 26. С. 248 – 249.
135
Бубнов Андрей Сергеевич (1884 – 1938) – социал демократ с 1904 г., большевик.
Один из руководителей государственного переворота в Петрограде в октябре 1917 г.
Во время Гражданской войны и после нее занимал руководящие посты в Красной
армии. С 1929 г. – нарком просвещения РСФСР. Арестован в 1936 г. и расстрелян по
приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

- в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo. 136
- Муранов Матвей Константинович (1873 – 1959) – социал демократ с 1904 г., большевик. Депутат 4 й Государственной думы. После февральской революции 1917 г. являлся издателем газеты «Правда». После Октябрьского переворота до 1921 г. работал инструктором ЦК РКП(б). Затем член Верховного суда СССР. С 1939 г. персональный пенсионер. 137
- Известия ЦИК. 5 ноября. № 217. 1917. 138
- РГАСПИ. Ф. 67. Оп. 1. Ед. хр. 46. л. 173 – 175. 139
- Советы в Октябре: Сб. документов / Под ред. С.А. Пионтковского. М., 1928. С. 44. 140
- Ленин В.И. Сочинения. Т. 26. С. 268. 141
- Дербышев Николай Иванович (1879 – 1955) – социал демократ с 1896 г., позже большевик. В 1917 г. – председатель Центрального совета фабзавкомов Петрограда. После Октябрьского переворота – комиссар Петроградского военно революционного комитета по печати. Затем на профсоюзной и административной работе. С 1933 г. пенсионер. 142
- Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 137, 142 – 145. 143
- Там же. С. 146. 144
- Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов II созыва. С. 40. Однако раскол в стане большевиков не был долгим. Рыков, Каменев, Милютин и Ногин вскоре раскаялись в своих поступках и на заседание ЦК 29 ноября принесли покаянное заявление с просьбой принять их обратно в состав ЦК. Ленин им отказал, предложив опубликовать покаяние в печати и письменно ответить, что «назад их не принимаем». Свердлов сомневался: «Можем ли мы формально отказать им во вхождении вновь в ЦК?» Но на сторону Ленина встало большинство членов ЦК, присутствовавших на заседании. Урицкий, например, считал, что «мы не можем их принять обратно в ЦК, так как совершенно нет гарантии, что, оставшись вновь в меньшинстве по какому либо вопросу, они не выступят с такими же письмами и выступлениями, как только что». Решено было «принять ответ тов. Ленина» (Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 154, 155). 145
- Бушуев В. Свет и тени. С. 40. 146
- Новая жизнь. 1917. 7 (20) ноября. 147
- Мартов Ю.О. Письма 1916 – 1922 / Ред. сост. Ю.Г. Фельштинский. Benson, Vermont: Chalidze Publications, 1990. С. 14. 148
- Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 223. 149
- Записки института Ленина. Т. 1. М., 1927. С. 89 – 90; Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов II созыва. С. 6 – 7. 150
- Аванесов Варлаам Александрович (1884 – 1930), будучи гимназистом, примкнул к армянской национальной партии Дашнакцутюн. В 1901 г. перешел в армянскую социал демократическую партию Гичак, в 1903 г. – в РСДРП. Поддерживал меньшевиков. С 1914 г. – большевик. Во время Октябрьского переворота 1917 г. – член Петроградского военно революционного комитета. В 1917 – 1919 гг. – секретарь ВЦИКа. Затем работал в ВЧК и Наркомате рабоче крестьянской инспекции. С 1925 г. – член Президиума ВСНХ. Руководил Управлением военной промышленности. 151
- Коллегаев Андрей Лукич (1887 – 1937) – эсер с 1906 г. С 1909 г. в эмиграции. Возвратился в Россию в 1917 г. и стал одним из руководителей левого крыла партии. За отказ покинуть II съезд Советов и поддержку Октябрьского переворота был исключен из партии эсеров. Являлся одним из основателей Партии левых эсеров в ноябре 1917 г. С декабря 1917 г. – нарком земледелия РСФСР. Вышел из правительства в марте 1918 г. в знак протеста против подписания Брестского мира. В июле 1918 г. стал основателем Партии революционных коммунистов, которая в следующем году слилась с РКП(б). Занимал второстепенные государственные

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo. o
должности. Был арестован и расстрелян во время Большого террора.

152

Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов II созыва. С. 23 – 24.

153

Там же. С. 24; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 3. 1917. Ч. 2. От Октября до Бреста. С. 104 – 105.

154

Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов II созыва. С. 24 – 26.

155

От имени большевистской оппозиции резолюцию вносил Ларин. За нее проголосовало 22 человека, против – 31. За резолюцию большинства голосовало 34 человека, против 24, при одном воздержавшемся.

156

Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов II созыва. С. 27.

Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 136. Заявление подписали нарком торговли и промышленности Ногин; нарком внутренних дел Рыков; нарком земледелия Милютин; нарком по продовольствию И.А. Теодорович; комиссар по делам печати Н.И. Дербышев; Рязанов; комиссар государственных типографий С. Арбузов; комиссар Красной гвардии К.К. Юренев; заведующий отделом конфликтов в Министерстве труда Г.Ф. Федотов; заведующий отделом законодательных предписаний комиссариата труда Ю. Ларин. Нарком труда А.Г. Шляпников сделал к заявлению следующую приписку: «Присоединяюсь к общей оценке политического момента в вопросе о необходимости соглашения, но считаю недопустимым сложение с себя ответственности и обязанностей» (Известия ЦИК. 1917. 5 ноября. № 217.).

157

Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов II созыва. С. 24; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 3. Ч. 2. С. 105 – 106.

158

Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 152.

159

Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 128.

160

Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 153, 155 – 156.

161

Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 – март 1918 г. М.: РОССПЭН, 2006. С. 23.

162

Рябинский К. Революция 1917 г. С. 110.

163

Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 126.

164

Рабинович А. Большевики у власти. С. 130.

165

Известия. 1917. 6, 8 декабря. Реально от работы в Петросовете Троцкий все больше и больше отходил. В середине декабря председателем Петроградского Совета вместо Троцкого стал Т.Е. Зиновьев, срочно перебежавший на сторону Ленина, когда стало ясно, что за Лениным теперь сила. Такая хамелеонская тактика будет характерна для Григория Евсеевича и в дальнейшем.

166

Известия. 1917. 6 декабря; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 3. Ч. 2. С. 138 – 139.

167

Заголовок романа социолога и писателя А.А. Зиновьева.

168

В массе документов оппозиции – выступлений, воззваний, резолюций – фамилии Ленина и Троцкого с ноября 1917 г. назывались в неразрывном единстве (см., например: Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 1. С. 262, 282, 316, 336, 338, 343, 344, 353, 405, 504, 507, 549, 564).

169

Троцкий Л.Д. Перспективы русской революции. Берлин: Т во И.П. Ладыжникова, [1917]. С. 3.

170

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 60.

171

Там же. С. 64, 67.

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.о
172
Бонч Бруевич В. На боевых постах февральской и Октябрьской революций. М.: Федерация, 1930. С. 139.
173
Правда. 1917. 10 ноября.
174
Канторович Б. Организационное развитие НКВД // Международная жизнь. 1922. № 15. С. 52.
175
Известия. 1917. 14 ноября.
176
Залкинд Иван Абрамович (1885 – 1928) – социал демократ с 1903 г., большевик. В 1908 – 1917 гг. – эмигрант. Непосредственно после Октябрьского переворота 1917 г. работал в Наркоминделе, являлся товарищем наркома. Затем был направлен в советскую миссию в Швейцарии. Позже занимал второстепенные административные посты.
177
Документы великой пролетарской революции. М.: Изд во истории гражданской войны, 1938. Т. 1. С. 50.
178
Документы внешней политики СССР. М.: Политиздат, 1957. Т. 1. С. 41; Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата. 1893 – 1922. М.: Соцэкгиз, 1959. С. 301. Мемуары Ю.Я. Соловьева были переизданы в 2003 г. минским издательством «Харвест».
179
Правда. 1917. 27 ноября.
180
Рид Д. Избранное. Т. 1. С. 138.
181
Залкинд И. НКВД в семнадцатом году // Международная жизнь. 1927. № 10. С. 12.
182
Рябинский К. Революция 1917 г. С. 58.
183
Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 21.
184
Поливанов Евгений Дмитриевич (1891 – 1938) стал выдающимся лингвистом полиглотом, одним из первых социолингвистов. С 1919 г. он являлся профессором Петроградского университета. Он участвовал в переговорах в Брест Литовске в качестве консультанта Троцкого. Затем работал в Коминтерне и в ряде университетов восточной части СССР. Поливанов разработал ряд алфавитов языков восточных народов, исследовал проблемы китайского и японского языков. В 1928 – 1929 гг. он выступил против «нового учения о языке» Н.Я. Марра и стал подвергаться гонениям. Ему не давали возможности печататься, увольняли из университетов, одним из предлогов чего явилась наркозависимость ученого. В 1937 г. Поливанов был арестован, а затем расстрелян.
185
Изданию сборников предшествовали публикации в «Известиях», первая из которых появилась 10 ноября. В нее вошли соглашения о Стамбуле и Черноморских проливах, западные отклики на революционные события в России и др.
186
Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел // Типография Комиссариата по иностранным делам. 1918. № 7. С. 321.
187
В публикации оказались и документы, отнюдь не носившие секретного характера, давным давно опубликованные и хорошо известные, например российско болгарский договор 1912 г.
188
Показательно, что по существу дела о дипломатической деятельности Троцкого ничего не говорится в главе о становлении советской дипломатии, включенной в сравнительно недавнее издание (Шишкин В.А. Становление внешней политики послереволюционной России (1917 – 1930 годы) и капиталистический мир. От революционного «западничества» к «национал большевизму». СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 16 – 33).
189
Боровский Вацлав Вацлавович (1871 – 1923) являлся социал демократом с 1894 г. Сотрудничал в «Искре» и других социал демократических изданиях. Выступал в качестве литературного критика под псевдонимом Орловский. С ноября 1917 г. был послом РСФСР в Скандинавских странах, с 1921 г. полномочным представителем (полпредом) в Италии. Убит в Лозанне русским белоэмигрантом.

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.о
190
Правда. 1917. 13 ноября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 3. Ч. 2. С. 110 – 11.
191
Садуль Жак (1881 – 1956) – французский офицер, член Социалистической партии с
1903 г. В 1917 г. был атташе при французской военной миссии в Петрограде,
вначале сблизился с большевиками, а затем вступил в РКП(б), являлся одним из
организаторов французской группы РКП(б). В 1918 г. осуществлял тайную связь с
французскими войсками в Одессе. Участвовал в I и II конгрессах Коминтерна, был
членом его Исполкома. В 1924 г. возвратился во Францию, был предан суду по
обвинению в дезертирстве, но оправдан. Участвовал в деятельности компартии, был
корреспондентом советской газеты «Известия». В годы Второй мировой войны
участвовал в движении Сопротивления.
192
См. его мемуары: Садуль Ж. Записки о большевистской революции. М.: Книга, 1990.
193
Бьюкенен Д. Моя миссия в России. Воспоминания дипломата. Берлин: Обелиск, 1924.
Т. 2. С. 160 – 161.
194
Распространялись даже слухи, что Троцкий намерен арестовать самого Бьюкенена. В
своем дневнике британский дипломат записал: «Я не принял всерьез угрозы Троцкого
и продолжал совершать мои ежедневные прогулки без всяких неприятных для себя
последствий» (Бьюкенен Д. Моя миссия в России. Т. 2. С. 161).
195
Бьюкенен Д. Моя миссия в России. Т. 2. С. 160 – 161.
196
Правда. 1917. 25 ноября; Бьюкенен Д. Моя миссия в России. Т. 2. С. 160.
197
Там же. С. 169.
198
Известия. 1917. 1 декабря.
199
Fischer L. The Soviets in world Affairs. A History of Relations between the
Soviet Union and the Rest of the world. London: Jonathan Cape, 1930. P. 25.
200
После подписания Брестского мирного договора Чичерин фактически сменил Троцкого
на посту наркома, а 9 апреля 1918 г. был назначен исполняющим обязанности
наркома. Хотя Чичерин не обладал свойствами строгого организатора и
руководителя, страдал рядом заболеваний (диабет, полиневрит и др.) и
мнительностью, странностями характера (он был убежденным холостяком и аскетом,
жил в здании наркомата на Кузнецком Мосту и работал почти круглосуточно), его
знания, великолепная память, дипломатическая расчетливость и гибкость, знание
почти всех европейских языков способствовали выводу РСФСР из международной
изоляции. В связи с использованием дипломатических средств для ведения
политической пропаганды за границей и вмешательством Коммунистического
интернационала в дела наркомата у Чичерина часто происходили конфликты с высшим
партийным руководством. В 1923 г. Чичерин стал первым наркомом иностранных дел
СССР. Однако в 1928 г. он был фактически отстранен от этой должности, а в 1930
г. заменен Литвиновым, который в течение ряда лет вел травлю наркома, писал на
него доносы в ЦК и лично Сталину. Последние годы жизни Чичерин в основном
проживал за границей, где скончался в 1936 г.
201
Бьюкенен Д. Моя миссия в России. Т. 2. С. 174.
202
Чернявский Г. феномен Литвинова // Чернявский Г. Новые притчи о Правде и Лжи. С.
112 – 113.
203
Десять лет советской дипломатии: Сборник документов. М.: Литиздат НКВД, 1927. С.
6; Канторович Б. Организационное развитие НКВД // Международная жизнь. 1922. №
15. С. 22.
204
Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. С. 37.
205
Ленин В.И. Неизвестные документы. С. 227 – 228.
206
Известия. 1917. 19 ноября.
207
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 69.
208

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.o
Нуланс Жозеф (1864 – 1939) – французский политический деятель и дипломат. В 1913
– 1914 гг. – военный министр, в 1914 – 1915 гг. – министр финансов. В 1917 –
1918 гг. – посол в России. Поддерживал антибольшевистские силы. Позже
рассматривался в качестве эксперта по русским делам в период Генуэзской
конференции (1922) и франко советских переговоров о долгах и кредитах 1924 –
1927 гг. Автор воспоминаний «Моя миссия в советской России».
209
Рябинский К. Революция 1917 г. С. 282.
210
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 69 – 71.
211
Известия. 1917. 9 ноября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 3. Ч. 2. С. 157.
212
Бьюкенен Д. Моя миссия в России. Т. 2. С. 157.
213
Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов
рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов II созыва. С. 43 – 44;
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 3. Ч. 2. С. 162 – 163.
214
Рябинский К. Революция 1917 г. С. 122.
215
Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 25 – 28.
216
Известия. 1917. 11 ноября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 3. Ч. 2. С. 165 – 166.
217
Бьюкенен Д. Моя миссия в России. Т. 2. С. 159.
218
Газета Временного рабочего и крестьянского правительства. 1917. 30 ноября.
219
Чернин Оттокар (1872 – 1932) – министр иностранных дел Австрии в 1916 – 1918 гг.
Возглавлял австрийскую делегацию на мирных переговорах в Бресте. В 1920 – 1933
гг. член Национального совета (парламента) Австрии.
220
Чернин О. Брест литовск / Публ. Ю. Фельштинского // Грани. 1989. кн. 153. С.
144.
221
Гофман М. Война упущенных возможностей. М.; Л.: ГИЗ, 1925. С. 161.
222
Гофман М. Война упущенных возможностей. С. 163, 193.
223
Гофман Макс (1869 – 1927) – германский генерал. Во время Первой мировой войны
генерал квартирмейстер и начальник штаба Восточного фронта. Фактически
возглавлял германскую делегацию на мирных переговорах с Россией в конце 1917 –
начале 1918 г. С 1920 г. в отставке. Совместно с немецкими промышленниками
разработал план, предусматривавший вторжение в Советскую Россию объединенных
войск Германии, Франции и Великобритании.
224
Чернин О. Брест литовск. С. 145 – 147.
225
Протоколы Первого съезда партии левых социалистов революционеров
(интернационалистов). М.: Изд во «Революционный социализм» при ЦК ПЛСР, ПЛСР.
1918. С. 99.
226
Цит. по: Чубарьян А.О. Брестский мир. М.: Наука, 1964. С. 89.
227
Чернин О. Брест литовск. С. 154.
228
Известия ЦИК. 1917. 25 ноября. № 235.
229
Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов
рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов II созыва. С. 168, 127.
230
L'Allemagne et les problemes de la paix pendant la premiere guerre mondiale.
Documents extraits des archives de l'Office allemand des Affaires etrangeres,
pub. et ann. par A. Schereret J., Grunewald. Liv. III. De la revolution
Sovietique a la paix de Brest Litovsk (9 novembre 1917 – 3 mars 1918). Paris,
1976. Док. № 113.
231

- в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.o
- Кюльман Рихард (1873 – 1948) – германский дипломат и промышленник. В 1917 – 1918 гг. – министр иностранных дел. От имени Германии вел переговоры в Бресте и подписал Брестский мирный договор. В июле 1918 г. после заявления о невозможности выиграть войну только военными средствами под давлением милитаристских кругов ушел в отставку. Занимался промышленной деятельностью. Выполнял неофициальные дипломатические поручения в Великобритании и США.
232
- Мирные переговоры в Брест Литовске с 22 (9) декабря 1917 г. по 3 марта (18 февраля) 1918 г. М., 1920. Т. 1. С. 9 – 10.
233
- Хогтонская библиотека Гарвардского университета (Бостон). Архив Л.Д. Троцкого. Фонд bms Russ 13. Т 3742. Л. Троцкий. 1917. Т. 3. Ч. 2. С. 325.
234
- Архив Троцкого. Фонд 13. Т 3742. Статья из «Последних новостей» от 2 марта 1921 г. № 5457.
235
- L\l'Allemagne et les problemes de la paix. Док. № 113 от 25 декабря. Тел. Кюльмана в МИД Германии со стенограммой заседания от 25 декабря 1917 г. по н. ст.
236
- Цит. по: Архив Троцкого. Фонд 13. Т 3742. Из мемуаров Чернина. С. 317.
237
- Чернин О. В дни мировой войны. М.; Пг., 1923. С. 236.
238
- Гинденбург Пауль (1847 – 1934) – германский военный и политический деятель, фельдмаршал (1914). Во время Первой мировой войны – формальный командующий войсками Восточного фронта. С 1916 г., являясь начальником Генерального штаба, был фактическим Верховным главнокомандующим. В 1925 – 1934 гг. – президент Германии. 30 января 1933 г. поручил формирование правительства А. Гитлеру, тем самым способствуя передаче власти в Германии нацистам. После смерти Гинденбурга Гитлер отменил пост президента и присвоил себе на основании результатов плебисцита полномочия главы государства, избрав титулы «фюрер» и «рейхсканцлер».
239
- Гинденбург П. Воспоминания. Пг., 1922. С. 59.
240
- Людendorф Эрих (1865 – 1937) – германский военный деятель. Во время Первой мировой войны, как помощник Гинденбурга, фактически командовал военными действиями на Восточном фронте в 1914 – 1916 гг., а затем всеми вооруженными силами страны. Вместе с А. Гитлером руководил так называемым «пивным путчем» в Мюнхене в ноябре 1923 г. В 1925 г. участвовал в президентских выборах от Национал социалистической партии, но потерпел сокрушительное поражение. С 1928 г., отойдя от нацистов, в политике не участвовал. Осудил назначение Гитлера рейхсканцлером в 1933 г. Тем не менее по распоряжению Гитлера после смерти Людendorфа ему были устроены пышные похороны и чествования.
241
- L\l'Allemagne et les problemes de la paix. Док. № 115 от 26 декабря по н. ст. 1917 г. Тел. Лерснера в МИД Германии.
242
- L\l'Allemagne et les problemes de la paix. Док. № 118 от 26 декабря по н. ст. 1917 г. Тел. Кюльмана в МИД Германии.
243
- Там же; Гофман М. Война упущенных возможностей. С. 168, 173.
244
- L\l'Allemagne et les problemes de la paix. Док. № 128 от 29 декабря по н. ст. 1917 г. Тел. Кюльмана Гертлингу.
245
- Гофман М. Война упущенных возможностей. С. 171, 172.
246
- L\l'Allemagne et les problemes de la paix. Док. № 125 от 28 декабря по н. ст. 1917 г. Телеграфное сообщение о четвертом заседании конференции в Брест Литовске в МИД Германии; Там же. Проект договора от 27 декабря по н. ст. 1917 г.
247
- Germany and the Revolution in Russia 1915 – 1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry / Ed. by Z.A.V. Zeman. London, Oxford University Press, 1958. (далее: Zeman. Германия и революция в России.) Донесение заместителя статс секретаря по иностранным делам от 4 января 1918 г.
248
- L\l'Allemagne et les problemes de la paix. Док. № 138 от 3 января по н. ст. 1918

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.
г. Тел. Мюллера из Брест Литовска в МИД Германии.

249

Гертлинг Георг (1843 – 1919) – германский политический деятель. В 1912 – 1917 гг. – глава правительства Баварии. В ноябре 1917 – сентябре 1918 г. – рейхсканцлер Германии.

250

Самойло Александр Александрович (1869 – 1963) – российский и советский военный деятель. Во время Первой мировой войны – начальник штаба армии, генерал майор. После Октябрьского переворота перешел на сторону большевистской власти. Участвовал в переговорах в Бресте в качестве военного советника. Во время Гражданской войны командовал армией и Восточным фронтом. В 1920 – 1921 гг. – начальник Всероссийского главного штаба Красной армии. Затем на военно педагогической работе.

251

Стучка Петр Иванович (1865 – 1932) – один из учредителей Социал демократической партии Латышского края (как составной части РСДРП) в 1906 г. Тяготел к большевикам. После Октябрьского переворота являлся председателем следственной комиссии петроградской ЧК. С марта 1918 г. – нарком юстиции, в 1920 – 1921 гг. – заместитель наркома юстиции РСФСР. С 1923 г. – председатель Верховного суда РСФСР.

252

Бобинский Станислав Янович (1882 – 1937) – член Социал демократии Королевства Польского и Литвы с 1905 г. Тяготел к большевикам. Участник Октябрьского переворота 1917 г. в Москве. Участвовал в мирных переговорах в Бресте в качестве представителя польской социал демократии. В 1920 г. – член Польского бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б). В 1925 – 1926 гг. работал в Исполкоме Коминтерна, затем – на партийной работе в компартии Польши. В 1929 – 1931 гг. – директор Политехнического музея в Москве, затем – на низовой научно технической работе. Арестован в период Большого террора и расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

253

Мицкявичюс Капсукас Винцас Симанович (1880 – 1935) – литовский социал демократ с 1903 г. Тяготел к большевикам. С 1917 г. – член РСДРП(б). В 1918 – 1919 гг. возглавлял большевистское правительство Литвы. С 1923 г. работал в Коминтерне, с 1928 г. – член Исполкома Коминтерна, заместитель заведующего орготделом ИККИ в 1923 – 1925 гг., затем – заведующий секретариатом ИККИ по Польше и Прибалтике. Выступал также в качестве литературного критика.

254

ЦГИА. Ф. 130. Оп. 1. Ед. хр. 89. л. 70; Чернявский Т.Н., Станчев М.Г. В борьбе против самовластия. Х.Г. Раковский в 1929 – 1941 г. Харьков: Харьковский государственный институт культуры, 1993. С. 25.

255

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 87.

256

Троцкий Л.Д. О Ленине. Материалы для биографа. М.: Госиздат, [1924]. С. 78.

257

Речь шла, по видимому, об илье Яковлевиче Гинзбурге, академике, авторе ряда скульптурных портретов советских государственных деятелей и деятелей русской культуры.

258

Фокке Д.Г. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии. (Мемуары участника Брест литовских мирных переговоров) // Архив русской революции. Берлин: Слово, 1930. Т. XX. С. 65.

259

Как пишет Исаак Дойчер, багаж Радека, который даже не был официальным членом делегации, «лопался от революционных брошюр и листовок, и, как только их поезд остановился в Брест Литовске, Радек на глазах у офицеров и дипломатов, собравшихся на платформе, чтобы приветствовать делегацию, начал раздавать брошюры немецким солдатам... Его появление в Бресте в качестве члена российской делегации не могло не шокировать немецких и австрийских дипломатов» (Дойчер И. Троцкий. Вооруженный пророк. 1879 – 1921. М.: Центрполиграф, 2006. С. 365).

260

Фокке Д.Г. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии. С. 127 – 128.

261

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 107.

262

Чернин О. Брест Литовск. С. 153 – 158.

263

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.
Там же. С. 124.
264
Фокке Д.Г. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии. С. 138.
265
Фокке Д.Г. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии. С. 130. Генерал Самойло писал о том же: «С переменной главы делегации резко изменились и отношения с немцами. Мы стали встречаться с ними только на совместных заседаниях, так как перестали ходить в офицерское собрание, а довольствовались у себя в блоке, в котором жили» (Самойло А. Две жизни. М.: Воениздат, 1958. С. 192).
266
Там же. С. 191.
267
Брест Литовск. (Из воспоминаний Оттокара Чернина) // Архив русской революции. Т. 2. С. 123.
268
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 93.
269
Троцкий Л.Д. История русской революции до Брест Литовска. М., 1918.
270
Trotsky L. Lenin. New York, 1925. P. 103.
271
Архив Троцкого. Фонд 13. Т 3742. Из черновых набросков для биографии Ленина.
272
Чернин О. Брест Литовск. С. 121
273
Самойло А. Две жизни. С. 192 – 193.
274
Сравнение внешнего облика Троцкого с традиционным образом Мефистофеля встречается в массе воспоминаний. При этом для более полного образа многие авторы упоминают, что у Троцкого были жгуче черные глаза, что совершенно не соответствовало действительности. Он жаловался М. Истмену: «Было в этом что то фатальное. Эти черные глаза фигурируют в каждом описании, хотя природа дала мне голубые глаза». Истмен комментировал, что Троцкий мог быть сардоническим, мог своей саркастической логикой заставить дрожать оппонентов, и черные глаза ему приписывали для полноты картины (Eastman M. Einstein, Hamingway, Freud, and Others. Great Companions. Critical Memoirs of Some Famous Friends. New York: Farrar, Straus, and Cudahy, 1959. P. 152).
275
Фокке Д.Г. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии. С. 143.
276
Там же. С. 147, 154.
277
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 17. Ч. 1. М.; Л.: Госиздат, 1926. С. 11.
278
Троцкий Л. Заявление на заседании политической комиссии 14 января 1918 года // Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 17. Ч. 1. С. 33 – 38.
279
Гофман М. Война упущенных возможностей. С. 179.
280
L'Allemagne et les problemes de la paix. Док. № 173 от 17 января по н. ст. 1918 г. Тел. Кюльмана в МИД Германии.
281
L'Allemagne et les problemes de la paix. Док. № 173 от 17 января по н. ст. 1918 г. Тел. Кюльмана в МИД Германии.
282
Там же.
283
Брест Литовск. (Из мемуаров Оттокара Чернина). С. 122.
284
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 17. Ч. 1. С. 17 – 28, 33 – 44 и др.
285
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 17. Ч. 1. С. 69 – 71.
286
Брест Литовск. (Из мемуаров Оттокара Чернина). С. 123, 125.
287
В ответ на запрос редакции 3 го тома сочинений Троцкого по поводу авторства документа Троцкий ответил, что первая, констатирующая часть была написана

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.o
главным образом Лениным, а вторая, содержащая оценку действий Рады в последнее
время и требования Петрограда, принадлежала Троцкому (Троцкий Л.Д. Сочинения. Т.
3. Ч. 2. С. 142).
288
Совет народных комиссаров – Раде // Известия. 1917. 6 декабря; Троцкий Л.Д.
Сочинения. Т. 3. Ч. 2. С. 142 – 144.
289
Троцкий Л. К конфликту с Радой // Известия. 1917. 7 декабря.
290
Каледин Алексей Максимович (1861 – 1918) – генерал от кавалерии. В 1917 г.
атаман Донского казачьего войска. В октябре 1917 – январе 1918 г. возглавил
казачье вооруженное выступление против большевистской власти. После нескольких
поражений и отступления Добровольческой армии генерала А.И. Деникина на Кубань
отказался от звания атамана и в январе 1918 г. застрелился.
291
Известия. 1917. 7 декабря; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 3. Ч. 2. С. 146 – 147.
292
L\l'Allemagne et les problemes de la paix. Док. № 92 от 16 декабря по н. ст. 1917
г. Тел. Розенберга в МИД Германии.
293
Там же. Док. № 107 от 21 декабря по н. ст. Тел. Бусше – Розенбергу в Брест
Литовск.
294
Там же. Док. № 201 от 30 января по н. ст. 1918 г. Тел. Кюльмана Гертлингу.
295
L\l'Allemagne et les problemes de la paix. Док. № 119 от 27 декабря по н. ст.
1917 г. Тел. Людендорфа Винтерфельдту; Там же. Комментарий Винтерфельдта к
телеграмме Людендорфа.
296
Там же. Док. № 135 от 1 января по н. ст. 1918 г. Тел. Лерснера в МИД Германии.
297
Там же. Док. № 139.
298
Там же. Док. № 138.
299
Там же. Док. № 140.
300
Там же. Док. № 141 от 4 января по н. ст. 1918 г. Тел. Кюльмана в МИД Германии.
301
Чернин О. Брест Литовск. С. 158 – 159.
302
L\l'Allemagne et les problemes de la paix. Док. № 147 от 6 января по н. ст. 1918
г. Тел. Кюльмана в МИД Германии.
303
Там же. Док. № 156.
304
Там же. Док. № 157; Майоров М. Борьба советской России за выход из
империалистической войны. М., 1959. С. 191.
305
История ВКП(б) / Под общ. ред. Ем. Ярославского. Т. 4. М.; Л., 1930. С. 294.
306
Чубарьян А.О. Брестский мир. М.: Наука, 1964. С. 102.
307
Там же. С. 126 – 127.
308
См., например: Чубарьян А.О. Брестский мир. С. 128; Никольников Г.Л. Брестский
мир и Украина. Киев: Наукова думка, 1981. С. 46.
309
Панцов А.В. Брестский мир // Вопросы истории. 1990. № 2. С. 70.
310
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 17. Ч. 1. С. 69 – 72.
311
Д.Г. Фокке констатировал, что Шахрай и Медведев были «безгласными и
безответственными пешками в руках Троцкого» (Фокке Д.Г. На сцене и за кулисами
Брестской трагикомедии. С. 128).
312
Брест Литовск. (Из мемуаров Оттокара Чернина). С. 129.
313

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.
L\ 'Allemagne et les problemes de la paix. Док. № 9162 от 12 января по н. ст.
1918 г. Тел. Кюльмана в МИД Германии.
314
Медведев Ефим (Юхым) Григорьевич (1886 – 1938) – социал демократ с 1904 г. С
1917 г. – член Украинской социал демократической партии, блокировавшейся с
большевиками. С декабря 1917 г. – председатель Центрального исполнительного
комитета Советов Украины. В 1919 г. вел нелегальную работу на Украине в качестве
члена коммунистической партии (боротьбистов), а затем КП(б) Украины. В начале
1920 х гг. отошел от политической деятельности. Работал на предприятиях
Екатеринослава и Харькова. С 1935 г. на пенсии. Арестован в период Большого
террора и расстрелян без суда.
315
Шахрай Василий Матвеевич (псевдоним Скоровстаньский) (1888 – 1919) – украинский
политический деятель. С 1913 г. – большевик. Делегат I Всероссийского съезда
Советов в 1917 г. Отстаивал идею, что Россия не готова к социалистической
революции и необходимо укреплять завоевания Февральской революции. Тем не менее
вошел в состав первого украинского советского правительства – Народного
секретариата – в качестве секретаря по военным делам. Весной 1918 г. был
секретарем по земельным делам. В соавторстве с С. Мазлахом в 1919 г. опубликовал
книгу «К текущему моменту. Что происходит на Украине и с Украиной?», в которой
отстаивал идеи украинского национального коммунизма и подвергал острой критике
национальную политику большевистской власти. Был исключен из партии. Во время
наступления антибольшевистских армий в 1919 г. находился на Кубани, где был
арестован и расстрелян денкинцами.
316
Затонский Владимир Петрович (1878 – 1938) – социал демократ с 1905 г.,
меньшевик. Большевик с 1917 г. Один из руководителей борьбы за большевистскую
власть на Украине. В 1918 г. – председатель вуцика. С 1925 г. – секретарь ЦК
КП(б)У. Позже был наркомом рабоче крестьянской инспекции и наркомом просвещения
Украины. Академик АН УССР с 1936 г. Арестован во время Большого террора и
расстрелян без суда.
317
Чубарьян А.О. Брестский мир. С. 128.
318
Мирные переговоры в Брест литовске. С. 136; Гофман М. Война упущенных
возможностей. С. 184.
319
Там же. С. 72.
320
L\ 'Allemagne et les problemes de la paix. Док. № 157; Там же. Док. № 160 от 12
января по н. ст. 1918 г. Тел. Бусше в посольство в Вене и посланнику в
Константинополь.
321
Там же. Док. № 161 от 12 января по н. ст. 1918 г. Тел. Кюльмана Гертлингу; там
же. Док. № 163 от 13 января по н. ст. 1918 г. Тел. Кюльмана в МИД Германии; Там
же. Док. № 171 от 16 января по н. ст. 1918 г. Тел. Кюльмана Гертлингу.
322
Там же. Док. № 176 от 17 января по н. ст. 1918 г. Тел. Кюльмана Гертлингу; Там
же. Док. № 174 от 17 января по н. ст. 1918 г. Тел. Кюльмана в МИД Германии; Там
же. Док. 177 от 17 января по н. ст. 1918 г. Тел. Кюльмана в МИД Германии; Там
же. Док. № 178 от 17 января по н. ст. 1918 г. Рапорт Веделя Гертлингу.
323
L\ 'Allemagne et les problemes de la paix. Док. № 166 от 14 января по н. ст. 1918
г. Тел. Кюльмана в МИД Германии; Там же. Док. № 171; Там же. Док. № 165 от 13
января по н. ст. 1918 г. Тел. Розенберга в МИД Германии.
324
Там же. Док. № 176.
325
L\ 'Allemagne et les problemes de la paix. Док. № 172 от 16 января по н. ст. 1918
г. Тел. Розенберга в МИД Германии; Там же. Док. № 165.
326
Гофман М. Война упущенных возможностей. С. 183.
327
Разговорами «по прямому проводу» называли в то время связь по буквопечатающему
телеграфному аппарату системы Юза.
328
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 17. Ч. 1. Примеч. 38. С. 631 – 632; Ленин В.И. ПСС.
Т. 35. С. 225; The Trotsky\ 's Papers / Edited and annotated by Jan M. Meijer.

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.
The Hague: Mouton & Co, 1964. Vol. 1. P. 6.
329
В 5 м издании Собрания сочинений Ленина последняя радиограмма датирована 3 (16)
января.
330
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 17. Ч. 1. Примеч. 90. С. 653 – 654.
331
L\ 'Allemagne et les problemes de la paix. Док. № 180 от 18 января по н. ст. 1918
г. Тел. Розенберга в МИД Германии; Там же. Док. № 182 от 18 января по н. ст.
1918 г. Тел. Кюльмана Гертлингу.
332
Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 225; Чубарьян А.О. Брестский мир. С. 129.
333
Майоров М. Борьба советской России... С. 193.
334
Фокке Д.Г. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии. С. 172.
335
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 94.
336
L\ 'Allemagne et les problemes de la paix. Док. № 182 от 18 января по н. ст. 1918
г. Тел. Кюльмана Гертлингу; Там же. Док. № 181 от 18 января по н. ст. 1918 г.
Тел. Веделя в МИД Германии.
337
Вильсон Томас Вудро (1856 – 1924) – политический деятель США, историк и
политолог, профессор. Губернатор штата Нью Джерси с 1910 г. В 1913 – 1921 гг.
был президентом США от Демократической партии. Провел ряд либеральных законов.
Был инициатором вступления США в Первую мировую войну в 1917 г. В январе 1918 г.
выдвинул «Четырнадцать пунктов» – программу послевоенного устройства, включавшую
создание международной организации, свободу морей и равные возможности стран в
мировой торговле. Лауреат Нобелевской премии мира.
338
Baumgart W. Brest Litovsk and the «Reasonable» Peace Treaty // Versailles – St.
Germain – Trianon. Umbrich in Europa vor fünfzig Jahren. R. Oldenbourg, München
und Wien, 1971. С 67 – 68.
339
L\ 'Allemagne et les problemes de la paix. Док. № 185 от 19 января по н. ст. 1918
г. Тел. Гертлинга Лерснеру.
340
Архив Троцкого. Фонд 13. Т 2788. С. 34.
341
Первый легальный петербургский комитет большевиков в 1917 г. М.; Л., 1927. С.
379 – 386.
342
Свердлова К.Т. Яков Михайлович Свердлов. М., 1976. С. 308.
343
Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 179 – 180.
344
Там же.
345
Там же. С. 181.
346
Впервые резолюция была опубликована в 1929 г. (Ленинский сборник. Т. XI. М.; Л.,
1929. С. 17 – 18).
347
Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 243 – 252.
348
Buchanan G. My Mission to Russia and the other Diplomatic Memories. London,
1923. Vol. II. P. 245.
349
Троцкий Л. О Ленине. С. 78 – 79.
350
Архив Троцкого. Фонд 13. Т 3742. П. Фрелих. К истории германской революции. Т.
1. С. 227 – 228.
351
Троцкий Л. О Ленине. С. 79.
352
Архив Троцкого. Фонд 13. Т 3742.
353

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.o

Троцкий Л. О Ленине. С. 80.

354

Впервые тезисы были опубликованы в «Правде» только 24 февраля, на следующий день после того, как ЦК в своем заседании принял ленинское предложение о подписании мира, причем пункт о начале германской революции и затягивании переговоров, приписанный 21 января, Ленин теперь снял. Он был впервые опубликован лишь в 1949 г. в 4 м издании сочинений Ленина (т. 26).

355

Там же; Ленинский сборник. Т. XI. С. 41.

356

Троцкий Л. О Ленине. С. 80 – 81.

357

Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций. С. 39.

358

Косиор Станислав Викентьевич (1889 – 1939) – социал демократ с 1907 г., большевик. В 1919 – 1920 гг. – секретарь ЦК РП(б) Украины. В 1922 – 1926 гг. – секретарь Сибирского бюро ЦК РКП(б). В 1926 – 1928 гг. – секретарь ЦК ВКП(б). В 1928 – 1938 гг. являлся генеральным секретарем ЦК КП(б)У и в этом качестве нес личную ответственность за насильственную коллективизацию, голод и массовую смертность сельского населения республики, равно как и за Большой террор на Украине. В 1938 г. недолгое время был заместителем председателя Совнаркома СССР, затем арестован и расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

359

Артем (настоящая фамилия Сергеев) Федор Андреевич (1883 – 1921) – социал демократ с 1901 г., с 1903 г. – большевик. Руководил установлением большевистской власти в Харькове в октябре 1917 г. В 1918 г. – председатель Совнаркома Донецко Криворожской советской республики. В 1920 – 1921 гг. – секретарь Московского комитета партии. Погиб при испытании аэрогаона при возвращении из Тулы в Москву.

360

Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 167 – 173.

361

Чубарьян А.О. Брестский мир. С. 135.

362

Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями: Сборник документов. Т. 2. М., 1957. С. 190 – 191.

363

Седьмой (экстренный) съезд РКП(б). Март 1918 года: Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1962. С. 111.

364

В «Моей жизни» Троцкий описывает этот эпизод несколько иначе, уточняя, что под «добрым миром» Ленин имел в виду не мир с немцами, а блок с Троцким против сторонников революционной войны – левых коммунистов (Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 111).

365

Троцкий Л. О Ленине. С. 82 – 83.

366

Куусинен Отто Вильгельмович (1881 – 1964) – деятель финского социалистического движения, а затем советской компартии. Социал демократ с 1904 г. В 1908 – 1918 гг. депутат финского сейма. В 1921 – 1939 гг. член Исполкома Коминтерна. В 1939 г. был использован советскими властями в качестве руководителя фиктивной Финляндской демократической республики, созданной с провокационной целью ради обоснования агрессии СССР против Финляндии (перспективой являлось ее присоединение к СССР по образу Прибалтийских республик). После провала этого плана стал председателем Президиума Верховного Совета Карело финской (затем Карельской) Автономной ССР. С 1940 г. Куусинену был официально запрещен въезд на территорию Финляндии. В 1957 – 1964 гг. он был членом Президиума ЦК КПСС и секретарем ЦК. Курировал внешнеполитический курс и область идеологии, стремясь несколько приспособить догмы марксизма ленинизма к современным реалиям.

367

См. также: Архив Троцкого. Фонд 13. Т 3742. Троцкий Л. Советская республика и капиталистический мир. Т. 17. Ч. 1. С. 138. Речь на Седьмом съезде Российской коммунистической партии.

368

Trotsky's Papers. 1917 – 1922. The Hague, 1964. vol. 1. С. 138 – 139. То же самое писал Троцкий и в автобиографии (Троцкий. Моя жизнь. Т. 2. Гл. «Переговоры в Бресте» и «Мир»).

369

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.o
Чернин О. Брест Литовск. С. 168.
370
Мирные переговоры в Брест Литовске. Т. 1. С. 156.
371
L\ 'Allemagne et les problemes de la paix. Док. № 207 от 1 февраля по н. ст. 1918
г. Тел. Гертлинга Кюльману.
372
Там же. Док. № 219 от 2 февраля по н. ст. 1918 г. Кюльман в МИД Германии.
373
Там же. Док. № 228 от 6 февраля по н. ст. 1918 г. Тел. Гертлинга Грюнау.
374
Архив Троцкого. Фонд 13. Т 3742. Статья из «Последних новостей» от 2 марта 1921
г. № 5457.
375
L\ 'Allemagne et les problemes de la paix. Док. № 228 от 6 февраля по н. ст. 1918
г. Тел. Гертлинга Грюнау.
376
Цит. по: Майоров М. Борьба советской России... С. 213.
377
L\ 'Allemagne et les problemes de la paix. Док. № 230 от 7 февраля по н. ст. 1918
г. Тел. Кюльмана в МИД Германии.
378
Там же. Док. № 232 от 8 февраля по н. ст. 1918 г. Тел. Кюльмана Гертлингу.
379
Архив Троцкого. Фонд. 13. Т 3742. Статья из «Последних новостей» от 2 марта 1921
г. № 5457.
380
Чубарьян А.О. Брестский мир. С. 137.
381
L\ 'Allemagne et les problemes de la paix. Док. № 231 от 7 февраля по н. ст. 1918
г. Протокол.
382
Майоров М. Борьба советской России... С. 210; Чубарьян А.О. Брестский мир. С. 140
– 141.
383
Муравьев Михаил Артемьевич (1880 – 1918) – подполковник Российской армии,
ставший в 1917 г. левым эсером. Пошел на службу к большевикам. Был начальником
обороны Петрограда во время наступления на город частей генерала Краснова
непосредственно после большевистского переворота. Командовал различными
соединениями Красной армии. Отличался крайней жестокостью. В июле 1918 г.,
будучи командующим Восточным фронтом, изменил большевистской власти, подняв
мятеж в Симбирске. Убит при попытке ареста.
384
Чубарьян А.О. Брестский мир. С. 141.
385
Майоров М. Борьба советской России... С. 211; Чубарьян А.О. Брестский мир. С. 141.
386
Майоров М. Борьба советской России... С. 211.
387
Передержки «культы личности»: в 4 м издании собрания сочинений Ленина, которым
пользуется Майоров, телеграмма подписана «Ленин. Сталин» (Ленин В.И. Сочинения.
4 е изд. Т. 26. С. 471). В 5 м издании сочинений Ленина подпись Сталина под
телеграммой убрали.
388
Майоров М. Борьба советской России... С. 211.
389
Здесь обрывает цитирование Майоров (Там же).
390
Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 332. Курсив – наш.
391
L\ 'Allemagne et les problemes de la paix. Док. № 234 от 9 февраля по н. ст. 1918
г. Тел. Грюнау в МИД Германии.
392
Там же. Док. № 235 от 9 февраля по н. ст. 1918 г. Тел. Кюльмана Гертлингу.
393
L\ 'Allemagne et les problemes de la paix. Док. № 235 от 9 февраля по н. ст. 1918
г. Тел. Кюльмана Гертлингу.
394

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.
Там же. Док. № 240 от 10 февраля по н. ст. 1918 г. Тел. Кюльмана Грюнау.
395
Гофман М. Война упущенных возможностей. С. 186.
396
Fischer L. The Soviets in world Affairs. P. 57.
397
Цит. по: Майоров М. Борьба советской России... С. 211.
398
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 17. Ч. 1. С. 102 – 104.
399
Там же. С. 106.
400
Фокке Д.Г. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии. С. 206.
401
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 17. Ч. 1. С. 105.
402
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 115.
403
L'Allemagne et les problemes de la paix. Док. № 241 от 10 февраля по н. ст.
1918 г. Тел. Кюльмана Гертлингу.
404
Цит. по: Смирнов Н.Н. Третий Всероссийский съезд Советов. История созыва,
состав, работа. Л.: Наука, 1988. С. 104.
405
Архив Троцкого. Фонд 13. Т 3742. Из мемуаров Чернина. С. 412 – 413. «Троцкий
отказывается подписать. Война кончена, а мира нет», – записал Чернин 11 февраля
по н. ст. (Там же); Чернин О. Брест Литовск. С. 173.
406
Гофман М. Война упущенных возможностей. С. 186; Архив Троцкого. Т 3742. П.
Фрелих. К истории германской революции. Т. 1. С. 225.
407
Майоров М. Борьба советской России... С. 215; Чубарьян А.О. Брестский мир. С. 142.
408
Майоров М. Борьба советской России... С. 214 – 215.
409
Там же. С. 215 – 216; Бонч Бруевич В.Д. Вся власть Советам. М., 1964. С. 239.
410
Архив Троцкого. Фонд 13. Т 3742. Л. Ступоченко. Пролетарская революция, 1923.
Кн. 4. С. 97 – 98.
411
Зиновьев Т.Е. Сочинения. Т. 7. Ч. 1. С. 499 – 500.
412
Новые ведомости. 1918. 29 января; Известия. 1918. 31 января; Панцов А.В.
Брестский мир. С. 75 – 76.
413
Чубарьян А.О. Брестский мир. С. 220 – 221.
414
Архив Троцкого. Фонд 13. Т 3742. Статья из «Последних новостей» от 2 марта, №
5457.
415
Германские условия «были отвергнуты советским правительством в лице его
большинства», – писала Измаилович (Измаилович А. Послеоктябрьские ошибки. М.:
Революционный социализм, 1918. С. 12). «казалось, что положение некоторое время
будет устойчивым, что германским генералам не удастся опять возобновить войну с
Россией, – считал Штейнберг (Штейнберг И.З. Почему мы против Брестского мира.
М.: Революционный социализм, 1918. С. 11 – 12).
416
Архив Троцкого. Фонд 13. Т 3742.
417
«Новый поход немецкого империализма в глубь России, – писал Радек, – ввиду его
политической бесцельности и даже опасности, которыми он угрожает немецкому
империализму... невозможен» (Радек К. Брест Литовск // Социал демократ. 1918. 25
января. № 18).
418
Рабинович А. Большевики у власти. С. 232 – 233.
419
Чернин О. Брест Литовск. С. 173.
420

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.
L\ 'Allemagne et les problemes de la paix. Док. № 242 от 11 февраля 1918 г. Тел.
Гертлинга Вильгельму II.
421
Там же. Док. № 246 от 12 февраля 1918 г. Записка Бусше.
422
L\ 'Allemagne et les problemes de la paix. Док. № 248 от 13 февраля 1918 г. Тел.
Кюльмана в МИД Германии.
423
Там же. Док. № 250 от 13 февраля 1918 г. Тел. Радовица в МИД Германии.
424
Там же. Док. № 253 от 15 февраля. Тел. Веделя в МИД Германии.
425
Там же. Док. № 255 от 16 февраля 1918 г. Тел. Бусше в штаб квартиру
главнокомандования войск Восточного фронта.
426
L\ 'Allemagne et les problemes de la paix. Док. № 258 от 17 февраля 1918 г. Тел.
Шюлера в МИД Германии.
427
Там же. Док. № 260 от 18 февраля 1918 г. Тел. Кюльмана Шюлеру.
428
24 февраля Э. Зейдлер публично подтвердил в палате общин, что «Австрия не
участвует в военных действиях, предпринятых Германией против России». Только
несколько позже, под влиянием успеха немцев и из за боязни остаться без
украинского хлеба, австрийские войска оккупировали город порт Одессу с
подступающими железными дорогами. (Седьмой /экстренный/ съезд РКП(б). С. 375;
Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой
съезд. Март 1918 года / Под ред. Д. Кина и В. Сорина. М.; Л., 1928. С. 266;
Гофман М. Война упущенных возможностей. С. 190; Орлов Г.А. Брест Литовский мир и
день основания Красной армии // Русская мысль. 1958. 25 марта.)
429
Седьмой (экстренный) съезд РКП(б), речь Радека. С. 59 – 60.
430
L\ 'Allemagne et les problemes de la paix. Док. № 263 от 19 февраля 1918 г. Тел.
Бусше в германское посольство в Вене.
431
Там же. Док. № 270 от 19 февраля 1918 г. Нота посольства Австро Венгрии в
Берлине.
432
Там же.
433
Ломов А. (настоящие фамилия, имя и отчество Оппоков Георгий Ипполитович) (1888 –
1938) – социал демократ с 1903 г., большевик. Нарком юстиции в первом советском
правительстве. В 1918 – 1931 гг. занимал различные партийные и государственные
посты. В 1931 – 1933 гг. – заместитель председателя Госплана СССР, в 1933 – 1937
гг. – член Комиссии советского контроля при Совнаркоме СССР. Арестован во время
Большого террора и расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда
СССР.
434
Крестинский Николай Николаевич (1888 – 1938) – советский партийный и
государственный деятель. Социал демократ с 1903 г., большевик. В 1918 – 1921 гг.
нарком финансов РСФСР. В 1919 – 1921 гг. член Политбюро и секретарь ЦК РКП(б). С
1921 г. на дипломатической работе. Был полпредом в Германии. В 1930 – 1937 гг.
заместитель наркома иностранных дел СССР. В 20 х гг. был близок с Л.Д. Троцким,
но в оппозиционном движении не участвовал. Один из обвиняемых на провокационном
судебном процессе по делу правотроцкистского блока в марте 1938 г. Единственный
из подсудимых, попытавшийся опровергнуть нелепые обвинения. Приговорен к
смертной казни и расстрелян.
435
Смилга Ивар Тенисович (1882 – 1938) родился в Лифляндской губернии в семье
лесника. Социал демократ с 1907 г., большевик. В 1917 – 1921 гг. служил в
Красной армии, был членом Реввоенсоветов фронтов. После войны являлся членом
президиума Высшего совета народного хозяйства, заместителем председателя
Госплана СССР. В 1925 – 1927 гг. – ректор Института народного хозяйства имени
Г.В. Плеханова. Участник объединенной оппозиции в ВКП(б) 1926 – 1927 гг. В
декабре 1927 г. был исключен из ВКП(б) и сослан. В 1930 г. после покаянного
заявления восстановлен в партии и возвращен из ссылки. Работал заместителем
начальника Мобилизационного управления ВСНХ СССР. В 1935 г. арестован.
Расстрелян во время Большого террора.

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo. o
436
Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 194 – 195; протоколы съездов и конференций. С. 268. Поскольку Ленин вновь потерпел поражение, протокол оказался в «ненайденных».

437
Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 200 – 201, 204 – 205.

438
Переписка секретариата ЦК РСДРП(б). Т. 2. С. 220 – 221.

439
Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1959. С. 106; L\ 'Allemagne et les problemes de la paix. Док. № 263 от 19 февраля 1918 г. Тел. Бусше в германское посольство в Вене.

440
Fischer L. The Soviets in world Affairs. A History of the Relations between the Soviet Union and the Rest of the world, 1917 – 1929. vol. 1. Princeton, 1951. P. 61.

441
Авторханов А. Происхождение партократии. Т. 1. Франкфурт на Майне: Посев, 1973. С. 448 – 449.

442
Орлов Г.А. Брест Литовский мир и день основания Красной армии.

443
Протоколы съездов и конференций. С. 258.

444
Чубарьян А.О. Брестский мир. С. 174.

445
Подбельский Вадим Николаевич (Папиевич) (1887 – 1920) – социал демократ с 1905 г. Один из руководителей Октябрьского переворота 1917 г. в Москве. В 1918 – 1920 гг. нарком почт и телеграфов РСФСР.

446
Орлов Г.А. Брест Литовский мир и день основания Красной армии.

447
L\ 'Allemagne et les problemes de la paix. Док. № 278 от 21 февраля 1918 г. Тел. Шюлера в МИД Германии.

448
Гофман М. Война упущенных возможностей. С. 190.

449
L\ 'Allemagne et les problemes de la paix. Док. № 278 от 21 февраля 1918 г. Тел. Шюлера в МИД Германии.

450
Социал демократ. 1918. 20 февраля. № 28.

451
Майоров М. Борьба советской России... С. 221; Чубарьян А.О. Брестский мир. С. 170.

452
«Мы сделали ложный шаг» / Публ. Мурина Ю. // Источник. 1993. № 5 – 6. С. 80.

453
Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 81.

454
Дыбенко Павел Ефимович (1889 – 1938) – социал демократ с 1912 г., большевик. Подвергался арестам. С апреля 1917 г. председатель Центрального комитета Балтийского флота (Центробалта). Член Комитета по военным и морским делам в первом составе Совнаркома РСФСР (нарком по морским делам). В годы Гражданской войны командовал соединениями Красной армии. После войны занимал различные воинские посты. С 1928 г. командовал войсками военных округов. В январе 1938 г. уволен из армии и назначен наркомом лесной промышленности. В феврале 1938 г. арестован и в июле того же года расстрелян.

455
Соловьев О.Ф. Великий Октябрь и его противники. М., 1968. С. 109.

456
Прошьян Прош Перчевич (1883 – 1918) – российский политический деятель, с 1903 г. – эсер. Подвергался арестам, находился в эмиграции. Возвратился в Россию после февральской революции 1917 г. и стал одним из руководителей левой фракции в Партии социалистов революционеров, а затем одним из лидеров Партии левых эсеров. С декабря 1918 г. – нарком почт и телеграфов РСФСР. Вышел из правительства в марте 1918 г. в знак протеста против подписания Брестского мирного договора. После спровоцированного большевиками левоэсеровского выступления в июле 1918 г. ушел в подполье. Скончался от тифа.

457

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.
458
Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. С. 354.
459
Правда. 1918. 22 февраля.
460
Седьмой (экстренный) съезд РКП(б). С. 313. Эта резолюция была подтверждена 28 февраля (Там же. С. 318).
461
Протоколы съездов и конференций. С. 268.
462
Лашевич Михаил Михайлович (1884 – 1928) участвовал в социал демократическом движении с 1901 г. Военной подготовки и образования не имел, но с 1918 г. находился на руководящих постах в Красной армии, проявив определенные военные способности. В 1925 – 1926 гг. был заместителем наркома по военным и морским делам, затем заместителем начальника Китайско Восточной железной дороги. Участник объединенной оппозиции 1926 – 1927 гг. Был исключен из партии в декабре 1927 г. Попал в автомобильную катастрофу и после неудачной операции умер в Харбине.
463
Гусев Сергей Иванович (настоящие фамилия, имя и отчество Драбкин Яков Давидович) (1874 – 1933) – участник социал демократического движения с 1895 г., с 1903 г. большевик. В 1910 г. отошел от партийной деятельности, работал секретарем редакции «Военной энциклопедии», издававшейся И.Д. Сытиным. В 1917 г. возобновил участие в большевистской партии. Во время Октябрьского переворота являлся секретарем Петроградского военно революционного комитета. В Гражданскую войну занимал командные и политические должности в Красной армии. В 1921 – 1923 гг. член Реввоенсовета республики. В 1923 – 1925 гг. нарком Рабоче крестьянской инспекции. В 1925 – 1926 гг. заведовал отделом печати ЦК ВКП(б). С 1928 г. являлся руководителем Среднеевропейского секретариата Исполкома Коминтерна. В 1929 – 1933 гг. член Президиума Исполкома Коминтерна.
464
Еремеев Константин Степанович (1874 – 1931) – советский государственный и партийный деятель, рабочий. Член социал демократической организации с 1896 г. Сотрудник газеты «Звезда» и «Правда». После февральской революции 1917 г. – член Бюро ЦК РСДРП. В октябре 1917 г. – член Петроградского ВРК. В 1922 – 1928 гг. – редактор «Рабочей газеты» и журнала «Крокодил». В 1924 – 1925 гг. – член РВС СССР, член ЦКК.
465
Седьмой (экстренный) съезд РКП(б). С. 377.
466
Соловьев О.Ф. Великий Октябрь и его противники. С. 109.
467
Протоколы съездов и конференций. С. 268.
468
Там же. С. 262; Майоров М. Борьба советской России... С. 223.
469
Правда. 1918. 22 февраля. № 32.
470
Смирнов Владимир Михайлович (1887 – 1937) – советский партийный деятель, один из лидеров группы демократического централизма (децистов). В 1926 г. принял участие в объединенной оппозиции, но в октябре того же года порвал с ней из за тактических разногласий. Высказывался за организацию в СССР второй партии. В декабре 1927 г. исключен из ВКП(б), а затем сослан в Тобольский округ. В ссылке был арестован за пятиминутное опоздание на регистрацию, но вскоре освобожден. Позже подвергался новым арестам и ссылке. В последний раз арестован в 1935 г. на месте ссылки. Расстрелян без суда.
471
Стуков Иннокентий Николаевич (1887 – 1936) – социал демократ с 1905 г., большевик. После Октябрьского переворота 1917 г. являлся секретарем Уфимского губкома партии. В 1919 – 1920 гг. – редактор журнала «Советская Сибирь». Затем работал в Москве, был заведующим отделом обкома партии. Участвовал в объединенной оппозиции 1926 – 1927 гг. Был исключен из партии и сослан. После покаяния возвращен из ссылки и восстановлен в партии. Занимал низовые должности. В середине 30 х гг. работал начальником сектора Наркомата финансов СССР. Арестован и расстрелян во время Большого террора.
472
Бронский М.Г. (псевдонимы Браун, Варшавский) (1882 – 1941) – член Социал демократической партии Польши и Литвы с 1902 г., позже – большевик. В 1918 г. недолгое время являлся наркомом торговли и промышленности РСФСР. В начале 1918

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo. 0
г. входил в группу левых коммунистов. С 1920 г. – полпред и торгпред в Австрии. В следующие годы – на научной работе. Был старшим научным сотрудником Института экономики АН СССР. Автор ряда книг и соавтор справочных изданий по мировой экономике. Арестован и расстрелян по «сталинскому списку».

472

Яковлева Варвара Николаевна (1884 или 1885 – 1941) – социал демократка с 1904 г., член большевистской фракции. Участница вооруженного восстания в Москве в декабре 1905 г. Подвергалась арестам и ссылкам, находилась в эмиграции. После Октябрьского переворота 1917 г. работала в ВЧК, являлась начальником отдела по борьбе с преступлениями по должности, исполняла обязанности заместителя председателя ВЧК. В следующие годы работала в ЦК РКП(б), была управляющей делами Высшего совета народного хозяйства. В 1929 – 1937 гг. – нарком финансов РСФСР. Арестована в 1937 г. и в 1938 г. приговорена к 20 годам тюремного заключения. Расстреляна вместе с другими политзаключенными Орловской тюрьмы по приказу Сталина, оформленному постановлением Государственного комитета обороны СССР, в сентябре 1941 г.

473

Спунде Александр Петрович (1892 – 1962) – социал демократ с 1909 г., большевик. Вел партийную работу в Риге. В 1917 г. – член бюро Пермского, а затем Уральского комитета РСДРП(б). После Октябрьского переворота – товарищ главного комиссара Госбанка в Петрограде, временно исполнял обязанности комиссара. Затем на партийной и административной работе в различных городах. В 1926 – 1930 гг. – член правления Госбанка, член коллегии Наркомата финансов. С 1931 г. персональный пенсионер.

474

Текст германского ультиматума от 21 февраля (дата написания) опубл. в: Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 112 – 113; см. также: L\ 'Allemagne et les problemes de la paix. Док. № 271 от 19 февраля 1918 г. Тел. Бусше в германское посольство в Вене.

475

Гофман М. Записки и дневники, 1914 – 1918. Л.: Красная газета, 1929. С. 240.

476

Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 211 – 212.

477

Там же. С. 212 – 213, 215.

478

Там же. С. 216 – 218.

479

Преображенский Евгений Алексеевич (1887 – 1936) – участник социал демократического движения с 1903 г., большевик. В 1920 – 1921 гг. секретарь ЦК РКП(б). Высказывался за демократизацию партийного аппарата, в связи с чем возник его конфликт с Г.Е. Зиновьевым. С 1921 г. на хозяйственной работе. Экономист, социолог. Член главной редакции Большой советской энциклопедии. Выдвинул теорию «первоначального социалистического накопления», согласно которой социалистическая индустриализация должна была проводиться за счет взимания «дани» с крестьянства. Участник объединенной оппозиции 1926 – 1927 гг. В августе 1927 г. был исключен из ВКП(б) по обвинению в организации нелегальной типографии. В январе 1928 г. сослан в Уральск. В 1929 г. после покаянного заявления восстановлен в партии. Позже опять исключался и восстанавливался. Арестован после судебного процесса по делу объединенного троцкистско зиновьевского центра в 1936 г. Отказался дать признательные показания и был расстрелян без суда.

480

Сафаров Георгий Иванович (1891 – 1942) – социал демократ с 1908 г., большевик. После Октябрьского переворота 1917 г. находился на партийной работе в Екатеринославе, затем в Туркестане. С лета 1920 г. член Туркестанского бюро ЦК РКП(б). В 1922 – 1924 гг. – член Исполкома Коминтерна, заведующий его Восточным отделом. В конце 1925 г. входил в оппозиционную группу Зиновьева и Каменева, в 1926 – 1927 гг. – в объединенную оппозицию. В конце 1927 г. исключен из партии и сослан в Ачинск. В ноябре 1928 г. после подачи покаянного заявления возвращен из ссылки и восстановлен в партии. В 1930 – 1934 гг. снова заведовал Восточным отделом Исполкома Коминтерна. Арестован после убийства Кирова и приговорен к ссылке. Вновь арестован во время Большого террора и приговорен к пятилетнему заключению. Находился в концлагере в Воркуте, где был расстрелян.

481

«Тогда не было в советской республике ни одной социалистической партии, которая бы не одобрила» в Бресте формулу Троцкого, писал левый эсер И. Штейнберг. «В Центральном Исполнительном комитете ни одна рука не поднялась против резолюции,

- в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский *filosoff.* о
которая одобряла действия нашей делегации» (Штейнберг И.З. Почему мы против
Брестского мира. С. 12).
482
Протоколы съездов и конференций. С. 262. Возможно, что двое из тех 26 были
анархистами.
483
Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 147. С. 490. Примеч.
484
Майоров М. Борьба советской России... С. 230 – 231.
485
L'Allemagne et les problemes de la paix. Док. № 289 от 24 февраля. Тел.
Лернера в МИД Германии.
486
Петровский Григорий Иванович (1878 – 1958) – социал демократ с 1897 г. С 1903 г.
– большевик. В 1919 – 1938 гг. – председатель Всеукраинского центрального
исполнительного комитета. В 1926 – 1939 гг. – кандидат в члены Политбюро ЦК
ВКП(б). В связи с арестом, а затем расстрелом сына Петровский был отстранен от
всех постов. В последние годы жизни работал заместителем директора Музея
революции СССР.
487
Боголепов Дмитрий Петрович (1895 – 1941) – юрист и экономист, социал демократ с
1907 г. С 1913 г. приват доцент Московского университета. В 1917 г.
присоединился к большевикам. Участвовал в подготовке Октябрьского переворота в
Москве. В 1917 – 1918 гг. – помощник наркома финансов. В 1918 г. – член
конституционной комиссии. Затем занимал ряд постов в финансово экономическом
государственном аппарате и вел преподавательскую и научную работу. Автор ряда
книг по финансовым вопросам.
488
Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 223 – 224.
489
«Мы сделали ложный шаг» // Источник. 1993. № 5 – 6. С. 81.
490
Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 219 – 228.
491
Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 382.
492
Чубарьян А.О. Брестский мир. С. 171.
493
L'Allemagne et les problemes de la paix. Док. № 300 от 28 февраля 1918 г. Тел.
Розенберга в МИД Германии.
494
Там же. Док. № 305 от 2 марта 1918 г. Тел. Розенберга Кюльману в Бухарест.
495
Там же. Док. № 307 от 3 марта 1918 г. Тел. Розенберга в МИД Германии; Гофман М.
Война упущенных возможностей. С. 188.
496
Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 119.
497
Baumgart W. Brest Litovsk and the «Reasonable» Peace Treaty. С. 66.
498
Свердлова К.Т. Яков Михайлович Свердлов. С. 316; Седьмой (экстренный) съезд
РКП(б). С. 370.
499
Осинский (настоящая фамилия Оболенский) Валериан Валерианович (1887 – 1938) –
социал демократ с 1907 г., большевик. До 1917 г. подвергался арестам, был в
эмиграции. После Октябрьского переворота был председателем Государственного
банка РСФСР и председателем Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ). Один из
руководителей группы демократического централизма. В 20 х гг. занимал различные
должности в области хозяйственного руководства, в частности был начальником
Центрального статистического управления СССР, затем являлся директором Института
истории науки и техники Академии наук СССР. Избран академиком. Арестован и
расстрелян во время Большого террора.
500
Зиновьев И.Е. Сочинения. Т. 7. Ч. 1. С. 516.
501
Warth R. Soviet Russia in world Politics. New York, 1963. P. 51.
502
Sadoul J. Notes sur la Revolution Bolchevique. Paris, 1920. P. 115.

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.

503

Архив Троцкого. Фонд 13. Т 3742. Статья из «Последних новостей» от 2 марта 1921 г. № 5457. Слезы Троцкого. С. 2.

504

Bolsheviks Propaganda. Hearings before a Subcommittee of the Judiciary Committee of the United States Senate. Sixty Fifth Congress. Washington, 1919. P. 785 – 789.

505

Локкарт Р. Буря над Россией. Исповедь английского дипломата. Рига, 1933. С. 213.

506

Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 208.

507

Чубарьян А.О. Брестский мир. С. 181.

508

Локкарт Р. Буря над Россией. С. 213.

509

Bolsheviks Propaganda. P. 800. Сокращенный перевод на русский см. в: Октябрьская революция перед судом американских сенаторов. М.; Л., 1927.

510

Cumming C.K., Pettii W.W. Russian American Relations. March 1917 – March 1920. Documents and Papers. New York, 1920. P. 83.

511

«В случае, если Всероссийский съезд Советов откажется ратифицировать мирный договор с Германией или если германское правительство, нарушив мирный договор, возобновит наступление с целью продолжать свой грабительский набег, или если советское правительство вынуждено будет действиями Германии отказаться от мирного договора, до или после его ратификации, и возобновить военные действия, – во всех этих случаях для военных и политических планов советской власти в высшей степени важно получить ответ на следующие вопросы: 1. Может ли советское правительство рассчитывать на поддержку США, Великобритании и Франции в его борьбе против Германии? 2. Какого рода поддержка может быть оказана в ближайшем будущем и каким образом: военным снаряжением, транспортными средствами, субсидиями и продовольствием? 3. Какого рода поддержка может быть оказана самими США? Если бы Япония в силу открытого или тайного соглашения с Германией или без такового соглашения попыталась захватить Владивосток и Восточно Сибирскую ж. д., что угрожало бы отрезать Россию от Тихого океана и серьезно помешало бы сосредоточению советских войск на Урале – в таком случае, какие шаги будут предприняты другими союзниками, в частности США, для предупреждения японской вылазки на нашем Дальнем Востоке... В каких размерах, по мнению США, при вышеупомянутых обстоятельствах, могла бы быть обеспечена помощь Великобритании через Мурманск и Архангельск? Какие шаги могло бы предпринять правительство Великобритании, чтобы обеспечить эту свою помощь?» (Cumming C.K., Pettii W.W. Russian American Relations. P. 81 – 82. Цит. по: Документы внешней политики. Т. 1. С. 208 – 209).

512

Робинс утверждает, что нота была одобрена Лениным и передана в США с его согласия (Bolsheviks Propaganda. P. 800). Очевидно, что это не так. По крайней мере, не Ленин был ее автором, из чего следует, что он не был и ее инициатором (в противном случае Ленину поручили бы написать проект, и текст ноты был бы включен в его собрание сочинений). В «Документах внешней политики СССР» нота эта дана в переводе с английского по вышедшей в 1920 г. в США книге. На русском языке текста ноты не существовало; составлена она была сразу на английском, вероятно во время встречи Троцкого с представителями союзников 5 марта.

513

Kenan G. Russia and the west under Lenin and Stalin. 1961. P. 56.

514

Уже после ратификации съездом Брестского мира, 21 марта, французский консул в Москве Гренар телеграфировал в Париж, что Троцкий официально обратился к нему «за помощью французской военной миссии для реорганизации русской армии». В ответной телеграмме, 1 апреля, министр иностранных дел Франции Пишон советовал не торопиться и соблюдать осторожность, так как образование Красной армии, очевидно, способствовало укреплению советской власти. 13 мая против сотрудничества с Советами в принципе высказался и французский Генеральный штаб (Архив Троцкого. Фонд 13. Т 3742. Статья из «Последних новостей» от 2 марта. № 5457).

515

Ленин В.И. Сочинения. 4 е изд. Т. 27. С. 57.

516

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.
Седьмой (экстренный) съезд РКП(б). С. 235. С. 191.
517
Протоколы съездов и конференций. С. VIII, 1, 4, 8; Седьмой (экстренный) съезд
РКП(б). С. 21, 192, 357; История коммунистической партии Советского Союза: В 6
т. Т. 3. Кн. 1. М., 1967. С. 180.
518
Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 121 – 122.
519
Rauch G. von. A History of Soviet Russia. 6th ed. New York, 1976. P. 76;
Чубарьян А.О. Брестский мир. С. 189 – 190 (статистические данные, указанные
Раухом и Чубарьяном, несколько расходятся); Труды I Всероссийского съезда
Советов народного хозяйства. 26 мая – 4 июня 1918 г.: Стенографический отчет.
М., 1918. С. 15. Выступление К. Радека.
520
Седьмой (экстренный) съезд РКП(б). С. 33 – 50, 101 – 103.
521
Там же. С. 109 – 114.
522
Там же. С. 41 – 44.
523
Седьмой (экстренный) съезд РКП(б). С. 49 – 51.
524
Там же. С. 57 – 61.
525
Седьмой (экстренный) съезд РКП(б). С. 76, 88 – 89.
526
Архив Троцкого. Фонд 13. Т 3742. Л. Троцкий. Т. 17. Ч. 1. С. 138. Речь на
Седьмом съезде Российской коммунистической партии.
527
Седьмой (экстренный) съезд РКП(б). С. 65 – 69, 71 – 72.
528
До этого предела большевики действительно не доходили очень долго. По мирному
договору советское правительство обязано было заключить мир с Украинской радой.
Но переговоры о мире не состоялись. В апреле 1918 г. оккупационные германские
войска заменили Раду правительством гетмана П.П. Скоропадского. И только с ним
23 мая большевики начали мирные переговоры, а 14 июня подписали перемирие.
529
Предсмертное письмо А.А. Иоффе см. в: Троцкий Л. Портреты революционеров / Сост.
Ю. Фельштинский. Бенсон, Вермонт: Изд во Чалидзе, 1988. С. 397 – 398.
530
Ленин В.И. ПСС. Т. 36. С. 30.
531
Седьмой (экстренный) съезд РКП(б). С. 134 – 135, 137.
532
Там же. С. 77 – 78.
533
Седьмой (экстренный) съезд РКП(б). С. 170.
534
Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. С. 409.
535
Правда. 1918. 12 марта.
536
Ленин В.И. Неизвестные документы. С. 229. Еще 29 января постановлением
Совнаркома Чичерин был предусмотрительно назначен заместителем Троцкого с
предоставлением ему решающего голоса в правительстве в случае отсутствия
Троцкого (Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. С. 308). Однако
тогда термин «заместитель» означал «помощник», теперь же ему, несмотря на
добавление «временный», был придан смысл «преемник».
537
История СССР с древнейших времен до наших дней: В 2 сер., в 12 т. Т. 7. М.,
1967. С. 347. Встречаются и иные сведения: 1232 делегата, в том числе 795
большевиков и 283 левых эсеров.
538
Архив Гуверовского института. Коллекция Б.И. Николаевского. Ящик 623. Папка 49.
539
Рабинович А. Большевики у власти. С. 321.
540
Кольцов (настоящая фамилия Фридлянд) Михаил Ефимович (1898 – 1940) – советский

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский *filosoff.o*
журналист. Член РКП(б) с 1918 г. Во время гражданской войны служил в Красной
армии и сотрудничал в киевских и одесских газетах. В начале 20 х гг. недолгое
время работал в отделе печати Наркоминдела РСФСР. Был корреспондентом ряда
периодических изданий, в том числе газеты «Правда» (1922 – 1938). Активно
выступал в жанре политического фельетона. Основатель и редактор журнала
«Огонек». Делегат ряда международных конгрессов в защиту культуры. Член
корреспондент АН СССР с 1938 г. В том же году был арестован, а затем расстрелян.
541
Обычное написание названия города – Китеж.
542
Кольцов М. Красный Китеж. Троцкий // Куранты искусства, литературы, театра и
общественной жизни (Киев), 1918. Сентябрь. № 8. С. 8 – 9.
543
Известия. 1918. 16 марта.
544
Ленин В.И. Неизвестные документы. С. 229.
545
Войтиков С.С. Развитие взглядов высшего руководства Советской России на военное
строительство в ноябре 1917 – марте 1918 г. // Вопросы истории. 2007. № 10. С. 3
– 8.
546
Fischer L. The Soviets in world Affairs (1930). P. 69.
547
Менжинский Вячеслав Рудольфович (1884 – 1934) – социал демократ с 1902 г. По
профессии юрист. Выступал также как поэт и художник, но сколько нибудь
значительных способностей не проявил. В 1917 – 1919 гг. нарком финансов РСФСР. С
1919 г. служил в ВЧК. С 1923 г. – заместитель председателя, с 1926 г. –
председатель Объединенного государственного политического управления (ОГПУ),
пришедшего на смену ВЧК в качестве органа политического сыска и террора. В связи
с плохим состоянием здоровья, а также полным равнодушием к делам (он проводил
дни лежа на диване и читая книги на многих языках, а также сочиняя стихи) отошел
от дел. Фактическим руководителем ведомства уже при его жизни стал заместитель
председателя ОГПУ Г.Г. Ягода.
548
Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. С. 31 – 32, 42.
549
Бонч Бруевич Михаил Дмитриевич (1870 – 1956) – российский и советский военный
деятель. С 1914 г. генерал. Во время Первой мировой войны занимал различные
высшие штабные должности. Являлся одним из первых кадровых офицеров высокого
ранга, перешедших на службу большевистской власти. В конце 1917 – начале 1918 г.
был начальником штаба Верховного главнокомандующего. Затем председатель Высшего
военного совета. В 1919 – 1923 гг. руководил геодезическим управлением, затем
был уволен в запас. В 1931 г. арестован, однако вскоре освобожден за отсутствием
состава преступления. В 1944 г. Бонч Бруевичу было присвоено звание генерал
лейтенанта.
550
Молодцыгин М.А. Красная Армия. Рождение и становление. 1917 – 1920. М.:
Российская академия наук, Институт российской истории, 1997. С. 80 – 84.
551
Заменив Подвойского Троцким, Совнарком направил последнего на пост наркома по
военным делам Украинской ССР. В результате появился курьезный документ – письмо
«наркомвоенкома Подвойского наркомвоенту Троцкому» от 8 августа 1918 г., в
котором вносились предложения о формировании полевых штабов и организации линий
обороны (The Trotsky's Papers. Vol. 1. P. 66).
552
Войтиков С.С. Развитие взглядов высшего руководства Советской России на военное
строительство... С. 9.
553
Троцкий Л. О Ленине. С. 106.
554
Известия. 1918. 5 марта.
555
Мехоношин Константин Александрович (1889 – 1938) участвовал в революционном
движении с 1906 г., не занимая определенной позиции. В 1913 г. примкнул к
большевикам. С 1915 г. в армии, служил рядовым в запасном батальоне в
Петрограде. С 1917 г. член военной организации при ЦК РСДРП(б). В 1918 – 1919
гг. член Реввоенсовета республики и Реввоенсовета Южного фронта. В 1921 – 1926
гг. заместитель начальника и начальник Всевобуча (организации всеобщего военного

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский (философия обучения населения). С 1927 г. занимал различные хозяйственные должности. С 1934 г. директор Всесоюзного научно исследовательского института океанографии и морского хозяйства. Арестован и расстрелян во время Большого террора.

556

Реввоенсовет (РВС) был образован на основании постановления ВЦИК от 2 сентября о превращении республики в «военный лагерь». 30 сентября ВЦИК утвердил положение о Реввоенсовете, разработанное Троцким и его помощниками, на основании которого к этому органу переходили права коллегии Наркомата по военным делам, а с 23 декабря и коллегии по морским делам. Председатель РВС подлежал утверждению ВЦИКом. В качестве подчиненных РВС органов создавались управление делами, полевой штаб, Всеросглавштаб, Всероссийское бюро военных комиссаров, Высшая военная инспекция и др. Учреждалась должность главнокомандующего вооруженными силами республики, который входил в состав РВС, но формально пользовался полной самостоятельностью в решении оперативно стратегических вопросов. В то же время его приказы подписывались в обязательном порядке также еще одним из членов РВС. Помимо председателя РВС, в качестве которого был утвержден Троцкий (он, таким образом, стал наркомом не только по военным, но и по морским делам), его заместителей и главкома, число членов этого органа часто менялось от 2 до 13 человек. Всего за время существования РВС (он был ликвидирован в 1934 г.) членами его являлись 52 военных и политических деятеля.

557

Троцкий Л. Склянский погиб // Правда. 1925. 29 августа.

558

Правда. 1925. 23 сентября.

559

Правда. 1918. 21 марта; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 17. Ч. 1. С. 227 – 231.

560

Известия. 1918. 24 марта; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 17. Ч. 1. С. 232 – 234.

561

Известия. 1918. 23 марта; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 17. Ч. 1. С. 234 – 236.

562

Известия. 1918. 23, 24 апреля; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 17. Ч. 1. С. 236 – 262.

563

Протоколы заседаний ВЦИК IV созыва: Стенографический отчет. М., 1920. С. 171.

564

Муралов Николай Иванович (1877 – 1937) – социал демократ с 1903 г., большевик. В 1918 г. стал командующим Московским военным округом. В следующие годы занимал другие ответственные посты в Красной армии. В 1925 – 1927 гг. – начальник военно морской инспекции СССР. Участник объединенной оппозиции 1926 – 1927 гг. Исключен из партии на XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г. и в начале 1928 г. сослан в Тару. Позже покаялся и занимал ряд мелких административных постов на периферии (в частности, в Новосибирске). Был одним из обвиняемых на судебном процессе по делу параллельного антисоветского троцкистского центра в январе 1937 г., приговорен к смертной казни и расстрелян.

565

Вацетис И.И. Июльское восстание в Москве 6 и 7 июля 1918 г. // Память: Сборник. Т. 2. М., 1977; Париж, 1979. С. 53, 24 – 25. Вацетис Иоаким Иоакимович (1873 – 1938) – российский и советский военный деятель. Полковник с 1915 г. После Октябрьского переворота вместе с Земгалыским полком, которым он командовал, перешел на сторону большевиков. Был назначен командиром латышской стрелковой дивизии. В 1918 – 1919 гг. главнокомандующий Вооруженными силами РСФСР. Затем на преподавательской работе в Военной академии Красной армии. Арестован во время Большого террора и расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

566

Известия. 1918. 22 мая; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 17. Ч. 2. С. 263.

567

Известия. 1918. 8 июня; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 17. Ч. 1. С. 264 – 269.

568

Буденный Семен Михайлович (1883 – 1973) – советский военный деятель. Участник Русско японской и Первой мировой войн, кавалер Георгиевских крестов. Член РКП(б) с 1919 г. Во время Гражданской войны командир конного корпуса, а затем Первой конной армии. В 1924 – 1937 гг. инспектор кавалерии Красной армии. Маршал Советского Союза (1935). В 1939 – 1941 гг. заместитель, а затем первый заместитель наркома обороны. В первый период советско германской войны назначался командующим фронтами, но проявил полную неспособность руководить войсками. После войны занимал различные почетные должности, не связанные с

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo. исполнением реальных функций.

569

Цюрупа Александр Дмитриевич (1870 – 1928) – социал демократ с 1898 г. с 1903 г. большевик. После Октябрьского переворота 1917 г. заместитель наркома, а затем нарком продовольствия. С 1921 г. заместитель председателя Совнаркома РСФСР (затем СССР). Одновременно в 1922 – 1923 гг. нарком рабоче крестьянской инспекции. В 1923 – 1925 гг. председатель Госплана, в 1925 – 1926 гг. нарком внутренней и внешней торговли СССР.

570

Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 101.

571

Известия. 1918. 27 июня; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 17. Ч. 1. С. 289 – 291, 700.

572

Блюмкин Яков Григорьевич (1898 – 1929) – сотрудник ВЧК ОГПУ. Член Партии левых социалистов революционеров с 1917 г. С июня 1918 г. работал в ВЧК. 6 июля 1918 г. участвовал в убийстве германского посла в Москве графа Мирбаха. После подавления выступления левых эсеров скрывался, затем выехал в Украину, где вошел в левоэсеровскую боевую организацию. Принимал участие в подготовке покушения на гетмана П. Скоропадского, был одним из организаторов повстанческого движения против петлюровцев. Весной 1919 г. явился с повинной в ВЧК и был амнистирован Президиумом ВЦИКа. Участник Гражданской войны на Южном фронте. В 1920 г. комиссар штаба Красной армии Гилянкой советской республики (Северный Иран), вступил в Персидскую коммунистическую партию. С 1921 г. член РКП(б). С 1922 г. работал в секретариате Наркомата по военным и морским делам, сблизился с Л.Д. Троцким. В 1923 г. перешел на службу в Иностранный отдел ОГПУ. Работал по линии ОГПУ в Палестине, на Кавказе, в Монголии, Китае. В 1925 – 1926 гг. сотрудник Наркомата торговли. В 1928 – 1929 гг. резидент советской разведки на Ближнем Востоке. Сочувствовал объединенной оппозиции в ВКП(б). В 1929 г. тайно встретился с высланным в Турцию Троцким, взялся перевезти в СССР его письмо, адресованное оппозиционерам. По возвращении в Москву был арестован, осужден коллегией ОГПУ за «измену» и расстрелян.

573

Андреев Николай Андреевич (1890 – 1919) – левый эсер, фотограф в ВЧК. Совместно с Я. Блюмкиным осуществил убийство посла Германии в Москве Мирбаха. После этого бежал на Украину, планируя убить гетмана Скоропадского, но, изменив свои намерения, присоединился к Н.И. Махно. Умер от сыпного тифа.

574

Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов: Стенографический отчет. М., 1918. С. 22 – 23, 30.

575

Фельштинский Ю. Крушение мировой революции. С. 432 – 458; Он же. Вожди в законе. М.: Терра, 2008. С. 130 – 178.

576

Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 17. Ч. 1. С. 294 – 312.

577

Рабинович А. Досье Щастного. Троцкий и дело героя Балтийского флота // Отечественная история. 2001. № 1. С. 78.

578

Известия ВЦИК. 1918. 22 июня.

579

Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 17. Ч. 1. С. 329.

580

Об этом нарком писал в заметках «Военные специалисты и Красная армия» на железнодорожной станции Лиски новогодним вечером 31 декабря 1918 г. Заметки в то время не были опубликованы (Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 17. Ч. 1. С. 363).

581

Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 17. Ч. 1. Примеч. 237. С. 707.

582

Там же. С. 352 – 360.

583

Троцкий писал о нем: «Муравьев был прирожденным авантюристом. В этот период (имеется в виду подавление выступления Керенского – Краснова. – Авт.) он считал себя левым эсером (левое эсерство было тогда прикрытием для многих пролаз, желавших примазаться к советскому режиму, но не решавшихся наложить на себя тяжелое бремя большевистской дисциплины)... Хлестаков и фанфарон, Муравьев не лишен был, однако, некоторых военных дарований: быстроты соображения, дерзости, умения подойти к солдату и ободрить его» (Правда. 1919. 30 октября).

584

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo. Известия. 1918. 12 июля; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 17. Ч. 1. С. 487.

585

После снятия с поста главнокомандующего Вацетис некоторое время служил в Реввоенсовете, а затем был переведен на преподавательскую работу в Военную академию Красной армии. Он был арестован и расстрелян во время Большого террора.

586

Краснов В.Г., Дайнес В.О. Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт: Документы. Мнения. Размышления. М.: ОЛМА ПРЕСС, 2000. С. 28, 35.

587

Блохин Петр Александрович (1880 – ?) – российский военный деятель, генерал лейтенант. Участвовал в Гражданской войне в составе антибольшевистских воинских формирований на востоке страны. В 1919 г. командовал Сибирским казачьим полком, затем – сводной казачьей бригадой. Являлся заместителем войскового атамана Сибирского казачьего войска. Дальнейшие следы теряются.

588

The Trotsky's Papers. Vol. 1. P. 116.

589

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 127.

590

Полагая, что петроградские власти, в частности председатель местной Чрезвычайной комиссии Урицкий, слишком мягки по отношению к контрреволюционерам, Троцкий выступил там со страстной речью, возбудившей участников съезда настолько, что они приняли резолюцию о начале массового террора (Северная коммуна. 1918. 2 августа; Рабинович А. Большевики у власти. С. 475 – 476).

591

Глазман Михаил Семенович (1896 – 1924) – секретарь и стенографист председателя Реввоенсовета республики Троцкого. В 1924 г. был исключен из партии Московской контрольной комиссией. Подвергался нападкам. Покончил жизнь самоубийством. Уже после смерти Глазмана ЦК РКП(б) признал его исключение «ошибкой».

592

Российский государственный военный архив (далее: РГВА). Ф. 4. Оп. 7. Ед. хр. 35. Л. 115 – 116.

593

По окончании Гражданской войны Петерсон был назначен комендантом Московского Кремля и был им до 1935 г., после чего служил помощником начальника Киевского военного округа по материальному обеспечению. Арестован и расстрелян в 1937 г. (Черушев Н.С. Коменданты Кремля в лабиринтах власти. М.: Вече, 2005. С. 157 – 160, 290).

594

РГВА. Ф. 63. Оп. 1. Ед. хр. 176. Л. 147.

595

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 125.

596

Там же. С. 140 – 141.

597

Данишевский Карл Юлий Христианович (1884 – 1938) – участник Латышской социал демократической рабочей партии с 1900 г. С 1903 г. был близок к большевикам. Член ЦК РСДРП с 1907 г. Подвергался арестам и ссылкам. В 1917 г. находился в Латвии, редактировал газету «Циня» («Борьба»). В январе – мае 1919 г. – заместитель председателя правительства Советской Латвии и председатель Реввоенсовета этой республики. Председатель Революционного военного трибунала. В качестве командующего соединениями Красной армии участвовал в военных действиях на фронтах Гражданской войны. В 1921 – 1926 гг. – председатель правления акционерного общества «Северолес», затем – председатель правления Внешторгбанка, заместитель наркома лесной промышленности. Арестован во время Большого террора и расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

598

Воспоминания о В.И. Ленине. М.: Политиздат, 1979. Т. 3. С. 446.

599

Либерман С.И. Дела и люди. New York: New Democracy Books, 1944. С. 123.

600

Бруновский В. Дело было в СССР // Архив русской революции. Берлин: Слово. Т. XIV. С. 36.

601

Поезду Троцкого посвящена интересная статья Н.С. Тарховой (Tarkhova N.S. Trotsky's Train. Unknown Page in the History of the Civil War // The Trotsky Reappraisal. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1992. P. 27 – 40). Есть одно зарегистрированное нападение на поезд Троцкого. Получив информацию о том, что в

- в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.o
Свияжске находится один из большевистских руководителей, командование белых
решило совершить рейд на эту станцию и захватить или убить наркома (впрочем, о
том, что речь идет о поезде Троцкого, белые, видимо, не знали). С этой целью был
сформирован отряд, около 1200 солдат и офицеров. Он нанес по Свияжску внезапный
удар. Среди красноармейцев возникла паника. Сопровождавший поезд Троцкого
бронепоезд «Свободная Россия» был покинут его командой и сожжен нападавшими.
Однако охрана поезда Троцкого и обслуживающий персонал оказали отпор белым. Им
удалось сдержать натиск до подхода отряда моряков под командованием Ф.Ф.
Раскольникова и Н.Г. Маркина, отбросивших нападавших.
- 602
РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Ед. хр. 113. Л. 28.
- 603
Там же. Оп. 1. Ед. хр. 406. Л. 726; Ед. хр. 482. Л. 811 и др.
- 604
РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Ед. хр. 406. Л. 726; Ед. хр. 482. Л. 811 и др.
- 605
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 150.
- 606
Военно исторический журнал. 1990. № 9. С. 61.
- 607
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 146.
- 608
Троцкий Л. Сталин / Под ред. Ю. Фельштинского. М.: Terra, 1996. Т. 2. С. 205.
- 609
Троцкий Л. Сталин. Т. 2. С. 149. Троцкий отвечал своим людям взаимностью и
заботился об их благосостоянии, насколько это было возможно в рамках советской
действительности того времени. Нарком постоянно расширял привилегии для своих
военных помощников, своего элитного воинского подразделения и всей команды
поезда председателя Реввоенсовета. Ему удалось в апреле 1921 г. провести
специальное постановление Совета труда и обороны о предоставлении им всем – «в
числе не более 300 человек» – «фронтового красноармейского пайка» (The
Trotsky's Papers. 1917 – 1922 / Edited and annotated by Jan M. Meijer. The
Hague: Mouton & Co, 1964. Vol. 2. P. 440), что в мирное время было совсем не
мало.
- 610
Медведев Р. Троцкий. Штрихи к политическому портрету // Иностранная литература.
1989. № 3. С. 171.
- 611
Клаузевиц Карл (1780 – 1831) – германский военачальник, военный теоретик и
историк, генерал майор армии Пруссии (с 1818 г.). В 1812 – 1813 гг. находился на
русской военной службе. В 1818 – 1830 гг. – начальник военного училища в
Берлине. В работе «О войне» разработал основные принципы стратегии и тактики,
рассматривая войну как продолжение внешней и внутренней политики государства.
- 612
Tarkhova N.S. Trotsky's Train. P. 32.
- 613
Деникин Антон Иванович (1872 – 1947) – российский военный деятель. Генерал
лейтенант (1916). Во время Первой мировой войны командовал бригадой, дивизией,
корпусом. С апреля 1918 г. являлся командующим, с октября – главнокомандующим
Добровольческой армией, с января 1919 г. – главнокомандующим Вооруженными силами
Юга России, ведшими войну против большевистской власти. Под руководством
Деникина в 1919 г. был предпринят поход на Москву, который окончился неудачей. В
1920 г. Деникин передал командование генералу Врангелю и эмигрировал. Жил в
Бельгии, Венгрии, Франции, США. Написал фундаментальную многотомную работу
«Очерки русской смуты».
- 614
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 17. Ч. 2. С. 60 – 64, 138 – 140.
- 615
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 152.
- 616
В РГВА имеется только макет первого номера этого издания, но не сам первый номер
(Ф. 63. Оп. 1. Ед. хр. 176. Л. 138 – 183).
- 617
РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Ед. хр. 127. Л. 24.
- 618
Бедный Демьян (настоящие фамилия, имя и отчество Придворов Ефим Алексеевич)
(1883 – 1945) – поэт и публицист. Член РСДРП с 1912 г. С этого времени
публиковал свои фельетоны в большевистской газете «Правда». После 1917 г. вел

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.о
агитационную работу в Красной армии и публиковал многочисленные стихотворные
произведения на тему дня, в основном низкого литературного качества.
Первоначально восхвалял Ленина и Троцкого. С середины 20 х гг. стал поддерживать
Сталина и шельмовать оппозицию. В 30 х гг. по требованию Сталина и им лично
подвергался острой критике за «антирусские настроения». В 1938 г. был исключен
из партии и Союза советских писателей, но не был репрессирован. Во время Второй
мировой войны его стихи стали вновь появляться в печати, вначале под другими, а
затем и под главным псевдонимом.

619
Устинов Г. Трибун революции. М.: Госиздат, 1920.

620
лиberman С.И. Дела и люди. С. 123 – 126.

621
Деятельность Центрального комитета партии в документах (события и факты) // Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 148 – 149.

622
Правда. 1918. 24 мая. № 101. Письмо написано 22 мая.

623
Деятельность Центрального комитета партии в документах. С. 150.

624
Вацетис И.И. Июльское восстание в Москве 6 и 7 июля 1918 г. С. 43.

625
Соломон Г. Среди красных вождей. Т. 1. Париж, 1930. С. 85.

626
Рицлер Курт (1882 – 1955) – германский дипломат. Вел переговоры с Россией после
Октябрьского переворота 1917 г. В 1918 г. – советник германского посольства в
Москве, свидетель убийства посла Мирбаха. По окончании Первой мировой войны стал
сторонником Веймарской республики. С 1927 г. – куратор Франкфуртского
университета. В 1938 г. эмигрировал в США. Вел преподавательскую работу. В 1954
г. возвратился в Западную Германию. Скончался в Мюнхене.

627
Протоколы заседаний ВЦИК IV созыва. С. 376, 388.

628
Цит. по: Кармайкл Д. Троцкий. Иерусалим, 1980. С. 142.

629
Сообщения с Севера // Голос киева. 1918. 21 июня. № 54.

630
Троцкий Л. Дневники и письма. США: Эрмитаж, 1986. С. 100 – 101.

631
Гофман М. Война упущенных возможностей. С. 194.

632
Kochan L. Russia and the Weimar Republic. Cambridge, 1954. P. 11.

633
Чичерин Г.В. Внешняя политика советской России за два года. М., 1920. С. 7.

634
Пятый созыв Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета:
Стенографический отчет. М., 1919. С. 92. Речь Чичерина.

635
Деятельность Центрального комитета партии в документах. С. 141. Протокол
заседания ЦК от 6 мая не обнаружен (Там же).

636
Ленин В.И. ПСС. Т. 36. С. 315; Т. 50. С. 425.

637
Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства. С. 15 – 16.

638
Последние новости. 1918. 11 июня. № 5066. С. 1.

639
Троцкий Л. О Ленине. С. 88 – 89.

640
Деятельность Центрального комитета партии в документах. С. 142.

641
Протоколы заседаний ЦК от 6 и 10 мая не обнаружены (Там же. С. 141; Аникеев В.В.
Деятельность ЦК РСДРП(б) РКП(б) в 1917 – 1918 годах. Хроника событий. М., 1974.
С. 268).

642
Ленин. ПСС. Т. 36. С. 322 – 326, 608; Ленинский сборник. Т. XI. С. 78;
Деятельность Центрального комитета партии в документах. С. 142.

643

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.

Шмидт Василий Владимирович (1886 – 1938) – социал демократ с 1905 г., большевик. В 1907 – 1911 гг. – эмигрант в Германии. По возвращении работал в профсоюзных организациях Петербурга. В 1918 – 1928 гг. – нарком труда РСФСР (СССР). Затем – заместитель председателя Совнаркома СССР, главный арбитр при Совнаркоме. Впав в немилость Сталина, был отправлен на Дальний Восток, где работал председателем Приморского облплана и председателем Хабаровского горсовета. Арестованный в 1937 г., был приговорен к 10 годам заключения, однако в следующем году приговор был пересмотрен и Шмидт был приговорен к смертной казни и расстрелян.
644

Владимирский Михаил Федорович (1874 – 1951) – социал демократ с 1895 г. с 1903 г. – большевик. По специальности врач. Участник Октябрьского переворота 1917 г. в Москве. С 1922 г. – заместитель председателя Совнаркома РСФСР. Затем был наркомом рабоче крестьянской инспекции Украины и председателем Центральной контрольной комиссии КП(б)У. В 1930 – 1934 гг. – нарком здравоохранения РСФСР.
645

Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника: В 12 т. Т. 5. М.: Изд. политической литературы, 1972. С. 450; Деятельность Центрального комитета партии в документах. С. 142 – 143.
646

Аникеев В.В. Деятельность ЦК РСДРП(б)... С. 271; Деятельность Центрального комитета партии в документах. С. 155. Примеч. 8.
647

Седьмой (экстренный) съезд РКП(б). С. 63.
648

Свердлов Я.М. Избранные произведения. Т. 2. М., 1959. С. 247 – 248.
649

Вацетис И.И. Июльское восстание в Москве 6 и 7 июля 1918 г. С. 41 – 42, 54 – 57.
650

Гельферих Карл Теодор (1872 – 1924) – германский финансовый деятель и дипломат. С 1908 г. – директор немецкого банка. С 1915 г. работал в министерстве финансов, затем – статс секретарь министерства внутренних дел. Краткое время был преемником убитого в июле 1918 г. германского посла в Москве Мирбаха. Покинул свой пост в августе 1918 г. В следующие годы – один из лидеров Национальной народной партии.
651

Алексеев Михаил Васильевич (1857 – 1918) – российский военный деятель, генерал от инфантерии. Во время Первой мировой войны командовал Северо Западным фронтом. С 1915 г. начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего. В марте – мае 1917 г. Верховный главнокомандующий. После Октябрьского переворота возглавил Добровольческую армию.
652

Коллекция Б.И. Николаевского. Ящик 784. Папка 7. Информационный листок. 1918. 13 августа. Прил. к № 1. Статья «Аресты союзников».
653

Heifferrich K. Der Weltkrieg. Berlin, 1919. Vol. III. S. 487.
654

Коллекция Б.И. Николаевского. Ящик 784. Папка 7. Информационный листок. 1918. 13 августа. Прил. к № 1. Статья «Требования Германии».
655

30 августа Гельферих подал официальное прошение об отставке, которая была принята 22 сентября.
656

Коллекция Б.И. Николаевского. Ящик 784. Папка 7. Информационный листок. 1918. 16 августа. № 2. Статья «Отъезд посольств».
657

Там же. Отъезд консулов держав Согласия.
658

Там же. 1918. 3, 22 августа. С. 2. Статья «Политическое положение».
659

Гофман М. Война упущенных возможностей. С. 197 – 198.
660

Архив Троцкого. Фонд 13. Т 3755. Эдуард Бернштейн. Германская революция. С. 4.
661

Архив Троцкого. Фонд 13. Т 3742. Троцкий. Т. 17. С. 569.
662

Скоропадский Павел Петрович (1873 – 1945) – российский генерал лейтенант (1916). В апреле – декабре 1918 г. – гетман Украинской державы. После свержения гетманства эмигрировал в Германию. Сотрудничал с нацистами. Погиб во время

- в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский *filosoff*.
налета англо американо-американской авиации в районе города Регенсбурга.
663
Красная газета. 1918. 12 августа. № 143. С. 3; 27 августа. № 178.
664
Коллекция Б.И. Николаевского. Ящик 784. Папка 7. Информационный листок. 1918. 22
августа. № 3. С. 2. Статья «Политическое положение».
665
«Поражение Германии имело и отрицательные последствия для советской России, –
пишут авторы биографии Чичерина. – Оно покончило с разделением
капиталистического мира на две воюющие коалиции. Теперь Антанта могла бросить
против страны Советов все свои силы» (Горохов И., Замятин Л., Земское И.В. Г.
Чичерин – дипломат ленинской школы / Под общ. ред. А. Громыко. 2-е изд. М.,
1974. С. 100 – 101).
666
Коллекция Б.И. Николаевского. Ящик 784. Папка 7. Информационный листок. 1918. 22
августа. № 3. С. 1. Статья «На русских фронтах. Минирование мостов».
667
Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 437 – 453, 692 – 703; Rauch G. *History
of Soviet Russia*. P. 99. В советском полпредстве по этому поводу впервые со дня
установления дипломатических отношений между Германией и РСФСР состоялся
торжественный обед.
668
Хаффнер С. Революция в Германии 1918/19. Как это было в действительности? М.:
Прогресс, 1983. С. 39 – 45.
669
Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 185.
670
Свердлов Я. М. Избранные произведения. Т. 3. М., 1960. С. 28 – 29.
671
Макс Баденский (1867 – 1929) – наследник баденского престола, рейхсканцлер
Германии в октябре – ноябре 1918 г. Высказывался за проведение реформ и за
ограничение целей Германии в войне. Правительство Баденского было свергнуто
Ноябрьской революцией 1918 г.
672
Шейдеман Филипп (1865 – 1939) – германский политик, социал демократ с 1883 г.
Многочисленный депутат рейхстага. Сопредседатель Совета народных уполномоченных –
правительства, образовавшегося в ходе ноябрьской революции 1918 г. Глава
коалиционного правительства в 1919 г. После прихода нацистов к власти
эмигрировал. Умер в Дании.
673
Пятый созыв ВЦИК. С. 245 – 250.
674
Там же. С. 250.
675
Fischer L. *The Soviets in world Affairs* (1951). Vol. 1. P. 75 – 76.
676
Русский голос (киев). 1918. 5 ноября. № 127
677
Коллекция Б.И. Николаевского. Ящик 198. Папка 20. С. 2.
678
Там же.
679
Левине Евгений (Эуген) (1883 – 1919) – германский политический деятель
русского происхождения. Журналист. В 1919 г. – коммунист. В апреле 1919 г.
возглавлял правительство Баварской советской республики. Расстрелян после
разгрома республики вооруженными силами центрального правительства Германии.
680
Раух фон. История советской России. Нью Йорк, 1976. С. 102.
681
Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. С. 97.
682
Правда. 1917. 13 декабря.
683
Троцкий Л. Новая экономическая политика Советской России и перспективы мировой
революции // Троцкий Л. Пять лет Коминтерна. М.: Госиздат, [1924]. С. 469 – 470.
684
Fischer R. *Stalin and German Communism. A Study in the Origins of the State
Party*. Cambridge: Harvard University Press, 1948. P. 53.

Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.o
685
Троцкий Л. Первое мая и Интернационал // Известия. 1918. 1 мая; Троцкий Л.Д.
Сочинения. М.; Л.: Госиздат, 1926. Т. 13. Проблемы международной пролетарской
революции. Коммунистический Интернационал. С. 3 – 6.
686
Известия. 1919. 24 января; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 13. С. 33 – 37.
687
Правда. 1919. 7 марта; Троцкий Л. Пять лет Коминтерна. С. 3 – 13; Троцкий Л.Д.
Сочинения. Т. 13. С. 38 – 49.
688
Эберлайн (Эберлейн) Гуго (псевдоним М. Альберт) (1887 – 1944?) – германский
политический деятель. С 1906 г. – социал демократ. В годы Первой мировой войны –
на подпольной работе, активный деятель «Союза Спартака». Один из основателей
компартии Германии. В 1922 г. – секретарь Исполкома Коминтерна. После прихода
нацистов к власти в Германии жил во Франции и Швейцарии. В 1937 г. был вызван в
Москву и арестован. Приговорен к 20 летнему заключению. Умер в концлагере.
Точная дата смерти неизвестна. Предполагается, что он скончался в 1944 г.
689
Braunihal J. History of the International. Boulder. Colorado: Westview Press,
1971. Vol. 3. P. 199.
690
Троцкий Л. Пять лет Коминтерна. С. 14 – 17.
691
Ransome A. Russia in 1919. New York: B.W. Hueberson, 1919. P. 217, 220.
692
The Trotsky\'s Papers. Vol. 1. P. 366, 368, 374, 390, 430.
693
The Trotsky\'s Papers. Vol. 1. P. 620, 622, 624, 626.
694
Политбюро ЦК РКП(б) ВКП(б) и Коминтерн. 1919 – 1943. Документы. М.: РОССПЭН,
2004. С. 30 – 31.
695
Драбкин Я.С. Идея мировой революции и ее трансформации // Коминтерн и идея
мировой революции: Документы. М.: Наука, 1998. С. 15 – 16.
696
Значительно позже, в 1924 г., выступая с докладом «Наши военные задачи» в
Академии Красной армии, Троцкий особенно подробно остановился на задачах
Восточного отделения. Он говорил, что его выпускники должны знать язык той
страны, которая угнетает данную нацию (упомануть национальный язык он почему то
забыл или считал это само собой разумеющимся), внутреннюю обстановку,
расстановку политических сил, должен «уметь переводить борьбу на военные рельсы
и в случае надобности руководить ею» (РГВА. Ф. 4. Оп. 14с. Ед. хр. 32. Л. 193).
697
РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 2.
698
Там же. Л. 31; Ватлин А.Ю. Коминтерн. Первые десять лет: Исторический очерк.
М.: Россия молодая, 1993. С. 37 – 38.
699
The Trotsky\'s Papers. Vol. 2. P. 232.
700
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 13. С. 53 – 83.
701
Эберт Фридрих (1871 – 1925) – германский политический деятель, один из лидеров
Социал демократической партии. В 1918 – 1919 гг. один из председателей Совета
народных уполномоченных (правительства). С 1919 г. до своей смерти являлся
президентом Германской республики.
702
Фош Фердинанд (1851 – 1929) – французский военный деятель, маршал Франции с 1918
г. в 1917 – 1918 гг. начальник Генерального штаба, с апреля 1918 г. Верховный
главнокомандующий союзными войсками.
703
Стиннесы – династия германских промышленных магнатов, родоначальником которой
был Гуго Стиннес, владевший до Первой мировой войны небольшими военными
заводами, но обогатившийся на поставках в годы войны. После войны группа
Стиннесов проникла в ряд других отраслей экономики, где заняла ведущие позиции.
704
Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К. Организационная структура
Коминтерна. 1919 – 1923. М.: РОССПЭН, 1997. С. 21.

- в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.о
705
Троцкий Л. Пять лет Коминтерна. С. 107 – 120.
706
Троцкий Л. Терроризм и коммунизм. Пг.: Госиздат, 1920.
707
Лонге Жан (1876 – 1938) являлся в течение длительного времени руководителем центристского крыла французской социалистической партии. В 30 х гг. выступал с антинацистских позиций, стремился к сближению с коммунистами и Советским Союзом.
708
Ленин В.И. ПСС. Т. 40. С. 129.
709
Kautsky K. Terrorismus und Kommunismus. Ein Beitrag zur Naturgeschichte der Revolution. Berlin: Verlag Neues Vaterland, 1919.
710
Kline G. The Defence of Terrorism. Trotsky and His Major Critics // The Trotsky Reappraisal. P. 158.
711
Дьюи Джон (1859 – 1952) – американский философ, психолог, педагог и общественный деятель. Один из ведущих представителей философского течения прагматизма. Автор многих книг по философским, педагогическим и общественно политическим проблемам. В 1935 г. основал Лигу независимого политического действия, оставшуюся малочисленной. Был председателем неформальной судебной комиссии, образованной группой независимых международных общественных деятелей для рассмотрения обвинений, выдвинутых против Троцкого и его сына Льва Седова на «открытых» судебных процессах в Москве в 1936 – 1937 гг. Заседавшая в апреле 1937 г. в пригороде мексиканской столицы Койоакане комиссия под председательством Дьюи признала все выдвинутые против Троцкого и его сына обвинения безосновательными, а Троцкого и Седова – невиновными.
712
Медведев Р., Медведев Ж. Неизвестный Сталин. М.: Время, 2007. С. 601.
713
Урилов И.Х. История российской социал демократии (меньшевизма). Т. 1. М.: Раритет, 2000. С. 46.
714
Kautsky K. Von der Demokratie zur Staat Sklaverei. Eine Auseinandersetzung mit Trotzski. Berlin: Verlagsdenossenschaft «Freiheit», 1921.
715
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 125.
716
ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Ед. хр. 636. Л. 33.
717
Красин Л.Ю. Письма жене и детям // Вопросы истории. 2002. № 2. С. 108.
718
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 141.
719
Троцкий Л. О Ленине. С. 121.
720
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 17. Ч. 1. Примеч. 319. С. 727.
721
Краснов В.Г., Дайнес В.О. Неизвестный Троцкий. С. 44.
722
Гусев С.И. Свяжские дни // Пролетарская революция. 1924. № 2. С. 126.
723
Краснов В. Г., Дайнес В.О. Неизвестный Троцкий. С. 45 – 46.
724
Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 157, 179.
725
The Trotsky\'s Papers. Vol. 1. P. 70.
726
Краснов В.Г., Дайнес В.О. Неизвестный Троцкий. С. 48.
727
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 17. Ч. 1. С. 516 – 518.
728
Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 178.
729
Там же. Краснов В.Г. Дайнес В.О. Неизвестный Троцкий. С. 53.
730
Там же. С. 53 – 54.

- в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.
731
The Trotsky\'s Papers. Vol. 1. P. 100.
732
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 17. Ч. 1. С. 524 – 532. Незастенографированной
осталась первая часть речи.
733
The Trotsky\'s Papers. Vol. 1. P. 126, 128.
734
Юденич Николай Николаевич (1862 – 1933) – российский военный деятель. Генерал
майор с 1902 г., генерал от инфантерии с 1915 г. Во время Первой мировой войны
был начальником штаба Кавказской армии. Непосредственно руководил военными
операциями против турецкой армии, одержал ряд побед. После Октябрьского
переворота 1917 г. нелегально жил в Петрограде. Затем перебрался в Финляндию и в
1919 г. сформировал антибольшевистскую армию Северо-Западного фронта. Предпринял
два наступления на Петроград, окончившиеся неудачей. В 1920 г. эмигрировал. Жил
во Франции. Скончался от туберкулеза легких.
735
Пилсудский Юзеф (1867 – 1935) – польский политический деятель. Был членом
Польской социалистической партии (ППС). С 1906 г. руководитель Революционной
фракции ППС. В 1919 – 1922 гг. «начальник государства», фактический диктатор
Польши после военного переворота в мае 1926 г. В 1926 – 1928 и 1930 гг. премьер
министр.
736
Крестьянское движение в Тамбовской губернии. 1917 – 1918: документы и материалы.
М.: РОССПЭН, 2003. С. 364.
737
Краснов В.Г., Дайнес В.О. Неизвестный Троцкий. С. 120.
738
Аралов Семен Иванович (1880 – 1969) – нефракционный социал демократ с 1903 г. В
1918 г. присоединился к большевикам. Во время Гражданской войны был членом
Реввоенсовета республики. В 1918 – 1919 гг. руководил Регистрационным
управлением Полевого штаба (военной разведкой). В 1921 – 1925 гг. на
дипломатической работе (полпред в Литве и Турции, член коллегии Наркоминдела и
др.) Затем работал заведующим Иностранным отделом ВСНХ и занимал другие
хозяйственные должности. В 1938 – 1941 гг. заместитель директора Литературного
музея. Автор нескольких книг воспоминаний.
739
Краснов В.Г., Дайнес В.О. Неизвестный Троцкий. С. 125.
740
Там же. С. 129 – 131.
741
Краснов В.Г., Дайнес В.О. Неизвестный Троцкий. С. 133, 136 – 137.
742
Там же. С. 166.
743
Махно Нестор Иванович (кличка «батько Махно») (1888 – 1934) – украинский анархо
коммунист, руководитель Повстанческой армии на Украине в годы Гражданской войны.
Участвовал в анархо коммунистических организациях с 1906 г. Многократно
подвергался арестам и заключению. Освобожден после февральской революции 1917 г.
и вскоре после этого был избран председателем волостного земства в местечке
Гуляйполе Екатеринославской губернии. Создал вооруженный отряд, который со
временем вырос в повстанческую армию. В районе Гуляйполя были проведены реформы,
главной среди которых было разделение земли между крестьянами. После
Октябрьского переворота 1917 г. Махно то вступал в союз с большевистским
руководством, то разрывал с ним (в первом случае его именовали красным
командиром, во втором – бандитом). Отряды Махно были окончательно разбиты
Красной армией весной 1921 г. В августе 1921 г. он эмигрировал в Румынию, а
затем в Польшу и Францию. Умер от костного туберкулеза.
744
РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Ед. хр. 69. л. 7.
745
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 17. Ч. 2. С. 186.
746
РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Ед. хр. 69. л. 3 – 4.
747
Там же. Ф. 71. Оп. 34. Ед. хр. 1037. л. 1 – 3; Краснов В.Г., Дайнес В.О.
Неизвестный Троцкий. С. 175.
748

В Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.o
Ворошилов Климент Ефремович (1881 – 1969) – большевик с 1903 г. В период Гражданской войны сблизился со Сталиным и стал одним из его помощников в Красной армии, а затем и в руководстве партией и государством. С 1925 г. нарком по военным и морским делам. В 1934 – 1940 гг. нарком обороны СССР. Маршал Советского Союза (1935). В связи с неудачами Красной армии во время «зимней войны» с Финляндией 1939 – 1940 гг. был снят с поста наркома. В 1941 – 1945 гг. член Государственного комитета обороны СССР. В начале войны направлялся на отдельные фронты в качестве командующего, однако полководческих данных не проявлял и отзывался в Москву. В 1953 – 1960 гг. председатель Президиума Верховного Совета СССР.

749

Из пропагандистских соображений Троцкий приравнял махновцев к бывшему атаману Украинского казачьего войска Н.А. Григорьеву, который сначала подчинялся властям Украинской народной республики, затем гетману Скоропадскому, после бегства последнего в Германию вновь заявил о своей приверженности УНР, но в марте 1919 г. перешел на сторону большевиков и занял без боя Одессу, покинутую незадолго перед этим французским экспедиционным корпусом. Однако в апреле Григорьев поднял мятеж против советских властей. Он пытался присоединиться к Махно, но был арестован по приказу последнего и расстрелян по приговору гуляйпольского суда за еврейские погромы.

750

Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 17. Ч. 2. С. 195.

751

РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Ед. хр. 1037. Л. 4.

752

Бабель Исаак Эммануилович (1894 – 1940) – писатель, журналист, драматург. После Октябрьского переворота 1917 г. работал в ВЧК, затем в Наркомпросе. В 1920 г. был направлен в Первую конную армию в качестве военного корреспондента. По материалам своего дневника написал сборник рассказов «Конармия», вызвавший крайнюю неприязнь С.М. Буденного в связи с реалистическим описанием ситуации в армии – жестокости по отношению к населению, грабежей, мародерства и т. п. Бабель написал цикл «Одесских рассказов», главным образом о преступном еврейском мире Одессы начала XX в. В 30-е гг. значительную часть времени находился во Франции, где постоянно проживала его жена. Арестован во время Большого террора и расстрелян без суда (расстрельный список был подписан Сталиным).

753

Воспоминания о Бабеле. М.: Книжная палата, 1989. С. 207.

754

Архив русской революции. Берлин: Слово, 1926. Т. XXVIII. С. 262 – 263.

755

Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917 – 1920 гг. М.: Наука, 1988. С. 117, 196 – 197.

756

Троцкий Л. Сталин. Т. 2. С. 79 – 80.

757

Снесарев Андрей Евгеньевич (1865 – 1937) – российский и советский военный деятель, географ. С 1899 г., находясь на военной службе, занялся изучением и военно-географическим описанием Среднего Востока. С этой целью побывал в Индии, Афганистане, изучал Тибет и Кашгарию. С 1904 г. служил в Генеральном штабе и одновременно преподавал военную географию в военных учебных заведениях. Во время Первой мировой войны командовал полком, бригадой, дивизией. В 1915 г. получил звание генерал-майора, в 1917 г. – генерал-лейтенанта. После Октябрьского переворота 1917 г. – на службе в Красной армии. Участвовал в военных действиях под Царицыном, где вступил в конфликт со Сталиным и Ворошиловым. Затем командовал Западным районом обороны (между Северным и Южным фронтами). После войны – на преподавательской работе в Военной академии Красной армии и других военных учебных заведениях. В 1930 г. арестован и приговорен к расстрелу, замененному 10 годами исправительно-трудовых лагерей. В 1934 г. был освобожден по болезни. Скончался в Москве.

758

Носович Анатолий Леонидович (1878 – 1968) – российский военный деятель. Во время Первой мировой войны – полковник. После Октябрьского переворота 1917 г. – участник подпольной антибольшевистской организации, по заданию которой, по его словам, поступил на службу в Красную армию в 1918 г. Участвовал в военных действиях под Царицыном, где был арестован по подозрению в контрреволюционной деятельности. Освобожден по настоянию Троцкого, стал советником командующего Южным фронтом П.П. Сытина. В октябре 1918 г. перешел на сторону белых. являлся одним из руководителей контрразведки в армии генерала Деникина. Ему было

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo. присвоено звание генерал майора. По окончании Гражданской войны эмигрировал во Францию. Автор воспоминаний «Красный Царицын. Взгляд изнутри. Записки белого разведчика» (современное издание: М., 2010).

759

Ковалевский Александр Николаевич (1880 – 1918) – полковник Генерального штаба русской армии. В 1918 г. служил в Красной армии в районе Царицына, затем – в разведывательном управлении при Ставке главнокомандующего.

760

Шапошник В.Н. Северо Кавказский военный округ в 1919 году. Ростов н/д, 1980. С. 173.

761

Краснов В.Г., Дайнес В.О. Неизвестный Троцкий. С. 93.

762

Троцкий Л. Сталин. Т. 2. С. 87.

763

Сталин И. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1947. Т. 4. С. 118.

764

Там же. С. 120 – 121.

765

Фронт проходил по течению реки Большой Гашун (левого притока реки Сал). В середине июля Сталин попытался организовать наступательную операцию, которая окончилась неудачей.

766

Сталин И. Сочинения. Т. 4. С. 122, 124.

767

Тушинским вором прозвали Лжедмитрия II, который в начале XVII в. выдавал себя за сына Ивана Грозного и наследника российского престола. Он впервые появился в 1607 г., смог быстро привлечь на свою сторону отряды польских авантюристов, а также недовольные группы русского дворянства и казачества. Разбив свой лагерь в Тушине под Москвой, Лжедмитрий несколько раз неудачно пытался штурмовать столицу. В связи с потерей авторитета и влияния Лжедмитрия отряды его сторонников несколько раз переходили на сторону противоборствующих сил, то есть «совершали перелеты». Лжедмитрий был разбит в 1608 г. и убит соперниками. Трудно понять, какой процент читателей этого боевого приказа Троцкого понимал, что именно имеет в виду Троцкий под перелетами тушинских воров и за что именно комиссары должны отвечать головой.

768

Краснов В.Г., Дайнес В.О. Неизвестный Троцкий. С. 94.

769

Сытин Павел Павлович (1870 – 1938) – российский, а затем советский военный деятель. Во время Первой мировой войны командовал бригадой. С 1917 г. – генерал майор. В декабре 1917 г. пошел на службу к большевикам. Занимал различные военные должности. В сентябре – октябре 1918 г. командовал Южным фронтом. Затем являлся начальником отдела управления делами Реввоенсовета республики. С 1922 г. – преподаватель Военной академии Красной армии. В 1924 – 1927 гг. служил в военно историческом управлении РВС. Затем состоял «для особо важных поручений» при РВС. С 1934 г. – научный сотрудник Центрального государственного архива Красной армии. Арестован во время Большого террора и расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

770

РГВА. Ф. 1. Оп. 4. Ед. хр. 30. Л. 11.

771

Минин Сергей Константинович (1882 – 1962) – социал демократ с 1905 г., большевик. Находился в эмиграции в Вене, где недолгое время сотрудничал с Троцким. В 1917 г., возвратившись в Россию, являлся председателем Царицынского реввоенсовета, затем – городским головой города. Участвовал в обороне Царицына от войск генерала Краснова. В этом качестве сблизился со Сталиным и Ворошиловым. Затем был членом РВС Северо Кавказского военного округа. В 1923 – 1925 гг. – член Северо Западного бюро ЦК РКП(б). В конце 1925 г. – участник группы Зиновьева и Каменева, получившей название «новой оппозиции». Был снят с ответственных партийных постов. Недолгое время был ректором Ленинградского университета и получил известность выдвижением лозунга «философию за борт!». Написал несколько драматических произведений, не отличавшихся художественными достоинствами. С 1927 г. не участвовал в общественно политической деятельности по состоянию здоровья.

772

РГВА. Ф. 1. Оп. 4. Ед. хр. 30. Л. 7, 14.

773

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.
Свердлов Я.М. Избранные произведения. Т. 3. С. 28; Краснов В.Г., Дайнес В.О.
Неизвестный Троцкий. С. 97.
774
Документы по истории Гражданской войны в СССР. М.: Госиздат, 1940. Т. 1. С. 389
– 390.
775
Краснов В.Г., Дайнес В.О. Неизвестный Троцкий. С. 102.
776
Там же. С. 103.
777
Краснов В.Г., Дайнес В.О. Неизвестный Троцкий. С. 102 – 104.
778
Там же. С. 104.
779
Шапошник В.Н. Северо Кавказский военный округ в 1919 году. С. 180.
780
РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 209. Ед. хр. 4. Л. 117.
781
The Trotsky\'s Papers. vol. 1. P. 156, 158.
782
Ibid. P. 156.
783
Свидетельством желания примириться должна была послужить опубликованная вскоре
статья Сталина к первой годовщине Октябрьского переворота, отдававшая должное
роли Троцкого в этом перевороте, но в то же время в устах ее автора звучавшая
лицемерной лестью.
784
Бушуев В. Свет и тени. С. 119.
785
Каменский Абрам Захарович (1885 – 1937) – член РКП(б). После Октябрьского
переворота 1917 г. – нарком госконтроля Донецко Криворожской советской
республики. В 1918 – 1921 гг. – заместитель наркома по делам национальностей
Сталина, выполнявший в отсутствие Сталина обязанности наркома. В дальнейшем
занимал различные административные посты. В середине 30 х гг. – начальник
управления финансирования культуры Наркомата финансов РСФСР. Арестован и
расстрелян во время Большого террора.
786
Правда, 1918, 25 декабря.
787
РГАСПИ. Ф. 315. Оп. 1. Ед. хр. 377. Л. 5.
788
Через много лет Троцкий писал: «Можно не сомневаться, что именно Сталин
обеспечил за кулисами напечатание статьи» (Троцкий Л. Сталин. Т. 2. С. 73).
789
The Trotsky\'s Papers. vol. 1. P. 204, 206, 208.
790
КПСС о вооруженных силах Советского Союза. М.: Воениздат, 1969. С. 35 – 36;
Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 171.
791
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 204.
792
Ленин В.И. ПСС. Т. 40. С. 178.
793
Троцкий Л. Сталин. Т. 2. С. 74.
794
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 169.
795
Там же. С. 180.
796
Ленин В.И. ПСС. Т. 38. С. 55.
797
Там же. Т. 37. С. 478.
798
Калинин Михаил Иванович (1875 – 1946) – советский государственный и партийный
деятель. Социал демократ с 1898 г. С 1919 г. председатель Всероссийского
центрального исполнительного комитета (был выдвинут на эту должность по
предложению Л.Д. Троцкого). С 1922 г. председатель ЦИКа СССР. С 1938 г.
председатель Президиума Верховного Совета СССР. Член Политбюро ЦК ВКП(б) с 1926

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.o
г. После недолгих колебаний в середине 20 х гг. стал в качестве фиктивного главы
государства одним из ближайших приверженцев Сталина в укреплении и
функционировании тоталитарной системы в СССР.
799
Архив Троцкого. Фонд 13. Т 875.
800
Боткин Л. Сон разума. О социокультурных масштабах личности Сталина // Осмыслить
культ Сталина. М.: Прогресс, 1989. С. 47.
801
The Trotsky\'s Papers. Vo1. 1. P. 298.
802
Его тезисы доклада «Наша политика в деле создания армии» были опубликованы в
«Правде» и «Известиях» 25 февраля 1919 г.
803
Отъезд Троцкого был оформлен постановлением ЦК от 16 марта (The Trotsky\'s
Papers. Vo1. 1. P. 296; Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 184). Сокольникову
поручалось на собрании делегатов фронтовиков заявить, что «директива об отъезде
всех фронтовиков отменяется, а.. немедленно едут те, которые считают, что
присутствие их на фронте является необходимым».
804
Троцкий Л. Сталин. Т. 2. С. 92.
805
Восьмой съезд РКП(б): Протоколы. М.: Госполитиздат, 1950. С. 17.
806
Ленин В.И. ПСС. Т. 38. С. 142.
807
Землячка (настоящая фамилия Залкинд, по мужу – Самойлова) Розалия Самойловна
(1876 – 1947) – социал демократка с 1896 г. С 1903 г. – член большевистской
партии. Являлась агентом ЦК РСДРП и в этом качестве посещала различные города.
Неоднократно подвергалась арестам. В 1917 г. – секретарь Московского комитета
РСДРП(б). После Октябрьского переворота на руководящих партийных и
административных должностях. В ноябре 1920 г. – секретарь Крымского обкома
партии. Организатор (вместе с Б. Куном) массовых расстрелов белых офицеров,
оставшихся в Крыму после эвакуации армии генерала Врангеля. В следующие годы
была секретарем райкома партии в Москве, членом коллегии Наркомата рабоче
крестьянской инспекции. В 1939 – 1943 гг. – заместитель председателя Совнаркома
СССР.
808
Ленин В.И. ПСС. Т. 38. С. 143.
809
Там же. С. 144 – 152.
810
Ленин В.И. ПСС. Т. 38. С. 153 – 158.
811
Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 135 – 190; № 10. С. 171 – 189.
812
Из этих материалов ранее были опубликованы только речь Ленина, фрагменты речи
Сталина, а также тезисы Троцкого «Наша политика в деле создания армии», которые
появились еще до съезда (Правда. 1919. 25 февраля).
813
Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 137.
814
Там же. С. 156.
815
Ленинский сборник. Т. XXXVII. М.: Политиздат, 1970. С. 136 – 139. Любопытно, что
эта речь была впервые опубликована только после смерти Ворошилова, скончавшегося
в 1969 г.
816
Голощекин Филипп Исаевич (1876 – 1941) – социал демократ с 1903 г., большевик.
Вел подпольную работу в Петербурге, Москве и других городах. Подвергался арестам
и ссылкам. С 1912 г. – член ЦК РСДРП и его Русского бюро. С ноября 1917 г.
работал на Урале. В 1918 г. – член Екатеринбургского комитета РСДРП(б). Один из
организаторов расстрела бывшего царя Николая II, его семьи и близких. В 1922 –
1925 гг. – председатель Самарского губернского совета. В 1924 – 1933 гг. –
первый секретарь ЦК компартии Казахстана. В 1933 – 1939 гг. – главный
государственный арбитр СССР. Арестован в октябре 1939 г. и расстрелян под
Куйбышевом после двухлетних допросов и пыток.
817

- в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.
Ленин В.И. Неизвестные документы. С. 277 – 278.
818
Сталин И. Сочинения. Т. 4. С. 249.
819
Троцкий Л. Сталин. Т. 2. С. 96.
820
Позерн Борис Павлович (1882 – 1939) – социал демократ с 1902 г. С 1903 г. – большевик. С октября 1917 г. – комиссар Северного фронта. В 1918 – 1919 гг. – военный комиссар Петроградской коммуны. С 1924 г. – на партийной работе. В 1937 – 1938 гг. – прокурор Ленинграда и Ленинградской области. Один из главных организаторов Большого террора в Ленинградской области. Арестован в 1938 г., причем в качестве одного из выдвинутых против него обвинений фигурировало «нарушение законности». Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.
821
Восьмой съезд РКП(б). С. 273, 339 – 340.
822
The Trotsky\'s Papers. Vol. 1. P. 324, 326.
823
То, что это была резолюция, написанная Троцким, следует из сравнения окончательного текста резолюции (Восьмой съезд РКП(б). С. 412 – 423) с ее проектом. В текстах были лишь отдельные стилистические расхождения.
824
На VII Всероссийском съезде Советов 8 декабря 1919 г. Ленин по этому вопросу сказал следующее: «Наша задача – путем опыта привлечь в широких размерах специалистов, заменять их, готовить новый командный состав, новый круг специалистов, которые должны научиться чрезвычайно трудному, новому и сложному делу управления. Тов. Троцкий был вполне прав, говоря, что это не написано ни в каких книгах, которые мы считали для себя руководящими, не вытекает ни из какого социалистического мировоззрения, не определено ничьим опытом, а должно быть определено нашим собственным опытом» (Ленин В.И. ПСС. Т. 39. С. 431).
825
Врангель Петр Николаевич (1878 – 1928) – российский военный деятель, генерал майор (1917), генерал лейтенант (1918). Участвовал в Русско японской и Первой мировой войнах, проявив высокие боевые качества и мужество. В 1920 г. возглавил антибольшевистские силы в южной части России, приняв звание правителя Юга России и главнокомандующего Вооруженными силами Юга России. Стремился к компромиссу с различными политическими партиями и проведению демократических реформ в Крыму. После разгрома его армии Красной армией в ноябре 1920 г. эмигрировал. Жил в Турции, Югославии, Бельгии. В 1924 г. выступил инициатором создания Русского общевоинского союза (РОВС), объединившего военнотружущих эмигрантов. В последние годы жизни работал инженером в Брюсселе. Согласно одной из версий умер в результате отравления, организованного агентами ОГПУ.
826
Невежин В.А. Застольные речи Сталина. М.; СПб.: АИРО ХХ, 2003. С. 149, 157.
827
Политбюро ЦК РКП(б) ВКП(б). Повестки дня заседаний. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 1. 1919 – 1929. С. 31 – 32.
828
Политбюро ЦК РКП(б) ВКП(б). Повестки дня заседаний. Т. 1. 1919 – 1929. С. 37.
829
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 184.
830
Назначенный в июле 1919 г. главнокомандующим Вооруженными силами республики, С.С. Каменев практически руководил военными операциями Красной армии на заключительном этапе Гражданской войны. В 1924 г. он был смещен с поста главнокомандующего и назначен инспектором Красной армии. В 1927 – 1934 гг. был заместителем наркома по военным и морским делам, затем резко понижен в должности (являлся начальником управления противовоздушной обороны). Умерший в 1936 г., С.С. Каменев был похоронен у Кремлевской стены, но вскоре обвинен в троцкизме и был вычеркнут из военной истории вплоть до смерти Сталина.
831
The Trotsky\'s Papers. Vol. 1. P. 370.
832
Ibid. P. 506.
833
Гусев С. Гражданская война и Красная армия. М.; Л.: Госиздат, 1925. С. 205; Бонч Бруевич М.Д. Вся власть Советам. М.: Воениздат, 1957. С. 352 – 353; Спирин Л.М.

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.o
Разгром армии Колчака. М.: Госполитиздат, 1957. С. 184 – 185.
834
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 185.
835
Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 353.
836
Там же. С. 185 – 186.
837
The Trotsky\'s Papers. Vol. 1. P. 578, 580.
838
Кузьмин Н.Ф. К истории разгрома белогвардейских войск Деникина // Вопросы истории. 1956. № 7. С. 19.
839
Когда в начале 20 х гг. в России был снят запрет на производство и продажу крепких спиртных напитков и в продаже появился дешевый сорт водки, его в народе стали называть «рыковкой».
840
Судя по доступным источникам, ни тот ни другой документ так и не были написаны, скорее всего в силу «саботажа» со стороны Троцкого. Троцкого привело к крайнее раздражение и то, что по предложению Зиновьева как раз в это время Сталин был назначен наркомом вновь образованного органа – Наркомата рабоче крестьянской инспекции, которому давалось право контролировать остальные государственные органы, то есть этот наркомат (Рабкрин, как его стали называть) становился своего рода особым комиссариатом, стоявшим выше остальных, а Сталин оказывался в результате этого в чрезвычайно благоприятном положении в правительстве.
841
The Trotsky\'s Papers. Vol. 1. P. 588, 590.
842
Так и произошло: документ сохранился в личном архиве Троцкого.
843
The Trotsky Papers. Vol. 1. P. 592.
844
Ibid. P. 596, 598.
845
The Trotsky Papers. Vol. 1. P. 594. Телеграмма, отправленная Троцкому Склянским, была написана рукой Ленина. Так как телеграмму отправлял сам Склянский, рукописная телеграмма осталась в его архиве и позже была передана Троцкому.
846
Троцкий Л. Сталин. Т. 2. С. 107 – 108.
847
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 187.
848
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 188. Более того, в зашифрованной телеграмме в ЦК от 10 октября 1919 г. Троцкий поставил вопрос об изменении политики по отношению к донскому и кубанскому казачеству. Он предлагал дать этим районам полную автономию при условии, что казаки порвут с Деникиным. Поддержки эти предложения не получили (The Trotsky\'s Papers. Vol. 1. P. 684).
849
Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 329.
850
Правда. 1919. 5 августа.
851
Мамонтов Константин Константинович (1869 – 1920) – российский военный деятель, генерал майор (1914). Один из организаторов вооруженной борьбы против власти большевиков. В составе Вооруженных сил Юга России командовал дивизией, затем корпусом. Умер неожиданно. Не исключалось, что он был отравлен, но инициаторы и подробности убийства неизвестны. Выдвигались предположения, что он был убит советскими агентами.
852
Ленин В.И. ПСС. Т. 39. С. 171 – 172.
853
Серебряков Леонид Петрович (1890 – 1937) – участник социал демократического движения в России. Неоднократно подвергался арестам. В 1918 – 1919 гг. член президиума Московского Совета, секретарь партийного комитета Московской области. В 1920 – 1921 гг. секретарь ЦК РКП(б). С 1922 г. заместитель наркома путей сообщения. Позже занимал ряд других постов в хозяйственной администрации. Участник объединенной оппозиции 1926 – 1927 гг. Исключен из партии в августе 1927 г. по обвинению в организации нелегальной типографии. В январе 1928 г.

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.о
сослан. После покаянного заявления в 1928 г. возвращен из ссылки и восстановлен
в партии. С 1931 г. начальник Центрального управления шоссейных дорог и
автотранспорта СССР. Арестован в 1936 г. по обвинению в связи с троцкистским
центром. Был подсудимым на судебном процессе по делу параллельного троцкистского
центра в январе 1937 г. Приговорен к смертной казни и расстрелян.

854

The Trotsky\`s Papers. Vol. 1. P. 610.

855

В статье «Сталин и Красная армия», приуроченной к 50 летию Сталина (Правда.
1929. 21 декабря), а затем в целом ряде печатных и устных выступлений Ворошилов
утверждал, что Сталин якобы поставил перед ЦК три условия: отстранение Троцкого
от дел Южного фронта; отзыв с фронта ряда лиц, непригодных для восстановления
порядка в войсках; направление на фронт новых работников по выбору Сталина.
Согласно утверждению Ворошилова, все эти условия были приняты ЦК. Однако ни
одним документом эта версия не подтверждается. Можно с уверенностью утверждать,
что Ворошилов лгал, пытаясь дискредитировать Троцкого и внести лепту в
раздувание культа Сталина. Единственным фактом, который мог бы быть истолкован в
пользу версии Ворошилова, был отъезд Троцкого с Южного фронта в Петроград в
середине октября. Но сделано это было не по настоянию Сталина, а по решению
самого наркома в связи с обстановкой на северо западе.

856

The Trotsky\`s Papers. Vol. 1. P. 686, 688, 690.

857

Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 17. Ч. 2. С. 264 – 267.

858

The Trotsky\`s Papers. Vol. 1. P. 696.

859

Ленин В.И. ПСС. Т. 51. С. 61.

860

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 158.

861

The Trotsky\`s Papers. Vol. 1. P. 706.

862

Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 17. Ч. 2. С. 287.

863

Ленин В.И. ПСС. Т. 51. С. 79.

864

The Trotsky\`s Papers. Vol. 1. P. 696.

865

Ibid. P. 740.

866

Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 17. Ч. 2. С. 295 – 297.

867

Правда. 1919. 9 ноября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 17. Ч. 2. С. 297 – 310.

868

Кирдецов Г. У ворот Петрограда. Б. м., 1921. С 102. Г.Л. Кирдецов писал свою
книгу в то время, когда он стал одним из видных «сменовеховцев» – эмигрировавших
врагов большевизма, которые выражали надежду на внутреннее перерождение режима в
условиях нэпа и готовы были к примирению с советской властью и возвращению на
родину для «конструктивной работы».

869

Чичерин писал Троцкому 22 октября: «Нынешнее настроение там (в Эстонии. – Авт.)
благоприятно для нас, но всякое наше вторжение на эстонскую территорию это сразу
изменит, поднимет крестьянство и мещанство против нас, создаст нам опять врага»
(The Trotsky\`s Papers. Vol. 1. P. 718). Ленина же Чичерин убеждал: «Т[оварищ]
Троцкий предусматривает возможность перенесения нами военных действий на
эстонскую территорию.. Эстонская военная партия была бы рада, если бы мы дали ей
повод опять раздуть патриотический военный пыл крестьянства и мещанства против
нас. Мы не должны лезть в эту западню» (Ibid. P. 722, 724).

870

The Trotsky\`s Papers. Vol. 1. P. 730.

871

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1; Известия. 1919. 21 ноября.

872

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 151, 165.

873

Декрет ВЦИКа об учреждении ордена Красного Знамени, предложенный Троцким, был
опубликован в газете «Известия» 20 сентября 1918 г. В конце того же года в

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.о
войска стали поступать первые ордена Красного Знамени. Увидев их, Троцкий был
возмущен. 10 января 1919 г. он телеграфировал Свердлову: «Орден Красного Знамени
слишком велик, груб и снабжен таким механизмом для прикрепления на одежду, что
носить его практически невозможно.. Выдавать его не буду, ибо вызвал общее
разочарование. Знак должен быть в три четыре раза меньше и сделан из лучшего
материала» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Ед. хр. 21. Л. 27). дизайн ордена был
переделан в соответствии с требованиями Троцкого.
874
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 165.
875
Появлялись также революционные имена, которые фанатичные родители давали детям.
Одно из них – Револт – включало первую букву фамилии Троцкого: рево[люция],
л[енин], т[роцкий] (Гусейнов Г. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990 х
годов. М.: Три квадрата, 2004. С. 88).
876
The Trotsky\`s Papers. Vol. 1. P. 628.
877
Мархлевский Юлиан Юзефович (1866 – 1925) – один из организаторов и руководителей
Социал демократии Королевства Польского и Литвы в 1893 г. Член ЦК РСДРП с 1907
г. Один из организаторов «Союза Спартака» в Германии. После Октябрьского
переворота 1917 г. жил в России. В 1920 г. во время советско польской войны
являлся председателем Польского революционного комитета (Польревкома), который
при благоприятных условиях должен был стать правительством Советской Польни.
Затем – председатель Международной организации помощи революционерам (МОПР). С
1922 г. – ректор Коммунистического университета национальных меньшинств Запада.
878
Петлюра Симон Васильевич (1879 – 1926) – один из основателей и лидеров
Украинской социал демократической рабочей партии. После провозглашения
независимости Украины в начале 1918 г. и образования Украинской народной
республики он являлся военным секретарем (министром) в правительстве
(Генеральном секретариате), но вскоре подал в отставку. Когда в апреле 1918 г.
произошел государственный переворот П.П. Скоропадского и было провозглашено
гетманство, Петлюра перешел в оппозицию. В ноябре 1918 г. он возглавил восстание
против Скоропадского и восстановление УНР. Став во главе нового органа
государственной власти – Директории, Петлюра фактически превратился в
единоличного правителя Украины. Он был вынужден оставить Киев в связи с
наступлением Красной армии в 1919 г. и переехал на территорию, занятую
польскими войсками. В 1920 г. подконтрольная Петлюре Западная Украина являлась
союзницей Польши в войне против России. После окончания войны Петлюра жил в
Варшаве, а затем переехал в Париж, где был в 1926 г. убит агентом ОГПУ, который
на суде смог убедить присяжных, что его акция была мстью за еврейские погромы,
якобы совершавшиеся в Украине под руководством Петлюры. Убийца был оправдан.
879
The Trotsky\`s Papers. Vol. 1. P. 758.
880
Мархлевский Ю. Война и мир между буржуазной Польшей и пролетарской Россией. М.:
Госиздат, 1921.
881
Ленин В.И. ПСС. Т. 51. С. 147.
882
Там же. С. 155.
883
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 17. Ч. 2. С. 545.
884
Правда. 1920. 30 апреля; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 17. Ч. 2. С. 376 – 380.
885
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 17. Ч. 2. С. 380 – 383.
886
В этом месте в рукописном проекте имелась карандашная пометка Троцкого: «Улицы
Варшавы будут резать ухо польским рабочим. Лучше Варшаву не упоминать».
887
Троцкий Л. Как вооружалась революция. М.: Высший революционный военный совет,
1924. Т. 2. Ч. 1. С. 153.
888
Ленин В.И. ПСС. Т. 51. С. 207.
889
Егоров Александр Ильич (1883 – 1939) в годы Гражданской войны командовал
войсками Южного, а затем Юго Западного фронта. В 1931 – 1935 гг. был начальником

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo. штаба, а в 1935 – 1937 гг. Генерального штаба Красной армии, затем первым заместителем наркома обороны СССР. С 1935 г. Маршал Советского Союза. Арестован и расстрелян во время Большого террора.

890

Ленин В.И. ПСС. Т. 51. С. 208.

891

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 191.

892

Политбюро ЦК РКП(б) ВКП(б). Т. 1. С. 75.

893

Политбюро ЦК РКП(б) ВКП(б) и Коминтерн. С. 58.

894

Тухачевский Михаил Николаевич (1893 – 1937) окончил Александровское военное училище. В качестве кадрового офицера участвовал в Первой мировой войне. Попал в германский плен, откуда бежал. С 1918 г. служил в Красной армии. Командовал армиями, затем фронтами. Руководил жестоким подавлением Кронштадтского восстания и крестьянских выступлений в Тамбовской и соседних губерниях в 1921 г. После окончания Гражданской войны – заместитель председателя Реввоенсовета, затем начальник вооружения Красной армии, заместитель и первый заместитель наркома обороны СССР. С 1935 г. – Маршал Советского Союза. Обвиненный в подготовке и организации военного заговора и в связях с иностранными разведками, он был арестован и расстрелян.

895

Малапарте К. Техника государственного переворота. М.: Аграф, 1988. С. 29.

896

The Trotsky\'s Papers. Vol. 2. P. 254.

897

Ibid.. Vol. 2. P. 264.

898

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 192.

899

Очевидно. Тем временем следует датировать зарождение неприязни Сталина к Тухачевскому, которого он рассматривал в качестве креатуры Троцкого. Не случайно уже в 1924 г. появилась явно заказная книга, в которой доказывалось, что у поляков были под Львовом крупные соединения, которые необходимо было разгромить (Шапошников Б.М. На висле. К истории кампании 1920 г. М.: Госиздат, 1924). Видимо, этой книгой было начато восхождение будущего маршала Советского Союза Б.М. Шапошникова.

900

Троцкий Л. Обезглавливание Красной армии // Бюллетень оппозиции (большевиков ленинцев). 1937. № 56 – 57. С. 3.

901

Норд Л. Воспоминания о маршале М.Н. Тухачевском // Возрождение. 1957. Тетрадь № 63. С. 51. Норд пересказывает воспоминания своего первого мужа, артиллерийского офицера Н.Н. Куркова. Лидия Норд – один из многочисленных псевдонимов журналистки и поэтессы Ольги Алексеевны Оленич Гнеденко (1907 – 1967), которая работала до Второй мировой войны корреспондентом ленинградских газет, а после войны каким то образом оказалась в Великобритании (существует версия, что она попала в плен на Ленинградском фронте, сотрудничала с власовцами, а после войны не была выдана советским властям и перебралась в Лондон). Оленич Гнеденко публиковалась в эмигрантской прессе, сотрудничала с Русской редакцией Би би си (Равдин Б., Скерфин Г. Тайна журналистки и писательницы // Nuestro Paes. Буэнос Айрес. 2006. 18 de marzo).

902

Троцкий Л. Как вооружалась революция. Т. 3. Ч. 2. С. 114.

903

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 193.

904

Линией Керзона обычно называли линию от Гродно через Брест Литовск восточнее Перемышля и далее до Карпат, которую в 1919 г. Верховный совет Антанты установил в качестве восточной границы Польши. Линия в основном соответствовала этническому принципу. 11 июля 1920 г. министр иностранных дел Великобритании Керзон направил правительству России ноту с требованием, чтобы Красная армия, ведшая наступление на Запад, остановилась на этой линии, а затем отошла от нее на 50 километров и заключила перемирие с Польшей. В противном случае Керзон заявлял, что страны Антанты будут оказывать военную помощь Польскому государству. Советское правительство отвергло тогда «ультиматум Керзона».

905

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.o
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 194.
906
Ленин В.И. Известные документы. С. 358, 382 – 387.
907
Девятая конференция РКП(б). Сентябрь 1920 г.: Протоколы. М.: Политиздат, 1972.
С. 21 – 33, 60 – 62, 75 – 82.
908
Правда. 1920. 14 октября.
909
Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. С. 61 – 62.
910
Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. С. 24, 44, 75.
911
Там же. С. 67.
912
Там же. С. 151, 325, 455.
913
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 17. Ч. 1. С. 155 – 172.
914
Крицман Л. Героический период великой русской революции. Опыт анализа так называемого «военного коммунизма». М., 1926. С. 77.
915
Это открыто признает официальная советская историография: «...Основную часть стоимости заготовленных сельскохозяйственных продуктов крестьяне получали обесцененными денежными знаками. Деньги являлись как бы свидетельством размеров полученной государством ссуды» (История социалистической экономики СССР. Т. 1. М., 1976. С. 375). «Ссуда» эта крестьянам так и не была возвращена.
916
Эта позиция была сформулирована Лениным еще в 1905 г.: «Вместе с крестьянами хозяевами против помещиков и помещичьего государства, вместе с городским пролетариатом против всей буржуазии, против всех крестьян хозяев. Вот лозунг сознательного деревенского пролетариата» (Ленин В.И. Сочинения. Изд. 2 е. М., 1926 – 1932. Т. 8. С. 261).
917
При этом экономическая нецелесообразность хлебной монополии была очевидна всем, в том числе и сотрудникам комиссариата продовольствия (см., в частности, доклад работника Наркомпрода Брюханова во ВЦИКе 8 апреля 1918 г. и последовавшие после этого прения в: Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов II созыва. С. 75 – 88).
918
Там же. С. 194.
919
Там же. С. 249 – 250.
920
Это был способ заинтересовать в доносах всю деревню. Чуть позже, 26 мая, в Тезисах по текущему моменту, вынесенных на утверждение ЦК РКП(б), Ленин предложил подкупать крестьянскую бедноту уже не обесцененными деньгами, а раздачей ей части конфискованного хлеба (Ленин В.И. ПСС. Т. 36. С. 376).
921
Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов II созыва. С. 259. Проект «О чрезвычайных полномочиях народного комиссара по продовольствию» был утвержден СНК и ВЦИКом 13 мая и стал декретом (см.: Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 261 – 266).
922
Правда. 1919. 3 августа; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 17. Ч. 2. С. 190 – 191.
923
Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов II созыва. С. 294.
924
«Мы говорим всем голодающим... что хлеб в стране есть у кулаков, у хищников, у эксплуататоров... Нет, сейчас не будет другого пути... вы пойдете под знамена Советской власти в деревни крестовым походом... Наша партия за Гражданскую войну, Гражданская война уперлась в хлеб» (Там же. С. 388 – 389).
925
Декреты Советской власти. Т. 2. С. 412 – 421. Комитеты бедноты стали формироваться задолго до июньского декрета. В 24 губерниях европейской части

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.о
России в ноябре 1917 – мае 1918 г. было создано по меньшей мере 870 организаций
этого типа (см.: Соболев П.Н. Упрочение союза рабочих и крестьян в первый год
пролетарской диктатуры. М., 1977. С. 135).

926

История советского крестьянства: в 5 т. М., 1986. Т. 1. С. 75.

927

Так, в Петровском уезде Саратовской губернии 25 октября 1918 г. президиум
исполкома предписал «волостные и сельские Советы упразднить и всю власть...
передать волостным и сельским комитетам бедноты (Советы в эпоху военного
коммунизма: Сборник документов. М., 1918. Ч. 1. С. 372 – 373).

928

Например, по губерниям Северной области в августе – октябре 1918 г. Советы были
переизбраны в 294 волостях, то есть 56% из общего числа (см.: Вопросы истории.
1958. № 8. С. 36).

929

В официальных стенограммах съезда говорилось, впрочем, не о замене Советов
комбедами, а лишь о перевыборах: «...Съезд... предлагает всем губернским и уездным
Советам немедленно приступить к перевыборам всех волостных и сельских Советов,
возлагая непосредственное проведение в жизнь перевыборов на комитеты деревенской
бедноты, являющиеся органами коммунистического строительства в деревне» (Съезды
Советов РСФСР и автономных республик РСФСР: Сборник документов. М., 1959. Т. 1.
С. 95 – 96). Однако в начале ноября Ленин на совещании делегатов комбедов
центральных губерний высказывался более откровенно: «Мы сольем комбеды с
Советами, сделаем так, чтобы комбеды стали Советами» (Ленин В.И. ППС. Т. 37. С.
181). Правда, Ленин не доверял и комбедам и готов был, в случае чего, разогнать
новые комбедовские Советы: «Мы знаем, что и в комбеды иногда пролезает кулаки.
Если это будет продолжаться, то и к комбедам будет такое же отношение... Переменой
клички никого не обманешь. Ввиду этого предположено произвести перевыборы в
комбеды» (Там же).

930

Декреты Советской власти. Т. 3. М., 1968. С. 292 – 294. Согласно декрету,
устанавливались крайне высокие нормы продовольственной разверстки, которую
крестьяне чаще всего не могли выполнить, но за невыполнение которой их хлеб
отбирался в принудительном порядке и безвозмездно. К нормам, назначаемым
Центром, прибавлялись еще нормы, определенные местными продовольственными
комиссиями и идущие на удовлетворение запросов местной советской власти. Это
делало тяготы крестьян непомерными и давало простор для злоупотреблений.

931

Правда. 1919. 17 декабря; Троцкий Л.Д. Сочинения. М.; Л.: Госиздат, 1927. Т. 15.
На пути к социализму. Хозяйственное развитие Советской республики. С. 10 – 14.

932

Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 15. С. 107 – 114.

933

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 198.

934

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 13359. Л. 2 – 3.

935

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 198.

936

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 199.

937

Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 17. Ч. 2. С. 641.

938

«При сем препровождаю Вам черновой набросок соображений: 1) по продовольственной
политике; 2) о договорных отношениях, в рамках общегосударственного
хозяйственного плана. Ни то, ни другое не есть проект тезисов для оглашения, а
лишь черновой набросок для согласования в ЦК. Если таковое будет достигнуто,
формулировка должна быть существенно иная, особенно по продовольственному
вопросу» (The Trotsky's Papers. Vol. 2. P. 126, 128).

939

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 13359. Л. 1.

940

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Ед. хр. 65. Л. 1. Утверждению предшествовало детальное
ознакомление с этими тезисами Ленина (вождь явно подозрительно относился теперь
к хозяйственным инициативам Троцкого), в результате чего они были почти
полностью поддержаны. Замечания носили частный характер, наиболее существенными
из них являлись требования подчеркнуть необходимость организации соревнования и
ввести «понижение пайка для неисправных» (Ленин В.И. ПСС. Т. 40. С. 191 – 192),

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.о
что и было сделано.

941

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 369. Л. 40 – 42.

942

Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 15. С. 256 – 257.

943

Бонч Бруевич В.Д. Вся власть Советам! М.: Воениздат, 1958.

944

Всеросглавштаб был создан в мае 1918 г. для руководства ежегодным набором военнообязанных, организации тренировочных сборов и допризывной подготовки, назначения командного состава, выработки уставов. Позже он был преобразован в Главное управление Красной армии.

945

Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 15. С. 257 – 258.

946

Там же. С. 258 – 259.

947

Правда. 1920. 16 января.

948

Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1920. 10, 26 февраля.

949

Правда. 1920. 16 января; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 15. С. 269 – 272.

950

Так было написано в тексте Троцкого. Понятно, что он имел в виду не то, что трудовая армия является врагом рабочего класса, а то, что трудовая армия – это орудие борьбы с врагами рабочего класса.

951

Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 15. С. 272.

952

Уральский рабочий. 1920. 19 февраля; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 15. С. 275 – 282.

953

Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 15. С. 316 – 318.

954

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 369. Л. 114.

955

Известия. 1920. 2 марта; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 15. С. 330 – 331.

956

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 369. Л. 120.

957

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 369. Л. 118.

958

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 369. Л. 8 – 12.

959

Там же. Л. 12.

960

Девятый съезд РКП(б) (март – апрель 1920 г.). Протоколы. М.: Партиздат, 1934. С. 91 – 115.

961

Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 15. С. 107 – 128.

962

Девятый съезд РКП(б). С. 93, 95.

963

Там же. С. 97.

964

Речь идет об Украинской трудовой армии, которую начали формировать после изгнания в феврале 1920 г. из Харькова войск Деникина. Председателем Совета Украинской трудовой армии был назначен И.В. Сталин, являвшийся членом Реввоенсовета Юго Западного фронта. В состав трудармии предполагалось включить части, выделенные фронтом главным образом для восстановления угольных шахт Донбасса. Начавшиеся вскоре военные действия против польской армии не дали возможности даже полностью сформировать Укртрудармию.

965

Девятый съезд РКП(б). С. 102.

966

Девятый съезд РКП(б). С. 384 – 396.

967

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.
девятый съезд РКП(б). С. 388, 390, 395.
968
Там же. С. 396.
969
Там же. С. 396, 428 – 430.
970
Сапронов Тимофей Васильевич (1887 – 1937) – социал демократ с 1912 г., большевик. В октябре 1917 – декабре 1919 г. являлся председателем Московского Совета. Затем в течение года работал в Харькове председателем местного губернского ревкома. В 1921 – 1922 гг. член ЦК РКП(б). Затем работал в ВЦСПС и Главконцесском. В 1919 – 1921 гг. являлся лидером группы демократического централизма (децистов), требовавшей проведения коренных реформ в партии и государстве с целью их демократизации. В 1926 г. участвовал в возрожденной организации децистов, которая в течение недолгого времени входила в объединенную антисталинскую оппозицию. В декабре 1927 г. был исключен из ВКП(б) и сослан. После покаяния в следующем году возвращен из ссылки. Занимал второстепенные должности. Арестован и расстрелян во время Большого террора.
971
девятый съезд РКП(б). С. 115 – 127.
972
Там же. С. 127 – 134.
973
Там же. С. 138.
974
девятый съезд РКП(б). С. 188 – 201, 245, 247, 381 – 383, 533 – 538.
975
Ломоносов Ю.В. (1876 – 1952) – видный инженер железнодорожник, работавший на административных постах в области железнодорожного транспорта в дооктябрьский и советский периоды, автор ряда исследований по проблемам транспорта и многочисленных воспоминаний. Наиболее подробные мемуары Ломоносова в десяти томах хранятся в Русском архиве в Лидсе (Великобритания). В 1927 г., находясь в заграничной командировке, Ломоносов отказался возвратиться в СССР и стал одним из первых невозвращенцев. Он работал железнодорожным консультантом и преподавателем в ряде стран Европы и в США. Последние годы жизни провел в Канаде.
976
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 197 – 198.
977
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 62.
978
Ленин В.И. ПСС. Т. 51. С. 155.
979
The Trotsky\'s Papers. Vol. 2. P. 114.
980
Известия. 1920. 24 марта.
981
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 200.
982
Ломоносов Ю.В. В Народном комиссариате путей сообщения. Ноябрь 1919 – январь 1920. Отрывок из воспоминаний и неизданная корреспонденция В.И. Ленина / Публ. Х.Э. Эплина // Минувшее. Париж: Атенеум, 1990. Т. 10. С. 53.
983
Известия. 1920. 29 мая; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 15. С. 346.
984
Ленин В.И. ПСС. Т. 42. С. 7, 120, 153.
985
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 15. С. 379 – 380.
986
987 Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 15. С. 497 – 498.
988
Правда. 1920. 23 ноября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 15 С. 498, 504 – 505, 594 – 596. Примеч. 230.
989
Официальное оформление «реорганизации», проведенной Троцким, было осуществлено решением пленума ВЦСПС от 3 сентября 1920 г. Взамен старого ЦК рабочих железнодорожного и водного транспорта (Цекпрофсоюз) был образован новый орган – ЦК рабочих транспорта (Цектран) под председательством близкого Троцкому бывшего члена Реввоенсовета Аркадия Павловича Розенгольца, который одновременно был

- в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo. Назначен начальником Главного политического управления путей сообщения (Главполитпути). Розенгольц был также введен в коллегию Наркомата путей сообщения. Таким образом, «огосударствление» профсоюза рабочих транспорта осуществлялось не только на общеорганизационном, но и на персональном уровне.
- 990
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 15. С. 178 – 206.
- 991
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 15. С. 564. Примеч. 117.
- 992
Там же. С. 196 – 204.
- 993
Там же. С. 388 – 405.
- 994
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 15. С. 386 – 387.
- 995
РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 62. Л. 1 – 7.
- 996
Ленин В.И. ПСС. Т. 42. С. 202, 205.
- 997
Ленин В.И. ПСС. Т. 42. С. 203, 206 – 207, 221, 226.
- 998
Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года: Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1963. С. 663 – 674.
- 999
Там же. С. 245 – 261, 264 – 304.
- 1000
Рудзутак Ян Эрнестович (1887 – 1938) – социал демократ с 1905 г., большевик. В 1920 – 1923 гг. генеральный секретарь Всероссийского (затем Всесоюзного) центрального совета профсоюзов (ВЦСПС). В 1923 – 1924 гг. секретарь ЦК РКП(б). В 1924 – 1930 гг. нарком путей сообщения. В 1926 – 1937 г. заместитель председателя Совнаркома СССР. В 1931 – 1934 гг. являлся также председателем ЦКК ВКП(б) и наркомом рабоче крестьянской инспекции СССР. В 1926 – 1936 гг. был членом Политбюро ЦК. Несмотря на то что Рудзутак послушно проводил сталинский курс, в 1937 г. он был арестован и вскоре расстрелян.
- 1001
Правда. 1921. 18 января.
- 1002
The Trotsky\'s Papers. Vol. 2. P. 370, 372.
- 1003
Медведев Сергей Павлович (1885 – 1937) – социал демократ с начала XX в. С 1903 г. – большевик. Подвергался арестам и ссылкам. В 1917 г. был инициатором создания Совета рабочих и солдатских депутатов в г. Ачинске. В 1918 г. приехал в Петроград. Во время Гражданской войны – председатель революционного трибунала при ВЦИК РСФСР и на политработе в Красной армии. С 1920 г. работал в профсоюзах. Был активным участником «рабочей оппозиции». В следующие годы работал в Наркомате тяжелой промышленности. В 1933 г. исключен из партии по подозрению в связи с группой Рютина и сослан. В 1935 г. арестован и приговорен к пятилетнему заключению. В 1937 г. приговор был пересмотрен Военной коллегией Верховного суда СССР, Медведев был приговорен к смертной казни и расстрелян.
- 1004
Фарбман Рафаил Борисович (псевдоним Рафаил) (1893 – 1966) – социал демократ с 1910 г., большевик. После Октябрьского переворота являлся одним из основателей компартии на Украине. Был членом оппозиционной группы демократического централизма. Участник объединенной оппозиции 1926 – 1927 гг. В конце 1927 г. исключен из партии и сослан. В 1930 г. после покаянного заявления возвращен из ссылки и восстановлен в партии. В 1932 г. еще раз исключен и арестован, а затем освобожден и восстановлен в партии. Работал в тресте «Металлолом» в Москве. В 1935 г. в третий раз исключен из партии и отправлен в концлагерь. Освобожден в 1956 г.
- 1005
РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1101. Л.110.
- 1006
Троцкий Л. Есть разногласия, но к чему путаница // Правда. 1921. 29 января.
- 1007
РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 232. Л. 1 – 9; Троцкий Л. О проекте десяти. М., 1921. Между рукописью и типографским текстом имеются расхождения, в частности в изданной брошюре не упоминаются имена Ленина, Зиновьева и других в качестве оппонентов.

- в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo. 1008
- Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 201. 1009
- Так, был введен 8 часовой рабочий день на заводах «Наваль» и «Рассуд» в Николаеве. После национализации промышленности такие опыты прекратились. 1010
- По данным промышленной переписи 1918 г.: к концу года на сдельную зарплату было переведено 85% из 613 тысячной армии рабочих Петрограда (см.: Рабочий класс Советской России в первый год диктатуры пролетариата. М., 1964. Док. 147 (таблица). 1011
- Ленин подходил к вопросу диалектически: «При капиталистическом строе увольнение было нарушением гражданской сделки. Теперь же при нарушении трудовой дисциплины, особенно при введении трудовой повинности, совершается уже уголовное преступление, и за это должна быть наложена определенная кара» (Ленин В.И. ППС. Т. 36. С. 212 – 213). Сталинские указы лета 1940 г. были, собственно, лишь возвратом к этой старой политике. 1012
- Член 2 й Государственной думы большевик Г. Алексинский на думском заседании 7 марта 1907 г. произнес фразу, зазвучавшую злободневно лишь после большевистского переворота: «Надо позаботиться о том, чтобы весь рабочий народ не умер с голоду по пути к социализму [...] (Аплодисменты на левых скамьях.)» (Государственная дума. Второй созыв: Стенографические отчеты, 1907 год. Сессия вторая. Т. 1. СПб., 1907. С. 247). 1013
- Профессиональный вестник. 1918. № 5 – 6 (13 – 14). С. 12. 1014
- Ленин В.И. ППС. Т. 36. С. 202. 1015
- Рабочий класс Советской России в первый год диктатуры пролетариата. С. 146. 1016
- Ленин В.И. ППС. Т. 36. С. 367. 1017
- Декреты Советской власти. Т. 2. С. 431 – 434. 1018
- Подробнее о рабочей политике большевиков в этот период см.: Фельштинский Ю. Большевики и рабочий вопрос в октябре 1917 – 1918 гг. // Новый журнал. 1982. № 149. С. 235 – 249. 1019
- К десятилетию интервенции // Сборник статей. М.; Л., 1929. С. 233. 1020
- Советское официальное издание называет цифру 20 миллионов человек, начиная с 1914 г. (см.: История советского крестьянства. Т. 1. С. 200. Из них примерно 2 миллиона приходится на потери России в Первой мировой войне). 1021
- Струmlin С.Г. Проблемы экономики труда. М., 1957. С. 39. 1022
- Подводная повинность – одна из повинностей крестьянской общины, унаследованная большевистской властью от дореволюционных порядков. Повинность состояла в предоставлении подвод с лошадьми приезжим чиновникам для передвижения по окружающей местности и осуществлялась по очереди всеми крестьянскими дворами безвозмездно. 1023
- Корушин Т.Д. Дни революции и советского строительства в Ишимском округе, 1917 – 1926. Ишим, 1926. С. 70. 1024
- Антоновщина: Сборник статей, очерков и др. материалов. Тамбов, 1923. С. 13. 1025
- Антонов Александр Степанович (1889 – 1922) являлся членом Партии социалистов революционеров с 1904 г. Был осужден на 20 лет каторжных работ за участие в ограблении почтового поезда, освобожден в 1917 г. Примкнул к левым эсерам, однако позже от них отошел, объявив себя независимым социалистом революционером. Был начальником Тамбовской губернской милиции, затем Кирсановской уездной милиции в той же губернии. В 1919 г. Антонов присоединился к начавшимся крестьянским вооруженным выступлениям против продразверстки и попытался придать им по возможности организованный характер, провозгласив создание Объединенной партизанской армии Тамбовской губернии и Союза трудового крестьянства. В программу последнего входили задачи победы над большевиками, восстановления

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.o
свободы торговли и частной собственности, созыва Учредительного собрания.
Антонов был убит в бою в то время, когда крестьянское восстание было уже почти
полностью подавлено.

1026

Батис Эрнест Иванович (1892 – 1937) – участник социал демократического движения
в Латышском крае с 1913 г. В 1914 г. эмигрировал в Великобританию, а затем
переехал в США. Являлся членом социалистической партии. В 1918 г. возвратился в
Россию. В 1919 – 1920 гг. служил начальником политотдела Беломорской военной
флотилии, в сентябре 1920 – апреле 1921 г. был начальником политуправления
Балтийского флота. Затем служил на Дальнем Востоке, являлся военно морским
атташе в Турции. В 1933 – 1935 гг. – слушатель Военно морской академии имени
Ворошилова. По ее окончании был помощником начальника штаба Черноморского флота
и начальником штаба отдельного дивизиона миноносцев и сторожевых кораблей
Северной военной флотилии. Арестован во время Большого террора и расстрелян без
суда.

1027

Кузьмин Николай Николаевич (1883 – 1938) – социал демократ с 1903 г., большевик.
В 1917 г. – редактор большевистских газет «Солдатская правда» и «Деревенская
бедноста». Во время Гражданской войны – на политической работе в Красной армии.
В декабре 1920 – мае 1921 г. – помощник командующего Балтийским флотом по
политчасти. Участвовал в подавлении Кронштадтского восстания, за что был
награжден орденом Красного Знамени. Затем занимал различные должности в Красной
армии. С 1932 г. – на партийной работе. В начале 1937 г. снят с ответственных
постов и назначен начальником транспортной конторы Омского управления
Севморпути. Вслед за этим арестован. На суде отверг выбитые на следствии
показания. Был приговорен к смертной казни и расстрелян.

1028

Кронштадтская трагедия 1921 года: Документы. М.: РОССПЭН, 1999. Т. 1. С. 53.

1029

Там же. С. 63, 80.

1030

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Ед. хр. 177. л. 17.

1031

Кронштадтская трагедия 1921 года. Т. 1. С. 106, 110.

1032

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Ед. хр. 89. л. 11.

1033

Кронштадтская трагедия 1921 года. Т. 1. С. 112.

1034

Петриченко Степан Максимович (1892 – 1947) – моряк Балтийского флота, старший
писарь линкора «Петропавловск». В декабре 1917 г. возглавил так называемую
Советскую республику матросов и строителей на острове Найрен в Эстонии. В 1919
г. вступил в РКП(б), но вскоре был исключен в ходе перерегистрации (фактической
чистки). В марте 1921 г. возглавил восстание моряков крепости Кронштадт против
большевистской диктатуры, был председателем Военно революционного комитета
крепости. Во время подавления восстания вместе с массой других участников ушел в
Финляндию. Работал там заводским рабочим. В 1922 г. стал агентом советской
разведки. Поставлял ценные сведения, в том числе о подготовке Германией войны
против СССР. В 1941 г. был арестован финскими властями. В апреле 1945 г. передан
советским властям, предан военному суду и приговорен к 10 годам заключения. Умер
во время этапирования из концлагеря в тюрьму.

1035

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Ед. хр. 27. л. 20, 22; Кронштадтская трагедия 1921 года.
Т. 1. С. 133, 158, 225, 275 – 276, 288, 351, 565 – 571, 645 – 648.

1036

ЦГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 17498. л. 1; Кронштадтская трагедия 1921 г. Т. 1.
С. 130 – 131.

1037

Архив Троцкого. Фонд 13.1. Т 10238.

1038

Кронштадтская трагедия 1921 года. Т. 1. С. 228.

1039

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Ед. хр. 497. л. 8; Кронштадтская трагедия 1921 года. Т.
1. С. 229.

1040

Кронштадтская трагедия 1921 года. Т. 1. С. 234, 257.

1041

Кронштадтская трагедия 1921 года. С. 349.

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.o
1042
Avrich P. Kronstadt 1921. Princeton: Princeton University Press, 1983. P. 234.
1043
The Trotsky\'s Papers. Vol. 2. P. 400.
1044
Правда. 1921. 16 марта; Известия. 1921. 16 марта; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 17.
ч. 2. С. 518 – 520.
1045
РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Ед. хр. 138. Л. 5; Кронштадтская трагедия 1921 года. Т.
1. С. 563 – 564.
1046
Кронштадтская трагедия 1921 года: Документы. М.: РОССПЭН, 1999. Т. 2. С. 204.
1047
Известия. 1921. 5 апреля; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 17. Ч. 2. С. 523.
1048
Кронштадтская трагедия 1921 года. Т. 2. С. 204.
1049
The Trotsky\'s Papers. Vol. 2. P. 406, 408.
1050
Ibid. P. 410, 412.
1051
Молотов (настоящая фамилия Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890 – 1986) –
советский государственный и партийный деятель, один из ближайших сподвижников
Сталина. Социал демократ с 1906 г., большевик. В первые годы после Октябрьского
переворота 1917 г. занимал партийные и государственные посты на периферии. В
1921 – 1930 гг. секретарь ЦК РКП(б) (ВКП(б)). В 1930 – 1941 гг. председатель
Совнаркома СССР, в 1941 – 1957 гг. первый заместитель председателя Совнаркома
(Совета министров) СССР. Одновременно в 1939 – 1949 и 1953 – 1956 гг. являлся
наркомом (министром) иностранных дел СССР. В конце 40 х – начале 50 х гг.
находился в опале у Сталина. Не был даже исключен его арест как «агента западных
империалистических держав». В 1957 г. был выведен из ЦК КПСС, а в 1962 г.
исключен из партии за участие в «антипартийной группе» – группе наиболее
консервативных партийных деятелей, попытавшихся отстранить от власти Н.С.
Хрущева. С 1962 г. находился на пенсии. В 1984 г. был восстановлен в КПСС.
1052
Архив Троцкого. Фонд 13. Т 678.
1053
The Trotsky\'s Papers. Vol. 2. P. 428, 470 – 480.
1054
Дьяков Б.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР. Красная армия и
Рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922 – 1933: Неизвестные документы. М.:
Советская Россия, 1992. С. 50 – 51.
1055
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 201.
1056
Бюллетень оппозиции (большевиков ленинцев). 1938. № 66 – 67. С. 22 – 26.
1057
Троцкий Л. Еще об усмирении Кронштадта // Бюллетень оппозиции (большевиков
ленинцев). 1938. № 70. С. 10.
1058
Отец одного из авторов этой книги – Иосиф Чернявский (псевдоним Виктор
Свободин), занимавший ответственный пост во Всеукраинском центральном
исполнительном комитете, был исключен из партии в 1921 г. за резкое выступление
против «восстановления капиталистических отношений» на селе под видом перехода к
продовольственному налогу.
1059
Десятый съезд РКП(б). С. 3, 86, 89, 98.
1060
Там же. С. 11, 134, 122; Ленин В.И. ПСС. С. 48.
1061
Андреев Андрей Андреевич (1895 – 1971) – социал демократ с 1914 г., большевик. В
1920 – 1927 гг. секретарь ВЦСПС. С 1931 г. нарком путей сообщения, в 1943 – 1946
гг. нарком земледелия. С 1946 г. заместитель председателя Совета министров СССР.
1062
Соловьев Василий Иванович (1890 – 1939) – социал демократ с 1913 г., большевик.
После Октябрьского переворота 1917 г. занимал различные партийные посты в
Москве. Участвовал в объединенной оппозиции 1926 – 1927 гг. В конце 1927 г. был
исключен из ВКП(б) и сослан, но почти сразу раскаялся, был возвращен в Москву и

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo. Восстановлен в партии. Работал директором Государственной книжной палаты. Арестован во время Большого террора. Умер в заключении.

1063

Альский (псевдоним Мальский) Аркадий Осипович (1892 – 1939) – социал демократ с 1908 г., меньшевик. С 1917 г. – большевик. Был на административной работе в Воронеже, Минске и других городах. Работал заведующим учетно распределительным отделом ЦК РКП(б). В 1921 – 1926 гг. – заместитель наркома финансов. В 1926 г. недолгое время находился в Китае в качестве советника кантонского правительства Гоминьдана. В 1926 – 1927 гг. – участник объединенной оппозиции. В декабре 1927 г. исключен из ВКП(б), а затем сослан в Нарым, позже в Барнаул. После раскаяния в 1930 г. возвращен из ссылки и восстановлен в ВКП(б). В 1933 г. вновь исключен из партии и арестован. Расстрелян во время Большого террора.

1064

Врачев Иван Яковлевич (1898 – 1997) – большевик с 1917 г. Участвовал в Гражданской войне в качестве комиссара дивизии Красной армии, в 1921 г. был начальником политуправления Туркестанского фронта, затем начальником политуправления Отдельной Кавказской армии. Участник объединенной оппозиции 1926 – 1927 гг. В декабре 1927 г. исключен из ВКП(б), а затем сослан в Вологду. В 1930 г. после заявления о разрыве с оппозицией освобожден из ссылки и восстановлен в партии. В 1936 г. вновь исключен и сослан. Участвовал в советско германской войне в качестве рядового солдата. В 1949 г. арестован и приговорен к заключению на 25 лет. Освобожден в 1956 г. Автор воспоминаний о Гражданской войне.

1065

Врачев И. Два слова о Дзержинском. Письмо в редакцию // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 181 – 182.

1066

Десятый съезд РКП(б). С. 188, 216, 167, 253.

1067

Десятый съезд РКП(б). С. 352 – 355.

1068

Там же. С. 379; Ленин В.И. ПСС. Т. 43. С. 53.

1069

Десятый съезд РКП(б). С. 387.

1070

Там же. С. 389 – 394.

1071

Там же. С. 399.

1072

Десятый съезд РКП(б). С. 616.

1073

Gorky M. Days with Lenin. New York: International Publishers, 1932. P. 56 – 57. Имея в виду, что у Ленина в это время было значительно больше оснований считать Горького «не нашим», нежели Троцкого, можно полагать, что писатель внес изрядную долю художественного воображения в этот текст, который по условию поставленной задачи должен был бы носить документальный характер. Ленин вряд ли мог откровенничать с Горьким, с которым с ноября 1917 по конец 1920 г. (до отъезда писателя за рубеж) встречался всего три раза, причем беседы происходили в основном по вопросу об улучшении быта ученых (Ленин В.И. ПСС. Т. 41. С. 650, 664). В издании 1932 г. Горький явно пытался угодить Сталину. Этого, однако, не произошло. Из всех следующих изданий воспоминаний Горького о Ленине фрагмент, посвященный Троцкому, был исключен. В то же время внутренний настрой Ленина по отношению к Троцкому Горький уловил достаточно правильно. Горький вспоминал, что эти слова – «с нами, но не наш» – Ленин использовал дважды. Второй раз – о человеке, которого Горький не назвал, но которого легко просчитать, – о Красине.

1074

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 376. Л. 165.

1075

Краснощеков Александр Михайлович (настоящие фамилия, имя и отчество Краснощек Абрам Моисеевич) (1880 – 1937) – социал демократ с 1896 г. В 1902 г. эмигрировал, с 1903 г. жил в США. Участвовал в профсоюзном движении, состоял членом Американской федерации труда, работая портным. Окончил Чикагский университет по специальности «право». В 1917 г. возвратился в Россию. Вступил в большевистскую партию. В 1918 г. являлся председателем Дальневосточного Совнаркома. В 1919 г. находился на подпольной работе на Дальнем Востоке. В 1920 – 1921 гг. – председатель правительства, а затем министр иностранных дел Дальневосточной республики. Подвергался критике за содействие легализации эсеров и меньшевиков. В 1922 г. был назначен председателем правления Промбанка СССР. В

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.o
1923 г. был арестован по обвинению в растрате госсредств, приговорен к шести годам заключения. В 1925 г. амнистирован. Работал в Наркомате земледелия СССР. Вновь арестован в 1937 г. и расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

1076

Смирнов Иван Никитич (1881 – 1936) – участник социал демократического движения с начала XX в., с 1903 г. большевик. После Октябрьского переворота 1917 г. занимал различные ответственные посты. Являлся наркомом почты и телеграфа СССР. Участник объединенной оппозиции 1926 – 1927 гг. В декабре 1927 г. исключен из партии и сослан в Сухуми, затем в Ново Баязет. После раскаяния в 1929 г. был восстановлен в партии. В 1933 г. опять исключен из партии и арестован. На судебном процессе по делу объединенного троцкистско зиновьевского центра в августе 1936 г. приговорен к смертной казни и расстрелян.

1077

The Trotsky\'s Papers. vol. 2. P. 400.

1078

Ibid. P. 406. Вскоре Краснощеков был заменен более заслуживавшим, по мнению Москвы, доверия главой правительства Б.З. Шумяцким, а еще позже Н.М. Матвеевым, происходившим из забайкальских казаков. Сформированная из партизанских отрядов Народно революционная армия заняла оставленное японцами Забайкалье. Правда, в мае 1921 г. во Владивостоке произошел государственный переворот, в результате которого было образовано правительство местных промышленников братьев Меркуловых, которые попытались начать вооруженную борьбу против ДВР. В феврале 1922 г. части НРА заняли Хабаровск, а в октябре Владивосток. 15 ноября 1922 г. было объявлено о происшедшем уже воссоединении Дальневосточной республики с РСФСР.

1079

The Trotsky\'s Papers. vol. 2. P. 414.

1080

Восстановление военно морского флота // Военно исторический журнал. 1963. № 3. С. 106 – 109.

1081

Ленин В.И. ПСС. Т. 42. С. 153.

1082

Одиннадцатый съезд РКП(б). Март – апрель 1922 года // Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1961. С. 10.

1083

Там же. С. 283 – 294.

1084

Двенадцатый съезд РКП(б). 17 – 25 апреля 1923 года: Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1968. С. 416 – 417.

1085

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 1 – 3.

1086

Свечин Александр Андреевич (1878 – 1938) – российский, а затем советский военный деятель. Во время Первой мировой войны был генерал майором, начальником штаба армии. В Красной армии служил с 1918 г. начальником Полевого штаба, профессором Военной академии имени Фрунзе и Академии Генштаба. Автор трудов по военной истории, стратегии и тактике. В 1930 и 1932 гг. подвергался арестам органами ОГПУ, но оба раза вскоре был освобожден. Вновь арестован во время Большого террора и расстрелян по «сталинскому списку».

1087

Свечин А. Критика тезисов Л. Троцкого // Постигание военного искусства. Идейное наследие А. Свечина. М.: Военный университет, 1999. С. 178 – 181.

1088

Лежава Андрей Матвеевич (1870 – 1937) – во второй половине 80 х – 90 х гг. XIX в. народник, социал демократ с 1904 г., большевик. В 1919 – 1920 гг. – председатель Центросоюза (объединения предприятий потребительской кооперации). В 1921 – 1922 гг. – заместитель наркома внешней торговли. В 1922 – 1924 гг. – нарком внутренней торговли СССР. В 1924 – 1930 гг. – заместитель председателя Совнаркома РСФСР и председатель республиканского Госплана. В дальнейшем занимал второстепенные хозяйственные должности. Арестован и расстрелян в период Большого террора.

1089

Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР. С. 33 – 34.

1090

Керженцев (настоящая фамилия Лебедев) Платон Михайлович (1881 – 1940) – социал демократ с 1904 г., большевик. Сотрудничал в газетах «Звезда» и «Правда». В 1912

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo. 0
– 1917 гг. – в эмиграции. По возвращении в Россию был заместителем редактора
газеты «Известия ВЦИК». В 1919 – 1920 гг. – руководитель РОСТА, затем на
дипломатической работе (полпред в Швеции и Италии). С 1933 г – председатель
Радиокомитета, в 1936 – 1938 гг. – Комитета по делам искусств при Совнарком
СССР. С 1938 г. – на руководящей работе в издательстве «Советская энциклопедия».
Автор трудов по истории Парижской коммуны и рабочего движения в Великобритании.
1091

The Trotsky\`s Papers. Vo1. 2. P. 596, 598.

1092

Poznyakov V. V. The Soviet Intelligent Services and the Government. Information
and Military Political Decisions from the 1920s to the Early 1950s // Rosenfeldt
and others (ed.). Mechanisms of Power in the Soviet Union. New York: St.
Martin\`s Press, 2000. P. 102 – 103.

1093

Зейбот Арвид Янович (1894 – 1934) – член Социал демократии Латышского края с
1912 г. В 1917 г. – депутат Рижского Совета. Примыкал к меньшевикам
интернационалистам, с 1918 г. – большевик. С 1919 г. служил в Красной армии. С
сентября 1920 г. – помощник начальника Регистрационного управления Полевого
штаба (военной разведки), с апреля 1921 г. – начальник Разведуправления Штаба
Красной армии (до 1924 г.). Затем работал генеральным консулом в Харбине, был
сотрудником Наркомата рабоче крестьянской инспекции, помощником заместителя
председателя Совнаркома СССР Я.Э. Рудзутака.

1094

Берзин Ян Карлович (настоящие фамилия, имя и отчество Козис Петерис Янович)
(1889 – 1938) – член Социал демократии Латышского края с 1905 г., примыкал к
большевикам. С 1917 г. большевик. С декабря 1917 г. служил в Наркомате
внутренних дел РСФСР, с декабря 1920 г. – в Разведуправлении Красной армии. В
1924 – 1935 гг. – начальник Четвертого управления (Разведуправления) Штаба
Красной армии. В 1936 – 1937 гг., во время Гражданской войны в Испании, –
главный военный советник армии республиканской Испании. Отозван в 1937 г. и
вновь назначен начальником Разведуправления. Арестован в том же году и
расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

1095

Wheeler Bennett J.W. German Soviet Relations between the Two world wars 1919 –
1939. London, 1952. P. 361 – 362.

1096

Это был псевдоним германского офицера Оскара фон Нидермайера (1885 – ?), который
в 1921 – 1931 гг. возглавлял германский московский центр по наблюдению за
выполнением советско германского соглашения о военном сотрудничестве. В 1933 –
1935 гг. Нидермайер являлся германским военным атташе в Москве, а затем служил в
Берлине. Во время Второй мировой войны командовал дивизией на германско
советском фронте. В 1944 г. был арестован за участие в заговоре против Гитлера,
находился в заключении. В 1945 г. был захвачен в плен советскими войсками. С тех
пор его следы теряются.

1097

The Trotsky\`s Papers. Vo1. 2. P. 440, 442.

1098

The Trotsky\`s Papers. Vo1. 2. P. 434.

1099

Богданов Петр Алексеевич (1882 – 1939) – социал демократ с 1905 г., большевик.
По специальности инженер. В 1917 г. председатель военной секции Гомельского
Совета, затем председатель Гомельского ревкома. С 1918 г. на хозяйственной
работе. В 1921 – 1925 гг. председатель Высшего совета народного хозяйства РСФСР.
В 1926 – 1929 гг. председатель Северо Кавказского крайисполкома. Позже
возглавлял Амторг (советскую организацию по торговле с США). Арестован в 1937 г.
и по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР отправлен в концлагерь.
Затем приговор был пересмотрен, Богданов приговорен к смертной казни и
расстрелян.

1100

Циперович (Цыперович) Григорий Владимирович (1871 – 1932) – экономист, участник
социал демократического движения в Одессе, организатор революционных кружков.
Подвергался арестам и ссылкам. После Октябрьского переворота 1917 г. служил в
советских хозяйственных учреждениях. Член РКП(б) с 1919 г. Автор первой книги о
корпоративном капитализме в России – «Синдикаты и тресты в России» (1918) – и
ряда других работ, а также воспоминаний о ссылке на Колыме.

1101

Ленин В.И. ПСС. Т. 44. С. 176.

1102

- в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский *filosoff.o*
Русская православная церковь в советское время (1917 – 1991). М.: Пропилеи,
1995. Т. 1. С. 160.
1103
Алексеев В. Был ли Патриарх Никон «вождем церковной контрреволюции»? // Диалог.
1990. № 10. С. 96.
1104
РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Ед. хр. 285. Л. 13.
1105
Архив Президента Российской Федерации (далее АПРФ). Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 267. Л.
15 (цитируется по Интернету («Письмо Л.Д. Троцкого в Политбюро ЦК РКП(б) с
предложениями о репрессиях против духовенства, принятыми Политбюро с поправками
В.М. Молотова»)).
1106
Ленин В.И. Неизвестные документы. С. 516 – 519.
1107
РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Ед. хр. 288. Л. 6 – 7; Вопросы истории КПСС. 1990. № 4. С.
№ 194 – 195.
1108
РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Ед. хр. 293. Л. 12; Вопросы истории КПСС. 1990. № 4. С.
195.
1109
Правда. 1922. 14 мая.
1110
Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 196 – 197.
1111
Экстраполируя случай с группой Антония на значительно более широкий круг
церковно религиозных проблем, Троцкий в дополнении к этому документу утверждал,
что редакции центральных газет не отдают себе достаточного отчета в их важности.
«Только путем величайших нажимов удастся получить статью по этому вопросу. Затем
все входит в колею. Мельчайшая генуэзская дребедень занимает целые страницы в то
время, как глубочайшей духовной революции в русском народе (или, вернее,
подготовке этой глубочайшей революции) отводятся задворки газет».
1112
Яковлев А.Н. По мощам и елей. М.: Евразия, 1995. С. 89.
1113
Serge V., Sedova Trotsky N. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 92.
1114
Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 105.
1115
РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 11186. Л. 2.
1116
Serge V., Sedova Trotsky N. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 82.
1117
Ransome A. Russia in 1919. P. 52.
1118
Микоян Анастас Иванович (правильно Ованесович) (1895 – 1978) – советский
партийный и государственный деятель. Социал демократ с 1915 г., большевик.
Участвовал в Гражданской войне в Закавказье. В 1920 – 1926 гг. секретарь
региональных партийных органов. В 1926 – 1946 гг. нарком внутренней и внешней
торговли СССР, нарком снабжения, нарком пищевой промышленности, нарком внешней
торговли. Одновременно с 1937 г. заместитель председателя Совнаркома СССР. В
1936 – 1956 гг. занимал министерские посты и был заместителем председателя, а с
1955 г. первым заместителем председателя Совета министров СССР. В 1964 – 1965
гг. председатель Президиума Верховного Совета СССР, после чего был отправлен в
отставку. До 1976 г. был членом ЦК КПСС. На протяжении долгой политической
карьеры проявил уникальную способность приспосабливаться ко всем советским лидерам
от Сталина до Брежнева. Автор нескольких апологетических мемуарных книг.
1119
Микоян Н.А. С любовью и печалью. М.: Терра, 1998. С. 107 – 108.
1120
Енукидзе Амель Сафронович (1877 – 1937) – участник социал демократического
движения с 1898 г. С 1903 г. – большевик. С 1918 г. – секретарь Президиума
ВЦИКа, в 1922 – 1935 гг. – секретарь Президиума ЦИКа СССР. Был личным другом
семьи Сталина, крестным отцом его жены Надежды Аллилуевой. Попал в немилость в
середине 30 х гг. за помощь, которую он оказывал политзаключенным и ссыльным, а
также за публикацию воспоминаний, в которых недостаточно, по мнению Сталина,
акцентировалась роль Сталина в революционном движении в Закавказье. Был обвинен
в связях с «врагами народа», сначала снят со своего поста и переведен на низовые

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.o
должности, затем арестован и расстрелян без суда.

1121

Serge V., Sedova Trotsky N. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 82.

1122

РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Ед. хр. 382. Л. 375.

1123

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Ед. хр. 104. Л. 6.

1124

Serge V., Sedova Trotsky N. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 83.

1125

Готье Ю.В. Мои заметки // Вопросы истории. 1991. № 11. С. 151. Вряд ли можно на основании этой записи сделать вывод, подобный тому, который содержится в книге Я. Тэтчера, что Троцкий использовал свою жену в качестве бесплатного секретаря.

1126

Грабарь Игорь Эммануилович (1871 – 1960) – художник, искусствовед, музейный деятель. Получил образование в Петербургской академии художеств, а затем в Париже и Мюнхене. Создавал пейзажи, а после 1917 г. официальные «придворные» композиции и портреты. С 1918 г. работал в образованном по его инициативе Музеем отделе Наркомпроса РСФСР. В 1913 – 1925 гг. являлся попечителем Третьяковской галереи. Грабарь избежал участи жертвы Большого террора, несмотря на свою связь с Троцким и его супругой, в значительной степени благодаря созданию им портрета девочки по имени Светлана, ведь именно так звали дочь Сталина. После Второй мировой войны Грабарь возглавил Бюро экспертов, которое руководило бригадами «конфискаторов», выявлявших и вывозивших в СССР художественные ценности из европейских музеев. Стал лауреатом Сталинской премии, академиком. В кругу коллег Грабарь пользовался неоднозначной репутацией. У него была кличка Угорь Обмануилович.

1127

Смирнов Д. Она спасала «буржуйское добро» // Уральский курьер. 2002. 2 апреля.

1128

Небезынтересно, что и другие жены занимали ответственные посты в Наркомате просвещения. Хитроумный Луначарский таким путем создавал себе более прочное положение. До июля 1919 г. театральным отделом наркомата руководила Ольга Давидовна Каменева – сестра Троцкого и жена Л.Б. Каменева – одного из ближайших соратников Ленина, который остался таковым, несмотря на недолгие разногласия в 1917 г. – как перед Октябрьским переворотом, так и после него. Что же касается Н.К. Крупской, то она с 1918 г. заведовала особенно важным по тогдашним представлениям органом – внешкольным отделом Наркомпроса, который в 1920 г. был преобразован в Главный политико просветительный комитет (Главполитпросвет).

1129

Вот мнение известного искусствоведа и переводчика А.М. Эфроса (1924 г.): «Мы считаем необходимым подчеркнуть, в какой значительной степени обязано музейное строительство энергии и такту Н.И. Троцкой, сыгравшей, несомненно, историческую роль своим руководством работы центрального музейного органа революции». Эта оценка особенно значима, так как в 1924 г. уже началось широкомасштабное политическое преследование Троцкого сталинской группой.

1130

Архив Троцкого. Фонд 13. Т 5575.

1131

Краминова Н. Золото Троцкого. Новая газета. 2003. 18 декабря.

1132

Письма Л.Б. Красина жене и детям // Вопросы истории. 2002. № 4. С. 110.

1133

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 139.

1134

Валькириями в германской и скандинавской мифологии называли воинственных дев, решавших исход сражений, а затем отбиравших храбрейших из павших воинов и уносивших их в загробное царство.

1135

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 139 – 140.

1136

«Мятежная чета» в Кабуле // Отечественные архивы. 2003. № 1. С. 81 – 82, 84.

1137

Рейснер Л. Афганистан. М.; Л.: Госиздат, 1925. С. 47.

1138

В связи с одним из выступлений Черчилля о предполагаемом наступлении 14 государств на Россию Троцкий дал интервью РОСТА, в котором, в частности, говорилось: «Лорд Черчилль не принадлежит к числу тех политиков, слова которых

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.о
принимаются за чистую монету. На невежественную и тупую мелкобуржуазную чернь,
для которой говорил лорд Черчилль, число «14 государств», вступающих в бой с
Россией, должно производить большое впечатление». Но Черчилль, по словам
Троцкого, лишь крикливо хвастал «числом мелких, в военном смысле ничтожных
союзников в борьбе против Красной армии» (РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 49. л.
1).

1139
О жизни и творчестве К. Шеридан см.: Leslie A. Clare Sheridan. Garden City:
Doubleday, 1977.

1140
Балабанова А. Моя жизнь – борьба. Мемуары русской социалистки. 1897 – 1938. М.:
Центрполиграф, 2007. С. 305.

1141
Sheridan C. Naked Truth. New York and London: Harper & Brothers Publishers,
1928. P. 192.

1142
Sheridan C. Naked Truth. P. 191 – 192.

1143
Ibid. P. 192 – 193.

1144
Смешливый (фр).

1145
Sheridan C. Naked Truth. P. 195.

1146
Sheridan C. Naked Truth. 196 – 197.

1147
Ibid. P. 198.

1148
Вы обманете меня (фр).

1149
Отточие оригинала.

1150
Sheridan C. Naked Truth. P. 199 – 201.

1151
Ibid. P. 202.

1152
Fischer L. Russia's Road from Peace to War. Soviet Foreign Relations, 1917 –
1941. New York, Harper & Row, 1969. P. 605.

1153
Однофамилец Клер английский драматург Ричард Шеридан.

1154
Clare Sheridan to Shane Leslie // Sir Shane Leslie Papers. ALS 10/23/1920.
Special Collections Division. Lauinger Library. Georgetown University.
Washington, DC USA.

1155
Sheridan C. Naked Truth. P. 202, 361 – 362, 366. В следующие годы Шеридан
стяжала себе имя не только новыми бюстами, но также многочисленными
путешествиями в качестве журналистки, бравшей интервью у крупных политических и
культурных деятелей (в том числе Б. Муссолини, М.К. Ататюрка, диктатора
Никарагуа Анастасио Сомосы, Чарли Чаплина), которые публиковались главным
образом в американской печати. В 40 х гг. она занялась гравировкой по дереву. Не
отличаясь строгостью нравов, Клер состояла в интимной связи с рядом известных
лиц, в том числе с Ч. Чаплином. Одно время она находилась под наблюдением
британской контрразведывательной службы по подозрению в шпионаже в пользу СССР,
однако дальше непроверенной информации дело не пошло. Обратившись к католицизму,
она последние годы жизни провела в добровольном полузаточении. Ею был написан
ряд книг, главным образом автобиографического характера. К. Шеридан скончалась в
1970 г.

1156
фотография опубликована в книге воспоминаний К. Шеридан (Sheridan C. Naked
Truth. P. 194 – 195).

1157
Ленин В.И. ПСС. 1964. Т. 45. С. 7.

1158
Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 189.

1159
Там же. С. 189 – 190.

1160

- в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.
Там же. С. 23.
1161
РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2с. Ед. хр. 1164. Л. 1. Вопрос о становлении партийного механизма политической власти в СССР и позиции Троцкого по отношению к нему во время его зарождения квалифицированно проанализировала И.В. Павлова (Павлова И.В. Механизм политической власти в СССР в 20 е – 30 е годы // Вопросы истории. 1998. № 11 – 12. С. 50 – 51; Pavlova I.V. The Strength and weakness of Stalin's Power // Rosenfeldt and others (ed.). Mechanisms of Power in the Soviet Union. Palgrave Macmillan, 2000. P. 23 – 39).
1162
Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 61, 512 – 513.
1163
РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 126. Л. 5.
1164
Микоян А.И. Мысли и воспоминания о Ленине. М.: Политиздат, 1970. С. 194 – 195.
1165
Письмо сохранилось в архивном фонде Сталина: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 816. л.10 – 12.
1166
РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 816. л. 7.
1167
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 202.
1168
Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 122.
1169
Курсив наш. (Авт.)
1170
Известия ЦК КПСС. 1989. Январь. № 1. С. 215.
1171
Троцкий Л. Портреты революционеров / Сост. Ю. Фельштинский. М.: Московский рабочий, 1991. С. 67.
1172
Наше отечество. Опыт политической истории. М.: Терра. 1991. Т. 2. С. 166.
1173
Десятый съезд РКП(б). С. 349 – 350. Через год, на XI съезде партии, Троцкий вновь напомнит забывчивым, как он полагал, делегатам о своем предложении 1920 г. об отмене продразверстки (Одиннадцатый съезд РКП(б). С. 270).
1174
Ball A.M. Russia's Last Capitalists. The Nephews. 1921 – 1929. Berkeley: University of California Press, 1987. P. 15.
1175
Ленин В.И. ПСС. Т. 54. С. 314.
1176
Правда. 1922. 6 декабря.
1177
Sinclair L. Trotsky. A Bibliography. Brookfield: Gover Publishing Company, 1989. Vol. 1. P. 339.
1178
Одиннадцатый съезд РКП(б). С. 128 – 137.
1179
Ульянова Мария Ильинична (1878 – 1937) – младшая сестра В.И. Ленина. Участвовала в социал демократическом движении с 1898 г. Неоднократно подвергалась арестам. Находилась в эмиграции во Франции, где окончила университет. После Октябрьского переворота – член редколлегии и ответственный секретарь газеты «Правда». С 1934 г. – член Комиссии советского контроля.
1180
Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 197, 201.
1181
Правда. 1988. 26 февраля. № 57.
1182
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 208 – 209.
1183
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 206 – 207. Отточия оригинала.
1184
Там же.
1185
Винокуров Александр Николаевич (1869 – 1944) – социал демократ с 1893 г., с 1905 г. большевик. В 1913 – 1917 гг. один из редакторов большевистского журнала

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.
«Вопросы страхования». В 1918 – 1921 гг. – нарком социального обеспечения РСФСР.
В 1921 – 1924 гг. – член комиссии по борьбе с голодом. В 1924 – 1938 гг.
председатель Верховного суда СССР. Отстраненный от этой должности, был назначен
начальником отдела санитарного просвещения Наркомата здравоохранения СССР.
1186
Смидович Петр Гермогенович (1874 – 1935) – социал демократ с 1898 г., с 1903 г.
большевик. В 1918 г. председатель Моссовета. Позже работал в Центральном
исполнительном комитете СССР.
1187
Троцкий Л. Портреты революционеров. С. 80.
1188
Как мы увидим, это произошло не в феврале, а в марте 1923 г.
1189
Эта оговорка Троцкого – «если он вообще его требовал» – очень интересна, тем
более что в марте 1923 г., как будет показано, Ленин уже не мог ничего
требовать.
1190
Ягода Генрих Григорьевич (1891 – 1938), с 1907 г. – анархист, с 1917 г. –
большевик. С 1920 г. работал в ВЧК, затем в ОГПУ, где дослужился до поста
заместителя председателя, а затем председателя. В 1934 – 1936 гг. нарком
внутренних дел СССР. Являлся первым главным исполнителем сталинского Большого
террора. В 1936 – 1937 гг. – нарком связи СССР. В 1937 г. снят с должности и
арестован. На судебном процессе по делу правотроцкистского блока в марте 1938 г.
приговорен к смертной казни и расстрелян. Учитывая тяжкие преступления Ягоды в
качестве сталинского приспешника, Верховный суд СССР при пересмотре дела не
реабилитировал его, хотя все обвинения на суде по адресу Ягоды (в шпионаже,
терроре против высших руководителей СССР и т. п.) были сфабрикованы.
1191
Троцкий крайне неудачно выразился, так как фраза имеет двойной смысл. Он конечно
же должен был написать «врачи потеряли», так как, безусловно, Троцкий имеет в
виду, что врачи оставили все надежды на выздоровление Ленина, о чем Сталин
Ленину и сообщил. Это следует и из хранящегося в архиве Троцкого английского
перевода статьи, выверенного и исправленного Троцким, где написано: «had left no
hope for his recovery», то есть «потеряли надежду на его выздоровление».
1192
Троцкий Л. Портреты революционеров. Статья «Сверх Борджиа в Кремле».
1193
Семенов (настоящая фамилия Васильев) Григорий Иванович (1891 – 1937) – член
партии эсеров с 1907 г. После Октябрьского переворота 1917 г. являлся
руководителем центрального боевого отряда при ЦК ПСР. Агент ЧК (советской
разведки). Тайно принят в РКП(б). В феврале 1922 г. во время подготовки
судебного процесса над руководителями партии эсеров опубликовал в Берлине книгу
«Военная и боевая работа партии социалистов революционеров за 1917 – 1918 гг.»,
разоблачавшую саботаж и террористические действия эсеров после Октябрьского
переворота. Был в числе подсудимых на процессе над эсеровскими руководителями и
одновременно являлся свидетелем обвинения. Приговорен к расстрелу, но по решению
суда полностью освобожден от наказания за помощь, оказанную следствию. После
этого работал в ВЧК и военной разведке Красной армии. Длительное время находился
на нелегальной работе в Китае. Арестован в 1937 г. и расстрелян по приговору
военной коллегии Верховного суда СССР. Реабилитирован постановлением
Верховного суда СССР.
1194
Источник. 1993. № 2. С. 70.
1195
Pomper Ph., Felshtinsky Y. Trotsky's Notebooks, 1933 – 1935. Columbia
University Press, New York, 1986. P. 129.
1196
Фотиева Лидия Александровна (1881 – 1975) – участница социал демократического
движения с 1904 г., большевик. В 1917 г. работала в редакции газеты «Правда». В
1918 – 1930 гг. технический секретарь Совнаркома РСФСР (СССР). Фактически в 1918
– 1924 гг. являлась личным секретарем Ленина. С 1933 г. Фотиева работала в
Главэнерго, с 1938 г. – в Центральном музее В.И. Ленина. С 1956 г. – на
персональной пенсии.
1197
К истории последних ленинских документов. Из архива писателя А. Бека,
беседовавшего в 1967 году с личными секретарями Ленина // Московские новости.
1989. 23 апреля. № 17. С. 8 – 9 [далее: Из архива Бека].
1198

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.o

Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. М.: Партиздат, 1932. С. 45.

1199

Из архива Бека.

1200

М.И. Ульянова об отношении В.И. Ленина к И.В. Сталину // Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 198 – 199.

1201

Из архива Бека.

1202

Куйбышев Валериан Владимирович (1888 – 1935) – социал демократ с 1904 г., большевик. Участник Октябрьского переворота 1917 г. в Самаре. В годы Гражданской войны комиссар дивизий и армий, член военных советов ряда фронтов. В 1923 – 1926 гг. нарком рабоче крестьянской инспекции. С 1926 г. председатель ВСНХ, с 1930 г. председатель Госплана СССР. Являлся одним из ближайших сподвижников Сталина. Незадолго до скоростижной смерти стал подвергаться обвинениям в сочувствии троцкизму. Через два года после смерти Куйбышева его жена и брат были арестованы и расстреляны.

1203

Агамали Оглы (Алиев) Самед Ага (1867 – 1930) – азербайджанский общественный деятель, член национальных социал демократических организаций. Участник революции 1905 – 1907 гг. В 1922 – 1929 гг. – председатель Центрального исполнительного комитета Азербайджанской ССР и один из председателей ЦИК Закавказской Федерации. Автор работ по истории революционного движения и культуры на Востоке.

1204

Мясников (Мясникян) Александр Федорович (1886 – 1925) – социал демократ с 1906 г., большевик. Один из руководителей борьбы за большевистскую власть в Белоруссии. В 1921 г. – председатель Революционного комитета, а затем – председатель Совнаркома Армянской ССР. С 1922 г. – первый секретарь Закавказского крайкома РКП(б). Автор работ по истории революционного движения и армянской литературы. Погиб в авиакатастрофе.

1205

Мдивани Поликарп Гургенович (псевдоним Буду) (1877 – 1937) – социал демократ с начала XX в. Вел революционную пропаганду в Закавказье. Многократно подвергался заключению. После Октябрьского переворота 1917 г. занимал различные посты в Красной армии. В 1921 г. – председатель Грузинского революционного комитета, затем – председатель Совнаркома Грузии (до 1923 г.). Выступал против сталинского плана включения советских республик в состав РСФСР. В 1923 – 1928 гг. – торгпред СССР во Франции. Участник объединенной оппозиции 1926 – 1927 гг. В декабре 1927 г. исключен из партии и сослан. В 1931 г. после покаянного заявления возвращен из ссылки и восстановлен в ВКП(б). Занимал второстепенные государственные посты в Грузинской ССР. В 1936 г. арестован и обвинен в подготовке убийства Сталина. Расстрелян в июле 1937 г.

1206

Червяков Александр Григорьевич (1892 – 1937) – большевик с 1917 г. В 1918 г. комиссар по белорусским делам при Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР. В 1920 г. – председатель Всебелорусского ревкома, затем – председатель Совнаркома Белоруссии (до 1924 г.). С декабря 1922 г. – председатель Центрального исполнительного комитета Белоруссии. В 1937 г. стал жертвой кампании ожесточенных нападок и покончил жизнь самоубийством.

1207

Янсон Яков Давидович (1886 – 1938) – социал демократ с 1904 г., большевик. В 1917 г. член Иркутского комитета РСДРП(б). После Октябрьского переворота – председатель Иркутского Совета, затем занимал различные административные посты в Сибири. Недолгое время был министром иностранных дел Дальневосточной республики. С 1933 г. являлся торговым представителем СССР в США, членом коллегии Наркомата внешней торговли. В середине 30 х гг. был заведующим издательством «Академия» в Москве. Арестован во время Большого террора и расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

1208

Ходжаев (Ходжаоглы) файзулла (1896 – 1938) – с 1916 г. участник движения младобухарцев, выступавшего за ликвидацию Бухарского эмирата как монархического режима. С 1920 г. – большевик. С 1920 г. – председатель Бухарского ревкома, председатель Совета народных назиров (правительства Бухарской советской республики), с 1925 г. – председатель Совнаркома Узбекской ССР. Арестован в 1937 г., в марте 1938 г. приговорен к смертной казни на открытом процессе в числе участников правотроцкистского блока. Расстрелян.

1209

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.о

Назаретян Амаяк Макарович (1889 – 1937) – социал демократ с 1905 г., большевик. В 1911 – 1913 гг. – эмигрант в Швейцарии. После 1917 г. занимал различные партийные посты в Закавказье. С 1920 г. – секретарь Кавказского бюро ЦК РКП(б). В 1922 – 1923 гг. – заведующий бюро Секретариата ЦК РКП(б). С 1924 г. – секретарь Закавказского крайкома ЦК РКП(б). В 1933 – 1934 гг. – член коллегии Наркомата рабоче крестьянской инспекции СССР. Арестован и расстрелян во время Большого террора.

1210
Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 551 – 558.

1211
Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 211 – 213.

1212
Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 214.

1213
Кабахидзе Акакий (Юрий) (1890 – 1937?) – участник социал демократического движения в Грузии. В 1917 г. меньшевик интернационалист, а затем большевик. Участвовал в Гражданской войне на Восточном фронте, занимая командные должности. В 1919 – 1921 гг. на подпольной работе в Грузии. После установления в Грузии большевистской власти в 1921 г. являлся заместителем начальника военно транспортных сил республики. Конфликт с Орджоникидзе в 1922 г. привел Кабахидзе к сотрудничеству с противниками Сталина, который взял Орджоникидзе под защиту. Кабахидзе участвовал в объединенной оппозиции 1926 – 1927 гг., но в конце 1927 г. порвал с ней и не был репрессирован. Был начальником ряда железных дорог. Арестован и расстрелян во время Большого террора.

1214
Цинцадзе Алипий (псевдоним котэ) (1887 – 1930) – участник социал демократического движения, большевик. После Октябрьского переворота 1917 г. занимал различные посты в советском административном и военном аппарате. Являлся председателем Чрезвычайной комиссии Грузинской ССР. Участник объединенной оппозиции 1926 – 1927 гг. Исключен из партии в конце 1927 г. и затем сослан. Умер в ссылке от туберкулеза.

1215
Кавтарадзе Сергей Иванович (1885 – 1971) – участник революционного движения в России, член Социал демократической партии с 1903 г. В 1922 – 1924 гг. председатель Совнаркома Грузии. В 1924 – 1928 гг. первый заместитель прокурора Верховного суда СССР. Участник объединенной оппозиции 1926 – 1927 гг. В конце 1927 г. исключен из ВКП(б) и вскоре после этого сослан. В 1932 г. после покаянного заявления возвращен из ссылки, но вскоре арестован. В 1940 г. освобожден (причины и обстоятельства освобождения не ясны). В 1943 – 1945 гг. Кавтарадзе являлся заместителем наркома иностранных дел СССР, в 1945 – 1952 гг. послом в Румынии, затем работал в центральном аппарате МИД СССР.

1216
Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 299 – 300.

1217
Орахелашвили Иван Дмитриевич (1881 – 1937) – социал демократ с 1903 г., большевик. По профессии врач. Участник революции 1905 – 1907 гг. в Петербурге. В 1921 – 1925 гг. – заместитель председателя Совнаркома РСФСР (СССР). В 1926 – 1929 гг. – первый секретарь Закавказского крайкома ВКП(б). Затем недолгое время – председатель Совнаркома Закавказской Федерации. В 1932 г. переведен в Москву, работал заместителем директора Института Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б). В 1937 г. выслан в Астрахань и там арестован. Расстрелян без суда.

1218
Яковлев Е. Последний инцидент. Конспект драмы Владимира Ильича // Московские новости. 1989. 22 января. № 4. С. 8 – 9.

1219
Еще 1 сентября, после беседы Ленина с секретарем ЦК КП(б) Украины Д.З. Мануильским, последний написал на имя Сталина рапорт, где не только поддерживал сталинский проект, но и давал теоретические обоснования правильности идеи автономии.

1220
Ленин В.И. ПСС. Т. 54. С. 323.

1221
Правда. 1988. 26 февраля. № 57.

1222
Фрумкин Моисей Ильич (1878 – 1938) – социал демократ с 1898 г. С 1903 г. – большевик. Непосредственно после Октябрьского переворота 1917 г. был на партийной и административной работе в Сибири. В 1918 – 1922 гг. – член коллегии Наркомата продовольствия, затем заместитель наркома. В 1922 – 1929 гг. –

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.o
заместитель наркома внешней торговли, позже – заместитель наркома финансов. В
1928 – 1930 гг. совместно с Бухариным и Рыковым выступал за умеренную политику в
деревне, против раскулачивания. Фрумкин обратился с двумя письмами в ЦК ВКП(б).
В них содержались доказательства неизбежной деградации сельского хозяйства при
сохранении существовавшей политики в деревне. Фрумкин писал, что основная часть
деревни настроена против большевиков, что партия не должна мешать расширению
производства в кулацких хозяйствах, хотя ей следует одновременно бороться против
кабальной эксплуатации бедняков кулаками. Он был обвинен в правом уклоне, но
сохранил ответственные посты. В 1932 – 1933 гг. являлся заместителем наркома
внешней торговли. Затем некоторое время занимал низовые хозяйственные должности.
Арестован во время Большого террора и расстрелян без суда.

1223

Правда. 1988. 26 февраля. № 57.

1224

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 693. Л. 78.

1225

The Trotsky\'s Papers. Vol. 2. P. 786, 788.

1226

Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 338 – 339.

1227

Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М.:
Госполитиздат, 1957. Т. 1. 1917 – 1928 годы. С. 350 – 351.

1228

Правда. 1988. 26 февраля. № 57.

1229

Купецкая Л., Маштакова К. Встреча с Лениным (по материалам музея «Кабинет и
квартира В.И. Ленина в Кремле»). М.: Советская Россия, 1987. С. 259 – 260.

1230

Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 710.

1231

Яковлев Е. Последний инцидент; Ленин В.И. ПСС. Т. 54. С. 327. Примеч.

1232

Правда. 1988. 26 февраля. № 57.

1233

The Trotsky\'s Papers. Vol. 2. P. 788.

1234

Артюхина Александра Васильевна (1889 – 1969) – участница социал демократического
движения с 1910 г., большевик. В 1912 – 1914 гг. член правления профсоюза
металлистов. В 1914 г. арестована и сослана. После февральской революции 1917 г.
вернулась из ссылки. В 1917 – 1920 гг. член Вышневолоцкого комитета РКП(б),
уездный комиссар труда и заведующая женским отделом Тверского губкома РКП(б). В
1923 – 1924 гг. председатель фабзавкома комбината «Пролетарка». С 1924 г.
работала в аппарате ЦК партии: заместителем заведующего, а затем заведующим
отделом по работе среди женщин. В 1924 – 1931 гг. редактор журнала «Работница».
В 1926 – 1930 гг. член Оргбюро ЦК и кандидат в члены Секретариата ЦК ВКП(б). В
дальнейшем на хозяйственной и административной работе. С 1951 г. на пенсии.

1235

См.: Коммунист. 1989. № 5.

1236

Из архива Бека.

1237

Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 130 – 131.

1238

Там же. № 12. С. 198.

1239

Из архива Бека.

1240

Из архива Бека.

1241

Там же.

1242

«Он лежал в своей комнате на кровати. Около него был приспособлен небольшой
столик, за который я садилась записывать. Владимир Ильич обычно просто, по
товарищески, приветливо здоровался, протягивая левую руку, и только беспокоился,
не слишком ли часто я дежурю, почему я такая бледная», – вспоминала Володичева
(Правда. 1988. 25 марта. № 85). Бледная Володичева была от страха перед
Сталиным.

1243

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.

Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 343.

1244

В книге историка Ю. Буранова приведены фотокопии рукописного и печатного текстов, неопровержимо доказывающие, что текст Ленина был, таким образом, грубо сфальсифицирован по требованию Сталина и других членов Политбюро, приехавших к Ленину 24 декабря (Buranov Yu. Lenin's Will. Falsified and Forbidden. From the Secret Archives of the Former Soviet Union. Amherst, N.Y.: Prometheus Books. 1994. P. 26 – 27, 205 – 206, 211 – 213).

1245

Ленин, скорее всего, имел в виду профсоюзную дискуссию. По вопросу о НКПС Троцкий с ЦК борьбы не вел.

1246

Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 343 – 345.

1247

Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 343 – 406.

1248

Там же. С. 349.

1249

Там же. С. 356 – 362.

1250

Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 346.

1251

В том же интервью дано несколько иное уточнение: «Я позвонила Лидии Александровне: «Владимир Ильич продиктовал важный политический документ. Я думаю, надо сообщить ЦК. Может быть, Сталину». И Лидия Александровна ответила: «Да, отнесите ему» (из архива Бека).

1252

Мехлис Лев Захарович (1889 – 1953) – в 1907 – 1910 гг. член еврейской рабочей сионистской партии Поалей Цион. С 1911 г. служил рядовым солдатом, а затем сержантом в русской армии. С 1918 г. большевик. До 1920 г. занимал военно-политические должности в Красной армии. В 1921 – 1922 гг. работал в Наркомате рабоче-крестьянской инспекции под непосредственным руководством Сталина. В 1922 – 1926 гг. являлся фактическим личным секретарем Сталина. В 1926 – 1930 гг. учился на курсах при Коммунистической академии, а затем в Институте красной профессуры. С 1930 г. заведовал отделом печати ЦК ВКП(б) и одновременно являлся членом редколлегии, а затем главным редактором газеты «Правда». В 1937 – 1940 гг. начальник Главного политического управления Красной армии, в 1940 – 1941 гг. нарком Госконтроля. Во время советско-германской войны был представителем Ставки Верховного главнокомандующего и членом военных советов ряда фронтов. Отличался некомпетентным вмешательством в военные дела, которые приводили к неудачам и огромным потерям. Писал доносы Сталину на военачальников. В 1946 – 1950 гг. министр Госконтроля СССР.

1253

Сырцов Сергей Иванович (1893 – 1937) – социал демократ с 1913 г., большевик. В 1917 – 1929 гг. занимал различные ответственные посты в партийном аппарате различных районов страны. С 1926 г. был первым секретарем Западно-Сибирского крайкома ВКП(б). Выступал за относительно умеренный курс в аграрном вопросе, за что подвергся ожесточенным нападениям Сталина во время его поездки в Сибирь в январе 1928 г. В 1929 – 1930 гг. председатель Совнаркома РСФСР и кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б). Под руководством Сырцова образовалась группа партийных и советских работников, выступавших против насильственной коллективизации, неоправданно высоких темпов капитального строительства, усиления бюрократизма. Группа Сырцова поддерживала связь с другой группой, возникшей вокруг секретаря Закавказского крайкома ВКП(б) В.В. Ломинадзе. Обе группы высказывались за ликвидацию поста генерального секретаря ЦК ВКП(б). В октябре 1930 г. группа Сырцова была раскрыта после получения Сталиным доносов секретаря партячейки отделения литературы Института красной профессуры Б.Г. Резникова, на основании которых Сталин сделал вывод, что Сырцов и Ломинадзе пытались организовать против него заговор. Большинство членов группы Сырцова были исключены из партии, некоторые арестованы. Сам Сырцов был обвинен в организации право левацкого блока и исключен из ЦК ВКП(б). В следующие годы занимал низовые хозяйственные должности и подвергался арестам. Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

1254

Бажанов Борис Георгиевич (1900 – 1982) – член РКП(б) с 1919 г. С 1922 г. сотрудник административного отдела ЦК РКП(б). С 1923 г. технический секретарь Оргбюро ЦК. С августа 1923 г. личный секретарь И.В. Сталина. В 1926 – 1928 гг. являлся редактором «финансовой газеты». В 1928 г. бежал за границу. Стал широко

- в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo. известен благодаря своей книге «Воспоминания бывшего секретаря Сталина», вышедшей во многих странах.
1255
Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 591 – 592.
1256
Там же. С. 710.
1257
Воспоминания о Ленине. Апрель 1938 года / Публ. А.И. Маршака // Спутник. 1990. Апрель. № 4. С. 50. Воспоминания Марии Макаровны Петрашевой, медсестры. Из архива С. Маршака.
1258
Крупская Н.К. О Ленине: Сборник статей и выступлений. 5 е изд. М.: Изд во политической литературы, 1983. С. 84 – 85.
1259
Из архива Бека; Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 474.
1260
Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923 – 1927: в 4 т. / Ред. сост. Ю. Фельштинский. М.: Терра, 1990. Т. 1. С. 76 – 77.
1261
Из архива Бека.
1262
Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 478.
1263
См. предисловие В. Логинова к публикации «Из архива Бека» (Политическое самообразование. 1988. № 8).
1264
Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 479.
1265
Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 485.
1266
Яковлев Е. Последний инцидент.
1267
Сольц Арон Александрович (1872 – 1945) – социал демократ с 1898 г. с 1903 г. большевик. В 1917 г. был членом редколлегии газеты «Правда». С 1921 г. член Верховного суда РСФСР, затем СССР. Был членом Интернациональной контрольной комиссии Коминтерна. С 1935 г. – заместитель верховного прокурора, затем председатель юридической коллегии Верховного суда СССР. В кругу фанатиков большевиков Сольца часто называли «совестью партии». Фактически же он очень ловко приспосабливался ко всем политическим ситуациям, что позволило ему не только избежать репрессий, но и до определенного времени оставаться близким к партийной и советской верхушке. В годы Большого террора был одним из немногих, кто открыто стал уличать власти в фальсификации уголовных дел. В феврале 1938 г. отстранен от работы в прокуратуре и принудительно помещен в психиатрическую клинику (Сольц пытался добиться приема у Сталина, но ему отказали). Согласно одним сведениям, с 1938 по 1945 г. находился на принудительном психиатрическом лечении. По другим данным, через два месяца был выпущен из клиники, работал архивариусом в Музее народов СССР. Во время советско германской войны вместе с группой старых большевиков эвакуирован в Ташкент, позже вернулся в Москву.
1268
Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 485 – 486, 607.
1269
Фотиева Л.А. Из жизни Ленина. М.: Политиздат, 1967. С. 313 – 314.
1270
Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 714. Из записи доктора Кожевникова.
1271
Горбунов Николай Петрович (1892 – 1938) – член межрайонной социал демократической группы, большевик с 1917 г. в 1917 – 1920 гг. секретарь Совнаркома РСФСР и личный секретарь Ленина. Затем управляющий делами Совнаркома РСФСР (СССР). В 1923 – 1929 гг. – ректор Высшего технического училища имени Баумана. Позже занимал различные должности в области организации науки. С 1935 г. неприменный секретарь Академии наук СССР. Арестован и расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.
1272
Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 714. Из записи доктора Кожевникова.
1273
Так записано в «Биографической хронике В.И. Ленина». Т. 12 (М.: Политическая литература, 1982. С. 585).
1274

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.o
Дорошенко В. Ленин против Сталина. 1922 – 1923 // Звезда. 1990. Апрель. № 4.
1275
Дорошенко В. Ленин против Сталина. 1922 – 1923.
1276
Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 1. С. 29 – 32.
1277
РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 816. Л. 68 – 69.
1278
Там же. Л. 70.
1279
Ленин В.И. ПСС. Т. 54. С. 329.
1280
Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 1. С. 35.
1281
Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 1. С. 53.
1282
Ленин В.И. ПСС. Т. 54. С. 674.
1283
Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 1. С. 51.
1284
Ленин В.И. ПСС. Т. 54. С. 329 – 330.
1285
Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 486.
1286
Там же. Т. 54. С. 330.
1287
Из архива Бека; Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 486.
1288
Из архива Бека.
1289
Из архива Бека.
1290
Там же.
1291
Сталин И.В. Сочинения. Т. 16. 1946 – 1952. М., 1997. С. 252.
1292
Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 1. С. 56. Архивный подлинник хранится в:
РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Ед. хр. 790. Л. 113 (см.: Buranov Iu. Lenin\'s will. P. 75
– 79).
1293
Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 1. С. 19.
1294
Там же. С. 14 – 15.
1295
Там же. С. 9 – 15, 23 – 25.
1296
Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 1. С. 19 – 20.
1297
Там же. С. 25, 29 – 32.
1298
РГАСПИ. Ф. 50. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 33.
1299
Двенадцатый съезд РКП(б). С. 812.
1300
Двенадцатый съезд РКП(б). С. 814 – 815.
1301
Там же. С. 816 – 817.
1302
Двенадцатый съезд РКП(б). С. 816 – 819.
1303
Двенадцатый съезд РКП(б). С. 816 – 820.
1304
Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 1. С. 35 – 51.
1305
Двенадцатый съезд РКП(б). С. 817.
1306
Там же. С. 873.
1307

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffo.
Двенадцатый съезд РКП(б). С. 820.
1308
Ленин В.И. ПСС. Т. 49. С. 332.
1309
Валентинов Н.В. Наследники Ленина. Benson, Vermont: Chalidze Publications, 1990.
С. 11.
1310
Правда. 1923. 14 марта; Радек К. Портреты и памфлеты. М.; Л.: Госиздат, 1927. С.
29 – 34.
1311
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 227 – 228.
1312
Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 1. С. 54.
1313
РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 34. Л. 19; Buranov Iu. Lenin\'s will. P. 68 – 69.
1314
Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 1. С. 54 – 55.
1315
Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 1. С. 55.
1316
Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 162.
1317
Buranov Iu. Lenin\'s will. P. 72.
1318
Ibid. P. 6.
1319
Ibid. P. 19, 25.
1320
Двенадцатый съезд РКП(б). С. 90, 95, 97, 531, 533, 538, 543, 548 – 549 и др.
1321
Там же. С. 198 – 199.
1322
Там же. С. 309 – 352.
1323
И.Т. Смилга говорил, например, что Троцкий «с обычным для него блеском поставил
перед съездом все основные вопросы, волнующие в настоящее время промышленность»
(двенадцатый съезд РКП(б). С. 353).
1324
Там же. С. 398 – 417.
1325
Двенадцатый съезд РКП(б). С. 447.
1326
Там же. С. 418.
1327
Там же. С. 634 – 635.
1328
Двенадцатый съезд РКП(б). С. 482.
1329
Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 1. С. 51.
1330
Правда. 1923. 19 апреля.
1331
Двенадцатый съезд РКП(б). С. 662.
1332
Н.К. Крупская – Г.Е. Зиновьеву. 31 октября 1923 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. №
2. С. 201 – 202. Речь идет о конфликте между Троцким и его противниками на
Объединенном пленуме ЦК и ЦКК РКП(б) 25 – 27 октября 1923 г. Стенограмма этого
пленума не обнаружена.
1333
Там же. С. 202.
1334
Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 1. С. 89.
1335
Троцкий Л. Портреты революционеров. Статья «Сверх Борджиа в Кремле». С. 77.
1336
См.: Валентинов Н.В. Наследники Ленина. М.: Терра, 1991. Прил. 8. С. 214.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

в Троцкий. Книга вторая. Большевик. 1917 – 1923 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.o
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!